

ПИТИРИМ СОРОКИН

ЧЕЛОВЕК ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВО

МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА

ПИТИРИМ СОРОКИН
ЧЕЛОВЕК
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВО

2
4. Avenue d'Orléans. XIV.

Мonsieur,

Vous voyez, vous en voyez plusieurs articles
de vous, deux deux, car nous nous sont plus
spéciaux, et en outre je m'empresse de
vous adresser mes meilleurs salutations et
pour cet envoi et pour la peine que vous
avez prise de m'écrire et de présenter mes
vives à vos compatriotes. Je regrette très vivement
que l'épave soit incomplète et je suis sûr que
on ne fera pas de nouvelles communications
de ses études, au moins pour l'instant. C'est
pourquoi je dois, pour l'instant, me
borner à vous remercier, mais je compte
prochainement faire appel à ces
amis pour vous en mesurer les
meux le bien à vos articles.

3
Quant à l'article de l'Université
vous ne parlez pas, j'ignore si tel article
existe ou si vous vous en êtes occupé
ou non le procureur.
Je vous prie de faire mes meilleurs salu-
tements à M. Kovalevsky et de dire pour
moi, avec mes vives salutations, l'assurance de
mon attachement et de mon respectueux
salut.
E. Markovitch

ПАСПОРТЪ

Выданъ В. Уфимской Муниципальной думой

1. Върноположеніе: *А. Раваковская*
2. Время рожденія или поименованія: *1899. Января 28 г.*
3. Родъ занятія: *учащая*
4. Состоитъ ли или состояла ли въ бракѣ: *нѣтъ*
5. Находится ли при немъ:

Проживаетъ — сего *Выгородской* губ.,
В. Уфимской уездъ, *В. Уфимской* муниципалитетъ

6. Отношеніе къ отбыванію воин-
ской повинности: *мать*
Зеленской Владимировны
№ 1910.

уволенъ изъ военныхъ городовъ и селеній Россійской Имперіи отъ назначеннаго числа
но *22* в. *Мясяца* *1919* года.
Дать, съ приложеніемъ печати, *Генерала Зеленова*
№ 1910 года *Мясяца* *двадцати* втораго дня.

7. Подпись (ладальца паспорта): *Л*
Игорь Сергеевичъ

При изданіи паспорта обобщаются все приемы:
Ростъ:
Цѣль зубовъ:
Особыя примѣты:
Мать думала М. Николаевъ
Масленовъ Александръ

ОТРОЧЕНА.
Выдана _____)
Длительность сего паспорта отсрочена _____, т.-е. до _____ года.
№ _____)
4) На случай отсрочки платежа уполномоченъ, исключенъ
5) Купюра вступаетъ въ силу съ _____ года.

БЕСПЛАТНО.

Россійская Федеративная
Советская Республика
Народный Комиссаратъ по Просвѣщенію
РЕКТОР
Второго Государственнаго
Университета.

УДОСТОВЕРЕНІЕ.

21 января 1919 г.
№ *11*.

Дано сие Пятиріку Александрѣ
вичу СОРОКИНУ в том, что он со-
стоитъ преподавателемъ по кафедре
соціологии Общеобразовательнаго
факультета II Петроградскаго Го-
сударственнаго Университета при
Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Ректор
Профессор: *М. Мещеряковъ*
Секретарь Совета: *С. Заринъ*

МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА

МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА

РЕДКОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ:

акад. Т. И. Ойзерман
(председатель),

д-р филос. наук
П. П. Гайденко,

канд. филос. наук
Л. И. Греков,

д-р филос. наук
А. Ф. Зотов,

канд. филос. наук
Э. Ю. Соловьев,

канд. филос. наук
А. П. Огурцов,

канд. филос. наук
В. П. Филатов,

канд. филос. наук
А. А. Яковлев

ПИТИРИМ СОРОКИН
ЧЕЛОВЕК
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1992

ББК 60.55
С 65

Общая редакция, составление и предисловие
канд. истор. наук *А. Ю. Согомонова*

Редактор
канд. филос. наук *И. И. Жиброва*

Сорокин П. А.
С 65 **Человек. Цивилизация. Общество /** Общ. ред., сост.
и предисл. *А. Ю. Согомонов*: Пер. с англ. — М.: По-
литиздат, 1992. — 543 с.
ISBN 5—250—01297—3

В сборнике впервые осуществлена попытка дать целостное представление о творчестве одного из основоположников русской и американской социологических школ — Питирима Александровича Сорокина (1889—1968). В издание включены сочинения по культурологии, социально-политической, социологической и философской проблематике, написанные в России, а также переводы наиболее известных работ, отражающих почти полувековой период его исследований в США.

Адресуется всем интересующимся историей, философией и социальной мыслью XX века.

С 0301030000—133 35—91
079 (02)—92

ББК 60.55

© Составление, предисловие, примечание
А. Ю. Согомонов, 1992

© Перевод с англ. *С. А. Сидоренко*,
А. Ю. Согомонов, 1992

ISBN 5—250—01297—3

СУДЬБЫ И ПРОРОЧЕСТВА ПИТИРИМА СОРОКИНА

В 1969 году на гребне антиправительственной волны в Сан-Франциско состоялось годовичное собрание Американской социологической ассоциации. На сей раз оно происходило не в степенном конференц-зале отеля "Хилтон", а в небольшой близлежащей церквушке, переоборудованной радикально настроенными студентами Берклийского университета в зал заседаний для проведения собрания в память почившего более года тому назад Питирима Александровича Сорокина. В 60-е годы Сорокин обрел ореол неистового борца с истеблишментом, открыто выступал против вьетнамской войны, высказывался против злоупотреблений позитивизма в социальных науках. Сотни людей, собравшиеся тогда в зале, в том числе и "калифорнийские бунтари", носили нагрудный знак "Сорокин жив!". И, видимо, не случайно.

Значимость фигуры Сорокина, как это ни парадоксально, все еще не оценена в полной мере ни в американской, ни тем более в отечественной социологии. Американцы безусловно относят его к числу отцов-основателей американской социологии, хотя и оставляют за ним лишь роль "заокеанского наставника", "страстного русского оратора". Его имя и сейчас всегда упоминается с искренним пиететом, однако мало кто из современных зарубежных социологов вспоминает о нем как о фигуре, о которой стоит говорить всерьез. На исторической же родине имя ученого долгое время попросту запрещалось произносить вслух. И все же никто не станет отрицать то громадное воздействие, которое оказал Сорокин на развитие современной мысли не только в социологической науке, но и далеко за ее пределами.

В небольшом очерке, посвященном судьбе и идеям ученого, вряд ли удастся обстоятельно осветить все стороны его многогранного творческого "Я", а тем более рассказать о его полной драматизма жизни. В этом смысле настоящее повествование не следует строго оценивать ни с точки зрения биографической полноты, ни с точки зрения тщательного, до педантизма, к стати весьма присущего самому Сорокину, анализа его основных теорий.

Долгое путешествие

Родился Питирым Александрович Сорокин 21 января 1889 года в селе Турья, Яренского уезда, Вологодской губернии. Питиримом его окрестили в честь епископа Питирима, одного из местных святых, чей праздник по церковному календарю приходится на январь¹.

¹ Точную дату рождения Сорокина установить, по-видимому, уже не удастся. В одних документах указано 20 января, в других — 23. Сам Сорокин настойчиво указывал 21 января. Об этом, как, впрочем, и о других деталях его отроческой и юношеской биографии, см. в обстоятельном очерке: *Литский А. В., Кротов П. П.* Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 120.

Отец — Александр Прокопьевич Сорокин — был ремесленником и занимался церковно-реставрационными работами. Сам он был устюжанином, где, собственно, и обучался чеканному ремеслу в одной из великоустюжских гильдий, но в поисках заработка переселился на землю Коми. Мать — Пелагея Васильевна — зырянка крестьянского рода, умерла приблизительно через пять лет после рождения Питирима, который был средним мальчиком в семье. Вместе со старшим братом Василием он обучался у отца ремеслу. Сызмальства работая с отцом в храмах, братья вели бродячий образ жизни. По свидетельству Сорокина, отец много пил, а приступы запоя у него часто заканчивались белой горячкой¹. В конце концов в 1899 году братья ушли от отца и продолжили путь бродячих мастеровых, но уже самостоятельно и, судя по всему, весьма успешно.

Азы грамотности Сорокин получил в "зырянском" детстве, когда вместе с крестьянской детворой обучался чтению, письму и счету на дому у одной из жительниц деревни, где проживала его тетка, забравшая к себе братьев после смерти их матери. В 1902 году Сорокин порывает с бродяжничеством и поступает в Гамскую двухклассную школу, готовящую сельские и деревенские учительские кадры. В 1904 году, закончив школу с отличием, Сорокин по рекомендации поступает в Хреновскую церковно-учительскую школу, что находилась в Костромской губернии. Очевидно, именно в это время им был сделан окончательный жизненный выбор в пользу учения.

Однако учеба в статусно более высокой трехклассной школе привела Сорокина на стезю революции. Позже, вспоминая об этом времени, он напишет: "Кроме учителей и студентов здесь я познакомился с кучей народа: крестьяне, рабочие, чиновники, служители культа, официальные лица, доктора, писатели, юристы, предприниматели, лидеры местных кооперативов и представители разных политических течений — эсеры, социал-демократы (большевики и меньшевики), монархисты, анархисты, либералы и консерваторы всех мастей. Благодаря контакту с этими людьми я узнал много новых идей, познал новые ценности и стал разбираться в социальных условиях. Новое окружение, новые знакомства, но главным образом мое интенсивное чтение доселе неизвестных мне книг, журналов и газет расширили и углубили мой кругозор. Мои новые идеи были вдобавок одобрены русско-японской войной и бурлящим штормом, вылившимся в революцию 1905 года. Совокупный эффект всех этих сил оказался столь могущественным, что в течение двух лет пребывания в школе большинство моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных убеждений были подвергнуты пересмотру. Моя религиозность сменилась полурелигиозным отказом от теологии и ритуалов русской православной церкви. Принудительные посещения церкви, навязываемые школой, лишь стимулировали этот протест. Все мое предшествующее мировоззрение и ценности были заменены на "научно-эволюционную теорию" и "естественнонаучную философию". Былая лояльность к царскому режиму и "капиталистической" экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами, а политическая индифферентность открыла путь к революционному рвению. Я стал энтузиастом-проповедником антицаристской революции и лидером социалистов-революционеров в школе и прилегающих регионах. В противоположность социал-демократам эсеры претендовали за роль партии вступившихся

¹ Sorokin P. A. Long Journey. New Haven, 1963. P. 19.

классов — крестьян, рабочих и интеллигенции. В отличие от марксистского материализма и экономической интерпретации человека и истории философия и социология эсеров были в большей степени интегральными и идеалистическими. Они особо подчеркивали роль творческих идей, волеизъявления, "борьбы за индивидуальность" против "борьбы за существование", значимость неэкономических факторов, детерминирующих социальные процессы и человеческое поведение. Все мое предыдущее мироощущение соответствовало скорее этой идеологии, чем "пролетарской", "материалистической", "экономической" идеологии марксистов-социал-демократов. Этой близостью и объясняется мой выбор в пользу эсеровской, а не социал-демократической партии и, собственно, почему на протяжении всей последующей жизни я так и не был "заражен" марксистской идеологией"¹.

Уже на рождество 1906 года Сорокин был впервые арестован за свою нелегальную деятельность и помещен в тюрьму в городе Кинешме.

Судя по его описаниям, тюремный быт оказался не столь "ужасающим и болезненным", даже более того, располагающим к интенсивным интеллектуальным занятиям. Общение заключенных с внешним миром было вполне доступным, а времени для тщательного знакомства с трудами классиков революционной (П. Лавров, Н. Михайловский, В. Чернов, К. Маркс, В. Ленин, Г. Плеханов и др.) и социально-философской мысли (Л. Толстой, Ч. Дарвин, Г. Спенсер, О. Конт и др.) было предостаточно.

Пройдя тюремные "университеты", освобожденный в 1907 г. Сорокин некоторое время продолжал свою революционную активность, но, видимо, в какой-то момент осознав, что политика препятствует дальнейшему образованию, Сорокин отправляется в Санкт-Петербург. И на сей раз, судя по его воспоминаниям, не обошлось без романтизированного авантюризма. Имея с собой денег лишь на полдороги от Вологды до столицы империи, Сорокин принимает решение отправиться классом "заяц". Пойманный безбилетник честно раскаялся, поведав проводнику о своих намерениях найти в Санкт-Петербурге работу и продолжить образование. К счастью для Сорокина, авантюра закончилась удачно: за чистку туалетов и вагонов "зайцу" было дозволено продолжить свой путь².

В Санкт-Петербурге ему достаточно быстро удается найти работу репетитора. Значительно расширяется круг его знакомств. Сдав экзамены в гимназии экстерном (в Великом Устюге), Сорокин в 1909 году поступает в столичный психоневрологический институт. Незадолго до этого в нем по приглашению В. М. Бехтерева открыли кафедру социологии два всемирно известных тогда ученых — Е. В. Де-Роберти и М. М. Ковалевский. Оба оказали громадное влияние на формирование творческой индивидуальности ученого. С ними он поддерживал тесные отношения, а какое-то время даже являлся личным секретарем Ковалевского. Через год Сорокин переводится на юридический факультет университета, где обучается при непосредственном участии выдающегося русского правоведа начала века Л. И. Петражицкого. Многими годами позже, уже будучи американским профессором, Сорокин сделает очень много для популяризации идей Петражицкого в англоязычной аудитории.

¹ Sorokin P. A. Long Journey. P. 43—44.

² Ibid. P. 56.

В бытность студентом университета Сорокин начинает активную публикаторскую деятельность, которая нарастающими темпами будет продолжаться в течение всей его долгой жизни. В этот период Сорокин публикует ряд заметок и эссе, не говоря уж о многочисленных рецензиях, рефератах и обзорах современной зарубежной философской и социологической литературы, занимается популяризаторством социологических идей и теорий для массового читателя. Он успешно сотрудничает с журналами "Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма", "Вестник Знания", "Запросы Жизни", "Заветы". Его статьи появляются и на страницах новаторского по тем временам издания "Новые идеи в социологии", публикует в Риге ряд "пятикопеечных" брошюр по социологии. Главным достижением этого периода творчества Сорокина становится его монографическая работа, над которой он работает зимой 1912 /13 года, "Преступление и кара, подвиг и награда" (1914), представляющая собой обстоятельный разбор современных криминологических теорий и вполне удачную для двадцатичетырехлетнего ученого попытку построения на основе богатого эмпирического материала собственной интегральной концепции общественного поведения и морали. Труд был отмечен положительными рецензиями маститых ученых, а сам М. М. Ковалевский в предисловии к книге написал: "...в этой будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора "Преступлений и кар, подвигов и наград"¹. К сожалению, пророчеству Ковалевского довелось осуществиться лишь на самую малую толику, но тогда, в предвоенные и предреволюционные годы, кроме "незримой" тени жандармов, ничто не предвещало великой трагедии.

Несмотря на многочасовые занятия научной деятельностью, неутомимый студент Сорокин не отходит и от политики. В 1911 году ему чудом удалось избежать очередного ареста после студенческих беспорядков, вызванных смертью Л. Н. Толстого. Некоторое время он скрывался за границей. Но вот в следующий раз чуда не свершилось, и Сорокин вновь оказался за решеткой.

Вообще, судя по архивным материалам, столичное отделение департамента полиции вело за ним скрытое наблюдение. В 1912 году в жандармской картотеке на него завели отдельную карточку. В самом начале 1913 года столичной группой партии эсеров было решено распространить прокламацию по случаю празднования 300-летия Дома Романовых 21 февраля 1913 года с призывом выразить протест против празднования однодневной забастовкой всех торгово-промышленных предприятий и высших учебных заведений столицы. Об этом стало известно отделению по охране общественной безопасности и порядка, и 10 февраля был проведен обыск и арест наиболее деятельных членов партии. В их число был зачислен и студент П. Сорокин. Через несколько дней после заключения в Спасскую часть ему было разрешено написать письмо М. М. Ковалевскому, однако до адресата оно не дошло, было перехвачено и "подшито к делу". Чудом этот любопытный документ — "исповедь" молодого Сорокина — сохранился. В нем автор сперва сокрушается по поводу того, что он не может выполнять свои обязанности секретаря члена Государственного совета профессора Ковалевского в связи с арестом ночью 11 февраля. На допросе "прояснилось", что его обвиняют в принадлежности к левой эсеровской организации. Как это случилось, лукавит Сорокин, для него самого "было абсолютной

¹ Ковалевский М. М. Предисловие // Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Спб., 1914. С. VII.

неожиданностью". В частности, он пишет: "Я сидел себе над книгами, читал много докладов в ряде научных кружков, писал статьи, написал за зиму книгу о карах и наградах, которую Вы знаете... Право же, при таких обстоятельствах, я думаю, мудро еще заниматься политикой. Впрочем, Вы это сами знаете... Ни книг, ни пособий здесь нет и не дают. Бумаг и чернил — тоже. Света так мало, что я при своей близорукости боюсь ослепнуть. Одним словом — скверно... Может быть, Вы, дорогой профессор, зная достаточно хорошо меня и мое отношение к "политике", поможете как-нибудь выяснить это печальное недоразумение..." Ковалевскому все же как-то удалось прознать о печальной судьбе своего секретаря, и по его прошению 24 февраля Сорокин "из-под стражи" был освобожден.

Через год Сорокин, закончив университет, был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. В 1915 году он сдал магистерские экзамены, в январе 1917 года получил звание приват-доцента Петроградского университета. Революция, правда, помешала защите магистерской диссертации. В годы первой мировой войны Сорокин много работал, продолжал активно публиковаться, читал многочисленные лекционные курсы по самым разным отраслям обществознания. Сохранилась, по счастью, целая кипа разрозненных листов с конспектами его лекций и семинарских занятий, со списками рекомендуемой литературы. Судя по всему, лектором он был предельно обстоятельным, хотя, возможно, в силу удивительной склонности к перманентным повторениям, довольно занудным. Одну из лекций этого времени, неизвестную пока никому, кроме, конечно, его тогдашних слушателей, мы целиком воспроизводим в этом томе.

Вообще же в предреволюционные годы Сорокин был активен на поприще популяризаторства. С особым упорством он стремился донести до читателя мысли Э. Дюркгейма, идеи которого, можно сказать, проходят рефреном через основную массу его работ. Воистину Дюркгейма, наряду с Петражицким, Ковалевским и Де-Роберти, мы вправе считать одним из главных "духовников" Сорокина. Он был близок ему по образу мышления, и по методу анализа социальных явлений, по яркости и самобытности выдвигаемых идей. Дюркгеймовской теории религии он посвятил две статьи, опубликованные в 1914 году. По всей вероятности, по протекции М. М. Ковалевского, хорошо знакомого с именитым французским маэстро, Сорокин вступает с ним в переписку. Трудно сказать, насколько она была активной, особенно в период первой мировой войны. Случайно сохранилось лишь письмо Дюркгейма к Сорокину, в котором он благодарит начинающего ученого "за труд, который Вы (Сорокин. — А. С.) взяли на себя, чтобы изучить и осветить мои идеи Вашим соотечественникам" и сожалеет, "что полное незнание русского языка препятствует моему ознакомлению с Вашими работами, по крайней мере в настоящий момент".

Сам Сорокин о своем раннем мировоззрении и стремлении интегрировать гуманитарное знание своего времени в единую унифицированную систему многими годами позже напишет: "С точки зрения философии складывающаяся система была скорее разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основанного на логических и эмпирио-научных методах. Социологически — разновидностью синтеза конто-спенсеровской социологии эволюции и прогресса, дополненной и скорректированной теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де-Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина (среди русских социальных мыслителей) и теориями Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штам-

млера, К. Маркса, В. Парето и других западных обществоведов. Политически — видом социальной идеологии, основанной на этике солидарности, взаимовыручки и свободы”¹. В целом же “зрелый” Сорокин не без доли скепсиса оценивал свой юношеский оптимизм, сравнивая себя с “телком, смотрящим на мир через розовые очки”.

В 1916 году Сорокин лишился своего патрона — умер Максим Максимович Ковалевский. Пользуясь правом приближенного лица, буквально на следующий день в газетах Сорокин дает несколько прощальных некрологов, а позже публикует в столичной прессе ряд статей мемуарного характера. В них он рассказывает о научном пути ученого и его преподавательском даре. В том же 1916 году преподаватели кафедры социологии психоневрологического института во главе с Сорокиным и К. М. Тахтаревым организовали русское “Социологическое общество имени М. М. Ковалевского”, послужившее в дальнейшем фундаментом для открытия в 1919 году кафедры социологии Петроградского университета.

Февральская революция застала Сорокина “посреди дел”. “Отложив книги и рукописи”, заново “проснувшийся” неутомимый политик с головой уходит в круговорот революционных событий. Жизнь всей страны (естественно, глазами Сорокина) и крутые выражи его собственной биографии в течение 1917 года красочно описаны им в “Листках из русского дневника” и включены позднее целиком в “Долгое путешествие”. Поскольку отрывок из книги воспроизводится в настоящем издании, то мы не будем подробно останавливаться на этом, наиболее насыщенном событиями, этапе жизни Сорокина. Отметим лишь, что Сорокин принимал самое активное участие в функционировании Государственной думы, Временного правительства, в подготовке Всероссийского крестьянского съезда, он редактировал эсеровские газеты “Дело народа” и “Воля народа”. Некоторое время являлся личным секретарем А. Ф. Керенского. Лишь за один только 1917 год им была написана целая серия социально-политических памфлетов, многие из которых, как представляется, не потеряли своего значения и сегодня. Среди них: “Автономия национальностей и единство государства”, “Формы правления”, “Проблема социального равенства”, “Основы будущего мира”, “Причины войны и путь к миру”, “Что такое монархия и что такое республика?”, “Сущность социализма”, “Кому и как выбирать в Учредительное собрание?”

2 января 1918 года депутат печально знаменитого Учредительного собрания Питирим Сорокин был вновь арестован, но на сей раз большевистским правительством. Само существование в период “красного террора” для Сорокина, встретившего Октябрьскую революцию в штывы, было полно ужаса и трагизма. “Жизнь в смерти” — так Сорокин назвал этот период своей биографии. Некоторое время он вынужден был скрываться от властей, но вскоре понял, что новая, пусть и неугодная, власть крепка, а старые утопии недееспособны. Тогда-то Сорокин и пишет открытое и нахуемившее письмо, опубликованное в ряде центральных газет, где констатирует фиаско эсеровской программы и заявляет о своем разрыве с этой партией и выходе из нее. На этом “человеческом документе” заострил внимание В. И. Ленин, написав известную статью “Ценные признания Питирима Сорокина”², послужившую в дальнейшем фундаментом не только политической, но и интеллектуальной блокады ученого.

¹ Sorokin P. A. Long Journey. P. 75.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

"Покончив" с политикой, в атмосфере послевоенной либерализации Сорокин сосредотачивается целиком на научной и преподавательской деятельности. В конце 1918 года он уже состоит на службе в I Петроградском университете, а со следующего — во II при психоневрологическом институте. Известно, что одновременно он читал лекции в сельскохозяйственном институте, институте народного хозяйства, на всевозможных курсах, ликбезах и т. п. Словом, активно сотрудничал с Наркоматом просвещения и даже принимал участие в учебно-научных экспедициях. Сорокин предлагал конституирование новой дисциплины — родоисследования, — призванной синтезировать совокупные знания разных естественных и гуманитарных наук. В 1920 году Сорокин избирается руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета. Тогда же он пишет массовые, "популярные" учебники по праву и социологии и, наконец, публикует двухтомную "Систему социологии" (1920), ставшую венцом его творчества русского периода. В том же году он становится профессором кафедр социологии Петроградского университета. У Сорокина созревает план перспективных публикаций интегрального характера, он концентрирует свое внимание на наиболее актуальных темах того времени — война, голод, революция. Однако образ мыслей первого советского профессора социологии все больше не удовлетворял власти. По меньшей мере "некорректным" признается разгромный тон его рецензии на книгу Н. И. Бухарина "Теория исторического материализма" (М., 1922). Позднее уничтожается набор его книги "Голод как фактор".

Тем временем разгораются страстные дискуссии вокруг книги Сорокина "Система социологии". 22 апреля 1922 года в здании Петроградского университета при большом стечении студентов и именитых ученых был устроен открытый диспут по поводу ее выхода в свет. На нем выступили крупнейшие обществоведы того времени, среди которых были Н. И. Кареев, К. М. Тахтарев, И. М. Гревс, И. И. Лапшин, С. И. Тхоржевский, Н. А. Градескул. Все без исключения выступавшие назвали книгу выдающимся достижением русской социологической школы. Выказанные замечания и возражения, судя по краткому стенографическому отчету, были с блеском отведены Сорокиным. Обсуждение завершилось тем, что "многочисленная публика наградила диспутанта долгими несмолкаемыми аплодисментами"¹.

Летом 1922 года прокатилась волна массовых арестов среди научной и творческой интеллигенции. В это же время Ленин остро ставит вопрос о необходимости контроля над программами и содержанием курсов по общественным наукам. "Буржуазную профессуру" стали постепенно отстранять от преподавания и тем более от руководства наукой.

10 августа, как пишет Сорокин в своих воспоминаниях, он прибыл на несколько дней из Петрограда в Москву по приглашению своего давнего друга профессора Н. И. Кондратьева, выдающегося русского экономиста. Им, однако, не привелось встретиться. В тот день более сотни крупнейших представителей творческой мысли Москвы оказались за решеткой. Среди них — Бердяев, Осоргин, Пешехонов, Ясинский, Кондратьев и др. Арестованы были и многие сотни студентов. Несколькими днями позже аналогичные аресты были произведены в Петрограде. "Посещали" работники ЧК и апартаменты профессора Питирима Софорова, но, по счастью, он в то время все еще скрывался в Москве.

¹ Диспут П. А. Сорокина // Экономист. 1922. № 4—5. С. 277—280.

”Через неделю стали широко распространяться слухи об арестах профессуры и просто ученых. Говорили, что их собираются не казнить, а просто выдворить за пределы страны. Вскоре ”Правда” опубликовала статью Троцкого, где эти сплетни подтвердились”¹. Арестованных стали постепенно отпускать домой, предварительно получив от каждого по две расписки. В одной оговаривался десятидневный срок, в течение которого преследуемого обязывали покинуть страну. Во второй фиксировалось, что если он вновь вернется в Советскую Россию без соответствующего на то разрешения властей, то будет непременно казнен. Видимо, в это время Сорокин в сложившейся обстановке ”затягивающейся петли на шее” предпочел депортацию. Отдавать себя в руки петроградской ЧК было опасно, тем более что в то время питерские газеты не раз обрушивались с нападками на Сорокина, обвиняя его во всевозможных грехах. А вот в забюрокраченной Москве все оказалось куда проще. После подписания обеих расписок судьба ученого была решена. Остальные формальности были преодолены довольно оперативно, и уже 23 сентября 1922 года тридцатитрехлетний Сорокин и его жена, Елена Петровна Баратынская, навеки покидают страну.

Такова официальная версия, поддерживаемая самим Сорокиным в бытность американским гражданином. Насколько в деталях она правдива, что осталось за кадром, а что, напротив, сильно выпячено на передний план — сейчас сказать трудно. Очевидно лишь, что, покидая родину, он испытывал неоднозначные чувства, увозил с собой далско не односторонний образ молодого государства и, видимо, сильное желание когда-нибудь вернуться назад.

Мечте вернуться не суждено было осуществиться. Сорокин умер в возрасте 79 лет вдали от родины, так ни разу и не посетив ее после своей высылки. В своем дневнике (этим он завершает ”Листки из русского дневника”) сразу же после отъезда он напишет: ”Чтобы ни приключилось в будущем, я твердо знаю, что извлек три урока... Жизнь, даже если она трудна, самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Следовать долгу столь же прекрасно, ибо жизнь становится счастливой, душа же обретает непоколебимую силу отстаивать идеалы, — вот мой второй урок. А третий — насилие, ненависть и несправедливость никогда не смогут сотворить ни умственного, ни нравственного и ни даже материального царствия на земле”².

После непродолжительного пребывания в Берлине чета Сорокиных по приглашению президента Чехословакии Б. Массарика, с которым они познакомились в Петрограде во время своего бракосочетания в апреле 1917 года, отправляется в Прагу. Там Сорокин обретает ”второе дыхание”. Он участвует в организации двух журналов (”Деревня” и ”Крестьянская Россия”), читает лекции в сельскохозяйственном институте. Со свойственной ему творческой энергией подготавливает к печати пять книг как чисто академического содержания, так и посвященные анализу текущего момента в России. Значительно поправив свое здоровье за год относительно спокойной, можно даже сказать, непривычно спокойной для него жизни в Праге, Сорокин приступает к реализации своих былых замыслов и садится за написание нового фундаментального труда — ”Социология революции”.

Но уже осенью 1923 года, приняв приглашение видных американских социологов Э. Хайэса и Э. Росса прочесть серию лекций о русской

¹ Sorokin P. A. Long Journey. P. 193.

² Sorokin P. A. Long Journey. P. 197.

революции, Сорокин навсегда перебирается с Европейского континента в Соединенные Штаты, покидая их границы лишь очень редко и то в качестве визитера. На этом заканчивается самая насыщенная событиями — радостными и неприятными, взлетами и падениями — страница его жизни, и вряд ли кто из социологов последнего столетия пережил столько, сколько выпало на долю Питирима Александровича Сорокина. Однако "долгое путешествие" еще далеко от завершения, хотя конечно же жизнь в Америке носила куда более размеренный характер, гораздо больше соответствуя образцу "нормальности" для академической карьеры. Впрочем... и здесь образцу — во многом нетипичному.

Менее года понадобилось Сорокину для культурной и языковой акклиматизации. Посещая церковь, публичные собрания, университетские лекции и много читая, Сорокин довольно быстро обрел свободный разговорный английский язык и уже летним семестром 1924 года приступил к чтению лекций в Миннесотском университете, сотрудничая при этом с университетами в Иллинойсе и Висконсине.

Первым печатным результатом становится его книга "Листки из русского дневника" (1924), описывающая и анализирующая российские события с января 1917 года по сентябрь 1922 года.

Примечательно, что с момента своего пребывания в Америке Сорокин сталкивается с глухой оппозицией со стороны академических ученых, предпочитавших тогда, по выражению Л. Коузера, видеть в нем "рассерженного политического эмигранта, злопамятного и не извлекающего никаких уроков"¹. Лишь после того как в защиту Сорокина выступили заокеанские асы — Ч. Кули, Э. Росс, Ф. Гиддингс, — предвзятость в отношении Сорокина постепенно спадает. Случайные лекционные курсы сменялись приглашениями на постоянную работу, хотя его изначальная зарплата "полного профессора" едва достигала половины принятых размеров².

При всем при этом годы, проведенные в Миннесоте, были, пожалуй, самыми продуктивными в его жизни, причем, на протяжении всей своей жизни ему "так и не удалось" испытать творческого спада, за исключением, пожалуй, самых последних лет тяжелой болезни. В 1925 году выходит в свет его "Социология революции", за ней следует не менее фундаментальная и новаторская "Социальная мобильность" (1927); через год — "Современные социологические теории" (1928); еще через год — "Основания городской и сельской социологии" (написанная в соавторстве с другом и коллегой в течение долгих лет — К. Циммерманом); и, наконец, трехтомная "Систематическая антология сельской социологии" (1930—1932). Причем все эти труды представляют собой многостраничные и увесистые фолианты, ярко свидетельствующие не только о научном, но и о культурном потенциале Сорокина, своего рода Набокова от социологии, с неменьшим талантом писавшего и на неродном языке. Хотя книги были неоднозначно встречены и оценены американским научным сообществом, но с их помощью Сорокину окончательно удается преодолеть предвзятую настроенность в отношении своей персоны и, даже более того, с "задворок" политической эмиграции передвинуться на авансцену американской социологии.

В 1930 году занавес враждебности окончательно пал. Всемирно известный Гарвардский университет учреждает социологический факультет и предлагает Сорокину возглавить его. Ранее он отклонял

¹ *Coser L. A. Masters of Sociological Thought. N. Y., 1977. P. 487.*

² *Sorokin P. A. Long Journey. P. 219.*

предложения подобного рода, но на сей раз решается занять деканское кресло, не подозревая, что ему предстоит проработать на факультете вплоть до 1959 года, то есть до ухода на пенсию в возрасте 70 лет. Гарвардский период стал самым плодотворным в жизни Сорокина и, безусловно, — самым творческим. Именно в 30—50-е годы Сорокин достигает своего акме, его труды приобретают мировую известность, а их автор благодаря им и поныне считается крупнейшим социологом нашего столетия.

Итак, судьбе было угодно распорядиться так, чтобы создатель первой кафедры социологии в советской России вновь предпринял попытку для воплощения своих творческих и дидактических замыслов. Сорокин с головой уходит в организацию нового факультета. Он приглашает К. Циммермана в качестве сопрофессора, а молодого Т. Парсонса, который ранее работал на факультете экономики, — преподавателем социологии. Среди временных лекторов факультета были и такие именитые ученые, как В. Томас, Г. Беккер и Л. фон Визе.

Профессор Гарвардского университета, по рассказам учеников, был нестандартным лектором с присущим только ему стилем преподнесения материала и манерой излагать. Он так никогда и не утратил специфического русского акцента. В тот момент, когда он восходил на кафедру и начинал говорить, многим из его слушателей мерещилось, что они скорее внимают восторженной церковной проповеди, чем учебной лекции. Один из выпускников Гарварда вспоминал: "Сценически Сорокин как лектор был бесподобен. Обладая громадной физической силой, он совершал натиски "атак" на классную доску, зачастую разламывая при этом все мелки. В одной из его аудиторий были развешаны одновременно три доски на разных стенах. К концу учебного часа все три были исчириканы его иероглифами, а клубы пыли от мела все еще парили в воздухе... Он не хвалил ни одного из американских социологов, даже скорее наоборот... Его реакция на Джорджа Ландберга в этом отношении вполне типична. Войдя как-то утром в аудиторию, он опустил перед нами на стол одну из недавно опубликованных Ландбергом работ и вымолил: "Вот — труд моего друга Ландберга на тему, в которой он, к несчастью, ничего не смыслит. Он явно нездоров. Он рожден отнюдь не для такой работы". А в другой раз он сказал мне: "Джон Дьюи, Джон Дьюи, Джон Дьюи! Ну, прочел я одну его книгу. Прочел другую. Прочел, наконец, третью. Но в них нет ничего такого!"¹.

В середине 30-х годов Сорокин слегка приоткрывает завесу своей творческой лаборатории и анонсирует новое направление своих исследований, публикуя ряд статей на темы, в общем не свойственные его предшествующему творчеству — как, например, "Путь арабского интеллектуального развития с 700 по 1300 г." (1935), "Флуктуации материализма и идеализма с 600 г. до н. э. вплоть до 1920 г." (1936). Тогда же Гарвардский университет выделяет четырехгодичный грант колоссальных по тем временам размеров в 10 тысяч долларов для осуществления сорокинских задумки. На протяжении нескольких лет по тому в год выходит главное детище социолога — "Социальная и культурная динамика" — беспрецедентный по объему и эмпирическому охвату социологический труд, превзошедший в этом смысле даже "Капитал" Маркса и "Трактат по общей социологии" В. Парето. Для завершения работ по гранту Сорокин вынужден был привлечь многих из русских ученых-эмигрантов, а также своих гарвардских учеников (среди них был и Ро-

¹ Цит. по: *Coser L. A. Masters...* P. 489.

берт Мертон) как в качестве соавторов, так и для сбора массового эмпирического материала, статистических подсчетов и технической обработки всякого рода источников и специальной литературы.

Реакция на книгу была неожиданной и, в целом, не в пользу Сорокина. В популярных американских журналах, по подсчетам А. Тиббса, из семи рецензий лишь две были неблагосклонными; в специализированной, но не социологической периодике из шести рецензий благожелательной оказалась только одна; а вот в специализированных социологических журналах из 11 рецензий шесть были амбивалентными, четыре отрицательными и лишь один отклик — положительным. В центральном органе Американской социологической ассоциации — "Американское социологическое обозрение" — рецензии Р. Макайвера и Г. Шнайера, более того, оказались резко отрицательными. Интеллектуальная изоляция Сорокина стала вновь нарастать.

Завершив титаническую работу над "Динамикой", разуверившись, видимо, в адекватности восприятия своих идей в среде академических ученых, Сорокин апеллирует к читающей Америке. Сперва появляется популярная адаптация "Динамики" для массового читателя — "Кризис нашего времени" (1941), ставшая впоследствии самой многотиражной, самой переводимой и самой читаемой книгой ученого. Через год после этого появляется не менее известная "Человек и общество в бедствии"; а несколько позднее — "СОС: значение нашего кризиса" (1951). Все больше Сорокин превращается, по меткому наблюдению Л. Коузера, в "одинокого волка" от науки. Его труды и идеи приобретают эксцентричный характер, а выступления на общественной арене становятся все более критичными.

Даже у себя на факультете, несмотря на всеобщее почитание и даже обожание, особенно со стороны студентов, его влияние на интеллектуальную атмосферу было минимальным, и это он, видимо, прекрасно осознавал. Его младший коллега по факультету, Т. Парсонс, был куда более влиятельной фигурой. По целому кругу идей их теории были довольно схожими, особенно в том, что касается оценки значимости культурных символов в детерминировании социального действия, однако им, тем не менее, так и не удалось "уладить ссору". Их отношения всегда носили оттенок "холодно-соревновательного сосуществования". Большинство сорокинских учеников, в том числе и Р. Мертон, которого он считал самым блистательным, пошли скорее в русле парсонсовской парадигмы. Путь сорокинско-парсонсовского синтеза оказался малоперспективным. И лишь самое незначительное число его учеников считали себя сорокинцами (Р. Дю Ворс, Эд. Тириақан), и то каждый — достаточно индивидуально. Словом, творцу гарвардского факультета социологии так и не удалось стать его вдохновителем и создать собственную социологическую школу в Америке.

Ригористический крен мышления Сорокина в 50-е годы еще больше усиливается. Эксцентричность и профетизм становятся главными стержнями его публичных выступлений в печати, а проповедь кризиса и альтруистической любви — центральной темой, пронизывающей почти все позднее творчество ученого. Видно это по одним только названиям ряда его книг — "Социальная философия в век кризиса" (1950), "Альтруистическая любовь" (1950), "Изыскания в области альтруистической любви и поведения" (1950), "Пути и власть любви" (1954), "Американская сексуальная революция" (1957), "Власть и нравственность" (1959).

Закономерен поэтому образ позднего Сорокина, сохранившийся в воспоминаниях современников. "Я никогда не забуду этого исхудалого старца, выпрямившегося за кафедрой ультрасовременного

зала университета в Брандис, призывающего аудиторию покончить с соблазнами и приманками нашей "чувственной" культуры, осознать всю ошибочность этого пути развития и возвратиться на тропу "идеациональной" правильности. В тот момент мне ясно почудилось, что именно так должен был бы выглядеть странствующий проповедник, вышедший из дикого леса лишь для того, чтобы наставить заблуждающуюся толпу греховодных крестьян на истинный путь Господа¹. Но нет пророков в родном отечестве, не говоря уж о пророках-чужаках.

Сорокинская изоляция, правда, никогда и не носила абсолютного характера. Она была скорее символической, как раз под стать его профетическому амплу. После выхода на пенсию он не отходит полностью от науки, но уже неизмеримо больше внимания уделяет своему саду и цветникам, с неподдельной любовью взращивая цветы возле своего дома в Винчестере (пригород Кембриджа) на улице Клифф-стрит, дом № 8. Похвале за умелое садоводство, свидетельствуют его близкие, он радовался куда больше, чем всем академическим званиям и наградам.

Но и в 60-е годы "непричесанные", с точки зрения обывателя, мысли Сорокина продолжали эпатировать публику, а в общественном мнении все сильнее укреплялся имидж "чудо-старца" со странностями. В 1960 году он публикует свое конвергенциональное кредо, эссе "Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу"², написанное в атмосфере довольно напряженных советско-американских отношений, когда каждая из сторон "не сомневалась" в абсолютной правильности своего пути развития и совершеннейшей порочности системы оппонента. Эссе начиналось со слов: "Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому ("свободное предпринимательство") типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшие десятилетия. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа"³.

Согласно логике Сорокина, мы наблюдаем два параллельных процесса — упадок капиталистической системы (разрушение свободнопредпринимательских первооснов буржуазного строя) и неспособность коммунистической системы удовлетворить жизненные потребности людей. Коммунистическую идеологию и экономическую систему он рассматривает как одну из разновидностей тоталитарных режимов. Кризисное состояние любого общества очень часто приводит к "тоталитарной конверсии, и чем сложнее критический момент, тем глубже тоталитарная трансформация". Ослабление же критической ситуации в обществе ведет

¹ *Coser L. A. Masters...* P. 492.

² *Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the USSR in the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960, № 1. P. 143—176.* Позднее в виде отдельной главы он включит эссе в свою книгу: *Sorokin P. A. The Basic Trends of Our Time. New Haven, 1964.*

³ *Sorokin P. A. Mutual Convergence...* P. 143; *The Basic...* P. 78.

к "детоталитарной реконверсии, к менее регламентированным и свободным образам жизни, и чем больше ослабевает критический момент, тем шире происходит свободная реконверсия". И если в будущем удастся избежать великих катаклизмов, то "коммунистические" и схожие с ними тоталитарные режимы неизбежно придут в упадок. Трудно не согласиться в этой связи с замечанием по этому поводу сорокинского ученика Э. Тириакиана: "Не правда ли, что Сорокин предвидел ветер перемен в современной России и в Китае?!"¹

Но речь у Сорокина идет не только о политических и экономических переменах. Фундамент конвергенции, по Сорокину, заключен в близости систем ценностей, права, образования, искусства, досуга, науки, а также во взаимном движении мысли друг к другу. И если советские философы безвозвратно далеко ушли от ортодоксальных интерпретаций человека и общества от основоположников марксизма, то в Америке философия и идеология материализма все активнее проникают в общественную и частную жизнь американцев. То же самое можно пронаблюдать и на материале науки, техники, психосоциального знания. Словом, конвергенция безусловно приведет к образованию смешанного социокультурного типа, который при заданных условиях может перерасти в "блистательный интегральный порядок в обеих державах, так же как и во всей человеческой вселенной".

В последние годы жизни Сорокин вновь разрывает круг изоляции. Его книги "Причуды и недостатки современной социологии и смежных наук" (1956) и, особенно, "Современные социологические теории" (1966) продемонстрировали весь блеск его логико-критического ума и были встречены гораздо благожелательнее. В 1964 году 75-летнего Сорокина избирают председателем Американской социологической ассоциации, что всегда считалось актом высочайшего признания заслуг ученого. Радикально настроенное студенчество записывает имя Сорокина на своих знаменах. Словом, весь мир вновь обернулся к позабытому старцу, которому все еще хватало сил для жестких атак на правительство за аморальную войну во Вьетнаме, а на академическую науку за злоупотребления позитивизмом. Последние два года были омрачены тяжелой болезнью. 11 февраля 1968 года Сорокин скончался в своем доме на Клифф-стрит в Винчестере. В том же году Американская социологическая ассоциация учредила ежегодную премию имени Сорокина за лучшую книгу по социологии.

Так на 79-м году жизни завершилось воистину "долгое путешествие" незаурядного человека, отдавшего все силы на борьбу с обскурантизмом в науке и социальным злом, не впадавшего никогда в крайности — ни огульной критики коммунистического тоталитаризма, ни социального нарциссизма западного образа жизни. Некролог, опубликованный в гарвардской университетской газете, подписанный выдающимися социологами и учениками Сорокина — Дж. Хомансом, Ф. Уайтом, Т. Парсонсом и другими, — завершился словами: "Питирим Сорокин был сложным и в чем-то парадоксальным человеком... Он тонко чувствовал конфликты времени и дал им достойное выражение. Его влияние печатным словом и преподавательской деятельностью на социальную науку и далеко за ее пределами — громадно".

Прошло уже более 20 лет со дня смерти и 100 лет со дня рождения Сорокина, и не будет никаким преувеличением на исходе XX века

¹ *Tiryakian Ed. A. Sociology's Dostoyevski: Pitirim A. Sorokin // The World and I. 1988. № 9. P. 580.*

сказать, что Питирим Александрович Сорокин — самая выдающаяся фигура на социологическом небосклоне нашего столетия.

Интегральный синтез

В историко-социологической литературе традиционно принято, хотя, видимо, не вполне справедливо, разграничивать два периода творчества Сорокина — русский и американский. Конечно же, русский Сорокин и Сорокин-американец довольно не похожи друг на друга и по кругу анализируемых проблем, и по характеру использования материала, и по степени зрелости и самостоятельности создаваемых теорий. Однако очевидно, что интегральная сущность всех его работ всегда оставалась неизменной. Более того, и все его мировоззрение было пронизано интегральным синтезом и на уровне научных программ, и в политических взглядах, и даже на уровне жизненной философии. В этом смысле принципиальное отличие между ранним и поздним Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории: если он начинал довольно традиционно для социальной мысли рубежа веков, то в гарвардский период превратился в могущественного макросоциолога, рассматривающего цивилизацию в качестве атомарной единицы своего анализа.

В отечественной специальной литературе опубликованы работы, в которых довольно подробно анализируются сорокинские взгляды¹. Нашу задачу мы видим в том, чтобы дать сейчас лишь краткую выжимку эволюции его общетеоретических взглядов, основываясь главным образом на самых значительных трудах Сорокина в их логической и диахронической целостности.

Первоначально теоретико-методологические построения Сорокина и их методологическое обоснование осуществлялись им в духе неопозитивистско-бихевиористического синтеза. В своей первой книге — "Преступление и кара, подвиг и награда" — он определяет социальный феномен (сферу надорганики) как "социальную связь, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов". Иными словами, если всякое взаимодействие обладает психическим характером, то оно суть социальное явление. Однако социолог, по Сорокину, имеет дело лишь с внешней природой социального явления, то есть с символической, а посему в попытке генерализации он неизбежно приходит к утверждению трех основных форм актов — "дозволенно-должные", "рекомендуемые" (они не противоречат представлениям дозволенно-должного, но представляют собой "сверхнормальную роскошь") и "запрещенные" (или "недозволенные"). Каждая из этих форм существует в связке с соответствующей ей оппозицией — санкцией. Так, рекомендуемым актам соответствуют награды, запрещенным (преступление) — кары, а дозволенным — "должные" реакции. Словом, вся социальная жизнь виделась ему в виде нескончаемой цепной реакции акций-реакций, а их взаимодействие составляет суть исторического прогресса.

Через каких-то несколько лет эта на вид довольно наивная схема быстро "разбухает" и обретает законченно логический вид. В "Системе социологии" Сорокин формулирует принципы, от которых он не отойдет в будущем. Согласно Сорокину, теоретическая социология распадается фактически на три основных раздела: 1) социальную аналитику (социальные анатомия и морфология); 2) социальную механику (ее объект — социальные процессы); 3) социальную генетику (теория эволю-

¹ Сошлемся лишь на труды *Голосенко И. А.*: Социология Питирима Сорокина // История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979; Социология в дореволюционной России // Философские науки. 1988. № 1.

ции общественной жизни). Такое видение структуры социологического знания Сорокин почти безо всяких изменений сохранит на долгие годы. В этом смысле содержательно близкими являются его "Система социологии" и "Общества, культуры и личности" (1947). В их основе — квинт-эссенция структурного метода, а методологический базис — синтез неопозитивизма и умеренного бихевиоризма.

С этих позиций он формулирует свой исходный тезис о том, что социальное поведение основано на психофизических механизмах, а субъективные аспекты поведения суть "переменные" величины. Интегральным фактором всей социальной жизни он считал коллективный рефлекс. Эту установку ученого не трудно пронаблюдать на материале его "Социологии революции". "Все возрастающее подавление основных инстинктов населения; их базовый характер и бессилые групп, стоящих на страже порядка, — таковы три элемента адекватного описания условий революционного взрыва"¹. Иными словами, в основе любых революционных движений в обществе лежит подавление базовых инстинктов — пищеварительных, сексуальных, инстинктов собственности, самовыражения, самосохранения и многих других.

В "Системе социологии" взаимодействие Сорокин рассматривает в качестве простейшей модели социального явления. Его элементами он считал: индивидов, акты (действия) и проводники общения (они же — символы интеракции). Взаимодействующим индивидам свойственны наличие высшей нервной системы, потребности и способность реагировать на стимулы. Акты состоят из внешних раздражителей и внутренней реализации психологической жизни. Проводники — суть символы передачи реакций между субъектами интеракции (язык, письменность, музыка, искусство, деньги и т. п.). Взаимодействие может выступать как антагонистическое или солидаристическое, одностороннее или двустороннее, шаблонное или нешаблонное. Социальные же группы, по Сорокину, делятся на элементарные, кумулятивные и сложные.

Намеченный в "Системе" синтез получает свое развитие в "Социальной мобильности", которая, по единодушному мнению специалистов, считается классическим для западной социологии трудом по проблемам стратификации и мобильности. Но книга особенно "интересна благодаря теоретическому различию, проводимому между горизонтальной и вертикальной мобильностью, и глубокому анализу основных средств и каналов, при помощи которых индивидуумы могут достигнуть вертикальной мобильности"².

Согласно Сорокину, социальная мобильность есть естественное и нормальное состояние общества. Она подразумевает не только социальные перемещения индивидов, групп, но и социальных объектов (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано в процессе человеческой деятельности. Горизонтальная мобильность предполагает переход из одной социальной группы в другую, расположенных на одном и том же уровне общественной стратификации. Под вертикальной мобильностью он подразумевал перемещение индивида из одного пласта в другой, причем в зависимости от направления самого перемещения можно говорить о двух типах вертикальной мобильности: восходящей и нисходящей, то есть о социальном подъеме и социальном спуске.

¹ Sorokin P. A. *Sociology of Revolution*. Philadelphia, 1925. P. 370—371.

² Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 424.

Вертикальную мобильность, по мнению Сорокина, должно рассматривать в трех аспектах, соответствующих трем формам социальной стратификации, — как внутривидовую или межвидовую циркуляцию, политические перемещения и продвижения по "экономической лестнице". Основным препятствием для социальной мобильности в стратифицированных обществах является наличие специфических "сит", которые как бы просеивают индивидов, предоставляя возможность одним перемещаться вверх, тормозя продвижение других. Это "сито" и есть механизм социального тестирования, отбора и распределения индивидов по социальным стратам. Они, как правило, совпадают с основными каналами вертикальной мобильности, то есть школой, армией, церковью, профессиональными, экономическими и политическими организациями. На основе богатого эмпирического материала Сорокин делает вывод, что "в любом обществе социальная циркуляция индивидов и их распределение осуществляются не по воле случая, а носят характер необходимости и строго контролируются разнообразными институтами"¹. Однако Сорокин четко отличал мобильность в нормальные периоды эволюции общества и в периоды общественных потрясений и катастроф, когда "поступательность, упорядоченность и строго контролируемый характер мобильности существенно нарушаются"². Правда, даже в периоды хаоса, по Сорокину, все равно сохраняются помехи на пути к неограниченной социальной мобильности как в виде остатков "сита" старого режима, так и быстрого роста нового "сита" зарождающегося порядка.

Для Сорокина, как, впрочем, и для многих исследователей до и после него, очевиден внеисторический динамизм социальной стратификации. Абрис и высота экономической, политической или профессиональной стратификации — вневременные характеристики и нормативные черты стратификации. Их временные флуктуации не носят однонаправленного движения ни в сторону увеличения социальной дистанции, ни в сторону ее сокращения. Социальная стратификация — "это постоянная характеристика любого организованного общества. Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенство людей. Феодализм и олигархия продолжают существовать в науке и искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравнилителей, словом — повсюду"³. Воистину история показывает, что нестратифицированное общество с подлинным и последовательно проведенным принципом равенства его членов есть миф, никогда не реализованный на практике и так и оставшийся лишь знаменем всемирных уравнилителей.

В гарвардский период творчества интегралистские тенденции и построения Сорокина окончательно оформляются в единую интегральную модель, что находит отражение прежде всего в его четырехтомной "Социальной и культурной динамике"⁴. Не претендуя на последовательное и системное описание когнитивной модели Сорокина, аккумулировавшей, как кажется, идеи почти всех отраслей гуманитарного знания, постараемся стилем "телеграфного конспекта" описать в общих чертах как саму модель, так и основные методологические принципы, на которых она базируется. При этом мы будем преимущественно апеллировать к вводному разделу первого тома и четвертому тому "Динамики",

¹ *Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility.* N. Y., 1959. P. 207.

² *Sorokin P. A. Man and Society in Calamity.* N. Y., 1942. P. 113.

³ *Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility.* P. 16.

⁴ *Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics.* N. Y., 1937—1941. Vol. 1—4.

а также к прецеденту "телеграфного изложения" модели, одобренному самим Сорокиным¹.

Все люди вступают в систему социальных взаимоотношений под влиянием целого комплекса факторов: бессознательных (рефлексы), биосознательных (голод, чувство жажды, половое влечение и т. п.) и социосознательных (значения, нормы, ценности) регуляторов. В отличие от случайностных и временных агрегатов (толпа), характеризующихся отсутствием ясных и пролонгированных связей, только общество способно продуцировать значения, нормы, ценности, существующие как бы внутри социосознательных "эго" — конституирующих общество членов. Поэтому любое общество можно описать и понять только лишь через призму присущей ему системы "значения, нормы, ценности". Эта система суть единовременное культурное качество.

Далее. Скрытые в социосознательных индивидах и обществах культурные качества обнаруживаются во всех достижениях человеческой цивилизации, сохраняются также и в дискретные периоды культурной истории (войны, революции, прочие общественные бедствия). Социологические исследования культурных качеств (значений, норм, ценностей) позволяют выявить весьма длительные периоды истории, в течение которых проявляются относительно близкие и даже идентичные культурные образцы — виды деятельности, мысли, творчества, верования и т. п. Эти продолжительные образцы культурной жизни, несмотря на всевозможные и случайные девиации, эмпирически устанавливаются лишь потому, что сами они суть продукт логико-значимых культурных систем.

При этом логико-значимые культурно-ценностные системы — детерминанты культурного качества — формируются под воздействием "двойственной" природы человека — существа мыслящего и существа чувствующего. Преимущественное качество тем самым совпадает с одним из полюсов ценностно-культурной шкалы. Если основной акцент сделан на чувственной стороне человеческой природы, то соответственно детерминируется чувственный образец культурных ценностей; на воображении и разуме — нечувственный. Причем и в том и в другом случае не нейтрализуются полностью противоположные мотивы поведения, мышления. При условии же баланса чувственных и рациональных стимулов формируются идеалистические культуры.

Перегруппировка всех классов ценностей, значений и норм в этом ключе, их вскрытие в ходе исторического исследования показывают удивительное соответствие с ценностными классами, выработанными мыслителями античной классики: ценности, происходящие в результате когнитивной деятельности (Истина); эстетического удовлетворения (Красота); социальной адаптации и морали (Добро); и, наконец, конституирующая все остальные ценности в единое социальное целое (Польза). Любую социально значимую человеческую активность можно объяснить посредством этих четырех поистине универсальных категорий. Игнорирование их или подмена другими объясняющими принципами неизбежно ведет к сциентистской неудаче искусственного перевода этих категорий на язык других и менее адекватных терминов.

Интегральный подход в равной мере применим при описании индивидуального типажа или культурных ценностей. В самом деле, любой индивид вписан в систему культурных ценностей, а его бессознательные

¹ Cowell F. R. Values in Human Society. The Contribution of Pitirim A. Sorokin to Sociology. N. Y., 1970.

мотивы и биосознательные стимулы контролируются и подчиняются его социосознательному "эго". Так и культура становится интегральной лишь тогда, когда общество добивается успеха, балансируя и гармонизируя энергию людей, отданную на службу Истине, Красоте и Добру. Подобный "интегрализм" характеризуется логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов личности или культуры. Модель "интегральной" культурной сверхсистемы — результирующая систематического и гармонизирующего ценностного образца — дает значительно больше для полноценного и адекватного определения и понимания культуры, нежели традиционные социологические, антропологические или культурологические методы.

Вот почему дискриптивный анализ социальной жизни должен быть подчинен исходному примату культурных ценностей даже в таких аспектах социального бытия, где, как может показаться с первого взгляда, отсутствует прямое восхождение к культурно-ценностным системам. К примеру, понятия "группа", "класс", "роль", "стратификация", "социальное действие" и им подобные приобретают научную валидность, когда интерпретируются как переменные культурных сверхсистем, конгруэнтных связей ценностей, норм, значений.

В силу этого новая философия истории должна исходить из тезиса о том, что в пределах, заданных относительно постоянными физическими условиями (климат, географическое положение), наиважнейшим фактором социокультурных изменений (то есть собственно динамики) становится распад той или иной доминантной культурной сверхсистемы — "идеациональной" ("ideational"), "идеалистической" ("idealistic"), "чувственной" ("sensate"). Именно в этом смысле тождественны социология и философия истории, ибо они концентрируют свое внимание на проблематике генезиса, эволюции, распада и кризиса доминантных систем, в результате чего проясняются вопросы "как?", "почему?" и "когда?" происходят те или иные социокультурные изменения.

Каждая из культурных сверхсистем "обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образом "святости", собственными представлениями правого и не должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими нравами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением"¹.

Словом, если для Платона центральным понятием его системы были "идеи", для Аристотеля — "значения", для Бэкона — "эксперимент" и "индукция", для Дарвина — "естественный отбор", то для Сорокина, очевидно, таким понятием становится "ценность". Конечно же, многие мыслители и до него размышляли о природе ценностей, но, пожалуй, никому до Сорокина не удалось показать систематизирующую и методологическую значимость ценностной теории в социологии.

Таков в общих чертах "интегральный" синтез сорокинской макро-социологии. Современное состояние западной культуры Сорокин диагностировал как кризисное, которое, однако, вовсе не виделось ему в духе шпенглеровского субъективизма — конца ее исторического существования, смертельной агонии всей западной цивилизации. Нынешняя "чувственная" культура, считал он, обречена на закат, поскольку именно

¹ Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1. P. 67.

она повинна в деградации человека, превращении ценностей в простые релятивные конвенции. Его главное пророчество на этот счет звучит так: "Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступивших сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего"¹.

Провозвестник новой идеациональной будущности через очищение и воскрешение культуры, проповедник нравственного возрождения общества, основанного на принципах альтруистической любви и этике солидарности, — таков "нетипичный" для академического ученого облик Сорокина-социолога и Сорокина-пророка, на долгие годы запомнившийся своим соратникам и ученикам. Таковым он начинает постепенно открываться, хотя и с печальным опозданием, своим соотечественникам.

* * *

Наследие Сорокина колоссально. Он автор более полусотни книг, не говоря уж о бесчисленных статьях, заметках, эссе и прочих формах малого жанра. Его книги переведены почти на все языки мира, но — увы! — не на русский язык. Настоящий однотомник отнюдь не претендует на полное отражение многогранного творчества Питирима Сорокина. И все же, монтируя книгу, мы старались придерживаться следующих основополагающих принципов.

Прежде всего нам хотелось пусть даже и неполно по объему и научной значимости, но все же более или менее равномерно представить русский и американский периоды его творчества, хотя такое хронологическое деление крайне нелогично, а возможно, и ошибочно. Стиль ранних работ Сорокина уникален и красочен. В нем содержится весь колорит "старорежимного" русского языка науки, дефицит которого с особой остротой мы испытываем сегодня. Во-вторых, при компоновании содержания перед нами стояла сверхзадача проследить динамику в развитии его научных взглядов, проиллюстрировать эволюцию его систематического социологического видения. В-третьих, чрезвычайно важным представлялся и другой аспект — необходимость продемонстрировать всю палитру его творчества или по крайней мере значительную ее часть, от работ общегуманитарного и социально-прикладного характера до сугубо академических, в которых Сорокиным предпринималась попытка охватить весь социальный универсум. В-четвертых, в бытность еще русским подданным Сорокин значительную часть своей энергии отдавал политической деятельности, много писал о революционном переустройстве России, что, как кажется, не потеряло своей актуальности и сегодня. Наконец, в-пятых, настоящее издание отличается еще и тем, что в содержание тома включены также работы Сорокина, которые ранее при жизни автора никогда не были опубликованы.

¹ *Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 3. P. 535; Sorokin P. A. The Crisis of Our Age. N. Y., 1941. P. 13.*

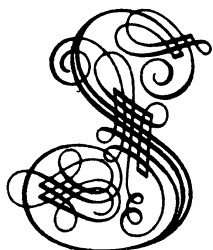
В настоящий сборник вошли крупные и тематически завершенные фрагменты из следующих его сочинений: русского периода — "Преступление и кара, подвиг и награда", "Проблема социального равенства"; американского — "Социология революции", "Социальная и культурная мобильность", "Кризис нашего времени", "Общество, культура и личность", а также небольшой отрывок из его воспоминаний "Долгое путешествие".

В настоящем издании подстрочно приводятся примечания П. А. Сорокина, обозначенные цифрами, а также примечания составителя, дополнительно обозначенные звездочками.

В заключение мне хотелось бы выразить глубокую признательность всем, кто содействовал изданию этой книги на всех этапах ее подготовки, и в особенности И. А. Альтману и О. В. Кузнецовой за помощь в работе с архивными материалами, Л. В. Никитиной за помощь в работе с оригинальными текстами Сорокина. Хочется надеяться, что "долгий путь" Сорокина на родину наконец-то завершился и эта книга послужит стимулом для более вдумчивого знакомства читателя с творчеством крупнейшего социолога нашего столетия.

А. Ю. Согомонов

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ № 1

Моя задача — познакомить вас в нескольких лекциях с социологией. Не скрою — задача эта трудная и ответственная. Трудная потому, что установившейся системы социологии до сих пор нет: сколько социологов — столько и социологий. Поэтому каждый преподаватель социологии принужден идти своим путем и строить систему социологии на свой страх и риск. Это обстоятельство делает вероятной возможность впасть в ошибки, и этот факт каждый из вас должен заранее учесть.

Добавочной трудностью в данном случае является краткость нашего курса; он волей-неволей заставляет меня остановиться лишь на главном и не касаться второстепенных вопросов социологии. В этом выборе главного и второстепенного я буду руководствоваться следующим соображением: я коснусь всего, что содействует введению вас в лабораторию социальных явлений, что помогает понять сложный и таинственный механизм последних, и пропущу все — как бы оно ни было важно, — что прямо не служит этой цели.

После этих вводных замечаний перейдем прямо к нашей теме.

Первый вопрос, который встает перед нами, гласит: *что за наука социология? Каков предмет ее изучения и, наконец, каковы главные отделы этой дисциплины?*

Самым общим и распространенным ответом на эти вопросы является ответ: *социология — это наука об обществе и закономерности, проявляющейся в общественных явлениях.* Такое определение социологии вытекает из смысла самого слова "социология", что буквально означает "слово (наука) об обществе". Из него следует, что *предметом изучения социологии является общество или общественные явления.* Таково, как я сказал, наиболее распространенное определение социологии.

Однако вряд ли мы можем довольствоваться таким определением: оно — увы! — дает нам немного. Стоит чуть-чуть подумать над ним, как сразу же встают вопросы: а что такое общество? каковы признаки общественных явлений, отличающих их от множества других явлений? будет ли обществом, например, груда камней, муравьиная куча и рой пчел, или же обществом будет только собрание или совокупность людей? Если куча камней, или табун лошадей, или группа деревьев (лес) будут обществом, то, очевидно, социология становится всеобъемлющей наукой, обнимающей в себе и физику, и химию, и биологию, короче — простым ярлыком, обозначающим собой лишь новый термин для ряда существующих наук. Если же груду камней, лес и т. д. мы не будем считать обществом, то встает вопрос: *какими же чертами характеризуется общество, являющееся предметом изучения социологии и дающее почву для существования последней в качестве самостоятельной науки?* Постараемся кратко ответить на этот вопрос. Раз мы говорим об обществе, тем самым мы предполагаем наличность не одной единицы, не одного существа, а по меньшей мере нескольких. Единица общества не составляет. Значит, *общество означает прежде всего совокупность нескольких единиц* (индивидов, существ, особей). Теперь представим себе,

что эти единицы (индивиды, особи) абсолютно закупорены и не имеют никаких сношений друг с другом. Будет ли в этом случае налицо общество? Очевидно, нет. Отсюда вывод: *общество означает не только совокупность нескольких единиц* (особей, индивидов и т. д.), *но предполагает, что эти единицы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние, соприкасаются друг с другом и имеют между собой ту или иную связь.* Иными словами понятие общества предполагает не только наличие нескольких единиц, но требуется еще, чтобы эти единицы *взаимодействовали между собой.*

Но и этих черт мало для общества, изучаемого социологией. Каждому из вас известно, что все предметы мира взаимодействуют друг с другом. Планеты находятся между собой в процессе взаимодействия, известного под законом тяготения и инерции, взаимодействие дано между землей и камнем, брошенным вверх, клетки организма, атомы и молекулы неорганических предметов также связаны друг с другом рядом взаимодействующих процессов. Следовательно, если бы мы ограничились понятием общества только как совокупности взаимодействующих единиц, это означало бы, что социология как наука об обществе должна была бы изучать и планеты, и клетки, и атомы, и молекулы и т. д., то есть весь неорганический и органический мир, изучаемый физико-химическими и биологическими науками. Иными словами, социология должна была бы сделаться всенаукой, охватывающей все дисциплины, то есть по существу пустым местом, голым ярлыком, новым названием для старых наук. В силу сказанного необходимо, очевидно, к приведенным признакам, характеризующим понятие общества, присоединить новые, выделяющие общество, изучаемое социологией, от ряда других обществ как совокупностей нескольких взаимодействующих единиц.

Где же и в чем искать эту отличительную черту? Она дана одновременно — *и в свойствах взаимодействующих единиц, и в свойствах самого процесса взаимодействия.* Свойства двух камней и связывающего их процесса взаимодействия не похожи на свойства двух амеб или клеток тела и характер взаимодействия между последними. Наконец, свойства человека и процесса взаимодействия, в котором находятся люди друг с другом, не похожи на свойства предыдущих взаимодействующих единиц и характер происходящего между ними процесса взаимодействия. С этой точки зрения все взаимодействующие центры и все процессы взаимодействия можно разделить на три основные формы: 1) *"неорганические" взаимодействующие центры и взаимодействие физико-химическое* (мир неорганический), *изучаемые физико-химическими науками;* 2) *живые "органические" взаимодействующие центры и взаимодействие биологическое* (мир органический, явления жизни), *изучаемые биологическими науками;* 3) *наконец, взаимодействующие центры, одаренные психикой, сознанием, и взаимодействие психическое,* то есть обмен идеями, чувствами, волевыми актами (явления культуры, мир социальности), *изучаемые социальными науками.*

Из сказанного само собой следует, что *общество как предмет изучения социологии дано только там, где дано несколько единиц (индивидов), одаренных психикой и связанных между собой процессами психического взаимодействия.* И обратно, всюду, где *взаимодействие тех или иных центров лишено психического характера,* например взаимодействие атомов, молекул, планет, камней, деревьев, простейших организмов, лишенных сознания, — *там не будет и общества в смысле социологическом.* Социология изучает только такие общества, где члены последнего, помимо неорганических и органических процессов, связаны еще взаимо-

действием психическим, то есть *обменом идей, чувств, волевых устремлений*, короче — тем, что характеризуется словом "сознание". Атомы, молекулы, предметы неорганического мира, наконец, простейшие организмы (амебы, протозоа и др.), хотя и связаны между собой рядом процессов взаимодействия, но оно лишено психических форм: они не обмениваются ни идеями, ни чувствами, ни волевыми импульсами. Значит, тем самым они не составляют и общества в смысле социологическом.

Такова искомая нами черта, отличающая общество как предмет социологии от совокупности всяких других взаимодействующих единиц. Сказанным мы ограничили понятие общества и определили область общественных или социальных явлений, изучаемых социологией.

Теперь спрашивается, *какова же конкретно область явлений, где встречаются процессы психического взаимодействия? Нет ли каких-либо наглядных признаков, путеводных вех, которые позволили бы говорить: вот здесь дано взаимодействие психическое, а здесь нет?*

Для ответа на эти вопросы мы должны обратиться за помощью к биологии и психологии. А эти науки говорят, что только организмы, наделенные *развитой нервной системой*, в частности *обладающие серым корковым веществом мозга, проявляют психическую жизнь как совокупность идейных, волевых и чувственно-эмоциональных состояний*. Вне развитой нервной системы нет и не может быть сознания. Отсюда вывод: психическое взаимодействие дано в общении организмов, наделенных развитой нервной системой, в частности серым корковым веществом мозга. Такими организмами являются *человек (homo sapiens) и высшие животные*. Следовательно, *общество в смысле социологическом означает прежде всего совокупность людей, находящихся в процессе общения, и далее — совокупность взаимодействующих высших организмов*.

Действительно, присматриваясь к миру человеческого общежития, мы видим людей, живущих совместно друг с другом; между ними ежесекундно возникают тысячи процессов взаимодействия, носящих психический характер: обмен идеями (религиозными, научными, быденными, художественными образами и т. д.), обмен волевыми импульсами (общества и кооперации, в которые люди объединяются для достижения целей коммерческих, благотворительных, хозяйственных, моральных, научных и т. д.), обмен чувствами (на почве любви, сострадания, ненависти, при созерцании драмы, при религиозном обряде и т. д.). Жизнь каждого из нас представляет непрерывный процесс психического взаимодействия между нами и другими людьми. Только ночью, во время сна, этот процесс несколько ослабляется.

Человеческое общество с этой точки зрения похоже на волнующееся море, в котором отдельные люди, подобно волнам, окруженные себе подобными, постоянно сталкиваются друг с другом, возникают, растут и исчезают, а море — общество — вечно бурлит, волнуется и не умолкает...

Все сказанное об обществе людей в известной мере приложимо и к высшим животным, живущим обществами, стадами, группами.

Таково в кратких чертах общество как предмет изучения социологии. Стало быть, область явлений, исследуемых последней, ограничивается миром людей и высших животных, живущих в обществе себе подобных и находящихся в процессе взаимодействия.

Ограничимся пока этим определением предмета социологии и перейдем к характеристике ее отделов. Эта характеристика поможет нам в то же время уяснить и способы подхода социологии к изучению общества.

Вся наука социологии может быть разделена на *четыре главных отдела*.

I. Первый отдел социологии составляет *общее учение об обществе*. Сюда войдет: определение общества или социального явления, описание его основных черт, анализ процесса взаимодействия, формулировка основных социальных законов; сюда же должны быть отнесены и история самой социологии, характеристика современных социологических направлений и учение о методах социологии.

II. Второй отдел социологии составляет *социальная механика*. Задачей этого отдела, наиболее важного из всех остальных, служит изучение закономерностей, проявляющихся в общественных явлениях. Как бы ни казалась пестрой и красочной общественная жизнь, как бы ни сильны были в нас предрассудки вроде свободной воли человека, каждый из нас обязан с этими предрассудками покончить; если бы действительно свобода воли человека существовала, и если бы ход общественных явлений зависел от этой, не связанной причинными отношениями свободной воли, то, конечно, никакая наука, изучающая общество, не могла бы существовать и ставить своей задачей изучение причинных отношений в мире социальных явлений. С другой стороны, опыт и факты показывают, что закону причинности подчинены и поступки людей, и общественная жизнь. Вот почему социальная механика как часть социологии ставит своей задачей: а) *разложение сложных общественных явлений на простейшие элементы* (подобно химии, разлагающей все сложные тела на ограниченное число элементов); б) *изучение свойств этих элементов и тех эффектов, которые они вызывают в поведении людей и общественной жизни*; в) *идя этим путем, социальная механика в конечном итоге пытается понять весь механизм общественной жизни, раскрыть ее тайны, сделать непонятное понятным, сложное простым, случайное закономерным*. Больше того, образно говоря, она хочет построить модель, которая была бы вполне похожей на общество и законы явлений которой объясняли бы и законы общественной жизни.

III. Третьим отделом социологии будет *социальная генетика* (от "генезис" — значит происхождение и развитие). Содержанием его явятся: 1) *учение о происхождении и развитии общества и общественных институтов: языка, семьи, религии, хозяйства, права, искусства и т. д.*; 2) *учение об основных исторических тенденциях, проявляющихся с поступательным ходом истории в развитии общества и общественных институтов*.

Социальная механика исследует и формулирует законы *статические*, постоянно и во все времена проявляющиеся в общественной жизни; социальная генетика ставит своей задачей формулировку законов *исторических*, то есть постоянных линий направления, данных во времени и обнаруживающихся с ходом истории.

IV. Четвертым отделом социологии будет *социальная политика*. Этот отдел по своему характеру и целям является чисто практическим, прикладной дисциплиной. Его задачей служит *формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека*. Иначе социальную политику можно назвать *социальной медициной* или *учением о счастье*. Подобно тому как с ростом физико-химических и биологических наук появились чисто прикладные дисциплины (технология металлов, агрономия, медицина и т. д.), которые теоретически данные этих наук обращают на служение человеческим целям, так и социальная политика, пользуясь данными теоретической социологии, может и должна использовать их для практического применения в сфере общественной жизни и целях ее улучшения, короче — в целях роста человеческого счастья, увеличения культурных ценностей и ускорения общечеловеческого прогресса.

Таковы основные отделы социологии и задачи последних.

Как видим, эти задачи настолько велики и всеобъемлющи, что делают излишними всякие увещания о том, что нужно заниматься социологией, что эта дисциплина стоит того, чтобы поработать над ней, и т. п.

Очертивши кратко предмет социологии, задачи и основные отделы последней, теперь, прежде чем перейти к первому отделу — к общему учению об обществе, — в двух словах я коснусь: а) отношения социологии к другим научным дисциплинам, изучающим общественные явления, б) истории социологии как науки и в) основных направлений, существующих в социологии в настоящее время.

Если предметом изучения социологии является мир людей и высших животных, находящихся в процессе психического взаимодействия, то встает вопрос: каково же отношение социологии к другим социальным наукам? Общественные явления изучаются не только социологией, но и рядом других наук: теорией права, политической экономией, историей, психологией и т. д. Спрашивается поэтому: в каком отношении к этим наукам, изучающим тот же предмет, что и социология, стоит последняя?

Ответы, дававшиеся на этот вопрос, распадаются на три группы: одни ученые под социологией понимали совокупность всех социальных наук. В этом случае социология превращалась в простое название, обозначавшее все социальные науки, взятые вместе. Нет надобности доказывать, что в этом случае она становилась пустым местом и, конечно, нет и не может быть никаких оснований для этого пустого места выдумывать специальное название.

Другие социологи пытались выделить социологию из ряда других социальных наук по различию объектов, изучаемых первыми и второю. Так, например, Зиммель, немецкий социолог, считает, что социология, в отличие от других социальных наук, изучает формы общения, тогда как те изучают содержание социальных явлений (религию, право, хозяйство и т. д.). Нельзя признать удачной и эту попытку: во-первых, само различие формы и содержания очень неясно; во-вторых, если бы даже это различие и было правильно, то оно в лучшем случае дало бы почву для новой социальной науки и ничуть не уничтожило бы потребности в особой науке, роль которой сейчас играет социология.

В чем же дело? Дело в том, что социология, в противоположность специальным общественно-психологическим наукам, изучает не те или иные *отдельные, специальные стороны или ряды общественных явлений, а изучает наиболее общие, родовые их свойства, как таковые не изучаемые ни одной из них*. Политическая экономия изучает только хозяйственную жизнь общества, правовые дисциплины — только право, теория искусства — только явления искусства и т. д.; ни одна из этих дисциплин не изучает те общие свойства, которые имеются и в хозяйственных, и в правовых, и в художественных, и в религиозных явлениях как частных видах общественных явлений. Поскольку все они суть частные виды общественно-психологического бытия, у всех у них должны быть общие родовые черты и в жизни должны проявляться общие всем социальным явлениям закономерности. Вот эти-то наиболее общие свойства и закономерности, свойственные всем социальным явлениям и не изучаемые ни одной специальной наукой, и являются ближайшим объектом социологии. Следовательно, *она — наука о родовых свойствах и основных закономерностях социально-психологических явлений*.

В этом отношении социология находится в таком же положении по адресу специальных общественных наук, в каком общая биология находится по адресу специальных биологических дисциплин: по адресу зоологии, ботаники и т. д. Как общая биология служит основой для

последних, так и социология должна быть фундаментом для специальных общественных наук.

Из сказанного ясно отношение социологии к последним. *Социология не есть пустой ярлык для обозначения совокупности наук, не является она и специальной дисциплиной, подобно другим, отмежевавшим себе маленький уголок общественных явлений для возделывания, а представляет самостоятельную науку, не сливающуюся с существующими специальными дисциплинами, науку, изучающую наиболее общие — родовые — свойства общественных явлений, не изучаемые первыми.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

§ 1. Природа социального явления

Как бы разнообразны ни были те определения, посредством которых социологи характеризуют сущность социального или надорганического явления, — все они имеют нечто общее, а именно, что социальное явление — объект социологии — есть прежде всего взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками. Принцип взаимодействия лежит в основе всех этих определений, все они в этом пункте согласны, и различия наступают уже в дальнейшем — в определении характера и форм этого взаимодействия. Подтвердим сказанное примерами.

“Постоянство отношений”, на которое указывает Спенсер как на характерный признак общества или надорганического явления, очевидно, есть лишь иной термин, обозначающий тот же принцип взаимодействия¹.

“В “общественности”, в социальном явлении мы видим не что иное, — говорит Е. В. Де-Роберти, — как длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной агрегации живых существ”².

Социальное явление или общество “существует там, — говорит Г. Зиммель, — где несколько индивидов состоят во взаимодействии”³.

Не иначе смотрит на дело и Гумплович, с той только разницей, что в качестве элемента взаимодействия он берет группу, а не индивида. “Под социальными явлениями, — говорит он, — мы понимаем отношения, возникающие из взаимодействия человеческих групп и общений”⁴.

“Всякий агрегат индивидов, находящихся в постоянном соприкосновении, составляет общество”, — по мнению Дюркгейма. Принудительность — характерная черта социального явления, — очевидно, уже предполагает взаимодействие⁵.

“Интерментальный” процесс Тарда и его формы: подражание, противоположение и приспособление — суть только иные слова для обозначения того же принципа взаимодействия и его разновидностей⁶.

¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии. Спб., 1898. Т. 1. С. 277 и след.

² Де-Роберти Е. В. Новая постановка вопросов социологии. Спб., 1909. С. 46.

³ Зиммель Г. Социологический этюд. Спб., 1901. С. 31—39.

⁴ Гумплович Л. Основы социологии. Спб., 1899. С. 105, 106, 113, 116, 265 и др.

⁵ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1901. С. 221.

⁶ Tarde G. Etudes de Psychologie Sociale. P., 1898. P. 59—60.

Не иное хочет сказать и Штаммлер, когда говорит, что логической предпосылкой социальной жизни является наличность внешних принудительных правил, что "социальная жизнь есть внешним образом урегулированная совместная жизнь людей". То же видим и у его единомышленника Наторпа.

Новиков, считая "обмен основным явлением человеческой ассоциации", иным словом обозначает тот же процесс взаимодействия¹.

То же видим мы резко сформулированным у Гиддингса, Драгическо, Буглэ, Эспинаса, Ваккаро, Фулье, Грассери, Уорда и других.

Да и само собой ясно, что вне взаимодействия нет и не может быть никакого агрегата, ассоциации или общества и вообще социального явления, так как там не было никаких отношений.

Но само собой разумеется, что это единомыслие в родовом субстрате всякого социального явления нисколько еще не предрешает разномыслия в дальнейшем понимании взаимодействия. Раз утверждается, что взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления, а тем самым объект социологии, то для полного уяснения этого понятия требуется еще ответ, по меньшей мере, на следующие вопросы:

1) Для того чтобы процесс взаимодействия можно было считать социальным явлением, между кем и чем должно происходить это взаимодействие? Каковы единицы или центры этого взаимодействия? Иначе говоря, каковы специфические свойства социального взаимодействия, позволяющие считать его особым разрядом явлений.

2) Если так или иначе решен этот вопрос, то спрашивается дальше, безразлична или нет длительность этого взаимодействия для понятия социального явления? Предполагается ли, что только в длительном и постоянном взаимодействии можно видеть социальное явление, или же оно возникает при всяком взаимодействии, как бы кратковременно и случайно оно ни было?

Без точных ответов на эти вопросы, в особенности же на первую категорию их, понятие "взаимодействие" (а тем самым и социальное явление) становится пустым звуком, и вот почему. Как известно, процесс взаимодействия не есть процесс, специфически свойственный какому-либо определенному разряду явлений, а процесс общемировой, свойственный всем видам энергии и обнаруживающийся хотя бы в виде "закона тяготения" или закона "равенства действия противодействию". Поэтому понятно, что раз взаимодействие хотят сделать специальным объектом социальной науки, то необходимо указать такие специфические признаки этого общемирового и, в этом смысле, родового процесса, которые отделяли бы этот вид взаимодействия от остальных его видов и тем самым конституировали бы социальное явление как особый вид мирового бытия, а поэтому и как объект особой науки.

К глубокому сожалению, однако, многие из социологов даже и не ставят этого вопроса — как будто бы дело идет о чем-то само собой разумеющемся. Но наряду с этим мы имеем многочисленные попытки так или иначе ответить на поставленные вопросы. Главнейшие виды этих ответов сводятся к трем типам: а) или выделяются особые центры этого взаимодействия, не имеющиеся в других видах его, или б) указываются особые свойства социального взаимодействия, отделяющие его от других разрядов последнего, или, наконец, в) комбинируются

¹ См.: Новиков И. L'échange phénomène fondamental de l'association humaine // Revue international de Sociologie. 1911. Vol. 2.

одновременно оба приема, то есть социальное взаимодействие выделяют как особый вид из родового понятия и путем указания его специфических свойств, и путем указания его взаимодействующих единиц (центров). Таким образом, посредством каждого типа можно выделить особый разряд социального взаимодействия и тем самым определить объект социологии. Проиллюстрируем каждый тип.

Тип А. Можно, например, сказать, что социальным взаимодействием будет лишь такое, где взаимодействующими центрами (единицами) будут биологические неделимые — особи. В этом случае область социологии стала бы охватывать не только мир людей, но и животных, и растений ("зоосоциология" и "фитосоциология"). Ее задачей было бы в этом случае изучение всех форм взаимодействия между указанными центрами.

Можно, следуя тому же типу, поступить и иначе, взяв за подобные центры только людей. Так фактически и поступает большинство представителей социальной науки. В этом случае задача социологии заключалась бы в изучении всех форм общения между людьми. Конкретным примером этого рода может служить понятие "социальное явление" Зиммеля. "Общество, — говорит он, — существует всюду, где несколько индивидов находятся во взаимодействии, каково бы ни было последнее". С его точки зрения, и война есть социальный факт. "Я действительно склонен рассматривать войну как предельный случай обобществления"¹.

Тип Б. Наряду с указанным приемом дефинирования социального явления возможен и другой, исходящий из принципа указания специфических свойств самого процесса взаимодействия. Общая черта всех построений этого типа заключается в определении социального взаимодействия как взаимодействия психического. Не характер центров взаимодействия служит в этом случае конституирующим принципом социального взаимодействия, а именно психическая природа его, независимо от того, между какими центрами совершается взаимодействие. "Всякое взаимодействие, имеющее психическую природу, есть социальное взаимодействие" — такова формула этого типа.

На этом общем принципе, разделяемом громадным числом социологов, мы имеем ряд теорий, в деталях различающихся друг от друга. Что социальное взаимодействие есть взаимодействие психическое — это одинаково разделяется и Эспинасом, и Гиддингсом, и Уордом, и Тардом, и Де-Роберти, и Петражицким, и Теннисом, и т. д. Но одни из них видят социальное взаимодействие во всяком психическом взаимодействии, тогда как другие — только в психическом взаимодействии, обладающем некоторыми специфическими признаками.

"Общества, — говорит Эспинас, — это суть группы, где индивиды нормально, будучи отделенными, объединены психическими связями, то есть представлениями и взаимными импульсами". К этой черте он присоединяет еще признак "взаимного обмена услуг" как характерный признак общества². А так как эти признаки даны и в животных обществах, то это дает ему право включить в область социологии и мир животных.

Близки к приведенным взглядам и понятия обществ (или социального взаимодействия) таких лиц, как Гиддингс, видящий "истинную ассоциацию" там, где дано "сознание рода", переходящее затем "в любовь товарищества".

¹ Зиммель Г. Социологический этюд. С. 34—37.

² Эспинас А. Etre ou ne pas être // Revue philosophique. 1904. P. 466—468.

С точки зрения Тарда, социальным взаимодействием будет интерментальное (психическое) взаимодействие, представляющее, по существу, подражательный характер¹, дальнейшими звеньями которого являются противоположение и приспособление...

Не приводя дальнейших иллюстраций, обратимся к третьему типу выделения социального взаимодействия, состоящему в комбинировании обоих предыдущих приемов.

Тип В. Модификаций этого типа также великое множество. Одни, как, например, Дюркгейм и Штаммлер, под объектом социальной науки понимают взаимодействие людей (центры — люди), но не всякое, а только такое, где дано внешнее принуждение. "Социальным фактом, — говорит Дюркгейм, — является всякий образ действия, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение"². В этом с ним сходится Штаммлер с его "внешним регулированием совместной жизни людей".

Другие, подобно Спенсеру, под обществом понимают взаимодействие людей, обнаруживающее постоянство отношений. Третьи, подобно Макаревичу, Гумпловичу, Летурно и Тённису, под социальным явлением понимают взаимодействие людей, обнаруживающее стремление либо к "общей цели", либо где дан "общий интерес" (общество есть "группа, сосредоточенная вокруг какого-нибудь общего интереса" — Гумплович). Некоторые лица, подобно Макаревичу и Тённису, различают *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (*communauté et société*), понимая под последними группы людей, стремящихся либо к общей цели, либо группы, построенные на договорном начале, и т. д.³ В качестве *Gemeinschaft* обычно приводится семья, в качестве *Gesellschaft* — коммерческое общество и т. п.

К этому же типу должны быть отнесены и многочисленные определения социального явления вроде определений Уорда, де Греефа, Паланта, Новикова, Вормса, Пуля, Оствальда и др.

Ближайший вопрос, который нам необходимо разрешить, это вопрос: какому же из приведенных трех типов мы должны отдать предпочтение при определении объекта социологии или социального явления?

Едва ли есть надобность доказывать, что успешное выполнение этой задачи мало зависит от того, который из указанных приемов мы употребим, ибо, в конце концов, любой из этих приемов сведется к типу В. Сведется по той простой причине, что характер центров взаимодействия и характер самого процесса взаимодействия не есть нечто отдельное друг от друга, а неразрывно связанное одно с другим. Можно сказать, что характер процесса взаимодействия объясняется характером и свойствами его центров ("субстанциональная" точка зрения). Можно сказать и обратно, что характер центров есть функция свойств процессов взаимодействия ("логика отношений"), что центры — это только узлы, в которых скрещиваются течения взаимодействующих процессов...

Поэтому, в конце концов, дело заключается не в том или ином типе выделения социального взаимодействия из его общеродового субстрата, а в том, как этот тип употреблен, или в том, как этот прием использован...

Подходя с этой точки зрения к наиболее распространенному применению приёма А, состоящему в указании в качестве центров взаимодействия людей, нельзя, с одной стороны, не отметить выгодной стороны

¹ См.: Тард Г. Законы подражания. Спб., 1892. С. 68, 89 и др.

² Дюркгейм Э. Les règles de la méthode sociologique. P., 1895. P. 19.

³ Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Jena, 1887.

такого применения, а именно ясность и резкость границ социального явления ("все виды взаимодействия между людьми суть социальное явление"), но, с другой стороны, нельзя не указать и ряд крупных недочетов его, которые делают этот прием, а тем самым и определение социального явления, неприемлемым. Главный из этих недостатков состоит в следующем. В самом деле, допустим, что социальное явление представляют все виды взаимодействия между людьми. Что получается в результате последовательного проведения этого определения? Нечто довольно странное. Так как человек есть не только человек, но и организм, то социальным явлением будут и те формы взаимодействия, которые изучаются биологией и которые формулируются ею для всех организмов.

Явления размножения, борьбы за существование, симбиоза и т. д. — явления, обычно относимые к биологии, в этом случае становятся сферой изучения социолога. Следовательно, социологу будет только повторять в приложении к человеку те положения и законы, которые уже имеются в других науках и, в частности, в биологии, сформулированные для всего класса явлений. Но мало того. Человек ведь не только организм, но в дальнейшем анализ и комплекс тех или иных молекул и атомов, то есть некоторая "масса" (объект физики и химии). А отсюда следует, что между людьми могут и должны быть известные физико-химические взаимодействия. Если же это так, то оказывается, социолог должен быть и физиком, и химиком.

Таким образом, последовательно проводя указанную точку зрения, мы в итоге получаем, с одной стороны, науку, только новую по имени, но по существу повторяющую положения биологии и физико-химических наук, а с другой — науку, весьма похожую на ту "науку" "о сигарах в десять лотов весом", которую так блестяще обрисовал Л. И. Петражицкий как пародию науки¹. Главный грех этого построения заключается в его неадекватности.

То же в значительной степени приложимо и тогда, когда за "центры" мы возьмем не людей, а, например, животных или вообще "организмы".

Очевидно, что тип А в данных постановках не пригоден, не экономен и не приводит к цели. Если он и возможен, то только со следующей оговоркой: под социальным взаимодействием следует понимать лишь такие виды взаимодействия (между людьми или между организмами), которые не имеются нигде, кроме человеческого общежития или общежития организмов.

Но эта оговорка дает чисто отрицательное решение социальному явлению, а потому пуста; это раз; во-вторых, она есть уже переход к типу Б, так как здесь взаимодействие выделяется в особый вид не в зависимости от центров, а в зависимости от характера и свойств самого взаимодействия; а в-третьих, может оказаться, что подобных свойств совсем не найдется у человека или, если они найдутся, то будут только наиболее ярким выражением того, что в слабом виде уже имеется и у животных. А известно, что по неопределенно количественным признакам не следует классифицировать явления².

Ввиду всего сказанного нельзя не признать, что гораздо более приемлемыми являются те определения области социального явления, которые исходят из свойств самого процесса взаимодействия (тип Б), и в частности, те теории, которые определяют социальное взаимодействие как

¹ См.: *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Спб., 1907. С. 72 и след.

² См. там же. С. 156 и след.

взаимодействие психическое. Сущность этих теорий сводится в общем к следующему. Все виды мировой энергии или мирового бытия, говорят эти теории, абстрактно могут быть разделены на известные разряды, из которых каждый разряд обладает своими специфическими свойствами. Таких основных видов энергии три: 1) энергия (а соответственно и взаимодействие) неорганическая (физико-химическая); 2) энергия (и взаимодействие) органическая (жизнь); 3) энергия (и взаимодействие) психосоциальная (общество). Сообразно с этим и науки могут быть разделены на три группы: 1) физико-химические, 2) биологические и 3) социальные, и потому область социологии может быть определена и определяется следующим образом: "Все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии" (Г. Тард, М. М. Ковалевский, Е. В. Де-Роберти, Л. Уорд и др.).

Это определение социального явления и социологии с формальной стороны логически безупречно и не ведет за собой тех недостатков, которые свойственны типу А в его обычных постановках.

Однако у многих социологов это определение обладает тем недостатком, что совершенно неясным остается у них само основное понятие психического. Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что понятие психического в настоящее время напоминает одно из бэконовских *idola*, которое почти всеми употребляется, но точного определения которого большинство даже и не пытается дать, как будто бы дело идет о чем-то вполне понятном и определенном. Между тем нужно ли доказывать, что "психическое" — понятие чрезвычайно неясное и малоопределенное. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического. Достаточно для моей аргументации указать на разномыслия в этом отношении у представителей так называемых точных наук, в частности психологов, биопсихологов и биологов. Обычное определение психологии как науки о "состояниях сознания, — говорит Вундт, — делает круг, ибо, если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму создаваемых нами состояний"¹. "Описание или определение их (сознания и его элементов), — говорит Гейдинг, — невозможно"². Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как "психическое" сначала отождествляется с сознанием, а затем тут же, через страницу, автор, не стесняясь, говорит о "бессознательных психических процессах" и т. д. Ввиду такого положения дела немудрено, что эта неясность особенно резко дает себя знать в области социологии и биопсихологии, немудрено также, что она влечет и различные понимания социального явления, несмотря на одинаковые определения его как явления психического. Одни, как, например, Геккель, Ле Дантек, Перти и другие, находят сознание и психическое не только у высших животных, но и у растений, и у всякой клетки ("клеточное сознание", "атомная душа" и т. д.). Мало того, тот же Геккель, а на днях Де Грассери находят возможным говорить даже о психике молекул, атомов и "психологии минералов". Подобно этому другие, например Вундт, Роменс, Летурно и Эспинас, с большим увлечением толкуют о "патриотизме", "любви", "сознании долга", "эстетике", "чувстве собственности" и т. д. среди муравьев, пчел, пауков, червей и т. п.

¹ Вундт В. Введение в психологию. М., 1912. С. 9.

² Гейдинг Г. Очерки психологии. Спб., 1908. С. 49.

Выходит, что чуть ли не весь мир есть психика. При таком положении дела едва ли может быть речь о специальной и автономной категории социального явления, ибо область "психических" отношений совпадает в этом случае почти с областью всех явлений вообще (органических и неорганических); социальным явлением становится весь космос, и социология превращается в универсальную науку, обнимающую все науки, то есть в пустое слово.

Наряду с этими "монистами сверху" мы имеем и "монистов снизу" (терминология В. А. Вагнера), которые с таким же правом изгоняют сознание и психику не только из мира растений и животных, но, пожалуй, и из мира людей, сводя все "психические явления" к физико-химическим реакциям — тропизмам, таксисам, тяготению и т. д.

Немудрено, что и в этом случае не может идти речь о социальном явлении, так как само существование психики становится проблематичным.

Таковы печальные результаты бесцеремонного обращения с термином психического. Так как, однако, формальное определение социального явления как психического взаимодействия логически безупречно и так как все указанные ошибки и заключения вытекают благодаря лишь отсутствию попыток более или менее точно описать и охарактеризовать содержание, вкладываемое в термин "психическое", то первая задача социолога, вставшего на этот путь определения объекта социологии, сводится к тому, чтобы очертить если не само понятие психического, то по крайней мере его некоторые признаки, а во-вторых, чтобы наметить приблизительно те конкретные "центры", во взаимодействии которых уже дан элемент психического.

Не вдаваясь в подробности решения этих проблем, попытаемся кратко ответить на них.

Принимая во внимание обычное деление элементов психической жизни на три основные рубрики: 1) познание (ощущения, восприятия, представления и понятия), 2) чувство (страдание и наслаждение) и 3) волю, или же двухчленное деление профессора Л. И. Петражицкого на 1) элементы односторонние (познание, чувство и воля) и 2) двухсторонние (эмоции), мы можем охарактеризовать психическое взаимодействие следующим образом: под психическим взаимодействием мы понимаем такой процесс, "материей" которого служат ощущения, восприятия, представления и понятия, страдание и наслаждение и волевые акты, в точном значении этих терминов, которое обязывает всегда считать эти элементы сознательными; обязывает потому, что не сознаваемое кем-либо ощущение или представление не есть ощущение и представление, не сознаваемая воля — не есть воля, не сознаваемое страдание и наслаждение — не есть страдание и наслаждение. Трудно передать словами тот специфический смысл, который вкладывается нами в термин "сознаваемое"; мы можем намекнуть лишь на него; но этого намека достаточно, чтобы надлежащим образом понять сказанное. В самом деле, раз я переживаю волевой акт (а не эмоциональный импульс или рефлекс), то понятие волевого акта как акта сознательно поставленного и выполняемого уже имплицитно предполагает сознание. Подобно этому и страдание — "специфический чувственный тон переживаний" — предполагает его "восприимчивость", "осознаваемость", "ощутимость"; иначе — не "восприимчивое" или не "сознаваемое страдание" — равносильно отсутствию страдания. Что же касается представлений, понятий и восприятий, то сами термины эти уже подразумевают "сознательность". Следовательно, все "не сознаваемые переживания", в частности "физиологические акты", бессознательные переживания и простейшие эмоции,

а равно рефлексы, инстинкты, автоматические акты не могут служить "материей" психического взаимодействия. Это — "материя", если угодно, биологических процессов (физиологии и "психофизики"), а не психических. Из сказанного вытекает и наш ответ на первый вопрос, а тем самым и ответ, определяющий социальное явление: им будет всякое психическое взаимодействие в вышеуказанном смысле слова. Таков тот специфический вид энергии, который служит областью, изучаемой социологией. Так как генетически эти элементы психики развились из вышеупомянутых эмоций или "рефлексов", то непосредственно близкой областью, примыкающей к области социологии, является именно психофизика — ветвь биологии, исследующая соответственные бессознательные эмоции, импульсы или еще "инстинкты", "рефлексы" и автоматические движения. Сообразно с этим имеется возможность с дидактическими целями в генетической постановке вопроса делить взаимодействие организмов на две категории, подобно делению, предлагаемому профессором Де-Роберти, а именно: на психофизическую стадию и стадию психологическую¹. Специфической областью социологии является именно последняя.

Таким образом, социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют "социальной душой", это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином "мир ценностей", в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе. Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает психическим характером (в вышеуказанном смысле этого слова) — будет социальным явлением.

Следующий вопрос, который необходимо разрешить социологу, заключается в том, чтобы очертить тот мир конкретных "центров" или "вещей", во взаимодействии которых уже налицо психический характер, иначе говоря, необходимо указать некоторые внешние признаки, которые позволяли бы говорить: "Вот здесь мы имеем дело с психическим, а здесь не с психическим взаимодействием". Эта проблема встает потому, что сама "психика" — "нематериальна", "не предметна" и "невещественна", а потому она непосредственно не уловима для наблюдателя. Мы всегда можем ее наблюдать не непосредственно, а лишь в символических проявлениях. Пользуясь методом самонаблюдения, в каждом отдельном случае мы можем всегда ясно решить, какой из наших собственных поступков или актов сознателен и какой бессознателен, но весь дальнейший вопрос заключается не в наших актах, а в актах чужих, где метод самонаблюдения бессилен, метод же аналогии не всегда гарантирует истину. Ввиду этого есть настоятельная потребность найти такие внешние критерии, которые могли бы показывать, где мы имеем дело с сознательным, а где с бессознательным актом и взаимодействием.

Психическое взаимодействие может быть только там, где взаимодействуют единицы или организмы, одаренные развитой нервной системой. В силу этого те формы взаимодействия людей между собою, а равно и животных, которые не имеют никакого отношения к психическим формам, в сферу социальных явлений не входят. Например, все люди, согласно закону Ньютона, подчинены закону тяготения и между ними существует притяжение, прямо пропорциональное массе

¹ De-Roberty E. Sociologie de l'action. P., 1908. P. 15—21.

и обратно пропорциональное квадрату расстояния, — однако ни один социолог не будет говорить, что эта форма взаимодействия есть объект социологии, то есть социальное явление. Далее, между людьми, как организмами, существует ряд чисто биологических форм взаимодействия, однако, согласно определению, и они не будут изучаться социологом как социологом. Изучение этих форм — дело биолога, а не социолога. Но, скажут, разве явления взаимодействия на почве половых отношений, явления борьбы за существование, многочисленные общественные отношения на почве питания, обеспечения пищей, жилищем и т. д. — не явления биологические? Ведь размножение, питание, борьба за существование и т. п. — это специфические объекты биологии, однако можете ли вы указать хотя бы одного социолога, который игнорировал бы эти явления и не считал бы их объектами социологии? Разве такие теории, как теории М. М. Ковалевского и У. Кеста, не построены в главной своей части именно на принципе размножения? Разве не все теории толкуют о борьбе за существование, и разве ряд весьма резонных теорий, например теория Маркса, Энгельса, Бакарро, Гумпловича, Лапужа, Аммона и т. д., не основывается на борьбе за существование? Разве "половой вопрос" — не социологическая тема? Как же вы можете исключить их из сферы социологии и из сферы социальных явлений?

Да, несомненно, могут ответить я, они должны были бы быть исключены из сферы социологии, если бы "борьба за существование", "размножение", "питание" и т. д. в *социологическом* смысле были бы тем же, что и в *биологическом*. Должны были бы быть исключены по той простой причине, что незачем придумывать пустое слово для изучения тех явлений, которые и без того уже во всем своем объеме изучаются биологией. И незачем создавать лишнюю категорию социальных явлений, когда они превосходно изучаются как явления биологические. В этом случае вместо науки мы имели бы пустое слово "социология".

Однако эти явления нельзя исключить из области социологии, потому что борьба за существование, например, растений и человека — вещи глубоко различные. То же относится и к размножению, и к питанию. А различны они потому, что в мире людей и высших животных эти биологические функции приобретают новый, а именно психический характер, который их и делает новыми социальными явлениями и объектами специальной науки. Именно это присоединение психики, а не что-нибудь иное заставляет считать их социальными явлениями и дает право для изучения их не только биологу, изучающему чисто жизненные формы данных отношений, но и социологу, изучающему их сознательные, социальные формы. Если бы "половой вопрос" весь заключался в "конъюгации" и в чисто биологических половых актах, то социологии, конечно, тут не было бы дела, и вопрос был бы не "социальный", а чисто биологический. Но, думается, никто и никогда еще не ставил этот вопрос как вопрос социальный, в этой плоскости, а всегда, говоря о "половом вопросе", разумел под ним не сами половые акты, а главным образом те психические отношения, которые связаны с этой биологической функцией; а именно: допустимость или недопустимость половых отношений вообще (аскетизм) между определенными лицами, их время, место, определенные формы брака и т. д. — с точки зрения религии, права, морали, эстетики и науки. Вот что составляло и составляет суть "полового вопроса" как вопроса социального, а это говорит, что и здесь имелись и имеются в виду психические формы, а не биологические. То же относится и к питанию как вопросу "социальному". Мало того, даже те лица, которые областью социальных наук считали исключительно

мир человеческого общежития, и те сознательно или бессознательно принимали за человеческое общежитие не простое сожителство биологических особей (неделимых), а именно сожителство представителей homo sapiens как носителей "психической энергии". Если бы не эта черта, то не было бы никакого другого основания выделять мир человеческого общежития из других животных сообществ и даже таких сборных единиц, как "лес". В этом случае, пожалуй, можно было бы "общество" считать если не организмом, то чем-то весьма близким к нему. Плохо ли, хорошо ли, однако так называемые социальные науки изучали всегда различные стороны деятельности человеческих сообществ именно как сообществ объединенных психологическими, а не только биологическими связями. Не говоря уже о таких науках, как науки о религии, праве, этике, эстетике, психике, имеющие дело именно с психическими формами бытия, даже такие науки, как экономика и история материального быта, трактовали о тех же психических формах человеческой деятельности. В самом деле, что такое основные категории политической экономии вроде "хозяйства", "ценности", "капитала", "труда" и т. д.? Разве это не чисто психосоциальные категории? Точно так же описание определенных предметов материального быта разве трактует об этих предметах как о простых физико-химических вещах? Описывая картину Рафаэля, или статую Венеры, или египетскую пирамиду, или хижину эскимоса, разве мы имеем в виду их химический состав, или их удельный вес, или температуру и другие физические и химические свойства? Ответ ясен и не требует комментариев. Выражаясь кантовским языком, можно было бы сказать, что психическое есть априорная посылка социальных явлений.

§ 2. Две стороны социального явления: внутренне-психическая и внешне-символическая

Определив социальное явление как психическое взаимодействие, мы теперь должны спросить себя: почему же в таком случае такие "не психические вещи", как храмы, музеи, машины, дома и т. д., имеющие чисто "материальный" характер, рассматриваются в качестве социальных явлений? Не служит ли этот факт противоречием вышеизложенному пониманию социального явления как явления, имеющего психическую природу? И не только чисто "материальные" вещи, но и такие явления, как слова, музыка, ряд тех или иных движений (например, мимически двигательный язык глухонемых), сами по себе не есть ведь явления психические? В самом деле язык есть по своей "материи" не что иное, как та или иная комбинация звуков, а звук сам по себе не есть нечто психическое; то же следует сказать и о музыке, о движениях (из которых состоят так называемые обряды) и т. п. В чем же здесь дело? Уже из самой постановки вопроса ответ ясен. Все эти явления принадлежат к категории социальных фактов лишь потому, что они суть *символы психических переживаний* или, иначе говоря, *они суть реализовавшаяся психика*. Кто видит в языке лишь совокупность звуков, тот не знает языка; для того должны были бы быть равнозначными по своему качеству шум автомобиля — и речь человека, звук грома — и песня и т. п. То же относится и к музыке... Только тот факт, что "позади" этих физических явлений предполагаются психические переживания, — только этот факт делает их социальным явлением. Где такой "подразумеваемости" нет — нет и социального факта. Сказанное в равной степени относится и к храму, и к дому, и к музею, и к картине, и к кокардам,

и к другим "материальным вещам". Все они лишь символы, значки психических переживаний — и постольку они социальные явления. Храм становится храмом не потому, что кирпичи и бревна в нем соединены так, а не иначе; статуя Венеры Милосской суть явление социальной категории не потому, что мрамор принял определенную форму, картина Рафаэля становится художественной ценностью не благодаря соединению холста и красок — все они суть "социальные ценности" лишь благодаря тому, что объективируют собой субъективную психику: определенные чувства, мысли, переживания, настроения и т. д.

В этом смысле вполне правильно определение их как *застывшей психики*. И не трудно видеть, почему необходимо подобное "материализирование" психического. Внепространственная, невесомая, бесцветная, нематериальная психика может проявиться и объективироваться лишь в тех или иных непсихических формах. В самом деле: $2 \times 2 = 4$ я могу мыслить, как равно и суждение: "Сократ — человек", нисколько не "материализуя" мою мысль. Я мыслю эти положения как чистую мысль. Но достаточно попытаться передать кому-нибудь эти суждения, достаточно попытаться объективировать их — и мысль неизбежно "овеществляется" и экспихируется; она объективируется или в виде звуков (слова, речь, музыка, возгласы и т. д.), или в виде тех или иных значков, например, значков: $2 \times 2 = 4$ или "д-в-а-ж-д-ы д-в-а ч-е-т-ы-р-е" (цветовая объективация: книги, письма, иероглифы, картины и т. д.), или же в виде тех или иных "вещественных предметов". Что моя мысль и эти сочетания звуков, или цветовых значков, или предметов не одно и то же — это видно из того, что одна и та же мысль будет реализована различными звуками на русском, французском, английском и других языках; одна и та же мысль: "Сократ — человек" будет объективирована путем различных по своей конфигурации и цвету значков: на санскрите, на русском, на китайском и египетском языках и т. д. То же относится и к любому виду объективации мысли и психического переживания вообще. Процесс обмена психическими переживаниями, или психическое взаимодействие, необходимо принимает экспсихическую — "символическую форму". Объективировать любое психическое переживание в его чистом виде нет никакой возможности. Любая мысль, любое психическое переживание невыразимы в их чисто психическом бытии и могут объективироваться лишь посредством тех или иных "непсихических" посредников или проводников. Выражаясь грубо, экстеоризирование психики требует ее воплощения в "материальных вещах". Эти последние служат поэтому символами психики. Они как бы сигнализируют определенное психическое явление. Главнейшие виды этой символизации таковы:

- а) звуковая символизация (речь, восклицания, пение, музыка и т. д.);
- б) световая, цветовая символизация, почти постоянно соединяющаяся пространственной символизацией (железнодорожная сигнализация, сигнализация военных судов, картины, буквы, надписи и т. д.);
- в) в связи с последней почти постоянно находится предметная символизация ("кресты", "зеркала", "знамена", "гербы" и т. д.);
- г) в качестве особого вида может быть выделена чисто двигательная символизация (мимика, жесты и т. д.).

Таковы наиболее характерные типы социальной символики. Ясно, что эта классификация есть классификация очень грубая, но так как здесь мы не преследуем достижения логически безукоризненной классификации, а хотим только иллюстрировать наиболее типичные виды символики, то мы и ограничиваемся этим несовершенным перечнем различных способов символизации, в действительности встречающихся почти все-

гда в виде сложных и комбинированных способов. Очертим теперь подробнее эти способы.

Возьмем для примера лермонтовское: "И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды". Если бы перед нами был Лермонтов и он произнес бы эти слова, то мы поняли бы, что он переживает то особенное состояние, которое символизируется словом "грусть". Ряд определенных звуков нам передает душевное состояние другого, служит как бы сигнальным знаком определенного душевного состояния. Таков первый пример "звуковой" сигнализации (или символизации). То же самое можно передать и иначе. Кто-нибудь из нас вместо этих слов может просто запеть или заиграть на каком-нибудь музыкальном инструменте нечто такое, что мы сознаем как "грусть". Например, возьмем "Осеннюю песню" Чайковского. Определенный комплекс звуков этой песни говорит нам о той же "грусти" и понятен для нас без всяких слов и разъяснений. Таков второй пример звуковой символизации. И вся наша речь есть не что иное, как сплошная звуковая символизация. Если я скажу: "Весною деревья покрываются зеленью", то этот комплекс звуков будет (для русских) чисто звуковой символизацией определенной мысли. Перечислить все конкретные виды этой символизации нет возможности. Удар пушки в 12 часов в Петербурге есть символ того, что сейчас ровно 12 часов; свисток паровоза есть знак того, что он отправляется; гудки фабрик — символ того, что смена кончилась или начинается; звук рожка пожарных — символ пожара и предупреждение о необходимости дать дорогу и т. д. и т. д. Отсюда понятно, что всякий язык может быть определен как главный и основной вид звуковой социальной символики.

Перейдем теперь к другому виду сигнализации, к *цветовой*. Нам приходилось встречать открытки и записки у некоторых "молодых людей" и, особенно, "барышень" с надписью "язык цветов". Этот "язык цветов" был не только языком цветов в смысле растений (например, "роза обозначает пылкую любовь", "лилия — чистоту и невинность", "хризантемы — безнадежную любовь" и т. д.), но цветов в смысле красок. Впрочем, примеров можно привести и без "альбома барышень" сколько угодно. Так, согласно Вундту, белый цвет — символ веселья, зеленый — спокойной радости, красный — возбуждения и силы. Таков простейший пример цветовой сигнализации. Одним из примеров этого же рода являются и красные ленты, и красные флаги, так настойчиво преследуемые полицией и т. д. Само по себе разумеется, что красный цвет преследуется не потому, что он красный, а потому, что он *символ* мыслей, хотений и чувств, враждебных существующему строю. К этому же виду сигнализации должны быть отнесены и цвета государственных флагов, символизирующие единство государства или принадлежность того или иного судна с определенной окраской флага к соответствующему государству. Возьмем, далее, определенные цвета фонарей различных номеров трамвая, различные цвета (обычно красный и зеленый), посредством которых символизируется опасность или же безопасность пути для поезда (например, фонари стрелочников и т. д.), или цвета галунов различных ведомств и т. п. — все это суть лишь частные виды той же цветовой символики.

Но мало того; если взять картины, особенно современных художников-декадентов, то нетрудно понять, что "новаторство" многих из них заключается именно в попытке передать определенные мысли и чувства путем простой комбинации самих цветов. Но так как здесь почти всегда этот способ символики соединен с "пространственной" символикой, то более подробно на нем мы остановимся ниже.

В качестве особого вида символики может быть выделена и чисто световая сигнализация. Возьмите фонарики, находящиеся на мачте парохода; что это такое, как не символ того, что плывет пароход и поэтому пусть это видят во избежание столкновения. Возьмите художественные постановки различных пьес. Когда автор хочет показать зрителям хорошее настроение своих героев, то одним из способов вызвать переживание этого "светлого настроения" является изображение на сцене яркого солнечного дня, когда "вся комната как бы залита солнцем". Свет вообще символ радости, веселья и душевной безоблачности. Таков вкратце способ чисто световой символики.

Перейдем теперь к символике "пространственной" или символике формы. Она встречается как в чистом виде, так и в соединении с другими видами сигнализации, в особенности с цветовой. Возьмем буквы или письмена. Обратимся ли мы к иероглифам, или к клинообразным письменам, или к нашим буквам — все они суть символы прежде всего определенных звуков, а затем определенных слов и определенных мыслей. Книги, газеты, журналы и т. д. — все они представляют частный вид этой символики "формы". Громадная роль, которую они играют в социальной жизни, сама собой понятна, и нет надобности ее подчеркивать. Возьмите, далее, все геометрические знаки — все это виды этой же символики формы. Особенно резко она выступает в некоторых случаях. Так, например, кривая линия сама по себе обычно считается символом грациозности и гармоничности, тогда как ломаная — символом неуравновешенности, резкости, грубости и т. д. Вся живопись есть не что иное, как сумма цветовой сигнализации с сигнализацией "формы". Возьмем для примера левитановское "Над вечным покоем". Здесь нам даны очертания туч, реки, холма, часовни и покосившихся крестов над могилами. Этот комплекс цветových и "пространственных" значков служит символом множества различных мыслей и переживаний; невольно приходит при взгляде на нее и сумрачная "покоящаяся" перед бурей Русь 80-х годов, и чеховское настроение, и вечный сон в царстве смерти, и бессилие человека перед природой и т. д., и т. д. То же, по существу, представляет и всякая картина. Приводить другие примеры излишне, ибо их великое множество.

Дальнейшим видом символизации может служить символизация двигательная или мимическая. Все, конечно, бывали в цирках и все, конечно, видели так называемые пантомимы. Вот эти-то пантомимы и могут служить превосходным примером чисто двигательной символизации. Здесь та или иная мысль или то или иное переживание символизируется путем тех или иных движений. Если мы обратимся к театральным представлениям первобытных людей, то увидим, что они почти целиком представляют символизацию этого рода. Какой-нибудь австралиец, желая передать другим жизнь кенгуру или ящерицы, подражает их движениям и воспроизводит их способы передвижения, их походку и т. д. Точно так же остья сплошь и рядом дают "медвежь" драмы и комедии, где остяк изображает медведя и копирует все его действия и движения. И в нашей повседневной жизни мы сплошь и рядом пользуемся этим способом символизации. Когда нас спрашивают о чем-нибудь, мы сплошь и рядом вместо отрицательного "нет" ограничиваемся резким кивком головы или резким движением руки. Желая символизировать радость, мы улыбаемся, печаль — мы принимаем соответствующую позу и соответствующее выражение лица и т. д.

Особенно охотно к этому способу прибегают дети, не умеющие еще говорить, и глухонемые или слепые. У них этот прием "обнаружения" или "овеществления" психических переживаний едва ли не главный.

Пропуская другие второстепенные виды социальной символики, остановимся еще на так называемой "предметной" символизации, представляющей обычно соединение всех указанных видов символизации и особенно широко применяемой в социальной жизни. Не приняв во внимание символизм социальной жизни, и в частности, "предметный" символизм, мы рискуем не понять самой сути многих явлений. Возьмем для примера государство. Обычное определение государства как суммы трех элементов: народа, территории и власти — при игнорировании символизма делает неразрешимыми тысячи проблем.

И профессор М. А. Рейснер вполне прав, когда указывает на идеологию и специфический символизм, с нею связанный, как один из самых основных признаков, характеризующих государство. В самом деле, как иначе объяснить все эти атрибуты власти: скипетр, державу, порфиру, гербы, знамена, короны, аксельбанты, петлицы и т. д. и т. д.

Если бы суть дела здесь была в самих "скипетрах", "коронах" и "гербах", то мы поистине имели бы перед собой абсурдное и необъяснимое. Почитать и считать священными эти комплексы различных то металлических, то деревянных предметов — поистине было бы каким-то недоразумением. Мало ли есть металлических вещей и корои, мало ли есть жезлов и т. д., однако они не почитаются. Значит, и здесь суть дела не в скипетрах и жезлах и т. д., а в том, что эти последние суть только "предметные" символы определенных психических переживаний, мыслей и чувств, именуемых государством. Корона и зеркало ценны и святы не сами по себе, а лишь как символы "святых" и великих мыслей, чувств и хотений. Подобные "предметные" символы в социальной жизни мы встречаем буквально на каждом шагу. Возьмем для примера священные или религиозные реликвии: храмы, статуи и иконы святых, кресты, одежды, лампады и т. д.

Что такое любой храм? Почему он свят более, чем обыкновенный дом? Ведь материалы, из которого он построен, — те же бревна, кирпичи, из которых строятся и частные дома. Формы домов и церквей бывают различные, и не в форме дело. Отсюда само собой понятно, что ковров и другие религиозные предметы "святых" потому, что они суть "предметные" символы непредметных и святых психических переживаний — религиозных мыслей, представлений, чувств и т. д. Святость вторых делает святыми и первых. Оскорбление вторых есть святотатство, и отсюда святотатством является и оскорбление самих символов.

Говоря коротко, все религиозные реликвии — это застывшие в вещественной форме религиозные переживания.

"Предметные" символы мы встречаем и в других областях социальной жизни. Влюбленный дарит своей возлюбленной букет цветов, символизирующий его любовь, нож символизирует ненависть, орел — мысль, вино — веселье и т. д. и т. д.

Таковы главные виды символики или главные виды объективации психики, данные в социальной жизни и в социальном взаимодействии... Из сказанного видно, что все эти символы (звук, свет, цвет, вещи, движения) суть не что иное, как своего рода проводники, подобные телеграфным и телефонным проволокам, посредством которых индивиды сообщаются друг с другом и без которых их психика должна была бы быть абсолютно замкнутой монадой без окон и дверей...

Каждый из этих основных видов символики в зависимости от характера выражаемой им мысли может распадаться на бесконечно разнообразные формы: звуки, изображающие печаль, будут одни, а радость — другие; звуки (восклицания, слова, аккорды), символизирующие благодарность, принимают одну форму, а негодование — другую.

Движения, сигнализирующие удовольствие и наслаждения, будут отличны от жестов, означающих страх или ненависть, и т. п.¹

В силу этого вполне понятно теперь, почему "материальные" предметы и явления могут и должны принадлежать к социальной категории и почему психическое взаимодействие объективируется в непсихических формах. Из сказанного же само собой следует, что любое социальное явление может быть разложено на два элемента, которые должны быть разграничиваемы друг от друга: 1) определенное психическое переживание или чистая психика, 2) непсихические знаки, посредством которых эта психика объективируется и символизируется. Так, например, всякая религия и всякое религиозное явление состоит, во-первых, из определенного ряда мыслей, чувств и переживаний и, во-вторых, из ряда символов, молитв, жертв, эмблем, икон, священных вещей и т. д., в своей совокупности составляющих то, что зовется культом и религиозным обрядом².

Всякое право, как это показано профессором Л. И. Петражицким, состоит: 1) из определенных (императивно-атрибутивных) психических переживаний и 2) из определенных символов, правовых учреждений, зданий суда и т. д., объективирующих первую категорию явлений и т. п.

То же относится и к любому социальному явлению. Каждое из них может и должно быть рассматриваемо под указанными *двумя точками зрения; под точкой зрения чисто психологической, или внутренней, и под точкой зрения символической, или внешней.*

Следовательно, бытие социального явления двойное: чисто субъективное самобытие Духа и объективировавшееся бытие того же Духа, но уже не "бестелесного", а воплотившегося в ту или иную "вещественную" и "осязаемую" форму.

В первом случае он может жить по своим собственным законам, во втором — он уже перестает быть "свободным" и становится связанным "тяжелыми" и "негибкими" законами вещественного мира, которые подчас радикально изменяют его собственные законы. Выражаясь конкретнее, во втором случае психика, воплощаясь в материальных и вещественных "предметах", волей-неволей принуждена подчиняться тем законам, которыми управляют последние. Таковыми законами служат *законы биологические и физико-химические.*

Вот почему исследователю, анализирующему социальную жизнь и ее закономерность, не приходится игнорировать законы биологии и физико-химии. Если бы он их отстранил и без них попытался объяснить социальную жизнь, руководствуясь исключительно психической закономерностью, то, конечно, его попытка окончилась бы неудачей... Она имела бы успех лишь в том случае, если бы психическое в социальном процессе было абсолютно отделено от непсихических видов бытия, если бы оно имело абсолютно автономное самобытие. Но этого, как выше было показано, нет и не может быть: объективировавшаяся психика есть психика, воплощаясь в непсихических видах бытия, и, как таковая, неизбежно подчинена законам этой последней. В силу этого ее закономерность иная, чем закономерность чистого "в себе самом" пребыва-

¹ О социальном символизме см. подробнее: *Сорокин П. А.* Символы в общественной жизни. Рига, 1913.

² См. на этот счет: *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. P., 1912. "Религиозные явления, — говорит он, — вполне естественно распадаются на две основные категории: на верования и на обряды. Первые представляют состояния сознания и состоят из представлений, вторые суть определенные способы действия" (соответствующие первым) (С. 50 и след.).

ющего Духа¹. Только учитывая и принимая во внимание законы непсихического бытия, можно надеяться на раскрытие *действительной* закономерности социальной жизни.

Из сказанного сами собой вытекают следующие основные методологические правила исследования социальных явлений:

1) При исследовании любой категории социальных явлений необходимо строго различать две стороны этой категории:

а) чисто психическую и б) обусловленную первой — внешне-символическую.

2) При объяснении действительной закономерности социальной жизни необходимо учитывать характер закономерности не только психических явлений, но и явлений непсихических, в которых воплощается и через которые объективируется чистая "бесплотная" психика.

§ 3. Условия возможности правильного психического взаимодействия

Определив абстрактно социальное явление и указав на его две стороны, теперь перейдем к более конкретному изучению его. Как выше было указано, эмпирически психическое взаимодействие может быть дано лишь там, где центрами взаимодействия служат люди и высшие животные. Оставляя в стороне последних, сосредоточим наше внимание на более детальном изучении взаимодействия людей и тех "единств", которые получаются при наличности такого взаимодействия.

Совокупность индивидов, находящихся в психическом взаимодействии друг с другом, составляет социальную группу или социальный агрегат. Где дано это взаимодействие между двумя или большим числом индивидов — там дана и социальная группа как некоторое надиндивидуальное единство; где нет его — там нет и социальной группы. В последнем случае взаимодействующие "человекоподобные" индивиды (иначе их трудно назвать — раз они беспсихичны) ничем бы не отличались от взаимодействующих в стакане амёб, парameций и бактерий или от взаимодействия двух или большего числа марионеток, имеющих форму людей и мало чем отличающихся вообще от всяких физических масс.

В чем же состоит это психическое взаимодействие? Каково содержание тех взаимных акций и реакций, которыми обмениваются индивиды друг с другом? Иначе говоря, что служит предметом обмена между ними? Ответ на это кратко дан был уже выше. С психологической точки зрения ("внутренней") это взаимодействие сводится к обмену различными представлениями, восприятиями, чувствами, хотениями и вообще всем тем, что известно под именем психических переживаний.

Но точно так же выше было указано, что индивид с индивидом не могут обмениваться непосредственно и прямо психическими переживаниями. Каждый из них представляет как бы абсолютно замкнутую психическую машину, из которой психика может быть сообщена другой машине не непосредственно, а только через те или иные проводники, подобно электричеству, передающемуся или путем проволок, или путем воздуха — проводника. Как для восприятия электрической энергии, передаваемой, например, путем беспроводного телеграфа, должны быть на другой станции те или иные во-

¹ О различии закономерности развития субъективного и объективировавшегося Духа см. также: *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры // *Логос.* Спб., 1912.

спринимающие аппараты, так и у индивида, которому передается то или иное психическое переживание, точно так же должны быть специальные воспринимающие аппараты.

Такими аппаратами и являются так называемые органы чувств: органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса и т. п. Для того чтобы узнать переживания и мысли другого, мы должны или непосредственно его видеть (например, "печальное выражение лица", "радостную улыбку", "веселый взгляд", "сумрачный вид" и т. д.) либо видеть, например, его письма и другие предметы, на которых "запечатлелись" его переживания, либо слышать, например, ряд его слов, посредством которых он описывает нам те или иные чувства, мысли, слышать его "стон", его "смех" (злорадный, беззаботный и т. д.), либо воспринимать "легкое и дружеское пожатие руки", "горячие поцелуи" и т. д. и т. д.

Если бы у какого-нибудь индивида не было подобных воспринимающих аппаратов, например, ни глаз, ни слуха, ни обоняния, ни осязания — то этим самым исключена была бы возможность всякого психического общения с ним. Он был бы похож в этом случае на те "мертвые" статуи, которые "вечно молчат и хранят свою тайну".

Что же касается "проводников", посредством которых эти переживания передаются от одного другим и обратно, то такими "проводниками" являются всегда те или иные категории непсихических предметов, данных нам то в виде звука, то света, то цвета, то ряда движений, то тех или иных "вещей"! *Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: а) сначала оно является чистой психикой, б) затем превращается в непсихическую форму — в символ, в "раздражитель" и, наконец, в) снова получает психическое бытие в воспринявшем субъекте.* К примеру, мне сейчас грустно; пока я молчу, пока у меня нет "грустного вида", печального выражения глаз, нет никаких вздохов и т. п. — мое душевное состояние неизвестно никому (при условии исключения предшествующих символов, дающих основание предполагать то или иное душевное состояние). Я говорю: "мне грустно", или пишу: "мне грустно", или сажусь за рояль и беру ряд минорных аккордов, или же придаю (намеренно или произвольно — здесь пока безразлично) моим движениям, фигуре и лицу "печальный вид" — и этими способами символизирую и "овеществляю" свое состояние. Символы моей грусти воспринимаются другими и снова принимают психическое бытие в их сознании.

Из этого примера виден механизм психического общения и основные стадии перехода психики от одного индивида к другому.

Отсюда же следует, что для возможности психического взаимодействия помимо других условий — наличности сознания или психики у субъектов взаимодействия, наличности воспринимающих аппаратов и т. д. — необходимо еще одно дополнительное условие, а именно наличность более или менее одинакового проявления (символизования) одних и тех же переживаний взаимодействующими субъектами, что, в свою очередь, дает возможность правильного толкования этих символов каждому из них.

Если этого условия нет — то нет и правильного психического взаимодействия, а раз нет последнего — нет и подлинной социальной группы.

Остановимся подробнее на сказанном. Почему необходимо, чтобы взаимодействующие субъекты одинаковым образом выражали одни и те же психические переживания? Потому, что психика, прежде чем перейти

к другому, "овеществляется", символизируется и только в виде этого символа дана другим членам общения. Простейшими примерами невозможности взаимодействия служат факты, когда два иностранца, например русский и англичанин, "разговаривают" между собой, не зная языка своего собеседника. Каждому известно, что из этого разговора ничего не получается: один говорит "про попадью, а другой про попа". Спрашивается, почему же они "не понимают друг друга"? Ответ ясен — потому что *звуковые символы того и другого не тождественны*. Оба собеседника могут быть знаменитыми учеными, могут иметь прекрасный слух, прекрасное зрение и т. д., но тем не менее ни тот ни другой не поймут друг друга. Если они кое-что и поймут, то скорее из движений, из мимики, из характера восклицаний, а не из слов. Стоит, однако, только допустить, что способы символизации и в остальных областях символики (световой, двигательно-мимической, "вещественной") различны — и тем самым мы принуждены будем думать, что психическое взаимодействие между нашими собеседниками будет совершенно исключено. Прекрасный художественный образец такого непонимания, вызванного на почве неодинаковой мимической символизации во взаимодействующих субъектах, дан Гюго в его романе "Человек, который смеется".

Вероятно, всякий помнит знаменитую сцену из этого романа, в которой "вечно смеющийся" человек сыплет громы и проклятия, преисполнен глубокого негодования, а остальные не только не думают, что он и в самом деле негодует, но, напротив, думают, что он смеется и говорит все эти бичующие слова лишь "шутки ради". Недоразумение это, как известно, вызвано было исключительно тем, что у человека во время его речи было "смеющееся" лицо!...

То же самое может быть сказано и о любой форме символизации... Если бы кто-нибудь "беззаботно смеялся" и "весело улыбался" тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакал бы тогда, когда ему весело, плясал бы тогда, когда он в отчаянии, с сжатыми кулаками, со стиснутыми зубами бил бы кого-нибудь в знак того, что он его любит и ласкает, — то, очевидно, мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что "чужая душа потемки" и что разгадать подлинные ее переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим, например, в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов (поступков обвиняемого), рисуют совершенно противоположные картины психических переживаний подсудимого. Прекрасный пример сказанному дают "Братья Карамазовы" в той главе, где одни и те же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокурором и защитником.

После сказанного нетрудно согласиться с тем, что если бы у индивидов, постоянно соприкасающихся друг с другом и обладающих даже высокой психической жизнью, формы ее символизации и объективации были совершенно различны, то "правильного" психического общения между ними быть не могло бы. Каждый из них был бы для других каким-то живым непонятым существом, двигающимся, действующим, шумящим, но... и только... Такая совокупность индивидов была бы лишь совокупностью разнородных "чудесных" существ, связанных между собой не больше, чем связаны те куклы, которые проделывают ряд движений на подмостках уличного балагана или за стеклом

¹ Вторым примером может служить сцена "Смейся, папа" из оперы "Папцы" Леонкавалло.

особых аппаратов, часто имеющих на вокзалах. Таким образом, *одним из необходимых условий для возможности правильного психического взаимодействия является наличие одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными членами группы*; где этой тождественности нет, хотя бы и были налицо высокая психика и "воспринимающие аппараты", — нет и психического взаимодействия, и тем самым и *социальной группы как некоторого надиндивидуального единства*.

Исходя из сказанного, мы можем представить себе образно психическое взаимодействие, данное в социальной группе, в таких чертах. Прежде всего, нам здесь дан ряд индивидов, находящихся друг с другом в психическом общении... Между этими индивидами непрерывно возникают и исчезают различные психические течения. Каждое из этих течений в продолжение своего перехода от индивида к другим успевает символизироваться, затем как символ или раздражитель воздействует на воспринимающие аппараты других, доходит до их психики и там снова переходит из символического бытия в бытие психическое, которое в свою очередь проявляется вовне в тех или иных символах; эти символы снова воздействуют на других, снова претворяются в психическую форму и т. д. Таким образом, психическое взаимодействие конкретно представляется как бы бесконечным числом нитей, ежеминутно возникающих и исчезающих между членами общения, как бы множеством электрических искр, непрерывно перебегающих от одного к другим и обратно...

Для того чтобы возможно было это общение, необходимо, чтобы формы проявления символики были однообразны. Без этого условия искра, идущая от одного, или не будет воспринята другими, или же будет воспринята неправильно.

Теперь сделаем краткое резюме всему сказанному в этой главе:

1) Социальное явление дано там, где дано психическое взаимодействие между теми или иными центрами.

2) Таковыми центрами являются люди и высшие животные, обладающие развитой нервной системой.

3) Каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: одну внутреннюю — чисто психическую; другую — внешнюю — символическую; первая для нас непосредственно не дана, а дана всегда лишь в виде символов.

4) Каждый из бесчисленных психических процессов, возникающих между двумя или большим числом членов общения, при своем переходе от одного субъекта к другим необходимо должен пройти через этап "овеществления" или символизации.

5) Ввиду этого для возможности правильного психического общения — и тем самым взаимодействия внутри социальной группы — помимо других условий необходимо еще одинаковое понимание самих символов, объективирующих душевные состояния. Где этой тождественности совсем нет — нет там, по существу, и *социальной группы*. Где степень ее очень низка — там низки и слабы и психические связи, скрепляющие одних членов с другими.

Таким образом, уже краткое рассмотрение самого процесса психического взаимодействия приводит нас к мысли, что вне организации нет и не может быть *социальной группы*, так как именно одинаковое понимание символов и является одним из элементов этой организации — *организации психической*.

§ 1. Три основные формы актов поведения

Если бы кто-нибудь предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, *совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке*, и описывая только *внешние* формы актов поведения, то вся *социальная жизнь*, или все то, что делает социальное явление категорией, *ускользнуло бы целиком из-под анализа такого исследователя*. Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих "масс", люди стали простой совокупностью атомов и молекул или простыми "центрами сил", а их акты, поведение и поступки перестали бы быть "актами" и превратились бы в простые "движения" этих масс. Ассоциация превратилась бы в простое "сложение сил", борьба — "вычитание сил", убийство — в ряд движений "центра сил А" по отношению к "центру сил В"; акт убийства преступником жертвы качественно ничем не отличался бы в этом случае от операции хирурга и убийства солдатом врага на поле битвы, так как акты всех этих лиц с внешней стороны довольно близки и сходны. Для подобного исследователя не существовало бы ни актов борьбы, ни актов спасения, ни слов молитвы, ни слов ругани, ни поступков злых, ни поступков добрых — а все эти явления превратились бы в простую сумму тех или иных движений ряда "центров сил", их взаимных перемещений, в ряд звуковых комплексов определенной высоты и тона, с определенным числом колебаний и т. д. Одним словом, подобный исследователь, подошедший к анализу социального явления с чисто физическими и химическими методами и принципами, не увидел бы в социальном явлении ничего, кроме обычных физических и химических тел и их реакций. Как бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы — он не найдет в актах людей и в них самих никакого элемента "добра" или "зла", "убийства" или "ненависти"; точно так же и в звуках, производимых людьми, он не услышит ни тона "проклятия", ни тона "благословения", ни тона молитвы, ни тона "приказа"; его аппараты не покажут ему ничего подобного.

Всякая грань между человеком и его поступками, с одной стороны, и между физическими и химическими телами и их формами взаимодействия — с другой, в этом случае исчезает¹.

Из сказанного понятно, что подобное изучение не есть изучение социального общения людей, а изучение людей как *обычных физических тел*. Для того чтобы возможно было изучение социального явления, то есть психического взаимодействия людей, необходимо должны быть привлечены и психологические категории и понятия. На наш вопрос, что такое право, мораль, религия, искусство и т. д., наш воображаемый исследователь отвечает нам, что право — это "соотношение сил", а преступление — "утечка сил". Но ведь если право есть только соотношение сил, то чем же оно может отличаться от соотношения сил между грузом А и грузом В, находящимися на концах рычага? Ведь и тут тоже соотношение сил; но следует ли из этого, что соотношение грузов или сил А и В есть правовое отношение? И рассеяние теплоты благодаря лучеиспусканию есть также "утечка энергии". Но значит ли, что это рассеяние есть в то же время и преступление?

¹ Примерами такого трактования могут служить, например, работы Оствальда. Сознание для него есть лишь "течение нервно-энергетического процесса". Война, преступление и наказание — есть лишь "утечка" энергии; продажа-покупка — "реакция обмена" и т. д. См. его "Философию природы". Спб., 1903.

Отсюда видно, что наш исследователь, изучая социальное явление по вышеуказанному рецепту, не только не дал бы анализа тех или иных социальных фактов, но даже не коснулся бы их, оставив социальное явление в стороне целиком.

Как уже выше было указано, в последнем всегда необходимо различать, с одной стороны, психическую его сторону и, во-вторых, внешнюю сторону, объективирующую первую. Характер психических переживаний определяет собою характер поступков, подразделение первых обуславливает и подразделение вторых. Поэтому, анализируя социальное явление, и в частности поведение людей, живущих в группе, и пытаясь расчленивть на те или иные категории бесконечно разнородные поступки, следует всегда исходить из анализа тех психических переживаний, которыми сопровождается тот или иной акт поведения человека. Этот анализ даст ключ и к объяснению тех внешних актов, которые носят название поступков человека, из совокупности которых и складывается его поведение.

Со времени своего рождения вплоть до смерти каждый человек непрерывно действует, производит бесчисленное множество актов и получает в ответ на эти акты бесчисленное множество реакций от других людей, в обществе которых он живет. Из совокупности его поступков создается его поведение; характер первых определяет собою и характер последнего. Эти акты по своему конкретному виду настолько разнородны и разнообразны, что нет никакой возможности хотя бы приблизительно перечислить и описать их. Но эта конкретная разнородность, однако, не мешает с известной точки зрения сгруппировать все эти поступки в определенные разряды и подвести их под вполне определенные немногочисленные категории.

Можно указать две такие основные категории, под которые подойдут все поступки человека. Одни акты человека есть делание чего-нибудь, другие акты — есть "неделание" чего-нибудь. Всякий конкретный акт подойдет под одну из этих категорий.

Последняя категория "не делать" до последнего времени обычно понималась как категория "воздержания" от чего-нибудь. Поэтому все акты "неделания" и определялись как акты "воздержания".

Профессор Л. И. Петражицкий внес в это мнение поправку и вполне правильно указал, что не следует смешивать акты "воздержания" с иного рода актами "неделания", обозначаемыми им термином "терпение".

Стоит сравнить психический характер актов "воздержания" и актов "терпения", и разница между ними сразу становится ощутимой. Первые акты есть акты пассивные, состоящие в воздержании от каких-либо действий, а вторые есть акты активные, состоящие именно в терпении ряда воздействий, исходящих от других людей.

Если взять, например, христианское изречение: "Не противься злему" или "Если ударят тебя в правую щеку, то подставь обидчику и левую", то акты, предписываемые этой заповедью, получают существенно различный вид в том случае, когда мы будем толковать их как "акты воздержания", с одной стороны, и как "акты терпения" — с другой.

В первом случае эти акты получают характер пассивного воздержания от сопротивления обидчику. Действиям его не противятся, как необходимому злу. Если бы можно было сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательным и необходимо.

При второй же интерпретации этих актов они гласят: терпи обиды, ибо это терпение есть великая добродетель, в этом терпении есть вели-

кая ценность и для него нужны великие способности. Не несопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить царство Божие. Не пассивное воздержание, а любовное действительное терпение подчеркивается во втором случае. Уже Достоевский с обычной прозорливостью подчеркнул эти акты терпения и в противоположность Толстому в этом смысле — смысле терпения — разъяснил заповедь Христа "не противься злему". "Пред иною мыслью станешь в недоумении, — говорит у него старец Зосима, — особенно видя грех людей, и спросишь себя: "взять ли силой али смиренною любовью". Всегда решай: "возьму смиренною любовью". Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить можешь. Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего"¹. Очевидно, что эта "смиренная любовь" не есть пассивный акт воздержания, а именно активный акт терпения.

Итак, совокупность всего поведения человека распадается на ряд актов и поступков, а последние при всей их эмпирической разнородности представляют 1) или делание чего-нибудь (*facege*); 2) или неделание (*non-facege*) чего-нибудь, в свою очередь распадающееся на разновидности: а) актов воздержания (*abstinere*) и б) актов терпения (*pati*).

Если теперь мы возьмем каждую из трех категорий поступков отдельно и попытаемся проанализировать различные акты, подходящие под эту категорию, то увидим, что не все эти акты сопровождаются одинаковым психическим переживанием². Каждый из людей совершает множество актов делания. Так, например, я сегодня два часа занимался в конторе; заплатил 20 рублей моей хозяйке за комнату, возвратил товарищу взятые у него займы деньги и т. д. Все эти акты "делания" имели между собой то общее, что их делание или даже представление об этих действиях сопровождалось и сопровождается у меня *своеобразным переживанием "обязанности"*. Я занимался в конторе потому, что "обязан" был заниматься, а хозяин конторы "имел право" требовать от меня этих занятий. Я отдал хозяйке деньги потому, что "обязан" был отдать, а за ней имелось право получать их.

То же самое переживание было у меня и при совершении акта — возвращения долга товарищу.

Подобных же актов делания я совершил еще очень много с той только разницей, что в этих случаях я за собой признавал право требовать от других ряда актов, а другим приписывал "обязанность" совершить эти акты. Утром я послал прислугу в лавку, и она пошла туда, затем попросил ее вычистить ботинки, и она вычистила... Я требовал от нее этих поступков потому, что себе приписывал право требовать их, а ей приписывал обязанность исполнить их.

Подобные же акты, сопровождаемые особым переживанием, наделяющим одних правами, а других — обязанностями, имеются и в остальных двух категориях актов: в актах воздержания и терпения.

Мне, например, очень хотелось взять несколько книг, которые были выставлены в витрине магазина, но я этого *не сделал*, воздержался, потому что "обязан" был не делать, а хозяин магазина имел право *не терпеть* моих покушений на его добро. Таким образом, этот акт "неделания" у меня сопровождался переживанием, наделявшим меня *обязанностью "неделания"* (воздержания от акта), а хозяина *правом нетерпения*.

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Спб., 1895. Т. 1. С. 379—380.

² Само собой разумеется, что в дальнейшем принимаются во внимание только акты сознательные, а не рефлексо-инстинктивные или бессознательные.

Аналогичные же переживания я нахожу у себя и при третьей категории актов — актов *терпения*. Мне, например, очень мешает плач ребенка в соседней комнате, и я бы с удовольствием переместил его в другую квартиру. Но я воздерживаюсь от этих актов и смиренно терплю его плач, так как считаю себя обязанным терпеть его, а ребенку или его родителям приписываю право производить шум. Очень часто на заседаниях научных кружков мне не нравились многие ораторы, которые, не говоря ничего существенного, отнимали своими речами массу времени. Мне иногда хотелось бы прервать их и лишить слова. Но я этого не делал, так как сознавал, что я должен терпеть их, а они имеют право говорить.

Из этих примеров видно, что в каждой категории моих поступков (*facere, abstinere* и *pati*) имеется ряд актов, которые сопровождаются специфическими психическими процессами, наделяющими меня или других определенными правами и обязанностями. Назовем для краткости всю категорию актов, сопровождаемых указанными психическими переживаниями, категорией "должно-дозволенных" актов, поведение, состоящее из подобных поступков, — должно-дозволенным поведением, а взаимоотношения, устанавливающиеся между мной и другими на основе подобного поведения, — дозволенно-должными взаимоотношениями.

Спрашивается теперь, все ли разряды актов (*facere, abstinere* и *pati*), совершаемых мной, обладают этим "должно-дозволенным" характером, то есть все ли мои акты сопровождаются указанными психическими процессами, наделяющими одних субъектов "правами", а других "обязанностями"?

Очевидно, что нет. Я, например, дал сегодня "на чай" швейцару (акт *facere*); проработал вместо положенных двух часов четыре часа в конторе (*facere*); воздержался от выговора хозяйке за то, что она не пришла вовремя в моей комнате (*abstinere*); не взял денег с товарища за работу, которую я ему сделал (*abstinere*); терпел в течение часа присутствие ребенка в моей комнате, хотя и имел право его выпроводить оттуда (*pati*); терпел ругань пьяного на улице, хотя мог попросить городского его задержать и отправить в участок (*pati*) и т. д.

При всех этих актах я не приписывал никакой обязанности себе и права другим. Я не был "обязан" дать швейцару "на чай", а за ним не признавал никакого права требовать от меня денег. Я не был обязан работать в конторе 4 часа, и хозяин не имел права требовать от меня лишней двухчасовой работы. Я "имел право" сделать выговор хозяйке, а ее обязанностью считал выслушание выговора и принятие его к сведению. Но я не сделал этого. То же самое было и в других случаях. При совершении всех этих актов я не переживал никакой "связанности" или обязанности. Все эти акты у меня были добровольны, на которые никто не мог претендовать и требовать их от меня.

Под тем же углом зрения я "понимаю" и ряд актов других людей, совершаемых по отношению ко мне. Так, например, профессор X одолжил мне ряд книг, хотя и не был обязан это сделать. Хозяйка квартиры согласилась подождать следуемые ей 20 рублей, хотя и не обязана это делать. Мой знакомый подарил мне ряд ценных книг, хотя я сознаю, что я не имел права требовать их от него, а он не обязан был дарить их мне, и т. д. Во всех этих случаях и в бесчисленном множестве подобных случаев я рассматриваю их акты как акты вполне добровольные, к которым их ни я, ни никто другой обязывать не может. Все эти акты являются "услугами" этих лиц по отношению ко мне, услугами, продиктованными желанием сделать мне нечто приятное, полезное и т. д. Точно так же и я, давая швейцару на чай, работая лишние 2 часа,

добровольно оказывал швейцару и хозяину конторы услуги, нечто приятное и желательное для них (с моей точки зрения). Итак, в каждом разряде актов (*facere, abstinere* и *pati*) мы наряду с актами "дозволенно-должными", сопровождающимися "атрибутивно-императивным" переживанием, находим вторую категорию актов, актов *добровольных*, совершаемых ради желания доставить кому-либо приятное и вообще нечто хорошее.

Эти акты по самому своему характеру определяются двумя чертами: 1) они добровольны, 2) не противоречат "дозволенно-должным" (атрибутивно-императивным) переживаниям и убеждениям. Они никогда не идут вразрез с последними и никогда не нарушают их. Потому-то они именно и желательны, что они не противоречат "должному" шаблону поведения. Но тогда как последние всегда определенно регламентированы, и тогда как взаимоотношение двух субъектов, согласно им, носит всегда двусторонний связанный характер, в актах второй категории нет никакого "обязывающего" переживания. Если хочу я их совершить — совершу, не хочу — никто не может претендовать на них. Они своего рода роскошь, ни для кого не обязательная, но желательная или рекомендуемая. Назовем для краткости эти добровольные акты, не противоречащие "должному" поведению кого-нибудь, но желательные с его же точки зрения, представляющие своего рода избыток благоволения, актами *рекомендуемыми* (с точки зрения того же лица); поведение, состоящее из подобных актов, *поведем* рекомендуемым; а взаимоотношение, устанавливающееся между данным лицом и другим на почве совершения подобных актов, — взаимоотношением *рекомендуемым*¹.

Но исчерпывается ли каждая категория поступков и этими двумя видами должных и рекомендованных актов? Очевидно, что нет. Я могу себе представить, что я не пойду на работу в контору, что я убью сегодня кого-нибудь, что я пойду и украду или силой возьму нужную мне вещь в магазине, или не заплачу хозяйке ничего, а жить в комнате буду. Стоит мне представить подобные акты, идущие вразрез с моими же представлениями "должных" актов и взаимоотношений и нарушающие их, стоит мне представить, а тем более совершить эти акты, и у меня произвольно возникает в душе некоторое *отвращение* к этим актам и переживание их "недозволенности". Они кажутся мне чем-то недопустимым, запрещенным именно потому, что они *противоречат тому поведению, которое в моих же глазах имеет характер должного*.

Подобное же переживание "недозволенности" возбуждает во мне и ряд чужих актов, совершаемых по моему ли адресу кем-нибудь, или по адресу других людей.

Если бы кто-нибудь вздумал без моего позволения и даже вопреки запрещению расположиться в моей комнате и не пускать меня в нее; или если бы кто-нибудь ударил меня на улице или обругал без всякого повода — то все эти акты мной рассматривались бы как акты недопустимые и запрещенные.

Стоит мне далее представить себе картину, где более сильный бьет более слабого потому только, что он более сильный, стоит представить себе ряд поступков разврата, лжи, нечестности, насилия, угнетения, совершаемых кем-либо, — и все эти факты, как действительные, так и воображаемые, мной произвольно квалифицируются

¹ Как видно из сказанного, акты "рекомендуемые" "морально однородны" с "дозволенно-должными", но превосходят их норму, а благодаря этому обстоятельству количественное различие переходит в качественное: обязательно-правочное отношение переходит во взаимно-добровольное.

как акты запрещенные, нарушающие мои убеждения должного поведения и потому отталкивающие меня. *Все подобные акты, нарушающие шаблоны должного поведения и противоречащие им, и поведение, состоящее из подобных актов, назовем поведением и актами запрещенными или недозволенными.*

Каждая из указанных выше категорий поведения, будучи данной у всех людей, может быть различной по содержанию для различных лиц. Для каждого человека тот или иной акт войдет в одну из этих трех категорий в зависимости от того, каковы его представления "дозволено-должного" поведения. Категория "должных" актов — есть основная категория, и ее характером обуславливается принадлежность того или иного акта к той или другой категории. Если, например, мы возьмем члена древних обществ, считающего в качестве "должного" акта убийство чужеродца, то, очевидно, акт неубийства его будет им квалифицироваться как акт запрещенный, а убийство особенно большого количества врагов — как акт рекомендуемый. Те же акты получают совсем иную квалификацию со стороны человека, для которого в данной сфере "должным" шаблоном поведения будет принцип "не убий". Убийство в этом случае будет актом запрещенным, оставление жизни врагу — должным, а любовь к врагу — рекомендуемым.

Если обратиться к иной сфере социальных отношений, например половых, то и здесь те или иные формы поведения будут сопровождаться различными переживаниями, например, у первобытного человека и человека-христианина.

Для первого сожителство со многими женщинами (определенной половины клана и определенной возрастной группы) будет должной формой поведения. Совершенное воздержание от половой жизни — или попытка не допустить к своим женам других мужчин — явится уже актом недозволенным. Иначе отнесется к этим видам поведения христианин. С его точки зрения "должное" поведение в данной сфере есть моногамический брак, "во образ союза Христа с церковью". Рекомендуемое — безбрачие и целомудрие, запрещенное — половая жизнь вне брака или жизнь со многими женщинами. Эти нормы установлены Христом и отчетливо сформулированы апостолом Павлом. "Могий вместити, да вместит", — говорит Христос, рекомендуя целомудрие, дозволяя брак и запрещая блуд¹. "Безбрачным же и вдовам говорю, — пишет апостол Павел, — хорошо им оставаться как я, но если не могут воздержаться -- пусть вступают в брак. Если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж — не согрешит. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий — поступает лучше"... "Бегайте блуда", ибо "ни блудники, ни прелюбоден, ни малакии, ни мужеложники... царства Божия не наследуют"².

И в окружающей нас социальной жизни мы сплошь и рядом можем констатировать эту разнородность содержания каждой категории у различных людей и групп. Один и тот же акт, например забавка рабочих, одним считается актом должным, другими — запрещенным. Из всех подобных примеров можно видеть, что хотя содержание каждой категории может быть и различно у различных людей, но наличие этих разрядов дана в сознании каждого (кроме тех, разумеется, кто страдает этическим идиотизмом и психической тупостью).

Теперь сделаем краткое резюме сказанного. Все акты каждого из

¹ См.: Евангелие от Матфея, 19: 11—12.

² См.: 1-е послание коринфянам, 7:8, 9, 28, 36—38; 6:10, 18.

разрядов *facere, abstinere, pati* по характеру психических переживаний распадаются на три основные категории, на:

1) Акты "*дозволенно-должные*", которыми являются поступки, соответствующие представлениям "должного" поведения, атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть или акты осуществления прав, или акты осуществления обязанностей. Если поведение кого-нибудь соответствует тем правам и обязанностям, которыми я или другой его наделяет, то его поведение в моих глазах или в глазах этого другого есть поведение должное, если оно не соответствует — то оно перестает быть таковым. То же самое получится и с точки зрения другого человека.

2) Акты "*рекомендуемые*". Такими актами для каждого человека будут акты, *не противоречащие его представлениям дозволенно-должного поведения, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом "добротного" поведения, каковым является дозволенно-должное поведение, и потому всегда желательные.* Эти акты добровольны и потому не носят в себе никакого элемента обязанности.

3) Акты "*запрещенные*" или "*недозволенные*". Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям "должного" поведения и нарушают его "должную" норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям).

4) Эти категории — категории чисто "формальные". Хотя они и даны в сознании каждого человека, но эта наличность их еще не обуславливает тождественности "содержания" каждой категории у различных людей. Один может считать "должным" один шаблон поведения, а другой — иной. Сообразно с этим неодинаковыми будут и те акты, которые каждый из них будет считать рекомендуемыми и запрещенными.

§ 2. Три основные формы реагирования на чужие поступки

Установив основные разряды актов в зависимости от характера тех психических процессов, которыми они сопровождаются, подойдем теперь к изучению их с несколько иной стороны; спросим себя, как мы реагируем на каждый из этих трех разрядов? Одинаковыми ли остаются наши душевные переживания и обусловленные ими акты поведения в том случае, когда по отношению к нам кто-нибудь совершает акт, кажущийся нам запрещенным, с одной стороны, и акт, кажущийся нам должным, — с другой? Ежедневный опыт каждого из нас учит, что говорить об одинаковости переживаний и поведения в этих двух случаях не приходится. Возьмем самый обычный факт. Хозяйка моей квартиры приходит ко мне и заявляет, что срок месяца кончился и я должен уплатить 20 рублей за будущий месяц. Я считаю ее акт "должным", то есть приписываю ей соответственное право, и беспрекословно плачу ей 20 рублей. Теперь представим себе, что ко мне явился бы незнакомый мне человек и *потребовал* бы от меня 20 рублей, без всякого основания. Мои переживания в этом случае будут уже совершенно иными, чем в первом. Для меня его акт — акт запрещенный, акт вымогательства. Поэтому неудивительно, что во мне возникнет ряд переживаний, не особенно дружелюбных по адресу пришедшего, и поведение мое выразится в том, что я укажу этому господину на дверь, наградив его эпитетами "нахала", "стрекулиста", и в худшем случае позову дворника и отправлю его в участок.

В первом случае я рассматривал акт хозяйки именно как "*должный*", как вполне "*справедливый*" и потому морально положительный.

Я не испытывал по адресу хозяйки никаких неприязненных и недружелюбных эмоций; ее поведение не имело в моих глазах

отталкивающего и отвратительного характера. Она поступала так, как должно поступать. Иначе я вел себя во втором случае. "Незаконное" требование господина сразу вызвало во мне *неприятные* и антипатически-враждебные чувства по его адресу, желание дать ему отпор и вообще "показалось" мне недопустимым. Совершенно произвольно господин сделался для меня "врагом", а его поведение — отталкивающим.

То же самое каждый человек может проверить путем личного опыта, для чего, между прочим, великолепный материал дают наблюдения над собственными переживаниями во время чтения какого-нибудь романа или во время присутствия в театре на какой-нибудь драме или трагедии. Здесь нам даются всевозможные случаи взаимоотношений между героями, одни из которых поступают в наших глазах "должным" образом, другие — *недозволенным*. Наши симпатии всецело на стороне первых; вместе с ними мы страдаем, когда они страдают, и произвольно желаем "торжества добродетели" и "наказания порока". "Безнравственные" же герои опять-таки произвольно вызывают в нас враждебные по их адресу чувства; нам хочется протестовать против их актов, сделать их безвредными и даже наказать их.

Кто не симпатизировал королю Лиру, когда его дочери и зятя изгоняют его, и кто не имел враждебных чувств против тех, кого он благодетельствовал и кто его же безжалостно выгнал! Впрочем, если бы кто усомнился в сказанном, он легко может убедиться в этом, представив себе ряд форм поведения, из которых одни он считает *должными*, другие *запрещенными*. Пусть, например, он представит себе, что он убивает своего любимого отца. Достаточно только вообразить подобный акт — и переживание отвращения и отталкивания к подобному поступку, соединенное с враждой и ненавистью к тому, кто бы это сделал, — будет *налицо*... Иным уже будет переживание, если он представит себе акты заботливости о любимом отце, ухаживание за ним и т. п. В этом случае переживание по адресу подобных актов поведения будет *притягательным*, носящим характер *долженствования*, и все субъекты подобных поступков не вызовут никаких враждебных чувств по своему адресу.

Если далее мы представим себе ряд актов, кажущихся нам "рекомендуемыми", то и в этом случае в нашей психике будет дано переживание как по адресу самого акта, так и его исполнителя, не совпадающее ни с переживаниями при актах *должных*, ни при актах *запрещенных*. Эти переживания окрашены особенно сильным цветом *благоволения и симпатии* по отношению к совершителю рекомендуемого поступка, вызывают к нему особенно сильное чувство "*благорасположения, любви и уважения*", желание сделать и ему нечто *приятное и хорошее*. Сам же акт получает *притягательный* и желательный характер в наших глазах. Когда мы видим подобные поступки человека, не обязанного их совершать, но тем не менее делающего их, — этот человек становится своего рода "добродетельным героем", заслуживающим той или иной степени уважения и любви. Примеров, подтверждающих сказанное, можно привести *ad libitum*^{1*}.

С точки зрения обычных современных представлений никто "не обязан" раздавать деньги, жертвовать их на бесплатные столовые, приюты, школы, институты и т. д. И вот если кто-нибудь это делает, то его "рекомендуемый" поступок сразу же обращает на себя внимание, вызывает сочувствие по адресу такого лица, симпатии, уважение и т. д.

¹ * сколько угодно, по своему усмотрению (*лат.*).

Когда кто-нибудь помогает другому, хотя он и не обязан помогать, то первый в глазах второго становится "благодетелем, добрым и прекрасным" человеком, которому, в свою очередь, хочется сделать нечто приятное и хорошее.

И не нужно думать, что в каждом отдельном случае все эти переживания и способы реагирования на чужие поступки вызываются в нас путем преднамеренным, путем сознательного расчета и "зрелых соображений". Нет! Каждый из нас уже имеет обычно это различие запрещенных, рекомендованных и должных актов; воспринимая чужие акты, "сразу же" относит их к той или иной категории и сразу же произвольно и спонтанно реагирует на них в той или иной форме. Те или иные переживания, а в зависимости от них и формы поведения, в ответ на чужие акты возникают в нас моментально (за исключением некоторых случаев) и самопроизвольно. Самопроизвольно же объективируются эти переживания и в соответственные поступки.

Итак, *каждый из чужих актов, воспринимаемых нами, вызывает в нас неодинаковые переживания и соответственно неодинаковые формы реагирования на них:*

1) *Акты, воспринимаемые нами как "должные", не вызывают в нас ни переживаний вражды, ни ненависти, а равно ни особенной любви и симпатии к ним самим и к их исполнителю, они воспринимаются просто как "дозволенно-должные" (иное слово трудно найти), как нормальные, и только. Сама форма актов не вызывает в нас ни отращения-отталкивания, ни притяжения-любви. Они нормальны, справедливы, а потому положительны, и только. Лавочник дал мне фунт хлеба, я заплатил ему 7 копеек. Акт лавочника для меня просто нормальный, должный и ничего больше, а сам он не вызвал во мне по своему адресу ни особенной любви и симпатии, ни ненависти и вражды.*

2) *Иное переживание возникает в ответ на акты "рекомендуемые". Здесь я, в ответ на подобный акт, испытываю по адресу его субъекта особенное благорасположение, благодарность и любовь, симпатию и желание и ему, в свою очередь, оказать ту же услугу. Сам же акт нам кажется чем-то желательным и притягивающим.*

3) *Наконец, в ответ на акты запрещенные мы реагируем в форме переживаний и актов вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное покушение и отомстить за его попытку. Сам же акт вызывает в нас переживание отращения и отталкивания к такой форме поведения.*

Иначе говоря, акты должные кажутся нам всегда нормальными, справедливыми и потому морально положительными; акты запрещенные — морально отрицательными и поднормальными; акты рекомендуемые — сверхнормально-положительными, своего рода моральной роскошью.

Каким является каждый из них — такую же реакцию он вызывает.

Эта реакция происходит самопроизвольно и спонтанно.

Само собой разумеется, что установленная нами классификация как *самих актов*, так и *форм* реагирования на них не есть классификация по конкретному содержанию самого акта и реакция на него, но это есть классификация по *форме* психических переживаний. Какой акт является для кого-нибудь запрещенным, рекомендуемым или должным, а соответственно с этим на какие акты он будет реагировать нормальным, поднормально-враждебным и сверхнормально-любовным образом — это зависит от всего характера психической жизни, убеждений и мировоззрения индивида, создаваемых различными

факторами. Содержание каждого разряда как акций, так и реакций, как уже выше было указано, может быть различным для различных индивидов, но сама *наличность указанных разрядов и описанных форм реагирования на каждый из них дана в поведении каждого человека.*

Установив эти три разряда актов и три разряда реакций на чужие акты, воспринимаемые то как должные, то как рекомендуемые, то как запрещенные, теперь для краткости обозначим каждый из них соответственными терминами. *Акты рекомендуемые назовем подвигом или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, наградой. Акты запрещенные назовем преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, — наказанием. Акты "дозволенно-должные" и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными.* Таким образом, получаются три пары актов и вызываемых ими реакций:

преступление — наказание,

подвиг — награда,

"дозволенный" акт — "должная" реакция.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОДВИГ

§ 1. Преступление

Установив в предыдущем прелиминарные определения каждой из основных категорий поведения, теперь рассмотрим каждую из них более детально. Начнем с изучения преступлений и наказаний и попытаемся дать понятие каждого члена этой пары.

Как известно, преступления и наказания изучаются наукой уголовного права. По их поводу написаны сотни тысяч томов и имеется множество определений. Но, несмотря на это богатство определений, приходится сознаться, что общепризнанного понятия преступления, а соответственно и наказания, до сих пор еще нет. Главный грех значительного числа определений заключается в том, что вместо анализа действительных причинных взаимоотношений, существующих в живой действительности, догматика уголовного права весьма усиленно занималась и занимается анализом перечисленных в кодексе "преступных деяний", игнорируя аналогичные явления, данные вне кодекса. Отсюда же происходит и второй грех ее, а именно: смешение теоретической точки зрения с практической, сущего с должным. Приспосабливая свои определения к действующим уложениям, преследующим чисто практические задачи, догматика уголовного права не могла не впасть в этот грех смешения "сущего" и бывшего с "должным". Благодаря этому обстоятельству немудрено, что в ней были и до сих пор еще существуют тысячи "антиномий", которые едва ли бы появились при резком разграничении этих принципиально различных точек зрения.

I. Традиционный прием построения понятий преступного деяния и наказания таков. Говорится обычно, что "преступное деяние есть деяние, нарушающее нормы правопорядка". В этой части определения, пожалуй, все теоретики уголовного права согласятся между собой, ибо так определяют преступление все современные кодексы.

Допустим и мы пока, что эта власть верна и приемлема, и пойдем дальше. Мы сформулировали только начало определения, а не все определение. Ведь те же кодексы различают, коротко говоря, неправду уголовно наказуемую и неправду не наказуемую, иначе говоря, правона-

рушения уголовные, гражданские, а некоторые отсюда выделяют еще и полицейские правонарушения.

Добавьте к этому такие явления, как деяния, нарушающие нормы доброго поведения, нравственности, благоприличия, деяния, противоречащие религиозным предписаниям (грех) и т. д.

И вот перед теоретиком уголовного права, отправляющимся от кодекса и приспособляющим свое определение только к кодексу или кодексам, встает ряд труднейших задач: раз кодекс отличает уголовные правонарушения от гражданских, нужно и ему найти *differentia specificæ*^{1*}, которая указывала бы, чем отличаются уголовные правонарушения от остальных. Один указывает в качестве специфического признака одно, другой — другое, третий — третье и т. д.; возникают взаимные споры, носящие тоже своеобразный характер. Обычным приемом опровержения противника является здесь не указание на то, что выделяемый им класс явлений не однороден или не целиком выделен, а указание на то, что, мол, ваше определение не согласуется с таким-то кодексом. Если это несоответствие найдено — теория считается погибшей.

Рассмотрим кратко главные типы попыток, имеющих своей целью выделить преступные деяния из разряда других правонарушений.

А). Одни авторы, пытаясь отделить уголовные правонарушения от других, указывали на то, что отличительным признаком первых является *содержание бедствующих от них человеческих потребностей*, иначе говоря, преступные акты, по их мнению, отличаются от других правонарушений и проступков по самому содержанию этих актов. Но спрашивается, какие же акты в таком случае являются преступными *по своей природе*? Можно ли указать хотя бы один акт, который бы сам по себе считался преступным во всех кодексах? Можно ли, например, таким актом считать убийство?

Стоит поставить эти вопросы — и данная попытка терпит полное фиаско. Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всеми кодексами считался таковым. Даже такие преступления, как убийство, и то не всегда и не везде считаются за преступления. Даже те кодексы, которые считают его за уголовное правонарушение, причисляют его к преступным не в силу его "природы", а в силу чего-то иного, так как они же допускают и даже требуют в известных случаях убийства, нисколько не считая его преступным.

Между тем если бы какой-нибудь акт был по самому *содержанию его* преступным, то этого "противоречия" не должно было бы быть. Если акт убийства *по своей природе* есть преступление, то он преступлением должен быть всегда и везде.

А раз он таковым не является — то, значит, причисление его к уголовным правонарушениям зависит не от его природы или содержания, а от чего-то другого. Значит, нужно искать это "другое", а нельзя определять преступные акты по "природе" этих актов.

Я взял наиболее выгодный для этой теории акт, и он, как мы видим, не подтверждает выставленного положения. Если же взять в целом все акты, которые кодексами различных народов и разных времен считались преступными, и даже кодексами одного и того же государства, то здесь уже прямо немислимо пытаться различать уголовные правонарушения от других правонарушений по содержанию самих актов или по их

^{1*} * видовое отличие, характерная особенность, отличительный признак (лат.).

природе. Один кодекс считает определенный акт преступлением, другой не считает его таковым. Например, по кодексу нашему до недавнего времени отступление от православной веры в язычество считалось уголовным правонарушением, а по европейским кодексам — переход из любой религии в другую не составляет преступления. Как тут быть, если считать тот или иной акт по самому его содержанию преступным? С одной точки зрения — он преступление, с другой точки зрения — нет. А так как исходят обычно только из кодексов и к ним же стараются приспособить свои определения, то и получается неразрешимая задача отождествления А с не-А. Вообще говоря, нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением: и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнuzданности и воздержания и т. д. — все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому *причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям и тем самым пытаться отделить последние от других правонарушений — задача безнадежная, похожая на попытку решения квадратуры круга.*

Б). Другим видом выделения уголовных правонарушений из других могут быть те многочисленные теории, которые утверждают, что *преступными актами являются те правонарушения, которые нарушают или угрожают наиболее важным интересам человека и данной группы.* Иначе говоря, законодатель причисляет к преступным актам акты наиболее *вредные и опасные* для благосостояния данной социальной группы.

Нужно ли говорить, что эта попытка, как и предыдущая, должна быть признана неудачной. Достаточно просмотреть ряд кодексов и даже один кодекс, чтобы привести множество фактов против подобного положения. В самом деле, какая опасность может заключаться в том, что брамин купит молоко? Никакой. Однако этот акт считался преступным и низводил его до степени судры, то есть присуждал к одному из тягчайших наказаний, тогда как акт несравненно более опасный, именно акт убийства брамином человека другой касты, мог пройти безнаказанным и мог быть не преступным¹. В Персии закон не считал преступным половое общение сына с матерью, тогда как общение с иноверной признавалось ужаснейшим преступлением. Который из этих актов наиболее вреден — само собою ясно. У ряда народов мы встречаем в качестве преступного акта акт наступления на тень другого человека. Есть ли в этом действительный вред — это ясно для каждого из нас. В моисеевском законе считалось преступным деянием "едение" свинины. Вредно ли это действительно — знает каждый. Да и в современном кодексе у нас, например, имеется ряд деяний, во вреде и опасности которых по сравнению с другими "не преступными" деяниями позволительно сомневаться.

Примером может служить хотя бы до недавнего времени запрещенный акт перехода из христианской религии в нехристианскую, из православия в раскол или же караемое законом снятие с себя монахами или священнослужителями сана и т. д. Подобных фактов можно привести сколько угодно.

Ввиду этого утверждать, что законодатель всегда причислял к уголовным правонарушениям акты наиболее вредные и опасные для жизни и благосостояния группы, — дело безнадежное.

¹ См.: Законы Ману. 3, 17; 10, 92.

Правда, сторонники этого течения могут возразить на сказанное, утверждая следующее: "Да, с нашей точки зрения эти акты, относимые тем или иным кодексом к числу преступных, могут и не казаться вредными и опасными. Но зато тем, кто устанавливал эти нормы, они *казались* таковыми". Но такое объяснение ничего не объясняет, ибо оно не дает нам понять, почему в таком множестве случаев законодатели и общества обманывались и признавали "опасными и вредными" обычаи, которые на самом деле нередко были полезными, и не признавали вредными и опасными поступки, которые на самом деле были таковыми. Это мнимое решение в конце концов сводится к пустой тавтологии, гласящей: уголовными правонарушениями являются деяния, перечисленные в уголовных кодексах. А почему именно эти, а не другие акты попали туда — ответа не дается этим течением, его ответ о большей опасности этих актов не оправдывается фактами; попытка "снять" противоречие прибавкой слова "казались" ничего не объясняет; ибо объяснение было бы дано тогда, когда было бы показано, почему они "казались" опасными. Этого объяснения нет, а потому тезис: акты считались преступными потому, "что они *казались*" опасными и вредными", равносильен тезису: "акты считались преступными, потому что они считались преступными".

В). Следующей категорией являются все те учения, которые пытаются выделить уголовные правонарушения из среды других посредством анализа "внутреннего состояния" правонарушителя. Один из них при этом таким "внутренним преступным состоянием" считает состояние "обмана". Если, следовательно, человек совершает правонарушение с сознанием того, что он поступает правильно, то его акты не являются уголовным правонарушением; если же он, заведомо зная, что поступает неправильно, нарушает норму правопорядка, его акт будет преступным.

Другие, как, например, Пусторослев, под таким "внутренним преступным состоянием" считает состояние "недоброкачественное относительно ума, чувства, воли и притом особенно предосудительное для этого лица (т. е. преступника) с точки зрения правоучредителя"¹.

Опять-таки и эту категорию решений приходится признать неудачной. Во-первых, ничем не доказанным является положение, что "этим духовным состоянием правонарушителя руководствуется правоучредитель при выделении уголовных правонарушений"².

Какие психические процессы происходили в его голове — одному Богу ведомо. Может быть, правоучредитель, устанавливая известную норму, думал вовсе не о "состоянии преступности", а о чем-либо другом, ну хотя бы о том, скоро ли наступит время его обеда, и руководствовался поэтому лишь правилом — скорее как-нибудь "состряпать" норму и идти отдохнуть... Нет ничего невозможного в том, что дело могло происходить так. А раз это мы допустим, то сразу же становится ясным, что вопрос о том, *чем руководствовался правоучредитель, к сути дела совсем не относится* и для решения проблемы есть вопрос совершенно побочный. Это — раз.

Во-вторых, даже допустив, что правоучредитель руководствовался указываемым профессором Пусторослевым "внутренним преступным состоянием", "мы не избегаем затруднений". В самом деле, если только это "внутреннее состояние" имелось в виду, то как тогда объяснить "преступления" юридических лиц, некогда имевшие место? Внутреннее

¹ Пусторослев П. П. Понятие о преступлении. М., 1891. С. 239—241, 246 и др.

² Там же. С. 241, 245.

состояние, по свидетельству самого же профессора Пусторослева, может быть только у физического лица, а у юридического оно не может быть, а потому, казалось бы, не должно быть и преступных актов, совершаемых юридическими лицами. Но таковые были.

Автор выходит из затруднения тем, что в этих случаях правоучредитель "*ошибался*". Но сказать это равносильно сознанию ошибочности своей теории. Что же это за правоучредитель — в одном случае всегда логичный и во всех кодексах руководствующийся "внутренним состоянием" (вещь, между прочим, довольно тонкая и едва ли доступная какому-нибудь готтентотскому вождю или правоучредителю древних обществ), а в другом настолько наивный, что ищет внутреннее состояние там, где оно не может быть. Не проще ли подумать, что он вообще не имел в виду этого внутреннего преступного состояния.

Но... кому неизвестно, что вменяемость есть явление относительно позднее и не бывшее в древних кодексах (об этом ниже), а потому отсутствие ее на ранних стадиях, с точки зрения профессора Пусторослева, должно было бы означать и отсутствие преступления здесь. Конечно, можно попытаться это утверждать, но отрицание факта не есть еще его уничтожение.

Что же касается более поздних ступеней, то здесь вменяемость имеет место одинаково и в среде гражданских и в среде уголовных правонарушений, а потому она не может быть доказательством "положения" о внутреннем состоянии преступника, которым якобы руководствовался правоучредитель.

Наконец, само понятие преступного состояния как "недоброкачественного и особенно предосудительного" уже само по себе неясно, туманно и сбивчиво. Ведь и гражданские правонарушения, а равно и дисциплинарные проступки едва ли являются с точки зрения правоучредителя доброкачественными и непредосудительными, а потому качественной разницы между преступными актами и правонарушениями нет, а раз нет ее — падает вся попытка разграничения тех и других. Что же касается количественной разницы, выражаемой словом "особенно", то она уже сама достаточно неясна и неопределенна. Почти все сказанное можно приложить и к другим теориям, пытающимся разграничить преступления от простых правонарушений путем указания на "внутреннее состояние".

Г). Наконец, едва ли не самой распространенной является та теория, которая *differentia specifica* уголовных правонарушений видит в том, что они *облагаются наказанием*. "Уголовные правонарушения суть наказуемые правонарушения" — вот краткое определение преступлений с этой точки зрения. Эта вполне ясная и определенная с первого взгляда формула, однако, перестает быть таковой, если внимательно взглядеться в ее содержание. Прежде всего, можно под эту формулу подвести ряд чисто гражданских, с точки зрения кодексов, правонарушений, а именно тех, которые налагают имущественное взыскание с виновника в пользу потерпевшего. Многие авторы чуть ли не отличительный признак гражданских правонарушений видели в том, что они влекут за собой не "наказание", а имущественный ущерб, и в этом смысле противопоставляли имущественные взыскания наказаниям. Но позволительно спросить, разве имущественные наказания не есть наказания? Разве они сплошь и рядом не причиняют большее страдание (в чем обычно видят сущность наказания), чем хотя бы арест или краткосрочное тюремное заключение. Это — раз.

Во-вторых, проследим далее, как определяется здесь наказание, в чем усматривается его сущность. Обычно сущность наказания усматривается

или в *принуждении*, которое сводится к причинению преступнику какого-нибудь лишения или страдания, или в *порицании*, или вообще в *причинении зла*. Но ясное дело, что наказанием будет не всякое причинение зла, страдания, лишения или порицания; кто-нибудь может кому-нибудь без намерения, без повода, "ни с того, ни с сего" причинить зло, обругать и т. д. (например, ударить, избить и т. п.), однако эти акты нельзя назвать наказанием. Наказанием эти меры будут лишь тогда, когда они вызваны преступлением, когда они являются реакцией на преступление. Нет наказания без преступления, и *логическим моментом, делающим причинение страдания наказанием*, является именно взгляд на него как на следствие преступления, как на реакцию, вызванную последним. Значит, для того чтобы понятие наказания имело ясный смысл, мы должны уже иметь ранее понятие преступления. Зная, что такое преступление, мы можем тот или иной акт отнести к нему, а потому и реакцию, вызванную им, назвать *наказанием*. Если же у нас нет понятия преступления, то мы не можем знать, и что такое наказание, так как не всякое причинение страданий будет наказанием, а только то, которое вызвано преступлением.

Теперь понятно, почему мы теории, выделяющие уголовные правонарушения по признаку наказания, называли порочными. В самом деле, здесь *понятие преступления конституируется в зависимости от понятия наказания, а понятие наказания, в свою очередь, определяется в зависимости от понятия преступления*. Получается круг. Незвестное X определяется через Y, а Y, в свою очередь, через X — понятно, что подобное уравнение довольно трудно решить.

Не будем далее излагать другие попытки различения уголовных правонарушений от других "неправд", а равно и приводить возможные возражения.

Сказанное позволяет нам заключить, что основные попытки указать *differentia specifica* преступлений, попытки, почти всецело базирующиеся на кодексах, стремящиеся согласовать свои определения только с кодексами, — малоудачны и, во всяком случае, весьма спорны.

II. Эта спорность станет еще большей, если мы примем во внимание следующее. В предыдущем мы допустили как истину общее определение правонарушений, гласящее, что "правонарушения есть деяния, нарушающие нормы правопорядка". Эта часть вообще почти не возбуждает споров среди догматиков уголовного права. Но достаточно небольшой вдумчивости, чтобы и *эту общепризнанную половину определения признать весьма спорным и, во всяком случае, чисто словесным определением*.

В самом деле, *чтобы это определение было содержательно, оно требует, по меньшей мере, 1) ясного понятия права и правопорядка вообще и 2) ясного понятия государства*.

Понятие права требуется потому, что оно лежит в основе самого определения, а понятие государства потому, что многие теоретики уголовного права, как и вообще правоведы, во-первых, само понятие права ставят в зависимость от государства, утверждая, что нормы права — это нормы, установленные государством, а во-вторых, потому, что многие криминалисты прямо подчеркивают, что преступление и наказание как правовые явления вне государства быть не могут. Отсюда понятно, почему определение для всей ясности требует наличности этих понятий.

Обращаясь к курсам, мы, однако, весьма редко находим хотя бы попытки определения этих явлений. А между тем кому же неизвестно, что в настоящий момент эти два понятия — права и государства — представляют из себя монеты, совершенно истершиеся от слишком частого употребления и потерявшие всякий сколько-нибудь

определенный смысл. Один под ними понимает одно, другой — другое. Общеобязательного понимания их нет.

Отсюда понятно, что введение этих понятий в определение преступления и наказания без их предварительной дефиниции представляет из себя не что иное, как денежную операцию с денежными знаками, ценность и значение которых совершенно неизвестны. А потому немудрено, что и все определение представляет из себя уравнение с одними неизвестными, решение которого невозможно. Первое X в определении — государство, второе X — право и правопорядок, третье X — *differentia specifica* уголовных правонарушений. Ни один математик не сумел бы распутать и решить подобное уравнение, а сказал бы, что для решения его нужны известные величины, а их-то и нет у нас...

Таков второй основной дефект общеупотребительных определений преступления и наказания.

III. А из этих дефектов, в свою очередь, как "из зараженного источника" проистекают новые погрешности и нелогичности...

а) Почти все авторы под преступным деянием разумеют противоправное деяние лишь в том случае, *когда оно совершено человеком, да еще "вменяемым"*. Раз так, то, казалось бы, само собой отсюда должно следовать отрицание преступности противоправных актов, совершенных не людьми или же людьми невменяемыми. Следовало бы ожидать, что авторы заявят, что подобные деяния, не совпадающие с их определением, в силу простой логики не входят и не могут входить в класс преступлений.

Однако те же авторы сплошь и рядом на той же странице, не смущаясь, начинают говорить о "*преступлениях*", совершенных коровами, петухами, юридическими лицами, невменяемыми людьми, о процессах против них и т. д., бывших в предыдущие века...

Они называют их не просто актами, а именно "преступлениями", и таким образом дают пример того, как можно давать определение и как можно в дальнейшем совершенно забывать его, оставив бесплодным в стороне.

Введение в понятие преступления в качестве его элемента принципа вменяемости обязывает (логически) автора к одному из двух выводов: или он должен совершенно исключить из области преступлений все правонарушения, совершаемые невменяемыми субъектами. Тогда он должен прямо заявить, что преступлений до сравнительно недавнего времени в человеческом мире не было, так как не существовало раньше самого понятия вменяемости.

Или же он должен оговориться, что его *определение преступления не есть определение теоретическое*, изучающее преступление с точки зрения сущего, таким, каким оно дано в действительности, а *определение практическое*, исходящее из принципа долженствования и отвечающее на вопрос: *что должно считаться* преступлением, а не на вопрос: *что есть* преступление и чем оно было.

В первом случае область преступных актов весьма бы сузилась, пришлось бы отрицать наличность преступления в ряде общественных союзов, относивших к преступным актам те или иные акты не по субъективной их стороне, а по стороне объективной.

Ясно, что такой вывод показался бы весьма спорным, и потому ясно, что делать это небезопасно.

Второй же вывод не делается вследствие того, что в уголовном праве больше, чем где бы то ни было, уголовная *политика* смешивается с уголовной *теорией*, *должное с сущим*. Поэтому немудрено, что это смешение проявляется и в частных положениях науки о преступлении и наказании.

Вместо этих выводов, как может убедиться каждый, догматики уголовного права предпочитают разрубать гордиев узел и пожертвовать элементарными законами логики в пользу каких-то неизвестных мотивов...

б) Подобную же непоследовательность можно констатировать и в ряде других вопросов. Так, например, в вопросе о наказании как институте публично-правовом и частно-правовом. Обычно в определениях его авторы исходят из положения, что наказание как правовое явление дано только в государстве и представляет факт публично-правового характера. Но затем в той же книге авторы сплошь и рядом переходят к кровной мести в первобытных группах, осуществляемой отдельными лицами и семьями; без всякого стеснения называют этот институт наказанием и начинают с него историю наказания...

Мы не будем приводить дальнейших примеров, долженствующих показать неблагоприятное состояние современной догматики уголовного права. Сказанное позволяет нам думать, что здесь, может быть, больше, чем где-нибудь, требуются "реформы" и новые пути и особенно разделение точек зрения теоретической и практической.

Как уже было замечено, почти все определения, даваемые курсами уголовного права, догматичны и имеют в виду точку зрения того уголовного позитивного права, которое в данный момент является фиксированным в соответствующих уголовных уложениях. А само уголовное уложение преследует задачи практические, и потому вполне понятно, что определения преступления, по существу, лишь воспроизводящие определения уголовных уложений, также принимают характер практический, пригодный для уголовной политики, но не для теории преступлений.

Мы же здесь рассматриваем вопрос теоретически, а не практически. Мы здесь не спрашиваем, что *должно* считаться преступлением, а спрашиваем: каковы общие свойства того класса поступков (действий, воздержаний и терпений), которые в различные времена и у различных народов считались "преступными" и вызывали ту или иную реакцию, которая получила название кар или наказаний?

В силу каких условий тот или иной акт той или иной группой или тем или иным человеком причислялся к категории "преступных"?

Вследствие каких причин этот "преступный" акт вызывал и вызывает в виде реакции со стороны ли отдельного лица, или группы, или публичной власти ряд актов, именуемых карой?

Вот вопросы, которые стоят перед теоретическим исследователем, вопросы, совершенно отличные от того, какие акты мы *должны* считать преступными? Как должны мы их наказывать? Как должны бороться с ними? Все это уже дело практической дисциплины — уголовной *политики*.

Теоретическая постановка проблемы "преступления и наказания" не раз уже делалась, и немалое число ответов можно было бы привести в качестве примеров того или иного разрешения данной проблемы. Приведем типичнейшие ответы: "Преступление есть поступок, совершаемый членом данной социальной группы и рассматриваемый остальными сочленами в качестве поступка настолько вредного для группы или предполагающего такую степень антисоциального настроения у исполнителя, что первые, стремясь защитить свое благосостояние, реагируют на него публично, открыто и коллективно". Отсюда понятие, что "преступление — есть не только государственное, но и общественное явление".

Это определение может считаться типичным для весьма многочисленных последователей утилитаризма, начиная с ряда английских

мыслителей (Бентам, Милль, Спенсер и др.), являющихся главнейшими теоретиками и основателями этого течения.

В глубине этого определения лежит предпосылка, что "в основе каждой социальной нормы лежит социальная польза".

Хотя это определение преступления и ясно, но оно не верно по той простой причине, что множество норм (и едва ли не большинство) создано без всяких утилитарных соображений — это раз; невозможно найти действительную пользу в громадном числе норм — это два; можно указать ряд социальных норм, которые были прямо вредны для охранявшего его общества, — три; при репрессии, следовавшей за нарушением определенной нормы, — сплошь и рядом не возникало никакого представления о пользе — четыре.

Дюркгейм определяет преступление так: "поступок преступен, когда он оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания", понимая под коллективным сознанием "совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, образующих определенную систему, имеющую свою собственную жизнь"¹.

Но это определение неясно. Как установить, какое состояние коллективного сознания сильно, где критерий этого? А главный его недостаток заключается в том, что он имеет в виду только акты, "оскорбляющие сознание группы, коллектива". Но разве не могут быть случаи, где поступки и состояния сознания коллектива оскорбляют индивида? Иначе говоря, разве индивид не может рассматривать как преступление ряд актов общества и даже самые акты наказания преступников? Достаточно так поставить вопрос, чтобы ответ был ясен. Для примера приведу факты. "Прощайте, друзья! мужайтесь. Судьи — это шайка негодяев без убеждений; они сами не знают, что делают, и жаждут лишь денег" — так писал в своем дневнике один преступник. "Как я несчастен! Я невиновен, а меня держат здесь за то, что я убил человека, в то время как на свете много людей". Кто беден — тот расплачивается за всех. Одинокое заключение есть утонченное варварство в полном расцвете 19 века. "О, воры! Эти мерзавцы судьи губят ваш промысел. Не падайте, однако, духом и продолжайте ваше дело!"²

Во всех этих примерах, число которых можно увеличить по желанию, мы видим, что преступные — с точки зрения общества — акты ни в каком случае не являются таковыми для самих преступников³. Напротив, для них часто сами "правовые" нормы общества и основанные на этих нормах кары являются преступлением, ибо они "оскорбляют сильные и определенные состояния сознания" преступника. Отсюда и вытекает враждебность последних к обществу и желание отомстить (покарать) общество за его "преступление" по отношению к преступникам. Кому приходилось иметь дело с уголовными преступниками — те знают, что это явление не исключение, а скорее правило. Таким образом, стоя на

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1901. С. 63—64.

² Заимствую у Ч. Ломброзо "Новейшие успехи науки о преступнике". Спб., 1902. С. 104—109. У Достоевского в "Преступлении и наказании" Раскольников также не считал свой акт за преступление до его совершения. Рассудок и воля останутся при нем неотъемлемо, рассуждал он, ибо... "задуманное им не преступление".

³ "В продолжение многих лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, и большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Преступник, восставший на общество, ненавидит его и почти всегда считает себя правым, а его виноватым", — констатирует и Достоевский (Записки из мертвого дома. Спб., 1894. С. 16; см. также 12, 13, 14, 197 и др.).

почве самого же Дюркгейма, видящего сущность преступления в "оскорблении сознания", следует его формулу признать неточной. И не нужно думать, что общество с его правовым укладом может казаться преступником только категории преступников. Все опередившие "средний уровень и шаблоны поведения общества" — все они могут смотреть и смотреть на общество и его акты или акты его представителей как на преступление. И революционер, "разрушающий устои", и Савонарола, обличающий современное ему общество, и социалист, бичующий капиталистическое общество, и Прудон с его формулой "собственность — кража", и консерватор-роялист, отрицающий республику, и т. д. — все это лица, для которых "сильное и определенное состояние сознания" общества и вытекающие из него акты — суть преступления, ибо они оскорбляют их индивидуальное сознание¹. Поэтому, допуская правильность формулы Дюркгейма, по меньшей мере необходимо было бы ее дополнить и сказать: "Преступлением для кого-нибудь будет тот поступок, который оскорбляет сильные и определенные состояния сознания этого "кого-нибудь"... Но эта формула уже радикально расходится с дюркгеймовской...

Помимо юристов, как известно, немало потрудились над понятием преступления антропологическая и социологическая школы в науке уголовного права.

Антропологической школе необходимо было выработать общее для всех времен и народов понятие преступления и преступных актов, для того чтобы, исходя из полученного определения, установить "преступный тип" и его разновидности, ибо в противном случае невозможно было бы и установление биологических и антропологических свойств преступника...

Из ряда многочисленных попыток решения этой задачи остановимся на определениях преступления Гарофало и Ферри.

Гарофало приходит к определению "естественного преступления" как акта, который всегда и везде считался и был преступным: "Существует рудиментарное чувство жалости, которым обладает весь род человеческий под отрицательной формой, то есть в виде воздержания от жестоких актов... Общественное мнение рассматривало всегда нарушения (или оскорбления) этого чувства как преступления, вредные для общества, исключая войны, и акты жестокости, требуемые или вызываемые религиозными и политическими предрассудками или

¹ Стоит, например, посмотреть судебные речи ряда преступников, и в частности, политических преступников, чтобы убедиться в том, что свои акты они вовсе не считали и не считают преступными, а, напротив, находят их "должными", акты же власти, представителя общества — акты, направленные на их арест, а равно и акты наказания рассматривают не иначе, как акты преступные. Приведу один, хотя и не наиболее выразительный пример.

"Какую цель думали вы достигнуть вашим преступлением?" — спросили Луккени (убившего в 1898 г. в Женеве императрицу Елизавету) на суде.

"Отмстить за мою жизнь", — был его ответ.

"Раздумывали ли вы о гнусности вашего преступления и раскаиваетесь ли вы?"

"Нисколько, ведь не раскаялись те, которые преследовали людей в течение 19-ти веков".

"Если бы надо было повторить подобное совершенному вами, повторили бы вы?"

"Да, я повторил бы опять". (Беру у Д. А. Дриля. "Учение о преступности и мерах борьбы с нею". Спб., 1912. С. 360.) Аналогичные факты имеются, в особенности, у Достоевского в его "Записках из мертвого дома".

традиционными и социальными институтами”¹. Несколько ниже он дополняет это определение, говоря, что преступный акт тот, который оскорбляет основные альтруистические чувства — жалость (*pitié*) и честность (*probité*), но не в высших степенях их проявления, а в том среднем размере, в каком обладает ими данное общество².

Нужно ли говорить, что это определение ”естественного преступления” — определение чисто искусственное, не согласующееся с исторической действительностью и не пригодное, вследствие своей неясности, и для уголовной политики. Мы считаем излишним критиковать его, повторяя те возражения, которые были выдвинуты рядом лиц, с доводами которых мы не можем не согласиться.

Что определение Гарофало не соответствует исторической действительности — это следует из того, что в истории даны акты, которые не оскорбляли ”жалости и честности” и, однако, считались преступным — с одной стороны, и дан ряд актов, оскорблявших жалость и честность и тем не менее не считавшихся преступными, — с другой... Примерами актов первого рода могут быть: чародейство, непризнание догматов той или иной веры (инквизиция и религиозные преступления), сознательное или бессознательное нарушение ряда шаблонов, не имеющих ничего общего с чувствами жалости и честности.

С другой стороны, достаточно указать на детоубийство, отцеубийство, убийство рабов, жен и детей, кражу, которая у многих народов считалась даже добродетелью, и т. д. Правда, Гарофало мог бы на это ответить тем, что не нужно понимать жалость и честность в нашем смысле, а нужно понимать их так, как понимали сами группы. Но тогда спрашивается, какой же смысл имеют слова ”жалость и честность”, раз под ними понимаются всевозможнейшие вещи: раз и кража, и отрицание кражи есть честность, раз и убийство, и отрицание убийства есть жалость. В таком случае ”жалость и честность” становятся пустыми звуками, или ничего не содержащими, или же все включающими; иначе говоря, определение Гарофало становится решением уравнения, состоящим в том, что неизвестное X (преступление) заменяется неизвестными Y и Z (*pitié*, *probité*). Таково оно и есть по существу, не говоря уже о том, что помимо этих неизвестных в определении введены еще другие неизвестные: ”чувство”, ”средний уровень” и т. д.

С другой стороны, определение Гарофало обладает тем же недостатком, что и определение Дюркгейма, а именно: оно отождествляет юридическую защиту с защитой общества, тогда как фактически в каждом обществе акты, считающиеся преступными с юридической (официально коммунальной) точки зрения, вовсе не являются таковыми с точки зрения *всех* членов этого общества; равным образом юридическая защита путем наказаний тех или иных преступников не равнозначна защите *всего* общества, а представляет только защиту его привилегированной части, защиту, которая для других элементов общества сплошь и рядом является простым притеснением, насилием и, если угодно, преступлением. Чувства жалости и честности, свойственные привилегированной группе, могли быть и были (что доказывается восстаниями рабов), с точки зрения другой части той же *communauté* (группы), оскорблениями их чувств ”жалости и честности”, то есть преступлениями.

Не приводя других возражений, на основании сказанного мы можем заключить, что определить преступление путем указания конкретных

¹ *Garofalo R. La Criminologie. P., 1890. P. 34.*

² *Ibid. P. 38—39.*

актов, считавшихся якобы преступными всеми народами и во все времена, — дело безнадежное. Логика "конкретных вещей", оперирующая сравнением из разнородного материала преступных актов всех времен и групп предполагаемого "общего ядра", здесь, как и вообще в социальных науках, бессильна. Она должна быть заменена логикой отношений и функциональных взаимозависимостей...

Все сказанное почти целиком относится и к Ферри с той только разницей, что Гарофало последовательно проводит свои принципы, а Ферри в одном месте дает одно определение преступления, через страницу — другое, а еще через страницу — третье, и каждое из них противоречит одно другому... На странице 123 первого тома "Уголовной социологии"¹ он говорит: "Рассматривая хотя бы только исторический период развития человечества, мы убеждаемся, что вор и убийца по их противообщественным инстинктам всегда считались преступниками, каким бы критерием ни руководилось законодательство в своих репрессиях". Нужно ли опровергать Ферри? Если акты убийства, воровства и растления с убийством — сами по себе преступны, преступны по своей сущности, то как же согласовать это с бесчисленным рядом фактов, где убийство вовсе не считалось преступлением? Достаточно указать на детоубийство, отцеубийство, насильствие и убивание жен и девушек и т. п. факты, обычные в древности и совершенно не считавшиеся преступными актами. Достаточно, далее, указать на ряд народов, у которых кража и грабеж не только не были преступлениями, но, напротив, считались добродетелью².

Мало того, и в настоящее время ряд убийств (убийство на войне, в случае необходимой самообороны, смертная казнь и т. д.) не только не считаются преступными актами, но, напротив, еще награждаются как акты доблестные. Поэтому говорить, что убийство и кража всегда были преступными актами, — значит заниматься той "силлогистикой", в которой Ферри обвиняет всех, не согласных с ним.

Значит, дело уже не в самом характере акта, а в мотивах, его вызвавших. Но что значит выражение "личные побуждения", и совпадает ли оно с "антиобщественными инстинктами" (выражение Ферри). Я думаю, что всякий акт любого человека вызван "личными побуждениями", а потому оговествлять акты "личного побуждения" с антиобщественными актами нельзя. Ферри, очевидно, разумеет под первыми "эгоистические" акты, где в жертву своим интересам приносятся общественные интересы. Раз так обстоит дело, то, очевидно, под преступные акты подойдут какие угодно акты, а не только убийство и кража, потому что общественные интересы предписывали в качестве должных и убийство и неубийство, и жестокость и милосердие, и ненависть и любовь, и скупость и расточительность, и правду и ложь, и кражу с грабежом и охрану собственности, и насилие и "неприкосновенность личности", и педерастию с публичным "развратом" (религиозный гетеризм и т. п.) и воздержание от половой жизни (аскетизм) и т. д. Спрашивается в таком случае, как же согласовать второе определение с первым. Но мало того, индивид может совершать поступки из чисто эгоистических побуждений (личный мотив), и тем не менее эти акты могут совпасть с общественными интересами, следовательно, не будут "антиобщественными инстинктами"; и обратно, может совершить поступок, противоречащий общественным нормам,

¹ См.: Ферри Э. Уголовная социология. Спб., 1910.

² См., напр.: Спенсер Г. Научное основание нравственности. Спб., 1896. С. 350—369.

и тем не менее вызванный не эгоистическим расчетом, а исполнением высшего долга. Примером первого типа могут служить те лица, которые, пользуясь нормами закона, мстят своим недругам, основательно или неосновательно обвиняя их в нарушении норм, охраняемых правом, и вообще лица, совершающие ряд поступков ради узких эгоистических выгод, но так как эти выгоды не противоречат нормам права, то они и не считаются за преступление.

Примерами второй категории могут служить Христос, мученики, Сократ, Гус и т. д., несомненно нарушавшие общественные нормы, но столь же несомненно действовавшие не из "личных побуждений", а во имя "высшего долга".

Спрашивается, которая из этих двух категорий есть преступная категория. Первая действует из личных побуждений (эгоизма), но не нарушает общественных норм; вторая нарушает нормы, но действует не из "личных побуждений" (эгоизма). Определение Ферри предполагает, что антиобщественность и эгоизм, общественность (соблюдение норм) и альтруизм всегда совпадают. Но это, как мы видели, предположение совершенно ошибочное, благодаря этому и дальнейшее различие "атавистической и эволюционной преступности" теряет смысл, а вместе с этим, помимо других возражений, терпит фиаско и все определение преступления.

После целого ряда зигзагов мысли Ферри принужден сознаться, что "нам вовсе не так уж важно знать, какие именно аномалии преступники обнаруживали десять — двенадцать тысяч лет тому назад или какие обнаруживают современные дикари, так как мы занимаемся уголовной социологией лишь постольку, поскольку она касается настоящего момента и ближайшего будущего современных культурных народов, а отнюдь не для того, чтобы метафизически выводить абсолютные и вечные законы".

Понятие преступления для Ферри совпадает с современным позитивно-юридическим понятием, против которого он сам же протестовал и смело хотел найти "прирожденные" преступления, в зависимости от чего хотел определить тип "прирожденного" преступника. А замечание о "délit naturel"¹ * означает уже полный скептицизм и полное банкротство в своих попытках, что, однако, Ферри, врагу "логики и силлогизмов", не мешает в дальнейшем проделывать удивительные логические операции и говорить об "естественной и атавистической" преступности, об убийстве и краже как "извечных" преступлениях и т. д.

Но раз нет определения преступления, или же оно совпадает с данным позитивно-юридическим понятием, исторически изменчивым и непостоянным, то позволительно было бы спросить, в зависимости от чего же классифицируются люди на категории преступных и не преступных? Где те критерии, которые позволяли бы устанавливать антропологические свойства преступников? Во что же превращается сама уголовная антропология?

Так как в мою задачу не входит изложение всех главнейших определений преступления, то я ограничусь приведенными примерами и перейду к краткому развитию тех положений по отношению к преступлению, которые вытекают из вышеустановленных посылок...

Итак, сейчас перед нами задача определения преступления, то есть выделения класса определенных актов, обладающих одинаковой природой и одинаковыми признаками...

¹ * естественное преступление (фр.).

Для достижения этой цели прежде всего напомним, что *нельзя признаки класса "преступных" актов искать вне психики...* "Преступным" будет и может быть тот или иной акт *не сам по себе*, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный. Если бы мы попытались исключить эту чисто психическую природу преступления — мы бы не усмотрели в актах ничего, кроме простых актов, то есть движений двух или большего числа тел, имеющих определенную форму, определенную скорость и т. п. В этом случае поступки людей были бы тем, чем они являются в глазах физика, изучающего их "как частные виды взаимодействия двух или большего числа тел", как частный случай сложного взаимодействия, изучаемого вообще механикой...

Это взаимодействие было бы в этом случае однородным с взаимодействием двух камней, но только более сложным и разнообразным. Там, где нет психики, там нет и преступных форм взаимодействия и взаимоотношения. Где нет индивида, одаренного психической жизнью, нет и не может быть никаких преступных актов. Не в том или ином характере акта заключается его "преступность", а в том, что этот акт кем-нибудь *психически* переживается как преступный, как запрещенный...

Из сказанного вытекают нижеследующие основные положения:

1). Преступление может быть только психическим явлением, и класс преступных явлений есть класс специфических психических процессов, переживаемых тем или иным индивидом.

2). Определить признаки преступления — это значит отметить признаки специфического класса психических переживаний.

3). Так как психические переживания даны только в индивиде, то при определении преступления и преступных деяний можно стоять только на точке зрения того или иного индивида, то есть точкой отнесения неизбежно становится индивид. Тот или иной акт может быть преступлением лишь с чьей-нибудь точки зрения, то есть или индивида, или группы индивидов.

4). Для каждого индивида преступными будут те акты (*facere, abstinere и pati*), действительные или воображаемые, свои или чужие, которые возбуждают в нем соответственные специфические переживания.

Таковы основные положения, неизбежно вытекающие из тезиса, что преступность есть явление чисто психическое, а не внешнее¹.

Из этих положений, в свою очередь, вытекают такие правила:

1). Нельзя искать признаки "преступности" в самом содержании или в материальном характере тех или иных актов. Нет ни одного акта, действительного или воображаемого, который по своей материальной

¹ Плохо бы нас поняли, если бы вывели отсюда, что психическая природа преступления делает преступление чисто воображаемым, а не реальным явлением. Психическое не менее реально, чем психически вещественное. Поэтому отождествлять психичность с нереальностью нет никакой возможности...

Точно так же тезис о том, что преступление дано только *в психике индивида*, нельзя толковать в том смысле, что мы игнорируем социальное происхождение преступления и представляем себе индивида какой-то изолированной единицей. Преступление дано только в психике индивида как реальность, как специфический процесс, но это не мешает думать, что сам-то этот процесс возник благодаря социальному общению. Иначе говоря, не надо смешивать принципы систематики (феноменологии) определенного явления с вопросом об его происхождении или генезисе.

природе был бы преступным или запрещенным. Разнообразные акты, "называемые" убийством и спасением, ложью и искренностью, обманом и правдой, жестокостью и милосердием, кражей и раздаванием собственности, лечением ран и нанесением ран, альтруистическими поступками и эгоистическими актами и т. д. и т. д., — все эти и другие, противоположные друг другу акты не являлись и теперь еще не являются сами по себе преступлениями или добродетельными поступками. Один и тот же акт даже в одной и той же группе мог быть и преступлением и подвигом, в зависимости от того, какие переживания он возбуждал в индивиде, кем выполнялся и в пользу кого он был направлен, например, акт убийства, если он направлен против врага или чужеземца, был подвигом, если же направлен был против своеродцев — считался преступлением с точки зрения одних и тех же лиц. Если хозяин убивал раба — поступок с точки зрения хозяина и других не считался преступлением, если же раб убивал хозяина — его поступок квалифицировался как акт преступный... И теперь еще за убийство врага на войне одни и те же лица дают награды, но за убийство в мирное время того же иноземца посылают на каторгу. То же относится и к краже и ко всем другим актам. Ложь и обман в нормальных условиях мы считаем за нечто предосудительное, недопустимое; но та же ложь в сфере дипломатических отношений — возводится в принцип и награждается. Говорить правду — мы считаем социальной необходимостью, но говорить правду, например, врагу, во время военных действий, врагу, который требует от попавшего в плен солдата сведений о количестве, расположении и планах войска, к которому принадлежит этот солдат, — мы считаем вещь недопустимой, клеймим терминами "измена", "предательство" и так или иначе караем. Поэтому говорить вместе с Гарофало, Ферри и другими о том, что тот или иной акт по своей природе преступен, — никоим образом невозможно.

2). Нельзя, далее, считать преступлением, как думают многие, акты, причиняющие страдание, в силу того только, что они причиняют страдание. Может быть дан ряд актов, причиняющих страдание кому-нибудь, но не возбуждающих в душе этого же или других индивидов специфического душевного процесса, в силу которого эти акты должны были бы считаться преступными. Так, например, полиция сплошь и рядом "при исполнении своих служебных обязанностей" причиняет ряд психических и физических страданий, однако сплошь и рядом эти акты не квалифицируются как лично пострадавшими, так и другими лицами как акты преступные. Они не вызывают специфического процесса в их психике, а потому и не могут быть преступными. Не квалифицируются, далее, как преступные и те акты, причиняющие страдание, которые делаются, например, для "блага" терпящих страдание индивидов, например, акты хирурга, доктора, подчас причиняющие немалое страдание, или же акты педагога, с педагогическими целями нередко вызывающего у ученика ряд переживаний с отрицательным чувственным тоном...

Иначе говоря, хотя преступные акты и причиняют в большинстве случаев то или иное страдание, но логическим моментом, делающим их преступными, являются не страдания, а то, что они возбуждают специфическое душевное переживание.

Итак, для того чтобы определить класс преступных актов, необходимо охарактеризовать те признаки специальных психических переживаний, наличие которых в "душе" индивида и обуславливает собою квалификацию им тех или иных актов как актов преступных.

Эта задача, по существу, уже выполнена была нами выше, при квалификации трех основных категорий психических процессов, которыми сопровождаются восприятие или представление своих или чужих актов.

Там было указано, что как при совершении своих, так и при восприятии чужих актов, а равно и при простом представлении того или иного поведения мы испытываем не одинаковые душевные переживания, а переживания качественно различные. Одни акты и виды поведения, как свои, так и чужие, мы переживаем и сознаем как акты "дозволенные или должные", "справедливые" и приписываем себе и другим то право на их совершение, то право на их "приятие", то право на их нетерпение, то обязанность их совершить, то обязанность их терпеть, то обязанность воздерживаться от них.

Это распределение взаимных прав и обязанностей дано почти у всех людей. Как бы разнообразны и сложны ни были взаимоотношения, возникающие между индивидом и другими, а равно и среди других индивидов между собою, для каждого конкретного случая у каждого индивида уже есть своего рода "рецепт", что дозволено одной стороне и к чему обязана другая, каков тот вид взаимоотношения, который, по мнению индивида, будет "справедливым", "нормальным" или должным в данном случае. Каким образом появляются в индивиде подобные представления должного и не должного поведения, этот вопрос нас здесь не интересует, важно то, что они есть. Как уже выше было указано, наша психика при совершении и восприятии подобных актов остается, так сказать, нейтральной, в ней не возникает ни ненависти, ни любви, ни злобы, ни благодарности.

Если теперь индивид совершает, или воспринимает, или представляет акт, *противоречащий* его представлениям должно-дозволенного поведения, — акт уже вызывает в душе его иные переживания. Противоречие переходит в оскорбление, оскорбление вызывает вражду, иногда доходящую до ненависти, акт произвольно начинает казаться чем-то отрицательным, отталкивающим и получает в итоге ряд различных названий, говорящих о его морально-отрицательном характере. Акты преступные, запрещенные, безнравственные, грешные, несправедливые, незаконные, не должные и т. д. — все эти акты имеют между собой то важное сходство, что они противоречат "дозволенно-должному" поведению индивида и с этой точки зрения все они суть акты однородные, хотя и носят различные названия, в зависимости от того, в какой сфере они совершаются (в религиозной ли, в нерелигиозной и т. д.).

В каждом преступном акте даны по меньшей мере два элемента психической жизни: а) представление "запрещенного" акта и б) отталкивательная эмоция. А так как "запрещенность" (а равно и несправедливость, незаконность, греховность, безнравственность, непосполнительность и т. д.) акта сводится в конечном счете к противоречию с представлением "дозволенно-должного" поведения, то элемент "а" можно заменить представлением акта, "противоречащего представлению" "дозволенно-должного" поведения". К этим двум основным элементам преступного акта в дальнейшем очень часто присоединяется чувственный элемент — страдание: преступный акт, действительно совершенный, а иногда и просто представленный, очень часто вызывает переживание, сопровождающееся отрицательным чувственным тоном. А на почве этих элементов в дальнейшем уже самопроизвольно возникает ряд чувственно-эмоциональных процессов: переживания "оскорбления", вражды, ненависти, желания отомстить и т. д.

Эти специфические переживания даны почти у всех людей всех времен и народов¹. У первобытных народов эти запрещенные акты называются различными словами; этнографы дали этим актам общее нарицательное название "*табу*", взятое у полинезийцев.

Такими "запрещенными" актами являются с точки зрения любого индивида акты, противоречащие тем поступкам и тому шаблону поведения, который сознается им как "должный". Иначе говоря, *преступные или запрещенные акты суть акты, противоречащие "дозволенно-должному" шаблону поведения.*

Таково простейшее определение преступления. Следовательно, *общим признаком всего класса преступных актов и преступного поведения (с точки зрения любого индивида) будет признак противоречия их с поведением и актами, осознаваемыми как "дозволенно-должные"* (противоречие атрибутивно-императивным переживаниям). Это представление "противоречащего" акта приводит в действие отталкивательную эмоцию, а к ним затем уже может присоединиться ряд новых психических элементов: чувств, эмоций и т. д.

Это определение преступления по своему *логическому* характеру — *абсолютно* (все акты и виды поведения, обладающие указанным признаком "а", будут преступными с точки зрения соответственного индивида). Но *по содержанию* самих актов, вызывающих эти переживания "запрещенности" в том или ином индивиде, оно *относительно*. Относительно в том смысле, что оно допускает квалификацию каких угодно актов в качестве актов преступных. Если кто-нибудь приписывает родителю право убивать всех своих детей, а им — обязанность подставлять себя под нож отца ("должное" поведение с точки зрения данного индивида), то все акты детей, коль скоро они попытались бы оспаривать и бороться против таких поползновений родителя, квалифицировались бы таким лицом как акты преступные. Если же кто-нибудь считает обязанностью родителей не бить детей, а их правом — не терпеть побоев ("должное" взаимоотношение), то, очевидно, всякий акт родителя, реализующийся в виде тех или иных побоев, с точки зрения такого лица будет преступным. Вообще говоря, всякий акт потенциально может быть преступным, если соответственными будут представления должного поведения у того или иного субъекта... Говоря образно и сравнивая осознание акта в качестве преступного со светом прожектора, мы можем сказать, что "преступный" свет или цвет акта находится не в нем самом, а в психике индивида. Как ночью освещаются только те предметы, на которые падает свет прожектора, так и "преступным цветом" окрашиваются лишь те акты, на которые психика индивида (в зависимости от возбуждения в ней соответственного переживания) наводит или налагает эту "преступно-запретную" окраску...

Из сказанного будет понятно, *почему различными людьми квалифицировались как преступные акты — акты чисто воображаемые*, не имеющие внеспсихического бытия (акты духов, ведьм, чертей, ангелов и т. д.), или "акты" "неодушевленных" или не одаренных психикой (с нашей точки зрения) предметов: утесов, деревьев, животных и т. д.

Подобные "ошибки" объясняются с этой точки зрения чрезвычайно просто.

¹ За исключением лиц, страдающих моральной тупостью и моральным идиотизмом. Но для таких лиц, раз у них нет этих специфических переживаний, само собой ясно, не существует и преступлений, наказаний и должных актов. Они в этом случае ничем не отличаются от коров или шмелей, у которых мы не найдем этих переживаний, а потому не найдем у них и квалификацию актов: то как должных, то как запрещенных, то как рекомендованных.

Раз в соответствующем индивиде они казались преступными и возбуждали в нем соответственные переживания — он и квалифицировал их в качестве актов запрещенных.

Таково в основных чертах понятие класса преступных актов или преступлений.

До сих пор отправным пунктом нашего анализа был индивид и характер его психических переживаний; теперь ничто не мешает нам выйти за его пределы в социальную группу...

Если один и тот же акт или ряд актов будет противоречить шаблону "должного" поведения целой группы лиц, то этот акт будет преступлением для всей этой группы лиц. А так как группы взаимодействующих индивидов известны под различными названиями: то тотемического клана, то рода, то семьи, то церкви, то научного общества, то государства — то тем самым могут быть даны акты, преступные с точки зрения тотема, рода, семьи, государства, церкви и т. д., лишь бы они вызвали в психике их членов соответственные переживания. Такова сущность и определение актов, являющихся преступными с точки зрения коллектива.

§ 2. "Подвиг"

Выяснив понятие преступления, теперь мы должны были бы перейти к понятию наказания; но, как видно будет ниже, наказания являются коррелятом по отношению к наградам, а потому гораздо удобнее изучать их параллельно; ввиду этого мы и займемся теперь кратким анализом "услужных" актов или "подвигов", а затем уже перейдем к параллельному изучению наказаний и наград.

Прежде чем анализировать понятие "подвиг" или услуги, сделаем несколько замечаний о положении вопроса о подвигах и наградах в современной науке права. А это положение довольно любопытно и может служить любопытной иллюстрацией "курьезов" научной мысли. Этот "курьез" в данном случае заключается в том, что в то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью. Мы говорим о "подвигах и наградах". Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны.

В то время как наука о преступлении и наказании (уголовное право) выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофической, наука о подвигах и наградах или, если угодно, *наградное право* даже и не значится в числе научных дисциплин.

Правда, уже давно были сделаны попытки сделать ее. И в более близкую нам эпоху время от времени раздавались голоса о необходимости такой науки. Но эти голоса раздавались и терялись, не находя отклика в широких сферах представителей науки. Таким образом, и эти отдельные попытки окончились неудачей.

А между тем уже давным-давно было сказано, наряду с изречением "начало премудрости — страх наказания", изречение "не принимай даров", ибо "дары слепыми делают зрячих". Если в древних кодексах,

как, например, в Библии, в "Законах Ману", в законах Хаммурапи, в книге Мертвых и т. д., мы находим кары, в избытке расточаемые за совершение преступных актов, то не в меньшем избытке мы находим там и награды.

Поэтому, казалось бы, такое игнорирование их не должно иметь место. Но факт остается фактом: игнорирование — налицо, и его приходится констатировать. "Что за дело юристу до вознаграждения?" — вполне справедливо иронизирует Иеринг.

Но, к счастью, в последнее время все чаще и чаще начинают раздаваться голоса в пользу громадного значения услуг и наград и в пользу обоснования специальной научной дисциплины, изучающей эти явления.

"Вознаграждение, — говорит Иеринг, — в более обширном смысле представляется противоположением наказанию; общество наказывает того, кто провинится перед ним, оно награждает того, кто оказывает пред ним заслугу. Середину между образом действия того и другого занимает деятельность лица, которая не более и не менее, как только что соответствует требованиям закона. Таким образом, мы получаем соответствующие друг другу понятия о преступлении и наказании, о заслуге и вознаграждении, о легальном и правовой охране"¹.

И в России имеется ряд лиц, которые уже давно говорят о необходимости наградного права.

В качестве примеров можно указать, например, на профессора Л. И. Петражицкого и на профессора Н. А. Гредескула.

Первый в ряде своих лекций не раз касался этого вопроса и набрасывал основные черты этой будущей дисциплины. А второй в своей книге "К учению об осуществлении права" достаточно резко подчеркнул не только воздействие права на жизнь путем принуждения и кар, но и путем обещаний выгод и наград².

Теперь, после этих предварительных замечаний, перейдем к определению подвигов и услуг.

Все сказанное выше о психической природе преступления приложимо и здесь. И подвиг, или службный акт, является таковым не благодаря своему материальному характеру, а благодаря тому, что у каждого человека определенный ряд актов как своих, так и чужих сопровождается психическим переживанием *sui generis*³ *, не совпадающим ни с переживанием "долженствования" (правомочия и обязанности), ни с переживанием "запрещенности" или "преступности".

Поэтому приходится и здесь *differentia specifica* "службных" актов искать в характере соответствующего психического переживания.

Этот своеобразный психический процесс, известный почти каждому по собственным переживаниям, можно охарактеризовать следующими признаками: для каждого из нас "службными" являются акты (как свои, так и чужие), которые, во-первых, не противоречат нашим "должным" шаблонам, во-вторых, выходят по своей "добродетельности" за пределы "обязанности", в силу этого они добровольны, и никто не может принуждать на них, а равно выполняющий их не сознает себя "обязанным" выполнять их (в форме *li facere*, или *pati*, или *abstinere*).

Следовательно, три черты характеризуют службный акт.

1). Его непротиворечие с переживанием "долженствования"... В силу этого он всегда рассматривается как морально-положительный, в проти-

¹ Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. С. 140.

² См.: Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Харьков, 1901. § 3 и 4.

³ * своего рода, особого рода (*лат.*).

воположность преступным актам, всегда квалифицируемым как акты *морально-отрицательные*. Это происходит в силу того, что "должные" шаблоны поведения в силу "*долженствования*" всегда являются нормой и мерой "*справедливости*". Долженствование есть синоним справедливости. А поэтому раз служебные акты (подвиги) не противоречат должным, а, так сказать, представляют высшие сверхнормальные степени справедливости, то, понятно, они не могут квалифицироваться в качестве морально-отрицательных. Преступные же акты, противоречащие должным актам, всегда должны переживаться как акты несправедливые и морально-отрицательные.

2). Его "*сверхнормальность*" или избыток "*добродетельности*". Эта черта выражается в том, что притязать на эти акты или вменять их в обязанность нельзя.

3). А эта черта, в свою очередь, указывает на третий признак — признак "*добровольности*" этих актов. Если совершит субъект услуги свой акт — его добрая воля; не совершит — тоже его добрая воля. Претендовать на него я не могу.

В силу сказанного для каждого индивида или для совокупности индивидов "подвигами" будут все те акты, как свои, так и чужие, которые наделяются или переживаются ими как акты, обладающие вышеуказанными свойствами.

Таковы основные признаки служебных актов, которые мы далее будем называть просто "подвигами"...

Само собой разумеется, что различные люди могут относить к числу подвигов конкретно-различные акты (в зависимости от того, какое поведение и какие акты они считают должным), но всякий акт, квалифицируемый ими как акт служебный (подвиг), будет обладать указанными чертами.

В силу этого в каждой общественной группе и во всех общественных отношениях мы должны встретить различие этих трех разрядов: должных, преступных и "служебных" актов.

Что эти три категории даны в современном обществе — это несомненно: для этого достаточно указать, с одной стороны, на свод законов, устанавливающий права и обязанности каждого члена; с другой — на уголовные кодексы, в которых перечислены запрещенные акты, и с третьей — на ряд привилегированных "прав", которые могут быть получены только по выполнении ряда поступков, не обязательных ни для кого и никому не навязываемых, но рекомендуемых индивиду с обещанием наград и привилегий за их выполнение. Так, например, поступать в университет с точки зрения государства никто не обязан — в противоположность отбыванию воинской повинности, — но если кто-нибудь поступит и кончит — ему обещается диплом и ряд "прав", сверхнормальных по сравнению с правами не учившихся. Точно так же получить степень магистра не вменяется в обязанность студенту, но если он выполнит ряд актов (напишет диссертацию и т. п.) — ему обещается ряд наград и т. д. Подобных рекомендуемых норм поведения можно найти сколько угодно в любой части свода законов, не говоря уже о живой социальной действительности, где они фигурируют на каждом шагу.

¹ Выражаясь языком Еллинека, "должные" акты можно охарактеризовать как акты, представляющие "минимум моральности", подвигами же или рекомендуемыми актами будут те акты, которые выходят за пределы этого минимума. См.: *Еллинек К.* Социально-этическое значение права, неправды, наказания. М., 1910. С. 48.

Но, может быть, этих категорий нет в первобытных группах? Вместо ответа достаточно указать на так называемое "обычное" право каждой группы, представляющее ряд норм "должного" поведения. Достаточно, далее, указать на широкую распространенность запретов в первобытных группах, констатированных всеми этнографами и получивших нарицательное название "табу", взятое у полинезийцев и прилагаемое теперь ко всем запретам первобытных групп. Ввиду того что любая работа по этнографии и первобытной культуре дает множество фактов, свидетельствующих о наличии у первобытных групп переживаний долга и запрещенности, приводить примеры, показывающие, что у дикарей действительно имеется различие "должных" и "запрещенных" актов, я считаю излишним.

Более сомнительно — есть ли у первобытных людей различие рекомендованных актов — подвигов. Однако данные этнографии не допускают ни малейшего сомнения и в этом пункте.

У племен Сомакие и Донакие, например, рабу не вменяется в обязанность убивать врагов своего господина; но такое поведение рекомендуется, и если раб убьет 10 врагов (совершит подвиг), он может получить более высшее общественное положение — награду¹. Храбрость и хитрость хотя вменяются в обязанность членам группы, но имеют свои пределы; квалифицированная исключительная храбрость есть уже не должный, а рекомендуемый поступок, за который виновник этого подвига получает ряд наград то в виде выбора его предводителем и начальником группы, то в виде предоставления ему большего числа жен и т. д. Далее, у ряда племен, как, например, у Такули, устраивать пиры в пользу всех сочленов группы есть акт рекомендуемый, но не обязательный. Кто устроит — тот получает ряд почестей, хотя бы в виде выбора его в старейшины². Не приводя многочисленных фактов, так как с "подвигами и наградами" мы еще будем иметь немало дела, ограничусь приведением одного из многочисленных мест "Илиады", где выражено и психическое переживание рекомендованного акта. Ахиллес, собирающийся отплыть обратно из-под стен Илиона, не сознает себя вовсе "обязанным" остаться, и другие ахейцы во главе с Агамемноном не думают, что Ахиллес "обязан" это сделать. Они *не требуют* от него, чтобы он остался, а *просят* или рекомендуют остаться, обещая ему за этот подвиг различные дары — награды. А Ахиллес, раздумывая, остаться ли ему или уехать, вовсе не переживает никакой эмоции "связанности". Напротив, он "чувствует" себя вполне свободным.

Мать моя среброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться,—
Нет возврата мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.

Но после, решившись остаться, говорит:

Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший...
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!

(Илиада. IX: 410—416, XVIII: 117, 120—121. Пер. Н. Гнедича.)

¹ См.: Ковалевский М. М. Социология. Т. 2. С. 176.

² См. там же. С. 188.

Отсюда видно, что он сам рассматривает свои акты как подвиги, которые должны увенчаться наградой в виде славы, которые добровольны и вместе с тем морально-положительны.

Если далее обратиться, например, к древним кодексам, то и здесь ясно выделены "подвиги" среди остальных актов поведения. *"Нет греха в употреблении мяса и спиртных напитков, ни в плотских удовольствиях в дозволенных законом случаях,* — читаем мы в Законах Ману, — *ибо таков естественный путь созданных существ; но воздержание доставляет большие награды"* (гл. 5, статья 56). Здесь ясно выделены добровольность, сверхнормальность и морально-положительный характер в актах воздержания.

Вообще всюду, как показано будет ниже, где в социальной группе есть "привилегированные" лица, тем самым даны и подвиги и награды.

Если в первобытных кланах чародей или шаман обладает экстраординарными привилегиями (наградами), то только потому, что он совершает и экстраординарные поступки — подвиги: вызывает дождь, управляет силами природы, предохраняет от болезней и т. п. Здесь награды даются ему за знание священных заклинаний, недоступных простым смертным. Если, далее, группа выбирает кого-нибудь в предводители, то есть дает ему экстраординарную привилегию, награду, то дает не зря, а за "подвиги" его, состоящие или в экстраординарной доблести, или в силе, или в ловкости и т. п.

Теперь, определив преступление и подвиг, перейдем к изучению наказаний и наград.

НАКАЗАНИЕ И НАГРАДА

§ 1. Наказание и награда и их связь с преступлением и подвигом

Простейшее определение наказания будет гласить: *наказание есть акт, или совокупность актов, вызванных преступлением и представляющих реакцию на акты, квалифицируемые как акты преступные.* В pendant к этому определение награды будет гласить: *награда есть акт или совокупность актов, вызванных подвигом и представляющих реакцию на акты, квалифицируемые как акты служебные*¹.

¹ Во избежание недоразумения подчеркиваю, что реакция индивида на какой-нибудь акт будет карой лишь тогда, когда он этот акт — причину — квалифицирует именно как акт *преступный*, удовлетворяющий всем условиям преступления, главнейшие из которых указаны ниже... Если же дан акт, хотя по виду и похожий на акт преступный, но по существу-либо в сознании воспринимающего его индивида не могущий быть таковым, то совершенные последним акты — реакции не являются *карательными актами, актами "возмездия и воздаяния"*. Пример: сумасшедший, совершивший акт поджога, вызовет со стороны меня ряд реакционных актов по его адресу, состоящих в том, что я отберу у него спички и, допустим, изолирую его от общества, но эти акты не будут карой, раз я поступок его считаю не "преступным" по существу, а его "невменяемым". У меня нет ни злобы к ним, ни оскорбления, причиненного ими, а потому нет и кары с моей стороны. Если же я реагирую, то только с педагогическими целями: исключить условия, при которых они могли бы повторить тот же акт. Иное дело, если те же акты совершили "с умыслом" вменяемые субъекты. Тогда у меня налицо оскорбление, злоба и вообще квалификация их актов преступными, поэтому и ряд мер и моих актов, например, задержать, обругать, избить и т. д., будут уже не чем иным, как карой (см. ниже).

То же применимо и к награждному акту.

Что всякое наказание и всякая награда представляют какой-нибудь акт (физический или психический, безразлично) — это само собой очевидно. Но не менее очевидно, что не всякий акт может быть карательным или наградным актом, а только акт, обладающий специфическим признаком.

Каков же тот *логический момент, который простой акт делает карой или наградой?* Таким логическим моментом является именно то обстоятельство, что кто-нибудь совершает этот акт как *реакцию на поступки*, кажущиеся ему преступными или "услужными". Именно в том, что определенный акт индивида *вызван* преступлением или подвигом, именно в этом обстоятельстве лежит логическое условие бытия кар и наград¹. Все другие указывавшиеся признаки кар и наград не могут быть отнесены к числу конституирующих признаков². Например, общераспространенное утверждение, что всякая кара состоит в наложении на преступника *страданий* и лишений, а *награда* — в наложении известной суммы *удовольствий, наслаждений и выгод*, само по себе неприемлемо. Неприемлемо потому, что не все страдательные акты — акты карательные и не все акты, доставляющие удовольствие, акты наградные. Можно причинить человеку страдание, но оно может и не быть карой. Например, причинить "страдание любя", ради пользы любимого человека; врач часто при операциях причиняет страдание, но едва ли кто будет его акты называть карой; точно так же взимание податей с бедных часто причиняет им страдание, но едва ли эти акты они осознают как акты карательные; исполнение ряда "прав" часто неразрывно связано со страданием для "обязанного", но он не квалифицирует акты правомочной стороны как акты карательные. Наконец, кто-нибудь может случайно, по неведению толкнуть, ранить и искалечить другого, то есть причинить ряд лишений и страданий, но едва ли кто-нибудь назовет акты первого карой. То же, *mutatis mutandis*^{3**}, применимо и к удовольствию и насла-

¹ В силу сказанного мы не можем не согласиться здесь с Н. С. Таганцевым, подчеркивающим тот же момент при определении наказания. И для него "только те меры, которые принимаются государством против лиц, учинивших преступные деяния, *вследствие такого учинения*, — могут быть отнесены к карательной деятельности государства". Но само собой разумеется, что для нас наказание не ограничивается государственными карами, а равно и многое из того, что уважаемый криминалист считает квазинаказаниями, с нашей точки зрения будет подлинным наказанием.

² Кроме этого, различия между актом преступным и карательным само собой разумеются. Между ними *в психике одного и того же индивида* существует еще психологическое различие, сводящееся к следующему. Если я представлю себя совершившим к.-н. преступление, например убийство кого-нибудь, то мой акт *eo ipso** есть акт морально-отрицательный и таковым квалифицируется мной. Иначе обстоит дело тогда, когда, например, я в ответ на преступный акт кого-нибудь, заклочавшийся в посягательстве на мою жизнь, в порыве злобы, самозащиты и отмщения убил бы его... В этом случае многие люди акт убийства-наказания не квалифицировали бы как "морально-отрицательный", а рассматривали бы его как акт справедливого воздаяния и воздаяния... По крайней мере таковым он осознавался большинством кодексов, их составителей и рядом людей, в частности, творцами теории возмездия и справедливости. Но, допуская даже, что это так переживается всеми, все же не эта черта является искомым логическим моментом. Сами понятия возмездия и воздаяния требуют условия, предшествующего воздаянию. Воздавать и мстить можно лишь за что-нибудь. Таким "что-нибудь" и является момент *реакции* на преступление. Следовательно, и при этом допущении этот момент играет решающую, а не второстепенную роль.

* тем самым (*лат.*).

³ ** с соответствующими изменениями, внеся необходимые изменения (*лат.*).

ждению по отношению к награде. Не они простой акт превращают в акт наградной, а именно то, что последний есть реакция на подвиг.

Но страдание, лишение и вообще зло, с одной стороны, и удовольствие, наслаждение и благо — с другой, не являясь условиями, конституирующими наказание и награду, все же весьма тесно связаны с ними в том смысле, что карательный акт почти всегда есть акт, причиняющий преступнику страдание и лишение (зло), а наградной — удовольствие, выгоду и благо.

Суть дела здесь заключается в следующем. Как уже во второй главе при характеристике наших реакций на различные поступки других людей было отмечено, акты, квалифицируемые нами как акты преступные, всегда являются для нас "оскорблением" и вызывают в нас некоторую "обиду", неприятность, вражду и злобу по отношению к себе; они отталкивают нас от себя. Эти враждебность и неприятность неизбежно переходят и на субъекта преступления, то есть на того, кто совершил этот акт... Он становится в наших глазах "преступником", "врагом" и вообще лицом, акты которого перестают быть терпимыми. Это психическое переживание вражды и злобы по его адресу неизбежно проявляется и в наших действиях, вызванных преступлением. Они, реализуя эту вражду, неизбежно принимают характер отрицательный, направленный и на причинение преступнику страдания, зла и вообще "отмщения за обиду", за преступление. Можно не иметь никакого намерения причинить зло кому-нибудь, например, убить кого-нибудь, но раз этот кто-нибудь совершит акт или ряд актов, кажущихся нам преступными, то вражда, а иногда и ненависть (при преступлениях, кажущихся особенно тяжкими), вызываемые преступлением, неизбежно объективируются в актах, отрицательных по адресу преступника. Этим и объясняется ряд совершенно неумышленных убийств, увечий и т. д., которыми "оскорбленный" реагирует по адресу "оскорбителя" или преступника. В случае преступлений, кажущихся кому-нибудь особенно тяжелыми, враждебность может принять форму страшной ненависти и разрядиться в ряде актов, называемых убийством, побоями и т. д. Великий сердцевед Достоевский в своих романах дает тысячи примеров, прекрасно иллюстрирующих эту связь оскорбления, вызываемого преступлением, с неприязнью, возникающей на почве оскорбления. А эта неприязнь разряжается самопроизвольно в формах страдательных для преступника.

Для Дмитрия Карамазова поведение отца было поведением преступным по его адресу. Отсюда — его враждебность к отцу. Враждебность переходит в ненависть. Отец и его поведение становятся в "его глазах" отвратительными. "Как можешь ты говорить, что убьешь отца?" — спрашивает Митю Алеша. "Я ведь не знаю, не знаю, — отвечает первый, — может, не убью, а может, убью. Боюсь, что ненавистен он вдруг мне станет своим лицом в ту самую минуту — ненавижу я его кадык, его нос, его глаза, его бесстыжую насмешку. Личное омерзение чувствую. Вот этого боюсь, вот и не удержусь". А далее Достоевский так описывает сцену, когда Митя стоял под окном отца в роковую для него минуту. "Личное омерзение нарастало нестерпимо. Митя уже не помнил себя и вдруг выхватил медный пестик из кармана"¹... Эти и подобные сцены великолепно иллюстрируют механизм психических переживаний, вызываемых преступлением, с одной стороны, и наказанием как актом страдательным по отношению к преступнику — с другой...

Причинный ряд здесь таков: 1) акт — преступление; 2) оно вызывает

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. 2. С. 469—470.

психические переживания оскорбления, оскорбление — неприязнь (вражду, злобу, ненависть) и 3) они спонтанно разряжаются в ряде актов, наносящих преступнику тот или иной вред или страдание. Такова связь карательных актов с актами, причиняющими преступнику страдание...

То же приложимо и к связи наградных актов с актами, приносящими "подвижнику" удовольствие и вообще благо... Подвиг квалифицируется нами всегда как нечто положительное и возбуждает как по отношению к "услужным" актам, так и по отношению к "подвижнику" "симпатически-притягательное" переживание, имеющее разные степени, начиная с простой симпатии и простого "одобрения" и кончая "благоговением, восхищением и восторженностью". Эти "положительные переживания" неизбежно выливаются и в положительные по отношению к "преступнику" акты (награда).

Как "страдательность" кар может иметь различные степени в зависимости от "низости" преступления (простое неодобрение, выговор, словесные оскорбления, имущественные лишения, арест, удары, увечья, убийство и т. д.), так и "благая положительность" наград может иметь такие различные степени, в зависимости от "высоты" подвига (простое одобрение, словесная похвала, вещественные дары, восхищение, уважение, преклонение).

Таков механизм подвигов и наградных актов, всегда принимающих "карикативную" по адресу подвижника форму.

Сказанным мы, с одной стороны, подошли, а с другой стороны, ответили на одну из основных проблем уголовного права, проблему, служившую и служащую предметом бесчисленных споров и известную под названием "основ права наказания" или "оснований наказания". Был поставлен вопрос: *почему преступление вызывает наказание, каковы причины, вызывающие кары по адресу преступника?* И вот на этот вопрос последовало бесчисленное множество теорий, выдвигавших различные и разнородные принципы. Указывались различные потребности, вызывающие наказание (потребности материальные, чувственно-психические, интеллектуальные), указывалось на инстинкт самосохранения, поддержания авторитета власти, чувство мести, на закон природы, на божественное провидение, на эстетическое отвращение и т. д. и т. д. Наряду с этим ставился и другой, близкий к поставленным вопросам: *почему наказание всегда направлено на причинение преступнику страдания, иначе говоря, почему карательные акты суть всегда акты "страдательные", жестокие, а не акты, доставляющие удовольствие?* И на этот вопрос дано было множество тонких и остроумных ответов.

Одни говорили, что жестокость и страдательность кар объясняется отсутствием у карающих сострадания или понимания чужого страдания, как это бывает у детей. Другие объясняли жестокость кар тем, что причинение страданий другому доставляет чувство удовольствия, происходящее от сознания своей силы. Третьи "удовольствие наказания" видели не в чувстве собственного могущества, а в том, что это удовольствие происходит в силу закона контраста: чужое страдание в силу контраста возбуждает в нас чувство удовольствия, в силу чего-де и совершают люди карательные акты. Четвертые — потребностью в психических "потрясениях" и в новых эмоциональных возбуждениях, каковые будто бы даются актами жестоких кар. Пятые ссылались на закон эволюции, на то, что страдательность кар есть пережиток зверства и т. д. и т. д.

Все эти гипотезы и теории, частично правильные, частично односторонние, по существу дела здесь не так уж необходимы и во всяком случае, при всем своем остроумии, не делают указанную связь преступ-

ления и наказания, наказания и страдания более ясной, чем она непосредственно дана каждому из нас в наших переживаниях... Иначе говоря, мы считаем даже самую постановку подобных вопросов — ложной, а самую проблему: почему преступление вызывает наказание, а наказание носит страдательный характер — лжепроблемой.

Вопрос "почему и отчего" не возбраняется, конечно, ставить относительно чего угодно. Но эта потенциальная возможность их постановки не равносильна действительной возможности ставить их и отвечать на них. Можно, например, спрашивать: почему сумма углов евклидовского треугольника равна двум прямым; почему корова имеет четыре ноги, а не две; почему объем газа обратно пропорционален давлению, или почему "тела от нагревания расширяются"? Ставиться эти "почему" могут. Но так же ясно, что все ответы на эти вопросы сведутся к положению: "потому, что между данными явлениями существует причинная или функциональная связь", то есть связь необходимо неизбежная. Иначе говоря, мы приходим в этих случаях к тому же, из чего и исходили, то есть к ответу: "потому, что потому". То же следует сказать и о связи преступления и кары, кары и страдания. Оскорбление, вражда и карательный акт связаны причинно и неизбежно с преступлением. Симпатия, каритативность и награда связаны причинно с подвигом.

Такова связь, в этой ее неизбежности и ее объяснение. Нам остается констатировать эту связь, сказать, что это "должно быть так в силу того, что это происходит так"... и только... Если кому-нибудь нравится больше фраза, что "таков закон природы или закон человеческой психики", можно пользоваться и подобным "объяснением"... Сами же гипотезы в этой области и ряд теорий в области проблемы о "целях наказания" исследователь должен из "объясняющих теорий" превратить в "факты", которые следует анализировать и о которых позволительно спрашивать: почему в данную эпоху данный индивид целью наказания считал возмездие, в другую эпоху — охранение своей и общественной безопасности, в третью — исправление преступников и т. д. При такой постановке сами эти "гипотезы" превращаются уже в факты и при надлежащем изучении позволяют обнаружить интересные взаимоотношения между структурой общества, с одной стороны, и формами наказаний — с другой; между закономерностью развития преступлений и наказаний, закономерностью, почти не зависящей от воли индивида, с одной стороны, и ее отражением в сфере идеологии — с другой.

Многие исследователи думали и еще думают, что явления преступности, ее характер, ее увеличение или уменьшение, линии ее развития, а равно и характер наказания, увеличение или уменьшение его жестокости, его формы и виды и т. д. — все это дело воли индивида или группы индивидов, что придание того или иного характера преступлению и наказанию зависит от их желания и воления, что установление их форм есть дело "произвольного" и "намеренного" акта индивидов, и пытались объяснить все эти явления, исходя из анализа отдельной личности. Однако изучение исторической действительности показывает, что все эти тезисы малоосновательны и, исходя из них, невозможно хоть сколько-нибудь расшифровать сложный узор, вытканый историей.

Историческое изучение преступлений и наказаний, подвигов и наград действительно убеждает в закономерности их поступательного хода. Но эта закономерность — закономерность *sui generis*^{1*}, отличная от того,

¹ * своего рода, особого рода (лат.).

что хотели и чего добивались индивиды, бывшие "виновниками" и "установителями" кодексов, определявших, что есть преступление, и что есть наказание, и для какой цели предназначено последнее. Они думали одно, а историческая действительность заставляла осуществлять совсем другое.

Устанавливая ту или иную систему наказаний и обосновывая эту систему на тех или иных принципах, они думали, что это "они творцы этой системы", что она необходима именно вследствие тех оснований, которые формулировали они и из которых они сами исходили при организации этой системы. Но как мало можно верить в создание государства волею отдельных индивидов, не раз считавших себя его творцами, так же мало приходится верить и в индивидуально-волевое и намеренное создание кодексов, систем наказания и вообще в регулирование преступно-карательных и подвижно-наградных процессов. Их закономерность — иная закономерность, а потому и вопросы о праве наказания и цели наказания в их обычных постановках мало помогут при исследовании действительности в сфере преступлений и наказаний, подвигов и наград.

Иное дело их значение и постановка в науке практической, исходящей из принципа *долженствования* и строящей программу сознательного регулирования соответственных явлений сообразно с тем или иным идеалом "основной нормы", из которого она исходит и должна исходить. Я разумею уголовную политику. Здесь они уместны и разумны. Но и она может быть действительной практически плодотворной наукой лишь в том случае, когда опирается на теоретическую науку, изучающую *с точки зрения сущего* действительные причинные связи, данные в исторически-социальной действительности. Как медицина опирается на биологию, как агрономия — на анатомию и физиологию растений, вместе с органической химией, как практическая технология опирается на химию и физику и как каждая из этих практических наук только тогда стала плодотворной, когда развились соответствующие теоретические науки, так и уголовная политика только тогда будет действительной "социальной терапией", когда наука уголовного права сумеет формулировать ряд действительных причинных законов. А их еще мало. Только сдвиг, произведенный в ней антропологической и в особенности социологической школами дает основание надеяться, что криминалистика выходит на настоящую дорогу, идя по которой она может быстро достигнуть весьма плодотворных результатов.

§ 2а. Условия "вменения" преступления и подвига

Итак, на вопросы: почему за преступлением следует наказание, за подвигом — награда, почему наказание принимает всегда отрицательную по адресу преступника реакцию, а награда — положительную по адресу услужника, мы отвечаем, что это вопросы праздные, ибо такова причинная связь, ибо так это должно быть *в силу того, что это так*. И наказание, и награда могут принимать самые разнообразные формы и иметь самые разнообразные степени, но у всякого индивида, *коль скоро он квалифицирует тот или иной акт того или иного субъекта как преступный или как услужный — в силу психической необходимости, — неизбежно или карательное или наградное реагирование в той или другой форме, начиная с внутреннего недовольства и мягкого порицания и соответственно переживания симпатии и одобрения и кончая убийством и самопожертвованием.*

Такого рода категорическое утверждение может показаться весьма и весьма сомнительным. Казалось бы, ряд самых обычных явлений представляет полное противоречие со сказанным. В самом деле, разве редкость, что люди совершают преступление и остаются безнаказанными? Точно так же разве редкое явление "неблагодарные свиньи", которые не обнаруживают никакой наградной реакции в ответ на услугу, сделанную для них? Мало того, разве не бывает так, что человек часто не только не награждает "услужника", а, наоборот, в ответ на подвиг реагирует мстью и карательными актами? Как же после всего этого можно говорить о том, скажут нам, что подвиг неизбежно вызывает награду, а преступление — наказание? Или же вы попытаетесь отрицать эти всем известные факты?

Нет, ответим мы, мы отрицать их не будем и вполне допускаем их бытие. Но это не мешает нам настаивать на выставленном тезисе по той простой причине, что все эти и подобные факты несколько не противоречат сказанному.

В самом деле, тот факт, что бывают преступления, не влекущие за собой кару, вследствие того что эти преступления не раскрыты, означает не что иное, как то, что эта неизвестность преступления и преступника равносильна их небытию.

Может быть, в данный момент кем-нибудь и совершен акт преступный, но раз я о нем не знаю, то разве это не равносильно несуществованию преступления для меня? А раз нет для меня преступления, как же я могу реагировать на него карательным актом?

То же самое относится и к награде. Если кем-либо совершена мне услуга, но о ней я не знаю, это равносильно для меня небытию подвига. А раз нет подвига, нет и реакции на него. Сказанным "снимается" одно противоречие.

Второе возражение гласит: часто некоторым людям совершается услуга, а они ничем не реагируют в ответ и являются теми существами, которых прозвали "неблагодарными свиньями".

Ответом может служить анализ поведения крыловской неблагодарной свиньи: дуб оказывал ей ряд услуг, питая ее желудями, давая ей кров и т. д., а она в ответ вместо награды стала подрывать у того же дуба корни. Поведение этой человекообразной свиньи великолепно разъясняет суть дела. Она подрывала корни дуба именно потому, что не считала "акты" дуба услугами и несколько не связывала с дубом существование желудей и т. п.

"Пусть сохнет, — говорит свинья, — ничуть меня то не тревожит, в нем проку мало вижу я. Хоть век его не будь, ничуть не пожалею, лишь были б желуды, ведь я от них жирею".

И нужно было нравоучение дуба, чтобы свинья осознала, что дуб оказал ей множество услуг. Эта свинья психически не осознавала, что дуб есть субъект подвигов, а потому и была неблагодарной. И здесь незнание подвига — равносильно для незнающего его небытию, а отсюда понятно, что ждать "благодарности" не приходится. Точно так же обстоит дело и со всеми человекообразными "неблагодарными свиньями". Сказанное снимает второе возражение.

Аналогично обстоит дело и в тех случаях, когда человек реагирует на службный акт не только не наградой, как должно было бы быть согласно тезису, а, напротив, реагирует карательным актом. И здесь кроется же "недоразумение", которое прекрасно иллюстрирует и разъясняет другая басня того же Крылова "Пустынник и медведь". Альтруистический медведь самым искренним образом хотел оказать пустынному услугу, хвативши его булыжником по лбу с целью отогнать беспокоившую

пустынного муху. В психике медведя и других сходных "медведей" этот акт был услугой. Но едва ли бы он был признан услугой пустынным ком. Последний, вероятно, счел бы его за преступный акт покушения на его жизнь, а потому, если бы он остался жив, едва ли бы реагировал на услугу медведя наградным актом.

Этот случай прекрасно разъясняет "непонятность" того, что бывают "изверги", которые, вместо того чтобы отблагодарить благодетеля, ему же мстят. Как видно из сказанного, "извергов" в мире нет, а есть только люди, не понимающие друг друга, представления которых о "должном", подвиге и награде различны, а равно различны и способы символизации или реализации этих психических переживаний. Отсюда — и кажущаяся правдоподобность того, будто бы бывают случаи, когда на подвиг реагируют карой, а на преступление — наградой.

Таких случаев нет, а есть только люди, не понимающие друг друга, когда один совершает акт, квалифицируя его подвигом и ожидая награды, а другой благодаря иным убеждениям этот же акт считает преступлением и потому отвечает на него как на преступление — карой. Возьмите Христа, Сократа, Гуса, Бруно и других мучеников науки и правды. Они, несомненно, совершили ряд величайших подвигов с нашей точки зрения.

Отсюда уважение, преклонение, восхищение, чествование и обожествление их — как различные формы наших наградных реакций. Но общество, окружавшее их, смотрело иначе на их поведение. Их акты были для него — акты преступные; а поэтому и неизбежна была карательная реакция по их адресу со стороны общества.

Сказанное объясняет и обратное положение дела, а именно кажущуюся возможность наградной реакции без услуги или кары без преступления. Нередко в жизни бывает так, что кто-нибудь совершает поступок, вовсе не имея в виду оказать этим кому-либо услугу или вовсе не думая, что этим он совершает преступление. Но другой, благодаря различию его морального сознания, квалифицирует этот поступок то как преступление, то как подвиг и соответственно реагирует на него. Мне, например, самому пришлось однажды очутиться в подобном положении. Во время своих этнографических исследований среди зырян, живущих по Мезени и Вашке, я вошел в один дом и разговорился с хозяином, встретившим меня очень приветливо. Каково же было мое удивление, когда в середине нашей беседы он вдруг ее прерывает и с оскорбленным видом, указывая мне на дверь, предлагает уйти. Я, понятно, недоумевал и искал причины такой неожиданной "немилости". Как потом разъяснилось, мое преступление заключалось в том, что я машинально закурил в доме, не зная, что его хозяин фанатичный старовер. Мой акт курения он счел преступлением и, понятно, сразу же реагировал на него наказанием в форме "изгнания" меня из дома и "употреблением" не совсем лестных по моему адресу эпитетов.

А такими "недоразумениями", как известно, кишит социальная жизнь и взаимоотношения людей между собою.

Из сказанного следует, что все эти противоречия суть "кажущиеся" противоречия, несколько не ослабляющие силу выставленного тезиса. Отсюда же следует и такого рода вывод, весьма важный с точки зрения практической:

Для того чтобы услуга или преступление по адресу кого-нибудь вызвала со стороны ли адресата, или со стороны других наградную или карательную реакцию, необходимо: а) сходство квалификации акта той и другой стороной в качестве услуги или в качестве преступления. Если этой "однородной оценки" нет — не будет и реакционных эффектов.

А так как эта однородная оценка зависит в конце концов от одинакового понимания должных, запрещенных и рекомендованных актов, то необходимо единство *морального сознания*; б) *кроме этого психического единства необходимо еще и сходство самих форм объективации психических переживаний*. Если бы кто-нибудь любовь выражал побоями и эпитетами вроде: "подлец", "негодяй" и т. д., горе — счастливым смехом и веселыми плясками, ненависть — поцелуями, а другой объективировал бы те же самые чувства обычным способом: любовь — лаской и словами "дорогой, милый", горе — плачем, грустным видом и т. д., то, конечно, недоразумениям не было бы конца.

Как увидим ниже, наличие или отсутствие этой "внутренней и внешней гомогенности" играет весьма важную роль в области социальных отношений и взаимодействий.

Таково главное условие "вменения" преступления и наказания, то есть условие, при котором то и другое *спонтанно* вызывают либо карательную, либо наградную реакцию.

Итак, при данных условиях мы должны принять, что наш тезис, утверждающий *самопроизвольную* связь преступления и наказания, подвига и награды, не опровергается приведенными "противоречиями". И ряд других противоречий, которых мы приводить здесь не будем, при тщательном анализе окажется только одной "видимостью". Даже так называемые акты "прощения вины" не являются противоречием сказанному, так как само "прощение" возможно только при наличии ряда условий, сводящих "на нет" преступность преступления (малолетство преступника, его незнание и т. д.) и не позволяющих "вменить" преступный акт "в вину", или же при наличии новых актов со стороны преступника, психологически компенсирующих "обиду и оскорбление", причиненное преступлением (унизительная мольба о пощаде, искреннее выражение извинения, совершение ряда службных актов и т. д.). Да помимо всего это следует из того, что всюду, везде и всегда были те и другие реакции.

Из дальнейших условий, определяющих собой "вменение или невменение" преступления и подвига, а следовательно, и наступление или ненаступление кар и наград, условий, которые потенциально все уже даны в выставленном выше основном положении, а также в самом понятии преступления — наказания, подвига — награды, по отношению к преступлению ряд этих условий отдельно отмечен наукой уголовного права и даже весьма и весьма тщательно формулирован и схематизирован. Поэтому, в pendant к этим положениям мы кратко наметим ряд аналогичных положений по отношению к подвигам. Но, повторим, все эти условия уже подразумеваются в теореме "гомогенности морального сознания и внешней объективации его", сформулированной выше.

А). *Для того чтобы какое-нибудь действие кем-нибудь квалифицировалось как услуга (или как преступление), необходимо, чтобы это было действие субъекта услуги (или преступления)*. Если дано действие, которое по своему материальному содержанию могло бы быть услугой (или преступлением), но это действие совершено существом, которое, по моему убеждению, не может быть субъектом услуги (или преступления), например, корова насмерть забодала человека, то само собой разумеется, что это действие не является для меня ни услугой, ни преступлением.

Так как область возможных субъектов услуги (и преступления) в различных исторические эпохи, а равным образом в одну и ту же эпоху была различна для различных людей (см. ниже), то вполне понятно, что одни и те же действия и поступки как в прошлом, так и в настоящем для одних могут быть услугой (или преступлением) и могут со стороны их повлечь

или наградную или карательную реакцию, тогда как для других лиц эти действия не могут быть ни услугой (ни преступлением), ибо они совершены такими существами, которые, с их точки зрения, не могут быть субъектами услуг (или преступлений).

Для первобытного человека, для человека средних веков и для многих людей (анимистов) нашего времени услугой или преступлением были действия не только людей, но и животных, и растений, и сверхъестественных существ, тогда как для современного правосознания субъектами услуг (и преступлений) могут быть только люди, и притом обладающие "нормальной волей и нормальным сознанием". Всякое действие "невменяемого" субъекта тем самым не является ни услугой, ни преступлением, ибо оно совершено "невменяемым" субъектом, то есть существом, которое попросту не может быть субъектом услуги (или преступления).

Вообще это положение можно формулировать так: область вменяемых с чьей-нибудь точки зрения услуг (и преступлений) совпадает с областью действий существ, представления которых наделяются свойствами, аналогичными свойствам человека. Чем шире область подобных субъектов, тем шире область вменяемых субъектов, чем она уже — тем уже последняя. Для решения вопроса: действия каких существ могут быть квалифицируемы как услуги или преступления, то есть какие существа могут быть вменяемыми в каждую эпоху с точки зрения индивида, следует обратиться к изучению того, какие предметы (и существа) этим индивидом наделялись свойствами, аналогичными свойствам человека. Решение последнего вопроса дает решение первого. Вообще тот или иной ответ на вопрос, кто может быть субъектом услуги (или преступления), вполне определенно предreshает и вопрос о вменении.

Если с моей точки зрения субъектами могут быть только люди, обладающие "нормальной волей", пониманием свойств совершаемого поступка, знанием причинной связи между действием и его следствиями, знанием того или иного отношения закона к данному действию и т. д., то очевидно, какие угодно действия других существ, в том числе и людей, но людей "ненормальных" вообще или в момент совершения действия не удовлетворяющих данным условиям, не будут мной квалифицироваться как услуга (или преступление) и не вызовут поэтому наградно-карательных реакций. Точка зрения дикаря сходна с этой, но она приписывает эти свойства почти всем существам и предметам; отсюда понятно, что он почти все явления и квалифицирует как услуги или преступления и соответствующим образом реагирует на них.

Б). В pendant к понятиям уголовного права: крайняя необходимость, необходимая самооборона, физическое принуждение и угроза, исполнение закона или права и т. д., нечто аналогичное можно указать и в области услуг... Все эти условия, делающие известный акт не преступным или смягчающие вину, суть по существу простой тавтологический вывод из понятия преступления: ясно, что исполнение закона, исполнение кем-нибудь его "долга" не может быть преступлением с его точки зрения, ибо оно не обладает теми признаками, которыми обладает преступление. Точно так же акт, совершенный кем-нибудь под влиянием угрозы или принуждения, очевидно, не может быть с точки зрения официального правосознания преступлением, ибо в данном случае нет субъекта преступления с его "намерением", свободной волей и т. д., то есть налицо "невменяемый субъект".

Аналогичные состояния в области службно-наградных отношений исключают возможность квалификации какого-нибудь действия субъекта услуги в качестве услуги. Их не стоило бы перечислять, ибо они

сами собой вытекают из понятия услуги, но, следуя традиции, кратко укажем на них:

А). Так как услуга есть не *обязательное*, принудительное, а *добровольное* действие, то вполне понятно, что какое-нибудь действие X, по своему материальному характеру являющееся услугой, не будет мной квалифицироваться как услуга, если оно совершено под условием принуждения или угрозы... Так, например, если во время войны захваченный пленник под страхом казни дает необходимые сведения о своем войске, то его действие вовсе не считается услугой. Напротив, подобного пленника или "услужника" очень часто вместо награды наказывают смертью, мотивируя это тем, что раз он под влиянием угроз другим изменил, то изменит и тем, кому оказал услугу. История войн дает немало подобных примеров.

Как известно, добровольное сознание в совершенном преступлении смягчает вину и наказание за него. Это добровольное сознание — есть "услуга", которую преступник оказывает правосудию, особенно тогда, когда оно совершенно и не подозревает о преступлении. Иначе совсем обстоит дело тогда, когда преступник под влиянием улик и показаний "принужден" сознаться. Тогда его признание не может быть услугой.

Эта добровольность "услуги" отразилась и на нравственных теориях и крайнее и наиболее резкое выражение нашла в кантовской абсолютно автономной моральной воле и в его нравственном законе, как самоцели, согласно которому нравственно только то действие, которое совершено всецело на основе нравственного закона автономной, свободной и доброй воли... Вообще из самого понятия услуги уже вытекает, что всякая принудительная услуга не есть услуга и потому не вызывает награды.

Б). Точно так же из самого понятия услуги вытекает, что всякое действие, которое по содержанию могло бы быть услугой, совершенное во имя закона или долга (то есть опять-таки "обязательства" и принуждения), не есть услуга, а есть просто исполнение долга...

Солдат, умирающий на войне, городской, спасающий меня от нападения хулигана; почтальон, приносящий мне ежедневно почту, дворник и прислуга, ежедневно оказывающие нам множество "услуг", учитель, обучающий нас наукам, и т. д. — все они оказывают и делают множество действий, которые могли бы быть услугами, но ввиду того, что эти действия — их "долг", ввиду того, что они исполняют только свою обязанность, то есть действуют согласно "должным" шаблонам поведения, — ввиду этого их действия не являются услугами... Иначе обстоит дело, если меня освободит от хулигана человек, не обязанный к этому (по моему убеждению), если мне письма, газеты и посылки принесет не почтальон, а кто-нибудь другой, добровольно делающий это; если меня будет обучать кто-нибудь, не обязанный это делать, — в этом случае действия этих лиц уже будут услугами, ибо они добровольны, не противоречат "должным" шаблонам и являются сверхнормальными.

Ввиду этого все "услуги", которые кем-либо совершаются по отношению к нам в силу нашего правопритязания или нами в силу правопритязания других, не есть услуги и потому не влекут соответствующих наградных реакций, выражающихся тем или иным образом.

В). Опять-таки, подобно преступлению, для того чтобы услуга могла квалифицироваться как услуга, недостаточно, чтобы она была только в сознании субъекта услуги; в этом случае она неизвестна никому и поэтому не может возбудить никакой наградной реакции. Услуга, как и преступление, должна так или иначе выразиться во внешних действиях и поступках. И здесь можно различать некоторую градацию внешних проявлений услуги и соответственно с этим градацию наград.

В уголовном праве обычно различается: умысел, приготовление, покушение, неудавшееся преступление и совершение преступления; причем голый умысел, приготовление и, в известных случаях, покушение (посколькy оно было прекращено самим преступником) с точки зрения современного уголовного права считаются ненаказуемыми; неудавшееся преступление наказывается легче, а совершение преступления наказывается всего сильнее.

Приблизительно то же наблюдается и относительно услуг. Голый умысел совершить услугу обычно не влечет за собой никакой награды, то есть не считается за услугу. Мало ли кто не думает о различных подвигах, начиная хотя бы с лежащего на диване Обломова или мечтателя Ромашова ("Поединок" Куприна) и кончая теми, имена коих не вызывают вообще никакой наградной реакции. Сколько солдат мечтало о подвигах, но за одни мечты они Георгия не получали. Сколько людей мечтало быть поэтами, но раз этот умысел ничем не проявился вовне — они не делались действительными поэтами. Сколько молодых и старых людей имело умысел сделать важное открытие — однако за один умысел им не дают ни кафедр, ни ученых степеней.

Первой степенью внешнего проявления услуги, согласно терминологии уголовного права, является приготовление к ней, то есть "поставление себя в возможность совершить услугу". Например, если я хочу сделать ради блага людей великое техническое изобретение (услуга обществу), то под приготовлением будет разумеься ряд действий вроде приобретения бумаги, приборов для чертежей, необходимых инструментов для создания модели или опыта и т. д.

Как в уголовном праве приготовление к преступлению, за некоторыми исключениями, не влечет за собой наказания, так и здесь приготовление к услуге не влечет за собой (за некоторыми исключениями) награды...

Примеров, подтверждающих это, можно привести сколько угодно. Действия того же изобретателя, остановившиеся на стадии приготовления, не вызывают никаких наградных реакций со стороны кого бы то ни было... Человек, намеревающийся спасти кого-нибудь тонущего и ограничивающийся только снятием одежды, никем не считается совершителем услуги. С оттенком иронии про такого спасителя говорят: "Спасибо и на том, что хотел спасти". Только в том случае, когда это приготовление к услуге само уже выражается в известной (хотя и в другой) услуге, только в этом случае оно квалифицируется как услуга и влечет за собой ту или иную награду... Конкретным примером последнего случая может отчасти служить Колумб, приготовлявший открытие прямой путь в Индию и в приготовлении к этому открывший Америку.

Третьим этапом выполнения услуги служит покушение на услугу. И здесь, в pendant к преступлению, общая суть дела такова, что покушение, прерванное по воле автора, не награждается, ибо оно служит показателем банкротства и несостоятельности данного лица совершить услугу, тогда как покушение на услугу, прерванное по "независящим обстоятельствам", в иных случаях награждается и квалифицируется как услуга. Конкретными примерами могут служить различные случаи "испытания" в различных областях жизни: испытание влюбленного, от которого требуется в знак любви со стороны его возлюбленной тот или иной подвиг; это покушение на подвиг (например, смерть), не доведенное до конца благодаря вмешательству самой же возлюбленной, обычно награждается так или иначе. Солдат, решивший взорвать пороховой погреб неприятеля и не доведший до конца свое намерение, уже проявившееся в ряде действий, благодаря только приказанию командира, считается обычно также достойным награды и т. д.

Дальнейшими ступенями служат неудавшаяся услуга и совершение услуги... То и другое обычно награждается... Примером этой награды может служить признательность общества человеку, бросившемуся спасти другого (утопающего, например) и не спасшего его лишь благодаря тому случайному факту, что первый успел захлебнуться раньше, чем подплыл к нему второй.

Высшая степень награды падает, конечно, на удавшуюся услугу...

Конечно, эта градация различных стадий и соответственных степеней наград в области услуг может быть лишь весьма относительной и ввиду отсутствия соответственного официального права менее резкой, чем в области уголовного права. Однако, как видно из сказанного, и в области услуг имеется налицо известная градация, весьма близкая к рубрикам уголовного права...

Помимо приведенных примеров суммарными примерами, доказывающими пропорциональную градацию различных наград и различных стадий услуги, могут служить многочисленные факты различных конкурсов и состязаний (авиация, конкурс сочинений, пьес, памятников, моделей, лыжные, беговые, футбольные состязания и т. д.). Все участвующие в подобных конкурсах и состязаниях могут быть рассматриваемы как субъекты, желающие совершать тот или иной подвиг.

Но не все получают одинаковые награды. Одни из участвующих ограничиваются только приготовлением к услуге и, вполне понятно, не получают никакого приза или премии. Другие принуждены ограничиться только "покушением", третьи — "неудавшимся совершением услуги" и немногие или один — совершением услуги. Соответственно этим степеням совершения услуги распределяются и премии или призы. Один получает первый приз, другой — второй, третий — третий и т. д., а большинство — никакого приза.

Конечно, все сказанное относится к современной психике и вполне возможно, что в прошлом, хотя указанная градация и была (рыцарские турниры, подвиги богатырей, требуемые от них для получения руки какой-нибудь принцессы в старинных русских сказках, и т. д.), но она была менее сложной и менее дифференцированной. Относительно преступлений это видно из того, что чем древнее уголовные сборники, тем меньше в них указанных делений.

То же, вероятно, было и в области услуг и наград.

Дальнейшим явлением в области услуг, аналогичным соответственному явлению в области преступления, служит участие в услугах. И в области услуг можно различать нечто подобное разделению участия на участие необходимое и случайное. Бывает ряд услуг, которые индивидуальными силами никоим образом не могут быть выполнены (например, некоторые номера цирковых акробатов, некоторые состязания, например, футбольный спорт и т. д.). В этих случаях и соответственная награда падает не на одного, а на всех участников (или в равной, или в неравной степени). В случае коллективного научного открытия награда падает на долю всех участников. Отряд солдат, отличившихся в защите или в нападении на неприятеля, — следующий пример коллективного подвига. В области подвига, конечно, нельзя говорить о виновничестве, пособничестве и прикосновенности, но можно говорить о различных степенях соучастия и сообразно с этим — о различных степенях награды. Если роль всех участников в услуге была приблизительно одинаковой — приблизительно одинаковой становится и награда каждому.

Степеней участия в услуге, конечно, может быть много, и нет возможности, да и надобности, ограничивать количество их двумя, тремя или большим числом; важно лишь то, что награда падает и на долю

соучастников и тем в большей степени, чем важнее было соучастие каждого в данной услуге. Афина и Гера, воодушевляющие ахейцев, Аполлон и Афродита, воодушевляющие троянцев, Гефест, приготовляющий оружие Ахиллу, богач, жертвующий деньги на устройство научного института, ученый — специалист в одной области, дающий специальные данные, необходимые для работы другого ученого, даже механик авиатора, исправно и точно устанавливающий аппарат, и т. д., и т. д. — вплоть до фактов простого ободрения и выражения сочувствия кем-либо кому-нибудь, намеревающемуся совершить подвиг, — все это факты участия или соучастия в той или иной услуге, которые могут быть разделены на различные степени и в которых при желании можно, пожалуй, даже провести различия, классифицируя одни факты соучастия как прикосновенность, другие — как пособничество, третьи — как виновничество.

Но это, ввиду отсутствия наградного права, пока излишне, а важно лишь то, что степень награды, падающей на долю каждого участника, более или менее соответственна степени важности участия в подвиге каждого участника. Конечно, конкретное понимание степени важности может быть различно в различные исторические эпохи и зависит, в конечном счете, от знания подлинных причинных связей между действиями индивида и следствиями этих действий для услуги. Этого знания раньше не было (да и теперь нельзя еще этим похвастать), поэтому понятно, что сплошь и рядом раньше важное значение придавалось таким участникам в услуге, которым мы не придаем никакого значения (например, участие шамана или знахаря в выздоровлении кого-нибудь). Может быть и обратно. *Распределение наград, следовательно, производилось сообразно с тем, каковой казалась близость и важность участия каждого участника в данной услуге.*

Таковы основные условия вменяемости услуг (и преступлений), а следовательно, и условия, отсутствие которых уничтожает "преступность" или "услужность" акта, а тем самым и возможность карательной или наградной реакции.

§ 3¹. Об элементах преступного и служного акта

Установив основные понятия преступления и наказания, подвиги и наград, теперь мы можем перейти уже и к более детальному анализу преступных и служных актов, то есть к тому, что в области уголовного права носит название учения о составе преступления. План нашего анализа мог бы быть таким, что мы в pendant к делению уголовного права на учение о преступлении и учение о наказании могли бы точно так же и наградное право разбить на учение о подвиге и учение о награде. Далее, в pendant к четырем основным моментам или признакам преступления² мы могли бы установить соответственные моменты и от-

¹ В данной главе, как и везде, имеется в виду не точка зрения уголовной политики (должного), а точка зрения теории преступлений и подвигов, кар и наград (сущего или бывшего).

² "Существенно-необходимые признаки", из которых слагается состав преступления как родового понятия, следующие: а) субъект преступления или совершитель преступления, б) объект или предмет, над которым совершается преступление, в) отношение воли субъекта к преступному действию или внутренняя его деятельность, г) самое действие и его последствие — дело или внешняя деятельность субъекта и ее результаты.

носителем подвига. Но так как из установленных выше положений вытекает необходимость иного подразделения, то мы не последуем целиком этому принятому делению и пойдем по несколько иному пути.

Согласно установленному выше, преступление и подвиг есть прежде всего акты — или акты действительные, или акты воображаемые. А понятие акта, в свою очередь, предполагает представление субъекта, его совершившего, представление адресата этого акта (дестинатора), в пользу которого или против которого совершены услуга и преступление; представление тех или иных действий, из которых состоит акт (*объектное представление*) и далее ряд *модальных* представлений: времени (когда совершен акт), *места* (где), ряд вещных представлений и т. д.

Сообразно с этой классификацией мы и построим формальное учение о преступлениях и подвигах. Но, ввиду того что здесь обнаруживается полная параллель между преступлением и подвигом, и ввиду того, что формального учения о подвигах еще нет, мы в дальнейшем, в целях экономии, будем говорить лишь о субъектах, объектах, дестинаторах подвига, предполагая, что все сказанное об элементах служебного акта, с соответственными изменениями, применимо и к преступному акту...

О субъекте подвига или услуги (и преступления)

Под субъектом подвига (или преступления) мы разумеем представление того лица, которому кем-либо приписывается совершение служебного (или преступного) акта по отношению к кому-нибудь.

Изучая историческую действительность в данном отношении, мы должны констатировать то, что субъектом услуги (или преступления) в различные времена и у различных людей были не только люди, но и воображаемые существа, неодушевленные предметы, растения, животные и абстрактно-групповые лица. Примеров и фактов, подтверждающих это положение, можно привести до бесконечности. Ограничусь немногими.

Что отдельный человек может быть субъектом услуги — это несомненно и само собой очевидно. Гораздо сомнительнее случаи, где субъектом услуги могли бы быть: а) фантастические, воображаемые существа, б) неодушевленные предметы, в) растения, г) животные, д) абстрактно-групповые лица. Однако небольшое знакомство с историей религиозных верований, с одной стороны, и небольшая наблюдательность над многими фактами окружающей нас среды — с другой, заставляют вполне положительно ответить на эти вопросы.

А). Как известно, первобытные религиозные верования представляются те или иные тотемические, анимистические и фетишистские воззрения. Согласно им, весь мир наполнен многочисленными духами, подобными человеческому "я" и воплощенными во всевозможнейших предметах мира. Судьба и счастье как отдельной личности, так и совокупности лиц зависят от воли этих духов, которые могут быть то добрыми, то злыми. Вся категория добрых духов, с точки зрения анимиста, могла быть в ряде случаев и была не чем иным, как категорией субъектов всевозможных услуг. Зулусы веруют, что тени мертвых воинов их племен находятся среди них в битве и ведут их к победе; но если эти призрачные союзники гnevаются и убегают, бой будет проигран. Алконкинские индейцы верят, что весь видимый и невидимый мир наполнен различными разрядами добрых и злых духов, которые управляют обыденною жизнью и конечными судьбами человека. Многие люди и теперь поступают подобно самоеду, который в случае какой-нибудь удачи благодарит своего божка за услугу, оказанную последним

ему... Со всеми ими у людей были не только "должные", но и службные отношения, и ряд их актов сплошь и рядом квалифицировался в качестве "подвига". Стоит взять религиозные гимны и молитвы, чтобы ясно увидеться в этом. Приведу некоторые.

"Слава тебе, создателю всего, господину закона... творцу людей и животных, господину семян, творящему корм для полевых зверей". Так начинается гимн к Аммону-Ра. То же читаем и в обращении к Гору. "Божество всех семян, он дает все травы и все плодородие земли. Он вызывает плодородие и дарует его всей земле. Все люди восхищены, все сердца смягчены и радостны, все преклоняются пред ним" (награда за услугу).

В гимнах Вед читаем, например, такие слова в обращении к Индре:

Все от тебя! Ты нам даруешь
Коня, быка, овцу, корову,
Даруешь золото, ставишь
Издrevле тех, что правят нами.
С лица земли ты прогоняешь
Зверообразных чернокожих" и т. д.

Точно так же в Законах Ману читаем: "Отпустив брахманов (домохозяин), молчаливый и чистый, должен просить у предков следующих *милостей*: Да умножаются среди нас щедрые люди!.. Да не покинет нас вера! Да будет у нас возможность давать много неимущим!" (ст. 3, § 258—9).

Очевидно, если эти "милости" посылались предкам, то они сами рассматривались именно как субъекты услуги.

В Библии мы встречаем на каждом шагу наряду с "обязательными" и другие акты Иеговы, квалифицируемые в качестве его услуг. В Коране читаем: "О дети Израиля! Вспомните о *благодеяниях*, какими я осыпал вас!", "Все хорошее, что случается с тобой, исходит от Бога" и т. д.

В Талмуде стоит взять хотя бы славословие после вечернего шема, чтобы видеть то же самое. "Он Царь наш, — говорится там про Бога, — спасал нас от рук царей... Он вызвал души наши к жизни и не дает преткнуться ногам нашим. Он совершает непостижимо величественные подвиги и неисчислимые чудеса. Он совершил для нас чудеса, отомстил Фараону знаменьями и чудесами в области сынов Хама. Он перебил в негодование своем всех первенцев египетских и вывел народ свой, Израиля, из их среды на вечную свободу" и т. д.¹ Все это не что иное, как перечисление ряда услуг Иеговы.

Я не буду приводить дальнейших примеров. И из сказанного очевидно, что все религиозные системы, поскольку в них есть верование в добрых духов, все они сплошное доказательство того, что некогда субъектами услуг, а равным образом и субъектами преступлений (дьявол, демон, злые духи, души колдунов и чародеев), являлись и были фантастические сверхъестественные существа. Этим именно и объясняется культ всякой религии: молитвы, жертвоприношения, обряды и т. д.; все это есть или услуга богам, в свою очередь вызывающая награду со стороны их, или же награда за услугу, оказанную ими (см. ниже).

Б). Не менее очевидно, что субъектами услуг (как и преступлений) были и животные, и растения в период анимистических и тотемистических верований. С этой целью достаточно указать на различные культы животных и растений: культ деревьев, трав, индусский культ "сомы" и соответствующий ему древнеперсидский культ "Хаомы", ассирийский культ пальмы, почитание быков, кошек, гиппопотамов, ибиса, крокодила, культ змей и т. д.

¹ Талмуд. Спб., 1899. Т. 1. С. 40.

Все эти существа в этом культе выступают очень часто в качестве субъектов услуг, за что и получают соответствующие награды — жертвы, молитвы и т. д. Первобытный человек, пишет Бринтон в своей книге "О религии первобытных народов", стоял в тесном общении с деревьями. Дупло их служило ему жилищем, ветви — местом убежища, а плоды — пищей. Не мудрено, если оно сделалось для него божеством-покровителем.

Другая причина развития культа деревьев заключалась в том, что деревьям приписывали производство дождей, но от дождей зависит плодородие, поэтому на деревьях стали смотреть как на символы жизни и почитать их источником размножения одинаково стад и людей (отсюда почитание креста, как символа дерева). Подобное же наблюдается, пожалуй, и в любом культе растения или животного.

Само определение тотемизма уже указывает на то, что тотем (групповой или индивидуальный) есть по преимуществу субъект услуг. А так как тотемами являются различные виды растений и животных, то вполне понятно, что каждый из них тем самым для члена соответствующего тотема был и субъектом услуг. Отсюда само собой вытекает и покровительство и почитание тотема: тотем оказывает покровительство (услуги) данной группе, следовательно, данная группа, в свою очередь, должна покровительствовать и почитать тотем (награда): не убивать его, не употреблять в пищу, молиться в честь его, устраивать соответственные празднества и т. д.¹ Тотем группе оказывает услуги и за это получает от группы или индивида ту или иную награду, то, наоборот, группа или индивид оказывает тотему услугу и получает за это ту или иную награду...

Другим доказательством данного положения может служить весьма многочисленный ряд фактов, наблюдавшихся в прошлом и могущих быть наблюдаемыми в окружающей среде. Приписывание гусям чести спасения Рима — вот один из фактов, наиболее характерных в этом отношении. И теперь еще в массе крестьянства не редкость встретить приписывание ряда услуг животным, растениям и сверхъестественным существам ("домовой", плетущий косы любимым лошадям и делающий их здоровыми, и т. д.). Владелец лошади, выигравшей первый приз на скачках, не далек от состояния анимиста, считает лошадь субъектом услуги и соответственным образом вознаграждает ее. То же переживает охотник по отношению к собаке, полицейские по отношению к ищейке и т. д., и т. д.

В). *То же следует сказать и о неодушевленных* (с нашей точки зрения) *предметах. И они, подобно предыдущим существам, не раз в сознании многих были субъектами услуг.* Лучшее доказательство этого — существование фетишей, состоящих из неодушевленных предметов, талисманов, ладанок и т. д. (почитание камней, кусков дерева и т. п.).

Я не буду приводить много примеров. Стоит раскрыть любую книгу по истории религиозных верований, и можно найти много фактов, подтверждающих данное положение.

Если все предметы мира кажутся подобными людям и имеют такое же "я", что и у человека, то вполне понятно, что и все предметы, реальные и фантастические, могут быть субъектами услуг. Таково мировоззрение анимиста. Недостаток опыта и знания мешал ему различать между живым и неживым. Та же причина мешала ему различать действительную вменяемость от мнимой. По мере роста знания постепенно растут и знание подлинных причинных связей, намерения и действия. Благодаря этому теперь мы ограничиваем круг субъектов услуг (и

¹ Читатель найдет много примеров в: *Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse.* P., 1912.

преступлений) вменяемыми людьми, ибо мы знаем, что если какой-нибудь поступок животного и вызвал для нас благоприятные последствия, то это есть дело случая, а не "умысла", и поэтому не можем считать их субъектами услуг (и преступлений).

Историческая тенденция, обнаруживающаяся в данной области, состоит в постепенном ограничении области субъектов услуг (и преступлений); мало-помалу подобными субъектами перестают быть сверхъестественные существа, животные, растения, неодушевленные предметы (с падением анимизма, фетишизма, тотемизма и вообще антропоморфизма), и в настоящее время субъектами услуг и преступлений могут быть для развитого сознания только люди и притом не все, а исключительно "вменяемые", то есть знающие причинную связь определенного поступка и его следствий, а равным образом отношение к нему соответствующих должных норм поведения.

В новейших же течениях в науке уголовного права и человек перестает быть вменяемым. Область вменяемых субъектов преступлений дошла до нуля¹.

К тому же, очевидно, стремится и "вменяемость" подвигов и услуг.

Но перечисленными разрядами конкретно-индивидуальных предметов не исчерпывается область субъектов услуг. Сплошь и рядом в качестве таковых фигурируют целые группы или целые классы различных абстрактных представлений. Так, очень часто та или иная услуга приписывается целому народу (например, "русские" или "Россия" являлась для славян таким субъектом во время русско-турецкой войны), отдельному коллективу: земству, городу, классу, отдельной корпорации и т. д. Студент, получивший стипендию от какого-нибудь земства или города, считает субъектом услуги не того или иного члена земства или города, а земство вообще, город вообще. Ряд служжных актов, например устройство бесплатных столовых, приютов, бесплатных больниц, устройство школ и т. д., совершается прямо от имени подобных коллективов, "служжных лиц", и в переживании отдельных лиц субъектом подобных услуг являются опять-таки представления: город, земство, комитет, общество и т. д.

Поэтому предыдущий ряд конкретно-индивидуальных субъектов услуг *должен быть дополнен абстрактно-групповыми субъектами услуг.*

Из сказанного видно, что субъектами услуг (и преступлений) могут быть и были представления любых предметов. Плохо ли это было или хорошо — это вопрос другой, но что это было так — не подлежит сомнению, и поэтому теория услуг не может игнорировать это явление. Другое дело — политика услуг. Но она пока нас не касается.

Все сказанное применяемо и к субъектам преступления.

Об объекте услуги (преступления) и его модальностях

Под объектом услуги (преступления) мы будем понимать представления тех актов или того поведения, которое и составляет собой самый акт услуги или преступления, иначе говоря, представления тех поступков, которые с точки зрения кого-нибудь являются услугой (преступлением) по отношению к кому-нибудь.

Выше уже было указано, что под услугами мы понимаем совокупность актов, которые не противоречат должным шаблонам, но в то же

¹ См. работы Ферри, Ломброзо и др., заменяющих принцип вменяемости принципом "безопасности общества", а соответственно и наказание, как акт, долженствующий причинить страдание преступнику, не страдательными (в принципе) мерами изолирования и исправления преступников.

время выходят из их границ, составляя некоторую "роскошь" и сверх-нормальный, добровольный избыток.

Все эти акты, в конкретном своем виде проявляющиеся в бесчисленных формах, можно свести к трем основным видам. Всякий акт услуги представляет: а) или *совершение чего-нибудь в пользу кого-нибудь* (facere), например спасение ребенка из пожара или наделение бедняка деньгами; в) или воздержание (abstinere) от *какого-нибудь* акта (воздержание вполне законное и не караемое) в пользу кого-нибудь, например, не совершение акта брака, который с точки зрения христианства вполне допускается и не составляет преступления. Это воздержание от брака есть уже услуга по отношению к Богу; с) или же *терпение* чего-нибудь, что можно было бы безнаказанно не терпеть, например, добровольное терпение кем-нибудь оскорбления, обиды, издевательства, которое можно было бы безнаказанно и не терпеть, сплошь и рядом рассматривается как услуга многими людьми (pati).

Исходя из объектных представлений, назовем услуги первого рода *положительно-активными*, услуги второго — *отрицательно-пассивными*, услуги третьего — *активно-терпеливыми*. Совокупностью их исчерпывается все конкретное многообразие объектных представлений услуг.

Все объектные представления услуг представляют или один из приведенных видов, или же то или иное сочетание их, например сочетание положительно-активных действий с пассивно-терпеливыми. Ввиду этого объекты услуг могут быть разделены на *простые и сложные*.

Ввиду того что объектные представления неразрывно связаны с их модальными дополнениями: с представлениями времени услуги (преступления) (сегодня, через год), места услуги (преступления) (здесь или где-нибудь) и свойства тех вещей или благ, которые передаются кому-нибудь услужником, то в объектных представлениях и приводимых ниже иллюстрациях мы увидим различные примеры этого сочетания объектных представлений с их дополнениями. Таким же дополнением к объектным представлениям являются и представления *дестинаторов* услуги (преступления), то есть тех лиц, в пользу или для которых совершается определенная услуга.

Ввиду того что представления дестинаторов услуги (преступления) особенно важны, то прежде чем приводить конкретные примеры, иллюстрирующие приведенную классификацию услуг, мы позволим себе несколько подробнее остановиться на дестинаторах услуг.

О дестинаторах (адресатах) услуги (преступления)

Как уже было указано, под *дестинаторами услуги (преступления)* мы понимаем *представления тех существ, в пользу (против) которых совершена услуга (преступление)*.

Теперь спросим себя, какие же предметы были дестинаторами услуг (преступлений) в различные эпохи и в различных группах?

И здесь в полном соответствии с тем, что мы видели в главе о субъектах услуги, в качестве дестинаторов услуги (преступления), помимо людей, выступают как *отдельные, конкретные предметы* (сверхъестественные существа, неодушевленные предметы, животные, растения), так и *абстрактные индивидуальное единства* (человечество, город, государство и т. д.).

Приведем факты.

А). *Воображаемые существа как дестинаторы услуг.*

В качестве дестинаторов услуг воображаемые существа выступают опять-таки в виде духов, душ, ангелов, дэв, демонов, душ умерших животных, богов и т. д.

Внешним показателем этих фактов служат различные жертвоприношения, подчас весьма и весьма ощутительные, *добровольно совершаемые в пользу данных существ, или из желания сделать им "приятное", или же в целях получения от них путем услуги различных наград.*

В "Илиаде" и "Одиссее" мы постоянно видим, как приносятся жертвы богам то в виде тучных быков, то в виде возлияний вина. Конечно, как в этих фактах, так и в аналогичных фактах, встречающихся у других народов, следует строго различать "обязательные" жертвы от добровольных. Значительная часть жертв является обязательной; но "жертвы-дары" могут быть рассматриваемы как "добровольные" (то есть как услуги), ибо несовершенство их не влечет за собой никакого наказания, следовательно, они являются сверхнормальными и совершаются лишь в собственных интересах "жертвоприносителя" (субъекта услуги). Стимулом их служит награда, которую боги или духи даруют за жертву. Отсюда вполне понятна постоянная наградно-утилитарная мотивация при этих жертвах, ничего общего не имеющая с "обязательными", "должными" отношениями.

"Видишь, дитя, — говорит Приам, обращаясь к Гермесу, — как полезно богам предлагать олимпийцам должные жертвы".

Хриз, обращаясь к Аполлону, напоминает ему о своих услугах, прося в виде награды за них, в свою очередь, услуги от него:

Феб сребролукий, внемли мне! [...]

Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал

И прославил меня, поразивши бедами ахейан;

Так же и ныне услышь и исполни моление старца¹.

Все это отношения добровольные, здесь нет ни права одного, ни обязанности другого, а так как эти отношения не противоречат "обязательным" шаблонам, а соответствуют им, то они целиком принадлежат к области услуг. Молитвы других народов, обращенные к их богам, дают немало аналогичных фактов.

Делавары, обращаясь к духу (перед войной), говорят:

О великий Дух на небе,

Сжался над моими детьми

И над моей женой.

Пошли мне удачу. Чтоб я мог убить врага.

Будь милостив ко мне и защити мою жизнь.

И я принесу тебе дар.

Обобщая многочисленные факты жертвоприношения, Э. Тейлор говорит, что можно утверждать в самом общем смысле, что если в акте приношения даров обыкновенным человеком высшему лицу — с целью получения выгоды или избежания чего-нибудь неприятного, просьбы о помощи или прощении обиды — важное лицо будет замещено богом и соответственным образом будут приспособлены средства передачи ему даров, тогда получится логическая теория жертвенных обрядов — почти полное объяснение их прямых целей и даже указание того первоначального смысла, который с течением времени претерпевал

¹ Гомер. Илиада. I:442, 444—446. Пер. Н. Гнедича.

разные изменения¹. Из этого следует, что жертвы за известными пределами перестают быть обязательными и из обязанности переходят в услугу. А так как существование их в том или ином виде неоспоримо у всех народов, то этот факт тем самым говорит о том, что дестинаторами услуг выступали и выступают сверхъестественные существа.

Это разделение обязательных и добровольных жертв (услуг) можно различать почти всюду. Так, например, и в Библии достаточно ясно и резко подразделены жертвы обязательные ("жертвы за грех", "жертва повинности") от "жертв мирных", "жертв от усердия", которые сами по себе добровольны².

Приношения душам умерших, ряд молитв к различным существам, обычаи умерщвления на могилах рабов, жен, лошадей, возлияния в честь "ларов, манов" и "пенатов" и т. д. — во всех этих обрядах неизбежен элемент услуги, а раз это так — то тем самым все эти существа становятся и дестинаторами услуг.

Услужно-наградные отношения могут возникать не только между человеком и сверхъестественным существом, или наоборот, но и между двумя или большим количеством сверхъестественных существ. Примерами подобных отношений может служить ряд мифов, согласно которым душа умершего давала Церберу медовый пирог, Харону — монету; или же те отношения между жителями Олимпа, которые рисуют нам "Илиада" и "Одиссея" и которые дают немало примеров служных отношений между богами.

Б). Так как *животные, растения и неодушевленные предметы* могли быть субъектами услуг, то очевидно, что они могут быть и дестинаторами услуг.

Тотемизм и фетишизм дают весьма многочисленный ряд фактов, подтверждающих это положение.

В). Что отдельный человек может быть адресатом услуги — это само собой ясно.

Г). Дестинатором услуги (точно так же, как и субъектом) может быть и совокупность лиц, группа, составляющая некоторое надындивидуальное единство. Например, добровольные услуги, которые оказывает Бог его народу, будут услугами, объектом которых является совокупность лиц.

Когда русские отправлялись добровольцами в Болгарию или к бурам (услуга), то дестинатором услуги была совокупность лиц, образующих единство "Болгария или буры"... Ряд случаев, когда один индивид добровольно погибает ради спасения многих, целиком относится к категории услуг, дестинаторами которых являются коллективности³.

И наоборот, коллективность может являться и субъектом услуги.

Таким образом, область дестинаторов услуг на протяжении истории была в высшей степени разнородна и многочисленна.

¹ См.: Тейлор Э. Первобытная культура. Т. 2. С. 420.

² См.: Библия. Левит. Гл. 1—8. Характерно здесь и то, что в первых случаях (обязат. жертвы) не употребляется глагол "хочет", тогда как при жертве мирной выражения: "когда кто из вас хочет" и "это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу" — очень часты.

³ Сравни с этим добровольные жертвования "в пользу университета", "в пользу земства", "в пользу России", самопожертвования "в пользу человечества", "на благо родины", "на благо общества", ученые изобретения, делаемые "с целью облагодетельствовать общество, человечество", и т. д. Все это примеры групповых, надындивидуальных дестинаторов.

Однако и в данной области замечается постепенное ограничение: как и в области субъектов услуги круг дестинаторов услуги все более и более ограничивается: мало-помалу дестинаторами услуг перестают быть все, кроме людей и воображаемых надындивидуальных единств. В данный момент для сознания наиболее культурной части человечества адресатами могут быть только реальные, а не воображаемые существа. Наши убеждения отказываются делать в пользу воображаемых существ какие бы то ни было услуги, так как мы не признаем их реального бытия.

То же следует сказать и о неодушевленных предметах и растениях...

Иначе, по-видимому, обстоит дело с животными. Мы их кормим, даем им жилище, избегаем напрасно мучить их; иногда "балуем" их лакомствами, устраиваем им, по примеру одной миллиардерши в Америке, обеды, стоящие миллион долларов; организуем "общества покровительства животным" и т. д.

Однако и здесь в действительности происходит то же ограничение. Все эти "услуги" совершаются прежде всего по отношению только к полезным для нас животным. А далее легко заметить, что (подобно Молчалину, прислуживавшему в лице собачек их хозяевам) мы делаем услуги не самим животным, а в большинстве случаев людям. Кроме того, по существу дела акты, полезные для животных в современном сознании, осознаются вовсе не как услуга, а как должное поведение, диктуемое различными утилитарными соображениями. Если сельский хозяин кормит и хранит свою лошадь, то это делается по тем же мотивам, по которым хранится и смазывается нужная машина, дабы она не испортилась... Очень часто такой же полезной живой машиной является и домашнее животное, и вследствие этого о нем заботятся, его кормят и т. д.

Тот, кто знает, что нельзя требовать от животного "вменения" и сознательного отношения к своим и чужим поступкам, для того животное перестает быть дестинатором услуги, а является только нужной и полезной машиной, которая поэтому нуждается в известном уходе, заботливости и т. д.

Вообще для каждого индивида область как субъектов, так и дестинаторов услуг (а равно и преступлений) совпадает с областью существ, которых он считает подобными людям, обладающих волей, умом, сознанием и пониманием взаимоотношений, то есть с областью "вменяемых" человекообразных существ. А так как многие еще и теперь наделяют животных человеческими свойствами, то вполне понятно, что для них они могут быть и субъектами и дестинаторами услуг. Для тех же, которые более ясно понимают положение дела, — для тех животное не может быть "вменяемым", а потому не может быть ни субъектом, ни дестинатором услуг (а равно и преступлений).

Вследствие этого указанная историческая тенденция остается действительной, и область услуг всецело замыкается в чисто человеческие отношения. Раньше расплывенные услуги постепенно концентрируются и перестают бесполезно уходить в пустоту. Вывод сам по себе благоприятный и до известной степени важный по своим последствиям в связи с другими историческими тенденциями.

Все сказанное применимо и к дестинаторам преступления. И здесь адресатами, против которых совершались преступные акты, были все эти категории, начиная с духов (особенно дьявола, который имел бы полное право возмущаться вследствие бесконечных преступлений, совершавшихся против него) и кончая людьми.

§ 4. Внешняя однозначность преступления и наказания, подвига и награды

Если теперь перейти к анализу состава карательного и наградного акта, то, к нашему крайнему удивлению, нельзя не заметить, что этот состав их, по существу, тождествен с составом акта преступного и акта служебного.

I. В самом деле, в каждом карательном и наградном акте или в их переживании мы точно так же можем различить:

а) *представление субъекта карательного и субъекта наградного акта*, то есть лиц, выполнявших эти акты. Этими субъектами в представлении различных людей были: и *сверхъестественные существа* (боги, духи, души предков, ангелы, бесы и т. д.), и *естественные* (люди, животные, растения, неодушевленные предметы) и *конкретно-единичные и абстрактно-групповые*;

б) *представления объектные*: всякая кара или награда есть прежде всего акт; а все эти акты, как выше было указано, размещаются в трех группах: *facere, abstinere и pati* (действия, воздержания и терпения);

в) представления *адресатов*: лиц, по адресу которых направляется соответствующий карательный или наградный акт. История и здесь показывает, что адресатами кар и наград были все те существа, которые были и адресатами преступлений и подвигов;

г) представления: времени, места, вещей, даруемых или отнимаемых, и т. д. — и в этом смысле карательный акт по составу равен преступному акту, наградной — служебному.

Это тождество состава каждой пары идет несравненно дальше.

II. Оно проявляется в том, что и преступление выражается вовне в виде причинения того или иного зла адресату его или обществу, и наказание выливается в те же страдательные акты по отношению к преступнику. Услуга реализуется в ряде "добродетельных" актов, и награда — в ряде таких же актов. Значит, по характеру актов члены каждой пары весьма сходны и тождественны...

III. Мало того, если произвести "очную ставку" актов преступных и карательных, служебных и наградных, то и здесь обнаружится или полное тождество, или полная эквивалентность. Доказательством служит закон талиона, некогда имевший повсеместное распространение. Он указывает на полную тождественность акта преступного и карательного.

Согласно ему: *преступления:*

вырвать око,
вырвать зуб,
сломать ногу

наказания:

вырвать око,
вырвать зуб,
сломать ногу и т. д.

"Око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу" и т. д. — так гласит оно в выразительной формулировке Библии. Но и в тех карах, которые не являются талионом в таком чистом виде, соотношение наказания и преступления, перестав быть тождеством, превращается в эквивалентность, что видно из изречения "воздай злом за зло", лежащего в основе почти всех карательных систем.

Та же тождественность выступает и в области услуг и наград. И они одинаковы по своей материальной природе, которая у обоих членов положительна. Здесь соблюдается принцип воздаяния добром за добро. Если взять первоначальные служебные отношения между человеком и его богом, то они представляют простой обмен "полезных" тому и другому благ.

"Do, ut des"^{1*} — такова формула этих взаимоотношений. "Вот тебе пища, дай нам за это корову" — так молятся многие первобытные народы. Это значит, вот я тебе совершаю услугу (или даю награду), отплати и ты тем же мне, то есть вознагради меня или соверши мне услугу. Еще яснее этот талион выступает в таких молитвах: "Если вы требуете от меня пищи, которую вы сами дали мне, не следует ли мне дать ее вам?"

Потом с историческим развитием талион как обмен акта на другой, ему подобный, постепенно принимает, подобно средству обмена, различные формы. Преступление определенного вида вызывает наказание, но не абсолютно тождественное по форме с первым. За удар или изувечие уже не следует то же, но выступает система композиций, и виновный платит деньги или же отбывает несколько иное наказание. Эволюция взаимоотношений преступлений и наказаний, как и услуг и наград, есть лишь частный случай эволюции обмена: сначала идет обмен одной вещи на такую же, подобное (око за око или спасение за спасение), а затем за преступление преступник платит по-прежнему, но не тем же товаром (то есть актом), а его эквивалентом (например, посылается в каторжные работы, присуждается к штрафу, к тюрьме и т. д.). То же и в области наград и услуг.

Сначала услуга влечет награду, состоящую в акте, аналогичном акту услуги. Но затем услуга может вызвать наградной акт, эквивалентный самому акту услуги, но конкретно не тождественный с ним.

Принцип возмездности есть общий закон социальной жизни. Даже самые слова "возмездие" (Entgelten) и "воздаяние" (Vergelten), происходящие от слова gelten (стоять), обозначали предположение равноценности или действительную равноценность. Отсюда слово "Geld" (первоначально gelt), то есть, с одной стороны, равноценное (в прямом смысле), с другой же — нечто по отношению к ценности уравнилельное. Социальную организацию возмездия представляет собою гражданский оборот, организацию воздаяния за социальное зло мы встречаем в уголовной юстиции, в воздаянии за социальное благо принимают участие: государство, общественное мнение и история. Поэтому не мудрено, что история обмена и, в частности, "средств обмена" (денег) есть лишь другая сторона обмена злом за зло и добром за добро.

IV. Тождественность материальной природы каждой пары видна из того, что на протяжении истории акты преступления и наказания, с одной стороны, наград и услуг — с другой, приблизительно одинаковы...

Убийство считалось за преступление, убийство же было и наказанием. Разбой и грабеж были преступлением, конфискация и отдача на поток и разграбление (что является актом разбоя и грабежа по отношению к преступнику) были и наказанием. Различные акты насилия были в рубрике преступлений, такая же строка имеется и в рубрике наказаний. Оскорбление чести считалось преступлением, лишение чести выступает как вид наказания. Истязание во многих случаях составляет преступление, истязания же фигурируют и в качестве наказаний. Я не буду продолжать эту "очную ставку" наказаний и преступлений. По материальному своему содержанию они тождественны, или эквивалентны. То же следует сказать и о взаимоотношении наградных актов и актов

¹ * Даю, чтобы ты дал (лат.).

услужных. И они по материальному содержанию одинаковы или абсолютно, либо представляют обмен одного акта на другой, ему эквивалентный. Всякая награда есть услуга по отношению к услужнику, и наоборот, всякая услуга есть награда по отношению к тому, в пользу кого совершается услуга.

Точно так же всякое преступление есть наказание того, против кого направлено преступление, и наоборот, всякое наказание по своему материальному характеру есть преступление по отношению к преступнику.

Итак, как по составу, так и по характеру актов и их направлению преступление и подвиг ничем не отличаются от наказания и награды...

В чем же в таком случае *их различие*? Оно заключается не в материальном характере актов, а исключительно в том, что преступление есть причина, а наказание — следствие, услуга — причина, а награда — следствие... С внешней точки зрения здесь нет никакого различия. Поэтому, анализируя *извне* цепь преступлений и наказаний, подвигов и наград, в каждом данном случае мы можем рассматривать как преступление и подвиг лишь акты, вызывавшие наказание и награду.

Правда, как уже выше мы сами подчеркнули, между каждым членами пары есть еще и психологическая разница: преступление всегда морально-отрицательно, наказание может и не быть таковым, оно с точки зрения карающего индивида есть всегда воздаяние, и воздаяние законное. Но эта глубокая разница между ними дана лишь тогда, когда мы встанем на точку зрения одного и того же индивида. Да, в этом случае разница дана, и она бесконечно глубока. Но стоит допустить двух индивидов, "должные шаблоны" поведения которых различны: из которых один считает должным одно, а другой этот же акт считает преступным, что тогда получится? Один совершает акт, вовсе не думая, что он преступный. Другой квалифицирует его как преступление и реагирует на него карательными актами. Первый, в свою очередь, принимает эти "незаслуженные" кары за преступление и реагирует на это наказанием; второй рассматривает их как новое преступление, снова реагирует карам и т. д. Завязывается бесконечная цепь, в которой с точки зрения *одной стороны* психологическое различие преступления и наказания мы найдем. Но если встанем *вне сторон, выше их*, то это различие исчезает, и в наших руках остается лишь временная причинность, в силу которой мы акт предшествующий должны будем считать преступлением, а последующий — наказанием и затем чередовать их, разбив цепь акций и реакций на пары...

С этой точки зрения, следовательно, основным различием между преступлением и наказанием (услугой и наградой) остается лишь *временная последовательность*. Правда, могут возразить на это то, что преступление, дескать, нарушает права, оно незаконно, несправедливо, тогда как наказание составляет акт вполне справедливый, закономерный, вне точки зрения индивида или стороны, что преступлением оскорбляется сознание всего общества, тогда как наказание оскорбляет только преступника.

На подобное заявление мне ничего не остается делать, как напомнить то, что какой-нибудь акт является преступлением не по своей "извечной" природе, а просто потому, что он оскорбляет и нарушает чьи-то шаблоны и сам очень часто *является реализацией* тоже определенных, но не совпадающих с первыми должных шаблонов. Большинство преступлений есть просто конфликты разнородных шаблонов поведения, а не столкновение "абсолютной несправедливости" с "абсолютной правдой"... Каждый должный шаблон для его носителя свят, поэтому

приходится игнорировать эти абсолютные оценки в конфликте различных шаблонов¹.

Что же касается того, что преступление всегда нарушает социальные интересы, что оно оскорбляет сознание всего общества, то это положение представляет некоторое недоразумение в силу того, что ведь и шаблоны поведения преступника есть также продукт социальных отношений, что и преступник составляет также часть данного общества, следовательно, преступление оскорбляет уже сознание не всего общества, а только его части, исключая всех тех, кто имеет шаблоны, тождественные с шаблонами преступника, которые, в свою очередь, часто оскорбляются наказанием и для которых само наказание превращается в преступление. А велика ли в каждый данный момент часть, солидарная с преступником, и часть, противоположная ей, это не имеет принципиального значения. Вопрос о количестве и величине каждой части — это уже вопрос побочный.

В каждом данном обществе уголовные нормы защищают не всех его членов, а только определенную часть, или, иначе говоря, в каждом обществе шаблоны поведения у различных его частей различны, в силу чего и возникают сами преступления и наказания. В зависимости от того, шаблоны какой части мы примем ("преступной" или "непреступной"), решается вопрос о правоте и закономерности тех или иных актов. Если в современном обществе мы примем шаблоны буржуа, то с точки зрения этих шаблонов акты забастовки, саботажа, "экспроприации экспроприаторов" и т. п. будут преступлением, и наказание покажется справедливым, должным, законным и т. д. Если же встанем на точку зрения рабочих, то акты наказания превратятся в "преступление", и правовая психика потребует, в свою очередь, их наказания... Наказание революционера, вполне законное с точки зрения официальных шаблонов поведения, есть преступление с точки зрения революционера и его единомышленников.

Нельзя вообще представлять себе дело так, что вот на одной стороне стоит преступник, а на другой — все общество, которое оскорбляется его преступлением. Социальная действительность более сложна и такой простой картины не дает. У преступника всегда есть единомышленники, и не малочисленные. Общественная группа всегда делится на подгруппы, классы, сословия, касты и т. д., шаблоны поведения которых могут быть весьма различны. Отсюда ясно, что абсолютная точка зрения, устанавливающая какие-то "извечные" пределы между преступным и не преступным, ошибочна.

Таких извечных пределов нет. Извечны (в логическом смысле) только сами понятия преступного и не преступного. А каким содержанием они будут наполнены у того или иного индивида, у той или иной социальной

¹ "В обществе мало развитом, — справедливо говорит Е. В. Де-Роберти, — содержание индивидуальных сознаний чрезвычайно разнородно: сумма приобретенных знаний и их сложность изменяются здесь по мере перехода одного члена социальной группы к другому. Рано или поздно, следовательно, должен появиться конфликт мнений, который заставляет возникнуть партии, более или менее компактное большинство и более или менее активное меньшинство. Прошлые искало решение этой тяжелой проблемы в исключительно господстве идей и чувств, освященных долгим обычаем, над идеями и чувствами диссидентов. Настоящее представляет с этой точки зрения нечто среднее, вид полуподчинения и полудавления социального индивида" (Qu'est-ce que le crime. P., 1899. P. 6—7).

группы и чье содержание будет "лучше", "выше", "чище", здесь абсолютных критериев нет и не может быть.

Вполне резонно, говорит Ваккаро, что "основная ошибка классической школы состояла в том, что она искала то в Боге, то в абсолютной справедливости, то в морали, то в иных фантастических и туманных понятиях права наказания, тогда как в действительности такое основание находится в самом факте сохранения установившейся власти, то-есть юридического порядка, выражением которого она является".

Как и везде в других областях знания, в социальных науках должна быть принята точка зрения относительности. Нет акта, который по своей природе был бы преступлением или услугой, а всякий акт является тем или другим для кого-нибудь, в силу определенных и ограниченных условий (характера шаблонов). А результатом этого в данном пункте является то, что различие преступлений и наказаний, услуг и наград покоится с внешней стороны лишь на принципе причинной последовательности: первые в причинном ряду являются причиной, вторые — следствием, а материальное содержание их может быть тождественным или эквивалентным.

Если преступление вообще — зло, то в силу сказанного такое же зло и наказание. Кто видит в преступлениях лишь одно отрицательное явление, тот должен видеть то же и в наказании. Нельзя с этой точки зрения не согласиться с Биндингом, определяющим наказание как меч без рукоятки, который наносит раны и тому, кто им действует.

Мы не являемся такими "монистами" и, как видно будет ниже, за преступлением и наказанием, а равно и за подвигом и наградой признаем не только отрицательные грехи, но и положительные достоинства и ценности.

Итак, по "составу" преступление и наказание однородны. То же применимо к подвигу и услуге. Различие между членами каждой пары заключается с точки зрения "внешней" лишь в причинной последовательности: преступление и подвиг — "независимые переменные", наказание и награда — "зависимые". Если же встать на точку зрения индивида или "стороны", то к указанному различию присоединяется еще различие окраски психических переживаний при преступлении и услуге, с одной стороны, наказании и награде — с другой.

Однородность "состава" карательного и преступного акта, служебно-го и наградного позволяет классифицировать их вместе. Классификация преступления в силу этого и будет классификацией наказания, классификация услуг — классификацией наград. Так как и здесь между преступно-карательным и служебно-наградным рядами существует полное соответствие, то в дальнейшем мы будем говорить лишь о подвигах и наградах, предполагая, что все сказанное о них применимо и к преступлениям с наказаниями.

§ 5. Классификация подвигов и наград (преступлений и наказаний)

Как уже выше было указано, тот или иной поступок того или иного субъекта является подвигом или преступлением не по своему материальному характеру, а по тому чисто формальному отношению, в котором он находится к "должному" поведению. Ввиду этого обозреть и описать бесконечное разнообразие актов и поступков, бывших услугами и наградами, нет никакой возможности, и в этой своей форме они не поддаются никакой систематизации или классификации. Но это, конечно, не исключает возможности их классифицирования, взяв за точку отнесения не само *содержание* акта, а нечто другое. Можно, например, взять за такое

fundamentum^{1*} субъекта преступлений и услуг и сообразно с этим делить преступления и услуги: 1) на совершенные субъектами единично-конкретными и 2) абстрактно-групповыми. Каждая из этих категорий, в свою очередь, может быть дальше подразделена; например, первая рубрика: на преступления и услуги, совершенные воображаемо-сверхестественными субъектами и реально-естественными, каждая из этих рубрик, в свою очередь, может быть подразделена далее и т. д. Можно за точку отнесения, конечно, взять и иное.

Как известно, классификаций чего угодно может быть несколько. В уголовном праве имеются по меньшей мере четыре классификации преступлений: а) по субъекту, в) по объекту или, вернее, по содержанию акта (семейные, государственные, религиозные и т. д.), с) по важности (преступления, проступки и полицейские нарушения), д) по способу вчинения (уголовно-общественные и уголовно-частные).

Те же способы классификации были бы возможны и в области услуг. Но в области теории услуг все эти классификации мало продуктивны... Гораздо важнее классификация их по объекту (в приведенном выше понимании). Так как услугами является совокупность актов, не противоречащих шаблонам и в то же время сверхнормальных, то эти акты могут быть подразделены: 1) на *положительно-активные*, состоящие в доставлении чего-нибудь или в совершении известных действий в пользу кого-нибудь. Например, в передаче денег мной кому-нибудь нуждающемуся или в спасении ребенка из горящего дома; 2) на *отрицательно-пассивные*, состоящие в воздержании от чего-нибудь, от чего можно было бы безнаказанно не воздерживаться. Например, в факте не вступления в брак, который с точки зрения христианства не запрещается и не составляет преступления. Отказ от брака уже есть услуга; 3) на *активно-терпеливые*, состоящие в терпении чего-нибудь, что можно было бы не терпеть...

Подобно этому и преступления-наказания можно было бы разделить на те же три группы. Проиллюстрируем каждый класс.

Конкретные иллюстрации различных услуг и наград (по объекту)

1. *Положительно-активные награды-услуги.* Этот вид услуг-наград заключается в совершении тех или иных актов в пользу тех или иных дестинаторов. Вполне понятно, что здесь услугой является или *самосовершение определенных движений, поступков и т. д.*, или же *соединение этих поступков с теми или иными вещами*, передаваемыми посредством этих актов тому или иному дестинатору. Сообразно с этим можно различать услуги-награды беспредметные и предметные. Возьмем для иллюстрации следующий пример из "Илиады", изображающий жертву-услугу Богам.

Так он взывал, — и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
Бедрa немедя отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.

¹ * фундамент, основание (лат.).

Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятазубцы держали.
Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланнх,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовля, снимают...
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая¹.

Здесь в этом факте услуги-награды, преподносимой Аполлону, с целью добиться и от него, в свою очередь, услуги-награды, мы видим, что услуга состоит, с одной стороны, в движениях, в актах, являющихся средством для передачи ряда "благ" Аполлону (ячмень, бедра, жир, вино), с другой стороны, — в ряде актов, которые уже сами по себе являются услугами ("хвалебный пеан распевая") и возбуждают в душе дестинатора наслаждение. Подобных примеров "Илиада" дает множество...

То же мы встречаем и в междучеловеческих наградах-услугах. Агамемнон, желая смягчить гнев Ахиллеса и привлечь его к участию в битве, к которой тот не обязан, обещает ему исполнить следующие служебные акты:

Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
Десять талантов золота, двадцать лоханей блестящих,
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшей клятвой клянется:
Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею².

Те же приблизительно подарки обещает за шпионство Гектор, Агамемнон Тевкру, Приам Ахиллесе, Ахиллес победителям состязания. Ахиллес в честь Патрокла закалывает 12 юношей и т. д.

Во всех этих примерах услуга заключается не только в тех или иных движениях, но, для того чтобы эти движения могли быть услугой, к ним еще присоединяются те или иные вещественные дополнения — блага (предметные услуги — награды). Но так же как и в человеко-божеских служебно-наградных отношениях, и здесь, в междучеловеческих отношениях, имеется ряд актов, которые уже сами по себе являются услугой или наградой. Эти акты выступают в виде "похвал", славословий, воспевания доблестей, исполнения ряда действий и т. д. Таковы, например, подвиги Ахиллеса, состоящие в актах уничтожения врагов, акты и действия Гектора по отношению к троянцам, подвиги Одиссея и т. д.

¹ Гомер. Илиада. 1:457—466, 473—474.

² Там же. 9:260—275.

Все они являются уже сами по себе услугой ввиду их сверхнормального и выдающегося характера, в то же время совпадающего с нормой или с шаблоном должного (беспредметные услуги-награды)¹.

Частным видом беспредметной награды уже и здесь выступает *Слава*, ради которой жертвуют жизнью и Ахиллес, и Гектор.

Что касается Библии, то здесь в качестве предметных дополнений актов услуги фигурируют: человек и его жизнь, земля, скот, серебро, золото, шерсть, кожи, ароматы, драгоценные камни, города, люди и т. д.².

Беспредметные же акты услуги-награды совершаются опять-таки в форме молитв, тех или иных поступков и в отвращении врагов Богом, в избавлении от болезней, в уничтожении египетских первенцев и т. д.

Предметным же видом награды и является рай в Новом завете.

Особенно яркие примеры наград или услуг с предметными дополнениями в Коране...

"Питающие же страх к величию Господа получают в обладание два сада.

Какое же из благодеяний Господа вы будете отрицать?

Оба украшенные рощами.

Какое же из благодеяний...

В каждом из них по живому источнику.

Какое же...

В каждом из них всяческие плоды двух видов. Какое же...

Отдыхая, они прилягут на ковры, у которых подкладка сделана из парчи. Плоды в обоих садах будут на такой высоте, чтобы каждый желающий мог сорвать их.

Какое же...

Там будут молодые девы со скромными взорами, до которых никогда не прикасались ни человек, ни гений.

Какое же...

Они походят на гиацинты и кораллы.

Какое же...

Разве не благом будет награда за благое?

Какое же...

Кроме двух садов будут еще два сада.

Два сада, покрытые зеленью.

Там будут плоды, пальмы и гранатовые деревья.

Там будут добрые, прекрасные женщины и т. д."

Да будет благословенно имя Господа, преисполненного величия и великодушия... *"Все это дано будет вам в виде награды. И усилия ваши будут признаны"*³.

Если взять описание рая или вообще загробного блаженного мира в том виде, в каком они существуют в различных религиозных верованиях, начиная с представлений первобытных народов и кончая высочайшими религиозными системами, то здесь выступают бесчисленные виды предметных наград-услуг в самых причудливых сочетаниях и комбинациях.

¹ Массу примеров как предметных, так и беспредметных положительно-активных услуг-наград читатель найдет у Дюркгейма в его "Les formes élémentaire de la vie religieuse". Р. 465—592.

² См. последовательно: Бытие. 1:28; 41:36—43; 15:18; 30:28—32; 38:17; Исход. 25:1—8, 29:18, 21—25; Левит. 4—6, 26.

³ Коран Магомета. LV. Ст. 46—78; LXXVI. Ст. 15—22; см. также: LXIX, LXXIV, LXXVI и др.

Утопии о будущем счастливом и блаженном состоянии человечества дают также немало примеров предметных наград-услуг.

Причем следует заметить, что в качестве предметных дополнений наград выступают как в божеско-человеческих отношениях, так и в чисто человеческих формах служебно-наградного общения самые разнообразные вещи, вообще почему-либо считающиеся пригодными, желательными и нужными данным народом или индивидом.

Там, где не установилась еще единица обмена, там, понятно, в качестве предметов услуги-награды выступают самые разнообразные объекты. Там же, где такая единица уже так или иначе начала устанавливаться или установилась, там, понятно, эта единица обмена бывает и наиболее обычным предметным дополнением услуги-награды.

Например, в Библии и отчасти уже в "Авесте" таким наиболее обычным предметом награды служит скот, ибо он был единицей обмена у этих народов в данную эпоху. У охотничьих народов таким предметом были шкуры и меха, у земледельческих — пшеница, рожь, маис, табак, рис и пр.; у рыболовов — в Норвегии, например, сушеная треска; у рабовладельческих народов — рабы; в средние века большую роль играли награды землей (феоды и бенефиции). Позже, когда в употребление вошли металлы, — обычным предметом награды сделались они или в слитках, или же (позже) в форме монеты.

В современном нам обществе с его единицей обмена — деньгами — вполне естественно, что деньги являются наиболее обычным предметом награды-услуги.

Награждение или услуга в форме передачи денег, как и любой единицы обмена, равносильна (за редкими исключениями) любой награде-услуге, ибо на деньги все можно приобрести... Что же касается *беспредметных* услуг-наград, то есть таких услуг-наград, где услугой-наградой является уже совершение самого акта, то этот вид, как видно отчасти уже из приведенного, выступает во всевозможнейших формах. В "Илиаде" такими услугами-наградами являются, например, для ахейян действия Ахиллеса, Одиссея, для троянцев — действия Гектора, молитвы богам, многие поступки богов, например Афины, отвращающей вражеские копыта от Ахиллеса, и пр.¹ Уничтожение врага, отвращение опасности, спасение кого-нибудь в той или иной форме, избавление от страданий, сообщение истинных сведений о чем-либо, например о вражеских силах, ложь, например обман неприятеля или врага, просто физическая работа — рытье рва, канавы, перенесение тяжестей и т. д. и т. д. — все это было и может быть беспредметной услугой-наградой. Нет ни одного акта, который по своему материальному содержанию не мог бы почему-либо быть услугой-наградой.

Из сказанного видно, что исчерпать все конкретное многообразие беспредметных, а равно и предметных актов услуги-награды невозможно...

II. *Отрицательно-пассивные услуги-награды* (abstinere — воздержание). В эту категорию услуг-наград входят акты воздержания от какого-либо поступка, который можно было бы безнаказанно совершить. Простейшим примером этой категории является, например, факт воздержания от взыскания долгов с моего должника. В этом случае я воздерживаю

¹ К этой же категории услуг-наград должны быть отнесены и многие акты, рекомендуемые "заповедями блаженства". Акты милосердия, печалования (плачуший), кротости, алкания и жаждания правды, акты чистоты сердца — все это по смыслу своему беспредметные услуги-награды положительно-активного характера.

юсь от поступка, который мог бы безнаказанно сделать. Дальнейшими примерами являются: воздержание от брака, от безгрешных мирских удовольствий, воздержание от обладания и употребления тех или иных "благ", обладания и употребления вполне законного и безгрешного. Все эти последние факты составляют факты услуги-награды с точки зрения христианства. Все акты "непротivления злу" в нравственной системе Толстого — почти целиком относятся к этой категории...

И здесь, как и в области положительно-активных наград, можно различать *предметные* акты услуги-награды от *беспредметных*.

В категорию первых входит не совершение таких актов, смысл совершения которых заключался бы не в самом факте совершения, а в отнятии (вполне допустимом) посредством этих актов от кого-нибудь тех или иных "благих" предметов. Возьмем для примера факт взыскания долга с кого-нибудь.

Здесь центр услуги заключается не в самом отказе от тех поступков, которые необходимы для взыскания, а в том, что благодаря несовершению ряда этих поступков в обладании должника остается тот или иной желательный для него предмет (земля, деньги, дом и т. д.).

Если же теперь возьмем такие акты, как вполне "законное" оскорбление, или ошельмование, или убийство, или истязание кого-нибудь, то здесь уже самый отказ совершить те или иные действия будет составлять услугу-награду. Например, отказ сдирать кожу с кого-нибудь, или убивать кого-нибудь, или обесчестить кого-нибудь и т. д.

Отрицательно-пассивные услуги первого рода будут предметными актами услуг-наград, отрицательно-пассивные услуги второго рода — беспредметными...

Если теперь мы спросим себя, в каких конкретных формах проявлялись предметные услуги данного вида, то опять-таки принуждены будем ответить: в бесконечно разнообразных.

На протяжении истории человечества мы встречаем отказ тех или иных лиц от самых различных предметов: отказ от людей — сына, отца, жены, дочери и т. д., когда эти люди могли бы поступить в полное распоряжение кого-нибудь. Оставляя эти "предметы" в руках отца, родных, мужа и т. д., услужник тем самым не совершал (воздерживался) ряд действий и этим самым оказывал существенную услугу тем или иным дестинаторам. Примером может служить, например, отказ Иеговы от Исаака. Его требование к Аврааму — принести в жертву сына — с точки зрения Авраама не являлось преступлением, и он готов был повиноваться этому требованию. Но Иегова отказался от этого требования, оставил Исаака Аврааму и тем самым совершил ему услугу. Другими примерами могут служить ряд фактов из истории войн. Победитель, взяв, например, город, имел право отнять сына у отца, жену от мужа и т. д.; но раз он не делал этого — тем самым совершал предметную услугу данного вида тем, у кого он не отнимал этих людей.

Наряду с людьми в качестве предметов отказа фигурировали и фигурируют самые различные ценности: земля, скот, пища, деньги, дома, предметы украшений, целые области, города, села, деревни и т. д.

Точно так же бесконечно разнообразны и *беспредметные* отрицательно-пассивные услуги-награды. Воздержание от самых различных актов (не противоречащих шаблонам) выступает в истории в качестве услуг данного вида: отказ от убийства кого-нибудь, когда это убийство допустимо, отказ от истязания кого-нибудь (например, от пытания огнем, водой, железом и пр.), когда это истязание не составляет преступ-

ления, отказ от изнасилования женщины или девушки, когда оно не считается преступным, от посябления, оскорбления, оплевания и т. д. — все эти факты воздержания от тех или иных актов составляют уже услугу-награду по отношению к этим жертвам или другим лицам.

III. *Активно-терпеливые услуги-награды* (pati). Под данным видом услуг-наград я понимаю акты терпения кем-нибудь тех или иных поступков, которые безнаказанно можно было бы не терпеть. Большинство заповедей Христа, например заповедь о подставлении другой щеки тому, кто ударит по одной, причисляют к данному виду.

С нашей точки зрения эти заповеди, как и заповедь "блажени есте, егда поносят вас и изженут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради", целиком относятся к данной категории, при том, конечно, простом условии, что эти заповеди рассматриваются не как обязательные должные нормы, на исполнение которых кто-нибудь имеет право претендовать, а как добровольные услуги-награды. А что так эти заповеди можно понимать — это следует из того, что здесь не дана карательная мотивация, а только наградная. "Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах". И действительно, как эти, так и аналогичные акты терпения многими переживаются именно как нечто добровольное, как услуга. Там же, где смотрят на выполнение их как на обязанность и приписывают кому-нибудь соответственные права на подобные акты, — там, конечно, в категорию услуг-наград эти акты не входят.

Основное различие данной категории от предыдущей заключается в том, что в предыдущей категории центром действия является сам субъект услуги, ему нужно воздерживаться от тех или иных действий, он не должен подвергаться тем или иным воздействиям других лиц. Здесь же действие исходит от других лиц, здесь субъекта услуги подвергают тем или иным воздействиям, которые он должен терпеть, если хочет совершить услугу-награду...

Конкретных примеров данного вида услуг-наград опять-таки великое множество. И здесь можно различать предметный вид от беспредметного. Терпение, например, ряда действий, отнимающих у кого-нибудь то или иное "благо": жену, детей, родных, деньги, дом, землю, скот, имущество и т. д., можно причислить к предметному типу, тогда как терпение, например, издевательства, оскорбления, насилия, истязания, заключения в тюрьме и т. д. и т. д. может служить примером беспредметного типа активно-терпеливых услуг-наград¹.

Из сказанного видно, что в конце концов всякий акт услуги-награды сводится или к одному из этих трех основных типов, или к их комбинации. Все известные виды наград: выражение монаршей милости, благодарности и похвалы, раздачи титулов, венков, золотых цепей, орденов, передача одежды или пищи со своего стола, возведение в высший чин, передача поместий, освобождение от тех или иных обязанностей, триумфы, передача в полную власть целых областей и городов в кормление и т. д. вплоть до награды: "проси, чего хочешь" — все эти акты входят в указанную классификацию услуг-наград. Даже такие награды, как "память потомства", "популярность", "слава" и т. д., награды, ради которых масса людей пожертвовала своей жизнью, начиная с дикаря, подвергающего опасности свою жизнь, с воинов, храбро умиравших в битвах, с рыцарей, сражавшихся на турнирах, с Герострата, сжигающего великолепный храм, и кончая баррикадами, актами

¹ Множество примеров как пассивно-отрицательных, так и активно-терпеливых услуг-наград дано Дюркгеймом в его книге: "Les formes élémentaire de la vie religieuse". П. 427—464.

самопожертвования, замуровыванием себя в четырех стенах кабинета и т. д., — все эти виды наград в конечном счете могут быть разложены на приведенные типы службно-наградных актов. Из сказанного же видна та огромная распространенность и та огромная роль, которую играют службно-наградные отношения в социальной жизни.

Все сказанное, естественно, применимо и к преступно-карательным актам.

§ 6. Шаблонизация кар и наград

Изучая взаимодействие услуги-награды и преступления-наказания, мы не можем не отметить тот факт, что и наградные и карательные акты, *будучи сначала нешаблонными, постепенно шаблонизируются.* В каждой постоянной социальной группе с течением времени устанавливается определенный курс преступлений и услуг, то есть устанавливается вполне определенное наказание за определенное преступление и определенная награда за определенную услугу... За каждый акт, например за повреждение носа, ушей, зубов, глаза, ноги, руки, пальца, — на все устанавливается определенная цена — карательный преискурант. Уголовно-правовые кодексы, в частности, и представляют не что иное, как подобный карательный преискурант. В них одна часть статьи указывает определенный акт, а другая часть — карательное "вознаграждение" за него... То же самое применимо и к услугам-наградам.

Хотя специальных "уложений о наградах" и не имеется еще в сводах законов, но множество статей, разбросанных по различным частям и отделам, есть в каждом своде законов.

И эти статьи, подобно карательным, также делятся на две половины: одна половина статьи определяет службный акт, другая определенную награду за него. Достаточно с этой целью указать на табель о рангах, на статьи, трактующие о наградах (ордена, знаки монаршей милости, аренды, пенсии, кафтаны и т. д.). Правила, указывающие порядок и условия их получения, суть не что иное, как правила, определяющие характер услужного акта, с одной стороны, и вид соответственной награды — с другой... Например, для получения первого классного чина (награда) от индивида требуется столько-то лет службы, такой-то образовательный ценз и т. д. (подвиги). Для получения ордена Станислава 2-й степени требуется то-то и то-то...

Подобная шаблонизация происходит не только в области государственного права, но и в любой области социальной жизни. Для того чтобы получить, например, звание магистра (награда), требуется ряд определенных подвигов, для доктора — ряд других. Как в случае государственной службы, так и здесь общество не принуждает никого к этим подвигам. Оно только рекомендует их и говорит: "Я тебя не обявываю быть статским советником или профессором; хочешь или не хочешь ты быть ими — это твоя добрая воля. Но если хочешь получить эти награды, то выполни такие-то и такие-то подвиги".

Таким образом, в силу ряда причин (о которых будет идти речь ниже) кары и награды из нешаблонизированных форм переходят в шаблонизированные и вполне точно зафиксированные¹.

¹ Доказывать, что вначале ни кары, ни награды не были зафиксированными и зависели от воли карателя и награждателя, автор считает излишним, так как это истина, известная всякому, кто немного занимался сравнительной историей права, этнографией, этнологией и историей культуры.

Этот процесс есть лишь частный случай общего менового процесса, где сначала обмен вещи на вещь ничем не регулировался и не было установлено никаких эквивалентных меновых ценностей. С течением времени эквивалентность и шаблонность устанавливается: "За такую-то вещь можно получить то-то".

Далее — шаблонизируется постепенно и сама единица обмена: все ценности начинают выражаться одной ценностью, каковой становятся деньги. Мало-помалу всякая вещь получает вполне определенную цену, выраженную в деньгах, и шаблонизация таким образом достигает своего высшего развития.

ВЛИЯНИЕ КАР И НАГРАД НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Мотивационное действие наград и наказаний

В уголовном праве уже издавна существует ряд теорий, которые указывали на то, что наказания способны в значительной степени влиять на поведение индивида, заставляя его воздерживаться под страхом наказания от ряда поступков, запрещенных законом, или исполнять ряд поступков, требуемых тем же законом. В последнее время к подобному влиянию кар на поведение человека стали относиться некоторые исследователи скептически.

Мы не разделяем этого скептицизма и думаем, что как кары, так и награды влияли и влияют на поведение человека. Мало того, мы имеем смелость утверждать, что, если бы не было этих рычагов, поведение как целых народов, так и отдельных личностей было бы существенно иным.

Утверждая это, мы прежде всего исходим из того положения, что целевые и утилитарные соображения человека способны так или иначе влиять на поведение индивида. Выражаясь еще яснее, мы можем сказать, что на поведение человека влияют представления тех выгод или невыгод (каковы бы они конкретно ни были), которые он связывает с теми или иными поступками в качестве последствий этих поступков. Если какой-нибудь поступок кажется данному человеку влекущим за собой ряд желательных для него последствий (наслаждение, счастье, пользу, выгоду и т. д.), то это соображение о желательных для него последствиях соответствующим образом влияет на психику человека и заставляет его совершить поступок, который без этого воздействия не совершился бы. Выражаясь образно, здесь представления тех благ, которые вытекают из его поступка, являются особым рычагом, который давит соответственным образом на поведение человека и заставляет его совершить тот или иной акт.

Точно таким же рычагом являются и представления о ряде *нежелательных* для данного человека последствий, вытекающих из того или иного его поступка. Эти нежелательные последствия (страдание, вред, невыгода и т. д.), которые обрушатся на него, если только он совершит тот или иной акт, заставляют его воздерживаться от данного акта, который без давления этого второго рычага неминуемо совершился бы.

Награды и наказания являются частным случаем этих желательных и нежелательных последствий; представление наградной реакции (как некоего "блага выгоды" желательных последствий), которая может произойти, если будет совершен тот или иной акт, соответствующим образом давит на психику человека и заставляет его совершить акт, или воздержаться от совершения, или терпеть что-нибудь, что без этого воздействия едва ли бы произошло.

То же относится и к карам. Кары являются одним из видов тех нежелательных последствий, которые соответствующим образом воздействуют на поведение человека и делают его иным в сравнении с тем поведением, которое было бы, если бы этого рычага кар не было.

В животном мире, где эти целевые соображения или соображения тех или иных "невыгод" или "выгод" как последствий того или иного поступка отсутствуют, иначе и регулируется поведение.

Здесь все совершается инстинктивно, по раз выработанному под действием естественного подбора шаблону. Здесь, как только дан тот или иной раздражитель, следует соответствующий акт. Все те поступки, которые совершают пчелы, муравьи, шмели и т. п., регулируются не соображениями выгоды и невыгоды, не представлениями желательных или нежелательных последствий своего поступка, а простым инстинктом, раз навсегда выработанным под воздействием подбора.

Иное дело поведение человека, в котором принимают участие целевые соображения. Здесь уже, как ниже будет указано, не все делается автоматически. И на ряде конкретных фактов можно убедиться, что представления тех или иных выгод и невыгод — как следствий поступка — существенно видоизменяют поведение. Кары и награды являются частным случаем этих выгод или невыгод, поэтому и они имеют такое же воздействие¹. Подтверждением может служить бесконечное число фактов, ежедневно совершающихся вокруг нас в жизни. Приведем некоторые из них. Из наблюдений над детьми, вероятно, известно каждому, какое искушение представляют для них "лакомства". Сплошь и рядом бывают случаи, когда они не прочь бы съесть конфеты, лежащие на столе или в буфете. Но представление о том, что "папа" и "мама" будут недовольны и дадут соответствующий выговор, удерживает их от этого поступка. Не будь здесь этого недовольства папы и мамы (карательная реакция), конфеты были бы съедены.

Как известно, у женщин половые эмоции и возможность половой жизни даны в современном обществе очень часто раньше, чем возможно их безнаказанное удовлетворение (брак). Сплошь и рядом мы видим, слышим и читаем, что девушка любит молодого человека и любима им. Она хотела бы "отдаться" ему, но, имея в перспективе позор и порицание общества (наказание), она остается "невинной" вплоть до законного брака, а иногда и на всю жизнь. Здесь опять-таки налицо поступок (акт воздержания), вызванный давлением наказания. Не будь этого рычага — половая жизнь регулировалась бы совершенно иначе, что мы и видим, например, в первобытных обществах, где нет наказания за половую жизнь до брака. Напротив, гораздо более снисходительное отношение общественного мнения к подобным же поступкам молодых людей ведет за собой и большее число их "падений". Рычаг давит слабее и поэтому менее сильно видоизменяет поведение "молодых людей".

¹ И чем культурнее человек, тем большее значение в его поведении играют целевые соображения, так как тем более способным он становится заглядывать в будущее и высчитывать цепь последствий, получающихся из тех или иных поступков. Первобытный же человек по самой своей психической организации не способен представлять себе отдаленные цели, а потому эти цели и не играют для него большой роли. Для него есть выгоды и невыгоды сегодняшнего и завтрашнего дня, но выгоды, которые наступят через год или 5 лет, для него нет, а потому он и не может координировать свое поведение сообразно с ними.

В тех же условиях, где мужчинам под страхом смерти запрещено половое сожителство с определенной группой женщин, там подобное запрещение в высшей степени редко нарушается. Между тем, не будь этого представления о смертной каре, половая жизнь между этими половинами была бы иной.

Из наблюдений над политической жизнью, вероятно, каждому известна группа "сочувствующих". Это группа людей, имеющих идеалы, тождественные идеалам революционеров; они находят вредными, отжившими и нетерпимыми действия правительства; все их симпатии на стороне революционеров, и они рады каждой их победе. При таких условиях было бы для них вполне естественным бороться вместе с революционерами, разрушать негодные институты и создавать новые. Однако они ограничиваются простым сочувствием, которое притом стараются ничем не обнаруживать, подчиняются всем декретам правительства и делают то, что они считают безнравственным, неправым, вредным и т. д. Почему? Потому что рычаг возможных наказаний давит в данном направлении. Не будь этого рычага — они были бы не только "сочувствующими", но и "активными" работниками.

Очень часто при усмирении бунтов многие солдаты "с болью в сердце" стреляли в "бунтовщиков". Для многих из них акты усмирения были совершенно "неестественны". И несомненно, совершение подобных актов почти всецело обязано своим существованием факту грозящего в виде смертной казни наказания. Не будь этого рычага — несомненно, мы имели бы массу случаев отказа от усмирения и вообще нарушения военной дисциплины.

А сколько есть чиновников, которые честны не по убеждению, а только из боязни наказания; они с удовольствием взяли бы взятки и если не берут, то только благодаря мотивационному действию наказания — боязни лишения службы, понижения, позора и т. д.

Сколько есть лиц (преступников), морально-правовые убеждения которых нисколько не противоречат совершению ряда убийств, насилий и т. д. в каждый данный момент. И если они не делают это постоянно, то только из боязни, что подпадут под влияние наказания. Наказание давит на их поведение и видоизменяет его.

Подобных примеров мотивационного давления кар можно привести сколько угодно. Само существование кар — лучшее свидетельство этого.

Все сказанное о мотивационном давлении кар целиком приложимо и к мотивационному давлению наград. Награды — это тот второй рычаг, благодаря которому человек совершает, или воздерживается, или терпит ряд поступков, которые без давления наград он не совершил бы, не воздерживался и не терпел бы.

Возьмем для иллюстрации явление взятки. Здесь в первом действии перед вами человек (например, чиновник, интендант, пристав и т. д.), который решительно отказывается совершить, или воздержаться, или терпеть ряд поступков, о которых вы просите.

Но вот на сцену выступает взятка (награда-услуга), и поведение индивида резко меняется... Он совершает ряд поступков, которые не совершил бы без награды. Недаром еще в Библии говорится: "Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых".

Так называемые "ренегаты и изменники" дают второй резкий пример мотивационного влияния наград, в особенности в тех условиях, когда награда является двойной: дает ряд "благ" и вместе с этим

освобождает от ряда наказаний. За последние годы мы были свидетелями фактов, где лица, сочувствующие прежним идеалам и признающие за нечто отрицательное те акты, которые им предлагается делать, тем не менее, благодаря давлению наград, изменяли свое поведение и переходили в противоположный стан борющихся сторон. А сколько актов обязаны своим существованием исключительно наградам, без которых они не могли бы совершиться! В былое время сколько "недорослей" изнывало над книгами (время Петра и Анны Иоанновны) исключительно из-за того, чтобы получить соответственные права и привилегии. Сколько таких же "недорослей" томится теперь в учебных заведениях, которым столько же дела до изучаемой ими науки, сколько до жителей Марса! Если бы уничтожили абсолютно все дипломы и привилегии, связанные с образованием, то вся эта категория "недорослей" моментально забросила бы книги и занялась бы совершенно иными делами... Не будь давления наград — поведение их резко изменилось бы...

Вообще невозможно перечислить все акты, обязанные своим существованием исключительно наградам. В социальной действительности мы имели и имеем великое множество актов и величественно прекрасных и отвратительно подлых, вызванных исключительно наградой. Чиновник, рабочий, студент, ученый, поэт, служащий и т. д. — все они совершают в своей жизни массу поступков, которых без наградного давления они не совершили бы... Награда в том или ином виде (повышение по службе, увеличение жалования, хороший отзыв профессора и диплом, общественная признательность, кафедра, та или иная ученая степень и т. д.) является паром, толкающим на ряд актов действия, терпения или воздержания.

В ряду других наград имеется один вид ее, так называемая *слава*, которая заставляет жертвовать самой жизнью многих из людей, начиная с Ахиллеса и кончая авиаторами наших дней или революционерами, желающими оставить вечную память о себе, или другими, обречшими себя для получения славы на страдания и лишения. Я не буду приводить дальнейших примеров мотивационного действия наград. Их каждый подберет сколько угодно. Преломляясь и изменяясь на протяжении истории, они выступают в различных конкретных формах и выступают буквально на каждом шагу. И здесь область явлений не ограничивается межличностными отношениями. Те же отношения и то же мотивационное действие наград исходило от потустороннего мира и возникало в отношениях человека с животными...

Из сказанного видна та громадная роль, которую как в судьбах личности, так и группы играют акты, вызываемые карами и наградами.

§ 2. Основные теоремы мотивационного влияния наказаний и наград на поведение людей

Из обыденной жизни мы знаем, что, прежде всего, одно и то же наказание или одна и та же награда неодинаково действуют на поведение различных людей. Один готов продать Христа за 30 сребреников, другой же не изменит ни на йоту своего поведения и при давлении большей награды. И наоборот, различные награды и наказания имеют неодинаковое мотивационное влияние на одного и того же человека.

Ввиду этого позволительно спросить, *чем обуславливается эта неодинаковость влияния указанных рычагов?*

Конечно, указать все условия, которые определяют силу этого влияния, невозможно: они слишком разнообразны и многочисленны. Ввиду этого в нашу задачу входит только формулировка основных и наиболее важных условий, которые имеют в данном пункте решающее значение.

Для того чтобы решить эту проблему, расчленим общий вопрос на следующие три вопроса: 1) *чем обуславливается различная степень влияния одной и той же награды или кары на одного и того же человека;* 2) *чем обуславливается степень влияния одной и той же кары или награды на различных людей и* 3) *чем обуславливается степень влияния различных кар и наград на одного и того же человека.*

I. Начнем с первого случая, как наиболее простого. Итак, чем обуславливается различная степень влияния одной и той же награды или одного и того же наказания на одного и того же человека, при допущении его неизменяемости?

A). Таким основным условием является *время*. При прочих равных условиях одна и та же награда или одно и то же наказание тем сильнее влияют на поведение человека, чем момент их выполнения ближе¹. Наказание, готовое обрушиться сейчас, и награда, которую можно получить сейчас, действуют гораздо сильнее, чем награды и наказания, отодвигаемые в неопределенное будущее, и чем они дальше отодвигаются, тем степень их влияния становится меньше.

За известным пределом времени, различным для различных индивидов, влияние их равно нулю. Поясним сказанное. Мотивационное влияние наказания, состоящего в лишении жизни, совершенно различно тогда, когда оно грозит непосредственно и когда оно грозит, скажем, через 10 лет. В первом случае очень часто от наказываемого можно добиться почти всего, что не превышает его силы. История войн и инквизиции дает немало иллюстраций к этому положению.

История войн дает ряд фактов, где угроза смерти заставляла пойманного вражеского солдата раскрывать угрожающим все тайны своего войска. Из тех писем приговоренных, которые опубликовал В. Г. Короленко в своих статьях, направленных против смертной казни, ясно видно то постепенное возрастание ужаса перед смертью по мере ее приближения, которое испытывают приговоренные. Иногда этот ужас бывает настолько велик, что приговоренные сходят с ума перед смертью или же становятся палачами, чтобы спасти свою жизнь, несмотря на отвращение их к этому ремеслу. Иначе обстоит дело тогда, когда смерть грозит через 10, 20, 30 лет.

В этом случае она неясно и смутно рисуется где-то вдали, приговоренный может успокаивать себя тем, что есть еще достаточно времени для жизни, что за это время можно и попросту умереть...

То же относится и к мотивационному влиянию других кар. История инквизиции и застенков дает немало фактов, которые в общем вполне подтверждают выставленное положение. Насколько сильно влияние непосредственно угрожающей пытки, это ясно из тех примеров, где обреченный на пытки перед моментом истязания, желая хоть на время отдалить ее, выдавал очень часто все тайны, всех сообщников, не только действительных, но и мнимых, сознавался в таких преступлениях, в которых он никогда не был повинен, и т. д. *Очень маленькое, но близкое наказание вследствие этого может быть равносильным жестокому, интенсивному наказанию*. Вследствие этого вполне понятно,

¹ Здесь для краткости мы будем все вышеустановленные типы наградных и карательных актов по объекту (терпение, воздержание и делание) называть просто наградой и карой.

почему потустороннее наказание, обещаемое почти всеми религиозными системами, рисуется в ужаснейшем виде, наделяется крайне жестокими чертами и определяется "вечным и бесконечным". Загробная кара — кара отдаленная, поэтому она, чтобы иметь влияние на поведение индивида, должна компенсировать недостаток ее отдаленности избытком ужаса и жестокости. В противном случае она была бы бессильной.

Все сказанное о карах целиком приложимо и к области награды. *Одна и та же награда производит тем большее влияние на поведение одного и того же человека, чем она ближе.* Это положение давно уже было схвачено народной мудростью и выразилось в пословице: "Лучше си- ница в руках, чем журавль в небе".

В обыденной жизни мы сплошь и рядом встречаемся с фактами, где непосредственное, но небольшое благо предпочитается большому, но отдаленному благу... Этим же объясняется и тот, опять-таки практикуемый религиозными системами, факт, что отдаленная, в особенности же загробная награда, чтобы иметь мотивационную силу, должна быть грандиозной, продолжительной и высшей наградой. И действительно, занебесное блаженство всех религиозных систем обладает данными признаками: оно вечно, неизъяснимо прекрасно, оно абсолютно. Этот факт роста силы наград или роста ценности одной и той же награды по мере уменьшения времени, отделяющего нас от нее, был уже давно замечен (хотя и неверно приложен) "школой воздержания" в политической экономии, указавшей на то, что отсрочка потребления какого-либо полезного продукта уменьшает его положительную ценность.

При желании можно подтвердить сказанное рядом фактов, число которых можно увеличить до бесконечности.

Указанная теорема о роли времени имеет, однако, различное значение на различных стадиях истории человечества. Особенно важную роль играет она в поведении первобытного и вообще неразвитого человека. *Для него всякая сколько-нибудь отдаленная награда или кара, как бы она ни была велика, не имеет никакого значения.* Это обусловливается характером его психофизической организации.

"Не обладая никакими повествованиями о прошлых событиях, человек, в его нецивилизованном состоянии, не способен к познанию длинных последовательностей. Вследствие этого то предвидение отдаленных результатов, которое возможно для оседлого общества, обладающего мерами и письменным языком, для него невозможно. Это значит, что соответствие во времени развито здесь лишь в очень тесных пределах. Воспроизведения сознания простираются здесь лишь на немногочисленные последовательности явлений, которые при том не отличаются общирностью. И здесь существует лишь очень умеренное удаление от рефлексивной жизни, в которой побуждение и действие находятся в непосредственной связи между собою" (Спенсер Г. Основания социологии. § 39).

При таком положении дела вполне понятно, что *отдаленная во времени кара или награда несколько не влияет на поведение первобытного человека, ибо она равна для него несуществующей каре и награде.* И действительно, "австралийцев описывают как неспособных к сколько-нибудь настойчивому труду, коль скоро вознаграждение за этот труд может быть получено только в будущем". Отсюда же беспечность первобытных людей относительно будущего, непредусмотрительность их, импульсивность и детская веселость их поведения; отсюда же характерная для них черта — отсутствие накопления тех или иных благ на черный день и т. д. (Там же. § 34—35).

Отсюда же становится понятным и необходимым, что *для воздействия путем кар и наград на поведение первобытного и вообще нецивилиз-*

ванного человека (неразвитого, ребенка и т. д.) необходимо, чтобы кары и награды были налицо и наступали тотчас по совершении того или иного акта. В противном случае они будут бессильны и бесцельны. Этим объясняется ряд явлений, характерных для первобытного времени: например, поштучная система вознаграждения, отсутствие на первых порах занебесных санкций (ибо они отдаленны), ряд фактов, говорящих о том, что здесь кары и награды должны были наступать немедленно, и т. д.

По мере развития сознания расширяется способность предвидения будущего и тем самым растет возможность регулирования поведения, исходя из представлений отдаленных кар и наград. Теперь культурный человек координирует свое поведение с карой и наградой, которые наступят через 10, 20, 30 и т. д. лет, а иногда и выходят за пределы его жизни (слава).

Таким образом, хотя приведенная теорема о значении времени при одной и той же каре или награде верна вообще, но она имеет различное значение для различных людей в зависимости от их способности предвидеть будущее. Отсюда само собой вытекает педагогическое правило: чем ниже по своему развитию человек, каковыми являются неразвитые люди, дети и т. д., тем немедленнее должны наступать кары и награды, чтобы влиять на их поведение. Само собой разумеется, что данной теореме нисколько не противоречит и то явление, что великие люди живут для будущего, что они предпочитают будущую отдаленную награду настоящей. Не противоречит это по той простой причине, что настоящей награде предпочитается не равноценная будущая награда, а также, как и в случае с потусторонними наградами, награда бесконечно более ценная, высокая, вечная и т. д. Поэтому это не противоречие, а прямое подтверждение данного закона.

Такова первая теорема мотивационного влияния кар и наград.

Б). Наряду с этой теоремой можно формулировать и вторую теорему, отчасти связанную с первой. Она будет гласить: *одна и та же кара или награда тем сильнее влияют на поведение одного и того же человека, чем сильнее в нем уверенность в их неизбежности.*

Если бы, например, преступники были убеждены в том, что за преступлением неизбежно последует наказание, то можно было бы смело утверждать, что число преступлений сократилось бы в этом случае на громадный процент. Ведь большинство из них, совершая преступление, всегда надеется так или иначе избежать наказания. С этой целью и выбирают для совершения преступления такие условия, которые дают надежду "схоронить концы в воду" и безнаказанно улизнуть. Конечно, реальной почвой для этого служит факт недоказанности в социальной жизни таких же непреложных законов, как, например, в области физико-химических явлений. Если я знаю, что, бросившись с шестого этажа, я разобьюсь насмерть, опустив в расплавленный свинец, я обожгу палец, воткнув иголку в глаз, я ослепну, то вполне понятно, что эта неизбежность последствий будет сильнее давить на мотивы моего поведения и сильнее удерживать меня от этих поступков, чем неопределенная вероятность, дающая надежду на то, что "может быть, я разобьюсь, а может быть, и нет", может быть, "удивлю мир" своей храбростью и героизмом. То же относится и к любому акту. Степень влияния неизбежной кары будет гораздо больше, чем вероятной кары. С этой точки зрения опять-таки малая, но неизбежная кара или награда может быть равна по своему значению большой, но только вероятной каре или награде. Связь этой теоремы с предыдущей заключается в том, что кары или награды, непосредственно близкие по

времени, кажутся и неизбежными; чем более они отдалены — тем более они гадательны, и тем меньшей становится уверенность в их наступлении, что, опять-таки, объясняется гадательным характером социальной жизни.

Такова вторая теорема.

II. Теперь спросим себя, от чего зависит различная степень мотивационного влияния одной и той же кары и награды на различных людей или на одного и того же человека, взятого не неизменяющимся, как в только что разобранном положении, а взятого в различные периоды его жизни, следовательно, в состояниях, отличных друг от друга?

В этом случае решающих условий слишком много, учесть их все невозможно, поэтому приходится довольствоваться указанием только некоторых наиболее важных условий... В самом деле, почему один за награду, состоящую в чечевичной похлебке, готов продать право своего первородства, а другой за полмира не изменяет ни на йоту своего поведения? Проблема, как видно, в высшей степени важная и достаточно интересная...

A). Первое положение, которое определяет одно из важнейших в данном отношении условий, позволительно формулировать так: *одна и та же награда или кара при прочих равных условиях произведет тем большее влияние на поведение различных людей или одного и того же человека в различные периоды его жизни, чем больше данный человек нуждается в этой награде для удовлетворения соответствующей потребности, или чем большее "благо" отнимает у него кара.* Таков второй закон мотивационного действия кар и наград. Что этот закон верен — подтверждается множеством фактов, ежедневно наблюдаемых нами в обыденной жизни. Приведу некоторые.

Награда в виде красивой игрушки, обещанной ребенку за хорошее поведение, существенно влияет на его поступки, удерживая от актов не рекомендуемых и поощряя к актам рекомендуемым, тогда как та же награда почти нисколько не давит на поведение взрослого или старика. Причина этого различия кроется в том, что ребенку нужна игрушка, а старику или взрослому она не нужна. Для первого игрушки — "ценность", а потому и награда, для второго — она "бесценна", а потому не составляет награды. Если же взять практиковавшуюся ранее и практикующуюся еще теперь в различных формах награду, состоящую в обладании любимой и красивой женщиной, то эта награда не окажет никакого влияния на ребенка или на дряхлого старика, тогда как взрослого человека она может побудить к совершению самых опасных и необычных поступков... Причина этого различия та же, что и в первом примере. Не иначе обстоит дело и в ряде других случаев, например, награда, состоящая в передаче той или иной суммы денег, не одинаково действует на человека — члена того общества, где деньги служат орудием обмена, и человека, где эту роль деньги не играют. В первом случае деньги — "ценность", во втором случае они бесценны или в лучшем случае могут служить только предметом украшения.

И наоборот, награда раковинками, служившими в некоторых примитивных обществах орудием обмена, может иметь большое значение для члена этого общества и почти никакого значения для нас. Также и награда в виде той или иной пищи произведет сильное влияние на голодного, тогда как для сытого она может не иметь никакого значения. Подобно этому награда в виде шубы, или красивого платья, или рубля денег, или в виде похвалы и т. д. может очень сильно видоизменить поведение мерзнущего, не имеющего красивой одежды, бедняка, не имеющего ни гроша, молодого человека, написавшего первую работу, и т. д.; тогда

как на поведение тепло и красиво одетого богача, обладающего миллионами, ученого, пользующегося мировой известностью, и т. д. она не окажет никакого или же в лучшем случае окажет бесконечно малое давление.

Во всех этих случаях различие влияния наград обуславливается исключительно различной степенью нуждаемости в данной награде приведенных различных лиц или одного и того же лица в различные периоды его жизни.

То же следует сказать и о карах. *Одна и та же кара тем сильнее изменяет поведение человека, чем больше она делает степень неудовлетворенности той или иной потребности.* Угроза отнять у голодного пищу, у мерзнущего — одежду, у бедняка — последние гроши и т. д. более действительна для голодного, чем для сытого, для мерзнущего, чем не мерзнущего, для бедняка, чем для богача, и т. д. Угроза заключением в тюрьму более действительна для того, кто не переносит тюремного заключения, чем для того, кто легко уживается и приспосабливается к данной обстановке, угроза смертной казнью может произвести сильнейшую пертурбацию в поведении человека, дорожащего жизнью, тогда как на поведение человека, которому "все равно — жить или не жить", давление этой кары будет незначительно. Все эти факты, как и множество других аналогичных фактов, являются частными случаями указанного общего положения¹.

Из этого положения видно, что степень влияния или ценности наградного действия или карательного акта зависит не только от природы и содержания самой кары или награды, но и от природы и свойств соответствующего человека.

Б). Как частный случай ниже приводимого более общего закона можно сформулировать следующее четвертое положение: *степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания.* Это условие является решающим для области *потусторонних наград и кар*, игравших и играющих огромную роль в жизни человечества и решающим образом влиявших на его поведение.

Поведение каждого верующего в бытие посюстороннего и потустороннего воздаяния, исходящего от того или иного божества, чуть не все целиком регулируется этими карами и наградами. Стоит для примера

¹ В силу сказанного нельзя не признать глубоко верными следующие положения Тарда о тюремном заключении, положения, представляющие частный случай формулированной теоремы: одно и то же наказание, а именно тюремное заключение, говорит он, причиняет различные страдания различным людям, в зависимости от их степени развития, количества и качества их потребностей и т. д. Крестьянин-заключенный страдает менее, чем человек с большими потребностями. "Это слово (тюремное) заключение, — продолжает Тард, — есть абстрактная этикетка, данная лишениям чрезвычайно разнообразным и несходным: это лишение для крестьянина заключается в лишении его возможности работать мотыгой, обрабатывать землю, пить в гостинице; для рабочего — в лишении его посещений шантана, разговоров о политике в кафе, посещений своей метрессы, возможности бастовать и т. д.; для человека высших классов тюремное заключение означает лишение его путешествий по железной дороге, курения дорогих сигар, обладания хорошенькими женщинами и т. д.... Точно так же и смертная казнь тем страшнее кажется человеку и тем сильнее влияет на его поведение, чем больше радостей и счастья дает этому человеку жизнь..." (Tarde G. La philosophie penale... P. 581—582).

хотя бы взять культ предков. Для того, кто верует и признает существование душ предков, приписывает им силу награждать или наказывать, вредить или помогать, — для того награды и кары, исходящие от этих душ, весьма действительны и заставляли и заставляют совершать массу актов, которые без подобной веры никоим образом быть не могли бы. Совершение ряда актов: мести, заботы о поддержании очага, всевозможные жертвы, начиная от возлияния вина и кончая человеческими гекатомбами — умерщвлением жен, детей и рабов, ряд актов, требуемых от женщины, и т. д. — вызвано было исключительно мотивационным действием указанных рычагов, исходящих от умерших предков. Не будь этой веры — не имело бы место и потустороннее карательно-наградное воздействие, а следовательно, не было бы и всех указанных актов и институтов. Если я не верю в существование душ, то для меня их угрозы покарать или наградить меня за те или иные поступки будут только смешными. Если же убежден в бытии их, я буду делать то же, что делали и все воровавшие в культ предков.

Сказанное можно приложить и к любой религии. Акты жертвоприношения, моления, мистерии, колдовство и т. д. мы находим почти в любой религии.

И несомненно, что потусторонняя карательно-наградная санкция играла громадную роль в направлении и характере поведения человека. Бесконечное множество поступков делалось или не делалось (воздержание от них) исключительно под влиянием потусторонней санкции.

Всякая религиозная система предписывала до мельчайших деталей известное поведение, рекомендуя одни поступки, приказывая другие и запрещая третьи, обещая награду за послушание (рай и т. д.) и кару за нарушение (ад и пр.), и нет сомнения, что ее правила и давление ее санкций не было пустым звуком, а было могучим рычагом, управлявшим поведением человека и вызвавшим к жизни ряд поступков, предметов и институтов как добрых, так и отвратительных, которых без этой санкции не было бы.

Это "*расписание поведения*" имеется в каждой крупной религии, и для иллюстрации я позволю привести отрывки из Библии, Законов Ману и Корана, рекомендующие одно и запрещающие другое и в то же время указывающие на положительные и отрицательные следствия послушания и непослушания.

"Если ты будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня, то Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли... Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя" (Второзаконие, гл.28).

Подобного рода мотивация (главным образом карательная) проходит через все Пятикнижие. То же мы видим и в Новом завете, где доминирует главным образом наградная мотивация (заповеди блаженства и т. д.). Примером *двусторонней мотивации может служить ряд мест*: притчи о десяти девах, о талантах, о страшном суде и т. д. "Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону его: *придите, благословенные Отца Моего*, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня, был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и Вы пришли ко Мне...

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: *идите от Меня, проклятые*, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его. Ибо

алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня... *И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную*¹.

Что же касается Законов Ману, то эпиграфом ко всей книге здесь могут служить ее же собственные стихи о значении наказания и награды. "Только наказание правит всеми созданными существами, только наказание охраняет их, наказание бодрствует над ними, когда они спят". *Наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безвинного; из страха наказания весь мир предается свойственным ему занятиям*². Оставаясь верным этим стихам, этот религиозно-правовой кодекс, не скупясь, отпускает кары в изобилии и в виде посюсторонних, и в виде потусторонних кар.

То же видим мы и в Коране.

"Люди *справедливые будут пить из чаши*, наполненных смесью с кафуром. Вот источник, из которого будут пить служители Господа; они проведут его по желобам туда, куда пожелают, — справедливые люди, исполняющие свои обеты и страшщиеся того дня, бедствия которого распространяются вдаль. Кто, вздыхая о кушанье своим, подает еду бедному, сироте и пленному, говоря: мы даем вам пищу эту, чтобы угодить Господу, и не требуем от вас ни награды, ни дел милосердных. Мы боимся со стороны Господа дня страшного и несущего бедствия — Господь также сохранил их от несчастья дня сего, он придал блеск их челу и осыпал их радостями; за постоянство их он даровал им рай и одежды шелковые" и т. д. Это положительная санкция за послушание, заканчивающаяся стихами: "Вот предостережение: пусть тот, кто хочет, идет путем правым, ведущим к Господу. Он охватит своим милосердием тех, кого пожелает. Он приготовил дурным людям наказание тягостное"³. (Двусторонняя санкция.) А вот и пример карательной санкции за неисполнение предписанных правил поведения.

Горе неверным в сей день! (судный п. с.).

Разве мы не уничтожили народы прошлых веков?

Разве не заменили мы их народами более свежими?

Так поступаем мы с людьми виновными...

Горе неверным в сей день!

Подвергнитесь же наказанию, которое вы считали ложью.

Ступайте под тень (дым), которая протянется тремя столбами, но не затеняет; она ни к чему не послужит Вам и не защитит Вас от пламени;

Она будет выбрасывать искры величиною с башню;

Похоже на рыжих верблюдов

Горе...

Вкушайте же и наслаждайтесь здесь на земле, еще некоторое время вы — люди преступные.

Горе...

Когда им говорят: преклоните колена свои, они не преклоняют их.

Горе неверным в сей день!

В какую же другую книгу они уверуют потом?⁴

Мотивацию, подобную приведенным примерам, мы встречаем и в других религиозных системах. Каждая из них была в значительной своей части регулятором поведения, где регулирующий центр находился в потустороннем мире.

¹ Евангелие от Матфея. Гл. 25.

² Законы Ману. 7, 14—32 и др.

³ Коран. Человек. LXXVI. Ст. 1—31.

⁴ Коран. Посылаемые. LXXVII. Ст. 14—49.

И, конечно, эти награды и наказания не были пустыми словами, а действительно руководили и руководят поведением целых народов и отдельных личностей. Существование церквей, сословия шаманов, жрецов, священников, папства, существование культа, многочисленных обрядов и актов — все это продукт мотивационного влияния религиозных санкций и подтверждение этого влияния. Бесконечный ряд исторических фактов: храбрая битва скандинавских воинов, жертвующих жизнью, дабы блаженствовать в Валгалле, христианские мученики, с радостью идущие на смерть, дабы перейти в "лоно Отца", тысячи арабов, умирающие в битве, дабы поскорее перейти в обещанный им рай, камчадалы, кончающие с собой, чтобы обжираться на том свете салом и жиром, религиозные войны средневековья, инквизиция, костры, крестовые походы с их участниками, которым дано отпущение грехов, и т. д. и т. д. — все эти факты с возникшими из них институтами обязаны своим существованием, если не исключительно, то главным образом, давлению кар и наград, исходящих от тех или иных божеств.

После всего сказанного можно утверждать, что действие подобных религиозных санкций несомненно для того, кто в них убежден или верует¹.

Следовательно, *основным условием мотивационного влияния подобных потусторонних санкций является убеждение или верование в реальность этих санкций и тех существ, от которых исходят эти санкции.* Если индивид убежден в их непреложности — они будут действительны, если он убежден в их иллюзорности — они будут бессильны... А так как, в конечном счете, эта убежденность зависит от той или иной *высоты научных знаний индивида*, то отсюда следует, что действие или недействие подобных кар и наград зависит от характера знаний и высоты его, присущих данному индивиду.

Но это еще не все. *В этом отношении имеет значение не только самый характер убеждений, но и степень их устойчивости и интенсивности в переживании тех или иных лиц...*

Мы знаем пример, где люди, верующие в реальность этих санкций, под давлением других (земных) санкций часто нарушали правила, предписываемые первыми.

Но наряду с такими "маловеерами" мы знаем также личности, которые под влиянием давления занебесных санкций ни на шаг не отступали от требуемых ими правил при давлении самых огромных земных санкций. Чем же объяснить это различие?

Занебесная санкция одна и та же, личности той и другой категории верят в их реальность, земная санкция, заставляющая нарушить "должный" шаблон поведения, может быть допущена одинаковой, а итог получается различный?.. Очевидно, что это различие может вытекать только из различной степени устойчивости или интенсивности этого убеждения. Чем сильнее убежден кто-нибудь в истинности, непреложности и справедливости "должного" поведения, требуемого занебесными

¹ Опять-таки и здесь Достоевский дает ряд великолепных иллюстраций быстрого изменения поведения в том случае, когда вера в Бога и в его справедливый суд исчезает. Начиная с поведения Кириллова (в "Бесах") с его принципом: "раз Бога нет, то я обязан заявить своеволие", и кончая поведением Смердякова с его выводом: "раз Бога нет, то все позволено", примененным им на практике, — Достоевский с истинно гениальной интуицией прозорливо усмотрел это влияние идей Бога на поведение человека и связанного с этой идеей возмездия за добро и зло.

санкциями, тем давление их будет сильнее, тем неуклоннее будет соблюдаться требуемое ими поведение и тем недоступнее будет данная личность для давления других (земных) кар и наград, требующих нарушения поведения, диктуемого занебесными санкциями. И наоборот, чем слабее эта степень устойчивости и уверенности, тем слабее будет влияние занебесных санкций и тем легче возможны отступления от диктуемого ими поведения.

Ввиду этого в вышеприведенном положении и подчеркнута, наряду с характером убеждения, интенсивность и степень уверенности в самой непреложности санкций...

Таков 1-й пример зависимости мотивационного влияния одной и той же кары или награды от характера и устойчивости определенных научно-религиозно-моральных убеждений... Из этого примера видно, что здесь эти убеждения служат той стеной, которая защищает индивида от влияния различных санкций. Но нет сомнения, что эти убеждения могут состоять не только из верований в существование потустороннего божества, которое требует надлежащего поведения, но "должное поведение" может диктоваться и собственными убеждениями данного лица.

Ввиду этого можно формулировать более общее положение следующего характера, приложимое не только к морально-религиозным убеждениям, связанным с существованием божества, а вообще к любому шаблону поведения, к любому "должному" поведению.

В). Степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды зависит от того, насколько поведение, требуемое ими, совпадает или противоречит тому поведению, которое данный индивид считает "должным" и "справедливым": в случае совпадения требуемого и "морально-должного" (по убеждению данного лица) поведения это влияние больше, чем в случае нейтрального отношения требуемого поведения к "должному"; в случае нейтрального отношения больше, чем в том случае, когда требуемое поведение противоречит "должному"; при достаточной интенсивности и устойчивости "должного" поведения влияние награды может совершенно парализоваться силой этого "должного" поведения. В случае равновесия давления "должного" импульса и санкции индивид будет колебаться между двумя требуемыми поведением. В случае неустойчивости "должного" поведения оно может быть побеждено поведением, требуемым давлением награды.

То же относится и к наказаниям. *Одна и та же кара тем сильнее влияет на поведение человека, чем более совпадает требуемое ею поведение с поведением, диктуемым совестью данного человека. В случае конфликта двух поведений победа зависит от устойчивости и интенсивности "должного" поведения: это поведение может быть настолько устойчивым, что никакая кара, даже смерть, не может повлиять на него; но оно может быть и более слабым — тогда оно уступит место поведению, требуемому карой. При их равном давлении индивид будет колебаться между двумя противоположными поведением.*

Вообще в этих случаях поведение человека напоминает весы, на одной чашке которых лежит "груз" поведения, диктуемого моральной совестью данного человека.

В тех случаях, когда (при совпадении поведения) груз санкции кладется на эту же чашку, понятно, что чашка еще больше перетягивает другую. Но когда груз (одной и той же кары или награды) кладется на другую чашку (при случае противоречия), то (принимая во внимание неизменность кары или награды) перевес той или иной

чашки зависит исключительно от степени устойчивости естественного поведения.

Конкретными примерами указанных различных случаев может служить ряд фактов. Если я с любовью и без всякого давления что-нибудь делаю, например изучаю что-нибудь или помогаю кому-нибудь, то при условии награды за это я это буду делать еще усерднее... Если, допустим, что для меня морально-обязательным является убийство того, кто меня оскорбил (кровная месть, рыцарская и военная честь), то тем больше будет мотивов сделать это, когда за убийство я буду так или иначе вознагражден или за терпение оскорбления не буду наказан. Но иной уже будет степень давления кары или награды, когда этот естественный для меня акт запрещен под угрозой смерти или когда за *терпение оскорбления* я буду вознагражден в этом или в том мире. (Например, занебесная санкция Нового завета.) Здесь *уже обе силы направлены не в одну, а в противоположные стороны*. Они сталкиваются. Возникает так называемая борьба мотивов, и исход борьбы зависит (при условии неизменности кары или награды) единственно от устойчивости актов, диктуемых "морально-должными" убеждениями. Если они устойчивы — то кара и награда бессильны. Примером этого исхода может служить тот дикарь, который бледнел и худел от того, что ему под страхом смерти было запрещено мстить его оскорбителю. С одной стороны, здесь "долг" отмщения требовал мести, с другой — санкция в виде смерти требовала воздержания. И все же в конце концов первая тенденция победила давление кары, дикарь исчез и через некоторое время возвратился веселый, убив своего врага.

Антигона, хоронящая труп своего брата (поведение, диктуемое ее "совестью"), несмотря на угрозу смертью за это, — второй пример победы поведения, диктуемого морально-правовыми убеждениями, над поведением, требуемым карой¹.

Христианские мученики, исповедующие своего Бога, несмотря на пытки и казни, революционеры, продолжающие свою борьбу, несмотря на те же кары, всякий человек, исполняющий свой долг в ущерб своим интересам и так или иначе караемый за это исполнение своего долга (так как за неисполнение его он мог бы быть награжден), — все это примеры победы "морально-должного" поведения над поведением, требуемым давлением санкций.

¹ Именно этой прочной устойчивостью "должных" шаблонов поведения и объясняется неуспех тех или иных кар, стремящихся "вытравить" ряд поступков. Этим недосмотром и объясняются ошибочные мнения о бессилии кар, примером которых могут служить взгляды Ферри. Для подтверждения своего положения Ферри приводит ряд фактов, свидетельствующих якобы о бессилии кар противодействовать преступлениям. Как показал уже Тард, анализ Ферри весьма поверхностен и неглубок. Например, он приводит в качестве подтверждения своего положения тот факт, что ряд жестоких кар, изданных против дуэлистов в XVII в., не уменьшили нисколько число дуэлей, тогда как теперь, когда этих строгих кар нет, число дуэлей по меньшей мере в сто раз меньше, чем во времена Людовика XIII. Тард вполне резонно на это отвечает, что страх эшафота, острога и тюрьмы в этом случае, как и в других, ничто в сравнении со страхом перед общественным мнением, требовавшим дуэли и в случае отказа от нее шельмовавшим "таких" преступников перед общественной совестью. И моральные убеждения дуэлянтов, и общественное мнение требовали тогда дуэли. В силу этого этот "должный" шаблон поведения был весьма устойчив и мог весьма успешно сопротивляться давлению самых жестоких кар. Лучше эшафот или тюрьма, чем вечное "бесчестие", казавшееся неизбежным в случае отказа от дуэли.

В тех же случаях, когда давление морально-правовых убеждений одинаково давлению кары или награды, — “борьба мотивов” принимает особенно интенсивный характер. Человек похож тогда на буриданова осла, не знающего, куда повернуть голову, потому что и по левую и по правую сторону его находится сено. Давление с обеих сторон одинаково, и он стоит в нерешительности. То же делается и с человеком при таких условиях. “Быть или не быть” — вот знаменитая формула Шекспира, выражающая это состояние. Человек в подобном случае колеблется, не зная, идти ли ему направо, или идти налево... Он будет, подобно Гамлету, взвешивать мотивы и ничего не делать до тех пор, пока что-нибудь не нарушит этого равновесия.

Обширный класс людей, приносящих свой “долг” в жертву тем или иным выгодам, дает ряд фактов, иллюстрирующих третий исход, то есть победу поведения, диктуемого карой или наградой, над “должным” поведением. И здесь, конечно, когда соответствующие убеждения устойчивы, победа первого над вторым не обходится без мук совести и борьбы мотивов. Прекрасную художественную иллюстрацию этого исхода представляет Макбет Шекспира. Весь трагизм состояния Макбета состоит не в чем ином, как в столкновении поведения, требуемого “совестью” (долг подданного не убивать короля-благодетеля Дункана), с поведением, требуемым наградой, состоящей в славе и королевской власти. Моральные убеждения его говорят, что он должен охранять короля и не должен его убивать; наградное давление требует противоположных актов. Отсюда трагизм.

Вследствие такой-то борьбы и получается состояние, которое так метко характеризует леди Макбет словами: “*Хочу, — а вслед за тем, — не смею*”¹.

Но в конце концов, под влиянием манящей награды и при содействии леди Макбет, долг нарушается, и поступок, вызванный наградой, совершается...

Ивар Карено “Заката” Гамсуна — второй пример, иллюстрирующий этот же исход конфликта. И все бесчисленные факты, где индивид что-нибудь делает или воздерживается от чего-нибудь исключительно “за страх”, но против “совести”, — все они являются частными случаями этого общего положения...

В указанных положениях, как мы видели, громадное значение имеет *устойчивость и интенсивность* морально-правовых убеждений, диктующих то или иное поведение. Таков факт, и его приходится констатировать. Но, с другой стороны, нет надобности скрывать, что эти термины заключают в себе много неясного и требуют разложения их на более простые и точные элементы. Иначе говоря, необходимо ответить на вопрос: чем вызывается и обуславливается сама интенсивность и устойчивость убеждений? Почему у одних людей, имеющих даже одинаковое мировоззрение, одинаковые религиозные верования и одинаковый характер морально-правовых убеждений, они оказываются неодинаково устойчивыми; почему у одних они легко поддаются действию кар и наград, у других же людей — совершенно не подвержены их влиянию? В силу чего у одних поведение легко изменяется под давлением рычагов кар и наград, у других же оно остается неизменным?

Ответить исчерпывающе на эти вопросы мы не беремся. Но тем не менее я хочу сказать, что *одним из существенных условий, делающих те или иные морально-правовые убеждения (а соответственно и акты, ими вызываемые) устойчивыми, является факт повторения и привычки*. А именно, чем большее число раз мне приходилось совершать тот или

¹ Шекспир В. Макбет. I-е действие, сцена VI.

иной акт на почве моих убеждений, тем более и более устойчивыми делаются как сами убеждения, так и вызываемые ими акты, и на почве этого, в конце концов, образуются определенные диспозиции, импульсивно заставляющие отвергать иное поведение.

Это положение подтверждается многочисленными наблюдениями и фактами. Одним из таких фактов является факт борьбы с "искушениями". Предположим, что мы имеем перед собой первобытного человека, который только что усвоил принцип "не кради" как "должную" норму поведения. Предположим далее, что он находится в условиях, допускающих безнаказанную кражу... Если он ее не совершит в этот раз, в другой, в третий и т. д., то в конце концов этот принцип войдет "в плоть и кровь" данного человека и он чисто импульсивно будет отвергать возможность совершения подобного акта. Кража в силу простой импульсии, выработанной на почве подобного повторения, будет вызывать в нем отвращение. А в силу этого тем энергичнее он будет противодействовать обратному акту, требуемому карой или наградой. Мы думаем, что наше "естественно-импульсивное" отвращение к подобным актам, как и к актам лжи, убийства, насилия и т. д., — выработалось именно таким путем, который может создавать в нашей душе соответствующие диспозиции. Одного "убеждения" для "неделания" подобных актов еще недостаточно. Мы из обычной жизни знаем, что есть много людей, которые имеют прекрасные убеждения, но поступают очень "непрекрасно". Их убеждения очень непрочны, неустойчивы и то и дело нарушаются по той простой причине, что они не осуществлялись в жизни, не повторялись, не вошли в привычку. Такие неосуществляемые убеждения "висят в воздухе" и вполне понятно, что они очень непрочны и легко поддаются мотивационному действию кар и наград. Факт же их реализации при каждом соответствующем условии, иначе говоря, их повторения все более и более укрепляет эти убеждения, делает их все более и более устойчивыми и создает в конце концов при благоприятных условиях такую устойчивость, которая иногда совершенно не поддается действию санкций¹.

То же относится и ко всем другим актам, вызываемым убеждениями. Если я считаю "должным" возвращать взятые мной в заем деньги и возвращаю их раз, два, три и т. д., то у меня это убеждение, благодаря реализующему его повторению, превращается в нечто прочное, устойчивое и способное сопротивляться всякому искушению. Иной исход получится, если я, имея это убеждение, его нарушаю раз, два, три и т. д. Тогда убеждение превращается в "бесплотную идею", очень шаткую, неустойчивую и неспособную сопротивляться даже весьма малым давлениям выгод и невыгод.

¹ Кары и награды, препятствующие удовлетворению нравственного долга, могут быть рассматриваемы как одни из противодействующих и дразнящих средств, возбуждающих все сильнее и сильнее соответственный и противоречащий им моральный импульс. Это дразнение в конце концов ведет к тому, что нравственный импульс получает несокрушимую силу, и человек исполнит его, хотя бы для этого пришлось идти на смерть. Иначе говоря, здесь кары и награды вызывают возможность реализации и повторения этой реализации моральных убеждений. Этим до известной степени объясняется тот парадокс, что "запретный плод сладок", что "запрещение чего-нибудь, раз это "что-нибудь" является морально свойственным данному индивиду" очень часто имеет результаты, противоположные тем, которые имелись в виду. Кары христиан, мучеников, революционеров и т. д. сплошь и рядом вызывали лишь более сильный импульс к совершению своих "должных" шаблонов поведения. Эти кары "дразнят" эти импульсы, дают повод к их повторению и вызывают все более и более сильную тенденцию пренебречь санкциями и поступать так, как велит нравственный долг.

Аналогично с этим получится и с убеждением "не лгать".

Повторение акта "нелгания" укрепляет это убеждение и делает его устойчивым. Человек импульсивно отталкивает в этом случае всякий акт лжи. Иным будет результат, если он, имея это убеждение, будет его нарушать, то есть не будет иметь повторения акта "нелгания". В этом случае убеждение его "не лгать" не может быть устойчивым.

Подобных фактических аргументов можно привести сколько угодно. Мало того... *Благодаря отсутствию повторения убеждение не только делается непрочным, а потому легко подверженным давлению кар и награды, — оно может даже совсем исчезнуть и, при повторении актов, противоположных убеждению, может даже смениться убеждением противоположным.*

Эта перемена одного убеждения другим, противоположным, в огромном большинстве случаев обязана именно повторению акта противоположного убеждению.

Все "взяточники" начинают брать взятки, имея убеждение моральной ее непозволительности. Но мало-помалу, при частом "взимании взятки", в их сознании убеждение "нельзя брать взятки" — слабеет, и в конце концов они берут взятку без всяких упреков своей совести, как нечто вполне позволительное, допустимое и т. д.

Возьмите историю большинства рецидивистов-воров и "закоренелых" убийц... Все они начинают свою "карьеру" с убеждения, что красть нельзя, что убивать нельзя. Но однократное нарушение этого принципа уже ослабляет это убеждение; чем большее число раз повторяется акт, противоречащий этим убеждениям, тем меньшее и меньшее противодействие оказывают последние, и кончается очень часто дело тем, что первоначальное убеждение "нельзя красть и убивать" сменяется противоположным, возводящим в принцип кражу и убийство.

Как видно из сказанного, здесь мы имеем *в виду рикошетное влияние тех или иных актов на психику индивида.* Это влияние является частным случаем общего положения теории Джемса — Ланге, согласно которой в основе всяких психических аффектов лежат те или иные органические (физические и физиологические) изменения. Эта теория, неприемлемая целиком, несомненно, права постольку, поскольку она утверждает вообще *способность самих актов влиять на психику индивида.*

И действительно, приведенные примеры доказывают вполне правильность сказанного. В качестве дальнейших примеров можно привести такие общеизвестные факты. Часто преднамеренное и искусственное совершение ряда актов, например гнева, ярости, печали, улыбки и т. д. (соответствующие движения, мимика, характер голоса и речи и т. д.), фактически ведет к подлинному психическому переживанию гнева, ярости и т. д. Самый факт частого выполнения этих актов преобразует строй психических переживаний и навсегда кладет печать на психику индивида. Солдат, идущий в битву сначала лишь по приказанию начальства, выполняя ряд действий борьбы, гнева и ненависти, в конце концов благодаря одному факту выполнения этих актов действительно проникается ненавистью, переживаниями вражды и т. д. Артист, выполняющий ряд актов короля Лира или Отелло, в конце концов действительно довольно часто преобразуется в своего героя и переживает именно те эмоции, которые должны быть у героя — Отелло, Лира... Сами мы знаем, что достаточно иногда рассмеяться (акт, выражающий веселье), и печаль может смягчиться.

Из этих примеров видно, что, *повторяя достаточно часто тот или иной акт, индивид благодаря именно повторению может изменить, ослабить или укрепить те или иные психические струны и убеждения.* Не чем

иным, как этим фактом объясняются те явления, что человек, вначале с отвращением берущийся за ремесло палача, в конце концов благодаря частому исполнению актов палача меняет свои убеждения, перестает чувствовать отвращение к ремеслу и не только по актам, но и по психическим убеждениям превращается в подлинного изверга; преступник, подходя к жертве без злостных эмоций, выполняя акты нападения, выражающие вражду, гнев, ненависть и т. п., сплошь и рядом настолько "увлекается", что действительно "наполняется" ненавистью "к своей жертве"; отсюда — бесцельные раны, истязания и зверства над жертвой или ее трупом, которые так часто встречаются в уголовной хронике.

Обобщая все эти случаи в применении к нашему положению, мы можем сказать, что сам факт многочисленного повторения тех или иных актов (под влиянием кар и наград) может (благодаря рикошетному влиянию акта на психику) как усилить, так и расшатать уже имеющиеся убеждения. Многократная реализация моральных убеждений укрепляет и делает их устойчивыми, многократное же нарушение их вытравляет, расшатывает и может даже совершенно уничтожить имеющиеся убеждения и выработать убеждения противоположного характера.

Отсюда понятно, что факт привычки и повторения не есть факт безразличный по отношению к устойчивости "должных" убеждений и должного поведения, а тем самым и к степени мотивационного влияния кар и наград.

Этим я не хочу сказать, что устойчивость "должного" поведения всецело сводится к явлениям повторения, а хочу только сказать, что повторение играет в этом отношении одну из самых существенных ролей.

Это положение может быть подтверждено и в обратном отношении, а именно: путем кар и наград можно отучить от какого-нибудь поступка гораздо скорее того человека, который его многократно не повторял, чем того, который повторял его многократно.

Эту истину выражает народная пословица, гласящая: "Трудно что-нибудь сделать в первый раз"; и действительно, для человека, на своем веку зарезавшего 100 человек, в 101-й раз зарезать будет уже не так трудно. И, пожалуй, довольно сильные кары и награды нужны, чтобы удержать его от этой "привычки", тогда как достаточно легкого неодобрения для того, чтобы удержать от убийства человека, еще не практиковавшегося в этом ремесле. Человека, только что начинающего курить, очень легко отучить от этого путем простого уговора или порицания, тогда как отчаянного курильщика заставить бросить курение, действуя той же наградой или карой, едва ли удастся.

Впрочем, во избежание недоразумений следует обратить внимание на то, что бывают привычки и "привычки". Обычай подавать руку знакомому — привычка. Но обычай спать или есть ведь тоже привычка. Поэтому, прилагая данный закон, следует брать акты однородные, а не разнородные: нельзя, например, в одном случае этот закон прилагать к привычке подвигания руки, а в другом — к снанию, ибо это функции разнородные, имеющие различное значение для жизни организма.

Но при надлежащей постановке и понимании данного закона можно его прилагать и без данной оговорки. Дело в том, что биологические законы дают основание для следующего вывода:

Если верны принципы теории развития и происхождения организмов и если верно в основных чертах то генеалогическое древо видов, которое дает биология, то следует думать, что акты, свойственные простейшим организмам и в то же время не исчезнувшие на следующих ступенях жизни вплоть до человека, — суть акты наиболее древние; а раз они

наиболее древние, то и наибольшее число раз повторявшиеся, а раз они наибольшее число раз повторялись, то должны быть и наиболее устойчивы, а раз они наиболее устойчивы, то, согласно нашему закону, наиболее неискоренимы, то есть всего менее подвержены мотивационному влиянию наград и наказаний.

Цепь силлогизмов безупречна, и вся история жизни служит подтверждением их. Каковы основные функции простейших? Питание, выделение, движение и размножение. Они наиболее древни, следовательно, наименее искоренимы. И действительно, попытка искоренить их путем давления кар и наград абсолютно недействительна.

Не попытка их трансформации или временной задержки, а именно уничтожения. Никакие кары и награды не в силах это сделать. Правда, можно довести измором человека до смерти, но ведь речь идет не об уничтожении организма, а об искоренении и уничтожении в этом организме определенных функций и актов. И ясно, что эта задача безнадежна. Это положение служит прямым подтверждением сказанного.

Подобно этому можно сказать, что те акты или функции, которые появились на ступенях животной лестницы более ранних и сохранились в ряде всех последующих ступеней вплоть до человека, более неизменны и устойчивы, чем акты, появившиеся на ступенях более поздних, так как первые, очевидно, повторялись большее число раз. Таковы, например, акты работы желудка, легких, кровеносных сосудов, сердца и т. д.

Все они появились гораздо раньше, чем, например, акты, удовлетворяющие те или иные эстетические потребности, или акты употребления тех или иных опьяняющих и одуряющих веществ, или акты ношения одежды, постройки жилищ и т. п., появившиеся только в человеческом обществе. Нет надобности говорить, что первые несравненно более устойчивы, чем вторые. Можно путем тех или иных кар и наград отучить человека от пьянства, от употребления одежды, от постройки домов, от слушания тростниковой дудки или симфонии Бетховена, но отучить его от того, чтобы не билось его сердце, чтобы его легкие не дышали, чтобы он не спал, — нельзя. Все привычки, повторявшиеся меньшее число раз, более изменчивы и гибки, чем привычки, повторявшиеся большее число раз. *Этим и объясняется тот закон регресса, что более поздно приобретенные акты, то есть менее часто повторявшиеся, исчезают при вырождении всего раньше.* В каждом человеке под покровом ангела тлеют еще угли дьявола, которые при известных условиях могут вспыхнуть и сжечь все ангельское.

То же можно было бы приложить и к любому отдельному акту отдельного человека. Количество повторений какого-либо акта одним и тем же человеком указывало бы, до известной степени, насколько устойчива в нем та или иная функция. Если данный человек убил на своем веку 100 человек, то ясно, что убить 101-го для него уже ничего не стоит.

В этом случае акт убийства для данного человека несравненно более "естествен", чем для убийцы, убившего одного человека. Отсюда само собой следует, что искоренить его "склонность" гораздо труднее в первом случае, чем во втором. И нужна для этого искоренения несравненно более сильная кара или награда, чем для второго. Этот факт давно уже был замечен, и недаром уже древние карательные законы за повторение преступления назначали более ужасную кару. Недаром также еще в древности было обращено внимание на

наследственность преступлений, и целые семьи объявлялись нечистыми и изгонялись из обществ или же на них налагалось проклятие до пятого колена.

Однако между прирожденным и случайным преступником нет абсолютной грани, а вся разница между ними в конечном счете сводится к тому же числу повторений, индивидуальных или наследственно приобретенных — безразлично. Ввиду того что акты преступления (например, убийства) не есть абсолютно необходимая потребность человеческого организма (это доказывается существованием людей не убийц) и ввиду того что убийства и преступления вызваны не абсолютно необходимыми для всех людей и времен условиями, а условиями в известном смысле случайными, которые могут быть удалены, то само собой отсюда становится ясным излишний пессимизм о неисправимости данной категории преступников. Нет! И они исправимы, но исправимы, как видно из сказанного, с гораздо большим трудом, чем "случайные" преступники...

Дрессировка животных дает еще более ясные доказательства данного положения. Нет надобности доказывать, что дрессировать животных гораздо труднее, чем "дрессировать" (воспитывать) людей... Спрашивается, почему? Потому, что шаблоны их поведения чрезвычайно устойчивы (инстинкты). А устойчивость их, в свою очередь, объясняется многочисленностью родового и индивидуального повторения при однообразных условиях. Человека можно отучить от мясной пищи и приучить к растительной, но сделать то же со львом или тигром несравненно труднее и даже едва ли возможно, по крайней мере, в течение одного или немногих поколений.

То же приложимо и ко всякой привычке. Отучить "привычного" пьяницу от вина гораздо труднее, чем человека, только еще приучающегося выпивать, привычного развратника, чем только что павшего, привыкшего к чаю, чем не привыкшего, привычного игрока, чем случайного, привычного вора, чем в первый раз совершившего кражу, и т. д. Все эти и бесчисленные другие факты служат одновременно и доказательством и иллюстрацией вышеприведенного положения об устойчивости "должных" норм поведения и отношения к этому факта повторения.

III. Теперь возьмем третий случай. Допустим, что у нас имеется один и тот же индивид и различные кары и награды. Спрашивается, от чего зависит то обстоятельство, что не все кары и награды дают одинаково на поведение данного индивида, а одни влияют сильнее, а другие — слабее. Чем обуславливается это обстоятельство? Дать общий ответ на этот вопрос совершенно невозможно...

Правда, можно сформулировать этот ответ в таком виде:

Из двух или большего числа карательных актов та кара имеет большее влияние, которая кажется данному индивиду более страшной, жестокой, страдательной — вообще большей и количественно и качественно. Из двух или большего числа наградных актов та награда имеет большее мотивационное влияние, которая в данный момент является для него более желательной, приятной, нужной и вообще — лучшей и качественно и количественно.

Но это положение, будучи верным в общем, все же содержит в себе ряд иксов, которые для точности необходимо было бы раскрыть. Одним из таких иксов является вопрос: в силу чего тот или иной акт кары кажется данному индивиду более страшным, чем другой? и почему тот или иной наградной акт является для него более желательным, чем всякий другой? Могут на это ответить, что данный вид кары, например смертная казнь или сдирание кожи и вырывание ногтей, причиняет

большее страдание, чем всякий другой, например лишение чести или заключение в тюрьме. И наоборот, данная награда более желательна (а потому и более сильно влияет на поведение индивида), потому что она удовлетворяет более интенсивную потребность его...

Но все это, *будучи в общем приемлемым*, тем не менее содержит в себе ряд неясностей и многочисленных исключений. Начнем с кар. Несомненно, что кары можно по их материальному содержанию классифицировать в определенный порядок — по степени уменьшения их жестокости. Так, уголовные кодексы почти всех стран указывают, что самым жестоким видом кары является смертная казнь в ее различных видах (сожжение, утопление, сдирание кожи, четвертование, вытягивание кишок, колесование, кипячение в масле, вине, воде, удушение, побитие камнями, низвержение со скалы, отдача на съедение зверям, зарывание в землю, повешение, расстрел, гильотинирование и т. д.). Так как смертная казнь отнимает все блага жизни и самую жизнь — то, конечно, она в большинстве случаев и всего сильнее может подействовать на поведение.

Дальше могут идти рубрики уродующих и мучительных наказаний; затем — пожизненное заключение в тюрьме, в каторге, отнятие свободы, чести, имущества и т. д.

Каждая последующая кара в общем менее грозна, чем предыдущая, и, вероятно, большинство предпочтет лишение руки — смерти, лишение имущества — пожизненной каторге и т. д.

Но вместе с тем как много исключений из этого общего правила! Лишение жизни страшно тому, кто ценит жизнь; а тому, для кого она есть сумма бессмысленных страданий, — для того смертная казнь, пожалуй, скорее желательна, чем страшна. Вся категория самоубийц, "разочаровавшихся в жизни", должна быть отнесена к рубрике подобных лиц. А разве мало лиц, предпочитающих смерть лишению чести? Сколько женщин покончило с собой, предпочитая смерть лишению чести! Сколько людей, проигравших чужие деньги или так или иначе запятнавших себя, предпочитает смерть лишению чести и доброго имени! Сколько людей предпочло бы смерть длинным и мучительным истязаниям! История пыток и войн дает немало фактов, где жертвы просили своих палачей убить их, а не истязать, где раненые просили покончить с ними, а не оставлять их мучиться. И сколько людей, страдающих так или иначе, предпочло бы умереть, если бы их не останавливали те или иные мотивы загробного мщения за самоубийство или боязнь причинить страдания близким и т. д.!

Если так обстоит дело со взаимоотношением смертной казни и других кар, то ясно, что остальные виды кар еще более различно могут оцениваться различными людьми: один предпочтет моментальное уродование лица продолжительному истязанию, другой второе — первому; один согласится скорее пожертвовать обеими руками, но сохранить имущество, другой — наоборот. Для одного пожизненное заключение будет более приемлемо, чем продолжительные и частые истязания, для другого — наоборот. Один пожертвует имуществом, но сохранит честь, другой поступит наоборот.

Из всего сказанного видно, что, несмотря на то что *в общем* может быть и возможна известная классификация карательных актов по степени их жестокости (тем самым и по степени их мотивационного влияния), однако она допускает столь значительные исключения, что сомнительной становится и сама общность правила. Это колебание еще резче проявляется в области наградных актов. Здесь почти невозможна какая бы то ни была классификация различных наград, степень желательности

которых была бы одинаковой для всех людей. Да, несомненно, верно, что та из наград будет более желательной (а следовательно, будет иметь и большее мотивационное влияние), которая пригодна для удовлетворения наиболее интенсивной в данный момент потребности. Но как узнать, какая потребность по своему материальному характеру наиболее интенсивна? И можно ли предполагать, что невозможен случай, в котором две или большее число потребностей являются одинаково интенсивными? Как тут выбирают или чем, в таком случае, руководствуются люди?

Само собой разумеется, что, например, награда в виде пищи гораздо более желательна для голодного, чем награда в виде шахматной доски или билета на концерт Шаляпина... Все это *в общем* верно. Но опять-таки и здесь имеются такие значительные исключения, что общность правила становится в высшей степени относительной. Кто не знает многочисленных случаев, в которых предпочиталась награда, удовлетворяющая потребности, неудовлетворение которых вовсе не грозило жизни, наградам, весьма важным для жизни; примерами могут служить те лица, которые жертвовали самой жизнью (не говоря уже о жертве других благ, удовлетворяющих потребности) ради минутного обладания любимым существом. Эти факты (а уголовная и "героическая" хроника показывает, что их не мало) свидетельствуют о том, что выбор между удовлетворением потребности, важной для жизни, и потребности, неважной для нее, далеко не всегда бывает в пользу первой. В самом деле, можно было бы жить и без обладания той или иной женщиной, однако достаточно бывает обещания этой награды, чтобы побудить человека на поступки, неминуемо отнимающие от него честь, свободу, имущество и очень часто самую жизнь.

Казалось, можно было бы жить без убийства своего врага, и удовлетворение этой потребности отмщения вовсе уже не так необходимо для жизни, однако дикарь, о котором говорит Гюйо в своем "Очерке морали", рискнул поставить на карту всю свою жизнь, лишь бы отомстить ему. А ведь потребность отмщения — тоже потребность. И притом свойственная не только этому дикарю, но почти бывшая у всех народов и сохранившаяся еще и теперь на Корсике (*vendetta*), на Кавказе и сплошь и рядом фигурировавшая как награда.

Водка или табак, несомненно, менее полезны для жизни, чем молоко или конфеты, однако удовлетворение "водочной" потребности (алкоголик) и "курительной" потребности (курильщик) предпочтут не только молоко и конфетам, а сплошь и рядом (как, например, самоеды и другие первобытные народы) удовлетворению целого ряда потребностей, в высшей степени важных для жизни.

Да в конце концов мы и теперь еще сплошь и рядом поступаем не "хозяйственно", а затем, едва ли в большинстве случаев, предпочитая то или иное благо, руководствуемся рассуждениями и гаданиями вроде того: насколько это благо полезно для жизни, насколько степень удовлетворения такой-то потребности интенсивна и продолжительна и т. д. Эта рациональность поведения, может быть, будет возможна для будущего рационального человека, но она не является свойством прошлого и настоящего истории. Все это пригодно для "политики" благ и наград, а не для их теории.

Ведь раньше К. Менгера и школы предельной полезности эти же принципы были формулированы (и, пожалуй, глубже) Бентамом, который в своей "Deontologie" определил благо как удовольствие, а из различных удовольствий рекомендовал выбрать то, которое: 1) наиболее интенсивно, 2) продолжительно, 3) несомненно, 4) близко, 5) плодотворно, 6) чисто и 7) распространено.

Но, не говоря уже о том, что никто не пользуется этой нравственной арифметикой при выборе благ, она, несмотря на ее ценность, не всегда годна даже и для политики благ и наград¹.

Да и все эти положения, как Менгера, так и Бентама, не более ясны, чем сформулированное нами положение, а так как последнее свободно от тех недоразумений, которые неразрывно связаны с положением Менгера и Бентама, то само собой разумеется, что предпочтительна наша формулировка.

Формально она верна, но что уже каждому *конкретно* кажется наиболее желательным или нежелательным — награда ли в виде пищи, или обладания женщиной, или в виде денег, или в виде головы врага или кого-нибудь другого (вспомните Саломею и ее желанную награду — голову Иоанна Предтечи), или в виде вина, книг и т. д., — то подвести под один принцип все эти "награды" мы считаем немислимым, ибо сама действительность здесь не монистична, а плюралистична.

То же относится и к карам... Оценка тех и других различными людьми производится на основании различных мотивов — поэтому и наука, фиксирующая эти мотивы, принуждена изображать факты так, каковы они есть. Иное дело "политика" кар и наград. Здесь возможен и даже необходим тот или иной единый высший принцип, но у нас здесь о нем речь пока не идет.

§ 3. Дрессирующее влияние кар и наград

В предыдущей главе мы занимались изучением вопроса, насколько можно изменить уже установившиеся шаблоны поведения, действуя путем кар и наград. В предшествующем мы видели, что это возможно, и установили некоторые общие положения, показывающие, от чего зависит успех или неуспех карательно-наградного давления.

Здесь же мы займемся этим вопросом с другой стороны. Допустим, что кары и награды успешно действуют, то есть что под давлением этих санкций индивид совершает поступок, который без их давления не совершился бы; спрашивается, *какие изменения произойдут в поведении индивида, если давление кар и наград будет продолжаться и впредь и так же успешно?*

Возьмем для ясности конкретный случай. Предположим, что я — "привычный" курильщик. Предположим далее, что издается закон, согласно которому каждый акт курения карается годичным заключением в тюрьме, а каждому отставшему от курения дается награда в тысячу рублей²... Мотивационное давление будет довольно сильное, и, вероятно, я отстану курить или, по крайней мере, допустим, что я отстану курить. Не будет сегодня, завтра, целый месяц, год и т. д. Спрашивается, что будет дальше со мной? Изобразим кратко процесс. В первые дни тенденция к курению у меня будет, несомненно, очень

¹ См. об этом: *Гюйо Ж. М.* История и критика английских учений о нравственности. Спб., 1898, где читатель найдет глубокую критику всех указанных принципов.

² Пример, как видно, не далекий от действительности. Все запрещения курения, пьянства и т. д., практикуемые в гимназиях и в училищах, с одной стороны, и китайский закон, запрещающий употребление опиума, — с другой, суть не что иное, как разновидности этого примера.

сильной, но затем с некоторыми неровностями она будет постепенно падать и становиться тем слабее, чем больше проходит времени. Через некоторое время (обычно месяца через три или четыре) эта тенденция совсем почти исчезает. Если, допустим, что я не курю 5 или 10 лет, и если через 10 лет самый закон будет уничтожен, буду ли я курить? Вероятно, нет, если знаю вред табака и если никаких потрясений со мной не будет.

Как раньше курение было привычкой, так теперь для меня некурение благодаря долговременной дрессировке превратилось в привычку и из "несвойственного" мне поступка превратилось в нормальный. Значит, вследствие достаточно продолжительного и успешного мотивационного давления кар и наград может быть уничтожен в поведении индивида ряд актов...

И наоборот, если мы допустим, что закон не запрещал, а приказывал курить, то тогда через 5—10 лет действие курения для некурящего стало бы привычкой и продолжало бы существовать как "естественный акт" даже и тогда, когда исчезла бы вызвавшая его причина, то есть уничтожен был бы данный закон. Пример с курильщиком может служить прототипом всех остальных. Известно, что англичане в некоторых своих колониях, где сохранилась еще кровавая месть, под страхом наказания запретили ее. Что получится из этого? Если мотивационное действие кары будет достаточно сильно, то в первое время будут воздерживаться от мести под давлением кары. В дальнейшем при достаточном числе повторений этого воздержания оно само станет привычкой и не нужно будет никакого закона и кары, чтобы это воздержание продолжало существовать. Раз оно стало привычкой — всякое давление излишне, и закон будет уничтожен. В истории известны факты, где мы видим, как свободный вначале народ, подпав под чужое иго и вынося это иго вначале только благодаря строгим карам и наградам, потом привыкал к нему и постепенно делался "рабом по привычке" или "природным рабом". Долгая дрессировка постепенно вытравивала из него свободную душу и мысль о собственном достоинстве и превратила в раба, для которого уже не нужны карательные законы, чтобы повиноваться капризам деспота: он уже по природе своей стал холопом, и повиновение стало его потребностью¹.

¹ Как уже было указано выше, дрессирующее влияние кар и наград, основанное на многочисленном повторении одного и того же акта (действия, воздержания и терпения), связано в большинстве случаев и с *законом рикошетного влияния акта* на психические струны души. Акт, противоречащий моральным убеждениям, вначале может совершаться лишь под давлением кар и наград. Но частое совершение самого акта постепенно ослабляет само психическое переживание должного, которому он противоречит, и в конце концов может даже окончательно разрушить должные убеждения и заменить их иными, противоположными. Раз эта стадия достигнута — тогда давление санкции становится уже совершенно излишним; требуемый ими акт в этом случае будет исполняться уже и без них — спонтанно...

В качестве исторической иллюстрации приведу следующий пример подобного дрессирующего влияния, указываемый Тардом. Согласно архивным данным, в течение XV и XVI веков в Испании инквизицией было приговорено к смертной казни и к галерам 300 000 человек за "свободомыслие и религиозные преступления". Эта ужасная цифра дает основание полагать, что в это время (исторически цветущий период для Испании) в Испании больше, чем где бы то ни было, существовало смелых, независимых и деятельных мыслителей. Но 300 000 жертв и страх жестоких кар, терроризировавший население и аргументируемый кострами, пытками и т. д., не прошли бесследно даже для целого народа. По мере карательной расправы импульсы — "веровать и действовать иначе, чем требо-

Факты военной дрессировки дают немало аналогичных случаев. В-якому, вероятно, известны "принципы и методы" военной дрессировки. Если только что попавший в солдаты деревенский парень стоит не прямо и ходит неуклюже, пускаются в ход с педагогическими целями насмешки ("что пузо-то выпятил"), ругань, удары, и в результате этого получается "бравый солдат", "грудь колесом", "руки по швам", "глазами ест начальство" и т. д. Кары и награды в совокупности переделывают весь облик солдата, и полученная выправка продолжает сохраняться (особенно у николаевских ветеранов) даже и тогда, когда она уже не нужна, то есть по выходе в отпуск.

Подобно этому и ряд других актов, например честность, вежливость, хорошие манеры и т. д., вначале совершеняющиеся лишь под влиянием кар и наград, при продолжающемся давлении их и при достаточном числе повторений становятся "привычными" и делают излишней всякую санкцию...

Во всех этих случаях мы видим, что при достаточном влиянии и продолжительности давления санкций акты, совершавшиеся в первое время лишь благодаря мотивационному действию кар и наград, в дальнейшем начинают выполняться уже без их давления, по привычке, и наоборот, воздержание или терпение какого-нибудь акта (например, деспотизма), вначале возможное только благодаря санкциям, потом делается "нормальной привычкой" и выполняется спонтанно...

На этом же принципе базируется и дрессировка животных. Я не буду приводить дальнейших примеров дрессирующего влияния кар и наград. И из сказанного ясно, что они играют ту же роль, какую играет веревка, которой привязывается дерево к прямому колу, заставляющая кривое дерево держаться прямо. Пройдет достаточно времени, и веревка будет излишней: дерево "привыкнет" само быть прямым¹...

Во всех этих случаях кары и награды, в соединении с повторением и рикошетным влиянием его на психику, являются той магической силой, которая трансформирует наши нравы, наше поведение, наши привычки и вообще всю нашу жизнь.

вала инквизиция" — должны были постепенно подавляться. И достаточно продолжительная дрессировка в этом направлении сделала свое дело. После этого периода работа свободной мысли в стране упала, официальная вера постепенно внедрилась в кровь и плоть народа и сделала страну образцовой с точки зрения католического клерикализма... "Костры достигли своей цели". Они изменили в значительной степени сами психические переживания и убеждения.

¹ Дрессирующее влияние кар и наград есть частный случай того общего закона, который Е. В. Де-Роберти называет "законом предвзвешенности", Зиммель — термином "Die Treue" и который можно вполне назвать законом "социальной инерции". Этот закон покоится почти всецело на факте привычного и рикошетного влияния на психику, и им объясняются все те пережитки, которые существуют в данный момент в общественной жизни. Исполнение ряда обрядов, когда причины, вызвавшие их, исчезли и они потеряли всякий смысл существования, существование ряда институтов, точно так же утративших всякий смысл, а иногда и прямо вредных, исполнение каждым из нас ряда актов "по инерции" и т. д. — все это частные примеры этого общего закона.

На этом же факте основан и знаменитый тейлоровский "метод пережитков", давший такие блистательные результаты в области истории культуры. В его труде "Первобытная культура" читатель найдет и массу примеров, подтверждающих указанное положение закона "общественной инерции".

По существу, все обычаи, соблюдаемые по традиции как в области индивидуальной, так и в социальной жизни, а также "право прецедента" — суть частные случаи указанного общего положения. Особенно много иллюстраций этого закона можно найти во внешних формах социальных взаимоотношений Англии, где особенно велико уважение к традиции; для примера можно указать на процедуру открытия парламента, костюм "спикера" и т. д.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАР И НАГРАД

§ 1. Социальная борьба как следствие и симптом антагонизма моральных убеждений

Очертив в предыдущем класс преступлений и подвигов, наказаний и наград и их влияние на поведение человека, теперь мы можем выйти за пределы индивида в сферу социальной жизни и заняться изучением социальной роли санкций.

Мы видели, что преступный акт вызывает оскорбление, оскорбление переходит в неприязнь по отношению к преступнику, а иногда и во вражду и ненависть, которые затем "разряжаются" в ряде карательных актов. Эти акты направлены не только на воздаяние или возмездие, но и на недопущение и уничтожение преступных посягательств.

Взаимодействие двух лиц принимает в этом случае конфликтный характер, их поведение сталкивается и получает ту форму, которая известна под именем борьбы¹.

Стоит только вступить в общение двум или большему числу лиц, из которых каждый понимает по своему разряду должного, а соответственно и рекомендованного и запрещенного поведения, и конфликт или борьба между ними будут неизбежными. Представим себе, например, двух лиц, из которых один не считает невольным "присваивать" себе вещи другого и действительно присваивает их, а другой является убежденным защитником права собственности и всякое покушение на этот принцип считает запрещенным. Допустим, что они стали вместе жить. Ясно, что нам не приходится ожидать согласия и гармонии в их взаимных отношениях. Конфликт в их взаимном поведении будет неизбежным, а тем самым неизбежными будут и взаимная вражда, и борьба в той или иной форме... Возьмем еще пример. Допустим, что в одной социальной группе приходится жить первобытному человеку, считающему "должной" нормой поведения принцип "убивай всякого иноплеменника", и современному человеку, считающему вообще всякое убийство актом запрещенным. Первый, исполняя свою обязанность, будет стараться убивать всякого чужеродца; второй, исполняя также свою обязанность, будет препятствовать первому совершать его должные акты. В итоге различное понимание должных актов влечет за собою конфликт поведений, а последний — столкновение и борьбу.

¹ Термин "борьба" есть, по существу, термин социальной категории. Для его смысла необходимо допускать известные специфические душевные переживания борющихся лиц. Там, где этого не приходится предполагать, там употребление этого термина по сути дела незаконно. Правда, говорят, например, "о борьбе миров", столкновение двух планет или камней называют также борьбой, избитый термин "борьба за существование" бесцеремонно прилагают и к амебам, и к растениям и т. д. — но эти фразы суть лишь метафорические выражения, пережиток антропоморфных представлений. Борьба предполагает всегда некоторое *усилие*, некоторое "напряжение" и т. п., а усилие, напряжение и т. д. — это переживания чисто психические. Кто может приписывать камням или растениям "усилия", "напряжения" и т. п., тот, конечно, может говорить и о борьбе камней. Но ясно, что говорить об "усилии" камня — это говорить метафорами, а не научным языком. Как и термины "высшие и низшие организмы" и т. п., термин "борьба" не должен был бы употребляться в ненадлежащей сфере. Можно говорить о столкновении камней, о притягательных и отталкивательных движениях амеб, а не о борьбе. Во всяком случае, "борьба" как социальная категория, в отличие от других видов борьбы, имеет право и должна быть выделена из остальных категорий "борьбы" (неорганических столкновений и биологических рефлекторных притяжений и отталкиваний). Ее отличительным признаком является именно то, что в основе ее лежат психические переживания, вызывающие соответственные акты...

Допустим далее, что в одной социальной группе приходится жить человеку, считающему обязанностью хозяина, к которому он пришел в гости, предоставить в его пользование свою дочь или жену, а себе приписывающему право "пользоваться" женою или дочерью хозяина в течение ночи. (Явления гостеприимного гетеризма.) А хозяином пусть будет человек с обычным современным моральным сознанием, который подобные акты считает "безнравственными" и запрещенными. Первый будет требовать осуществления своего права, второй откажет. В результате — взаимное оскорбление, вражда, конфликт и борьба в той или иной форме...

Не увеличивая подобных примеров, на основании сказанного мы можем сделать следующий вывод: *если нормы "должного" поведения двух или большего числа лиц совершенно различны, а в зависимости от этого различны для каждого из них и нормы поведения "запрещенного и рекомендованного", то между поведением этих лиц, соприкасающихся друг с другом, не может установиться гармонический консенсус, и необходимо возникнет конфликт, а тем самым и борьба этих лиц друг с другом. В этом случае сожитительство этих лиц не может носить "мирный" характер, их совокупность не может образовать "замыренной" социальной группы с прочными и постоянными формами общения.*

Из сказанного же мы можем сделать и второй вывод: *если нормы должного, запрещенного и рекомендованного поведения двух или большего числа лиц одинаковы, если каждый из них считает "должными", запрещенными и рекомендованными те же акты, что и другие, или — еще яснее — если каждый из них приписывает себе и другим те же права и обязанности, которые приписывают ему и себе и другие, то поведение таких лиц, согласное с их переживаниями, исключает возможность конфликта, вражды, борьбы. Каковы бы ни были по внешней форме взаимные акции и реакции, в этом случае нет места антагонизму, вражде и ненависти: каждый из них исполняет свои права и свои обязанности, которые таковыми же признаются и другими. Один человек может даже бить другого, но если тот и другой приписывают бьющему право бить, а избиваемому обязанность терпеть побои, то с точки зрения того и другого здесь не было бы борьбы, а была бы мирная форма взаимодействия. Борьба требует противоречия убеждений и вытекающего отсюда взаимного сопротивления и столкновения; в приводимом же факте нам не дано ни сопротивление, ни конфликт убеждений, а, напротив, дано полное совпадение в понимании должного взаимного поведения. Их общение в этом случае будет носить чисто мирный характер, между их поведением будет полный консенсус, выражающийся вовне в бесконфликтном постоянстве взаимоотношений, образующих в своей совокупности то, что носит название "организации" или структуры группы...*

Говоря коротко — *различное понимание должного, рекомендованного и запрещенного поведения ведет к борьбе, одинаковое — к миру и взаимному консенсусу*¹. А отсюда, в свою очередь, следует вывод:

¹ Сказанное, однако, не следует толковать в том смысле, что "одинаковость понимания" должного и т. д. поведения, то есть одинаковое распределение прав и обязанностей, означает то, что каждый приписывает себе *те же* права и обязанности, что и другому. Например, если я признаю за исправником право арестовать кого-нибудь и обязанность охранять жителей от воров, то и за собой признаю я то же право и ту же обязанность. Это было бы извращением нашего положения. Наше положение об одинаковом распределении прав и обязанностей означает не тождество самих прав и обязанностей, приписываемых различным людям и себе, а тождество *наделения* правами и обязанностями. В этом смысле

если в какой-нибудь социальной группе наблюдаются конфликты взаимного поведения ее членов, проявляющиеся в той или иной форме борьбы, значит, понимание должных, рекомендованных и запрещенных шаблонов поведения различными членами группы далеко от единства и тождественности¹. Наличие конфликтов является симптомом и диагностическим признаком неодинакового понимания норм поведения. Подобно тому как ряд внешних признаков часто служит симптомом внутренней болезни организма, так и конфликты поведения служат показателем тоже "болезненного" процесса внутри группы. Впрочем, термины "болезненный", как и "патологический", заключающие в себе известный оценочный элемент, не совсем удачны, и лучше их заменить термином "дисгармонический".

§ 2. Внутригрупповая роль санкций

Приняв во внимание сказанное, теперь обратимся к фактам. Человек, говорят, общественное животное. Это положение, несомненно, верно в том смысле, что вне группы история нам не дает человека. Абсолютно изолированного человека, живущего вне общения с другими людьми, мы не знаем... Нам всегда даны группы, а не отдельные люди, живущие раздельно друг от друга.

Какую бы, однако, социальную группу мы ни взяли — будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь — все эти группы, как надындивидуальные единства, представляют "замиренную среду", с определенной организацией, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов. Ни в какой постоянной группе нет непрерывной внутригрупповой войны всех против всех, а, напротив, нормальным состоянием ее является консенсус взаимного поведения ее членов.

Внутригрупповой конфликт есть лишь явление исключительное и относительно редкое. В те моменты, когда этот конфликт принимает широкие размеры, когда он охватывает большинство членов этой группы, в те моменты и группа, как некоторое единство, перестает существовать и распадается на ряд групп. Но мы знаем, что подобное распадение могло быть лишь спорадическим. Если бы оно было постоянным явлением, то исторический процесс постепенного расширения "замиренных социальных кругов" был бы немислим, а равным образом малопонятным тогда было бы, почему человечество, находившееся в непрерывной взаимной борьбе, не исчезло...

Как бы то ни было, но свидетельство фактов дает нам группы в виде замиренных кругов. В каждой группе имеется определенный порядок взаимоотношений, требующихся от каждого члена, и определенное рас-

и следует понимать наше выражение: "одинаковое понимание" должных норм поведения. "Неодинаковое" же понимание означает неодинаковость *наделения* взаимными правами и обязанностями.

¹ Конечно, мы можем представить себе конфликты поведения или борьбу и без вызывающего ее "конфликта убеждений". Таковой является, например, "борьба за существование" на низших ступенях органического мира, где о предварительном конфликте убеждений и речи быть не может в силу отсутствия здесь психики. Но эта борьба будет уже явлением не социальным, а биологическим. Мы же говорим лишь о *социальной* борьбе, то есть борьбе, в основе которой лежат психические переживания, остальные же разряды "борьбы" в сферу нашего изучения непосредственно не входят. Их изучают физики, химики и биологи, а не социологи.

пределение прав и обязанностей каждого соучастника группы. Этот официально групповой шаблон поведения, проявляющийся в постоянстве отношений, и составляет то, что называется ее "организацией".

Он представляет как бы "костяк" или "скелет" группы, на котором дальше выводятся другие, более детальные узоры поведения¹. Во всех группах подобный "костяк" или организация даны.

Если возьмем первобытное тотемическое общество, то мы увидим, что поведение и акты мужского пола подчинены шаблону, отличному от шаблона поведения (или взаимоотношения) женского пола. Мужчины выполняют одни функции, женщины — другие. Далее, как мужчины, так и женщины разделяются на ряд возрастных групп. Функции, "права и обязанности" каждой возрастной группы отличны друг от друга и, в основных чертах, вполне определенно зафиксированы. Как половые, так и политические функции пользования добычей и т. д. точно так же имеют определенные шаблоны или обнаруживают устойчивую форму, которая и осуществляется постоянно при соответственных условиях.

В основных своих чертах способы взаимоотношений определенно зафиксированы и неуклонно выполняются. Каждый член тотема выполняет те функции, которые ему "предназначены": мужчина-ребенок, не перешедший во вторую возрастную группу, не может выполнять функций, свойственных второй возрастной группе; если бы он это почему-либо попытался сделать — в результате вызвал бы реакцию со стороны остальных, которая заставила бы его подчиниться "обычаю" дедов и отцов.

Мужчина не может вступать в брачные отношения с женщиной своей половины. Шаблон брачных взаимоотношений таков, что он позволяет ему вступать в половые сношения только с женщиной (соответствующей возрастной группы) другой половины.

¹ Имеется ряд социологов, которые пытаются установить различие между социальными группами, а соответственно и между социологией и коллективной психологией, исходя из того, имеется ли в данной совокупности людей организация и постоянство отношений или нет. Совокупность взаимодействующих людей, в отношениях которых дана "организация" и постоянство отношений, они называют обычно "обществом" и считают подобные агрегаты объектом социологии. Таковы, по их мнению, государство, семья, клан и т. д. Совокупность же людей, в отношениях которых якобы нет постоянства отношений, организации и т. п., они называют "коллективами", "случайными агрегатами" и считают подобные группы объектом коллективной или социальной психологии. В качестве таких агрегатов обычно указываются: толпа, театральная публика, публика, собравшаяся в трамвае, на пристани, на улице, съезды и т. д. (см., например: *Сигеле*. Преступная толпа. Спб., 1896. С. 3—17; *Де Грассерри*. De la psycho-sociologie // *Revue internationale de sociologie*. 1912. № 3 и 4; *Лебон Г.* Психологические законы эволюции народов. Спб., 1906. Гл. "Душа рас"; *Росси П.* *Sociologia collectiva*. Milano, 1900. P. 213; *Sociologia e psicologia collectiva*. P. 99—112, 145—149, и др.).

Я думаю, что подобное подразделение социальных групп возможно было бы только в том смысле, если бы под "обществами и организованными агрегатами" мы понимали "замкнутые" социальные группы, а под "неорганизованными и случайными агрегатами" — совокупность индивидов, находящихся в состоянии более или менее *постоянной борьбы и войны всех против всех*. Иное деление, и в частности вышеизложенное, неприемлемо. В самом деле, разве съезд или толпа в трамвае, на пароходе, толпа, собравшаяся в театре, — обычно "мирная толпа" — может быть названа неорганизованным агрегатом? Разве так-таки здесь нет должных и не должных шаблонов поведения? Разве поведение членов этих агрегатов случайно, не подчинено никаким правилам и не обнаруживает организации? Стоит поставить эти вопросы — и сразу же становится ясным, что говорить об отсутствии правил, постоянства отношений и организации здесь не приходится: не говоря уже "о правилах приличия", о трамвайных, театральных, пароходных правилах и приказах,

Подобным же образом тот или иной шаблон дан налицо и во всех остальных видах взаимодействия первобытной группы. Таким образом, ряд процессов и форм поведения заранее зафиксирован в том или ином виде и выполняется большинством членов.

Разбойничья банда с ее атаманом, есаулами и остальными членами, функции которых строго распределены и зафиксированы; род с "домачином" или "патриархом" во главе и с различными категориями остальных сородичей; древнее кастовое общество с рядом общественных каст, из которых функции каждых обнаруживают тот же шаблон; рабовладельческое общество с известными трафаретами взаимоотношений господ и рабов и т. д. — все эти и бесчисленные другие общества дают нам ряд шаблонов, которые и составляют организацию или "конституцию" (писаную или неписаную — безразлично) этих социальных агрегатов.

Что же касается таких обществ, как новейшие государства, научные, технические, спортивные, церковные и т. д. общества, то "конституция государств", "уставы" обществ, "символ веры" и вероучение церкви — вот внешние показатели шаблонных взаимодействий, имеющихся в данных социальных агрегатах... Как и в любом первобытном обществе, и здесь налицо даны шаблоны ряда процессов общения, которые заранее "предопределяют" формы ряда взаимоотношений и неуклонно выполняются большинством членов.

Констатировав это фактическое положение, теперь мы должны спросить себя: *как возможна подобная замиренность? Как возможно подобное мирное постоянство отношений?* В силу чего нет здесь постоянных конфликтов и войны, если "не всех против всех", то одной части группы с другой?

Постановка этих вопросов имеет свой смысл и основание. В самом деле, раз нет постоянной борьбы, раз нормальное состояние группы есть мирное состояние, то это наводит нас на предположение, что "должные" нормы поведения здесь всеми понимаются одинаково. Это предположение само собой напрашивается потому, что, в силу сказанного выше, *если бы был конфликт убеждений, то должен был бы быть налицо конфликт поведения, то есть взаимная внутригрупповая борьба.* А отсюда, казалось бы, само собой следует: раз нет борьбы, следовательно, есть консенсус моральных норм поведения. В силу этого и исключается всякая борьба, всякий конфликт и возможна устойчивая, мирная организация группы.

Это умозаключение кажется с первого взгляда вероятным и правдоподобным. Но... при более детальном изучении дела правдоподобность его становится подозрительной. Она подозрительна потому прежде всего, что представляет вывод от следствия к причине, что, как известно, делать не особенно рекомендуется. А во-вторых, даже допустив, что это умозаключение правдоподобно, непонятным становится сам факт возможности этого консенсуса в понимании должного взаимного поведения.

В самом деле, как возможен был бы этот консенсус?

регулирующих поведение индивидов, в них собравшихся, эта организованность дана и в одинаковом "обычном праве", имеющемся у собравшихся. Пусть кто-нибудь попытается кричать во время представления пьесы, не заплатит кондуктору трамвая плату, высморкаться в платье своей соседки и т. д. — и он очень "чувствительно" убедится и в организации, и в постоянстве отношений, и в моральном единстве собравшихся, а тем самым и агрегатов. Иной была картина, если бы собравшиеся представляли не мирную, но воюющую группу.

Даже допустив, что он дан уже в группе, малопонятным становится его сохранение и поддержание в течение ряда десятилетий.

Очевидно, это было бы возможно при двух случаях. Во-первых, при отсутствии изменений во внутригрупповой жизни. Тогда было бы понятно, что раз одинаковость моральных убеждений членов группы дана и дано бесконфликтное поведение, то этот "мир" не может нарушиться в силу того, что жизнь группы не изменяется, не эволюционирует, а "стоит на месте".

Второе условие, при котором раз данная бесконфликтность могла бы существовать и в дальнейшем, заключалось бы в допущении *одновременного* и сходного изменения моральных шаблонов поведения у всех членов группы. Моральные убеждения могли бы измениться, но социальный консенсус убеждения и поведения всех членов группы мог бы существовать в силу того, что убеждения, а соответственно и поведение изменялись бы одновременно и в одном направлении у всех членов группы.

В этом случае эволюция групповой жизни была бы похожа на роту марширующих солдат, которые хотя и двигаются вперед, но порядка и стройности в этом движении не нарушают.

Таково второе условие, при котором было бы понятным сохранение допущенного нами консенсуса в понимании норм поведения у всех членов группы.

Но ясно, что ни то, ни другое условие в действительности никогда не даны. "Статическое" состояние ни для какой группы невозможно. Сам факт жизни в группе и взаимного общения ее членов между собою, как будет показано ниже, чисто механическим путем вызывает непрерывные изменения в жизни группы.

Не менее невозможным является и второе условие.

Моментальная, одновременная и тождественная смена шаблонов поведения у всех членов группы не только в древних обществах, но и в современных обществах почти не дана, хотя последние и имеют в этом отношении ряд преимуществ по сравнению с древними обществами. Раз это так, то спрашивается, *как же возможна эта относительная бесконфликтность внутригрупповой жизни?* В силу сказанного ясно, что почти всегда в любой группе есть и должны быть "отщепенцы", инаковерующие и инакомыслящие, чем другие, *верующие и мыслящие согласно официальным шаблонам поведения группы.* Спрашивается, почему же поведение этих двух групп не всегда сталкивается друг с другом?

Вот здесь-то и выступают кары и награды и их мотивационно-дрессирующее влияние.

Каждая социальная группа всегда имеет в своей среде "инакомыслящих", то есть преступников, но не все "инакомыслящие" реализуют свои "противообщественные" нормы должного поведения. Напротив, сплошь и рядом эти отщепенцы, несмотря на конфликт своих представлений "должного" поведения с представлениями другой части группы, нормы которой и являются официальными нормами группового поведения, сплошь и рядом ведут себя не согласно своим убеждениям, а согласно нормам "официальным". Подобное противоречие убеждений и поступков вызывается ни чем иным, как давлением кар и наград, исходящих от другой части социальной единицы. *Только кары и награды могут остановить их от исполнения актов, требуемых их моральным сознанием* (то есть представлениями должного, запрещенного и рекомендованного поведения). Если бы их не было, то не было бы ничего, что помешало отщепенцам вести себя согласно своим нормам поведения, а значит, без них невозможно было бы и бесконфликтное состояние замиренной груп-

пы. *Без кар и наград внутригрупповая борьба была бы не спорадическим, а постоянным явлением, и взаимодействие людей в самом деле было бы "bellum omnium contra omnes"*^{1*}.

Именно кары и награды, а не что иное заставляли и заставляют таких отщепенцев делать то, что они считают по своим убеждениям запрещенным и преступным делать, воздерживаться от тех актов, воздержания от которых не требует их моральная совесть, и терпеть то, что без кар и наград они не стали бы терпеть... Мотивационное давление санкций являлось здесь тем рычагом, который поддерживал бесконфликтное состояние группы, заставляя отщепенцев вести себя согласно требуемым "официально" шаблонам поведения, шаблонам, противоречащим их собственным нормам должного поведения. А по мере того как под влиянием мотивационного давления они все чаще и чаще выполняли эти "противоестественные" для них поступки, по мере того начинало действовать дрессирующее влияние санкций в связи с рикошетным действием акта на психику, в результате чего отщепенцы и инаковерующие превращались в "единоверующих", в "истинных сынов своей группы", забывая свои нормы и впитывая в плоть и кровь требуемые карами и наградами шаблоны поведения.

Следовательно, наш ответ на вопрос: как возможно бесконфликтное и мирное взаимоотношение членов группы друг к другу при наличии конфликтного состояния их норм должного поведения? — гласит: оно возможно благодаря соединенному действию мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград. Это они виновники того, что поведение индивидов принимает формы, не конфликтные друг с другом, и взаимодействие их происходит без значительных трений. Если бы, например, в России, где шаблоны "должного" поведения фиксированы в "Своде законов", вдруг уничтожены были бы все санкции, как положительные, так и отрицательные, как исходящие от государственной власти, так и от общественного мнения, — то можно себе представить, какая пертурбация произошла бы в междуиндивидуальном поведении членов государства: бесконечно возросли бы убийства, так как многие не убивают других не потому, что акт убийства для них противен, а из боязни кары; соответственным образом повысилась бы и цифра других преступлений против личности; участились бы кражи и грабежи; нападения на банки и на казначейства, так как многие не крадут и не грабят опять-таки лишь из боязни наказания; масса должников отказалась бы от платежей; "свобода слова" приняла бы своеобразные формы; тысячи людей, не надеясь на награды, бросили бы службу или стали бы ее вести недобросовестно; тысячи студентов перестали бы учиться, так как учение не давало бы прав и дипломов, и вообще, выражаясь языком Ману, "ворона стала бы клевать жертвенный пирог, а собака стала бы лизать жертвенные снеди и не осталось бы ни у кого собственности, низшие захватили бы места высших"².

Одним словом, характер внутригруппового взаимодействия совершенно изменился бы и изменился бы в сторону повышения конфликтов и борьбы. Старого шаблона поведения стала бы держаться лишь часть подданных, которые "законно" поступали не только за страх, но и за совесть. Другая же часть, которая, несомненно, имеется, круто переменила бы свое поведение в том направлении, которое диктуется ей ее моральными убеждениями. Кары же и награды, как государственные, так

¹ * война всех против всех (лат.).

² Законы Ману. 7, 21.

и общественные, долженствующие наступить в случае поведения, не согласного с шаблоном, требующим кар и наград, — являются той магической силой, которая сначала (благодаря мотивационному действию) удерживает индивида от "преступлений" и подталкивает на "подвиги", а затем и чуждые ему вначале акты и поступки делает органическими свойственными (дрессирующе-рикошетное влияние кар и наград).

Вообще говоря, как только в социальной группе появилась гетерогенность понимания должного взаимоотношения между двумя или большим числом ее частей, выходом из этого положения могут быть только два основных способа:

А). Первый возможный исход тот, что *группа может распасться* на две или большее число частей... Часть членов с одними шаблонами взаимоотношений отделится от другой, имеющей также одинаковые шаблоны. Конкретный пример такого исхода дает Библия: "И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова. И сказал Аврам Лоту: Да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо — то я налево... И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую, и двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга. Аврам стал жить на земле Ханаанской, а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содомы"¹. Дальнейшими примерами этого исхода могут служить, например, эмиграция квакеров из Англии в Америку, удаление плебеев на Священную гору, разделение крестьянской семьи на две из-за взаимных ссор и т. д. Разновидностями этого исхода может служить и ряд других явлений, бывших и существующих еще и теперь. Сюда относится, до известной степени, изгнание одного или ряда членов из группы. Остракизм, русское изгойство, кавказское абречество и т. д. и вообще удаление ряда членов из группы (добровольное или принудительное), поведение которых не совпадает с поведением остальных, — все это разновидности данного исхода.

Б). Таков первый возможный исход. Разновидностью его служит борьба на жизнь и на смерть между частями группы, шаблоны поведения которых противоречат друг другу... Сюда же относятся и столкновения двух обществ с различными шаблонами поведения. Результатом этой борьбы может быть полное уничтожение одной из враждующих сторон.

Между различными группами, или между двумя частями группы, или между двумя индивидами благодаря конфликту возникает борьба. И чем тверже, устойчивее шаблоны поведения каждой из враждующих групп, тем ожесточеннее и свирепее война, которая кончается лишь *уничтожением одной из враждующих сторон*. Примеров подобного исхода особенно много дает животный мир, где шаблоны поведения особенно устойчивы... Борьба за существование между различными видами животных может быть рассматриваема как частный вид этого исхода...

И человеческая история дает немало примеров данного исхода. Вражда двух родов в древних общинах на почве кровной мести, сплошь и рядом приводившая к гибели одной или обеих сторон; первобытные войны между различными группами, кончавшиеся поголовным истреблением одной стороны; уничтожение целых народов, например мексиканцев и перуанцев, другими народами; все вообще войны народов,

¹ Книга Бытия. Гл. 13:7—12.

приводившие и приводящие к уничтожению значительной части враждующей стороны; религиозные столкновения наподобие Варфоломеевской резни; казнь "преступников" в прошлом и в настоящем; убийство одним индивидом другого (убийство — месть, дуэль, смертные поединки и т. д.) — все это различные иллюстрации данного исхода и решения конфликтов. Таким образом, оба указанных исхода ведут к распылению и разрушению группы, к ее распаденю на две половины или же к гибели одной или обеих половин.

II. Но возможен и иной исход. Разгоревшаяся борьба кончается не полным уничтожением более слабой стороны, но *насильственным подчинением ее победителям; победители силой' принуждают побежденных поступать так, как требуют шаблоны поведения первых. В этом случае единство группы или общества остается, но оно основывается не на "добровольном" "согласии" всех членов поступать определенным образом, не на консенсусе представлений должного поведения всех членов группы, а на насильственном принуждении одних другими.* Равным образом из двух различных столкнувшихся групп может возникнуть одна группа, основанная на том же принуждении...

Средствами "принуждения" являются те или иные акции и реакции, положительные или отрицательные, сознательно или бессознательно устанавливаемые.

Существование подобных положительных и отрицательных актов, наказаний и наград, заставляющих одних насильственно поступать "против своей воли" так, как указывают другие, и служит свидетельством негармоничной, беспорядочной или конфликтной смены одних шаблонов взаимоотношений другими или одних шаблонных актов, приспосабливающих к социальной среде, другими.

Сделаем резюме сказанному. Если бы в каждой социальной единице представления должного, запрещенного и рекомендованного поведения и соответствующее этим представлениям поведение были одинаковы у всех членов группы, то внутригрупповая жизнь и ее эволюция совершалась бы бесконфликтно, гармонично и не давала бы места никакой борьбе и никаким кризисам...

Но предположение этого единства морального сознания недопустимо. В каждый данный момент в "несвободных" социальных группах (то есть таких, выступление и выход из которых не зависят от воли индивида: государство, семья, тотем и т. д.) имеется налицо разнородность понимания должного поведения и в силу этого конфликт "убеждений". Раз этот конфликт дан, то группа может избежать конфликта взаимного поведения и тем, что она разделится на две или большее число частей (Аврам, Лот, патриции, плебеи и т. д.), или же в ней начнется борьба антагонистических сторон не на жизнь, а на смерть. Когда одна из борющихся сторон будет уничтожена — тогда вновь возможно моральное единство и бесконфликтное поведение другой стороны.

Оба эти "выхода", однако, являются более редкими, чем третий исход, а именно: насильственное подчинение одной части группы другой и насильственное принуждение более слабой части к тому поведению, которое согласно с моральными воззрениями более сильной части. Средствами принуждения являются карательные и наградные акты. Они

¹ Под силой мы понимаем не только чисто физическую силу, но все то, что дает одному индивиду или одной группе перевес над другой, а так как более высокая степень умственного развития здесь играет сплошь и рядом решающую роль, то игнорировать "психическую силу" мы никоим образом не можем.

делают возможным монистически-бесконфликтное поведение внутри группы и мешают гетерогенно-конфликтному поведению. Говоря образно, они служат теми обручами, которые связывают группу в единство и не дают возможности ей рассыпаться. Благодаря им делается возможным более или менее мирное общение антагонистических единиц.

Следовательно, *внутригрупповая роль кар и наград заключается в создании, сохранении и укреплении внутригрупповой солидарности, в недопущении ее распада, в подавлении взаимной борьбы и в приведении ее антагонистических элементов к общему моральному единству, что достигается при посредстве дрессирующе-рикошетного влияния санкций.*

Отсюда понятно, почему кары и награды даны в любой социальной группе. Они неизбежны потому, что всегда в таких группах даны антагонистические элементы. А раз они есть, неизбежны и кары с наградами как следствие и симптом этого индивидуального антагонизма.

Иначе говоря, сами санкции есть скрытый вид борьбы, которая не реализуется, коль скоро нет нарушения "официального" требуемого поведения. Они только как бы висят в воздухе. Но коль скоро "преступление" совершилось — кары и награды принимают вещественную форму и поражают в тех или иных формах действительных или мнимых виновников. Часть их прямо уничтожается, иногда весьма мучительными способами. Часть изгоняется и становится "вне мира", без защиты и покрова. Часть изолируется по местам ссылки и заключения. Часть подвергается менее суровым наказаниям. Вместе с тем для большего устрашения других производится попутно ряд весьма поучительных демонстраций при этих мерах: выставляются напоказ головы, руки и ноги казненных, указываются те "деликатесы", которые постигнут виновника, и эти "деликатесы" аргументируются действительным их выполнением: сдирается публично кожа с виновников, их голые черепа подставляются под падающую каплями холодную воду, распарываются животы и извлекаются кишки, члены тела уродуются различными пытками: колесованием, вытягиванием жил, отсекаются руки и ноги, выкалываются глаза и т. д. и т. д.¹ С другой стороны, дается ряд наград тем, кто верно и честно исполняет свой долг; эти награды сыплются в самых различных формах, перечислять которые здесь нет надобности.

Таковыми путями устанавливается и поддерживается внутригрупповая солидарность. Она достигается, с одной стороны, прямым уничтожением, удалением и наказанием главных и наиболее упорных из "диссидентов", с другой стороны — устрашением и терроризированием всех тех, кто был бы склонен поступать не согласно с нормами более сильной стороны... А с третьей стороны, в том же направлении действуют и награды, побуждая индивида иным путем вести себя "солидарно". В итоге и получается "худой мир", но мир, а не постоянная борьба.

Таким образом, кары и награды, хотя и довольно дорого обошлись человечеству, хотя и унесли в могилу несметное число жертв, хотя и причинили бесконечные страдания, но все же их основная роль внутри группы заключалась в установлении, поддержании и укреплении единства группы, взаимного консенсуса в поведении ее членов и вообще солидарности группы.

Иллюстрировать сказанное излишне, ибо любая история любой социальной группы есть сплошная иллюстрация изложенных положений.

¹ См. более подробно об этом: *Bauer A. Essai sur les revolutions. P., 1906. P. 16—17.*

§ 3. Внегрупповая роль кар и награды

Начнем и здесь с констатирования фактов. Всякому человеку, немного знакомому с историей, известен тот факт, что история человечества представляет картину постепенного расширения замиренных социальных кругов. На начальных стадиях здесь нам не дано широких социальных единиц. Общежительные союзы здесь малочисленны и обнимают всего от 40 до 1000 членов... По вычислениям Сатерланда, общества низших "дикарей" состоят в среднем из 40 человек, средних — 150, высших — 360; общества "варваров" уже более многочисленны, среднее число для низших "варварских" обществ равняется 6500 членам, средних — 228 тысячам, высших — 442 тысячам. Общества же "цивилизованных" народов уже далеко оставляют по своей численности предыдущие общества. Число индивидов низшего цивилизованного народа дает в среднем цифру 4200 тысяч, среднего — 5500 тысяч, высшего — 24 миллиона. Наконец, общества "культурных" народов, начинаясь с 30 миллионов, доходят теперь, как мы знаем, почти до 200 миллионов¹.

Из этих цифр ясно видно постепенное расширение социально замиренных и солидарных общественных кругов. Не нужно думать при этом, что это расширение совершилось исключительно путем разрастания каждой группы, что замиренная среда в 100 миллионов членов получилась из группы в 40 человек, расширившейся путем простого размножения на почве полового общения. Нет, расширение происходило не путем размножения одной группы, а главным образом путем слияния двух или большего числа групп в одну.

Указав на этот факт, я обращаю внимание читателя еще и на другой, а именно на то, что на первых стадиях развития между группами существовала непримиримая вражда и постоянный антагонизм. Слово чужеродец (*hostis*) было синонимом врага (*hostis*), которого должно было убить. Все "чужаки" были врагами, которых необходимо было уничтожать. Иначе говоря, все "чужаки" были самыми "опасными и нетерпимыми преступниками", которых следовало наказывать самым нещадным образом. Отметив это, теперь я ставлю вопрос: как возможно было это расширение замиренных социальных кругов? Как возможно это слияние абсолютно враждебных групп в одно солидарное социальное единство?

Могут на это ответить, что оно достигалось путем договора, путем мирного соглашения. Этот ответ, приложимый отчасти к таким союзам, как новейшие федерации Американских Соединенных Штатов, Швейцарии и Германии, в приложении к древним обществам был бы наивным и неверным. Мирное соглашение возможно только теперь, да и то еще под угрозой штыков и пушек. Для древности же оно было почти невозможно... Только теории, исходящие из принципа договора (Руссо, Гоббс и др.) и из принципа полного рационализма человеческого поведения, содержали подобное представление. Но эти теории, как будет показано ниже, совершенно наивны и неверны. А потому и "теория договоров" не соответствует фактическому положению дела...

Единственно возможный ответ на поставленный вопрос гласит: расширение социально-замиренных кругов было возможно лишь благодаря соединенному мотивационно-дрессирующему влиянию наград и наказаний. Без этих рычагов подобное расширение сферы "мира" на древних, а отчасти еще и на современных ступенях развития немыслимо и невоз-

¹ См.: Сатерланд А. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. Спб., 1900.

можно. Вполне прав Штейнмец, когда говорит, что в древности "без агрессивности немислимо никакое расширение группы"¹.

Коротко говоря, и здесь социальная роль кар и наград заключалась в создании, расширении и укреплении круга солидарности.

Как совершалось обычно слияние групп? Путем войн. А что такое война? Коллективное наказание одной группы другою. Что служит ее поводом? Ненадлежащее поведение другой группы, иначе говоря, преступное поведение ее. Это преступное поведение, выражающееся в конечном счете в том, что одна группа не исполняет того, что она должна была бы исполнять с точки зрения другой группы (не исполняет ее требований), квалифицируется как запрещенный акт и вызывает карательную реакцию, именуемую войною. Каков же был тот механизм, благодаря которому возможным становилось слияние воюющих групп и ассимиляция победителем побежденного? Когда один народ (особенно в прошлом) при столкновении побеждал другую общественную группу, то ассимиляция победителем побежденного в большинстве случаев совершалась не в силу добровольного подражания, а подражания вынужденного: нравы, обычаи, законы и институты народа-победителя усваивались побежденным народом не без давления кар и наград. Исключительно благодаря этому давлению в первое время побежденные выполняли предписания и обычаи победителя; но, повторяя много раз предписанные шаблоны победителя, побежденные незаметно привыкали к ним и после достаточного числа повторений эти вначале чуждые шаблоны теряли постепенно характер чуждости и становились "своими", для исполнения которых уже делались излишними всякие кары и награды.

Добровольное подражание здесь играло лишь частичную роль, особенно же в древние эпохи, когда один общественный круг противостоял другому как непримиримо враждебная единица. Круг А и круг В, столкнувшись друг с другом, могли ассимилироваться и заставить один другого усвоить свои нравы, обычаи и воззрения только при условии беспощадных кар и крупных наград. Эти рычаги заставляли вначале побежденных подчиняться шаблонам сильнейшего; но потом благодаря дрессирующему (и рикошетному) влиянию повторения и привычки незаметно "неестественные" акты стали "естественными" и ассимиляция этих двух кругов была достигнута. Если бы не было этого фактора при столкновении двух групп, из которых каждая смотрит на другую с ненавистью и презрением, то никакое подражание не могло бы вызвать ассимиляцию и было бы совершенно бессильно. А ведь такими фактами полна человеческая история, и нужно ли поэтому подчеркивать громадную роль совокупного действия мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград... Можно смело сказать, что если бы не было этих факторов, то сомнительной была бы возможность роста социально солидарных кругов и весь ход человеческой истории был бы иным.

И действительно, обращаясь к данным истории, мы находим полное подтверждение наших положений.

Обратимся к фактам.

На заре истории, мы видим, столкновения групп носят беспощадный характер. Победители почти поголовно убивают или съедают побежденных. В Полинезии побежденные поголовно истреблялись, не исключая жен и детей; те же сведения имеются о кафрах, краснокожих индейцах, древних персах, египтянах, евреях, греках, римлянах, магометанах и т. д.

¹ См. великолепный труд Штейнмеца "Die Philosophie des Krieges". Leipzig, 1907. S. 23.

Затем мало-помалу начинают убиваться не все, а только наиболее опасная часть побежденных. Прежде всего оставляется жизнь маленьким детям и женщинам как элементу, наиболее легко способному ассимилироваться с победителями. Женщины оставляются как производительницы дальнейшего потомства, а дети усыновляются. Остальной же элемент убивается...

Переходя в дальнейшем к рабству как первому значительному факту слияния двух групп, посмотрим, какие меры употребляются здесь.

Победители уже не уничтожают поголовно побежденных, а уничтожают только часть их, наиболее опасную. Остальным же они оставляют жизнь, предписывая им определенные шаблоны поведения. Спрашивается, как же возможно заставить побежденных исполнять эти чуждые для них шаблоны? Говорить на первых порах о мирном и гуманном убеждении вести себя так, как предписывают победители, было бы, конечно, наивно.

Не приводя многочисленных фактов, мы можем сослаться здесь на ряд трудов, и в частности на труд Штейнмеца "Die Philosophie des Krieges" (1907), где читатель и найдет соответственные факты. Штейнмец говорит, что только у немногих совершенно изолированных и захудалых первобытных групп нет войны, а вообще же "война обычное занятие" первобытных групп" (С. 56—57, 190).

Единственным средством подобного подчинения было не что иное, как принуждение, базирующееся на соединении мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград. Жестокость, кнут, физические пытки, убийство в случае малейшего неповиновения, с одной стороны, подачки, милости и вообще те или иные наградные акты, — с другой, — вот те средства, которые практиковались в том или ином виде в таковых случаях. Только при их наличии возможно было присоединение группы побежденных к группе победителей и образование из двух или большего числа групп нового, более обширного агрегата.

Завоеванные и разделенные друг от друга рабы становились более жалкими и несчастными, чем домашние животные. Их господин мог их продать, изувечить, мучить и убить. Напуганные еще воспоминаниями об убийстве их родственников и сограждан, преступлениями, сожжением и разрушением их городов, осиротевшие и одинокие на земле, находящиеся под постоянным дамокловым мечом, висящим над их головою, эти несчастные гнулись под тяжестью рабства и умирали, истощенные и покинутые.

Принимая различные формы в деталях — то форму разделения и распыления покоренных по различным местам, то форму перевода их с родных мест на новые места и т. д., — этот метод воздействия путем кар и наград был вначале единственно возможным и приложимым для сохранения покоренных в подчинении, иначе говоря, для образования единой группы из победителей и побежденных.

Кнут — вот символ рабства, хотя символ очень гуманный в сравнении с теми карами, какие в это время имели здесь место. Достаточно было малейшего протеста, чтобы вызвать самые беспощадные кары.

Но с течением времени побежденные мало-помалу привыкали к тому, что от них требовалось победителями. Холопство и рабство мало-помалу становились все более и более привычными, как бы из века положенными на долю рабов. Старые вольности и традиции забывались, и в результате через несколько поколений дрессирующее влияние кар и наград оказывало свое дело и... они становились излишними.

Если бы для кого-нибудь нужны были дальнейшие факты, то их можно было бы приводить до бесконечности. Стоит вспомнить, например, рост других восточных деспотий, расширение пределов Римской

империи, как и всякой другой, основание большинства государств и т. д., чтобы увидеть, что все это совершалось почти исключительно благодаря работе кар и наград.

Не говоря уже о прошлом, и теперь, если внимательно присмотреться к колониальной политике крупных европейских государств, то нельзя не видеть в ней точного воспроизведения или проведения тех же принципов. И теперь замирение и ассимиляция вновь покоренных стран целиком основывается на соединенном действии мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград, а не на факте добровольного, сознательного или бессознательного подражания. Первым проявлением этого метода воздействия карами и наградами служит факт оставления в только что занятой стране вооруженной силы (войска); вторым — беспощадная кара всех протестантов и непокорных с целью прямого удаления бунтарей и, в "пример другим" ("дабы неповадно было"), доходящая и теперь очень часто до настоящих зверств; третьим — обещание, аргументируемое раштрелами и штыками, и впрел также поступать со всяким, кто будет нарушать "богом установленные и гуманностью требуемые" законы победителей... Таков первый акт, представляющий применение на практике мотивационного влияния указанных рычагов. Второй акт растягивается на десятки лет: побежденные под влиянием такой "гуманности" волей-неволей принуждены исполнять приказы "белоллицх дьяволов": чем чаще они их исполняют, тем больше и больше привыкают и сживаются с ними, в то же время забывая свои обычаи. Наконец, наступает эпилог: благодаря долговременной дрессировке свои обычаи забыты, а чужие обычаи сделались своими. Так поступали и поступают Германия, Англия, Франция, Россия, Япония и т. д.

Возьмите, далее, способы и характер распространения религии среди этих покоренных или вообще языческих народов.

Для примера можно взять распространение ислама и христианства... Что первый из них обязан своему распространению не мирному подражанию, а главным образом насильственному вкоренению его путем оружия (следовательно, путем приложения мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград) — это несомненно, пускалась в ход как посторонняя, так и потусторонняя санкция. То же в общем приложимо и к христианству. Мне вспоминается факт обращения в христианство литовцев, которых "сманивали" креститься путем дарения новообращенным бус, крестиков, белой одежды и т. д. Наряду с этим вспоминается и факт крещения новгородцев, кратко резюмированный в поговорке "Добрыня крестил мечом", вспоминаются те многочисленные факты, где христианам среди покоренного народа или низшего класса делались всевозможные льготы и давались привилегии, вспоминаются средневековые религиозные войны, борьба различных сект, выполнявшаяся не столько путем аргументов и доводов, сколько путем силы и оружия с практикованием карательно-наградных санкций, — и во всем этом я почти не вижу добровольного подражания, но зато прямо бьют в глаза всевозможнейшие способы реализации мотивационно-дрессирующего влияния кар и наград.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно сказать, что распространение тех или иных нравов, обычаев, правовых и моральных воззрений, институтов, религий и вообще расширение социально-солидарных кругов и ассимиляция одной группы другой в прошлом возможно было только при помощи мотивационно-дрессирующего влияния кар и наград, а не в силу только простого подражания. Мало того, даже "подражание — мода" — специфическое явление нашего времени — и то в значительной степени основано на мотивационном давлении этих

рычагов. Каждый подражающий моде подражает в большинстве случаев не просто в силу слепого подражания, а в значительной мере сознательно, побуждаемый наградно-карательными мотивами. Желание вызвать к себе интерес, зависть, стать центром внимания и т. д. — с одной стороны, и желание избежать насмешек, иронии, пренебрежения и вообще самошокирования в области ли убеждений, привычек, нравов или в области костюма, прически, "манер" и т. д. с другой, — все эти импульсы играют едва ли не основную роль и в "моде — подражании"¹.

Таким образом, кары и награды, действуя снизу и сверху, служат теми рычагами, которые устанавливают и поддерживают общественную солидарность, которая на первых порах групповой жизни без них не могла бы существовать. А существовать она не могла бы потому, что при неприспособленности членов группы к общественному бытию, при конфликтном характере развития группы (неодновременной смены шаблонов) группа без их принудительной силы неминуемо бы распалась. И чем большей была эта опасность распыления, тем интенсивнее действовали эти рычаги: тем мучительнее, жестче были наказания и тем неограниченнее были награды... С развитием общественной жизни, с постепенным смягчением привычек, изменяемых и уничтожаемых этими рычагами, иначе говоря, с постепенным ростом общественного приспособления характер их становится все мягче и мягче, все ограниченнее и ограниченнее, и можно думать, что *в будущем они будут близки к уничтожению*.

В процессе исторической смены различных шаблонов эти рычаги напоминают жернова, которые размалывают беспощадно и неумолимо все то, что попадает под их действие. Поэтому, может быть, и не так ошибались полицейисты XVIII века (Вольф, Юсти и др.), когда придавали важное значение этим жерновам в деле государственного воспитания широких масс. Подобно этому прав и Тард, когда говорит, что "покровительственные и запретительные меры... остаются могущественным оружием в руках правительств, даже единственным, при помощи которого они могут свободно и быстро действовать на пользу выгодных для них индустрий и в ущерб тем, которые им кажутся не заслуживающими доверия. Полицейские и уголовные законы аналогичны запретительным пошлинам: умело направляемые твердой властью, они дают заметный результат, иногда скорее поверхностный, чем глубокий, но часто решительный"².

Но еще большим значение кар и наград станет в том случае, когда мы примем во внимание, что исходящие от государства или официальной власти карательно-наградные санкции далеко не исчерпывают область этих санкций. Как мы видели выше, они исходят и исходили как от коллективов, так и от индивидов, как от посторонней, так и от потусторонней власти. И совокупности этих однородных явлений мы в значительной степени обязаны всем нашим прогрессом, нашей культурой и цивилизацией.

Плохо бы, однако, нас поняли, если бы подумали, что мы являемся какими-то апологетами санкций. Во избежание этого недоразумения заявим, что к таким апологетам мы не принадлежим. Но это не мешает

¹ См. точное определение подражания у Э. Дюркгейма: Самоубийство. Спб., 1900. С. 130—140 и глава, трактующая о подражании как факторе самоубийства. Мы не можем не согласиться с Дюркгеймом в его оценке роли подражания в социальной жизни, роли, которая была страшно раздута Г. Тардом, не давшим точного определения этого понятия и подводившим под него самые разнородные и противоположные явления, чем и объясняется успех теории подражания — с одной стороны, и вскрывается бессодержательность и пустота этого понятия — с другой.

² Тард Г. Преступник и преступление. М., 1906. С. 268.

теоретику-исследователю изучать явление так, как оно дано, и приписывать ему те функции, которые оно действительно выполняло. Мы и указываем на эту функцию, причем в термины "единство группы, солидарность" и т. п. мы не вносим никакого оценочного элемента. Укрепление солидарности еще не значит восхождение с низшей морали на высшую. Если более сильная часть группы или более сильная группа имеет нормы поведения и вообще культуру более низкую, чем побежденная часть, то, действуя путем кар и наград, она может принудить к более грубому и низменному поведению побежденных, давно уже оставивших позади себя эту ступень. В результате долгой дрессировки моральная совесть, поведение, нравы, обычаи и т. д. победителей и побежденных могут слиться и сделаться одинаковыми, а следовательно, слияние двух групп в одно органически целое тело будет достигнуто, но эта солидарность будет достигнута не повышением, а понижением культурного уровня. Вообще говоря, кары и награды — слепые силы. Они чисты и непорочны, как дева, но, как за деву, за них нельзя поручиться — какой они плод дадут. Характер этого последнего будет зависеть от того, от кого будут исходить санкции, против кого они будут направлены и какие цели достигаются ими. Если все эти условия положительны, то и плод может получиться хороший. Если они отрицательны, то и плод будет никуда не годным.

Нет сомнения в том, что было бы, конечно, лучше, если бы история человечества совсем не знала борьбы и конфликтов, проявляющихся внутри группы в виде междуиндивидуальных и официально-позитивных карательных и наградных актов, а вне группы в виде междугрупповых конфликтов — войн. Но такое состояние возможно было бы лишь тогда, когда социальная жизнь стояла бы на одном месте и не эволюционировала, или тогда, когда изменения внутригрупповых шаблонов поведения совершались бы одновременно и в одном направлении у всех членов группы, а равным образом слияние двух групп могло бы происходить мирным путем. Первое условие — совершенно невозможно и недопустимо.

Социальная жизнь в силу чисто механических причин, порождаемых самим фактом общения, не может стоять на одном месте и должна эволюционировать. А второе условие имелось бы налицо лишь тогда, когда люди с самого начала были бы "ангелами", поведением которых управлял бы всецело один разум. Но люди — не падшие ангелы... Напротив — ангельское состояние мыслимо как отдаленная цель будущего, как конечный результат продолжительной исторической дрессировки, совершавшейся в значительной степени механически, без какого бы то ни было целеполагания. Будучи вначале лишь разновидностью животных со всеми животными свойствами, люди могли прогрессировать также лишь наугад, случайно и стихийно.

Человечеству, находившемуся в таком состоянии, была поставлена непомерная задача. Ему было сказано: "Ты наделено всеми животными инстинктами, тебе не дано ясного знания, тебе не дано и пастыря, который знал бы, к какой цели вести тебя и как нужно действовать, чтобы успешнее достигнуть этого желанного маяка. Ты предоставлено самому себе. Иди куда хочешь. Совершенствуйся — если можешь. Процветай и прогрессируй, если ты это сделать в состоянии, если же не в состоянии — то погибай!"

И человечество все же не погибло. Ощупью, наугад, бесконечное число раз ошибаясь, оставляя позади себя трупы и моря крови, оно все же стало на путь прогресса и жизни, а не на путь гибели, и с колебаниями, с отклонениями, с поворотами медленно пошло по этой дороге... Но это стоило ему неисчислимых жертв и бесконечных страданий. Пришлось одним "унавоживать" собой дорогу прогресса, чтобы другие могли пройти по этой дороге. Нужно было выстроить из черепов одних

пирамиды, из их трупов — гирлянды, из их страданий — предмет забавы, чтобы другие могли жить и двигаться вперед. Нужны были убийства, чтобы понять их недопустимость, нужны были зверства и жестокости, чтобы сделаться гуманными и воспитать в себе сострадание и любовь. Одним словом, нужны были беспощадные кары и награды, чтобы сделать их ненужными в дальнейшем. Когда люди были зверями — тогда необходимы были зверства, когда они будут ангелами, тогда санкции исчезнут.

Теперь же сделаем основные выводы, вытекающие из вышеизложенного понимания социальных конфликтов и социальной роли кар и наград.

1) *Если социальная борьба, внутригрупповая и внегрупповая, есть не что иное, как кары и награды, обязанная своим бытием неодинаковому пониманию должного, запрещенного и рекомендованного поведения различными членами группы или различными группами, — то, очевидно, всякий рост и увеличение этого конфликта убежденный должен выражаться и в росте жестокости и грандиозности санкций.* Иначе говоря, всякий раз, когда внутри социальной группы происходит увеличение ее разнородности, вызываемой различными причинами, когда введение ее членов, диктуемое моральной совестью, становится все более и более разнородным, тогда линия кар и наград должна *повышаться*, чтобы воспрепятствовать распылению группы. То же повышение линии санкций должно наблюдаться и тогда, когда гетерогенность группы вызывается внешними причинами — столкновением с другой разнородной группой и включением ее в состав группы победителей.

2) *Чем устойчивее шаблоны поведения антагонистических частей группы или антагонистических групп, тем более жестокими должны быть кары и обильными награды, чтобы сломить сопротивление антагонистической группы или части группы, связать ее в одно целое и вообще привести ее поведение к одному знаменателю. Чем менее устойчивы эти шаблоны, тем мягче должны быть санкции.*

Это повышение и понижение кривой санкций происходило и происходит не преднамеренно и не произвольно, а чисто спонтанно и самопроизвольно. Запомним эти дедуктивные выводы. Если факты подтвердят их, значит, наши предыдущие положения, из которых дедуктивно мы вывели эти следствия, не совсем фантастичны и опираются на подлинное изучение сущего.

СТРУКТУРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА

§ 1. Мир надорганики

Физические науки изучают *неорганические* явления; биология исследует *органический* мир, общественные науки рассматривают *надорганические* явления. Как наличие жизни характеризует живые структуры и процессы, так и наличие сознания или мышления в своей развитой форме отличает надорганические явления от органических. Так же как лишь небольшая часть физического мира (растения и животные) обнаруживает феномен жизни, так и небольшая часть живого мира проявляет сознание в развитой форме — в науке, философии, религии и этике, искусстве, технических изобретениях и социальных институтах. Надорганические явления в таком развитом виде обнаруживаются только в человеке и в цивилизации. Другие виды живого мира проявляют лишь рудиментарные формы надорганики. Социология и смежные общественные науки имеют дело с человеком и созданным им миром.

Социальные и гуманитарные науки не занимаются анализом хим-

ического состава человеческих тел или церковных зданий, самолетов или любой другой части созданного человеком мира, ибо это — задача органической и неорганической химии. Точно так же они не изучают физические свойства человеческого мира, это — забота физики. Анатомия и физиология человека принадлежат к области биологии. Обществоведы, конечно, должны знать выводы физических и биологических наук, касающиеся человека, но эти выводы не являются существенной частью социологии и других общественных наук. Они представляют собой "досоциологию" или "досоциальную науку". Задачи социологии и общественных наук в целом начинаются там, где заканчивается изучение человека физикой и биологией¹.

Позже мы увидим, что физико-химические и биологические свойства человека действительно относятся к области социальных наук, но только постольку, поскольку они непосредственно связаны с надорганикой либо в качестве ее инструментов и средств выражения, либо в качестве факторов, которые обуславливают надорганику или обуславливаются ею.

§ 2. Описание надорганики

Надорганика родственна сознанию во всех своих явно выраженных проявлениях. Феномен надорганики включает язык, науку и философию, религию, искусство (живопись, скульптуру, архитектуру, музыку, литературу и драму), право и этику, нравы и манеры, технические изобретения и процессы, начиная от простейших орудий труда и кончая самыми сложными машинами, дорожное строительство, зодчество, возделывание полей и садов, приручение и дрессировку животных и т. д., а также социальные институты. Это все надорганические явления, поскольку они являются проявлениями различных форм сознания; они не возникают в результате голых рефлексов или инстинктов².

¹ Большинство вступительных текстов в социологических трудах переполнены подобной "досоциологической" информацией, взятой из механики, физики, химии и особенно биологии. Если для педагогических целей ее введение желательно, то для строго социологического изучения человека и человеческого мира включение значительного объема информации нецелесообразно. В данной работе предполагается, что большинство "досоциологических" знаний о человеке читателю известны, а потому их содержание сведено до минимума.

² Лучшее определение надорганики дано Е. Де-Роберти. Он справедливо указывает, что переход от неорганического к органическому, а затем к надорганическому является постепенным. Живой природе присущи рудиментарные ментальные процессы, подобные раздражимости, ощущениям, чувствам, эмоциям и ассоциации образов. Но ни один вид, кроме человека, не обладает высшими формами сознания, представляющего четыре основных класса социальной мысли: а) абстрактными понятиями и законами научного мышления, б) философскими и религиозными обобщениями, в) языком символов в искусствах, г) рациональной прикладной мыслью во всех дисциплинах от технологии, агрономии и медицины до этики, социального планирования и инженерии. Такая надорганическая мысль — суть "ткань" социокультурных явлений. Реальные исторические события и социокультурные явления всегда представляют собой смесь физических, биологических и надорганических явлений. См.: *De Roberty E. Nouveau programme de sociologie*. P., 1904. Обществоведы, заявляющие, что социальные феномены являются по своей природе психологическими или ментальными, говорят примерно то же самое. Практически все представители психологических и социопсихологических школ в социологии (а они представляют собой основные течения общественной мысли) находятся в невяном или явном согласии с тезисом этой работы. См.: *Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories*. N. Y., 1928. Ch. 8—13.

§ 3. Область надорганики

Другими словами, в своих развитых формах надорганика находится исключительно в сфере взаимодействующих людей и продуктов их взаимодействия.

Вне человека можно наблюдать лишь рудиментарные формы надорганического поведения, подобно рефлексам и инстинктам, переживаниям, чувствам и эмоциям, зачаткам репродуцирующего воображения, элементарной ассоциации образов и рудиментарной способности учиться на собственном опыте. Некоторые виды животных, такие, как муравьи и мухи, имеют сложные организации, но они базируются на врожденных рефлексах и инстинктах. Рефлексы и инстинкты лежат в основе и такой (производящей большое впечатление) деятельности, как строительство гнезд птицами, паутины пауками и хаток бобрами. Немного может узнать животное на основе лишь собственного опыта при отсутствии высокоразвитых нервной системы и мозга, сколько бы его ни учили.

Когда Келлогги пытались обучать в аналогичных условиях семимесячного шимпанзе и своего сына, который был примерно того же возраста, что и шимпанзе, то он сначала превосходил их ребенка в деятельности, которая обуславливалась анатомией, врожденными инстинктами и рефлексами. Он научился пользоваться ложкой, пить из чашки, открывать двери. Но шимпанзе не понимал человеческую речь, за исключением нескольких простых слов и фраз, не мог научиться говорить или решать арифметические и другие задачи умеренной степени сложности¹. Не имея больших умственных способностей, животные не создают лингвистических, научных, философских или других надорганических систем. То многое, чему они обучаются, усваивается ими главным образом через механизм условных рефлексов². Как уже было показано, надорганика относится главным образом к сфере взаимодействующих людей и продуктам такого взаимодействия. Ни один человек, будучи с рождения изолированным от других людей, не может существенно развить свое сознание. Каспар Хайзер, Анна, Гесский мальчик, девочка из Сонги, Амала и Камала — "дети волка" — и другие изолированные от людей дети не умели говорить, не могли вспомнить свое прошлое или решить простые интеллектуальные задачи. Они в действительности больше походили на животных, чем на разумные существа³.

Научное знание, философская мысль, эстетические вкусы и другие составляющие надорганики не наследуются биологически, люди получают их от других людей благодаря непрекращающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей. Если бы любого из нас изолировать от мира людей, много ли он узнал бы самостоятельно о нашей культуре? Элементарное владение языком, простейшие правила сложения и вычитания, начальные сведения из физики и биологии, применение таких простых орудий, как рычаг, колесо, лук и стрелы, или добывание и использование огня, легко осваиваемые семилетним мальчиком, были бы недостижимы для 99% из нас, даже если бы мы жили сто лет и имели мозг Исаака Ньютона. Понадобились многие поколения взаимодействующих людей, чтобы были сделаны такие открытия и из-

¹ *Wheeler W. M. Ants, Their Structure, Development, and Behaviour.* N. Y., 1916; *id. Social Life Among the Insects.* N. Y., 1938.

² *Pavlov I. Lectures on Conditioned Reflexes.* N. Y., 1928.

³ *Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire.* P., 1925; *Gesell A. Wolf Child and Human Child.* N. Y., 1941.

обретения. В условиях полной изоляции от социокультурного мира потребовались бы века и тысячелетия, чтобы отдельные индивиды овладели всем этим, да и то вряд ли им это удалось. Индивидуальный опыт является весьма ограниченным. Изоляция от других людей лишает человека бесконечно богатого опыта, накопленного благодаря миллионам поколений. В этом случае его сознание обречено оставаться на самом рудиментарном уровне. Даже развитый, умный человек начинает деградировать, если он вырывается на долгое время из взаимодействия с людьми и соприкосновения с созданным человеком миром.

Наука, философия, религия, этика, технология, искусство и социальные структуры создавались и обобщались благодаря деятельности бесчисленных человеческих поколений. Определенное приращение надорганики может возникать из взаимодействия инноватора и предшествующей культуры, но накопление знания, являющееся точкой отсчета, само есть продукт человеческого взаимодействия. В этом смысле надорганическая культура может рассматриваться как прямой или косвенный продукт взаимодействия между людьми.

§ 4. Человеческая личность как продукт социокультурных сил

Родившись, человек еще не является личностью или субъектом надорганической жизни. Его "я" и имя, научные идеи, религиозные взгляды, эстетические вкусы, моральные убеждения, манеры и нравы, занятия, экономическое положение и социальный статус, судьба и жизненный путь — ничто еще не предопределено. Его можно сравнить с фонографом, на котором можно проигрывать любую запись. Хороший фонограф конечно же лучше воспроизводит любую запись, чем плохой. Но то, какие записи он будет играть — симфонию Бетховена или джаз, — не зависит от фонографа. Точно так же человек с лучшей физической конституцией может лучше проигрывать "социокультурные записи", чем тот, кто рождается с худшими наследственными данными; но то, какие записи он станет играть, относительно мало зависит от органических или биологических факторов. Зовут ли его Смит или Джонс, протестант ли он или буддист, говорит ли он по-английски или по-турецки, республиканец он или демократ, лифтер или король, является ли он гражданином России или Сиам, состоит в моногамном или полигамном браке, носит восточную или американскую одежду — эти и другие социокультурные характеристики не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование.

Джозеф Райнхарт, рожденный в американской семье, был в возрасте трех лет брошен своими родителями, усыновлен китайской семьей, привезен в Китай и воспитывался там до девятнадцати лет, став типичным китайцем по языку, мыслям и верованию, манерам и образу жизни¹. Близнецы, рожденные с одинаковыми организмами, развивают свой ум до разного уровня и имеют разные социокультурные характеристики, если их помещают в разную социокультурную среду. Мейбл и Мери, однойцевые близнецы, выросшие одна — на американской ферме, другая — в американском городе, показали множество различий по тесту Стэнфорда-Бинэ. Они также имели ярко выраженные отличия в манерах и нравах, несмотря на то что социокультурные различия

¹ Scheinfeld A. You and Heredity. N. Y., 1939.

между сельской и городской американской средой не являются слишком существенными¹. Организмы двух людей могут совсем немного различаться, а могут быть и совершенно разными в биологическом смысле, например, они могут быть относительно слабыми и сильными физически, относительно посредственными и блестящими умственно, однако оба эти человека могут стать королями или мультимиллионерами² в зависимости от социокультурных условий. Несмотря на значительные различия в биологической наследственности, дети, родившиеся и выросшие в англоязычных странах, имеют родным языком английский; в римско-католическом окружении от 80 до 100% детей становятся католиками, и т. д.

А это означает: что касается социокультурных черт и жизненного пути человека, то каждый находится под воздействием надорганической среды, в которой он рождается и воспитывается. Даже определенные биологические характеристики косвенно определяются социокультурными факторами. Во многих обществах предписывалось убивать детей, рожденных с определенными табуированными чертами. Другие общества запрещают браки между высшими и низшими кастами, между рабами и хозяевами или между определенными этническими, расовыми и религиозными группами. Таким путем социокультурные факторы обуславливают и контролируют до значительной степени то, какие виды биологических организмов воспроизводятся, а какие уничтожаются.

Роль биологических сил во всех этих отношениях сводится к двум функциям. Во-первых, организм с лучшей наследственностью будет успешнее осуществлять социокультурные функции, предписанные ему надорганической средой. Во-вторых, биологические организмы, родившиеся с определенными характеристиками, обязательно ограничиваются этими характеристиками, например, умственно отсталый человек не может стать ученым, а человек со слабой конституцией не может стать тяжелоатлетом. Другими словами, как социокультурные индивиды, мы являемся теми, кем мы есть благодаря действию социокультурных сил; и мы ведем себя таким образом, каким нас побуждают действовать эти силы. В связи с указанными выше обстоятельствами предмет социологии и социальных наук в целом отличается от предмета физических и биологических наук.

§ 5. Социология в системе общественных наук

Надорганика или социокультурное пространство изучаются всеми социальными и гуманитарными дисциплинами. Поэтому логически встает вопрос о том, каково отличие социологии от экономики, политики, истории, психологии и других социальных наук. Хотя в более глубоком смысле все научные дисциплины составляют одну неделимую науку, предпринимаемое в практических целях разделение труда требует специализации в каждой дисциплине. Физика отличается от химии, и обе эти науки — от биологии, хотя границы между ними являются расплыв-

¹ *Newman H. H. Mental and Physical Traits of Identical Twins Reared Apart // Journal of Heredity. 1932. V. 23. P. 2—18. Ср.: Newman H. H., Freeman F. N., Holzinger K. J. Twins: A Study of Heredity and Environment. Chicago, 1937.*

² Среди монархов и мультимиллионеров были люди как с сильной, так и со слабой конституцией, как с посредственными, так и блестящими мыслительными способностями (*Sorokin P. A. Monarchs and Rulers // Social Forces. 1925. V. 4; American Millionaires and Multimillionaires // Social Forces. 1925. V. 5).*

чатými и пересекающимися друг с другом. Физическая механика пересекается с геометрией и математикой, обе они пересекаются с химией, и все три с биологией, давая нам органическую химию и математическую физику. Разница между социологией и другими социальными науками также относительна; тем не менее они столь же различимы, как физика, химия и биология.

В большой группе социальных и гуманитарных дисциплин, которые имеют дело с надорганическим миром, социология выполняет свою собственную определенную задачу и осуществляет свои функции способами, явственно отличными от других наук. Во-первых, в отличие от истории и других *индивидуализирующих* наук социология является *генерализирующей* наукой. В то время как история концентрирует свое внимание на изучении социокультурных феноменов, которые являются уникальными и неповторимыми во времени и в пространстве (Соединенные Штаты как определенная нация, христианство как уникальная религия, Авраам Линкольн как определенный человек, Тридцатилетняя война как отличающаяся от других войн), социология изучает свойства надорганики, которые повторяются во времени и в пространстве, то есть являются общими для всех социокультурных феноменов (общая социология) или для всех видов данного класса социокультурных явлений — для всех войн, всех наций, всех революций, всех религий и т. д. (специальные социологии). Благодаря этому генерализирующему качеству социология коренным образом отличается от истории и других индивидуализирующих гуманитарных дисциплин¹.

§ 6. Отличие социологии от других общественных наук

Не в меньшей степени задача социологии отличается от задач таких генерализирующих социальных наук, как экономика, политология и право. Экономика также является генерализирующей наукой, поскольку она пытается обнаружить и сформулировать свойства, отношения и закономерности, которые повторяются во времени и в пространстве и являются общими для всех экономических явлений определенного класса. То же самое можно сказать, с соответствующими поправками, о любой другой генерализирующей социальной науке.

Социология отличается от таких дисциплин в нескольких отношениях. Прежде всего, каждая из этих наук имеет дело лишь с одной сферой социокультурного пространства: экономика с экономическими отношениями, политика с политическими отношениями. Социология имеет дело по своим специальным направлениям со всеми сферами этого пространства. Например, экономика изучает хозяйственные структуры как инвариант общества; политология анализирует государство как особый тип общества; религиоведение исследует церковь как тип общества. Метасоциология исследует общество как род, с присущими ему свойствами и отношениями, которые обнаруживаются в любом обществе, будь то фирма, церковь, государство, клуб, семья и т. п. Или другой пример: экономика имеет дело с производственными циклами и флуктуациями, политология изучает циклы и флуктуации в политической жизни. Социология же рассматривает циклы и флуктуации как родовой признак социальных явлений, возникающий практически во

¹ О глубоком различии между генерализирующими и индивидуализирующими науками см.: *Rickert H. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Tübingen, 1902; Xénopol A. La théorie de l'histoire. P., 1908.*

всех социальных процессах, будь то экономические, политические, творческие, религиозные, философские, в их взаимосвязях друг с другом. То же можно сказать о таких социальных процессах, как соревнование и эксплуатация, господство и подчинение, стратификация и дифференциация, солидарность и антагонизм и т. д. Каждый из этих процессов возникает не только в отдельных сферах надорганики, но практически во всех отсеках социокультурной жизни и, будучи таковым, требует изучения своего родового вида и связей между каждым отдельно взятым видом и другими специальными подвидами того же процесса. Такое изучение переходит границы любой отдельной дисциплины. Оно требует существования особой науки, которая рассматривает родовые виды всех этих явлений и взаимосвязи между ними. Эта задача выполняется социологией. Схематично это можно изобразить следующим образом. Пусть указанные классы социальных явлений состоят из следующих общих элементов и отношений:

экономические: a, b, c, n, m, f

политические: a, b, c, h, d, j

религиозные: a, b, c, g, i, q

и так далее.

Допустив, что все остальные виды социокультурных феноменов имеют такие же общие элементы и отношения, как a, b, c, и все они принадлежат к одному роду социокультурных феноменов, то они не могут не обладать ими, и соответственно изучение этих общих элементов — a, b, c — будет составлять основную задачу социологии. С другой стороны, исследование того, как осуществляется связь между несовпадающими элементами, скажем, n, h, j (например, как производительные циклы связаны с циклами в развитии преступности, научных теорий, самоубийств, художественных вкусов, революций и так далее), составляет ее вторую важнейшую задачу. Ни одна из этих задач не решается какой-либо другой общественной наукой; ни одна из них не принадлежит логически другой науке. Они охватывают специальную область социологии.

Наряду с этой глубинной разницей между задачами социологии и задачами генерализирующих общественных наук существует важное отличие в их основных допущениях, касающихся *природы человека и отношений между социальными явлениями*. Дискретный характер экономики побуждает ее постулировать наличие *homo economicus* — чисто экономического существа, руководимого экономическим интересом и утилитарной рациональностью, что приводит к полному исключению неэкономических религиозных верований и неутилитарных моральных убеждений, антиэгоистичного альтруизма и не приносящих дохода художественных ценностей, нерациональных нравов и иррациональных страстей. В соответствии с этим экономические явления воспринимаются как совершенно изолированные от других социокультурных феноменов и неподвластные религиозным, юридическим, политическим, художественным или моральным силам. Столь же односторонним путем реализуется идея о *homo politicus* в политической сфере, равно как и *homo religiosus* в сфере религии.

В отличие от подобных допущений *homo socius* социологией рассматривается как родовый и многогранный *homo*, одновременно и нераздельно экономический, политический, религиозный, этический, художественный, частью рациональный и утилитарный, частью нерациональный и даже иррациональный и при всем при этом отличающийся непрерывным взаимодействием всех этих аспектов. Соответственно каждый класс

социокультурных явлений рассматривается социологией как связанный со всеми остальными классами (правда, с различной степенью взаимозависимости), которые находятся под влиянием всего остального социокультурного пространства и, в свою очередь, влияющими на него. В этом смысле социология изучает человека и социокультурное пространство такими, какие они есть на самом деле, во всем их разнообразии, как подлинные сущности, в отличие от других наук, которые в целях аналитики рассматривают явления, искусственно выделяя их и полностью изолируя от остальных.

А). **Теории причины самоубийств.** Предыдущее повествование ясно указывает на специфические функции социологии среди смежных социальных и гуманитарных дисциплин, как, впрочем, и на познавательную значимость этих функций. Без дисциплины, осуществляющей эти функции, назовем ли мы ее социологией или абракадаброй, невозможно получить адекватное знание о важных социокультурных феноменах. Даже такое, как может показаться, малозначительное явление, как самоубийство, не может быть адекватно понято, особенно в том, что касается его причин, без изучения его в рамках социокультурного пространства человека в целом. Дабы четче прояснить вопрос о функциях социологии, остановимся для краткого анализа на проблеме самоубийств и его причинах. Это явление рассматривается биологией и медициной, психиатрией, психологией, историей, экономикой, политологией, правом, этикой и другими биологическими, социальными и гуманитарными дисциплинами. Каждая из них пытается найти причины в своей собственной области. Биологи и врачи общего профиля ищут их в плохом здоровье и прочих биологических условиях; психиатры, специалисты в области психических патологий и расстройств, и психологи — в том или ином болезненном опыте, подобно безответной любви, разочарованиям, страху скандала или наказания и т. д. Географы ищут причины в климатических и других подобных им условиях; экономисты — в экономических факторах, подобно бедности, депрессиям и банкротству. До определенной степени каждая из этих теорий верна. Но ни одна из них не является адекватной, поскольку не может объяснить целый ряд фундаментальных свойств самоубийств, таких, как тип людей, их совершающих, частота их распределения в различных обществах, периоды возрастания и убывания, и т. д.

История вообще не может ответить на эти вопросы, она просто описывает уникальные или непохожие на другие случаи самоубийства в различных исторических периоды. Описание условий, при которых Сенекa вскрыл себе вены, не является причинным анализом и даже не претендует на это. Когда указывают на несчастную любовь или психическое заболевание, то и это не является причиной, поскольку миллионы людей в подобных обстоятельствах не совершали самоубийств. То же самое можно сказать о любом отдельном случае самоубийства, изучаемом в соответствии с какой-либо одной из специальных дисциплин. Простое частное исследование того или иного случая не вскрывает его причины, поскольку у нас нет должных когнитивных условий для того, чтобы найти одну постоянную причину среди сотен переменных. Самоубийство же следует исследовать как феномен, который повторяется в разных обществах и в различные периоды. В таком качестве оно становится не отдельным случаем, а родовым процессом или типичным феноменом, существующим всегда и повсюду. Если его рассматривать таким образом, то мы получим данные о его частотности в различных группах и периодах. Имея эти данные, мы можем проверить специальные теории врачей, биологов, психологов, психиатров, экономистов

и географов. Проверка показывает, что их теории содержат в лучшем случае лишь небольшую часть правды, но далеко не всю правду.

Возьмем, к примеру, экономическое объяснение причин самоубийств. Проведенное В. Херлбартом исследование самоубийств в Соединенных Штатах в 1902—1925 годах на первый взгляд поддерживает теорию об экономических причинах самоубийств¹. Кривая флуктуаций бизнеса и кривая самоубийств в Соединенных Штатах в эти годы кажутся хорошо синхронизированными, периоды депрессии сопровождаются увеличением числа самоубийств, а периоды процветания — их уменьшением.

Близкие результаты были получены Л. Даблином и Б. Бунзелем в 1910—1931 годах. Коэффициент корреляции между месячным индексом бизнеса и месячным индексом самоубийств в период 1910—1931 годов относительно высок. С. Крѐзе, Э. Морселли, Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс отметили такое же возрастание самоубийств во время периодов депрессий. М. Хальбвакс обобщил значительное число данных, указывающих на такое же отношение между периодами депрессии и самоубийств в Пруссии, Германии, Австрии и Франции. В Австрии крах 1872 года сопровождался увеличением числа самоубийств примерно на 50 процентов. В Пруссии и Германии кривая самоубийств с 1881 по 1913 год двигалась в обратном направлении по отношению к кривой цен и параллельно с числом банкротств и финансовых крахов².

Хотя может показаться, что циклы самоубийств обусловлены и в достаточной степени объясняются экономическими причинами, несколько более строгий анализ свидетельствует, что такая трактовка является лишь частичной правдой. Во-первых, даже в этих данных связь между самоубийством и бедностью или финансовым стрессом далеко не убедительна. Ни одно из этих исследований не дает высокого коэффициента корреляции между двумя явлениями. Поэтому для того чтобы объяснить флуктуации кривой самоубийств, нужен учет и других факторов. Во-вторых, если бы экономические причины были на самом деле главными факторами самоубийств, то должно было бы ожидать, что самоубийства будут иметь тенденцию к уменьшению в данной стране при улучшении ее экономического благосостояния. Действительное положение дел совершенно иное. Почти во всех европейских странах реальная заработная плата и уровень жизни поднялись на 200—300 и более процентов в течение XIX века, особенно во второй его половине. Однако кривая самоубийств почти во всех этих странах не опустилась, а, напротив, поднялась именно в этот период. За последние шестьдесят или семьдесят лет процент самоубийств на 10 тысяч жителей поднялся в Италии от 2,8 до 8,3 %, во Франции — от 7,1 до 23, в Англии — от 7,3 до 11, в Пруссии — от 10,6 до 20,5, в Соединенных Штатах — от 3,18 (в 1860 г.) до 11,9 % (в 1922 г.). Лишь в Германии, Норвегии, Швейцарии и Дании кривая самоубийств двигалась хаотично³. Во всех этих странах уровень жизни существенно возрос с 1840 по 1914 год.

Такая зависимость сразу показывает, что долговременные тенденции самоубийств не объясняются экономическими факторами бедности и процветания. К тому же выводу мы приходим, когда рассматриваем

¹ *Hurlburt W. C. Prosperity, Depression, and the Suicide Rate // American Journal of Sociology. 1932. V. 37. P. 102. Ср.: Dublin L. I., Bunzel B. To Be or Not To Be. N. Y., 1933.*

² *Hallwachs M. Les Causes du Suicide. P., 1930. P. 102.*

³ *Ferri E. A Century of Homicides and Suicides in Europe // Bulletin de l'Institut International de statistique. P. 433; Bonger W. A. Le suicide comme phenomene social // Revue de l'Institut de Sociologie. 1936. V. 16. P. 322—323; Sorokin P. A., Zimmerman C. Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y., 1929.*

распределение и частоту самоубийств по странам и регионам. Многие аграрные страны, такие, как Балканские государства или Россия, в XIX веке были беднее, чем западные индустриальные страны. И однако число самоубийств в этих более бедных странах было ниже, чем в странах процветающих. В средние века Европа была экономически беднее, чем в XIX или XX столетиях, однако число самоубийств в средневековой Европе, похоже, было очень незначительным. Более того, если бы экономическое процветание было главным противодействующим фактором, а бедность — главной причиной, мы должны были бы ожидать, что бедные люди регулярно давали бы большее число самоубийств, чем богатые. Однако данные свидетельствуют совершенно о другом. С уверенностью можно констатировать, что преуспевающие, особенно очень богатые люди имеют тенденцию к большему числу самоубийств, чем бедные¹.

Этих наблюдений достаточно, чтобы утверждать, что экономические факторы сами по себе не объясняют ни распределение самоубийств, ни их основные тенденции и флуктуации. Они определяют лишь некоторые малозначительные флуктуации в определенные периоды и в определенных странах (главным образом индустриальных и экономически развитых), но не более того².

Любая теория, пытающаяся объяснить явление лишь с помощью одного отдельного фактора, не уделяя должного внимания данному обществу и культуре в целом, — ошибочна. Каким бы убедительным на первый взгляд ни было объяснение самоубийства в терминах физиографических факторов, таких, как климат или времена года, более глубокий анализ этого явления показывает, что ни климат, ни смена времен года, ни долгота и широта не являются действительными причинами этого социального феномена. Самоубийства имеют достаточно общие сезонные флуктуации, которые достигают своего максимума в мае или июне в европейских странах; но причина их увеличения в эти месяцы скрыта не в погоде или температуре, а в интенсивности социальной жизни и социальных конфликтов. Если кривая самоубийств падает до минимума во время июля, августа и сентября, причина опять-таки кроется не в климате или других физиографических факторах, а в ослаблении социальной жизни (отпуска и т. п.) и уменьшении социальных поводов к самоубийствам³. Хотя климат и другие географические факторы могут вносить свои коррективы, они сами по себе не являются основными и никоим образом не могут объяснить распределение самоубийств в пространстве или их флуктуацию во времени.

Теории врачей, психиатров и психологов содержат одну и ту же ошибку. Долгое время эти люди пытались объяснить самоубийство,

¹ См. данные по профессионально-экономическим классам в: *Sorokin P. A., Zimmerman C. Principles... Ch. 7.*

² Однако даже в таких незначительных флуктуациях каузальная роль сведена не непосредственно к экономическим факторам, как таковым, а к социальной дезорганизации, проявлениями которой являются депрессии, банкротства и внезапные экономические изменения, приводящие к последующей психосоциальной изоляции. Это подтверждается тем фактом, что не только глубокая депрессия, но и неожиданное экономическое процветание часто сопровождаются увеличением самоубийств. С другой стороны, когда внезапные изменения экономики не вызывают социальную дезорганизацию и не ведут к психосоциальной изоляции индивидов, они и не стимулируют увеличения самоубийств.

³ О космических теориях самоубийств см.: *Morselli H. Suicide. N. Y., 1882.* Великолепную критику подобной интерпретации см.: *Durkheim E. Le Suicide. Ch. 3.*

исходя из того, что это — болезнь, которая проистекает из психического состояния, расстройства или ненормальности. "Самоубийство — суть всегда болезнь и акт умственного отчуждения". Такова их формула¹. Главным аргументом в пользу таких теорий является утверждение о высоком проценте психической ненормальности среди лиц, совершающих самоубийства (в некоторых случаях говорится о 100 процентах), а также о параллелизме кривой самоубийств и психических заболеваний. Хотя некоторые приводимые данные являются бесспорными, интерпретация же этих фактов сомнительна, главный тезис невероятно преувеличен, а большая часть свидетельств ошибочна.

1). Процент психически ненормальных лиц среди жертв самоубийств, видимо, в большинстве случаев был чрезвычайно преувеличен. Когда были проведены более точные ретроспективные исследования, то предыдущие цифры были снижены до весьма низкого удельного веса — 10 % или даже менее того². 2). Природа многих психических заболеваний до сих пор еще не ясна и не поддается четкому диагнозу. Поэтому существует большая неопределенность даже в тех случаях, когда индивид предположительно диагностируется как психически ненормальный. Нередко сам факт того, что человек совершил самоубийство, подстрекает к автоматическому диагнозу о его ненормальности. 3). Какое психическое состояние является или не является ненормальным, зависит, с некоторыми исключениями, такими, как идиотия, от социокультурных условий. В этом смысле оно чисто условно и не может быть диагностировано психиатром; скорее оно напрямую зависит от преобладающих социальных норм. Психические процессы, рассматриваемые врачами как патологические, могут быть в других обществах расценены как вполне нормальные, даже более того, как блестящие, добродетельные, святые, вдохновенные или героические. По мнению многих психиатров, большинство святых и мистиков средневековья были ненормальными и больными людьми, которые в то время рассматривались как святые или одаренные и в таком качестве весьма почитались³. В связи с этой условностью резонно поставить под вопрос утверждение, что такие явления, как меланхолическая депрессия, суицидальная мания, истерия, хронический бред, перевозбужденность и даже так называемое умопомешательство, обязательно являются формами психического заболевания, поскольку соответствующий стандарт поведения не может быть нормой сам по себе, а отражает лишь норму определенной культуры. Если известный процент тех, кто совершает самоубийство, обнаруживает эти черты, то это не обязательно означает, что эти люди с нарушенной психикой⁴. Это также объясняет предположительно высокий

¹ Bourdin. Du suicide considéré comme maladie. P., 1845; Bayet A. Le Suicide et la morale. P., 1922.

² Kröse S. J. Die Ursachen of Selbstmordhäufigkeit. Freiburg, 1906; Die Selbstmorde, 1893—1908 // Vierteljahrhefte zur Statistik des deutschen Reichs. B., 1910. Bd. 1.

³ О том, что является, а что не является психическим заболеванием и о зависимости диагноза от социальных условий см.: Benthley A. Mental Disease. N. Y., 1934; Benedict R. The Patterns of Culture. Boston, 1934. Ch. 1—2.

⁴ Согласно основным нормам современной психиатрии, идеальное психическое здоровье, похоже, совпадает с полной умственной посредственностью: человек должен быть интеллектуально не слишком блестящим, не слишком скучным; достаточно, но не слишком, эмоциональным и т. д. Большинство гениальных людей считалось бы ненормальными, психически неуравновешенными людьми. Это показывает относительность психиатрических норм психического здоровья и нездоровья.

процент психически ненормальных лиц среди тех, кто совершает самоубийство. 4). Из самого факта наличия определенной психической ненормальности не следует, что она суть причина самоубийств. Психические болезни часто не наследуются, а приобретаются; они являются результатом определенных социальных условий, в которые помещена жертва. Во многих случаях социальные условия (А) одновременно порождают рост психической ненормальности, такой, как меланхолическая депрессия (В), и тенденцию к самоубийству (С). В таких случаях В не является причиной С, но и В, и С являются следствиями общей причины А (заданных социальных условий). Тщательное исследование обнаруживает во многих случаях отношение такого рода, но не поддерживает слишком упрощенную интерпретацию, свойственную психиатрической теории. 5). Подавляющее большинство данных, полученных из непосредственных наблюдений, явно опровергает психиатрическую теорию в ее гипертрофированных формах. Исследования Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, С. Крѐзе и других показывают, что страны, регионы или классы, которые дают большее число психических болезней, не показывают большего числа самоубийств, и наоборот. Отношение между этими двумя явлениями не обнаруживает позитивной корреляции или связи. В большинстве европейских стран самоубийства и психические заболевания имели тенденцию к возрастанию в течение последних 80—90 лет, но их рост не был ни параллельным, ни взаимно последовательным. Более того, исходя из норм психиатрии, население в средние века было психически более ненормальным (такой вывод можно сделать по волнам возникновения психических “эпидемий”, бичевания, мистицизма, экстазов, массовой истерии и т. д.), чем население нашего столетия. Однако нет основания полагать, что самоубийства в средние века были более частым явлением, чем в наши дни; на самом деле по логике вещей их число было гораздо ниже, чем, скажем, в XIX веке. Такие факты опровергают преувеличенные утверждения психиатрических теорий и показывают их неспособность объяснить существенные черты самоубийства, его распределение в обществе или флуктуации во времени¹.

Предыдущие критические замечания по поводу психиатрической теории применимы также, с небольшими модификациями, к медицинским теориям самоубийств (плохое здоровье, плохие санитарные условия и т. п.). У нас нет оснований предполагать, что здоровье современного населения Запада хуже, чем в средние века. Однако число самоубийств в XIX—XX веках было больше, чем в средневековье. Мы опять же не можем с полным основанием утверждать, что здоровье европейцев или американцев конца XIX века и в предвоенные годы начала XX века было хуже, чем в 1700—1850 годы. По крайней мере, медицинская наука с энтузиазмом проповедует, что на протяжении последнего столетия происходило постепенное улучшение здоровья, снижение смертности и заболеваемости и увеличение продолжительности жизни. Если это так, то тогда увеличение числа самоубийств среди населения в наше время определенно противоречит теории плохого здоровья как причины самоубийства. Более того, вряд ли можно говорить о том, что здоровье англичан или немцев хуже, чем здоровье испанцев или итальянцев. Однако с конца XIX века первые две нации показали заметно более высокий процент самоубийств, чем две последние².

Б). Теория самоубийств Эмиля Дюркгейма. Приведенные соображения свидетельствуют о том, что никакие каузальные теории само-

¹ См. критику теории: *Durkheim E. La Suicide. Ch. 1; Hallbwachs. Les Causes du suicide. Ch. 13.*

² См. сравнение уровней самоубийств в цитированных выше трудах.

убийств, которые игнорируют социальную организацию и культурные образцы, не вскрывают сути феномена. Что же тогда объясняет его распределение в пространстве и флуктуации во времени? Похоже, что Э. Дюркгейм вполне удовлетворительно разрешил эту проблему. Смысл его теории заключен в целостном рассмотрении соответствующего общества и его культуры в качестве причин самоубийств. Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, то тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат; они свободны от чувств психосоциальной изоляции, одиночества или забытости. Такой тип организации оказывает мощный ингибирующий эффект на тенденцию к совершению самоубийств. Культура такого общества действует в том же направлении. Поскольку общество интегрировано и поскольку это единство ощущается его членами, его культура также является единой. Ее ценности принимают и разделяются всеми его членами, рассматриваются как надындивидуальные, бесспорные и священные. Такая культура не поощряет самоубийства и становится мощным антисуицидальным фактором. Напротив, общество с низкой степенью сцепления, члены которого слабо связаны между собой и с референтной группой, общество с запутанной сетью социальных норм, с "атомизированными", "релятивизированными" культурными ценностями, не пользующимися всеобщим признанием и являющимися делом простого личного предпочтения, — такое общество является мощным генератором самоубийств, независимо от климатических или экономических условий и состояния психического и физического здоровья его членов. Такова суть дюркгеймовской гипотезы. Она рассматривает данное общество и культуру как нечто целое и пытается таким образом объяснить распределение самоубийств в пространстве и во времени.

Каковы в таком случае факты, подтверждающие теорию? Их так много и они столь убедительны, что делают теорию Э. Дюркгейма более адекватной и валидной, чем любую другую теорию самоубийства.

1). Факторы социокультурного сцепления и психосоциальной изоляции объясняют, почему в данном обществе разведенные дают большее число самоубийств, чем просто одинокие; а одинокие — больше, чем женатые; бездетные семьи дают более высокий процент, чем семьи с детьми; и, наконец, чем больше число детей в семье, тем ниже в них число самоубийств. Разведенные люди более, чем кто-либо, изолированы психосоциально, в особенности в прошлом, когда развод был скандальным происшествием, ведущим к социальному ostracism. Наименее изолированными являются семьи с большим числом детей, члены которых связаны друг с другом самыми тесными узами. 2). В свете этой теории легко понять, почему аграрные классы демонстрируют более низкое число самоубийств, чем городские; почему среди различных занятий те, которые лучше интегрируют людей, дают более низкое число самоубийств, чем менее интегрированные и более индивидуалистичные профессиональные группы; почему обеспеченные люди дают большее число, чем бедные; и почему особенно высокое число самоубийств типично для бродяг и других лиц без каких-либо постоянных занятий или связей. 3). Теория объясняет также, почему в странах, где общинный и "семейный" типы организации сохраняются (как во многих преимущественно аграрных странах, слабо индустриализированных и урбанизированных), число самоубийств имеет тенденцию к уменьшению,

в отличие от высокоурбанизированных, индустриализированных и "индивидуализированных" стран, несмотря на то что последние могут быть экономически более преуспевающими, чем первые. 4). Факторы социокультурного сцепления и психосоциальной изоляции объясняют также, почему атеисты и неверующие (то есть люди, не связанные религиозными узами) дают большее число самоубийств, чем люди, инкорпорированные в ведущие религиозные организации, и почему среди последних католики и православные христиане, ортодоксальные иудаисты дают меньшее число самоубийств, чем более свободно мыслящие и менее догматичные протестанты. 5). Теория объясняет, почему в XIX—XX веках кривая самоубийств возрастает именно в большинстве европейских держав. 6). Теория Э. Дюркгейма объясняет также, почему с началом крупных социальных движений (будь то народная война, революция или реформа) кривая самоубийств неожиданно падает, поскольку чувство индивидуального уступает место чувству совместной принадлежности общему делу, и почему она снова возрастает к концу движения, когда чувство социальной целостности исчезает и вновь появляется психосоциальная изоляция. 7). Она показывает, почему периоды внезапных разрывов социальных связей, происходящих, например, во время экономических кризисов, сопровождаются ростом самоубийств. 8). Она демонстрирует также, почему среди мужчин число самоубийств больше, чем среди женщин. 9). Она объясняет годовые и дневные кривые самоубийств. 10). Она объясняет, почему даже в современном обществе физически и психически больные показывают несколько более высокий процент самоубийств, чем нормальные люди; болезнь и ненормальность часто усиливают психосоциальную изоляцию таких людей¹.

Все эти и многие другие черты феномена самоубийства, как, например, распределение среди различных групп населения и флуктуации во времени, становятся понятными в свете этой теории. Повторим: не рассматривая всего характера данной социальной организации и культуры, мы не можем понять распределение частоты самоубийств и их динамику. Специализированный "атомистический" подход позволяет в лучшем случае понять отдельные стороны явления и никогда — его причины. Отсюда — когнитивная потребность целостного рассмотрения общества, а это — исходная точка зрения социологии.

§ 7. Пределы возможностей специальных дисциплин

То, что было сказано о причинах самоубийств, еще более последовательно применимо к анализу причин преступлений, революций, войн и практически ко всем другим социокультурным феноменам. Если их не исследовать как *повторяющиеся* явления, рассматриваемые одновременно в матрице общества и культуры, ни одно из них нельзя адекватно понять или обнаружить его истинные причины. Например, если задаться вопросом, почему уровень преступности в Соединенных Штатах выше, чем в ряде других стран, каковы причины флуктуаций определенного преступления или всех преступлений, вместе взятых, или

¹ См. анализ этой теории в цитированных выше трудах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Сорокина, К. Циммермана, С. Крёзе и других.

почему строгость наказания за различные преступления то возрастает, то уменьшается, то ни один из этих вопросов не может получить правильного ответа без изучения преступности как перманентного фактора в общей структуре рассматриваемых обществ и их культуры. Можно с уверенностью утверждать, что никакая специальная причинная теория преступности — биологическая, психиатрическая, экономическая, географическая, экологическая, образовательная — не может адекватно объяснить, почему определенные действия рассматриваются как преступные, а другие как нормальные. Неадекватность таких односторонних теорий непосредственно связана с их "атомистическим", сингулярным однобоким подходом, игнорирующим целостный анализ общества и культуры. Это еще более справедливо по отношению к таким глобальным социокультурным феноменам, как войны и революции. Даже дискретные явления, изучаемые с позиций экономики или политологии, права или этики, искусств или истории, не могут быть полностью поняты без рассмотрения тех социокультурных созвездий, в которых они происходят. К. Маннгейм правильно отмечает, что, например, в политологии "рано или поздно сталкиваешься с вопросом, почему страны в один и тот же период времени и на одной плоскости развития имеют совершенно различные типы конституций и формы правления и почему экспорт технологии и конституции из одной страны в другую приводит к изменению их формы в той стране, куда они попадают?.. Таким образом, политолог оказывается отброшенным к неизвестным сущностям, которым он навешивает либо ярлык "национального духа", либо ярлык "культурного наследия людей". Это означает, что необходимо рассматривать общество и культуру как целое. То же самое происходит, когда он рассматривает проблему власти и господства или многие другие экономические проблемы... Становится, например, все более очевидным, что выбор, совершаемый индивидами, когда они выступают как потребители, не является произвольным, а, напротив, соответствует определенным коллективным стандартам, которые... детерминируются неэкономическими, "социальными" факторами. *Какими же социальными факторами?* Чтобы ответить на этот и подобные вопросы, экономист, как и политолог, действует, как будто существует некая теория постоянных и переменных, объясняющая формирование человеческих потребностей"¹. Иными словами, вновь необходим выход за рамки специальной дисциплины.

В медицине существует процедура, которую обычно проделывает каждый компетентный врач: перед тем как диагностировать болезнь пациента, он исследует весь организм в целом и знакомится с историей его жизни. В социальных науках эта процедура, к сожалению, почти отсутствует, ибо ее необходимость еще не осознана. Как и в медицине, специализированный подход здесь становится плодотворным и разумным, лишь когда во внимание принимается все социокультурное пространство. В противном случае науке уготована судьба быть неадекватной и ложной. В большой семье общественных наук социология играет именно эту роль. Вышесказанное в достаточной мере демонстрирует специфические функции социологии в системе социальных и гуманитарных наук, конкретные ипостаси этих функций, и, наконец, необходимость такой науки, независимо от того, как она называется — социологией или абракадаброй.

¹ *Mannheim K. The Place of Sociology // Conference in the Social Sciences: The Relations in Theory and in Teaching. L., 1935. P. 31; Weber M. Wirtschaftssoziologie // Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922; Löwi A. Economics and Sociology. L., 1935.*

§ 8. Социология как особая наука

Хотя социология является наукой генерализующей, имея дело с целостным социокультурным пространством, это еще не означает, что она занимается энциклопедическим исследованием всех социальных наук или что она составляет их философский синтез. Исследование общих и характерных свойств, отношений сходства социокультурных явлений предполагает такую же специализацию, как и изучение их уникальных или сегментарных черт и отношений. *Несмотря на свою генерализующую природу, социология остается строго специальной наукой.* Хотя президент или казначей фирмы имеет дело со всей компанией в целом, это не означает, что его работа не является специализированной или что он выполняет работу за всех сотрудников фирмы. По той же причине социология, изучающая целостное социокультурное пространство, не пытается выполнить миссию остальных социальных наук.

Как задача казначея или президента не является невыполнимой, так и задачи генерализующих наук, таких, как физика и химия, которые имеют дело с регулярными свойствами и отношениями всего материального пространства, общая биология, которая изучает свойства и повторяющиеся отношения живого мира, или социология, которая делает то же самое, но по отношению к надорганическому миру, не являются невыполнимыми. Эти задачи вовсе не обязательно превосходят возможности отдельной науки. Возможно, они более трудны, чем задачи одной очень узкой специальности, но то, что они никоим образом не являются невыполнимыми, подтверждается самим фактом существования этих дисциплин.

§ 9. Взаимозависимость между социологией и другими науками

В своих генерализующих функциях социология зависит от открытий в других специальных науках; но каждая наука, в свою очередь, зависит от смежных с ней наук, а специальные науки — от генерализующих, причем в не меньшей, если даже не в большей степени. Физики привлекают математику, механику, геометрию и химию, а каждая из этих дисциплин использует другие науки. Ученому немислимо работать над любой проблемой, не апеллируя к открытиям других дисциплин и ученых. Ни одна специальная проблема физики или химии не может быть разрешена без знания этих генерализующих дисциплин. То же справедливо и в отношении специальных проблем биологии и основных принципов общей биологии. Специальная наука геология гораздо больше зависит от общей физики, химии и биологии, чем сами эти науки зависят от геологии.

Точно так же, если социология зависит от истории, экономики, политологии и других отдельных общественных дисциплин, то и все они в не меньшей мере зависят от генерализующей науки социологии. Социологические теории Платона и Аристотеля оказали огромное влияние на политическую, экономическую, правовую, историческую и другие специальные дисциплины, причем их влияние ощущимо вплоть до сегодняшнего дня. То же касается и обобщающих выводов Августина и Фомы Аквинского, Гоббса и Макиавелли, Ибн Халдуна и Вико, Монтескье и Локка, Руссо и Боссюэ, Конта и Спенсера, Гегеля и Маркса, Шпенглера, Дюркгейма, Тарда, Вебера и Парето. Можно цитировать сотни

исторических, экономических, политических, антропологических, психологических, лингвистических и даже синологических работ, написанных на основе социологических выкладок Августина, Аквината, Макиавелли, Гоббса, Гегеля, Спенсера, Конта или Маркса. Возникновение любой важной социологической системы всегда оказывало влияние на всю систему отдельных дисциплин, на их ведущие принципы, интерпретации, изучаемые проблемы, методы и технику исследования. Почти все специальные гуманитарные и социальные дисциплины второй половины XIX века строились на гегельянских или конто-спенсеровских принципах. Позже они оказались под огромным влиянием марксистской социологии в области экономической интерпретации данных, тардовско-дюргеймовских, веберовских, паретовских и шпенглеровских социологических принципов и методов.

Более того, возникновение социологии как систематической науки привело к "социологизации" всех специальных дисциплин на протяжении последних нескольких десятилетий. Их содержание, методы, интерпретации, включая даже те, чьи авторы враждебно относились к социологии, становились все более социологическими и привели к возникновению во всех этих дисциплинах социологических или же институциональных школ: в юриспруденции и истории (так называемая социальная история), в экономике и политологии, в антропологии и психологии (социальная психология), в науках, изучающих искусство и мораль, религию и даже логику. Подобная "социологизация" этих дисциплин является красноречивым свидетельством влияния на них социологии. Зависимость между социологией и другими социальными дисциплинами является обоюдосторонней, то есть это скорее взаимозависимость, а не одностороннее влияние социологии на другие науки.

Как генерализующая дисциплина общая социология должна быть достаточно абстрактной и теоретической, и по этой причине может казаться многим "практичным людям" нерациональной академической специальностью, оторванной от конкретной реальности и лишенной практической утилитарной ценности. Здесь так же, как и во всех подобных рассуждениях "слишком" практичных людей (которые, кстати, по мнению Лаоцзы, являются самыми непрактичными), ошибка совершенно очевидна. Математика является, вероятно, самой абстрактной и теоретической дисциплиной из всех наук. Однако ее практическое значение не ставится под сомнение. Алгебра явно более абстрактная дисциплина, чем арифметика, но никто не делает из этого вывод, что она менее практически значима, чем арифметика! Общая теоретическая физика, химия и биология гораздо более абстрактны и "непрактичны", чем поваренная книга или инструкция к "шевроле" или другому автомобилю. Однако без теоретической физики, химии и биологии ни автомобиль, ни хорошая поваренная книга не могут быть произведены на свет. То же верно и в отношении социологии как генерализующей, теоретической и абстрактной дисциплины. Ее практическое влияние — благотворно оно или нет сейчас, это не принципиально, — было весьма впечатляющим. В большинстве великих социальных революций, реформ и реконструкций именно социология того или иного рода была ведущей идеологией и направлением. Социология Локка сыграла эту роль в революции 1688 года при установлении либерально-демократического режима в Англии; труды Вольтера, Руссо и других энциклопедистов сыграли ту же роль во Французской революции 1789 года и в последующие годы. В наше время марксистская социология была ведущим ин-

теллектуальным направлением и "святыней" коммунистической революции в России; расистские социологии А. Гобино, Х. Чемберлена и других стали кредо нацистского путча и третьего рейха. От социологии Конфуция до социологии настоящего времени практическое действие этой науки было очень заметным (хотя речь часто шла об ошибочных социологиях, а не о валидных). Сказанного достаточно, чтобы развеять иллюзии слишком практичных людей относительно утилитарной ценности социологии.

Подведем итог: социология — это генерализующая наука о социокультурных явлениях, рассматриваемых в своих родовых видах, типах и разнообразных взаимосвязях.

§ 10. Общая и специальная социология

Социология, подобно биологии, которая делится на общую и специальную (ботаника, зоология и др.), и подобно экономике, которая также состоит из общей и специальной экономики (банковское дело и деньги, транспорт и сельское хозяйство), может быть поделена на общую социологию и специальную. Общая социология изучает а) родовые свойства всех социокультурных явлений в их структурных и динамических аспектах, б) повторяющиеся взаимосвязи между социокультурными и космическими явлениями; собственно социокультурные и биологические феномены; различные подклассы социокультурных явлений.

Общая структурная социология изучает а) структуру и состав родовых социокультурных явлений (подобно изучению структуры клетки как явления жизни или атома в физике); б) основные структурные типы групп или институтов, в соответствии с которыми дифференцируется и стратифицируется население, и их взаимоотношения; в) основные структурные типы культурных систем и их взаимоотношения; г) структуру и типы личности, входящие в состав социальных групп и культурных систем.

Общая динамическая социология исследует а) повторяющиеся социальные процессы, такие, как социальный контакт, взаимодействие, социализация, конфликт, господство, подчинение, адаптация, амальгама, миграция, мобильность; далее, она изучает, как рождаются социальные системы, как они приобретают и теряют членов, как последние распределяются в рамках всех социальных структур, как становятся организованными или дезорганизованными и как все эти процессы воздействуют на людей, в них вовлеченных; б) повторяющиеся культурные процессы — изобретение, диффузия, интеграция и дезинтеграция, конверсия и аккумуляция культурных образцов и систем, их воздействие на формирование личности; в) ритм, темп, периодичность, тенденции к флуктуации в социальных и культурных процессах, социокультурные изменения и эволюция; г) происходящие в людях повторяющиеся социокультурные процессы. То есть общая динамическая социология исследует, как и почему люди меняются.

Специальные социологии. Каждая из них, по сути, делает то же самое, но в отношении специального класса социокультурных явлений, избранного для тщательного изучения. Самые развитые специальные социологии в настоящий момент это: демографическая социология, аграрная социология, урбан-социология, социология семьи, права, религии, знания; социология войны, революции, социальной дезорганизации; социология преступления и наказания (криминология); социология искусств; экономическая социология и некоторые другие.

В схематической форме главные разделы в социологии могут быть представлены следующим образом¹.

Общая структурная
социология

Теория о:
а) социальных системах
и скоплениях;
б) культурных системах
и скоплениях;
в) личностях в их
структурном
аспекте, основных
типах их
взаимоотношений.

Общая
динамическая
социология

Теория повторяюще-
гося в:
а) социальных
процессах
и изменениях;
б) культурных
процессах
и изменениях;
в) личностных
процессах
и изменениях
в их типах,
взаимоотношениях,
ритмах,
тенденциях
и причинных
факторах.

Специальная
социология

Теория структуры
и динамики
соответствующего
класса
социокультурных
явлений,
изучаемых
в их родовых
и повторяющихся
аспектах
и отношениях.

Это разграничение социологии является логически более адекватным² и лучше соответствует тому, чем является социология на самом деле. Определение ее как науки "о культуре", "об обществе", "о человеческих отношениях" и т. п. представляется слишком общим. Они не указывают на специфические черты социологии и не отличают ее от других социальных наук, хотя, с другой стороны, значительная часть этих определений прекрасно вписывается в верхнюю таблицу.

Таблица дает логическую структуру социологии как научной дисциплины независимо от того, кто проводит исследования — профессиональный социолог или историк, экономист или инженер. Из того, что сэр Исаак Ньютон написал свои "Principia"^{3*} и "Наблюдения над пророчествами Даниила", не следует, что обе эти работы принадлежат одной науке; первая является великим

¹ Можно легко заметить, что в этом делении социологии на структурную и динамическую я следую контовскому делению социологии на социальную статику и динамику. До сего времени это было самым плодотворным из всех классификаций.

² Теоретическая социология изучает социокультурное пространство как такое. Она отличается от *нормативной* социологии, которая создает идеал социокультурного мира, такого, каким он должен быть, и от *практической* или *прикладной* социологии, которая, как медицина или агрономия, занимается научной систематизацией наиболее эффективных путей и способов реализации определенной цели — ликвидации бедности, войн и т. д. О различии между теоретической, нормативной и прикладными дисциплинами см. мою: *Sociology and Ethics // Ogburn W. F., Goldenweiser A. The Social Sciences and Their Interrelations. Boston, 1927.*

³ * Имеется в виду главный труд И. Ньютона "Принципы философии", где изложены его философские и методологические взгляды.

трудом по механике, вторая — по теологии. Многие важные социологические работы были написаны историками (Ф. де Куланж), инженерами (Ф. Ле-Плей и Герберт Спенсер) или математиками (Огюст Конт). Многие социологические обобщения обнаруживаются в трудах по истории, философии, экономике и другим наукам. И наоборот, некоторые профессиональные социологи написали книги, которые отнюдь не принадлежат к области социологии, а попадают в область какой-то иной науки. Даже в учебниках по социологии можно найти большие разделы, которые относятся к досоциологии или к другим дисциплинам. Эту разницу между логической природой социологии и профессиональным авторством в социологическом исследовании необходимо ясно сознавать¹.

§ 11. Методы и основные принципы

По существу, методы и основные принципы социологии являются теми же, что и в науке в целом. Но каждая фундаментальная наука модифицирует эти принципы, методы и технические процедуры в соответствии с природой изучаемых явлений. Например, принципы и методы химии отличаются от принципов и методов физики и биологии.

Равным образом и социология разработала свою собственную модификацию принципов и методик, которые следует использовать с учетом особого характера социокультурных процессов, в особенности таких их компонентов, как значение-ценность-норма. Она оперирует такими категориями, как причинность, время, пространство, но способом, существенно отличающимся от естественных наук. В исследованиях социологи используют логико-математический и силлогистический дедуктивный методы; умеренно применяют интуитивное прозрение (правда, всегда верифицируя его другими методами); широко употребляют эмпирическое наблюдение во всех его формах, начиная от индукции, статистического анализа и кончая клиническим наблюдением и даже экспериментом. В то же время они постоянно модифицируют все эти методы и технику так, чтобы можно было приспособить их к специфическому характеру надорганической вселенной².

¹ О социологии как науке см.: *Sorokin P. A. Sociology as a Science. Rice S. What is Sociology // Social Forces. 1931. V. 10*; см. также: *Ogburn W., Goldenweiser A. The Social Sciences and Their Interrelations. Boston, 1927*; *Wiese L. von. Sociology. N. Y., 1941*.

² О методе см.: *Durkheim E. The Rules of Sociological Method. Chicago, 1938*; *Ellwood C. Methods in Sociology. Durham, 1933*; *Znaniecki F. The Method of Sociology. N. Y., 1934*; *Methods in Social Sciences / Rice S. (Ed.) N. Y., 1931*; *Sorokin P. A. Sociocultural Causality, Space, Time. Durham, 1943*; *MacIver R. M. Social Causation. Boston, 1942*; *Fields and Methods of Sociology. N. Y., 1933*; *Pareto V. Mind and Society. N. Y., 1935. V. 1. Ch. 1*; *Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig, 1883*; *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922*; *Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. N. Y., 1937—41. Vols. 1—4*; *Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant. N. Y., 1927. V. 1*; *Toynbee A. A Study of History. Oxford, 1936. V. 1*; *Greenwood E. Experimental Sociology. N. Y., 1945*.

§ 1. На Древнем Востоке, в Древней Греции и Риме, в средневековой Европе и в мусульманском мире

Хотя слово "социология", введенное Огюстом Контом, имеет сравнительно недавнее происхождение, несистематизированные наблюдения и обобщения социологического характера являются столь же древними, сколь и другие общественные науки. Они содержатся в значительном числе древних манускриптов. Человеческое знание в далеком прошлом было еще не разделено по отраслям и отдельным научным дисциплинам, которые для нас сейчас привычны. Большинство шедевров прошлого содержали в синкретической форме элементы того, что было позднее названо религией, поэзией, философией, естествознанием и социальными науками. Частью эти труды являются совершенно социологическими по своему характеру. Многие фрагменты *конфуцианских текстов* — теории пяти социальных отношений (почтительность к старшим, благотворительность и взаимность как квинтэссенция социальности, ритуал, церемонии, поэзия и музыка как средства социального контроля) — являются не политическими, не философскими по своему характеру, но определенно социологическими. То же самое верно и в отношении ряда текстов даоизма, трудов других китайских социальных философов. Таким же образом многие трактаты древнеиндийских мыслителей, в особенности "Законы Ману", "Бригаспати", "Нарада" и "Установления Вишну", являются крупными социологическими исследованиями, выделяющими повторяющиеся характеристики и отношения, общие для всех или для специфических классов социокультурных явлений¹.

С еще большей уверенностью можно говорить о социологическом крене в трудах греческих, римских и средневековых ученых. Даже мыслители досократовского времени в Древней Греции, такие, как Солон, Парменид, Гераклит, Пиндар и Протагор, предложили много социологических обобщений. "История Пелопоннесской войны" Фукидида содержит разделы, представляющие специальную социологию революции, войны и политических режимов, не говоря уже о его дедукциях по поводу отношений между различными классами социокультурных явлений. "Государство" Платона, его "Законы" и некоторые диалоги, такие, например, как "Политик", так же как "Политика" Аристотеля и в меньшей степени "Никомахова Этика", являются крупными произведениями по общей и специальной социологии, что подтверждается их анализом дружбы как особого типа социальности, дифференциации и стратификации. Дальнейшее доказательство социологического содержания этих произведений можно найти в их общих теориях революции, исследованиях циклов в эволюции политических режимов, корреляций между типами личности, культуры и политическими укладами и т. д. В "Истории" Полибия содержится социологический анализ. Работы Страбона, Варрона, Цицерона, Лукреция, Колумеллы, Птолемея, многих менее известных авторов, таких, как историки Дикеарх, Флор и Диодор Сицилийский, риториков Цензорина, Цельза, Секста Эмпирика, поэта от науки Марка Манилия и других авторов, столь же плодотворны в социологическом отношении. Особенно велик был вклад выдающихся римских

¹ Sarkar B. *The Positive Background of Hindu Sociology*. Allahabad, 1937; Motvani K. *Manu*. Madras, 1934; Granet M. *La pensée chinoise*. P., 1934; Hertzler J. *The Social Thought of the Ancient Civilizations*. N. Y., 1929.

юристов в структурную социологию, а также в то, что сейчас называется "институциональной" и "формальной" социологией. В своих работах, позже объединенных в юстиниановском своде законов, они дали непревзойденный анализ и определение всех основных социальных институтов и основных форм социальных отношений: брака, семьи, государства, собственности и владений и т. д.¹ Социологические исследования были продолжены Августином, Иринеем и другими отцами церкви, работы которых так же, как и работы других средневековых мыслителей (например, Эригена, Исанна Солсберийского, Йоахима де Флора), юристов и схоластиков (например, Данте, Пьера дю Буа, Марсильо из Падуи, Альберга Великого, Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Николая Кузанского и других), содержат ряд социологических наблюдений и обобщений в различных областях социологического знания. Большинство учебников игнорирует средневековье, как будто в нем не было ни политических, ни экономических, ни социологических, ни философских теорий. На самом же деле оно гораздо богаче работами во всех этих областях, чем обычно думают, и нуждается в более тщательном исследовании, чем то, что предпринималось до сих пор².

Однако до XIV века социология едва ли представляла собой систематическую дисциплину. Такой вид она приобрела с написанием в XIV веке "Исторических пролегомен" (1377) великим арабским мыслителем и государственным деятелем Ибн Халдуном (1332—1406). В этом обширном труде Ибн Халдун всесторонне рассмотрел почти все основные проблемы современной общей и специальной социологии в условиях кочевых и цивилизованных обществ. Большие куски этой работы кажутся вполне современными и в настоящее время. Вместе с Платоном, Аристотелем, Вико и Контом Ибн Халдун бесспорно является одним из отцов — основателей социологии (также, как, впрочем, и научной истории). К несчастью, работа Ибн Халдуна оставалась неизвестной западным ученым вплоть до начала XIX века.

§ 2. От Возрождения к Новому времени

С началом Возрождения и Реформации интерес к социологическим проблемам заметно вырос и привел к многочисленным исследованиям на протяжении XVI—XVII веков. Большая часть работ Эразма, Макиавелли, Ботеро, Хольтмана, Фрэнсиса Бэкона, Бодэна, Гаррингтона, Монтеня и Паскаля были социологическими. То же можно сказать и об утопистах Томасе Море, Кампанелле и других теоретиках общественного договора (Альтгусий, Хукере, Суарещ, Марианна, Пунфендорф, Гроциум, Гоббс, Спиноза, Локк), а также и о политических "камералистах", как-то: Дж. Граунт, В. Петти, Дж. Кинг, Депарсье, И. Зюсмилх и др.

Два научных направления XVII и частично XVIII века заслуживают особого упоминания.

Прежде всего, именно в это время возникла так называемая "социальная физика", имеются в виду попытки Декарта Кемберландо, Спинозы, Гоббса, Лейбница, Мальбранша, Беркли и, особенно, Вейгеля

¹ Jaeger W. Paideia. Oxford, 1933—1944. 3 Vols.; Menzel A. Griechische Soziologie. Wien, 1936; Ihering R. Geist des römischen Rechts. B., 1894—1907. 3 Bds.

² Gierke O. Das deutsche Genossenschaftsrecht. B., 1868—1913. 4 Bds.; Janet P. Histoire de science politique. P., 1887; Mellwain C. H. The Growth of Political Thought in the West. N. Y., 1932; Carlyle R. W. and A. A. History of Medieval Political Thought in the West. Edinburgh, 1903—1928. 5 Vols.

построить социальную науку наподобие механистических и количественных методов ньютоновской физики. В "социальной физике" и "социометрике" они стали непревзойденными пионерами всех последующих физических, математических, статистических, бихевиористских и социометрических интерпретаций социокультурных явлений¹.

Вторым важным событием эпохи была публикация двух вариантов "Новой науки" Джанбаттиста Вико (1668—1744). Едва замеченная и мало оцененная при жизни, эта работа Вико получила должное признание лишь в XIX веке как одна из самых важных работ в истории социологии и социальной науки в целом. Это был первый систематический труд по социальной и культурной динамике, и он заслуженно ставит автора в ряд подлинных "отцов" социологии.

В течение XVIII и первой трети XIX века социологические исследования продолжались, делаясь все более разнообразными. Политические "камералисты" этого периода внесли огромный вклад в изучение населения. Достаточно вспомнить знаменитую работу Мальтуса — кульминационный момент исследований этого рода. Физикраты, такие, как Кинэ, Де ла Ривьер, Мирабо и другие, занимались не столько чисто экономическими или политическими вопросами, сколько, и даже в большей степени, базовыми проблемами общества, культуры, законами, управляющими социокультурными явлениями, а также проблемами аграрной и городской социологии.

Среди большого числа социальных мыслителей этого периода именно Монтескье написал первую систематическую социологию права и морали ("Дух законов"); Адам Фергюсон заложил основы в своих работах по общей социологии; Ж. де Местр и Э. Берк явились творцами социологии революции; работы Адама Смита по нравственным чувствам и по социальным аспектам богатства наций стали важной вехой в становлении социологии моральных и экономических феноменов; Вольтер, Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон, Гердер и Гегель заложили фундамент теории социокультурной эволюции и прогресса; Савиньи и Пухта, которые в своих исследованиях возникновения и кристаллизации социальных институтов и права сказали большинство из того, что можно обнаружить в современной социологии народных обычаев и нравов, развитой Спенсером, Самнером и другими; Иеремия Бентам и другие утилитаристы показали роль утилитарных факторов в социокультурных явлениях в целом, а также и в нравственных и правовых явлениях, в частности в форме "моральной арифметики" они пытались количественно проанализировать эти явления и измерить их социометрически. Важный вклад в различные области социологии был внесен также Беккарией, Боссюэ, Руссо, Гриммом, Бризо, Кондильяком, Мабли, Ламетри, Морелли, Юмом, Кантом, Фихте, Блекстоуном, Годвином и многими другими учеными этого периода².

С публикацией "Курса позитивной философии" (в шести томах, 1830—1842) Огюстом Контom (1798—1857) социология обрела свое собственное имя и систему. Конт определял ее как генерализующую науку о социальном порядке (структура) и социальном прогрессе (динамика). Он разделил ее соответственно на социальную статику и динамику. Благодаря великому вкладу в социологию Конт стал одним из ее основателей. Несколько позже, в Англии, существенно важный вклад

¹ Подробнее см.: *Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories*. N. Y., 1928. Ch. 1.

² *Ellwood C. A. A History of Social Philosophy*. N. Y., 1938; *House F. Development of Sociology*. N. Y., 1936.

в развитие социологии внес Герберт Спенсер (1820—1903). Работы Конта и Спенсера, в дополнение к идеям Гегеля (1770—1831), действительно стали краеугольными камнями всей последующей социологии.

§ 3. Новая и современная социология

Постконттовская фаза развития социологии, продолжающаяся и поныне, была столь плодотворна и разнообразна, что здесь можно упомянуть лишь самые выдающиеся моменты.

1). Количество общих и специальных работ по социологии неимоверно возросло во всех цивилизованных странах мира. Появилось значительное число отраслевых социологических журналов и периодических изданий, не только в европейских и американских странах, но также и в Китае, Японии и Индии.

2). В колледжах и университетах вводятся курсы и факультеты социологии, так что социология стала полнокровной дисциплиной в университетских программах. В Соединенных Штатах это проникновение социологии в академический мир было особенно впечатляющим. Сегодня факультеты и социологические курсы находятся на одном из первых мест по количеству студентов. "Академизация" социологии создала потребность в книгах по этому предмету и привела к появлению большого числа социологических текстов, особенно в Соединенных Штатах.

3). Социологи все чаще привлекаются в качестве экспертов в государственных, общественных и частных организациях, а также в область, именуемую социальной работой или службой.

4). В то время как на социологию оказывают давление другие науки — социальные, биологические и физические, она сама со времен Конта все в большей и большей степени влияет на другие социальные, гуманитарные, философские и даже биологические науки. Та или иная "социологическая точка зрения" все больше проникает во все эти дисциплины: историю, экономику, науку управления, психологию, антропологию, религиоведение, эстетику, лингвистику, философию, этику и право. В те десятилетия XIX века, когда доминировали конттовская, спенсеровская и дарвинистская парадигмы социологии, большинство исторических, политических, экономических и других работ писалось в духе конто-спенсеровских теорий позитивизма и прогрессирующей эволюции. Во время же моды на марксизм большая часть работ этих дисциплин несла отпечаток "экономической интерпретации" исторических, психологических, религиозных и философских данных, изучаемых этими дисциплинами. Биология позаимствовала некоторые социологические понятия, такие, как разделение труда, дифференциация, интеграция; более того, биологи все чаще изучают общие и специальные социокультурные факторы, исследуют и социологически интерпретируют многие из своих специфических проблем, особенно в области изучения и лечения болезней. В психиатрии эта зависимость от социологии стала тем более привычной; в других медицинских областях термины "социология венерических заболеваний", "социология эпидемий", "социология болезней сердца" и т. д. недвусмысленно демонстрируют глубину этого влияния. Социология воздействует на иные науки всевозможными путями, причем даже на те дисциплины, представители которых либо пытаются отрицать это влияние, либо попросту занимают враждебную по отношению к социологии позицию.

5). Социология постоянно становится более фактографической и менее спекулятивной наукой; ее исследовательские методы стали более индуктивными, точными и объективными. С усовершенствованием количественного анализа происходило резкое улучшение техники

качественного анализа методов наблюдения и эксперимента в исследованиях социальных и культурных явлений. В результате современная социология гораздо ближе к естественным наукам по объективности, точности и индуктивности, чем большинство других социальных и гуманитарных дисциплин.

б). В то время как современная социология движется к синтезу, она одновременно становится все более специализированной и дифференцированной наукой. Возникают отдельные отрасли социологии, и они, в свою очередь, делятся на более узкие проблемы и отсеки. Специализация зашла так далеко, что для того чтобы прийти к подлинному пониманию всего социокультурного пространства, необходимо осуществить плодотворный и достоверный синтез, если мы не хотим, чтобы наши исследования безнадежно запутались в фрагментарных, не связанных между собой и иррелевантных фактах и проблемах. Попытки такого синтезирующего понимания были предприняты в ряде работ; они, видимо, будут возрастать в будущем.

Характер современной социологии можно понять даже из краткого нижеследующего перечисления основных теорий и течений социологической мысли.

§ 4. Космосоциология

Вслед за работами Страбона, Птолемея, Ибн Халдуна и Монтеские (если вспомнить лишь некоторых предшественников) большое число исследований было посвящено изучению закономерностей в отношениях между географическими условиями (климат, солнечные пятна, флора, фауна, конфигурация местности и т. д.) и социокультурными явлениями (распределение населения на земле, его плотность и размеры; расовые и этнические характеристики; жизненные процессы, здоровье, энергия и интеллектуальная продуктивность; смертность и самоубийства; преступность и психические заболевания; экономические феномены, такие, как одежда, пища, здания, характер и распределение производства; флуктуации бизнеса; религия, философия, наука, искусство, право и этика; формы политической организации, войны и мира; и, наконец, возникновение, эволюция и упадок цивилизаций). Несмотря на то, что влияние географических факторов на социокультурную жизнь обычно преувеличивалось в этих исследованиях, они дали нам более определенную и точную картину закономерностей, имеющих во взаимосвязях между географической и социокультурной сферами. Они усовершенствовали географическую социологию и создали социальную географию как важную отрасль общей географии (Ф. Ротцель, Ф. Ле-Плей, А. де Турвилль, Э. Демолен, Л. Мечников, Э. Реклю, В. де Блаш, Й. Брунес, Э. Хантингтон, Э. Декстер, Э. Семпл, Г. Мур, Р. де Ворд, В. Джевонс и многие другие¹).

§ 5. Биосоциология

Не менее энергично осуществлялись в недавние времена исследования отношений между биологическими и социокультурными явлениями. А). Многие социологи пытались анализировать человеческое общество в терминах биологического организма, дабы понять, в чем социальный организм структурой и своими процессами похож на организм биологический и чем он отличается от него. Некоторые гипотезы

¹ Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. Ch. 2, 3.

и значения были получены через такую *биоорганизмистскую* интерпретацию социокультурных явлений, хотя результаты ее были довольно скромными. Работы П. Лилиенфельда, Г. Спенсера, А. Шэффля, Р. Вормса, И. Новикова и, ближе к нашему времени, К. Джини, Ла Феррьера и Кьеллена внесли наиболее важный вклад в эту область. Б). Большое число ученых активно отрицают роль таких биологических факторов, как строение тела, раса и наследственность, в человеческой деятельности и социокультурной жизни. А. де Гобино, Х. Чемберлен и легион популяризаторов, подобно М. Гранту, а в более поздние времена целый сонм нацистских идеологов создали особую философию истории, интерпретированную через эти факторы. Почти каждое социокультурное явление от поведения индивида до подъема и упадка цивилизаций рассматривалось ими как управляемое факторами расовой принадлежности и наследственности. В). В. де Лапуж, О. Аммон и другие *антропометристы* на базе изучения антропометрических черт рас и большого числа измерений поддержали предыдущие теории, утверждая превосходство нордической расы и ее ведущую роль в истории человечества. Они дошли до того, что сформулировали несколько своих законов социальной стратификации, социальной селекции, урбанизации, подъема и упадка наций и социальных классов, причем все это интерпретировалось ими сквозь призму расовых и наследственных биологических факторов. Ч. Ломброзо и совсем недавно Э. Гутон попытались доказать, что преступность и ее формы вызываются биологическими признаками индивидов. Другие развивали тот же подход, но в отношении умственных способностей и творческих достижений людей-гениев. Г). Еще один вариант этой биологической интерпретации социальных явлений был создан многочисленными *генетиками, евгениками, биометриками и биологами*, которые предписывали всепоглощающее значение факторам наследственности, отбора и другим схожим с ними условиям. Ф. Гальтон, К. Пирсон и огромное число других ученых не раз проводили такого рода исследования. Д). Другое течение биологической интерпретации связано с дарвинистской школой, которая использует такие понятия, как борьба за существование, выживание наиболее приспособленных, биологический отбор и наследственность, для того чтобы объяснить большое число социокультурных явлений, таких, как война, социальный антагонизм, революция, подъем и упадок наций, нормы этики и права и т. д. Работы Гумпловича, Раценгофера, Вольмана, Ваккаро и Насмита являются образцами этого течения биосоциологической мысли. Е). Другая ветвь биосоциологии представлена *демографической школой*, предпринимающей многочисленные и часто очень трудоемкие исследования по влиянию плотности населения и его размеров на различные социокультурные явления. Эти статистические исследования жизненных процессов (рождения, смерти, браки, разводы, заболевания и т. д.) дают нам *специальную социологию населения*, поскольку они выделяют биологические факторы плотности и размеров населения как инструментальные в определении форм социальной организации, политических режимов, успеха или неудач идеологий, различных религиозных верований, норм права и т. д. работы А. Коста, М. Ковалевского, К. Бугле, К. Джини, Р. Перла, Дж. Браунли, Дж. Юла, Ф. Карли, Е. и А. Кулишеров, А. Карр-Саундерса являются типичными для этой социологической школы. Ж). Наконец, все теории, которые особенно подчеркивают важную роль инстинктов, рефлексов, биологических потребностей и бессознательных сил в человеческом поведении, менталитете и социокультурной жизни, также принадлежат к биосоциальной ветви социологии. Работы Фрейда, Юнга и других психоаналитиков, Г. Блюхера,

В. Мак-Дугалла, Г. Эллиса, В. Троттера, Дж. Ватсона и других бихевиристов представляют эту ветвь социологии.

Взятые в целом, все эти направления исследований взаимоотношения между биологическими и социокультурными феноменами собрали невероятный объем впечатляющих данных в этой области и выявили ряд важных закономерностей и корреляций между этими классами явлений. Они осветили многие проблемы, как общие, так и специальные, в области того, как биологические факторы обуславливают социокультурные явления, и наоборот. С другой стороны, в большинстве этих исследований было преувеличено влияние биологических факторов, не говоря уж о том, что некоторые из их открытий оказались ошибочными. Эти ошибки позднее были обнаружены и исправлены в критических работах других социологов, в том числе и биосоциологов¹.

Когда мы обращаемся от изучения космических (или географических) и биологических явлений к социокультурному пространству в его структурных и динамических аспектах, классах и типах, мы обнаруживаем все разнообразие подходов, методов и концептуальных схем, используемых учеными. Это разнообразие можно легко свести к трем главным школам в социологии: 1) механистической, 2) психологической, 3) социологической или социокультурной. Каждая школа, в свою очередь, делится на несколько направлений. В то время как в теории эти школы и составляющие их направления частично противоречат одна другой, они могут быть законным образом дифференцированы как в связи со специфическим набором явлений, на котором каждая сосредоточивает свое внимание, так и по специфической методологической и концептуальной схеме, которые они используют. Тот факт, что психологическая школа изучает прежде всего психические аспекты социокультурного пространства, а социологическая школа делает упор на самих социокультурных аспектах, еще не означает, что эти теории обязательно противоречат друг другу. Разница скорее заключена в специфической позиции, с которой исследуется многообразное социокультурное пространство. Результаты, полученные под одним углом зрения, в большинстве случаев дополняют, а не противоречат результатам, полученным с других исследовательских позиций. В итоге такого расхождения мы имеем более адекватное и разностороннее знание многообразного социокультурного пространства. Это следует особо подчеркнуть, чтобы избежать часто совершаемой ошибки, когда концептуальное разнообразие воспринимается как знак незрелости социологии. Поскольку пространство само является многосторонним, должны логически сосуществовать несколько углов зрения, каждый из которых специализируется на изучении одного из основных аспектов действительности. Такую специализацию можно обнаружить, между прочим, в любой фундаментальной науке от физики до химии и биологии. Давайте кратко рассмотрим три только что упомянутые школы.

§ 6. Механистическая школа

Следуя за социальной физикой XVII века, многие социологи, вдохновленные прогрессом физических и химических наук, в последнее время пытались развить социологию как отрасль этих наук, имитируя их терминологию, принципы и законы. Во многих случаях механистическая школа попросту перенесла эти принципы в социокультурную область

¹ Подробнее см.: *Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. Ch. 4—7, 11.*

и некритично их применяла. Г. Кари и другие ученые попытались создать *социальную физику* и интерпретировать экономические и другие социальные явления в терминах механики и физики. Другие ученые, такие, как Воронов, Харет, Портуондо-и-Барсело, Линс и Ферейра, пытались столь же имитаторским путем создать *социальную механику*. Еще одна группа ученых (Солвэ, Оствальд, Бехтерев, Виньярски и Карвер) пыталась интерпретировать социокультурные явления в терминах *энергетики и механики*. К. Левин, Дж. Браун и другие имитировали главным образом геометрию в попытках создать "топологическую" социологию и психологию. Наконец, в ряде совсем недавних работ была предпринята попытка описать и проанализировать социальные факты, имитируя в целом методы естественных наук, при этом не форсируя слишком сильно их принципы или не ограничивая свои имитаторские усилия строго механикой, физикой или геометрией. Они брали в физико-химических и геометрических науках только то, что им казалось подходящим для имитации. Большинство этих попыток (например, Лундберга, Додда, Чеппа, Куна и других) были эклектичными, ограниченными в знании принципов и теорий математических и физико-химических наук и поэтому незрелыми и бесплодными. Другие, следуя главным образом за методами естественных наук в широком смысле и правильно модифицируя те принципы, которые они позаимствовали в этих науках (равновесие, каузальность и т. д.), несколько больше преуспели в своей задаче и внесли определенный вклад в наше понимание социокультурного пространства. "Сознание и общество" В. Парето является одним из примеров плодотворных работ. Однако даже Парето и некоторые другие ученые внесли свой вклад не столько благодаря имитации понятий и методов естественных наук, сколько благодаря бесконечным нарушениям ими же провозглашенных методов и принципов, а также благодаря проведенному ими на практике исследованию социокультурных явлений методами и техникой, требуемыми природой самих явлений. В других случаях попытки последовательных поборников социальной геометрии или топологии, социальной физики, социальной механики, социальной энергетики и так далее остались в основном бесплодными¹.

§ 7. Психологическая школа

Поскольку по определению социокультурные или надорганические явления являются ментальными по своей природе, разница между психологическими и социологическими исследованиями является относительной. Когда исследователь берет психологические факторы, например инстинкты, желания, идеи, эмоции или реликты, и использует их в качестве переменных для интерпретации социальных фактов и процессов, то его исследование подпадает под область психологии. Когда же он берет социальные факторы, скажем, структуру общества или культуру и через них пытается объяснить определенные ментальные черты и феномены, то его исследование попадает в область социологии. Однако эта граница представляется весьма неопределенной, о чем свидетельствует социальная психология, которая является наукой одновременно столь же психологической, сколь и социологической.

В последнее время было опубликовано большое число работ, касающихся исследования влияния на социокультурную жизнь того или иного психологического элемента, используемого в качестве

¹ Подробнее см.: Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. Ch. 1.

независимой переменной; иными словами, делалась попытка установить причинные связи между психологическим и социальным аспектами социокультурного пространства. В зависимости от природы психологического фактора, взятого в качестве исходного принципа объяснения, эти исследования проводятся в рамках следующих направлений: а) *инстинктивистской и рефлексологической* психосоциологий, которые рассматривают все инстинкты или некий определенный инстинкт, подобно "родительскому" или "половому", "стадному", "самосохранения", как важные факторы, объясняющие ряд постоянных и переменных социальных феноменов. Например, явление войны объясняется через "*воинственный*" или "стадный инстинкт"; институты брака и семьи — через половой и родительский инстинкты, и тому подобное. "Социальная психология" Мак-Дугалла, "Инстинкт стада" В. Троттера, "Пол и общество" В. Томаса и "Инстинкт работы" Т. Веблена служат примерами такой интерпретации социальных явлений; б) очень близкой к инстинктивистским теориям психоаналитической социологии Фрейда, Юнга и других психоаналитиков, особенно в их социологическом теоретизировании. Вместо того чтобы рассуждать в терминах инстинктов, они ссылаются на подсознательные комплексы и побуждения, особенно на либидо или половой комплекс, и с помощью этого ключа пытаются объяснить почти все социокультурные феномены, от религии до существования самого общества; в) не очень отличающейся от этих двух направлений бихевиористской психосоциологии, которая также рассматривает в качестве все объясняющих переменных определенные биологические побуждения, рефлексy и инстинкты, но отличается от вышеуказанных двух направлений своей настойчивостью в чисто объективистском внешнем наблюдении за действиями людей без какого-либо использования субъективных или интроспективных соображений. Будучи какое-то время модным, чистый бихевиоризм теперь стал совсем устаревшим даже в области психологии. Чисто бихевиористские исследования почти не предпринимались в социологии. Неправильно интерпретируя открытия И. Павлова и других ученых, особенно в области условных рефлексов (которые Павлов называл "физиологией нервной системы", но не психологией или социологией), крайние бихевиористы приняли изучение физиологии нервной системы за психологию и социологию и встретились с непреодолимыми препятствиями на пути объяснения и интерпретации социальных явлений в терминах этой биологической дисциплины. Работы А. Бентли и Дж. Селиони, и еще более несовершенные попытки некоторых других исследователей (Лундберг, Кун и др.) могут служить примерами этих бихевиористских устремлений. Хотя в области физиологии работы Павлова, Лешли и других были плодотворными, в области же социологии они остались в основном бесплодными и не пролили света ни на один из важных классов социокультурных явлений; г) наконец, большое число интроспективных исследований дали анализ и интерпретацию социокультурных реалий в терминах эмоций, чувств, аффектов, желаний, идей, интересов, установок и других внутренних психологических переживаний. Изучая социальные проявления этих психологических переменных и связывая их с определенными социальными условиями, интроспективное направление в социологии породило множество книг, которые обогатили наше знание различных аспектов социокультурного мира. Работы Г. Тарда, В. Парето (социология которого все же не сводится к изучению роли чувств в социальной жизни), Г. Лебона, Л. Ворда, Г. Раценхофера,

Ч. Элльвуда, В. Самнера и А. Келлера, В. Томаса, Ф. Знанецкого и Л. Петражицкого (в его замечательной психологической теории права и морали) являются лучшими образцами работ в этой области. Из всех направлений психологической школы именно оно было особенно плодотворным в том, что касается социологии¹.

§ 8. Социологистская или социокультурная школа

Все рассмотренные выше школы интересуются не столько социокультурным пространством, сколько его географическими и биологическими параметрами или социально обусловленными умственными процессами у людей. Они заняты главным образом исследованием влияния космических, биологических и психологических факторов на социокультурные явления; но природа самих явлений, их структурные и динамические качества, отношения и закономерности затрагиваются лишь косвенно и то время от времени, причем лишь тогда, когда необходимо разъяснить собственные соображения на этот счет. Изучение социокультурного пространства как такового, во всех его существенных аспектах, является главной задачей социологистской или социокультурной школы.

Следовательно, лишь эта школа дает нам действительную социологию в точном значении понятия. Другие рассмотренные школы являются в этом смысле лишь периферийными и производными.

Главная часть работы, проделанной социологистской школой, была сконцентрирована вокруг трех основных проблем: первая — анализ существенных характеристик социокультурных явлений в их структурных аспектах; вторая — изучение главных и повторяющихся форм социальных процессов в их динамических аспектах; третья — разъяснение общих отношений и взаимозависимости между различными классами социокультурных явлений. В соответствии с этими задачами мы можем классифицировать главные направления этой школы.

а) **Изучение общих структурных свойств социокультурных явлений.** Работы Е. Де-Роберти, Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Фоконне, М. Мосса, А. Эспинаса, Дж. Ицуле, Л. Леви-Брюля, Ч. Кули и других показали, что надорганические или социокультурные явления возникают в связи с "межцеребральным взаимодействием" людей. Как взаимодействие химических элементов, например H_2 и O , дает результирующую — воду, совершенно отличную от водорода и кислорода, взятых отдельно, так взаимодействие клеток производит многоклеточный организм, отличающийся от составляющих его взятых отдельно клеток, так и взаимодействие людей производит социокультурное явление, реальное общество или социокультурную систему, которые совершенно не сводимы ко всем их индивидуальным членам, взятым изолированно. Структурные и динамические свойства любой продолжающейся системы межличностных или межгрупповых действий радикально отличаются от свойств простой арифметической суммы этих индивидов. Взаимодействие изменяет их биологические и психологические характеристики и производит социокультурную реальность, отличную от биологической или психологической реальности. Следовательно, социокультурные явления не требуют объяснения с точки зрения психологических характеристик своих членов; напротив, психологические характеристики должны разъясняться с точки зрения свойств социокультурного взаимодействия, в матрицу которого они заложены. Без знания общества и культуры, в которых

¹ Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. Ch. 11.

рождается и растет данный индивид, никакие его личные черты — верования, идеи, убеждения, вкусы, пристрастия и то, что вызывает неприязнь, — не могут быть поняты; вся его ментальность, манеры и нравы, его стиль поведения и образ жизни совершенно непостижимы. Не только психосоциальная личность в целом, но многие из ее биологических качеств лепятся и обуславливаются социокультурным пространством, в котором она и вырастает.

Продемонстрировав уникальность социокультурных явлений, эти ученые затем перешли к изучению их общих структурных и динамических свойств. Со структурной точки зрения они проанализировали основные формы взаимодействия и соответствующие типы социокультурных структур: антагонистические и солидарные; организованные и неорганизованные, родовые, контрактивные, принудительные, общинные и общественные, механические и органические; централизованные и децентрализованные группировки и т. д.

Эти исследователи подвергли каждую организованную и длительную систему взаимодействия (общество) детальному анализу в ее родовых характеристиках: исследованию ценностей и норм (законов), которые регулируют поведение их членов; институтов, которые возникают из межличностных отношений; дифференциации функций или ролей членов; стратификации по иерархическим рангам, вместе со статусом, который определяет положение каждого члена в системе (межгрупповая дифференциация и стратификация). От такой социальной цитологии они перешли к изучению структурной морфологии, анатомии и таксономии социокультурных систем; изучению поло-расово-возрастных групп, семьи, государства, территориальных, профессиональных, национальных, религиозных и других групп, на которые разделено человечество, а затем — к изучению каст, порядков, социальных классов и других иерархий, на которые стратифицируется человечество (межгрупповая дифференциация и стратификация). Кроме того, были тщательно исследованы типичные функциональные конфигурации этих групп и институтов с их *raison d'être*^{1*}.

Наряду с цитологией, анатомией и таксономией социальных структур эти ученые подвергли культурные аспекты надорганического мира такому же структурному анализу; они выделили для изучения общие компоненты культуры: интегрированные культурные системы и неинтегрированные или дезинтегрированные культурные массы; основные культурные системы языка, науки, философии, религии, искусств, права и морали, их взаимоотношения друг с другом и, наконец, их созвездия в культурных "суперсистемах".

Таким образом, социологистская школа дала нам подлинную цитологию, гистологию, морфологию, анатомию и таксономию социокультурных структур. Она убедительно продемонстрировала особую реальность и индивидуальность социокультурных систем, их саморегуляцию, логику их функционирования и динамики, то есть все то, что непонятно с чисто биологического или психологического угла зрения.

б) Изучение повторяющихся процессов; динамика социокультурных явлений. Не меньшее внимание было уделено социологистской школой изучению динамических свойств и закономерностей социокультурных явлений; именно она дала нам как анализ, так и систематизацию основных повторяющихся социокультурных процессов ("социокультурную физиологию") и обобщенную теорию изменений и эволюции социокуль-

¹ * разумное основание, смысл (*фр.*).

турных систем. Г. Тард, Ф. Тённис, Г. Зиммель, Л. фон Визе, Г. Рихард и другие, в Соединенных Штатах — Э. Росс, Ч. Кули, Р. Парк, Э. Берджес, Э. Богардус, К. Кейс и другие ученые проанализировали и систематизировали огромное число таких повторяющихся процессов, как социокультурная изоляция, контакт, конфликт, соревнование, война, адаптация, амальгама, кооперация, господство = подчинение, имитация, аккультурация, социальный контроль и многие другие. Ряд социологов, таких, как К. Джини, Ч. Кули, В. Самнер и А. Келлер, исследовали повторяющиеся процессы, дабы выяснить, как возникают социокультурные системы и как они становятся организованными; как они рекрутируют и теряют своих членов, распределяют их в обществе, передвигают их (феномены миграции и социальной мобильности), воздействуют на перемены в их организации, нормы, нравы и т. д.

Ученые, такие, как Тард, Лови, Голденвейзер, Джилфилян, Чэпин, Огбурн, Вислер и другие, исследовали, как и почему происходят вечно повторяющиеся культурные процессы: изобретение, диффузия, конверсия, симбиоз, заимствование и трансформация культурных феноменов. Многие социологи осветили повторяющиеся закономерности в социокультурной динамике, подобные ритмам, периодам, темпу и временным флуктуациям. Наконец, ряд ученых — А. Тойнби, О. Шпенглер, А. Кребер, П. Лигети, Ф. Чемберс, П. А. Сорокин и другие — попытались дать систематическую интегрированную теорию жизненных циклов или повторяющихся фаз в жизни большинства инклузивных культурных суперсистем. В результате этих обширных исследований динамических аспектов социокультурного пространства мы сейчас знаем довольно много об их "физиологии" и эволюции.

в) Изучение взаимоотношений между различными классами социокультурных явлений. Большая часть усилий социологической школы была посвящена анализу взаимоотношений между различными классами социокультурных явлений в их статических и динамических аспектах: экономическом, технологическом, политическом, религиозном, научном, юридическом, этическом, художественном и др.

Некоторые ученые попытались продемонстрировать одностороннюю зависимость социокультурных явлений от той или иной выбранной ими социокультурной переменной. Марксисты и многие другие сторонники экономической и технологической интерпретации истории рассматривали экономический или технологический фактор как первичный и пытались доказать зависимость научных, политических, философских, религиозных, этических, юридических, художественных и других явлений от выбранного ими фактора. В Соединенных Штатах эту позицию представляют Веблен, Огбурн, Чэпин и многие другие. В Европе в модифицированном виде ее представляют А. Вебер, М. Вебер, Р. Макайвер и др.

В настоящее время мы имеем ряд довольно детальных исследований взаимоотношений между собственно экономическими явлениями, а также между ними и физическими, умственными характеристиками населения, движением жизненных процессов (самоубийства, преступность, миграции, мобильность, формы социальных и политических институтов, забастовки, внутренние беспорядки, революции, войны, характер законов, мораль и религия, формы искусств и т. д.). Эти фактические и детальные исследования взаимоотношений между экономическим и другими классами социокультурных явлений прояснили до определенной степени их взаимозависимость.

Другие ученые исходили вместо экономического фактора из некоторых других классов социокультурных явлений и проследили их влияние

на надорганические процессы. Так, Ф. де Куланж, Макс Вебер, Ч. Элвуд, Э. Дюркгейм, К. Бугле, Дж. Фрейзер, Б. Кидд, И. Вах и многие другие в качестве независимых переменных выбрали религиозные и магические верования, продемонстрировав их влияние на экономические, политические, юридические, художественные и другие классы социальных явлений и отношения с ними.

Г. Спенсер, Савиньи, Пухта, Вестермарк, Самнер, Келлер, Петражицкий, Штаммлер, Иеринг, Паунд, Виноградов, Тимашев, Гурвич и другие рассматривали народные обычаи, нравы, традиции и законы как независимые переменные и изучали их взаимоотношения с другими классами социокультурного пространства. Другие же взяли в качестве независимой переменной семью (Ле-Плей, Демолен); науку (Де-Роберти), философию, искусство, идеологию и т. д. Несмотря на множество ошибок, преувеличение роли того или иного фактора, который они выбирали в качестве первичного, их исследования тем не менее обнаружили ряд важных социальных и культурных закономерностей.

Некоторые социологи, работающие в этой области, начали свои исследования с отрицания односторонней зависимости социокультурных явлений от какого-то одного фактора, рассматриваемого в качестве первичного, провозгласив непредвзятость самой задачи изучения отношения между различными элементами надорганики, реально существующими в социокультурном пространстве. Такая постановка проблемы переводит объект изучения в другую, более научную плоскость и дает возможность получить более адекватные и валидные результаты, чем в односторонних социологических исследованиях. В связи с этим такие социологи, как Макс Вебер, намеренно рассматривали свою переменную как условную, а не как первичный фактор. Вебер, например, в терминах своей переменной — религии и хозяйственной этики — изучил взаимозависимость между формами религии и формами экономики, особенно между протестантизмом и капитализмом. Многие другие ученые также проводили подобные исследования взаимозависимости различных социокультурных факторов. Некоторые из них пошли еще дальше в этом анализе, считая, что взаимоотношения между социокультурными явлениями могут варьироваться на всем пути от интегрированных систем к неинтегрированным скоплениям. Все большее распространение среди социологов получает суждение о том, что любое исследование, которое не способно оценить это различие, не может прийти к валидным выводам.

Исследование любой интегрированной системы социокультурных явлений показывает, что все основные ее элементы являются с различной степенью интенсивности взаимозависимыми. Поэтому, когда мы обнаруживаем, что изменение в одном из классов (скажем, в экономическом) внутри интегрированной культуры сопровождается одновременным или отложенным изменением в другом классе (скажем, религиозном), мы не приписываем одному из этих классов преобладающего влияния, а скорее рассматриваем все эти изменения как проявления трансформации в социокультурной системе в целом. Когда организм переходит от детского ко взрослому состоянию, его анатомические, физиологические и психологические качества претерпевают много изменений: увеличиваются рост и вес, трансформируется деятельность желез внутренней секреции, у мужчин появляются усы и борода, накапливается опыт. Все эти мутации происходят не в связи с увеличением роста или с появлением усов, а являются многосторонними проявлениями переменны в организме в целом. Так же и во взаимоотношениях (как статических, так и динамических) между классами, являющимися составными

частями социокультурной системы. Например, когда мы изучаем западное общество и культуру с конца средних веков и на всем протяжении последующих столетий, мы замечаем, что научные открытия и изобретения появляются с увеличивающейся скоростью, возникает и растет капиталистическая экономика, искусства претерпевают фундаментальный сдвиг от преимущественно религиозных к преимущественно светским и чувственным формам, абсолютистская этика и нравы уступают место релятивистской утилитарной этике, идеализм уменьшается, материализм растет; появляется и набирает силу протестантизм, происходят сотни других изменений. Согласно Карлу Марксу, эти явления связаны со сдвигом в экономико-технологических условиях; согласно Макс Веберу, они происходят в связи с изменением религии или, более точно, в связи с появлением протестантизма. Между прочим, в течение всей этой метаморфозы западного общества и культуры ни один из "первичных" факторов не был ответственным за изменение других факторов; скорее наоборот, изменение, которое претерпела вся *господствующая социокультурная система* Запада, было ответственно за все многообразное развитие в его экономической, религиозной, политической и других подсистемах, подобно тому как изменение в росте, весе, органах секреции и ментальности человека, переходящего от детского ко взрослому состоянию, обусловлено процессом роста всего организма. В неинтегрированных и дезинтегрированных социокультурных скоплениях нельзя найти такую взаимозависимость. Эта сравнительно новая постановка проблемы отношений между различными классами социокультурных явлений воздаст должное прежним традиционным подходам к социокультурной причинности и обещает дать более плодотворные результаты, чем те, которые были достигнуты прежде.

Таковы основные направления социологической школы¹. В предшествующем обзоре были изложены некоторые представления об общей социологии, ее главных проблемах, основных школах и методах исследования.

§ 9. Специальные отрасли социологии

Рука об руку с развитием общей социологии шло прогрессивное развитие ее специальных отраслей. В настоящее время появилось большое число направлений, наиболее важными из которых являются: социология населения, семьи, территориальных общностей, государства, религии, права, социальных классов, каст, расовых и этнических групп, занятий и профессий, искусств, знания; криминология; аграрная и городская социологии; социология войны и революции; социология социальной мобильности; экспериментальная социология, социология бедствий и катастроф и некоторые другие. Во всех этих областях собран обширный фактический материал, который качественно и количественно проанализирован, найдены корреляции с другими социокультурными переменными, и они прослежены до уровня валидных закономерностей.

Подведем итог: последний период в развитии социологии был отмечен количественным и качественным ростом. Логическая структура социологии как науки все больше проясняется; было строго проверено большое число обобщений, сделанных предшествующими социальными мыслителями и в результате некоторые из них были отвергнуты как недействительные, другие были исправлены, были выявлены новые

¹ Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. Ch. 8—10, 12—13.

валидные закономерности: Сама социология проявила тенденцию к большей фактичности и индуктивности, ее методы становились более научными, техника лучше адаптирована к природе изучаемых явлений. Хотя в последние два десятилетия простые фактографические изучения за счет концептуальной систематизации зашли слишком далеко, что привело к сбору многих иррелевантных фактов, хотя в погоне за точными методами и техникой использовались многие неправильные и квазиточные процедуры, практиковались бесплодные имитации естественных наук, тем не менее эти ошибки все больше исправлялись, неправильные пути оказались недолговечными, какими бы модными ранее они ни были. В настоящее время, когда социология имеет в своем распоряжении обширное пространство фактического материала, она входит в стадии нового синтеза и дальнейшего прояснения своей логической структуры. Вряд ли могут быть какие-то сомнения в том, что она в конце концов успешно решит поставленные перед ней задачи.

РОДОВАЯ СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

§ 1. Значимое человеческое взаимодействие как родовое социальное явление

Изучение структурного аспекта социокультурных явлений начинается с анализа родовых свойств, общих для всех социокультурных явлений — прошлых, настоящих и будущих.

Под родовым социокультурным явлением не имеется в виду "простейшее образование". Имитируя плохо понимаемые естественные науки, социологи все еще ищут "простейшее образование" в социальных явлениях, аналогичное атому в физике или клетке в биологии. Некоторые ученые, такие, как сторонники органической, механистической и психологической школ в социологии, находят это "образование" в индивиде. Другие, такие, как Ф. Гиддингс, определяют его как "соций" или "дружбу". Третьи, как Ф. Морено и Ф. Знанецкий, трактуют как его "роль", которую принимает на себя индивид. Многие идентифицируют его с "социальным отношением". Большая группа социологов, понимая, что изолированный индивид не может представлять собой социальное явление, ищет "простейшее образование" в "наиболее элементарном обществе", имея в виду семью, как в случае Ф. Ле-Плея и его школы, или в "самом примитивном обществе", недифференцированном и плохо интегрированном, как в случае Г. Спенсера и Э. Дюркгейма¹.

Когнитивная потребность в поиске простейших социальных образований основывается на недоразумении. 1) Физика и общая биология начинают изучение структурных свойств объекта с атома и клетки, соответственно выступающих в качестве родовых элементов в физических и биологических структурах, вовсе не потому, что они являются

¹ О "простейшем образовании" в органической, механистической, психологической школах и в концепции Ле-Плея, а также о других простейших образованиях см.: *Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories*. N. Y., 1928. Ch. 1—2, 4; *Giddings F. Inductive Sociology*. N. Y., 1901; *Moreno L. J. Sociometry and Cultural Order // Sociometry*. 1943. V. 6. P. 304 ff; *Znaniecki F. The Social Role of the Man of Knowledge*. N. Y., 1940. С. 13 ff; *Spencer H. Principles of Sociology*. V. 1. Ch. 10; *Durkheim E. The Rules of Sociological Method*. Chicago, 1938. Ch. 4; *Malinowski B. A Scientific Theory of Culture*. Chapel Hill, 1944. P. 39 ff.

простейшими образованиями. Эти дисциплины исследуют структурные свойства объектов не с того или иного определенного атома или клетки, а с атома и клетки в их родовой форме. 2) Индивид или даже миллион изолированных индивидов не составляют социального явления, не говоря уж о его простейшем образовании. Индивид представляет собой лишь физический, биологический или психологический феномен, поэтому он может стать объектом исследования для физика, биолога, психолога, но не социолога. Так же простейшим образованием не может быть "роль" индивида. Вне драмы не может быть роли; ведь роль возможна лишь в контексте всех ролей. Что бы ни делал изолированный индивид, никакое из его действий не представляет собой ни социального явления, ни его простейшего образования. Роль может стать социальной лишь при наличии социальной матрицы. Только в этих условиях роль может стать элементом социального явления, так же как хромосома является составной частью клетки или электрон — составной частью атома; но ни роль, ни хромосома, ни электрон не являются простейшими образованиями в социальной, биологической или физической структурах. С другой стороны, индивид, взятый как *соций* или личность, является одним из наиболее сложных социальных явлений. Сказать, что *соций* есть конечная, неделимая единица, все равно что (как правильно отмечает Э. Хайес) назвать букет цветов простейшей и конечной единицей структур растений¹.

Так же и семья не является простейшим или родовым социальным явлением: количественно семья суть не самая маленькая социальная единица, а качественно структура семьи является весьма сложной. Кроме того, семья имеет много специфических характеристик, которые нельзя найти в других социальных группах. По этой причине семья не может быть простейшей формой родовой модели социальных структур. То же самое относится и к примитивным обществам, постулированным Г. Спенсером и Э. Дюркгеймом "простым обществам", и "институту" Малиновского. Это отнюдь не самые маленькие и не самые простые единицы социальных структур. Внутренняя организация примитивного клана или племени является весьма сложной; они гораздо более запутанные, чем, например, структура большинства современных, "ассоциативных" организаций, таких, как литературные, научные и другие специализированные группы. Так же и примитивные верования, мифология, литература, музыка и т. д. часто являются гораздо более сложными, чем у непримитивных народов. Короче, так называемые примитивные общества и культуры нельзя рассматривать как простейшие единицы, как социальные атомы или клетки или как родовые социальные явления. Еще сложнее рассматривать как такую единицу "институт" Малиновского, ибо институт как организованная группа не является ни родовой, ни простейшей социальной единицей, но есть специальная форма родовых социальных явлений, часто очень сложная по своей структуре. Наконец, общая социология — это не теория о простейших социальных явлениях, а теория о родовых свойствах, отношениях и закономерностях социокультурных явлений².

Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов. Под "взаимодействием" понимается любое событие, с помощью которого один человек полуосозаемым путем влияет на открытые действия

¹ Hayes E. C. Classification of Social Phenomena // American Journal of Sociology. V. 17. P. 109—110.

² Sorokin P. A. Remarks // Revue internationale de sociologie. 1935. March.

или состояние ума другого. В отсутствие такого влияния (одностороннего или взаимного) невозможно никакое социокультурное явление. Миллион полностью изолированных людей не представляет собой социального явления или общества, поскольку они не влияют друг на друга. Под "значением" нужно понимать "все то, что для одного сознания выступает как знак чего-то иного"¹. Значимое взаимодействие — это любое взаимодействие, в котором влияние, оказываемое одной частью на другую, имеет значение или ценность, возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий. Если взаимодействие не является значимым в этом смысле, если оно не представляет собой социокультурное явление, но есть лишь чисто физическое или биологическое явление — это нормальный объект изучения для физики или биологии, но не для социологии или социальных наук. Если человек убивает другого человека, то физико-химические свойства ружья, траектория пули, сила, с которой она ударила по жертве, биологические аспекты раны или пораженных пуль органов, причина смерти и тому подобное являются нормальными сюжетами исследования для специалистов в области физики, химии и биологии. Когда такое взаимодействие приобретает значение или ценность "убийства", или "непредумышленного убийства", или "героического действия" в уничтожении врага на войне, или "действием самообороны", оно становится социокультурным или надорганическим явлением и попадает в сферу рассмотрения криминолога, социолога или обществоведа. Таким же образом, если взаимодействие состоит в половом акте, то по своим чисто физическим или биологическим свойствам оно не составляет социокультурного явления. В случаях проституции, изнасилования или инцидента в супружеских отношениях взаимодействие между людьми может быть идентичным биологически, однако в каждом из этих случаев оно приобретает ценность или значение, возвышающееся над биофизическими факторами, и становится *значимым*. Акт погружения ножа в тело человека, взятый без привнесенной ценности или значения, не является социокультурным явлением. Его биофизические свойства изучаются не социальными, а биофизическими науками. Лишь когда он рассматривается как акт "убийства", как "хирургическая операция", как "акт войны" или как "религиозная жертва богам", он становится социокультурным явлением, хотя во всех этих совершенно разных социокультурных значениях биофизический аспект может оставаться по сути идентичным.

Термин "осязаемый" введен в определение, дабы подчеркнуть, что лишь осозаемое или наблюдаемое взаимодействие может быть подлинным социальным явлением. Хотя теоретически все может быть связано в этом мире, и каждый индивид в конечном счете оказывает минимальное воздействие на остальное человечество. В действительности же есть уловимые и неуловимые влияния, несмотря на то, что "tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde"². Как блестяще отметил А. Курно: "Никто не будет серьезно утверждать, что если кто-то наступит на землю ногой, то мореплаватели в другом полушарии отклонятся от своего курса или сотрясется система спутников Юпитера; в любом случае нарушение будет столь ничтожным, что останется незамеченным, и поэтому мы можем справедливо игнорировать его. В то же время незначительное событие, случившееся в Китае или в Японии, может оказать некоторое

¹ Lewis C. I. The Modes of Meaning // Philosophy and Phenomenological Research. 1943. V. 4. P. 236.

² * все связано, все соединено воедино в этом мире (*фр.*).

влияние на то, что происходит в Париже или в Лондоне. Но в целом совершенно определено то, что планы на день парижского буржуа не находятся под влиянием того, что происходит в изолированном китайском городе, в который никогда не ступала нога европейца. Это как бы два маленьких мирка, в каждом из которых можно наблюдать цепь причин и следствий, развивающихся одновременно, но без взаимной связи и без какого-либо влияния друг на друга"¹.

Отсюда ощутимая, наблюдаемая или заметная степень влияния и обусловливания — суть необходимая характеристика социокультурных явлений. Таким образом, никакая номинальная или чисто статистическая группа не составляет феномена взаимодействия, кроме как реальная социальная группа, социальная система или общество. Можно, например, разделить всех мужчин в Соединенных Штатах на два класса: тех, которые носят коричневые ботинки, и тех, которые носят черные, и потом, сосчитав общее их число, свести цифры к процентам. Эти классы будут чисто номинальными или статистическими; ведь едва ли будет какое-то свидетельство наличия более или менее ощутимого или интенсивного взаимодействия между мужчинами в черных ботинках и между теми, кто носит коричневые. Такое же обобщение относится и ко всем другим номинальным группам и классам.

После этого предварительного определения родового социокультурного явления мы можем обратиться к более детальному анализу его структуры.

§ 2. Компоненты родового социокультурного явления

Каждый процесс значимого человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов, а каждый компонент, в свою очередь, складывается из множества других, которые определяют его конкретный абрис. Эти компоненты включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы².

§ 3. Субъекты взаимодействия

В гомосоциологии³ субъектами взаимодействия являются либо человеческие индивиды (в межличностном взаимодействии), либо организованные группы людей (в межгрупповом взаимодействии).

Биологические и психологические свойства людей исследуются биологией и психологией. Социолог должен знать эти свойства, но их

¹ *Cournot A. Essai sur les fondements de nos connaissances sur les caractères de la critique philosophique. P., 1851. V. 1.*

² Трехкомпонентная структура социокультурных явлений, получившая систематическое освещение в моей "Социокультурной динамике", отмечалась до и после появления моей книги все возрастающим числом социологов. К сожалению, многим из них не удалось прояснить и систематически изложить свои концепции. См., например: *Thomas W. I. Primitive Behaviour. N. Y., 1937. P. 8 ff*; *Malinowski B. A Scientific Theory of Culture. P. 36*; *Mead M. Competition and Cooperation Among Primitive Peoples. N. Y., 1937.*

³ Предметами взаимодействия в биосоциологии, которая изучает биологические взаимодействия растений и животных, являются растения и животные.

изучение не относится к области социологии. Для наших целей достаточно помнить следующие биопсихологические свойства homo sapiens: 1) обладание хорошо развитой нервной системой с ее рецепторами, проводниками и эффекторами, которая позволяет человеку реагировать на стимулы, поступающие от других людей; 2) способность осуществлять разнообразные действия; 3) обладание сознанием, включающим в себя ощущения, восприятие, идеи, воображение, память, эмоции, чувства и желания. Человек — это думающий, чувствующий, аффективный, волеизъявляющий организм, способный действовать и реагировать в надорганическом мире значений, ценностей и норм (почему и как он стал таким существом, нас сейчас не заботит); 4) биологическая и психологическая гетерогенность в отношении расы, пола, возраста и других физических характеристик, таких, как интеллектуальный облик — ум, эмоциональность, сила воли и т. д.

Число взаимодействующих индивидов. Что касается числа взаимодействующих индивидов, мы можем выделить следующие типы межличностного взаимодействия: а) между двумя индивидами (пара или диада), например между мужем и женой, родителем и ребенком, двумя друзьями, учителем и учеником, хозяином и рабом, продавцом и покупателем, врачом и пациентом. Близкие разновидности диады дают ряд характеристик, имеющих свои особенности, но отличающих их от неблизких разновидностей; б) между тремя индивидами (триада), например между обвинителем, обвиняемым и судьей; девушкой и двумя претендентами на ее руку; мужем, женой и любовником; отцом, матерью и ребенком; в) между четырьмя, пятью и более индивидами; г) между одним индивидом и многими, например между говорящим по радио и его слушателями, или между артистом и его зрителями; д) между многими и многими, например, между членами неорганизованной толпы или между покупателями и продавцами определенного товара, которые не организованы и раздроблены, действуют без специальной координации. Однако этот последний тип принимает, как правило, форму взаимодействия между организованными группами.

Таким же образом межгрупповое взаимодействие может происходить между двумя группами, между тремя, четырьмя или более; между одной и многими или между коллективами, состоящими из многих групп. Число субъектов взаимодействия является важным, поскольку оно объясняет многие специальные характеристики процесса взаимодействия¹.

Качества взаимодействующих индивидов Существует огромное разнообразие качеств субъектов взаимодействия, но сейчас нам нужно рассмотреть только одну характеристику, а именно биопсихологическую и социокультурную гомогенность или гетерогенность (сходство или различие) взаимодействующих индивидов или групп. Взаимодействие между индивидами той же расы, национальности, племени, территориальной группы, семьи, пола, возраста, религии, политической партии, профессии, экономического статуса и т. д., и особенно между теми, кто обладает одинаковыми социокультурными ценностями, всегда отличается во многих отношениях от взаимодействия между индивидами, расходящимися по этим качествам.

¹ *Wiese L. von.* System der allgemeinen Soziologie. München, 1933. P. 447—507; *Simmel G.* The Number of Members as Determining the Sociological Form of the Group // *American Journal of Sociology.* 1902. V. 8. P. 1—46, 158—196; *Moreno L. J.* Interpersonal Therapy // *Sociometry.* 1937. V. 1. P. 9—76; *Becker H., Useem R.* Sociological Analysis of the Dyads // *American Sociological Review.* 1942. V. 7. P. 13—26.

Характер действия Действия и реакции могут быть каталитическими, активными, пассивными или толерантными. Открытые действия и реакции являются частью компонента движущих сил; однако определенные их аспекты можно вполне рассматривать здесь как качества субъектов взаимодействия. Огромное разнообразие отношений, посредством которых участники взаимодействия влияют друг на друга, может быть сведено к четырем главным формам: тем, которые оказывают влияние просто через *знание о существовании* участника или участников взаимодействия (*каталитическая форма*); через совершение *открытых действий*; через *воздержание от открытых действий*; через активную *толерантность*.

а) *Каталитические действия*. Катализатором в химии называется вещество (например, черная платина или хлорид алюминия), которое, хотя и не участвует в химической реакции и не меняет своей природы, значительно интенсифицирует и ускоряет самую реакцию. Аналогичное явление наблюдается в социальном взаимодействии. Например, мысль о враге, любимом человеке или о герое, с которым человек не находится и, возможно, никогда не находился в контакте, может заметно влиять на его сознание, настроение или поведение. Такие влияния, осуществляемые просто через существование другого участника, без какого-либо действительного контакта, можно определить как *каталитические*. Социология и социальные науки редко даже упоминают этот фактор и почти не знают о нем. Тем не менее это — постоянный фактор, не менее важный, чем три перечисленных выше. Простое существование советского режима или фашистской формы правления произвело на протяжении последних двух десятилетий огромное влияние на коммунистическое и фашистское движения во всем мире, на формы правления и экономической организации обществ. Это влияние было гораздо сильнее, чем то, которое оказали все платные агенты и пропагандисты, вместе взятые.

б) *Открытые действия, толерантность*. Влияние, оказываемое через *открытые акты* (нанесение удара, выстрел, вручение денег, поцелуй и т. д.) и через *воздержание* от внешних актов, слишком известно, чтобы давать дополнительные комментарии. Можно сделать несколько замечаний по поводу фактора *толерантности*. Его обычно пугают с пассивным воздержанием от действия. Тем не менее, как указывал Л. И. Петражицкий, толерантность в корне отличается от пассивного воздержания. В отличие от пассивной формы бездействия толерантность может требовать весьма серьезного внутреннего усилия, часто гораздо более серьезного, чем требуется для открытых действий. Поведение одного из христианских мучеников, который, в то время как его поджаривали на железной решетке, спокойно сказал своим мучителям: "Этот бок уже поджарился, пора перевернуть меня на другой", является убедительным примером фактора толерантности и интенсивного усилия воли. Нормы Нагорной проповеди обычно интерпретируются как призывающие к бездеятельности и пассивности, на самом деле предписывают метод активной толерантности — через любовь к своим врагам, подставление другой щеки и несопротивление ненависти и враждебности. Этика христианства не является этикой пассивного бездействия. Это — этика высшей толерантности (вспомним кредо Зосимы из "Братьев Карамазовых" Достоевского).

в) *Эффективные и неэффективные действия*. Открытые действия, воздержание от действия и толерантность являются бесконечно разнообразными по своим конкретным проявлениям. С точки зрения *причинной эффективности* есть действия, оказывающие сильный эффект, и действия, оказывающие лишь незначительное влияние. Если посетитель

проводит рукой по своей бороде, его действие не оказывает заметного влияния на слушателя. Напротив, одно слово, произнесенное спокойно, может оказать опустошительное воздействие на человека, к которому оно адресовано. Какие действия эффективны, а какие нет, зависит от многих условий.

г) *Продолжительные и краткосрочные действия.* Открытое действие, воздержание от действия различаются также по продолжительности своих результатов. Есть действия, влияние которых испаряется почти мгновенно, такие, как, например, приветствие друзей, плата за пачку сигарет в магазине и сотни других мелких действий, ежедневно осуществляемых. Другие действия оказывают долговременное воздействие, иногда вплоть до смерти участников и даже дольше. Так, первый поцелуй и первое любовное признание могут помниться долго после их осуществления. Половой акт может привести к зачатию и рождению ребенка — последствиям, которые могут оказывать перманентное влияние на карьеру матери. Другие примеры — брачная церемония, крещение, покупка собственности, окончание колледжа и освоение определенной профессии. Какие из действий являются продолжительными по своим последствиям, а какие являются краткосрочными, зависит от многих условий, таких, как время, место, участники, вид общества и культуры, биологическая и психологическая природа действия¹.

Продолжительность действия является важной, поскольку если бы его последствия были слишком эфемерными, было бы невозможно никакое общество с продолжительными взаимодействиями. С другой стороны, действия лишь с временными последствиями облегчают жизнь, поскольку если бы каждое действие имело длительные последствия, никому не удалось бы сохранять целостность своей личности, и ни одна нервная система не смогла бы выдержать этого напряжения.

д) *Сознательные и неосознательные действия.* Некоторые взаимодействия совершаются сознательно, другие бессознательно. Если они являются бессознательными (то есть представляют собой безусловные или условные рефлексы), они не являются надорганическими и, следовательно, не принадлежат к области социологии. Если, однако, некоторые действия одного участника взаимодействия являются бессознательными, а другие участники отвечают на них сознательными действиями, взаимодействие является социокультурным и принадлежит к области социологического изучения. Бессознательные действия одного участника, на которые дается сознательный ответ другими, весьма многочисленны; например, взаимодействие спящего ребенка и его матери, бредящего или находящегося в бессознательном состоянии пациента и его врача, или поверженного боксера и его противника-победителя. Привычные действия участника, осуществляемые автоматически без намерения оскорбить либо развеселить другого участника, часто принимаются этим участником (участниками) как намеренные, и ответом на них является сознательная реакция. Неосторожное слово или фраза, жест или движение, совершенные автоматически, нередко неправильно интерпретируются как сознательное оскорбление, вызов и т. п. В своей совокупности такие взаимодействия занимают громадное место в общем массиве социокультурных взаимодействий.

¹ Большинство утилитаристов, подобно Иеремии Бентаму, экономистов и психологов ошибочно рассматривают вопрос о том, какие действия являются продолжительными, а какие краткосрочными по своему влиянию. В них формулируются принципы *должного* в отношении продолжительности влияния, а не принципы *существующего*.

е) *Преднамеренные и непреднамеренные действия.* Сознательный процесс действия, воздержание от действия и толерантность разделяются на два класса: *преднамеренных*, мотивированных сознательной целью и осуществляемых ради ее достижения, и *непреднамеренных*, мотивированных исключительно прошлым и настоящим опытом, включая внушенные нормы и осуществляемые без какой-либо сознательной цели. В преднамеренных действиях, хотя все они тоже генерируются прошлым и настоящим опытом, всегда есть идея цели или конца и средств достижения¹.

Многие мыслители, включая утилитаристов, гедонистов и рационалистов, считали, что все сознательные действия являются или преднамеренными, или средствами достижения какой-то цели². Другие идут еще дальше и рассматривают все социальные действия как средства к достижению определенных целей³. Есть даже такие ученые, которые рассматривают как сознательное и преднамеренное практически каждое действие амебы и подобных организмов, а все изменения неорганической материи (такие, как окисление) считают проявлением памяти⁴. Это самая грубая форма антропоморфизма. Если бы мы приняли этот взгляд, термины "научение", "запоминание", "сознательный" и "преднамеренный" потеряли бы всякий смысл, различие между научением и горением угля, запоминанием и окислением нефти, формированием целей и гниением листьев, сознанием и любым неорганическим процессом исчезло бы. Не менее ошибочными являются теории, которые рассматривают все человеческие действия как сознательные и преднамеренные. Существования безусловных и частично условных рефлексов, инстинктивных, бессознательных и подсознательных действий, с их механизмами "побуждения" и стимуляции достаточно, чтобы отвергнуть все такие теории⁵.

Ошибочными являются также теории, идентифицирующие сознательные и преднамеренные действия и рассматривающие все социальные действия как преднамеренные средства для достижения целей. 1). Взаимодействия бессознательно-сознательного типа явно не являются сознательными со стороны бессознательного участника. 2). Эти авторы неправильно употребляют телеологические термины "средства" и "цели", путая их с совершенно другими категориями причины и следствия, предыдущего и последующего. В. Парето в своем разделении человеческих действий на логические и нелогические говорит о "субъективных" и "объективных" целях, имея в виду под "субъективной целью" сознательную цель, и под "объективной целью" любое последствие действия. Согласно ему, объективная цель обнаруживается даже там, где нет субъективной цели, например в рефлексах людей и животных. Можно справедливо говорить об объективных последствиях или следствии рефлекторного действия или предшествующих и последующих действий в хронологической последовательности; но как можно говорить об "объективной цели" или "намерении" в связи с действиями, лишенными

¹ См. хороший анализ преднамеренных действий: *Draghicesco D. L'Idéal Createur*. P., 1914.

² См., например: *Ihering R. Der Zweck in Recht*. Leipzig, 1877—1883. 2 Bds.

³ *Pareto V. Trattato di sociologia generale*. Torino, 1916. V. 1. P. 65; *Parsons T. The Structure of Social Action*. N. Y., 1937.

⁴ *Thomas W. I. Primitive Behaviour*. Ch. 3, 4; *Mathews A. P. Physiological Chemistry*. N. Y., 1936. Ch. 2.

⁵ По поводу этих действий и механизма их стимулирования см.: *Murphy G., Newsholme T. Experimental Social Psychology*. N. Y., 1936. Ch. 2.

какого-либо сознательного намерения или цели? Термин "объективная цель" является столь же парадоксальным, как "безрукая рука" или "непреднамеренное намерение". Он требует, чтобы мы рассматривали как телеологическое и антропоморфическое любое нетелеологическое физическое и биологическое явление. Тем самым он лишает телеологические явления их преднамеренного характера, дифференцирует идентичные явления и приводит нас к туманной псевдоконцепции универсальных средств и целей, лишенных какого-либо точного значения. В результате, когда это "непреднамеренное намерение" используется как фундаментальная категория в любом анализе, за этим следует масса других ошибок, как в случае В. Парето и других теоретиков. 3). Большая часть даже сознательных действий не является преднамеренными по мотивации или характеру. Большинство действий людей и животных совершается не ради достижения какой-то цели, но в ответ на самые разные мотивации. Действия, направленные к определенной цели или ради чего-либо, нужно отличать от действий *из-за* чего-то. Дело в том, что способность вызывать эмоции и через них вызывать действия свойственна не только идеям по поводу будущего, но и в меньшей степени идеям по поводу прошлого, как, например, в случае памяти о перенесенном оскорблении. Если данное действие вызывает в другом человеке чувство ненависти, негодования, презрения, восхищения или любви, то эмоция проявляется в форме негодования, презрительных или хвалебных слов или в акте нанесения удара, аплодирования, поцелуя или объятия, без какой-либо мысли о достижении некоей цели. На самом деле если бы человек захотел выразить презрение, справедливое негодование или восхищение ради той или иной цели, то это бы определенно свидетельствовало о том, что его поведение не является искренним и есть лишь чистая поза или бурлеск. Многие формы человеческого поведения по самой своей природе исключают преднамеренную мотивацию перед лицом будущего и предполагают мотивацию, идущую от прошлого опыта. Все такие мотивации и действия, где стимулирующие идеи, образы и эмоции основаны скорее на прошлом опыте и событиях, чем на будущих целях, названы Л. И. Петражицким "фундаментальными мотивациями и действиями", в отличие от преднамеренных, где идеи и представления всегда относятся к будущему!^{1*}

Сознательные, но непреднамеренные действия можно также проиллюстрировать на примере действий, совершенных в противоречии с целями человека. Человек, страдающий алкоголизмом, видя бутылку спиртного, не может удержаться перед искушением и пьет, нарушая свою открыто признанную цель воздерживаться от употребления спиртного. Толстяк или обжора ест искушающую его еду, несмотря на свое решение продолжать придерживаться ограничивающей диеты. Распутник грешит, несмотря на свое решение исправиться. Сражающийся бежит от врага, несмотря на свое решение храбро сражаться. Во всех этих случаях сознательная цель нарушается открытым поведением, равно сознательным, но не преднамеренным. Реальная мотивирующая сила — это не цель, а биологическое побуждение, условный рефлекс (или привычка) или определенный объективный стимул, такой, как алкоголь, обнаженное тело, искушающая еда или устрашающее животное или враг.

¹ * Имеются в виду идеи Л. И. Петражицкого, изложенные им в книге "Теория права и морали". Спб, 1910.

Существует распространенное убеждение, что делать что-либо без цели — это нонсенс. Но природа действовала бы очень глупо с точки зрения сохранения и развития жизни, если бы организмы были устроены так, что никакое действие не было бы возможно без преднамеренного расчета. Такая ситуация привела бы к колоссальной трате жизненной энергии и времени, особенно разрушительной, когда безопасность или успешное осуществление биологических функций требуют мгновенного приспособления к обстоятельствам. Сложный психический процесс преднамеренной мотивации требует сравнительно долгого времени. Что бы произошло с человеком, если бы ему пришлось претерпевать такую задержку, перед тем как отпрыгнуть, заслышав гудок автомобиля, или увернуться от неожиданного удара, самоочевидно.

Другой вид сознательной, но непреднамеренной мотивации — это "действенная", "самодостаточная" или "нормативная" мотивация, если пользоваться терминологией Л. И. Петражицкого. Здесь роль идей и образов, которые стимулируют процессы формирования эмоций и через них вызывают действия, играют роль *самих образов действия*. Если честному человеку предлагают взятку, чтобы он совершил акт клеветы, подлога или отравления, сам образ или мысленное представление о таком злодейском деянии вызывает отталкивающие, ингибирующие эмоции. Эти эмоции часто достаточно сильны, чтобы свести на нет привлекательность взятки или других наград, предлагаемых путем преднамеренной утилитарной мотивации. Другие "действенные" идеи, например, относящиеся к хорошим, благородным или героическим действиям, вызывают соответствующие эмоции и приводят к свершению соответствующих действий. Идеи этого рода проявляются часто в форме суждений, одобряющих или отвергающих соответствующее действие не как средство к данной цели, а само по себе: например, "лгать стыдно", "ты не должен лгать" или "всегда говори правду". Такая самодостаточная нормативная мотивация, состоящая просто из "ты должен" или "ты не должен", применяется к поведению детей так же, как и к поведению взрослых людей. Исследования Ж. Пиаже показывают, что первая стадия в моральном развитии детей — стадия их "гетерономной" моральности — состоит именно из таких нормативных суждений и мотиваций, где правила (даваемые взрослыми) рассматриваются как священные. Около 67 процентов всех их норм — нормы этого типа¹. Большая часть норм поведения взрослых также имеет этот характер, остальные складываются из самодостаточных норм, навязываемых утилитарными и другими соображениями. Суждения, основанные на таких "действенных" идеях и эмоциональной привлекательности или неприязни, можно назвать "нормативными суждениями". Как показал Л. И. Петражицкий, эти "нормативные" мотивации, суждения и убеждения есть реакция, отношения и убеждения сферы *закона и этики*.

Вышесказанного достаточно, чтобы показать ошибочность мнения, что все сознательные действия являются преднамеренными. Если мы предписываем должное значение терминам "преднамеренный" и "телеологический" коррелирующим с ними терминам "средства" и "цель", тогда становится понятно, что сознательные действия не всегда являются преднамеренными и что сознательные мотивации, названные Л. И. Петражицким "фундаментальными", "действенными" и "нормативными", являются непреднамеренными. Мы приходим к тому же выводу, если подойдем к проблеме с позиции теории И. Павлова об условных и безусловных рефлекссах.

¹ Piaget J. The Moral Judgment of the Child. L., 1932. P. 312.

В свете этого вывода неадекватность схемы "средств и цели", даже в применении к сознательным действиям и социальным отношениям, очевидна. Поскольку базовая посылка неправильна, результатами этого псевдотеологического анализа социальных явлений можно либо пренебречь, либо считать их искажающими реальность. Эта схема применима и полезна лишь в отношении преднамеренных явлений, но они составляют лишь небольшую часть социокультурных явлений.

§ 4. Значения, ценности и нормы в родовых социокультурных явлениях

Значения и ценности, находящиеся над биофизическими свойствами взаимодействующих индивидов, формируют второй компонент социокультурных явлений. Значения можно классифицировать следующим образом: 1) когнитивные значения в узком смысле слова, такие, как значение философии Платона, христианского символа веры, математической формулы или теории прибавочной стоимости Маркса; 2) значимые ценности, такие, как экономическая ценность земли или другой собственности, ценность религии, науки, образования или музыки, демократии или монархии, жизни или здоровья; 3) нормы, на которые ссылаются как на стандарт, такие, как нормы права и морали, нормы этикета, технические нормы или предписания по конструированию механизмов, написанию стихотворения, приготовлению мяса или выращиванию овощей. Эти три класса значений являются неотъемлемыми аспектами всех значимых явлений. Любое значение в узком смысле слова является ценностью (когнитивной или иной). Любая ценность предполагает норму по ее реализации или отвержению, например, ценности богатства, царства божия, добродетели, здоровья и соответствующие им средства достижения или избегания таких целей. С другой стороны, любая норма — юридическая, этическая, техническая или любая другая — непременно является значением, позитивной или негативной ценностью. Поэтому термины "значение", "ценность" и "норма" будут использоваться попеременно, чтобы обозначить весь класс значимых явлений¹, наложенных на биофизические свойства индивидов и предметов, действий и событий.

Лишенные своих значимых аспектов, все явления человеческого взаимодействия становятся просто биофизическими явлениями и в таком качестве образуют предмет биофизических наук. Преднамеренное или непреднамеренное, мотивированное солидарностью или антагонизмом, осуществляемое в целях сотрудничества или нет, гармоничное или дисгармоничное, порожденное любовью или ненавистью, договорное или общинное, религиозное или нерелигиозное, моральное или аморальное, научное или художественное — такие социокультурные характеристики являются неотъемлемой частью не биофизических свойств взаимодействия, а значимого компонента, заложенного в них. То же верно и относительно всех социальных систем взаимодействия, таких, как государ-

¹ Предпринятое Ф. Тённисом деление социальных явлений на пять классов — социальные общности ("община" — *Gemeinschaft* и "общество" — *Gesellschaft*), социальные отношения, нормы, ценности и стремления (*Bezugsgebilden*) — несовершенно. Его разделение того, что я называю "значимым компонентом", на нормы, ценности и стремления — несколько лучше. Однако его понятие "стремления" очень неясно. Классификация значений (в родовом смысле) на нормы, значения и ценности кажется более логически обоснованной (см.: *Tönnies F. Einführung in die Soziologie. Stuttgart, 1931*).

ство, семья, церковь, университеты, академии наук, политические партии, рабочие союзы, армии и флоты. В химическом пространстве нет научного или философского элемента, нет профсоюзной молекулы, нет образовательной или религиозной реакции. В физическом пространстве нет таких явлений, как государство или церковь, нет преднамеренных, этических, антагонистических или солидарных, договорных или художественных взаимоотношений. В биологическом мире нельзя найти религиозной клетки, юридической хромосомы, моральной ткани, политического органа, биологических видов профсоюзов или университетов или — если биологию лишить ее антропоморфических элементов — никаких солидарных или антагонистических, договорных или общинных отношений¹.

Лишенное своего значимого компонента "Государство" Платона становится материальным объектом (книгой) с определенными физическими и химическими свойствами. Ника Самофракийская оказывается не более, чем куском мрамора, хоть и с определенной геометрической формой и определенным физико-химическим строением.

Девятая симфония Бетховена состоит из комплекса звуков, то есть воздушных волн различной длины и амплитуды. Национальный флаг становится просто куском материи, привязанным к палке. Сотрудничество становится "сложением или умножением сил", война — "вычитанием сил"; социальная организация — "эквilibром сил"; право — "корреляцией сил"², сознание — "агрегацией электронов и протонов" (А. Вейсс); эмоция — определенным "отношением стимул-ответ" (В. Хантер); страх — "поведением носителя определенных характеристик, реагирующего на стимул из определенных характеристик внутри определенного поля сил" (Г. Лундберг) и т. д. Короче, без компонента значения все социокультурные явления становятся чисто физическими или биологическими. В таком виде они справедливо исследуются лишь биофизическими науками, категории и законы которых применимы к людям, рассматриваемым лишь как организмы или агрегации материи³.

¹ Как мы увидим, то, какие отношения являются солидарными, а какие антагонистическими, определяется не столько природой открытых действий и реакций, сколько их внутренними значениями. Открыто мы можем различать действия и реакции лишь в смысле пространственного подхода сближения, расхождения и отвлечения от участников взаимодействия. Однако, если мы назовем все взаимодействия, участники которых сближаются друг с другом, солидарными, тогда две армии, сближающиеся в смертельной битве в тесном пространстве, представляют наиболее солидарное взаимодействие, в то время как армии, удаляющиеся одна от другой после прекращения огня, представляют антагонистическое взаимодействие. Без значимого компонента мы не можем сказать, какие реакции являются солидарными, а какие антагонистическими, и если мы все же попытаемся это сделать, то результат будет абсурдным. По этой причине характеристика ассоциативных процессов как тех, в которых участники сближаются друг с другом, а диссоциативных как тех, где они расходятся, оказалась совершенно неудовлетворительной. Это было хорошо показано Л. фон Визе и Г. Беккером.

² Воронов Б. Основания социологии. Спб., 1909; Wiese L. von, Becker H. Systematic Sociology. N. Y., 1932. P. 5 and 37.

³ Социальная ценность противостоит естественным явлениям, которые имеют содержание, но, будучи частью природы, не являются значимыми для человеческой деятельности и расцениваются как не имеющие ценности; когда природные явления приобретают значения, они становятся социальными ценностями⁴, — заявляют У. Томас и Ф. Знанецкий. Можно лишь пожалеть, что они не извлекли соответствующих выводов из этого убедительного принципа (Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant. N. Y., 1927. V. 1. P. 21).

Компонент значения, ценностей и норм совершенно отличен от третьего компонента социокультурных явлений — компонента материальных носителей — и ни в коем случае не может быть идентифицирован ни с физическими или биологическими свойствами носителей, ни с этими свойствами субъектов взаимодействия. Это бесспорно доказывается тем, что одно и то же значение (например, христианского символа веры) может быть материализовано или объективировано во множестве материальных носителей: произнесением его вслух (звуки или воздушные волны служат в качестве носителей), написанием или печатанием его на бумаге, камне или стальной пластине, записыванием его на пластинку фонографа, передачей его по радио. Значение символа веры, однако, остается прежним, несмотря на широкое разнообразие носителей и их физических и химических свойств.

Значение враждебности может проявляться во множестве открытых действий, таких, как стрельба, отравление, утопление, повешение, сжигание или закалывание ножом ненавистного лица; пытанье любимых им людей, его экономическим разорением или выдачей его властям. Все открытые действия выражают значение враждебности, в отличие от любви, сочувствия, благотворительности, солидарности и тому подобного. То же можно сказать о любом социокультурном явлении: значение может быть экстернализовано через самые разнообразные биофизические носители. Например, материальное явление может выполнять функцию носителя при экстернализации широкого спектра значений, ценностей и норм. Одна и та же сумма денег одного вида и стоимости может в один раз служить как средство помощи нуждающимся; в другой — уплаты долга; в третий — для подкупа; в четвертый — для совращения девушки; в пятый — для покупки некоего товара и т. д. Сами деньги как носитель не меняются; совершенно иными являются значения, которые они выражают¹. Также открытое действие может внешне оставаться одинаковым во всех своих существенных компонентах, но его значения могут быть совершенно различными. Половой акт означает в один момент проституцию, в другой — совращение, в третий — адюльтер, в четвертый — изнасилование, в пятый — законное соитие супружеской пары. Внешние действия типа показывание кулака, шлепание или выстрела из ружья могут различаться по своим намерениям от игры до полной серьезности. Поцелуй может быть "лаской" Иуды или проявлением глубокого чувства любви; словесные выражения могут варьироваться от несущественного "как дела?" или льстивого "я тобой восхищен!" до искренних проявлений соответствующих значений. В противном случае не было бы лжи, лицемерия или неискренности.

Человеческий организм может оставаться биологически неизменным, но значения, заложенные в нем, могут широко и радикально варьироваться. Царь Николай II не изменился биологически, когда был смещен со своего высокого поста и разжалован до статуса заключенного. Так же без какого-либо биологического изменения политический преступник Ленин неожиданно стал диктатором, и неизвестный никому Робеспьер поднялся в одну ночь до главы сильной якобинской группы. Этот сдвиг в ценностях можно показать даже на примере мертвых. Никаких физических, химических или биологических изменений не произошло в прахе французских королей, которые умерли задолго до французской революции, однако во время революции их значение как

¹ О разностороннем характере денег как носителя см.: *Simmel G. Philosophie des Geldes. Leipzig, 1900.*

высокоценимых и уважаемых суверенов трансформировалось в значение ненавистных тиранов и угнетателей. В наших личных отношениях такие сдвиги значений происходят ежедневно; человек, который еще вчера был нашим врагом, сегодня становится другом, хотя в его организме за это время не произошло физических или биологических изменений. Сегодняшние любовники завтра становятся врагами; почитаемые лица — презираемыми, знаменитые — безвестными¹.

Тождество значений, ценностей и норм, проявленных в самых разнообразных материальных носителях, идентичность носителей, воплощающих широко разнообразные значения, показывают: 1) присутствие компонента значений, ценностей и норм во всех социокультурных явлениях; 2) глубокое отличие этого компонента от двух других (людей и материальных носителей); 3) относительно слабую связь между компонентом значения и компонентами носителей и человеческим фактором. Поскольку любое значение может проявляться через различные носители и человеческий фактор и поскольку любой носитель или человеческий фактор могут включать в себя различные значения, связь между ними скорее является "полигамной", чем "моногамной"; скорее слабой, чем сильной.

Компонент значения может воздействовать на поведение людей и на природу носителей так сильно, что их биофизические свойства становятся сравнительно иррелевантными. Палка может стать высокосвященной чурингой аборигенов Австралии, кусок дерева, предположительно являющийся частью креста Иисуса, трансформируется в драгоценную чудодейственную реликвию; кусок дешевой ткани на палке может стать национальным флагом страны, ради которого люди с радостью отдают свою жизнь. Обычный человеческий организм — возможно, даже больной и слабый — может стать святым, или пророком, или обожествляемым монархом, или увенчанным славой революционером-вождем. Напротив, сильный и физически великолепно сложенный организм может стать проституткой или даже преступником. Свойства, определяемые как "священные", "святые", "героические", "добродетельные", "возлюбленные" и т. д., и их противоположности принадлежат не биофизическим чертам соответствующих субъектов или лиц, но значениям, которые на них налагаются.

Таким образом, материально идентичное часто является совершенно различным в социокультурном отношении благодаря разнице в значениях или ценностях, приписываемых ему; наоборот, то, что различается биофизически, часто идентично по социокультурным параметрам. Идентичные действия (например, ношение оружия), совершенные одним и тем же человеком в одной и той же местности, могут быть когда-то преступными, а когда-то — законными. С другой стороны, совершенно различные материальные объекты, лица и открытые действия могут быть с социокультурной точки зрения идентичными.

Отсюда: применение принципов идентичности и различия на базе значений, выраженных через материальные объекты, открытые действия и людей, часто ведет к результатам, радикально отличающимся от тех, которые возникают на базе их биофизических свойств.

Предшествующий анализ ясно показывает абсурдность так называемого натуралистического и бихевиористического исследования

¹ Серия экспериментальных исследований показывает, что нет даже аффективных ценностей удовольствия и неудовольствия, которые бы необходимым образом связывались с соответствующими объектами, но что эти ценности могут быть приписаны почти любому объекту (Sherif M. The Psychology of Social Norms. N. Y., 1936. P. 28; Beebe-Center J. Pleasantness and Unpleasantness. N. Y., 1934).

социокультурных явлений. Если бы эти исследования проводились последовательно, то следовало бы классифицировать все социокультурные явления как идентичные или различные лишь на основе их биофизических свойств; в таком случае не было бы политических, экономических, религиозных, научных, эстетических или юридических классов явлений, поскольку каждый из этих классов состоит из самых разнородных объектов, лиц, действий, событий и процессов. По той же причине нельзя было бы законно говорить о солидарных или антагонистических, воинствующих или мирных, корпоративных или конфликтных, преднамеренных или непреднамеренных отношениях и действиях, как и о семье, государстве, церкви, политических партиях, профсоюзах, научных сообществах, классах или любой другой форме организованных групп. Более того, классифицируя явления на базе их биофизической природы, исследователям придется рассматривать как идентичное то, что социокультурно абсолютно различно. Все случаи стрельбы станут идентичными (например, не будет разницы между стрельбой как убийством, стрельбой на войне и стрельбой для развития навыка); все половые акты будут идентичными, связаны ли они с проституцией, изнасилованием или супружескими отношениями. Все объекты, сделанные из одного материала (например, из дерева), будут занесены в один класс, будь то деревянный крест, деревянная свастика, деревянные игрушки или деревянная мебель. Здания из одних материалов и одной формы обязательно будут рассматриваться как идентичные, будь то церковь, коммунистический клуб, склад, концертный зал или оружейный арсенал. Все лица с одинаковыми физическими чертами будут также классифицированы как идентичные, хотя они могут быть представителями разных наций, религий, классов, занятий, экономических слоев и т. д.

Когда действительно пытаются создать последовательную натуралистическую и бихевиористическую социальную науку, то ее результатом является большое число совершенно абсурдных утверждений. Поэтому неудивительно, что, несмотря на звучные манифесты, ни одна из таких теорий никогда не выполнила своей программы даже на начальных стадиях. В своем фактическом анализе исследователи неизменно забывают о своих декларациях и продолжают классифицировать и анализировать социокультурные явления на базе их значимого компонента, а не на основе биофизических свойств носителей. Так, все они говорят об экономических, религиозных, научных или политических переменных и факторах; о церкви, государстве, семье и других социальных системах, природа которых основана на значимом компоненте; о солидарных и антагонистических, юридических и преступных и других значимых отношениях и действиях. Но, отталкиваясь от ложной посылки и не располагая четкими представлениями о структурном строении социокультурных явлений, они классифицируют и анализируют их ошибочно.

Наконец, компонент значения трансформирует не только социокультурную природу своих носителей и людей, но также и причинные связи между ними; он создает осязаемую причинную взаимозависимость между носителями и людьми там, где на базе их биофизических свойств такая взаимозависимость не существует; напротив, он исключает причинную зависимость там, где в противном случае она бы существовала. Люди и носители, которые составляют Гарвардский университет, или римско-католическую церковь, или Соединенные Штаты Америки, являются чрезвычайно гетерогенными по своим биофизическим свойствам. Возьмите, к примеру, Гарвардский университет с его различными здани-

ями, труппами в его медицинской школе, колоссальными собраниями в его музеях, книгами в библиотеках и разнообразными людьми. На базе своих биофизических свойств это гетерогенное собрание объектов и лиц не может иметь никакой осязательной причинной взаимозависимости. Тем не менее если какая-то значительная перемена происходит в любой важной части этих носителей и людей (скажем, Виденерская библиотека будет сожжена, или поменяются президент и члены корпорации), они могут сразу сказаться на всем университете. Например, необычно большие расходы по восстановлению библиотеки могут привести к сокращению бюджетов всех факультетов, а это окажет влияние даже на число трупов в медицинской школе, не говоря уже о существенных изменениях во многих носителях и членах университета. Подобным же образом новый президент и новая корпорация могут вести новую политику, которая окажет многообразное влияние на носителей и членов института. Эта причинная взаимозависимость между социокультурными явлениями, где на базе чисто биофизических свойств такая зависимость не существует, представляет общий закон.

Напротив, компонент значения часто исключает причинную связь, которая существовала бы без него. Если бы не было социокультурных норм религии, права или морали, запрещающих, например, незаконные половые связи и воровство или побуждающих человека жертвовать своей собственностью и даже жизнью ради идеала, взаимозависимость или взаимодействия между людьми были бы весьма отличными от тех, какими они являются сейчас. Если бы не было ценностей и норм, гарантирующих гражданские и политические права, свобода и независимость не присутствовали бы в тысячах человеческих связей; те, кто биофизически являются сильнее, господствовали бы над более слабыми, а слабые были бы причинно зависимы от более сильных. Если на мгновение мы представим человеческое пространство как управляемое и контролируемое лишь своими биофизическими свойствами, без каких-либо религиозных, правовых, этических, научных или эстетических значений, мы сможем сразу увидеть, что причинные отношения в этом пространстве, в действиях и реакциях его членов будут фундаментальным образом отличны от тех, каковы они на самом деле. Огромная доля причинных отношений, которые сейчас существуют, отсутствовала бы, и наоборот.

Последующий анализ делает совершенно ясным то, что значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений.

§ 5. Материальные носители как универсальный компонент социокультурных явлений

Определение носителей. Поскольку чистые значения, ценности и нормы являются нематериальными, существуют вне пространства и времени, их нельзя переносить прямо от сознания к сознанию, кроме как с помощью телепатии или экстрасенсорной передачи¹. Если такая прямая передача идей или значений существует, она является чрезвычайно редкой, доступной лишь очень ограниченному числу людей и при

¹ *Rhine J. B. Extrasensory Perception. Boston, 1935; New Frontiers of Mind. N. Y., 1937.*

исключительных условиях¹. Подавляющее большинство значимых взаимодействий между людьми происходит не через экстрасенсорное восприятие, а через инструменты сенсорных носителей — открытые действия и материальные объекты, которые экстернализуют, материализуют, объективируют и социализируют нематериальные значения. Для того чтобы передать другому значение " $2 + 2 = 4$ ", мы должны сказать ему это, то есть через действия нашего голосового аппарата объективировать значение в определенных звуках, которые, достигая его ушей, ретрансформируются в сознании (через нервную систему) в значение. Или мы можем написать это значение на бумаге, и тогда цифры станут материальным носителем, посредством которого передается идея. Или мы можем использовать определенные жесты, как в случае с глухонемыми. То же верно в отношении любого другого значения и его передачи. Если какое-то значение или система значений остается в сознании человека, которое воспринимает их, а не объективируется в любом носителе, они, очевидно, остаются недоступными для других людей и погибают со смертью его автора, если даже не раньше.

Все сенсорные открытые действия, материальные объекты, физические, химические и биологические процессы и силы, используемые для экстернализации, объективизации и социализации значений, являются носителями значимого взаимодействия. В качестве таковых они составляют третий универсальный компонент социокультурных явлений. Схема значимого взаимодействия такова: субъект А объективирует свое значение N в носителе X, в устной или письменной форме; носитель X входит в контакт с соответствующим чувственным органом В и воспринимается им, а в сознании В оно трансформируется в значение N. Языки, как устные, так и письменные, жесты и пантомима, музыка и другие значимые звуки, живопись и скульптура и такие материальные объекты, как орудия, машины, оружие, одежда, здания, памятники, обрабатываемые поля, мощеные дороги и искусственные дамбы, — короче, все материальные явления, существенные для значимого взаимодействия людей, являются носителями социокультурных явлений. Все они объективируют различные значения, социализируют их и делают их доступными для других.

Поэтому неточно говорить о социокультурных явлениях так, как будто бы они состоят исключительно из людей; помимо людей они включают в себя нематериальные значения и их материальные носители как равно существенные и универсальные компоненты. Структура эмпирических социокультурных явлений, таким образом, состоит не из одного, а из трех компонентов. Этот принцип часто игнорируется, и в результате этого постоянно совершается ряд теоретических и практических грубых ошибок теми, кто воспринимает лишь один компонент — либо людей, либо значения, либо носителей.

Носители как проводники взаимодействия. Как уже было показано, без носителей как проводников невозможно значимое взаимодействие.

¹ Поэтому же Гурвич неправильно противопоставляет "общение через интерпретацию" как прямую внутреннюю связь между умами, основанную на действительной коллективной интуиции, где символы (носители) либо вообще не участвуют, либо играют вторичную роль, и "общение через конвергенцию", в которой индивидуальные сознания обобщаются исключительно через символические носители. Он не показывает, как, в отсутствие носителей, могут возникнуть коллективные интуиции и происходить значимый обмен информацией. См. его: *Essai de sociologie*. P., 1938. P. 1—112.

Даже чисто физическое взаимодействие людей было бы в этом случае сокращено до скудного минимума. Даже если принять во внимание так называемые дистанционные рецепторы-органы, способные воспринимать сигналы на расстоянии, спектр физического взаимодействия существенно не увеличился бы. Несколько миль были бы пределом, за которым невозможно никакое физическое взаимодействие. То же верно в отношении времени, поскольку без помощи проводников было бы исключено любое физическое взаимодействие между людьми, не находящимися поблизости друг от друга в данный момент — особенно между умершими и живыми или между прошедшими, настоящими и будущими поколениями.

Однако мы знаем, что взаимодействие происходит между людьми, разделенными тысячами миль (посредством газет, телеграмм, радио и т. д.), и даже между умершими и живыми. Платон, Шекспир, Бетховен и Рафаэль до сих пор влияют на состояние нашего ума и наши действия, когда мы читаем, слушаем или смотрим их работы. Очевидно, что такое взаимодействие возможно только через посредство носителей как проводников.

Основные типы носителей. В своих конкретных формах проводники взаимодействия являются многочисленными и разнообразными. Мы должны отличать, во-первых, *физические* и *символические* проводники. *Физические* проводники — это те, в которых природные качества носителя используются для того, чтобы изменить состояние ума и открытые действия другого. Так, камень, пуля или атомная бомба, направленные на врага, воздействуют на него через свои физические свойства, включая силу удара. *Символические* проводники оказывают влияние не столько благодаря своим физическим свойствам, сколько благодаря символическому значению, приписанному им. Сказанное слово оказывает влияние не столько через физические качества звука, сколько через значение, которое оно передает. Отдельное слово, тихо произнесенное, часто оказывается более эффективным, чем самый громкий и оглушительный шум. Символические проводники требуют, чтобы человек понимал язык, на котором говорят или пишут, чтобы придать звукам или знакам их правильное значение. В противном случае они остаются чистой тарабарщиной. Не нужно говорить, что символические проводники играют основную роль в мире значимых взаимодействий.

Согласно *физической* форме используемой энергии или материи, основными проводниками взаимодействия являются: а) *звуковые проводники*, где сообщение передается воздушными волнами. Примерами этого типа проводников являются речь, музыка и различные шумы; б) *световые* и *цветовые* проводники, где применяется энергия света. Примерами могут служить уличное освещение и картины; в) *пантомимические проводники*, состоящие из жестов и экспрессивных движений; г) *термические проводники*, где энергия тепла используется, чтобы повлиять на поведение или сознание других людей; д) *механические проводники*, где в этих целях используется механическая энергия. Нанесение ударов, толкание и ужаливание являются иллюстрациями к этому типу; е) *химические проводники*, где химические свойства используются для взаимодействия; ж) *электрические* и *радиопроводники*, где используется комплекс физико-химических и биологических свойств в форме данного объекта с целью взаимодействия; з) *материально-объектные* проводники, где комплекс физико-химических и биологических свойств используется в форме данного объекта в целях взаимодействия. В них самым важным является не то

или иное свойство объекта, а специфический комплекс качеств, как в случае кольца, надеваемого при помолвке, или семейных реликвий, национального флага, банковского чека.

Перечисление основных типов проводников показывает, что почти все физико-химические энергии используются как носители взаимодействия. Оно показывает также ошибочность рассмотрения языка (устного или письменного) как единственного инструмента значимого взаимодействия.

Давайте предпримем детальное исследование каждой из этих форм.

А). **Звуковые проводники.** Звуки, как таковые, функционирующие в качестве как физических, так и символических проводников, совершенно отдельно от их символических качеств могут воздействовать на наше сознание и поведение. Следующий случай влияния звуков, оказываемого независимо от их символического значения, предоставляет нам убедительный пример. Человеку предлагали многократно поднять средним пальцем правой руки груз в три килограмма, пока его палец не перестал работать. Обнаружилось, что определенный звуковой сигнал позволял ему поднимать груз большее число раз. Таким образом, в шестнадцати экспериментах, когда звучала определенная квинта, он поднял его 850 раз, но, когда это тональное сочетание было снижено на полтона по высоте, он смог поднять его лишь 50 раз кряду. В этом случае звук действовал исключительно как физический агент.

Из нашего собственного опыта мы знаем, что определенные громкие звуки, без какого-либо связанного с ними значения, воздействуют на наше сознание и поведение. Вопрос шума в наших больших городах стал серьезной проблемой.

Главная роль звуковых проводников, однако, состоит в том, что они являются символическими носителями. Среди символических звуковых проводников самыми важными являются *речь* и *музыка*. Благодаря своей подвижности, доступности и простоте передачи эти символические проводники представляют самые важные агенты значимого взаимодействия.

Речь является основным медиумом для объективации и передачи значений, даже тех, которые имеют очень сложный и тонкий характер. Нет преувеличения в утверждении, что надорганическая социокультурная жизнь становится возможной исключительно благодаря существованию языка. Не только значимое взаимодействие, но даже сама мысль (особенно абстрактная мысль) вряд ли возможны без использования слов.

Именно посредством речи люди главным образом регулируют свое взаимное поведение. Когда мы хотим побудить остальных к определенному поведению или удержать их от чего-либо, мы почти всегда используем устные символы, как в предписаниях: "Руки вверх!", "Сделай это!" или "Не делай этого!" Где бы ни встречались люди — в конгрессе или на рынке, в церкви или дома, в классе или в суде, устные проводники играют значительную социальную роль¹.

Слова подобны электрическому току, который проходит через людей. Их воздействие иногда изумляет; слово может убить человека! Не является простым совпадением то, что во многих религиях, как, например, в брахманизме, слова воспринимаются как магические силы, управляющие миром и даже волей богов. В Писании говорится:

¹ Помимо действительного смысла произносимых слов голос сам по себе, через свои высоту и тембр, действует как дополнительный стимул (*Darwin C. The Expression of the Emotions. N. Y., 1873. P. 83—95*).

"В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог"¹.

Музыка является второй основной формой символических звуковых проводников. По своей природе она больше приспособлена к объективации и передаче чувств, эмоций, настроений или неуловимых умственных состояний, которые не поддаются вербальному выражению, и поэтому она чаще используется для эмоциональной, чем для интеллектуальной коммуникации. Талантливый музыкант за фортепиано связывает своих слушателей с собой невидимыми нитями; звуковые волны, происходящие от движений его пальцев по клавиатуре, передают его эмоции слушателям, создавая в них волны физического переживания. Некоторые из этих волн вызывают состояние подавленности — грусть, уныние, печаль, с их соответствующими открытыми реакциями; в то время как другие вызывают чувства радости, счастья или веселья, сопровождаемые соответствующими движениями. Таким образом, из индивидов, составляющих концертную аудиторию, создается эмоциональное и часто идеологическое целое. Волнующее или подавляющее воздействие музыки, говорит Г. Бон, было известно еще в античности. "Кроме похоронных маршей, сопровождаемых подавленным настроением и медленными движениями, есть также волнующая музыка, побуждающая людей энергично двигаться, маршируя или танцуя, что нельзя даже представить без воздействия музыки"².

Люди часто приписывали священным формам музыки магическое и мистическое влияние, которое правит вселенной, богами и людьми. В некоторых формах музыка производила потрясающий эффект на слушателей (как и на исполнителей), как плохой, так и хороший. Ее социокультурная роль всегда была весьма значительной.

Помимо речи и музыки звуковые проводники действуют рядом других способов. Выстрел пушки в Петрограде когда-то означал наступление полдня; свисток локомотива означает отправление поезда; гудки заводов означают новую смену; звонок в классной комнате означает начало урока; церковные колокола объявляют о религиозной службе; звонок телефона сообщает нам, что кто-то хочет с нами поговорить.

Б). Световые и цветные проводники. В общественной жизни эти агенты действуют главным образом в символической форме. Вместе со звуковыми проводниками цветные и световые проводники образуют самый распространенный и самый важный метод объективации и передачи значений или ценностей.

Наиболее важным из них является письменность. В самом широком смысле она включает в себя все, что было отмечено человеком на различных объектах (бумаге, камне, стенах, человеческом теле и т. д.) с помощью знаков или рисунков с целью выразить различные значения, ценности и нормы. Письменность в этом смысле включает в себя не только буквенное письмо, но также иероглифы, клинопись древних ассирийцев и символические знаки первобытного человека, так же как и условные обозначения и символы, используемые в математике.

В цивилизованном мире книги — наиболее широко используемая форма световых проводников; каждая книга представляет собой

¹ Интересно, что среди народов, не знающих письменности, речевые реакции, похоже, являются неотделимой частью организма людей. Так и у животных, которые используют все тело для элементарных форм коммуникации. У человека цивилизованного чрезмерное использование слов и соответствующая умственная эквилибристика обеднили язык и привели к неправильному его применению, что, как при шизофрении, может в конце концов оказать разрушительное действие на психику человека.

² Bohn G. La Nouvelle Psychologie animale. P., 1911. P. 166—168.

комплекс, передающий мысли и чувства своего автора читателю. Библиотеку можно рассматривать как огромную телефонную станцию, где сотни людей ежедневно связываются со множеством авторов, живых и умерших, для того чтобы бесшумно разговаривать с ними. Можно без преувеличения утверждать, что человек, который первым применил такие проводники для коммуникации с другими, сделал самое революционное изобретение всех времен. Книгопечатание и весь технический прогресс в этой области сыграли исключительно важную роль в развитии человеческой культуры. Согласно И. Данцелю, чем выше становится человеческая культура, тем больше ее зависимость от результатов труда предшествующих поколений и тем больше необходимость в медиуме, который записывал бы опыт прошлого. Таким медиумом является письменность. Здесь мысль привязывается к постоянным символам и таким образом освобождается от единовременности своего существования. Более того, будучи средством сохранения духовного наследия веков, письменность имеет особое значение благодаря своей социальной роли, поскольку она гарантирует континуум социальной жизни, простирающейся далеко за пределы жизни индивида. Она является средством коммуникации между людьми, разделенными пространством, и связующей нитью между прошлыми, настоящими и будущими поколениями. Маутнер очень ясно определяет эту функцию. "Давайте представим на минуту, — говорит он, — что во всех цивилизованных странах все графические обозначения — книги и так далее — были бы неожиданно уничтожены и способ их применения навеки забыт. Такое разрушение сокрушило бы нашу цивилизацию, превратив ее в реликт, подобный часам старых соборов, которые никто не может завести, поскольку ключи были потеряны"¹.

Второй фундаментальный тип цветowych и световых проводников представлен картинами и рисунками, состоящими физически из массы окрашенных пятен, расположенных в определенном порядке и форме. Они доносят до нас мысли, идеи и чувства художников, даже если те давно умерли. Делая возможным это взаимодействие между художником и нами, картины служат еще и соединению нас между собой, создавая общие физические переживания и настроения. От примитивных каракулей ребенка к гениальным созданиям великих мастеров они служат потребности в коммуникации между сознаниями людей.

Существует много других форм световых и цветowych проводников в повседневной жизни: огни на мачте лодки означают наличие корабля; световые эффекты в спектакле используются, чтобы создать у аудитории чувство радости или другое настроение. Цветовые проводники находятся везде вокруг нас: красный и зеленый огни светофора означают соответственно "Стойте" и "Идите". Черный часто означает траур, алая роза — страстную любовь; красные флаги — революционные идеи и надежды; разноцветные государственные флаги означают соответствующие нации; окрашенные шевроны или золотые галуны — воинское звание. Цвет одежды может также символизировать различные значения: белый цвет подвенечного платья означает чистоту; черная сутана, которую носят монахи, является знаком их отказа от мира, и т. д.

В). **Мимические проводники.** Третий класс проводников — *мимические* или *моторные* — это также физические или символические проводники. Чисто физические действия сами по себе достаточны для того, чтобы изменить состояние сознания или открытое поведение других; если к ним к тому же и присоединено значение, их влияние становится

¹ Danzel J. W. Die Anfänge der Schrift. Leipzig, 1912. S. 1—2.

еще более действенным. В нашей повседневной жизни постоянно используются символические мимические проводники: значение "убирайся отсюда" может быть выражено жестом, указывающим на дверь; кивок головы означает одобрение, а отрицание можно выразить одним покачиванием головы, безразличие — пожатием плеч, любовь — лаской, ярость — сжиманием кулаков, удовлетворение и радость — улыбкой, приветствие — поднятием шляпы.

Мимические проводники носителей, соединенные в огромные системы, способны передавать очень сложные значения. Среди таких систем — церемониалы дикарей, церковные ритуалы, государственные церемонии, процессии, парады и т. п. Немые кинофильмы, которые являются комбинацией мимических и световых проводников, передают сложные драмы, комедии и трагедии без посредства произносимых вслух слов. Мимические носители в форме жестов составляют язык глухонемых, членов определенных примитивных обществ и, частично, детей¹.

Г). **Термические, механические, химические и электрические проводники.** Эти группы проводников влияют на поведение главным образом через свое непосредственное физическое воздействие на человеческий организм, но они действуют также как символические проводники. *Термические* проводники действуют множеством способов. Человек, который поджигает дом или лес, или летчик, который сбрасывает зажигательные бомбы на город, заметным образом обуславливают состояние ума и поведение других людей, поскольку следствием их действий могут быть страх, паника, ранение, нищета, болезнь и даже смерть. Центральная обогревательная система является другим видом термических проводников, поскольку, меняя температуру, управляющий или хозяин дома может непосредственно повлиять на поведение жильцов. Тепло, обеспечиваемое кочегарами или истопниками локомотивов, является проводником этого типа, поскольку оно может решительным образом определять удобство и даже судьбу пассажиров. *Механические* проводники — это, например, удары, выстрелы и т. д., которые приводят к физическим ранениям; хирургические операции, ласки и объятия; другие действия, отличающиеся от чистой пантомимы. *Химические* проводники постоянно применяются в тысячах форм для воздействия на поведение или образ мыслей других. Повар или домохозяйка посредством химических качеств еды влияют на поведение потребителей и образ их мыслей. Так же поступает и бакалейщик, продавая некачественную пищу своим покупателям; врач или медицинская сестра, давая лекарство больным; убийца, отравляющий свою жертву, или гостеприимный друг, предлагающий виски гостю. *Электрические и радиопроводники* действуют разнообразными способами, но главным образом как физические проводники, передающие на расстоянии или транслирующие через обширные территории звук, цвет и свет, пантомимические, механические и другие проводники, используемые для объективации и передачи значений другим. Телефон, телеграф и радио служат как "проводники проводников", но не являются проводниками непосредственно значений. В других случаях, например в радиотерапии, электрические и радиоволны служат прямыми проводниками значений. Будучи трансформированы в другие формы энергии, они действуют как термические, механические и другие типы проводников. Во всех этих и во многих других способах их роль в человеческом взаимодействии огромна.

Д). **Предметные проводники.** Материальные предметы — долларова ассигнация, клочок волос, обручальное кольцо, семейная реликвия, скипетр,

¹ Levy-Brunl L. How Natives Think. N. Y., 1925. P. 158—167.

крест, национальный флаг, трофейная чаша, "ключи от города", которые преподносят особым посетителям, собор Парижской богородицы, Белый дом, Мемориал Линкольна, все это — примеры предметных проводников. Предметные проводники в тысячах форм функционируют в социальном взаимодействии в качестве физических и, в особенности, символических проводников¹. В таком виде они объективируют широкий диапазон значений и доносят их до других, воздействуя на их образ мысли и открытые действия. В каком-то смысле вся материальная культура — орудия, домашняя утварь, машины, оружие, обрабатываемые поля и сады, дороги, здания и целые города представляют собой предметные проводники. Те, кто создавали такие предметы, — часто прошлые поколения — воздействуют на наш образ мысли и открытые действия через физические и, в особенности, символические свойства этих проводников. Нам приходится идти по улицам и дорогам, так как они были проложены, даже если они кривые или извилистые.

Людей можно сравнить с полипами: как деятельность последних привела к образованию коралловых рифов², так и процессы человеческого взаимодействия постоянно производят новые пласты материальной культуры и новые наборы проводников. Их постепенное аккумулятивное накопление, пласт на пласт, приводит к образованию новой окружающей среды вокруг взаимодействующих индивидов, среды, полностью отличной от физической, социотехнической среды. Все мы живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Она постоянно передает нам сигналы, инициируемые прежними поколениями, и таким образом определенно детерминирует наш опыт и поведение. Э. Дюркгейм справедливо утверждал, что общество состоит не только из индивидов, но и из материальных объектов, которые играют существенную роль в социальной жизни, и что социальные факты часто объективируются до такой степени, что они становятся частью материального мира.

Это необходимо помнить, чтобы избежать распространенной ошибки, когда компоненты взаимодействия рассматриваются лишь как состоящие из индивидов, значений или материальных носителей (проводников). Все три компонента, как было сказано, незаменимы для любого социального явления. Если отсутствует компонент человеческого агента, несмотря на наличие компонента носителя (как в случае с раскопанными городами и памятниками Египта, Вавилона и Шумера), мы имеем лишь мертвую оболочку. Если отсутствуют носители, процесс значимого взаимодействия в равной мере делается невозможным. Правильное понимание трехсторонней структуры является очень важным для адекватного усвоения реальности социальных групп, логики изменения социокультурных явлений, их причинных связей и т. д.

4. Цепочка проводников. В большой части значимых взаимодействий участники используют цепочку различных проводников, соединенных между собой и с людьми как связующими агентами. Весь механизм передачи можно сравнить со сложной системой зубчатых колес, одно из которых приводит в движение следующее и т. д., пока вся система не завершится. Давайте рассмотрим типичный случай.

А диктует секретарше телеграмму (звуковой проводник), адресованную В. Она записывает ее (световой проводник) и сообщает по телефону на телеграф (звуковой и электрический проводники). Телеграфистка посылает радиogramму (радиопроводник), а принимающая станция сно-

¹ Особенно интересна роль денег как предметного проводника, объективизирующего и передающего широкое разнообразие значений, от самых высоких до самых презренных (*Simmel G. Philosophie des Geldes. Leipzig, 1900.*)

² "Человеческий полип вечно строит коралловый риф, на поверхности которого живет нынешнее поколение" (*Ward L. Pure Sociology. N. Y., 1911. P. 16.*)

ва записывает ее (световой проводник) и таким образом представляет В. Этот процесс может быть представлен следующим образом: А (1) — звук (2) — свет (3) — звук и электричество (4) — радио и (5) — свет В.

В этой цепочке люди (секретарша, телеграфистка и радиооператор, посылный) служат как необходимые промежуточные звенья, они устанавливают контакт между различными неодушевленными проводниками. Обычно лишь благодаря этой "контактной роли" человеческих проводников становится возможным соединение различных проводников в одну непрерывную цепочку.

Эта контактная роль имеет особое значение во взаимодействии между индивидами, разделенными в пространстве и во времени. Сигнал, который один человек посылает из Америки в Европу, должен пройти через длинный ряд проводников, и люди неизбежно действуют как контакты. Таким же образом, сигнал, полученный от умершего человека, передается нам через цепочку проводников, и люди являются незаменимыми звеньями в этом процессе.

Образно говоря, "соединительная ткань" общества, которую ищут органицисты, может сейчас легко быть обнаружена. Она состоит из совокупности носителей и цепочек проводников, во всей сумме их взаимодействия.

Рикошетное влияние носителей. Человеческое поведение и явления человеческого взаимодействия не могут быть до конца поняты, если не осветить одну дополнительную фазу роли носителей как проводников. Могут ли проводники сами влиять на поведение и психическое состояние человека — сами по себе, — и если да, то каким образом? Ответ на этот вопрос будет утвердительным. Хотя проводники зависят от человека по самому факту своего существования, они, будучи созданными, оказывают мощное ретроактивное влияние на его поведение и физическое состояние.

А). Общее рикошетное влияние. Проводники определяют поведение и состояние ума прежде всего чисто *механическим* путем. Это особенно верно относительно предметных проводников. Как мы уже видели, в процессе взаимодействия человеческие значения, ценности и нормы, так же как и действия, приводят к образованию большого числа предметных носителей, которые, накапливаясь от поколения к поколению, образуют то, что называется "материальной культурой". Эта материальная культура, представляя собой общую сумму носителей, механическим образом определяет поведение и психическое состояние людей.

Общественная жизнь (явления взаимодействия), кристаллизуясь в материальных предметах, помогает нам пускать корни в окружающем нас мире и в то же время влияет на нас посредством этих материальных объектов. Дороги, построенные в прошлом, направляют ход наших сегодняшних дел. Вкусы ребенка формируются через контакты с национальными памятниками и традициями прежних поколений. Иногда эти памятники (носители) на время забываются... чтобы вновь появиться и начать новую жизнь в новом обществе. Это характерная черта Возрождения: социальная жизнь, будучи прекращенной на долгое время, возникает вновь, меняя интеллектуальные и моральные взгляды людей, которые не создавали ее. Без такого пробуждения эти люди чувствовали бы и думали по-другому. Правовые отношения при существовании письменного закона отличаются от отношений при некодифицированном (в письменной форме) законодательстве. Хотя правовые отношения лучше регулируются при наличии письменных кодексов, регулирование при этом менее гибкое, более систематическое, но менее подвижное. Поэтому нельзя представлять себе материальные формы, в которых воплощены законы, как простые сочетания слов, не имеющие значения;

напротив, они являются действующими реалиями, что доказывается различиями в правовых отношениях, когда такие реалии отсутствуют¹.

Этот перифраз дюркгеймовской мысли проясняет суть обратного (рикошетного) действия проводников или носителей. Будучи однажды созданными, они живут самостоятельной жизнью, обретая свою логику функционирования, ритм и темп. Об этом недавно писал Г. Зиммель².

Как уже было сказано, само существование носителей обуславливает наше поведение и состояние духа. Мы вынуждены жить в городах и деревнях, построенных не нами; мы пользуемся дорогами, проложенными предыдущими поколениями; мы молимся в церквах, воздвигнутых до того, как мы родились. Окруженные со всех сторон бесчисленными носителями, мы постоянно впитываем — часто бессознательно и против своей воли — стимулы и значения, которые исходят из этих проводников. Иногда, как, например, с дорогами, проводники диктуют нам направление наших движений; кроме того, они предопределяют, в каком жилище мы должны жить; часто сам их вид (как, например, вид старой башни или средневековой церкви) прекращает одни наши переживания и порождает другие.

Проблема обратного влияния носителей на значения и субъекты взаимодействия, таким образом, имеет огромное значение для общественной жизни и достойна более подробного изучения. Давайте рассмотрим обратное действие пантомимических проводников на наш ум и действия. *Механическое жестикულიрование часто оказывает обратное действие на сознание того, кто его производит*. Смеясь, можно привести себя в хорошее расположение духа; удрученное состояние, в которое человек намеренно входит, может породить грустное настроение; простое использование жестов и открытых выражений гнева часто достаточно для того, чтобы породить это чувство. В. Парето заявляет: "Действия, посредством которых объективируются чувства, усиливают эти чувства и могут даже их породить в их отсутствие. Хорошо известный психологический факт заключается в том, что если человек введет себя в физиологическое состояние, которое обычно сопровождает определенную эмоцию, то лишь благодаря этому может возникнуть соответствующая эмоция"³.

Дж. Веинбаум также доказывает, что физиологическое действие — смех — способно увеличить наше субъективное веселое настроение⁴.

Такие примеры можно перечислять без конца. Упомянем лишь один. Многие актеры, часто воспроизводящие жесты героев, которых они изображают, нередко действительно испытывают во время актерской игры соответствующие психические состояния. Механическое повторение одного и того же жеста или определенной позы будет возбуждать и усиливать соответствующее состояние. Точно так же психическое состояние можно предотвратить, производя жесты или принимая позу, обычно ассоциируемые с другими психическими состояниями.

Это обратное действие присутствует у любых носителей — у звуковых, световых или у конкретных предметов. Индивид, действующий в определенном социальном качестве (как судья, священник или вождь племени), одетый в соответствующее платье, при наличии объективных носителей — убранства зала суда, церкви и т. п. — часто совершенно трансформируется, теряя всякое сходство с собой, таким, как он есть в повседневной жизни. Известно, что судьи, которые выносили суровейшие приговоры обвиняемым, освободившись от влияния символических

¹ Durkheim E. Le Suicide. P. 426—427.

² Зиммель Г. Концепция и трагедия культуры // Логос, Сиб. 1911. С. 15—21.

³ Pareto V. Trattato. Vol. 1. P. 556.

⁴ Waynbaum J. La Physiognomie humaine. P., 1907. P. 62.

проводников (зала суда и своего профессионального одеяния), часто горько сожалели о своем бессердечии. Как индивиды они милосердны, но под влиянием символического окружения их человеческие качества были подавлены. "Fiat justitia et pereat mundus"^{1*} — было их девизом в той обстановке.

История дает нам множество таких примеров. Робеспьер, главный прокурор французского террора, беспощадный в исполнении своих официальных обязанностей, был в частной жизни очень сентиментальным и чувствительным человеком, который плакал над романами Сен-Пьера. Очевидно, что принятие традиций, обрядов и даже фасонов одежды в различных областях общественной жизни не является случайным. Форма одежды обладает своей собственной властью; не случайно законодатели придавали ей огромное значение, как и форме вообще. Сутана не делает монаха монахом, но уважение, которое оказывается ей, много значит для ее обладателя и воздействует на его сознание и поведение.

Политические заключенные переживают решительные перемены в состоянии духа, надевая тюремное одеяние. Офицеры, лишённые символов своего звания — топора, звезд или других знаков отличия, и, надевая гражданскую одежду, претерпевают изменения в сознании, которые иногда являются необратимыми. С другой стороны, если обычному гражданину дать знаки великолетия и власти, он может превратиться в самоуверенного, гордого и высокомерного человека.

То же верно в отношении звуковых символов. Пожалование титула трансформирует ментальность человека². Когда к вам обращаются "доктор", или "судья", или "капитан" — это приятно слуху и производит подобный вышеуказанному эффект.

В связи с изложенными фактами, невозможно отрицать обратное (рикошетное) действие символических проводников на наше психическое состояние. Это влияние приобретает еще более важное значение в связи с фетишизацией носителей.

Б). Фетишизация носителей и ее обратное действие. Некий биофизический объект, функционируя в течение продолжительного времени как носитель определенного значения, нормы или ценности, идентифицируется с ним до такой степени в умах субъектов взаимодействия, что он имеет тенденцию стать самодостаточной ценностью. Он часто трансформируется в фетиш, сам по себе любимый или уважаемый, внушающий страх или ненависть. Национальный флаг, который физически является лишь палкой с приделанным к ней куском материи, в результате постоянного использования становится эмблемой независимости, власти, достоинства, чести или славы нации. Он перестает рассматриваться исключительно как кусок материи, приделанный к палке, и преобразуется в идола. Чувства и отношения, рождаемые значениями и ценностями, которые он объективирует и раскрывает, все чаще связываются с ним самим; восхищение, уважение или ненависть, вызываемые ценностями, которые он репрезентирует, в конце концов направляются на сам флаг. Люди теряют из виду его реальную роль — неодушевленное средства передачи существующих значений, они начинают рассматривать его как одушевленное существо, живущее собственной жизнью. Короче говоря, флаг становится фетишем и таким образом глубоко воздействует на поведение и ментальность человека. Люди добровольно идут на смерть или убивают во имя него.

Случаи фетишизации символических проводников можно наблюдать

¹ * "Да свершится правосудие и да погибнет мир" (лат.).

² Spencer H. Principles of Sociology. V. 2. Part IV. Ch. 1.

как среди первобытных, так и среди цивилизованных людей во всех сферах общественной жизни, на каждой стадии развития. Единственная разница состоит в фетишизируемых объектах. Австралиец фетишизирует брусok дерева; истинно верующий — икону или имя святого; монархист — портрет своего властителя; коммунист — портреты Ленина или Сталина.

Часто магическое влияние приписывается словам и звуковым проводникам в целом. Во многих религиях определенное слово рассматривается как сила, которая управляет естественными событиями и даже направляет волю богов, и поэтому здесь почитается слово как таковое. Эта фетишизация слов очень распространена в примитивных группах, ибо "каждому такому выраженному приписывается мистическая важность". Примитивные культуры твердо исходят из того, что сам акт произнесения определенного слова достаточен, чтобы вызвать события¹. Это убеждение объясняет существование "секретного языка" и табу против использования определенных слов женщинами и детьми. Обитатели некоторых Малайских островов не имеют права использовать некие слова, когда они говорят о своем правителе; нельзя говорить о нем, что он ест, спит, сидит и т. п.² Ценность и мистическая власть, приписываемые словам как таковым, подтверждается широким использованием в религиозных и магических церемониях песен и ритуальных словосочетаний, значение которых было утрачено давно и которые поэтому непонятны для слушателей и даже для тех, кто их повторяет.

Поскольку слова стали идентифицироваться со значениями и ценностями, которые они обозначают, доводы по поводу написания или произнесения слова могут приобрести невероятную важность. Например, в истории русской церкви противоречия, которые возникли по поводу написания слова "Иисус", привели к серьезному расколу на "никонианцев" и "староверов". Смех, вызываемый странным именем, часто рассматривается как направленный против его владельца. Использование определенных слов привело к табу на них как на непристойные, и произнесение их в благовоспитанном обществе достаточно для того, чтобы вызвать сильную и негодующую реакцию. Публичное произнесение таких слов может считаться преступлением и даже привести виновника в тюрьму.

Простого названия абстракции часто достаточно, чтобы превратить ее в объективную реальность с ценностью, далеко превосходящей ее собственную внутреннюю важность. "Существует высокая степень персонификации, когда абстракция трансформируется в объективную сущность посредством названия. Эта персонификация может стать еще более явной, если мы дадим в имени определенное указание на пол"³. Из таких персонификаций возникает антропоморфизм. Фетишизация слов объясняет возникновение таких римских божеств, как Фортуна, Виктория, Ювентус, Провидение и Виртус. Как показывает В. Парето, это обожествление существовало веками и происходит и в наше время, что прекрасно подтверждается существованием таких современных божеств (персонифицированных абстракций), как Прогресс, Демократия, Пацифизм и Социализм⁴.

Эта фетишизация звуковых проводников происходит ежедневно во множестве форм, несмотря на отделение слов от остальных наших действий и общее обесценивание слов, вызванное их чрезмерным использованием и неправильным употреблением. Им до сих пор приписывается

¹ *Levy-Bruhl C. Les fonctions mentales. P. 174—181.*

² *Ibid. P. 179. Ср.: Thomas W. Primitive Behaviour. N. Y., 1937. P. 89—97.*

³ *Pareto V. Trattato. V. 1. P. 545—546.*

⁴ *Ibid. P. 540.*

магическая сила в клятвах, официальных ритуалах и церемониях со строго предписываемыми формулами и т. д.¹

Световые и цветовые проводники также фетишизируются. Изображение святого или национального героя со временем начинает восприниматься как отображение доблести этого лица и способно само по себе вызывать сильные чувства. Защита иконы часто вела к актам героизма и самопожертвования. Даже атеисты—коммунисты не свободны от такой фетишизации, поскольку осквернение портретов Ленина или Сталина для них — святотатство². То же верно в отношении геральдических эмблем.

Пантомимические проводники также фетишизируются (перекрещивание, стояние на коленях, салют флагу, принятие клятвы и многие другие подобные церемонии). Хотя фетишизация церемониальных действий более распространена среди варварских племен, много схожих примеров можно обнаружить также и среди цивилизованных народов. В средние века отказ совершить требуемое действие в церемонии иногда рассматривался как открытое восстание. Законы ордена святого Колумбана предписывали, что тот, кто забыл перекреститься, сядя за стол, должен получить от шести до двенадцати ударов плетьюми. Ревностные католики верят, что, крестясь, они защищают себя от дьявола. Во многих религиозных, военных, политических и гражданских ритуалах отклонение от предписанных форм сегодня запрещается и часто карается. Иногда наказываются даже простое нарушение норм этикета.

Фетишизация предметных проводников наблюдается в обожествлении брусков дерева (австралийские чуринги), камней, растений и животных (тотемы), в почитании флагов, формы, медалей и амулетов, в молитвах на кресты, статуи святых и реликвии. Фетишизация денег и товаров, на которую ссылается Маркс, есть лишь специфический случай общей фетишизации предметных проводников³.

Сам человек не исключен из общей фетишизации проводников; он является одним из наиболее важных проводников. Продолжительно функционируя как представитель определенных значений и ценностей, человек идентифицируется с ними и может постепенно принять значение, далеко превосходящее то, которое естественно ему свойственно и изначально приписывается. Короче говоря, он фетишизируется — обожествляется, как если бы он был богом, всемогущим господином или воплощением всех возможных добродетелей. Такие случаи распространены в примитивных обществах.

Такие явления распространены также среди цивилизованных народов: обожествление римских императоров и папы, квазиобожествление монархов, которые не могут ошибаться, диктаторов и других правителей идентичны примитивной фетишизации. Более того, эти явления

¹ Woodard J. W. Deification and Supernaturalism as Factors in Social Rigidity and Change. Philadelphia, 1935.

² Утверждение Парето, что эти явления идентичны по своей природе, справедливо. "Культ христианской религии проходит, но на его месте возникает обожествление социалистических и гуманистических святынь, и особенно Бога Государства и Бога Нации. Нет разницы между праздником католического святого и чествованием Руссо. На последнее французское правительство отвело тридцать тысяч франков. Конечно, для гуманиста католический святой — это негодяй, а Руссо — идеал человека; католик же думает наоборот. Но эта противоположность в оценках доказывает идентичность психологии в обоих случаях. Церковные процессии сходят на нет, но их место занимают политические демонстрации и манифестации. Энтузиазм по отношению к христианской религии сменился энтузиазмом по отношению к социализму, патриотизму, национализму и т. д.

³ См.: Зиммель Г. Концепция и трагедия культуры. С. 20.

наблюдаются не только среди реакционных обскурантистов, но также и среди кажущихся просвещенными революционеров¹.

Фетишизация символических проводников оказывает сильное обратное действие на поведение и сознание человека. Носители кристаллизуют и стандартизируют, проясняют и формализуют, искажают и преобразуют значения, ценности и нормы, которые они объективируют и раскрывают. Возникнув как проводники, в процессе деятельности они оказывают мощное влияние на поступки людей и состояние их сознания, особенно когда проводники превращаются в самоценные значения, ценности или идолы.

Вышеизложенное показывает, как неразрывно и органически все три компонента (значения, субъекты и носители) связаны между собой в одно неразделимое единство в процессе значимого взаимодействия. Поэтому любая теория "социокультурного целого, атома или ячейки", которая пытается сократить три компонента до одного или двух, несостоятельна.

§ 6. Личность, общество и культура как неразрывная триада

Структура социокультурного взаимодействия, если на нее посмотреть под несколько иным углом зрения, имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) *личность* как субъект взаимодействия; 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. В классной комнате преподаватель и студенты являются *личностями*, совокупность этих личностей, вместе с нормами их отношений, составляет *общество классной комнаты*; не только научные и другие идеи, которыми они обладают и обмениваются, но и книги, доска, мебель, лампы и сама комната представляют собой *культуру этого общества*. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других. Не существует личности как *социума*, то есть как носителя, создателя и пользователя значениями, ценностями и нормами, без корреспондирующих культуры и общества. В отсутствие последних могут существовать лишь изолированные биоло-

¹ В связи с приездом Ленина в Петроград "Красная газета" (1919, № 57) опубликовала следующий редакционный призыв: "Вождь вождей, духовный отец, руководящий дух и основатель Третьего Интернационала, среди нас... Товарищ Ленин! Кто может бесстрастно произнести это имя! Некоторые дрожат от бесильной ненависти и ярости, другие — от бесконечной любви и преданности!" Сотни статей в коммунистических газетах ("Известия", "Правда" и т. д.) в 1918—1947 годах характеризовали Ленина и Сталина практически в тех же терминах как зулусы или первобытные новозеландцы характеризовали своих вождей.

В этом отношении коммунисты не являются исключением. Р. Мишель пишет в своей известной книге о политических партиях: "В 1864 году жители Рейнских провинций приветствовали Лассала как бога. Когда фашисты, первая организация сельских рабочих, легализовались в Италии, то мужчины, как, впрочем, и женщины, испытывали почти сверхъестественное доверие к вождям движения. Смешивая, по своей наивности, общественные проблемы с религиозными образами, в своих шествиях они часто несли крест рядом с красным флагом. Марксистский проповедник Жюль Гед был идолом в северной Франции. Такие же случаи известны и в Англии, и в Америке: Подобное поклонение не прекращается со смертью идолов. Всичайшие из них канонизируются; даже Карл Маркс не избежал этой участи, судя по рвеннию, с которым его последователи защищают его в наше время, рвеннию, которое приближается к идолопоклонству" (*Michels R. Les parties politiques. P., 1920. P. 43—46.*)

гические организмы. Точно так же нет надорганического общества без взаимодействующих личностей и культуры; и нет живой культуры без взаимодействующих личностей и общества. Поэтому ни одно из этих явлений нельзя исследовать должным образом без рассмотрения других членов триады. Неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует.

§ 7. Критические замечания

Попытки свести предмет социологии к социальному аспекту надорганических явлений и исключить факторы культуры или личности являются, как было сказано, ошибочными. Читаем, например, что "социология прежде всего интересуется... социальным", что системы знаний, как-то: религия, лингвистика, технология и тому подобное к ней не относятся¹. Такая позиция совершенно неприемлема.

1). Без культурных или надорганических ценностей человеческое взаимодействие было бы чисто биофизическим, а не социальным явлением. Если это утверждение довести до его логического заключения, категория социального смешалась бы с биофизическими явлениями, и социология лишилась бы самих основ своего существования.

2). Если в своем рассмотрении социальных взаимодействий мы исключим все культурные ценности, очень мало что останется для изучения, разве что различные физические структуры и движения, которые являются предметом изучения биологии или физики. Мы не сможем оправданно говорить о таких характеристиках процесса взаимодействия, какие предлагаются терминами "антагонистический" и "солидарный", "революционный", "религиозный", "этический" или "научный". Такое изучение определено не даст нам никакого знания о реальной природе, отношениях или бесконечно разнообразных характеристиках значимых человеческих взаимодействий.

3). Без включения культурного элемента — значений, ценности и норм — мы не могли бы изучать даже нормы, регулирующие взаимодействие между индивидами и составляющие, согласно самим этим теориям, суть любых социальных институтов или организаций. Эти нормы являются либо правовыми, либо моральными стандартами, отраженными в официальных правовых кодексах или в религиозных, моральных и других системах. Право и этика являются настолько же частью культуры, насколько и религия, искусства, экономика и наука. Эти нормы часто неразрывно связаны со всеми основными ценностями данной группы — религиозными, научными, философскими, эстетическими, экономическими, политическими и т. д. Поэтому без изучения правовых и моральных норм нельзя было бы исследовать институты и организации. В этом случае не было бы места для специальной социологии религии, экономики или искусства или любой другой специальной социологии. Короче говоря, это предположение резко противоречит определению социологии и ее предмета, которые дают сами эти теоретики, и оно лишает социологию какого-либо достойного предмета.

4). Последствия ошибочного утверждения таких теоретиков были бы такими ужасными, что, к счастью, ни один из них не попытался довести его до его логического конца. Декларировав свое предложение, они не

¹ *Znanięcki F.* The Social Role of Man of Science. N. Y., 1940. P. 3; *Wiese L. von.* Sociology. N. Y., 1941. P. 25; *Thomas W. I., Znanięcki F.* The Polish Peasant. V. 1. P. 35.

выполняют его последовательно, протаскивая через "черный ход" те культурные системы, которые были отвергнуты вначале. Л. фон Визе делает это в своей классификации первичных социальных процессов, таких, как отстранение, соревнование, приспособление, принятие, признание, удовольствие, комфортность и посвящение, — всех этих культурных значений, ценностей и норм — так же как в своей теории религии, этики и права, экономики и политики¹. В. Томас и Ф. Знанецкий делают то же самое, вводя в свою социологию "набор ценностей" (религиозных, моральных, эстетических, экономических и т. д.) как фундаментальную категорию и принцип референции и объясняя с их помощью науку, знание, магию, медицину, религию, экономику, технологию и другие культурные ценности. Социокультурный порядок неразделим, и никто не может создать специальную науку на основе одного его аспекта, скажем, социального, игнорируя культурные и личностные аспекты. Такая система социологии была бы таким же абсурдом, как ботаническая теория, которая изучала бы только правую половину растения, не обращая внимания на левую, или зоология, которая рассматривала бы только верхний покров организмов, предоставляя изучение всех внутренних органов и тканей другой дисциплине. Социология равно связана со всеми тремя аспектами социокультурных явлений, но со своей специфической точки зрения, как *генерализующая наука*, рассматривающая социокультурную систему как целое².

Столь же неудовлетворительными являются те теории, которые пытаются отделить культурные и социальные аспекты социокультурных явлений друг от друга на том основании, что "культура — это название, которое дается отдельным взаимосвязанным традициям социальной группы... Общество, пожалуй, является более широким термином, поскольку оно включает в себя проявления культуры и импульсы"³. Каждая организованная группа необходимо обладает нормами права и морали. Правовые и моральные ценности являются существенной частью культурных ценностей. Поэтому любая организованная группа неизбежно обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни индивид (за исключением просто биологического организма) не могут существовать без компонентов значений и носителей, то есть без культуры. По этой причине "общество" не может быть более широким термином, чем "культура", как не могут эти два явления рассматриваться вне связи друг с другом. Единственно возможное различие связано с тем, что термин "социальный" означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как "культурный" означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)⁴.

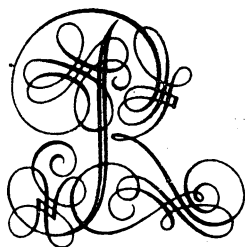
¹ *Wiese L. von. System der Allgemeinen Soziologie. München, 1933.*

² *Linton R. Culture, Society and the Individual // Journal of Abnormal and Social Psychology. V. 42. P. 425—436.*

³ *Dollard J. Culture, Society, Impulse and Socialization // American Journal of Sociology. V. 45. P. 50—63.*

⁴ *Kluckhohn M. O. Culture and Personality // American Anthropologist. 1944. V. 46. P. 1—29; Bidney D. On the Concept of Culture // American Anthropologist. 1944. V. 46. P. 30—44.*

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

БОЙНЯ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

В полном жизненном цикле всех великих революций как бы просматриваются три типические фазы. Первая обычно очень кратковременна. Она отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ. Эта начальная стадия лучезарна своим настроением, ее правительство гуманистично и милостиво, а его политика мягка, нерешительна и часто бессильна. Но вот в людях начинает просыпаться "наихудший из зверей". Краткая увертюра подходит к концу и обычно на смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути. Она безжалостно искореняет не только обветшалые, но и все еще жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп. Революционное правительство на этой стадии безжалостно, тиранично и подчас кровожадно, а его политика преимущественно деструктивна, насильственна и террористична. И если случается, что торнадо второй фазы не успевает до основания разрушить нацию, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, революция начинает создавать новый социальный и культурный порядок. Причем этот новый строй основывается не только на новых революционных идеалах, но и реанимирует самые жизнестойкие дореволюционные институты, ценности и способности деятельности, временно разрушенные на второй фазе революции, но возрождающиеся и вновь утверждающие себя помимо воли революционного правительства. В постреволюционном порядке обычно новые модели и образцы поведения тем самым гармонизируют со старыми, но не потерявшими жизненную силу образцами дореволюционной действительности.

Строго говоря, лишь в конце 1920 года русская революция вступила в третью фазу и сейчас находится в стадии ее полного развития. Ее внешняя и внутренняя политика гораздо более продуктивна и конструктивна, чем политика многих современных западных и восточных стран. Чрезвычайно обидно, что эти изменения все еще продолжают игнорироваться политиками и правящей элитой других держав.

Как участник, я наблюдал за развитием всех трех фаз во время революции 1905—1908 годов. В 1917-м мой опыт напрямую касался лишь первой и второй фаз этой эпохальной революции. Последующее описание революции взято из моей книги "Листки из русского ежедневника"¹, в которой описаны не только события начала деструктивной фазы, но и повествуется о том, что произошло со мной и моими современниками в течение наиболее деструктивного периода русской революции в 1917—1922 годах.

¹ Leaves from a Russian Diary. N. Y., 1924.

Настал день. В два часа после полуночи я вернулся из Думы и поспешил за письменный стол, дабы записать все сенсационные события этого дня. Поскольку я себя не очень хорошо чувствовал, а лекции в университете были в сущности прекращены, я счел возможным остаться дома и прочесть новый труд Вильфредо Парето "Трактат по общей социологии". Время от времени звонил телефон, и мы с друзьями обменивались последними новостями.

— Толпы народу на Невском значительнее, чем когда-либо.

— Рабочие Путиловского завода вышли на улицы.

В полдень телефонная связь окончательно прекратилась; около трех один из моих студентов примчался ко мне с известием, что два вооруженных полка с красными знаменами покинули бараки и направились в сторону Думы.

Спешно покинув дом, мы отправились по направлению к Троицкому мосту. Здесь мы столкнулись с огромной, но спокойной толпой людей, прислушивающейся к выстрелам и жадно выпивающей с каждым "новым" битом информации. Никто не знал ничего определенного.

Не без труда мы перебрались на ту сторону реки и добрались до Экономического совета и земства. Я думал о том, что если полки придут к Думе, то в первую очередь их следует накормить. Тогда я обратился к одному из своих друзей, члену совета: "Постарайтесь раздобыть провиант и вместе с моим посланием отправьте его в Думу". Мой старый приятель, господин Кузьмин, присоединился к нам в тот момент, и мы тотчас же отправились в путь. Невский проспект на углу Екатеринина канала был все еще спокоен, но стоило нам свернуть на Литейный, как толпы стали расти, а выстрелы слышны все громче. Неистовые попытки полиции рассеять толпу оставались безо всякого эффекта.

— А, фараоны! Вот и наступил ваш конец! — завывала толпа.

Продвигаясь крайне осторожно вдоль Литейного, мы вдруг обнаружили свежие пятна крови и увидели два трупа на тротуаре. Успешно маневрируя, мы в конце концов добрались до Таврического дворца, плотно окруженного толпами крестьян, солдат и рабочих. Однако попытки проникнуть вовнутрь русского парламента еще не предпринимались, но уже повсюду на виду стояли пулеметы и пушки.

Зал Думы являл собой совершенно контрастирующее зрелище безмятежья. Повсюду царили комфорт, достоинство и порядок. Лишь по углам можно было узреть небольшие группы депутатов, обсуждающих ситуацию. Дума же в действительности была распущена, хотя Исполнительный Комитет был назначен временно исполняющим обязанности правительства.

Растерянность и неуверенность чувствовались в выступлениях депутатов. Капитаны, ведущие государственный корабль в жерло циклона, вовсе не были уверены в правильности взятого курса. Я вновь вышел во двор и объяснил группе солдат, что пытаюсь организовать для них провизию. Они быстро раздобыли автомобиль с развевающимся над ним красным флагом и стали пробираться сквозь толпу.

— Этого достаточно, чтобы всех нас повесить, если революция будет подавлена, — сказал я шутливо моим гвардейцам.

— Бросьте переживать. Все будет хорошо, — ответили они мне.

Неподалеку от Думы проживал адвокат Грузенберг. Его телефон, по счастью, работал, и я связался с моими друзьями, которые обещали, что провиант скоро будет доставлен. Вернувшись в Думу,

я обнаружил, что толпы теснее окружают здание Думы. На площади и прилегающих улицах возбужденные группы людей толпились вокруг ораторов — членов Думы, просто солдат и рабочих, рассуждающих о значении дневных событий, приветствующих революцию и падение царского деспотизма. Все разглагольствовали о власти народа и призывали поддержать революцию.

Зала и коридоры Думы были переполнены людьми, солдаты были вооружены винтовками и пулеметами. Но порядок все еще превалировал; улицы еще не "взорвались".

— Товарищ Сорокин! Наконец-то революция! Наконец день победы настал! — кричал мне один из моих студентов по мере того, как он и его друзья приближались ко мне. В их лицах читались надежда и восхищение.

Войдя в зал заседаний, я встретил там некоторых депутатов от социал-демократической партии и около дюжины рабочих — ядро будущих Советов. От них я получил настойчивое приглашение стать членом Совета, но в тот момент я еще не чувствовал в себе уверенности, тем более что они сами готовились к митингу с писателями, организовавшими нечто вроде официальной пресс-конференции революции.

— Кто избрал именно этих людей в качестве представителей для встречи с прессой? — вопрошал я себя. Вот они, назначившие сами себя цензорами, захватившие власть во имя подавления остальных, в их представлении нежелательных, готовящиеся удушить свободу слова и печати. Внезапно слова Флобера пришли мне на ум: "В каждом революционере таится жандарм".

— Что нового? — спросил я у пробывавшегося сквозь толпу депутата.

— Родзянко пытается договориться с царем по телеграфу. Исполнительный Комитет обсуждает возможность организации нового кабинета министров, ответственного одновременно и перед царем, и Думой.

— Кто-нибудь пытается возглавить революцию?

— Никто. Она развивается совершенно спонтанно.

В этот момент подоспела провизия, быстро был сымпровизирован буфет, и студентки приступили к кормежке солдат. Все это способствовало временному затишью. Но снаружи, как я понимал, дела шли куда хуже. Начались пожары. Возбуждение и истерия все возрастали, полиция ретировалась. Лишь только в полночь я покинул дворец.

Поскольку ни трамваи, ни извозчики не функционировали, я пошел пешком до Петроградской — путь довольно длительный от Думы. По дороге я лишь слышал непрекращающиеся выстрелы, поскольку фонари не горели, и я шел, погруженный во тьму. Внезапно на Литейном я увидел пожар. Великолепное здание Окружного суда сверкало огнями.

— Кто совершил поджог? — воскликнул кто-то. — В самом деле, ведь нет необходимости в здании суда для молодой России? — Вопрос так и остался без ответа. Можно было видеть, как горят другие правительственные дома и среди них полицейские участки, однако не предпринималось и попытки прекратить пожары. В огневых отблесках лица прохожих и зевак выглядели демонически; они ликовали, смеялись и танцевали. Повсюду валялись нагромождения резных российских двуглавых орлов; эти имперские эмблемы срывались со зданий и подбрасывались в костры под аплодисменты толпы. Старый режим исчезал в пепле, и никто не горевал по этому поводу. Никого не заботило, что огонь может перебраться на соседние частные дома. Пускай проваливаются, — язвительно заметил один из прохожих. — Лес рубят, щепки летят.

Дважды я натыкался на группы солдат и зевак, грабящих винные магазины, но никто не пытался даже остановить их.

Лишь к двум часам я прибыл домой и сел за стол, дабы сделать эти заметки. Рад ли я или печален? Мне трудно было сказать тогда что-либо определенное. Очевидно, меня одолевали назойливые и мрачные предчувствия.

Я взглянул на свои рукописи и книги и понял, что временно их придется отложить. О научных исследованиях надолго придется забыть; наступила пора действовать.

Вновь возобновились выстрелы.

День следующий

Поутру с двумя друзьями я вновь отправился пешком к Думе. Улицы были полны возбужденных людей. Все магазины были закрыты, деловая жизнь приостановилась. Канонада раздавалась уже в разных направлениях. Автомашины с солдатами и молодыми людьми, вооруженными винтовками и пулеметами, проносились туда и обратно. Они выискивали жандармов и контрреволюционеров.

Сегодня зала Думы выглядела совершенно по-иному. Солдаты, рабочие, студенты, горожане — стар и млад — толпились на площади. Ощущение порядка, сдержанности, опрятности испарилось. Его величество народ вышел на авансцену. В каждой комнате и углу шли незапланированные митинги и публичные аудиенции. "Долой царя!", "Смерть всем врагам народа!", "Да здравствует революция и демократическая республика!". Можно было обезуметь от бесконечного их повторения. Уже сегодня стало проглядываться двоевластие. Одним из центров власти оставался Исполнительный Комитет Думы во главе с Родзянко, другим становился Совет рабочих и солдатских депутатов, заседающий в противоположном конце русского парламента. Во главе с группой моих студентов я вошел в комнату Советов. Вместо обычных двенадцати депутатов там присутствовали уже три-четыре сотни людей. Складывалось впечатление, что любой желающий мог стать членом этого коллектива — в самом деле, вполне "неформальные" выборы. В переполненной людьми комнате сквозь табачную завесу слышались разговоры одновременно из разных углов. Но главной темой дискуссии в тот момент, когда мы вошли, был вопрос о том, арестовывать ли Родзянко, нынешнего председателя Думы, как контрреволюционера, или нет.

Я был ошеломлен. Неужели все эти люди потеряли разум за ночь? Я попросил слова, и, после того как был распознан председателем собрания, мне дали возможность говорить.

— Вы с ума сошли, — обратился я к ним. — Революция лишь началась, и если ей удастся победить, нам необходимо всем сплотиться против царизма. Не должно быть никакой анархии. В эти минуты опасности люди, обсуждающие возможность ареста Родзянко, лишь попросту тянут время.

Меня поддержал Максим Горький, выступивший в этом же ключе, и на какой-то момент об аресте Родзянко вроде бы позабыли. Тем не менее было ясно, что в психологии толпы, утверждающей свое "я", просыпался не только зверь, но и откровенная человеческая глупость.

На обратном пути в комнату Исполнительного Комитета Думы я встретил одного из членов Комитета, господина Ефремова, и из разговора с ним понял, что борьба между Комитетом и Советами началась всерьез и что двоевластный контроль над ходом революции — факт объективной реальности. "Но что мы можем поделать?" — отчаянно спросил он меня.

— Кто действует от лица Советов?

— Суханов, Чхейдзе и некоторые другие, — ответил он.

— Неужели никак невозможно приказать солдатам арестовать эту кучку людей и распустить Советы? — снова спросил я.

— Подобный акт агрессии и конфликт не должны были произойти в первые дни революции, — был его ответ.

— Ну, тогда готовьтесь к тому, что вы сами будете в скором времени арестованы, — предупредил я его. — Будь я членом вашего Комитета, то я бы действовал незамедлительно. Дума — все еще высшая власть в стране.

В этот момент к нам присоединился профессор Гронский.

— Не могли бы вы написать заявление от имени будущего правительства? — попросил он меня.

— Почему это должен делать именно я? Набоков — лучший специалист по подобным делам. Обратитесь к нему. — Посередине нашего разговора в комнату ворвался некий офицер и потребовал, чтобы его сопроводили в зал Комитета Думы.

— Что-нибудь произошло? — поинтересовался я.

— Офицеры Балтийского флота умерщвлены солдатами и моряками, — прокричал он. — Комитет должен вмешаться.

Я похолодел от ужаса. Воистину было полным безумием ожидать бескровной революции. Я добрался до дому глубокой ночью. Душа не радовалась. Но я тешил себя тем, что назавтра все изменится в лучшую сторону.

Назавтра

Назавтра дела, однако, не изменились в лучшую сторону. Улицы были полны неуправляющимися толпами людей, все те же автомобили с вооруженными людьми, все та же охота за жандармами и контрреволюционерами. В Думу поступило известие, что царь отрекся от престола в пользу цесаревича Алексея.

Сегодня вышел первый номер газеты "Известия".

Численность Советов возросла до четырех-пяти сотен людей. Комитет и Советы организовали Временное правительство, Керенский выступал в качестве посредника между ними. Он был вице-президентом Советов и одновременно министром юстиции. Я встретился с ним, выглядел он крайне устало.

— Разошлите телеграммы всем начальникам тюрем с приказом освободить всех политических заключенных, — произнес он.

Когда я составил текст телеграммы, он подписал его: "Министр юстиции, гражданин Керенский". Это "гражданин" было нечто новым, слегка театральным, хотя и не исключено, что вполне подходящим к месту. Я был не уверен, насколько прав Керенский, выступавший посредником, и очень переживал, что двойственное правление Временного правительства и экстремистов из Советов не продлится долго. Одна сила должна поглотить другую. Но кто кого? Для меня было очевидно, что Советы. Монархия пала, сознание людей стало республиканским. Просто буржуазная республика — не радикальное решение вопроса о власти для большинства людей. Я опасался этих экстремистов и психологии толпы.

Ужасающие новости! Резня офицеров возрастала. В Кронштадте адмирал Вирен и много других офицеров были убиты. Было заявлено, что офицеры были убиты согласно заготовленному германцами списку.

Только что прочитал "Приказ № 1", выпущенный Советами, в сущности, позволяющий солдатам не подчиняться приказаниям своих офицеров. Какой сумасшедший написал и опубликовал эту вещь?

В библиотеке Думы встретился с господином Набоковым, который ознакомил меня с проектом Заявления Временного правительства. В нем декларировались все свободы и гарантии граждан и солдат. Россия становилась самой демократической и самой свободной страной мира.

— Что вы по этому поводу думаете? — гордо спросил он меня.

— Восхитительный документ, но...

— Что но?

— Боюсь, что он слегка расплывчат для революционной поры и самого разгара мировой войны, — вынужден был констатировать я.

— У меня тоже есть некоторые сомнения, — отвечал он, — но я надеюсь, что все будет хорошо.

— Мне остается лишь присоединиться к вашим надеждам.

— Сейчас я намерен составить Декларацию об отмене смертной казни, — продолжил Набоков.

— Как! Даже в армии! И в военное время?

— Да!

— Но это же безумие, — воскликнул кто-то из присутствующих. — Только лунатик может рассуждать о подобном в этот час, когда офицеров безжалостно забивают, подобно овцам. Мне столь же ненавистен царизм, как и любому другому, но я сожалею, что он пал именно в этот час. На свой лад, конечно же, но ему все же лучше было известно, как управлять государством, чем всем этим мечтательным болванам.

Что касалось меня, то я чувствовал его правоту.

Старый режим, без сомнения, уничтожен. И в Москве, и в Петрограде народ гулял, как на Пасху. Все славили новый режим и Республику. "Свобода! Святая Свобода!" — раздавалось повсюду. "Замечательная Революция! Бескровная Революция! Чистая, подобно хитонам безгрешных ангелов!" — услышал я как-то от марширующих по улице студентов.

Все это правильно, конечно. Кровопролитие пока еще не становилось устрашающим. Если не последуют новые жертвы, то наша революция сможет войти в историю как Бескровная Революция.

Раз свобода, то все позволено

Старый режим был упразднен по всей Руси, и мало кто сожалел по этому поводу. Вся страна ликовала. Царь отрекся сам и отрекся от имени своего сына. Великий князь Михаил отказался от престола. Временное правительство было избрано, его манифест стал одним из самых либеральных и демократических документов из числа когда-либо принятых. Все царские чиновники, от министров и до жандармов, были смещены с постов и заменены на преданных республике людей, поскольку не было сомнений, что отныне у нас воцарилась республика. Большинство людей надеялось, что теперь-то уж нас ожидают грандиозные военные успехи. Все — солдаты, служащие, студенты, просто граждане и крестьяне — были полны социальной активностью. Крестьяне привозили в города и в места дислокации воинских подразделений зерно, а подчас отдавали его бесплатно. Полки и группы рабочих несли транспаранты: "Да здравствует революция!", "Крестьяне к плугу, рабочие к станку, солдаты в окопы!", "Свободные народы России, защитим Родину и Революцию!"

— Смотрите, сколь прекрасны эти люди, — восхищался один из моих друзей, обращая мое внимание на одну из подобных демонстраций.

— Действительно, может показаться, что все в порядке. — ответил я. Но, успокаивая себя тем, что все в порядке, я не мог закрывать глаза на многие реалии. Рабочие, несшие лозунг "Рабочие к станку и прессу!", на самом деле отказывались от работы и проводили большую часть своего времени на политических митингах. Они требовали восьмичасового рабочего дня, а нередко — и шестичасового. Солдаты, явно готовые к сражениям, вчера, к примеру, отказались выполнять приказ под предлогом, что для защиты революции Петроград нуждается в их помощи. Именно в эти дни поступала информация о крестьянских захватах частных усадеб, грабежах и поджогах. На улицах нередко можно было встретить пьяных людей, непристойно ругающихся и горланящих: "Да здравствует свобода! Раз свобода, то все дозволено!"

Проходя возле Бестужевского женского университета, я обратил внимание на толпу веселящихся и отчаянно жестикулирующих людей. В тени ворот, прямо на открытом месте никому не известные мужчина и женщина вели себя самым непотребным образом. "Ха, ха! -- веселилась толпа, — раз свобода, то все дозволено!"

Прошлой ночью мы провели первое собрание старых членов партии эсеров в составе двадцати — тридцати лидеров, которым всецело можно было доверять. Я отверг предложение экстремистского крыла и постарался уговорить собравшихся принять резолюцию о поддержке правительству. Резолюция была принята большинством голосов с характерной оговоркой: "Предоставить возможность правительству строго придерживаться своей программы". Собрание вновь продемонстрировало для меня, что равновесие умов даже среди старых и надежных членов партии стало нарушаться. Если это происходит с такими людьми, что тогда говорить о толпе? Воистину мы вступили в критический период нашей истории, даже более критический, чем я мог предположить.

Сегодня состоялось еще одно собрание лидеров эсеров. Нужно было основать новую газету и назначить редакторов. Разгоряченная дискуссия снова продемонстрировала наличие двух группировок внутри партии: социал-патриотов и интернационалистов. После длительных и довольно утомительных дебатов пять редакторов газеты "Дело народа" были выбраны. Ими стали Розанов, Иванов-Разумник, Мстиславский, Гуковский и автор этих строк. Тогда мне трудно было даже вообразить, как нам удастся прийти к соглашению относительно направленности газеты: Гуковский и я представляли собой умеренных социал-патриотов, остальные — интернационалистов.

Вот оно и свершилось! На самом первом заседании, посвященном выходу газеты, мы убили пять часов в бесплодной дискуссии. Статьи, поддерживаемые интернационалистами, наотрез отменялись нами, и наоборот, все наши статьи были отвергнуты ими. Трижды мы покидали залу, где заседали, и каждый раз вновь в нее возвращались. Наконец мы приступили к считыванию редакционных статей, безжалостно редактируя наиболее яркие места каждой из них. В результате умеренные и радикальные статьи были обесцвечены, при этом, однако, они так и не потеряли своего противоречивого характера. Благое начало! По выходе в свет "Дело народа" стала газетой, в которой в одной статье провозглашается то, что отрицается в другой. Такое положение дел должно было прекратиться, и это мы все понимали. Все монархические газеты были запрещены, а помещения, занимаемые ими, конфискованы. Социалисты соглашались с таким поворотом событий, однако как это сочетается со столь пылко провозглашаемой им свободой печати и слова? Как только "честолюбивый долг уплачен", радикалы становятся еще более деспотичными, чем консерваторы. Власть провоцирует тиранию.

На собраниях рабочих я все чаще слышал требование прекратить войну. Идеи, витающие в воздухе, относительно того, что правительство должно быть социалистическим и что немедленно следует устроить общую бойню всех эксплуататоров, быстро распространились среди людей. Любая попытка будь то инженеров или предпринимателей установить дисциплину на заводах, дабы как-то поддержать уровень производства или уволить уклоняющихся от службы, тотчас определялась как контрреволюционная. Среди солдат ситуация была не лучшей. Подчинение и дисциплину как рукой сняло.

Что же касается мужиков, то и они стали терять спокойствие и, казалось, вот-вот присоединятся к Советам. Господи помилуй! Тем временем эти авантюристы, сами избравшие себя в депутаты от солдат и рабочих, эти узколобые интеллектуалы продолжали разыгрывать драму революции, нацепив на себя маски французских революционеров. Разговоры, разговоры, бесконечные разговоры. Вся их энергия уходила на подрыв Временного правительства и подготовку "диктатуры пролетариата". Советы вмещивались везде и во все. Их действия приводили лишь к дезорганизации и развязыванию самых диких инстинктов толпы.

Правительство? Лучше ничего не говорить об этих людях. Они были высокого самомнения и идеалистически настроены, они не знали даже основ грамоты науки управления. Они не всегда сознавали, что творят, а если и знали, чего добиваются, то никогда не доводили начатого до конца.

Сегодня проходили похороны погибших за дело революции. Великолепный спектакль! Сотни тысяч людей несли тысячи красных и черных стягов, расписанных словами: "Слава тем, кто погиб за Свободу!" Восторженная музыка — голоса и оркестры — сливались в едином погребальном гимне. И при этом совершенный порядок, дисциплина в течение часов, пока процессия продвигалась по улицам. На лицах марширующих читался торжественный, духовный подъем. Такая толпа взволновала меня; все это было так по-человечески.

Сегодня же наступила моя очередь главного редактора "Дело народа". Газета ушла в набор около трех часов ночи, и я, как обычно, отправился домой пешком. Улицы были не столь людными, как прежде, и поэтому легче было заметить происшедшие изменения в Петрограде за месяц революции. Картина не радовала. Улицы были захламлены бумагой, грязью, навозом, шелухой от семечек. Круглые окна многих домов были заложены бумагой. На всех углах города солдаты и прости-тутки вели себя с "революционной непринужденностью".

— Товарищ! Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Пошли со мной домой, — пристала ко мне разукрашенная особа. Оригинальное использование революционного лозунга!

Все политические узники были освобождены и постепенно стекались домой, кто из Сибири, а кто из-за рубежа. Их с триумфом встречали правительственные комитеты, солдаты, рабочие и прочая публика. Оркестры, флаги и речи сопровождали встречу каждой группы вновь прибывших. Возвращающиеся изгнанники корчили из себя героев-покорителей и жаждали, чтобы их почитали как освободителей, отцов-благотетелей. Любопытный факт во всем этом заключается как раз в том, что большая часть всех этих людей никогда и не была политическими узниками, а просто — обычными осужденными за воровство, мошенничество, убийства. Тем не менее все строили из себя жертв царизма. Сдается мне, что из всех форм тщеславия революционное тщеславие "вправе" требовать для себя максимума.

Многие из возвратившихся "политиков" наглядно демонстрировали собой неуравновешенность сознания и эмоций. Проведя годы в тюрьмах и ссылке, на тяжелых и физически изнурительных работах, они стали насаждать обществу методы и жестокость, от которой сами же страдали в свое время. Они навсегда сохранили в себе ненависть, жестокость, презрение к человеческой жизни и страданиям людей.

Советы, вербованные из таких "героев", буквально на глазах теряли чувство реальности. Они направляли все свои усилия на борьбу с Временным правительством, проповедуя социализм, при этом ничего не делая для преобразования и революционного воспитания русского общества. Их воззвания были обращены: "Ко всем, всем, всем!" или "Ко всему миру!" Речи их лидеров и манеры вести себя были наполнены помпезным абсурдом. Казалось, что у них нет ни толики чувства юмора, ни способности увидеть весь комизм своей позы со стороны.

Что же касалось правительства, то и оно вело себя в равной мере наобум и беспомощно. Разделение власти завершилось окончательно, и с каждым днем Временное правительство теряло под собой почву.

Свет и тень

Сегодня, 22 апреля 1917 года, состоялась конференция партии социал-революционеров. Состояние умов у новых "мартовцев" стало еще более радикальным. Новые "революционеры" относятся к старым лидерам партии, как к своим слугам. "Новое" большинство провело свою резолюцию о немедленном прекращении войны и столь же немедленном установлении социалистического правительства. Я высказался против этой программы и покинул зал конференции и тотчас же снял с себя полномочия редактора "Дело народа". Многие из старых членов партии последовали моему примеру; правое крыло почти целиком покинуло конференцию. Рано или поздно, но это должно было случиться, так что лучше, чтобы это случилось сейчас.

Гуковский и я выступили организаторами газеты правого крыла эсеров — "Воля народа". "Бабушка" Брежковская, Миролюбов, Сталинский, Аргунов вошли в состав редакционного совета. Надеяться на успех в то время было бессмысленно, однако мы должны были делать то, что считали правильным.

Политические эмигранты продолжали возвращаться на родину. Вновь вернулись лидеры нашей партии: Чернов, Авксентьев, Бунаков, Сталинский, Аргунов, Лебедев и многие другие. В ближайшие дни ожидали возвращения и большевистских лидеров — Ленина, Троцкого, Зиновьева и некоторых других. Все они переправлялись через германскую границу и не без содействия со стороны немецкого правительства, которое предоставило им специально "защищенный" вагон. Многие из наших людей возмущались, почему Временное правительство позволило всем им вернуться обратно. По слухам, Ленин и его окружение (всего около сорока человек) были наняты немецкой разведкой для провоцирования гражданской войны в России и для дальнейшей деморализации русской армии. Я настаивал на созыве Всероссийского съезда крестьян, который должен был бы послужить контрбалансом столичному Совету бездумных рабочих и солдат.

Ночь... Утомленный речами, совещаниями, бесконечным числом омерзительных инцидентов, я шел домой с чувством человека, который пытается приостановить голыми руками лавину снега с гор. Бессмысленная задача.

Со своими друзьями мы приступили к организации Всероссийского съезда крестьян.

Из Петрограда я направился в Великий Устюг, где встретился с крестьянами и другими жителями уезда. Что за радость покинуть столицу с ее постоянно мечущейся толпой, беспорядком, грязью, истерией и вновь вернуться в любимые спокойные места! Надо мной голубое небо, вокруг меня поблескивающие воды реки и очаровательный пейзаж. Сколь совершенно все это спокойствие! Воздух чист и неподвижен, как будто и нету никакой революции! Лишь постоянное шушукание пассажиров вновь напоминает о ней.

В дорогом моему сердцу городе меня встретила группа друзей. Прямо с парохода меня отвезли на рыночную площадь, где уже собрались тысячи людей. Моя речь инспирировала взрыв патриотического энтузиазма. Сотни людей вызвались внести свои вклады в государственный заем свободы, выпущенный правительством в целях оздоровления экономической ситуации в стране. Многие крестьяне, прибывшие в город с подводами зерна, отдавали его в фонд армии безвозмездно. Такого же успеха мне удалось добиться в аудиториях учителей и простонародья ближайших деревень.

По приезде обратно в нездоровую атмосферу столицы я обнаружил, что безудержный беспорядок становился угрожающим.

В столицу прибыл Ленин в сопровождении своего окружения. Их речи на большевистской конференции поразили даже крайне левых. Ленин и его группа стали очень богатыми людьми, а соответственно число большевистских газет, памфлетов, прокламаций многократно возросло. Троцкий занял очень дорогостоящие апартаменты. Откуда взялись все эти деньги? — невольно возникал вопрос.

"Социализация" началась. Большевики силой захватили виллу танцовщицы Кшесинской, анархисты — усадьбу Дурново и ряд других домов; их же собственники были попросту выселены. Зачастую они апеллировали в суд или прямо к правительству, но никакие меры по восстановлению их в правах не предпринимались.

21 апреля 1917 года. Сегодня нам пришлось "понюхать", что же есть на самом деле восстание масс. Министерство сношений отправило ноту союзникам, подтверждающую верность всем соглашениям и обязательствам, принятым ранее Россией. За это оно было подвергнуто яростным нападкам со стороны Советов и большевиков. Около полудня два хорошо вооруженных полка покинули бараки и присоединились к бастующим. Началась перестрелка. Преступные ограбления магазинов вошли в норму. Ситуация стала напоминать первые дни антицаристского восстания, но в те дни еще удавалось контролировать массы. Правительство заявило об отставке Милюкова.

А это значило, что правительство пало, ибо первая уступка толпе и большевикам свидетельствовала о конце Временного правительства. Мы все как будто живем на краю вулкана, который в любой момент мог проснуться. Неприятная ситуация, но шаг за шагом мы постепенно адаптировались к ней. В любом случае все происходящее вызывало глубокий интерес.

Сегодня мы опубликовали первый номер "Воли народа". Организация Всероссийского съезда крестьян шла успешно.

Вандервельде и Де-Брукер, лидеры бельгийских социалистов, посетили нас с визитом. "Вы первые русские социалисты, не обвинившие нас в "патриотизме" и не поносившие наши "буржуазные" суждения", — сказал Вандервельде, пожимая мне руку.

Сегодня вечером был устроен обед в честь Альберта Тома. Он, как и Вандервельде, расценивал ситуацию достаточно пессимистично, однако воспринимал грубость Советов с большим чувством юмора. "Они ведут себя наподобие безответственных детей", — говорил он.

Мой нерегулярный образ жизни стал регулярным. Не было фиксированного времени ни для обеда, ни для сна, ни для утреннего подъема, ни для работы. День ото дня я изнурял себя либо на поприще агитации, либо занимаясь массой текущих дел. Иногда же возникало ощущение бездомного пса.

Агония

Май — июнь 1917 года. Крестьянский съезд начал свою работу, собрав почти тысячу реальных представителей крестьянства и солдат. Настроения крестьян были несравненно более сбалансированными и здоровыми, чем рабочих и солдат. Патриотизм, выраженный в желании прекратить беспорядки, намерение воздержаться от захвата земель до тех пор, пока этот вопрос не будет вполне определенно решен, готовность поддержать правительство и оказать сопротивление большевикам — вот они, суммарные мысли, высказанные со всей прямоотой съездом.

Любопытный эпизод, происшедший на съезде, связан с появлением там Ленина. Взобравшись на подмостки, он театральным жестом сбросил с себя плащ и стал говорить. Лицо этого человека содержало нечто, что очень напоминало религиозный фанатизм староверов. Он был достаточно скучным оратором, и его попытка возбудить большевистский энтузиазм в массах полностью провалилась. Его речь была принята холодно, а персону встречена даже с некоторым озлоблением, так что он вынужден был покинуть съезд с явным провалом. После этого большевистская "Правда" и другие интернационалистические газеты возобновили нападки на съезд, обвиняя его в мелкой буржуазности и называя его "цитаделью" социал-патриотов. Ну да ладно, это их дело.

Съезд завершал свою работу голосованием за создание Крестьянских Советов, выбором депутатов, исполнительного комитета и представителей в другие избирательные органы. Я был избран в качестве члена исполнительного комитета и делегирован на "Комиссию по разработке Закона о выборах членов Учредительного Собрания".

По пути домой я проходил мимо виллы Кшесинской, захваченной большевиками и используемой ими в качестве штаб-квартиры. День ото дня ораторы выступали с балконов дворца перед толпами рабочих и солдат. Все попытки правительства изгнать захватчиков из дворца оканчивались неудачами. Дворец Дурново, оккупированный анархистами столь же нелегально, как и другие виллы, охранялся преступниками, именовавшими себя анархистами или коммунистами. Тщетно суды предписывали захватчикам покинуть эти здания, столь же тщетно отправляя свои предписания и министр юстиции. Ничего изменить не удавалось. Я остановился перед виллой Кшесинской, чтобы послушать Ленина. Воистину он слабый оратор, но мне казалось, что этот человек может пойти далеко. Почему? Да потому, что он был готов поощрить толпу на любое насилие, преступление, жестокость, на которые в создавшихся деморализованных условиях люди и так были готовы.

— Товарищи рабочие, — продолжал свою речь Ленин, — отвоевывайте фабрики у предпринимателей! Товарищи крестьяне, берите землю у врагов ваших, помещиков! Товарищи солдаты, прекращайте войну и возвращайтесь домой. Заключите мир с немцами! Бедняги, вы умираете с голода, когда вокруг вас плутократы и банкиры. Почему бы

вам не захватить все эти богатства? Грабьте награбленное! Безжалостно громите весь этот капиталистический мир! Покончите с ним! Покончите с его правительством! Покончите с войной! Да здравствует социалистическая революция! Да здравствует классовая война! Да здравствует диктатура пролетариата!

Подобные речи всегда находили жаркий отклик. Вслед за Лениным выступал Зиновьев. Что за неприятная фигура, этот Зиновьев! В его высоком женоподобном голосе, внешности, толстой фигуре, во всем сквозило нечто одиозное, жестокое; он был безусловно дегенеративная личность. Ленин нашел себе прекрасного ученика в этом человеке.

Прослушав их около часу, я пересек Троицкий мост и побрел в сторону своего офиса. День был прекрасный. Солнце ярко блистало, и в Неве отражалось безоблачное небо. Но душа моя была темна. Эти люди, я знал это наверняка, предвещали страшные вещи. Будь я в правительстве, я бы, без сомнения, арестовал их. Несчастный Керенский вынужден делать все, что он в силах. Он сопровождает одну красноречивую речь другой, однако диких зверей нельзя остановить речами, пусть даже и красноречивыми. В городах распространился голод, работу найти было все труднее. Должно заметить, что пропагандистски газета "Правда" была блестящим изданием. Особенно хороши были саркастические статьи Троцкого, в которых он, высмеивая, глумился над своими оппонентами. И я был в их числе. Великолепная сатира.

Советы крестьянских депутатов оставались последним надежным бастионом. Большинство из мужиков, представлявших крестьянство, умудрялись все еще сохранять в себе интеллектуальное равновесие.

26 мая 1917 года был днем моей женитьбы. Это было поистине революционное бракосочетание. После церковного венчания, на которое, кстати, я прибыл прямо с одного важного собрания, мы с женой и друзьями устроили получасовой легкой завтрак, после чего я вновь поспешил на очередное заседание. Только в периоды войны или революций могут случаться подобные вещи. Вечером я послал революцию к дьяволу и вернулся домой к своей возлюбленной. Вихрь все приближался, но в тот день я был счастлив.

Сегодня профессор Масарик из Праги посетил меня в моем офисе. Какое удовольствие беседовать с разумным, интеллигентным, серьезным и широко мыслящим человеком. Мы обсудили чешскую проблему, о которой я в то время писал. Безусловно, с такими лидерами, как Масарик, Чехословакия вновь обретет независимость. Об этой нашей надежде мы написали в "Воле народа".

Работа в Советах крестьянских депутатов шла своим чередом и вполне успешно. Принципиальные вопросы будущей России — аграрная реформа, конституция, организация правительства, защита страны и т. п. — получили пробные решения. Собрания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов шли порознь. Старые Советы поначалу пытались установить свой контроль, но теперь было ясно, что крестьянская организация вполне самостоятельна. В зале Думы члены крестьянских Советов занимали правую сторону, левую же занимали группы большевиков, интернационалистов и левых эсеров. Стоило нам войти в залу, как "красные" начинали насмешливо приветствовать нас выкриками: "А вот и мелкая буржуазия идет!" Мы платили им тем же: "А вот там предатели!"

Наступил серьезный кризис. Пока заседал исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, нас внезапно информировали по телефону, что большевики организывают на следующее утро вооруженную демонстрацию солдат и рабочих с требованием: "Долой капиталистичес-

кое правительство!" Не было сомнений, что подобная демонстрация будет означать падение Временного правительства и конец наступательных операций на фронте. А значило это также и гражданскую войну и кровопролитие. В противовес их акции мы проголосовали за организацию невооруженной демонстрации, запланированной на следующую неделю. Тем самым мы постарались пресечь попытку проведения вооруженной демонстрации. На следующее утро "Правда" анонсировала согласие большевиков принять участие в нашей мирной демонстрации. На этот раз мы выиграли, но я опасался, что в следующий раз победа будет на их стороне.

Вечером в городе произошли стычки и совершены были несколько убийств. Красный подол революции все более и более приобретал кровавую окраску. Голод возрастал.

Наступательные операции на фронте попервоначально пошли удачно, и мгновенно настроения людей резко поднялось. Патриотические демонстрации заполнили улицы, популярность Керенского существенно возросла. Большевики на время были оттеснены.

Но вот и катастрофа. Наша революционная армия разгромлена. В сумасшедшей панике армия развалилась, разбредаясь во все концы и разрушая все на своем пути: убийства, насилие, погромы полей, деревень и всякое такое. Никакой дисциплины, никакого подчинения, никакого милосердия ни по отношению к ни в чем не повинным женщинам, ни к простым гражданам. Генерал Корнилов и Б. Савинков требовали восстановления смертной казни для дезертиров. Увы, тщетно! Бессильное правительство и Советы даже в такую минуту опасности не могут действовать. И вновь начали превалировать большевики и анархия.

Сегодня произошло серьезное событие. На митинге, организованном "бабушкой" Брешковской, Савинковым, Плехановым, Чайковским и мною, аудитория солдат и рабочих внезапно взорвалась свистом и угрозами лидерам революции. Мученики Брешковская и Чайковский были осыпаны эпитетами типа "предатели!", "контрреволюционеры!". Мгновенно вскочив на ноги, Савинков прокричал: "Кто вы такие, чтобы именовать нас таким образом? Лодыри! Что вы сделали для революции? Совсем ничего. Чем вы когда-либо рисковали? Ничем. А эти люди (указывая в нашу сторону) мучались в тюрьмах, голодали, мерзли в Сибири, каждый раз рискуя собственной жизнью. Именно я, а не кто-либо из вас бросил бомбу в царского министра. Я, а не кто-либо из вас слышал смертный приговор, вынесенный мне царским правительством. Как смеете вы обвинять меня в измене революции? Кто вы, как не толпа безмозглых бездельников, замысливших разрушить Россию, революцию и тем самым самих себя?!"

Этот взрыв гнева впечатлил и несколько охладил пыл собравшихся людей. Но было ясно, что именно в такие минуты все великие революционеры переживают трагедию. Об их преданности делу и самопожертвовании вдруг все забывают. В сравнении с "мартовскими" старые революционеры воспринимаются уже как реакционеры, отставшие от времени.

— Думали ли вы о себе когда-либо как о контрреволюционере? — спросил я у Плеханова.

— Если эти маньяки — революционеры, то я горд тем, что реакционер, — ответил мне основатель социал-демократической партии.

— Будьте осторожны, господин Плеханов, — продолжил я, — как только эти люди станут диктаторами, вы будете тотчас же арестованы.

— Эти люди станут еще большими реакционерами, чем царское правительство, вот чего я опасаясь, а не ареста, — горько заметил он.

Я любил Плеханова. Он схватывал истинную суть момента гораздо лучше своих учеников из Советов, которые не допускали его даже как члена их организации. Все старые революционеры, как, впрочем, и основатели русского социализма, считали себя умеренными или, в лексике большевиков, "контрреволюционерами". Мой разговор с Плехановым очень напоминал ситуацию всех революций или социальных переворотов, ситуацию, именуемую "контрреволюцией" толпы. Только тогда все начинают понимать, что революция и радикализм на практике существенно отличны от этих же идей в теории.

Распад России начался всерьез. Финляндия, Украина, Кавказ провозгласили свою независимость. Кронштадт, Шлиссельбург и многие другие регионы России также ратовали за свою независимость.

Вчера я опубликовал статью о надвигающейся катастрофе, которую назвал "Вечные муки русской нации". Уже сегодня многие газеты поместили на своих страницах комментарии. Большевистские листки попросту угрожали мне. Их простым сочувствием нации нельзя было изменить ситуацию, которая и без того была безнадежной. Что же касалось меня, то я не испытывал ни толики чувства личного страха.

Жизнь в Петрограде становилась все более сложной. Столкновения, убийства, голод; смерть стала привычным спутником повседневности. Мы все ждали нового взрыва. Он должен был наступить очень скоро. Вчера я выступал на публичном диспуте с Троцким и мадам Коллонтай. Было совершенно ясно, что революционный энтузиазм этой женщины есть не что иное, как косвенное удовлетворение ее нимфомании.

Троцкий находится в выгодных условиях, и он, безусловно, достигнет определенных высот. Этот театрализованный разбойник — сущий авантюрист. У его собратьев по социал-демократической партии (меньшевики) принято о нем говорить: "Троцкий приносит свой стул на каждое собрание. Сегодня он восседает с одной партией, завтра — с другой". В тот момент его стул размещался в коммунистической партии. Большевики, вероятно, предоставят ему все то, что он возжелает.

Трагедия

3—5 июля 1917 года. Взрыв наступил. В полдень третьего числа, в самый разгар утреннего заседания съезда крестьянских депутатов, мы были встревожены телефонным звонком из Таврического. "Для воссоединения с Советами рабочих депутатов приезжайте как можно скорее — готовится новый переворот большевиков". Мы тронулись в путь незамедлительно. Улицы, примыкающие ко дворцу, придворцовая площадь были заполнены солдатами и матросами, а посреди всего этого столпотворения в автомобиле, окруженном людьми из Кронштадта, стоял Троцкий.

— Вы, товарищи матросы, — гордость и слава русской революции. Вы ее лучшие защитники и пособники. Своими деяниями, преданностью коммунизму, безжалостной ненавистью и истреблением всех эксплуататоров и врагов пролетариата вы впишете бессмертные страницы в историю революции. Теперь же перед вами стоит новая задача — довести революцию до ее заключительного этапа и воздвигнуть царство коммунизма — диктатуру пролетариата — и начать тем самым мировую революцию. Величайшая драма началась. Победа и вечная слава призывают нас к этому. Пускай враги наши трепещут. Никакой жалости,

никакого милосердия к ним. Сконцентрируйте всю свою ненависть. Уничтожьте врагов раз и навсегда!

Дикий взрыв звериного рыка был ответом на эту речь. С громадными трудностями мы все-таки пробилась во дворец, где в зале Думы собрались многие представители Советов и социал-демократической партии. В зале царил атмосфера напряжения и крайнего возбуждения. "Это ужасно!", "Это преступление против революции!" — раздавались повсюду возгласы лидеров левых.

Тем временем оружейные выстрелы и пронзительные крики все чаще раздавались извне. Чхеидзе призвал к объединенному заседанию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— От лица коллегии Советов, — заявил Дан, — я предлагаю следующее: все члены Советов, собравшиеся здесь, должны принести клятву, что сделают все возможное, а если понадобится, то и умереть для того, чтобы воспрепятствовать этому преступному мятежу против Советов и революции. Те, кто не желают давать такую клятву, должны немедленно покинуть залу.

После непродолжительного затишья раздалась одобрительные аплодисменты. Вокруг же себя я видел лишь бледные лица депутатов и все же я слышал их жаркий шепот: "Да, мы готовы погибнуть". Нечто трагическое и при этом героическое происходило с нами. Окруженные необузданной толпой, посреди канонады и стрельб пулеметов, защищаемые лишь двумя гвардейцами у дверей во дворец, члены Советов впервые, пожалуй, выросли до величественного благородства, когда остается выбор либо победить, либо погибнуть.

Через мгновенье группа большевиков, интернационалистов, левых социал-революционеров, возглавляемая Троцким, Луначарским, Гиммером и Камковым, вышла вперед. "Мы протестуем против этого предложения, — воскликнули они в один голос. — Взгляните на море солдат и рабочих, разлившееся вокруг этого здания. От их имени мы требуем, чтобы Советы провозгласили о роспуске Временного правительства. Мы требуем также незамедлительного прекращения войны и установления диктатуры пролетариата и коммунистической государственности. Если вы не согласитесь на это добровольно, то мы силой заставим вас сделать это. Время сомнений миновало. Вы обязаны подчиниться тому, к чему вас призывает революционный пролетариат".

В этом, пожалуй, заключалась квинтэссенция их выступления. Большевики, чувствуя себя победителями, уже более не апеллировали к Советам, а, напротив, приказывали им. Пытаясь обуздать их гнев и возмущение, Советы выслушали их молча.

— Чего же вы добиваетесь? — спросил председатель. — Диктатуры Советов или вашей собственной диктатуры над Советами? Если первого, тогда прекратите угрозы, присядьте и дождитесь решения Советов, а уж потом следуйте ему. Если же второго, то есть вы сами собираетесь стать диктаторами над Советами, то что же вы в таком случае делаете здесь? Ни у кого в этом зале нет сомнений, чего вы добиваетесь, ибо ваша цель не "вся власть Советам", а вся власть вам самим. Вы зажгли темные и необузданные массы людей. Во имя этого вы инициируете гражданскую войну. Очень хорошо, мы принимаем ваш вызов. А теперь убирайтесь и делайте что пожелаете!

Таков был наш ответ большевикам. После нескольких минут колебаний они вновь разразились угрозами, но резолюция Дана была принята единогласно.

Одна феерическая речь следовала за другой. Моя голова попросту разрывалась в сжатой атмосфере зала. Я вышел во двор. На фоне серых

сумерек июльской ночи я увидел море солдат, рабочих и матросов... То здесь, то там стояли направленные на здание дворца пушки и пулеметы, развевались красные знамена, непрерывно слышалась канонада. Сумасшедший дом какой-то! Эта толпа требовала: "Вся власть Советам!", хотя в то же время направляла на них пушки, угрожая Советам смертью и расправой.

Как только меня узнали, то я тотчас же был окружен людьми, посыпались вопросы, раздались угрозы. Я попытался объяснить им, что Советы не обладают всей полнотой власти, поскольку требования большевиков невозможны. Я попытался объяснить также, какие бедствия могут последовать из их намерений. Однако я как будто бы разговаривал не с людьми, а с неким монстром. Глухим ко всяким доводам, обуреваемым ненавистью и бесчувственной жестокостью, соблазненным идиотическими лозунгами большевиков. Я никогда не забуду эти лица в обезумевшей толпе. Они потеряли все человеческое, укрепив в себе лишь звериное начало. Толпа редела, угрожала, потрясала кулаками.

— Советы продались капиталистам!

— Предатели! Иуды!

— Враги народа!

— Смерть им!

Сквозь этот гром голосов я прокричал: "Неужели моя смерть даст вам zemлю или наполнит ваши пустые желудки?"

Странно, но многие из "бестий" толпы разразились в ответ на мой вопрос смехом. Удивительно, к сколь мгновенным шараханиям из одной стороны в другую способна толпа.

В зале Думы продолжались речи, речи, речи... Ближе к рассвету часть депутатов Советов заснула, и то был сон изнеможения. Остальные сменяли друг друга у трибуны, продолжая дискуссию. Тем временем снаружи здание все еще было окружено толпами, подкрепленными на сей раз несколькими свежими полками. Одна стратегическая позиция за другой занимались солдатами. Выстрелы раздавались отчетливее, чем среди ночи, а пули все чаще ударялись о стены здания. Обессиленный от бессонной ночи, я вновь вышел во двор Думы. На этот раз я увидел три броневика. Про или контра? Конечно же против. Против были и солдаты, и моряки, вооруженные ружьями и скопившиеся во дворе. Внезапно раздался оглушительный взрыв, и все эти доблестные вояки в панике попадали на землю. Панику, как оказалось, вызвали сами большевики. Один из солдат бросил ручную гранату и убил нескольких людей. Полагая, что началась атака со стороны правительственных сил, пулеметчики открыли огонь. Число жертв возросло. После этого многие из бунтовщиков решили отправиться восвояси.

В пять часов пополудни Советы возобновили заседание. На нем присутствовали большевистские депутаты и их сторонники. Они отчетливо осознавали, что настал момент, когда они либо должны победить, либо признать поражение. Во имя того чтобы победить, они готовы были прибегнуть к крайним мерам. Но именно в тот момент, когда один из них произносил речь, полную кровавых угроз, дверь распахнулась и в залу вошли три офицера. Их мундиры были запылены и покрыты грязью; они быстрым шагом приблизились к восседающему на трибуне Чхеидзе. Отдавши честь, они развернулись в сторону зала и старший по чину обратился к группе большевиков со следующими словами:

— В то время когда русская армия концентрирует все силы для защиты родины от врагов, вы, солдаты и матросы, которые никогда и не видели войну, болваны и предатели, убивающие время в злобной болтовне, авантюристы и оборотни, что здесь вы делаете? Вместо борьбы

с врагами вы губите мирных граждан, организуете заговоры, вдохновляя тем самым врагов наших, а нас, солдат великой русской армии, встречаете пулеметами и пушками. Позор! Но тщетно все ваше вероломство. Я, командующий полком велосипедистов, информирую вас о том, что мои подразделения вошли в Петроград. Бунтари разбежались. Ваши пулеметы в наших руках. Ваши вояки — храбрецы перед лицом невооруженных мирных жителей, — столкнувшись лицом к лицу с военными подразделениями, трусливо разбежались. А посему сообщаю вам, что тот, кто предпримет всякую попытку продолжить или повторить нечто подобное, будет пристрелен, как собака.

Повернувшись к председателю, он снова отдал честь и добавил: "Имею честь доложить Советам, что мы поступили в распоряжение правительства и Советов и ждем дальнейших распоряжений".

Взрыв настоящей бомбы вряд ли вызвал бы подобный эффект. Громкие и радостные аплодисменты раздалась с одной стороны, с другой — пронзительные выкрики, стоны и проклятия. Что же касается Троцкого, Луначарского, Гиммера и Каца, Зиновьева, то они, как выразился один из моих друзей, "бежали как черт от ладана". Один из них, впрочем, и попытался что-то сказать, но голос его потонул в криках. "Вон отсюда! Прочь!" — раздавалось отовсюду. И вместе со своими сторонниками они покинули зал.

Часа через полтора военная музыка заполнила комнаты и коридоры дворца. Два петроградских вооруженных полка вошли в Думу. Большевики были разбиты, и вновь восторжествовали силы порядка. Толпы были рассеяны, мятежные солдаты разоружены и арестованы. Около двух часов пополудни я добрался домой, свалился на кровать и мгновенно уснул.

5 — 6 июля 1917 года. Сегодняшние газеты опубликовали документы, из которых следовало, что накануне своего возвращения из-за границы большевистские лидеры получили крупные суммы денег от германского военного руководства. Эта новость вызвала взрыв всеобщего негодования.

— Предатели! Немецкие шпионы! Убийцы!

— Смерть им! Смерть большевикам!

Все это сегодня выкрикивала толпа, которая еще вчера требовала крови большевистских врагов. Общественные настроения круто изменились, и сейчас уже необходимо было защищать большевистских лидеров от насилия. Некоторые из них самовольно предпочли арест, дабы попросту выжить. Чтобы предотвратить линчевание, Чайковский и я вынуждены были сопроводить кронштадтских матросов от Петропавловской крепости на их корабли. Понимая, что их ждет в случае, если они попадут в руки непостоянной толпы, "гордость и слава революции", как назвал их всего лишь несколько дней назад Троцкий, дрожала как осиноый лист под гикание уличной публики.

"Ты жив? Все ли в порядке?" С таким содержанием я получил телеграмму от жены, которая находилась в то время в Самаре. Конечно же у меня все было в порядке.

Сегодня Троцкий, Коллонтай и многие другие были арестованы, Ленину и Зиновьеву удалось избежать этой участи. Вопрос же теперь стоял так: что делать впредь? Мы, умеренные, были не кровожадны, и, дабы ликвидировать саму возможность подобных насильственных мятежей, нам следовало бы демонстрировать великую стойкость духа. Советы же были склонны к излишней мягкости, которая при нынешних обстоятельствах означала ничего более, как слабость.

Мятеж был подавлен, но ничего не было сделано в плане наказания ораторов и бунтовщиков, а арестованные коммунистические лидеры были вскоре выпущены на свободу.

Мне предложили три поста во Временном правительстве — товарища министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы, секретаря премьер-министра Керенского. После надлежащих размышлений я остановил свой выбор на последнем, хотя и очень сомневался, что при нынешних условиях смогу оказать большую службу стране. В этом смысле, как помощник Керенского, я, пожалуй, смог бы сделать максимум возможного.

Разработка закона о выборах в Учредительное собрание завершилась. Они должны были стать самыми демократичными выборами, допускающими полную и пропорциональную представительность населения. Но, думалось мне, закон этот так же "пойдет" бедной России, как вечерний туалет — лошади.

За несколько дней до того как я вступил в обязанности секретаря Керенского, произошло событие, глубоко потрясшее всех трезвомыслящих русских, причем даже тех, кто годами участвовал в революционном движении. Я имею ввиду ссылку царя Николая II и его семьи в Тобольск в Сибирь. Все это было совершено в большом секрете, хотя за несколько дней до этого мой старый друг и коллега г-н Панкратов в редакции "Воли народа" сообщил мне, что он назначен шефом императорского эскорта царской ссылки. Панкратов был старым революционером и двадцать лет своей жизни провел в тюремном заключении в Шлиссельбурге. Несмотря на все это, он был гуманист, не хранил в себе злобы ни к царю, ни к старому режиму. Вот почему я был рад, что именно он был выбран для этого дела, и был совершенно уверен, что Панкратов сделает все возможное, чтобы императорская семья чувствовала себя комфортно даже под стражей. Мотивация этого наказания была не злонамеренной. Напротив, я знал, что Керенский радовался за высылку царской семьи в Англию. Его планы были разрушены лишь потому, что Советы не дали своего согласия на это. По сути, экстремисты были ответственны за плохие условия царского заключения в царскосельском дворце. Их нахождение там становилось небезопасным, и, прорлись июльский бунт еще несколько дней, я уверен, что большевики убили бы их. Совершенно необходимо было выслать семью куда-нибудь, где ее жизнь была бы в большей безопасности и где бы не было стычек с экстремистами по поводу революции. В Тобольске же революционные настроения были не столь сильными, а фанатизма не было и подавно; так что под охраной Панкратова попытки террористического убийства были не столь устрашающими. Хотя, если большевики придут к власти, как сказал мне Панкратов, одному богу известно, что может произойти.

Новый кризис

Вперемешку с телеграммами, выражавшими преданность правительству со стороны городов, земств, рабочих и крестьян, поступали и телеграфные отчеты о женских стачках, солдатских бунтах и анархистских настроениях среди крестьян. Я прочитывал все эти послания и готовил информативные обзоры для Керенского, хотя и зря, поскольку он не предпринимал никаких конструктивных действий, занятый вместо этого обрамлением резолюций для несуществующего правительства. Государственные колеса катили страну в пропасть.

Наконец, настал день катастрофы, титанического катаклизма. 26 августа с диктаторскими интенциями генерал Корнилов направил армию на Петроград с намерением скинуть правительство и Советы.

Такова была версия событий Керенского; мне же корниловские замыслы виделись менее преступными.

Я знал о длительных связях Корнилова и Керенского и что с тех пор, как они развалились, корниловская группа стала совершенно враждебной правительству Керенского, которому, в частности, они вменяли в вину надвигающийся развал России. Керенский же характеризовал Корнилова и его последователей как предателей родины. Новые силы организовывались для отпора большевикам, однако вместо объединения перед общим врагом армия патриотов разделилась на три лагеря. Большевиков же, конечно, такое положение дел вполне устраивало. О какой иной расстановке сил они могли еще мечтать? Советы были заняты лихорадочной деятельностью. Был избран высший комитет двадцати двух "для борьбы с контрреволюцией". Я был включен в его состав. Характерно, что в него вошли и несколько большевиков, так что мы оказались в ненормальной ситуации сотрудничества с "красными" для оказания сопротивления патриотам. Первое, что потребовали эти члены комитета, — освобождения из тюрьм своих большевистских соратников (Троцкого, Коллонтай и других). Вопреки моему отчаянному сопротивлению, это требование было удовлетворено.

Большевик Рязанов был одним из самых деятельных членов комитета: он писал прокламации, выпускал бюллетени. Один из членов комитета как-то заметил: "Кто бы мог подумать, что Рязанов и Сорокин когда-нибудь будут работать вместе? Лично я нахожу это обнадеживающим".

Я же не находил ничего обнадеживающего в этом. Мои мысли были о революции, которая, как и политика, способна совершать самые крупные выражи.

В высший комитет поступала информация о том, что наша пропаганда возымела успех и внутри корниловских подразделений началось брожение, открыто проявилось нежелание продолжать демарш на Петроград. Несколькими часами позже пришли точные известия о том, что внутри корниловской армии начался мятеж. На следующее утро сам генерал Крымов, командующий "контрреволюционными" силами, прибыл к Керенскому и после непродолжительного разговора вышел от него и застрелился. Для меня вся корниловская афера виделась трагедией, а его мотивы, также как и его адъютанта Крымова, были абсолютно чистыми и патриотическими. Они были совершенно далеки от контрреволюционной идеи.

Теперь триумф большевиков становился делом времени. Правительство, утратившее доверие среди всех несоциалистических сил, повисло на волоске, и его падение было предначертано.

Мне постоянно приходилось видеть жену и друзей страдающими от голода. Никто не жаловался. Веселыми беседами мы старались позабыть о пустых желудках. Впрочем, это было своего рода самодисциплиной.

Во всех полках большевики организовали военные комитеты помощи революции. Все это предвещало новый взрыв. Я приобрел револьвер, но мог ли я выстрелить в кого-либо? Вряд ли.

Люди тысячами покидали Петроград. В самом деле, почему они должны были в нем оставаться? Там царил голод, не говоря уже о прогромах большевистских толпищ.

— Я советую тебе уехать, — сказал мне один из моих друзей, кого я пришел проводить на вокзал, — отправляйся как можно скорей; вот увидишь, скоро ты не сможешь этого сделать.

Покинуть сейчас Петроград? Я не мог и не должен был так поступить.

Октябрь—декабрь 1917 года. Наконец, наступил хаос. Большевики победили. Все было предельно просто. Временное правительство и только что открывшийся Первый Всероссийский съезд Советов были сметены с такой же легкостью, как и царский режим в свое время. Благодаря военным комитетам помощи революции большевики контролировали все военные подразделения. Через Петроградский Совет рабочих депутатов они установили господство над рабочим классом. Солдаты и петроградские рабочие, хорошо вооруженные и моторизованные, захватили Зимний дворец, Петропавловскую крепость, железнодорожные вокзалы, телефонные узлы и почты. Для того чтобы разрушить старое правительство и создать новое, потребовалось не более двадцати четырех часов.

25 октября, несмотря на болезнь, я все же отправился к Зимнему, дабы разузнать о последних новостях.

Я обнаружил дворец, окруженный большевистскими подразделениями. Было бы полной глупостью идти дальше, поэтому я круто развернулся и отправился к Мариинскому дворцу, где располагался республиканский Совет. Там я узнал, что Керенский бежал на линию фронта в поисках военной поддержки. Коновалов с остальными министрами и губернатором Петрограда Палачинским забаррикадировались в Зимнем, охраняемом женским полком и тремя сотнями вооруженных кадетов.

— Это — неслыханно! — гремел один из социал-демократов. — Мы должны опротестовать это насилие.

— Что? Вы что же, собираетесь издать новую резолюцию? — поинтересовался я.

— От лица Советов, республиканского Совета и правительства мы должны обратиться ко всей стране и мировому демократическому сообществу, — выпалил он, парируя мое легкомыслие.

— Что же это, если не новая резолюция? — спросил я, полушутя.

— Мы должны апеллировать к военным силам.

— Каким именно военным силам?

— Но офицеры и казаки все еще преданы нам.

— Те самые, кого недавно революционная демократия именвала контрреволюционерами и реакционерами, — продолжал я настаивать на своем. — Вы что же, забыли ваше отношение к ним, особенно после корниловского фиаско? И после этого вы надеетесь, что они защитят вас? Я же думаю, что, напротив, они будут крайне довольны всем случившимся.

Осажденные министры не были убиты, их лишь загнали в Петропавловскую крепость, где томились царские министры. Участь, постигшая женщин, была куда страшнее, чем вообще способно представить наше воображение. Многие были убиты; те же, кого избежала милосердная смерть, были варварски изнасилованы. Они были обесчещены столь отвратительным способом, что вскоре скончались в ужасающих агониях. Многие из официальных лиц Временного правительства также были умерщвлены с садистским зверством.

У себя в офисе газеты я написал первую статью о захватчиках, клеймя позором убийц, насильников, бандитов и грабителей. Статью я подписал своим полным именем вопреки протестам моих друзей и даже наборщика. "Пусть так останется, — заявил я им, — в любом случае мы все перед лицом смерти". Примечательно, что статья возымела успех, так что пришлось увеличить тираж номера втрое. Друзья уговаривали меня не ночевать дома, и я решил последовать этому

совету. Я также согласился изменить свою внешность и перестал бриться. Многие поступили так же: бритые стали появляться бородатыми, а бородатые — гладко выбритыми.

Керенский был разбит. Большевики захватили банки, государственные и частные, а мой старый приятель Пятаков был назначен комиссаром финансов. С фронта поступали все новые ужасающие сведения. Генералиссимус Духонин был убит вместе с сотнями других офицеров. Наша армия превратилась в дикую неуправляемую массу, сметающую все на своем пути. Германское вторжение становилось неизбежным.

Сегодня мой коллега Аргунов, один из основателей партии эсеров, попал "в лапы кота". Организация и публикация газет становились крайне затруднительными. Вторжения в редакции и типографии стали фактом рутинной повседневности. Большевистские солдаты рушили все: и наборы, и даже типографские станки. Мы вынуждены были подчиняться и прекращали наши публикации, но многие из них появлялись вновь с несколько видоизмененными названиями. "Воля народа", запрещенная вчера, сегодня выходила в свет под названием "Воля", затем "Народ", "Желание народа" и т. д. Газета "День" появлялась под заголовками "Утро", "Полдень", "Вечер", "Ночь", "Полночь", "Час ночи", "Два часа ночи". Самое главное было то, что наши газеты продолжали издаваться. Читатель, которому не удалось получить газету наутро, получал ее под ночь.

Сегодня я едва избежал ареста.

Наше ежедневное меню стало экзотичным, если не сказать покрепче. Хлеба не было, но вчера в одном небольшом магазинчике мы обнаружили несколько банок с консервированными персиками. Вместо хлеба мы приготовили пирог из картофельной кожуры. Все нашли его вполне съедобным. Да здравствует революция, которая стимулирует изобретательность и умеряет человеческий аппетит и желания!

Выборы в Учредительное собрание проходили по всей стране. Они стали своего рода вызовом большевистской революции. Если большевики правы, то они получают большинство голосов на выборах. Очень скоро нам будет известен вердикт России. Конечно же большевики делали все возможное, что было в их силах, дабы блокировать выборы, а "затравленные мыши" делали все, чтобы содействовать им в этом. В течение последней недели я выступил на двенадцати митингах.

Но вот опубликованы результаты выборов, большевики оказались побежденными. Вместе с левыми эсерами они оказались намного позади правого крыла партии, а тем самым — в меньшинстве в Учредительном собрании. Совместно со своими товарищами в Вологодской губернии я набрал около 90% всех голосов. В прошлую ночь мы организовали самый экстравагантный банкет: каждому было вручено по ломтю хлеба, полсосиски, консервированный персик и чай с сахаром.

Большевики были решительным образом побеждены. Однако было ясно, что они не согласятся с таким вердиктом. Если раньше они надеялись успешно пройти на выборах в Учредительное собрание, то теперь они будут препятствовать его открытию.

Тем временем я продолжал играть в кошки-мышки. Формально все депутаты пользовались правом неприкосновенности. Но закон — одно, а большевистская практика — другое. Все дороги теперь вели в темницу. Я был уставшим, возбужденным частью от работы и напряжения, частью от голода.

27 ноября 1917 года. Официальный день открытия Учредительного собрания начинался прекрасной ясной погодой, синим небом, белесым

снегом — благоприятным фоном для громадных плакатов, развешанных повсюду: "Да здравствует Учредительное собрание, хозяин России!" Тысячи людей, несущих эти транспаранты, приветствовали представителей высшей власти в стране, истинного гласа русского народа. Когда депутаты приблизились к Таврическому, многотысячная толпа приветствовала их громкими аплодисментами. Но стоило им дойти до ворот, как выяснилось, что они заперты и охраняются вооруженными до зубов латышскими стрелками.

Необходимо было что-то предпринять, причем немедленно. Взобравшись по железной ограде, я обратился к людям. Тем временем моему примеру последовали другие депутаты. И все же им удалось отпереть ворота, и люди бросились к ним, заполняя придворцовый дворик. Ошеломленные наглостью этого прорыва, латышские стрелки на какой-то миг заколебались. В результате ворота были открыты и мы вошли вовнутрь, за нами плыла толпа граждан. Во дворцовой зале мы начали свое собрание обращением к русскому народу с призывом защитить Учредительное собрание. Резоллюция гласила, что вопреки всем препонам собрание начнет свою работу 5 января наступающего года.

Для подкрепления успеха мы провели митинги на заводах и среди солдат. Тем временем политические лидеры продолжали работу над подготовкой основных декретов, упорядочению процедуры и т. д. Подобного рода собрания, как правило, проводились на моей квартире.

Тень разрушения распространялась над Петроградом. Вся коммерческая жизнь замерла. Днем и ночью постоянно раздавались винтовочные залпы. Сумасшествие и грабеж распространялись по городам и селам. Армия, как таковая, уже больше не существовала, немцы могли вторгнуться, когда им заблагорассудится.

Наступил последний день уходящего 1917 года. Оглядываясь назад, я не мог избавиться от чувства горечи и разочарования.

На Новый год мы все собрались вместе, лидеры и депутаты от партии социал-революционеров: Глубокая печаль, перемешанная с призывами умереть за свободу, отмечала все наши речи. Этот мертвящий энтузиазм достиг своего апогея после выступления моего друга К., в то время когда мы прислушивались к словам известной арии из оперы Мусоргского "Хованщина" ("Спит стрелецкое гнездо").

— Бедная моя Россия уснула в окружении врагов! Ее грабят. Многие годы назад она находилась под игом татаро-монголов, после — тяжело вздыхала под гнетом помещиков. Моя бедная Россия! Кто спасет тебя сейчас от твоих врагов? Кто оградит тебя от невзгод? О, любимая и несчастная Россия!

Эти слова глубоко тронули нас.

— Мы не знаем, кто может спасти тебя. Но какие бы несчастья ни предстояли тебе, дорогая моя страна, ты не погибнешь. Восстанешь из пепла великой страной и великой нацией, великой державой среди мировых держав. И если для этого нужно будет, чтобы мы все погибли, то мы готовы к этому.

Таковы были слова красноречивого К., который закрыл наше новогоднее празднество.

Перспективы 1918-го представлялись мрачными, но что бы ни случилось, я верил в мою страну и ее историческую миссию.

Ну вот! Большевицкой кошке наконец удалось поймать свою мышь... Я был арестован 2 января 1918 года.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

В ряду вопросов, горячо и страстно обсуждаемых теперь, чуть ли не первое место принадлежит национальному вопросу и проблемам, связанным с ним. Такой факт неудивителен, но удивительно то, что спорящие нередко едва ли и сами знают, из-за чего они ломают копыя... Поставьте большинству из них ясно и категорически вопрос: *"Что такое национальность? Каковы ее элементы? В чем ее отличительные признаки?"* И вместо ответа вы получите либо молчание, либо нечто вразумительное, но неверное, либо, наконец, ответ, быть может, и верный, но смысла которого ни мы, ни сам "ответатель" понять не в состоянии. Посмотрим, так ли обстоит дело. Начнем с той категории теоретиков национальности, которые говорят, быть может, и верное, но никому не понятное. Что же они понимают под национальностью? А вот что... *"Всякое национальное бытие... в своих последних пределах должно мыслиться одним из многочисленных проявлений абсолютного"*. *"Мы должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальной сознанием Германии"* и исказившего *"метафизическую основу"* немецкой национальности. Читатель! Вы понимаете? Я, каюсь, нет. Впрочем, я понимаю одно, что в эти фразы можно всунуть любое содержание: и бога, и сатану. Так пишут философы.

Посмотрим теперь, что говорят те, которые не тонут во фразах и слова которых понять нетрудно. Публицисты, ученые и теоретики этого класса вполне правильно видят в нации или в национальности не метафизический принцип, не какую-то таинственную *"вне и сверхразумную еущность"*, а *группу или союз людей*, обладающих теми или иными признаками, иначе говоря, объединенных той или иной связью. *Каковы же, спрашивается, эти признаки?*

Рассмотрим бегло выдвигавшиеся принципы:

А). Одним из таких признаков, по мнению многих лиц, является *"единство крови"*, или, иначе, *единство расы*. Корни этой теории уходят далеко в прошлое.

В наше время нет надобности подробно критиковать это мнение. Оно давно уже опровергнуто. Достаточно сказать, что теория чистых рас оказалась мифом¹; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови. В наше время чистота крови сохраняется разве только на конских заводах, выводящих *"чистокровных"* жеребцов, да в хлебах йоркширских свиней, да и там, кажется, не этим *"расовым"* признаком обуславливается *"симпатия"* одного коня к другому. В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен. Когда мы говорим:

¹ По Ж. Фино, например, германская раса с антропологической точки зрения представляет смесь поляков, ободритов, вендов и других славянских племен: *"Первобытные пруссаки, оказывается, не имели ничего общего с германцами. Их настоящее имя было Белоруссы, язык их был похож на литовский"* и т. д.

Тот же автор французскую кровь или расу считает составленной из крови аквитанцев, силуров, иберийцев, басков, васконов, светов, либийцев, сардонов, битурингов, вандалов, венедов, гельветов, поляков, вендов, кимбров, вестготов, аллеманов, франков, евреев, сарацинов, этрусков, белгов, пеласгов, аваров и т. д. То же относится и к любой расе.

“Иванов и Петров — одной национальности”, то, конечно, не потому, что мы исследовали химический состав их крови, установили черепные показатели того и другого, изгиб носа, разрез глаз и т. д., а по каким-то иным основаниям, ничего общего не имеющим с теорией единства расы.

Б). Многие исследователи видят отличительный признак национальности в *единстве языка*. Люди, говорящие на одном языке, принадлежат к одной национальности, таково основное положение этого течения. Данная теория национальности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако от этого она не становится еще истинной.

Если бы язык был таким решающим признаком, то тех лиц (а таковых немало), которые одинаково хорошо и с детства владеют несколькими языками, пришлось бы признать денационализированными, а следовательно, венгры, владеющие и венгерским и немецким языками, не могли бы считать себя по национальности венграми. То же относилось бы и ко всем “многоязычным” лицам и народам. Во-вторых, люди, обычно принадлежащие к различным нациям¹, например англичане и американцы, раз они говорят на английском языке, должны были бы составить тогда одну английскую нацию; американской нации, как не обладающей собственным языком, тогда не могло бы быть. И, наконец, туринец, сицилиец и миланец не могли бы принадлежать к одной итальянской нации, так как их говоры весьма далеки друг от друга. В-третьих, если даже и принять этот признак, то мы не избавляемся этим от целого ряда противоречий и сомнений. Первое сомнение гласило бы: *насколько расходящимися должны быть языки или наречия*, чтобы язык, а соответственно и народ, говорящий на нем, могли быть признанными в качестве самостоятельных национальных единиц? Если это *расхождение должно быть основным*, тогда пришлось бы признать, например, национальностью только славянство и объединить в эту национальность такие группы, как великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т. д. Каждый из этих народов в отдельности не мог бы составить национальность, ибо языки их более или менее близки. То же нужно было бы сказать и о французах, итальянцах и румынах как единицах, говорящих на языках родственных. И они порознь тогда не могли бы называться нацией и национальностью, а должны были бы составить одну “романскую” национальность. В итоге мы получаем картину, решительно расходящуюся с обычным пониманием этого термина.

Если же это различие языков должно быть незначительным, то мы попадаем в новую крайность. Почему тогда это различие не уменьшит и вместо русского, польского, украинского языков или наречий не считать таким достаточным различием простое отличие говоров. Логических препятствий для этого нет. Тогда вместо русской, польской и украинской национальности из одной великорусской народности выкроились бы нижегородская, ярославская, московская, вологодская и другие национальности. Термин “язык” — не есть нечто абсолютно определенное и сплошь и рядом подменяется терминами “наречие”, а иногда и “говор”. Как видим, и здесь нет спасения.

Наконец, если бы все дело было в языке, то едва ли можно было бы говорить о русской национальности или о национальности бельгийской или английской. Поляк, малорос, еврей, черемис, калмык, вотяк, молдаванин и т. д. в этом случае не могли бы говорить о “русском

¹ В дальнейшем автор употребляет термины “нация” и “национальность” как тождественные.

патриотизме”, о “русском отечестве”, считать себя по национальности “русскими” и наклеивать на себя значок “России”, символизирующий то единство, к которому они себя относят. То же относится и к Англии или Бельгии, в состав которых входят народы, говорящие на самых различных языках. А между тем в речах и статьях текущего момента говорится именно и главным образом не о черемисском, вотяцком или калмыцком патриотизме их национальности, а именно о русской, не о валлонской или фламандской, а о бельгийской нации и т. д.

Эти краткие штрихи показывают, что на почве одного языка нельзя построить здание национальности.

В). То же можно сказать и о всех других признаках, выдвигавшихся в этой области. Таким признаком не может быть и *религия*, ибо люди, относящие себя к одной национальности, сплошь и рядом исповедуют различную религию, и наоборот, люди, принадлежащие к одной религии, сплошь и рядом являются представителями различных наций. Не является искомым признаком и *общность экономических интересов*, так как очень часто (если не всегда) экономические интересы русского рабочего меньше противоречат экономическим интересам немецкого пролетария, чем русского капиталиста. Не могут быть искомыми признаками нации и *единство правящей династии* или, как указывают многие, *“единство исторических судеб”*. Последние весьма изменчивы и текучи. Сегодня они объединили в одно целое греков, сербов, болгар и черногорцев против турок, а завтра те же “судьбы” разъединили союзников и сделали их врагами.

Но, может быть, искомым критерием служит *единство морали, права и нравов*? Увы! Нет! Кому же не известно, что разница между русским крестьянином и русским барином в этом отношении гораздо большая, чем между русским барином и немецким аграрием.

Тогда, быть может, искомый X заключается в *единстве мировоззрения, в единстве философии*? Опять-таки нет. Мировоззрение русских социал-демократов и немецких социалистов или немецких философов и русских философов нередко сходно, а по национальности они относят себя к различным центрам и теперь стоят во враждебных нациях.

Поищем еще другие признаки. Некоторые указывают на *единство культуры* как на отличительную черту национальности. Но разве это “туманное пятно” не состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь? Выбросьте из “культуры” язык, религию, право, нравственность, экономику и т. д., и от “культуры” останется пустое место.

Г). Есть еще одна попытка установить понятие и сущность национальности путем подчеркивания психологической природы этого явления. Национальность, говорят сторонники этой теории, — это *“осознание своей принадлежности к определенному политическому телу”*, вызываемое различными причинами — религиозными, экономическими, правовыми, единством языка, исторической традицией и т. д.

Если вдуматься в это определение, то мы видим, что здесь центр тяжести лежит на психологическом отнесении себя к тому или иному обществу или группе. Но ясно, что и это определение только ставит, а не решает вопрос. К примеру, я, как журналист, отношу себя к определенному социальному телу — редакции (группа людей), как православный — к определенной церкви (тоже группа), как “подданный” России — к русскому государству (тоже группа), как говорящий на русском, эскимосском, французском и английском языках, я отношу себя ко всем лицам, говорящим на них. Во всех случаях у меня налицо “осознание своей принадлежности” к той или иной группе. Которая же из них будет моей нацией? В отдельности ни одна из этих связей не есть национальная

связь, а, вместе взятые, они противоречат одна другой. Теория не дает определения, а потому и ее приходится отвергнуть. И она "туманна, не ясна, не верна".

В итоге, как видим, ни одна из теорий не удовлетворяет и не знает, что такое национальность¹.

Но могут спросить меня, ведь существуют же, например, поляки, не составляющие пока одного государства и тем не менее представляющие одно целое. Неужели же это не факт? Неужели еще нужны доказательства?

Да, конечно, существуют, отвечаю я, но связь, объединяющая их, или язык, или религия, или общие исторические воспоминания и т. д., то есть одна из вышеуказанных связей, сама по себе, как мы видели, не достаточна для установления и кристаллизации национальности. А во-вторых, не следует забывать и того, что какое-нибудь соединение людей может считаться социальным целым, самостоятельной единицей лишь в том случае, когда это соединение по своим *социальным функциям* или социальной роли представляет нечто единое, когда его части действуют в одном направлении и преследуют одни цели. Видим ли мы это на примере Польши? Увы! Нет. Кто удовлетворяется одним именем и придает ему "магическое" значение, тот может довольствоваться таким пониманием национальности. Сторонник же реалистической социологии едва ли припишет простой общности "имени" свойство и способность обоснования "национальной" группировки людей.

Что же мы имеем в итоге? Довольно странный вывод: в процессе анализа национальность, казавшаяся нам чем-то цельным, какой-то могучей силой, каким-то отчеканенным социальным слитком, эта *"национальность"* распалась на элементы и исчезла.

Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела. Если мы назовем плохим ученым того химика, который сказал бы, что химическим элементом является вода или кусок бутерброда, то такими же плохими социологами являются и все те многочисленные трубадуры — поносители и восхвалители национальности, — которыми теперь хоть "пруд пруди". Сознаю, что это утверждение смелое, кажущееся парадоксальным, но тем не менее это так.

Чувствую, что читатель все еще сомневается и никак не может согласиться со мной: А "еврейский вопрос"? а "армянский вопрос"? а "украинский вопрос"? а "польский вопрос"? а "инородческий вопрос"? Разве все это не проявление той же "национальности" (легкомысленно отрицаемой мною), разве все это не "национальные вопросы", — спросят меня и, пожалуй, чего доброго, сделают из сказанного вывод, что раз национальности нет, то нет и национального вопроса, а потому нечего и говорить о правах "каких-то там" евреев, украинцев, поляков и т. д.

Во избежание таких "поспешных" выводов я заранее должен откеститься от них и кратко рассмотреть вопрос и в этой плоскости.

Вместо ответа я снова напомним пример с химиком, считающим "бутерброд" — химическим элементом. Несомненно, он ошибается, но несомненно также, что "бутерброд" — реальная вещь, но вещь сложная,

¹ Сказанное относится и ко всем теориям, которые определяют национальность как "коллективную душу" и т. п. Ведь и церковь, и редакция, и класс, и каста — тоже "коллективные души". Что же является характерным для "национальной коллективной души"? Ответа на этот вопрос нет, если не считать пустые слова.

распадающаяся в анализе на множество элементов. То же и тут. Все эти вопросы несомненно существуют. Но постарайтесь выкинуть в них, и вы убедитесь, что в них, во-первых, нет никакого "национального" элемента, во-вторых, несмотря на общий термин "национальный", прилагательный ко всем этим вопросам, они в корне различны между собой. Еврейский вопрос не то, что польский, последний не то, что украинский.

В чем же разница и в чем суть дела? А вот в чем. Сущность этих "бытовых" для России вопросов заключается не в чем ином, как в ряде *правовых ограничений* (право языка, религии, передвижения, гражданские, политические права и т. п.), налагаемых на определенную группу людей, объединенных тем или другим (или несколькими) социальными признаками. Иначе говоря, наши "национальные вопросы" составляют одну из глав общего учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства. Как известно, лозунг: "правовое равенство" или его разновидность: "равенство всех перед законом" — пока еще остается лозунгом. Несмотря на уравнительный наклон, проявляющийся в поступательном ходе истории, фактически идеал "правового равенства" далеко еще не достигнут, и в особенности у нас. Во всех отношениях — и в сфере гражданских, семейных, государственно-политических и полицейских, служебных и даже уголовных прав — одни из групп пользуются полной прав, другие же — только некоторыми правами. Одни имеют привилегии, другие — "ограничения" и "лишения прав" (по службе, по выборам, по праву заключать сделки, по владению землями, по пенсии, по праву быть членами любого общества, праву давать свидетельские показания на дому, по праву занимать общественные должности, исповедовать ту или иную религию, учить детей на том или ином языке, по праву самоуправления и т. д. и т. д.).

Крайним пределом этого "лишения прав" является присуждение к каторге и сопровождающее его "лишение всех прав", в том числе и свободы. Более мягким видом служит "лишение всех особенных, и лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ". Однородными же, более мягкими, хотя назначаемыми уже по иным основаниям, являются и все указанные выше правовые ограничения; сюда же входят в качестве частного вида и "национально-правовые" ограничения. Под этим именем кроется ряд различных (и весьма ощутительных) правовых ограничений по различным и сложным основаниям: вследствие религии (евреи, поляки-католики, русские-староверы, язычники, сектанты), вследствие пространственного расположения родины данного человека или совокупности людей (места, лишенные самоуправления), вследствие имущественного положения, вследствие степени образования или профессии, вследствие языка (малороссы, евреи, поляки и инородцы); вследствие особых бытовых условий — например, низкого умственного и нравственного развития (бесправие кочевых народов), вследствие того или иного сословного или профессионального происхождения данного лица от данных родителей (дворянин, купец, крестьянин и т. д.).

Я не могу здесь вдаваться в подробный анализ так называемых "национальных" ограничений. Но из сказанного, я думаю, ясно, что все они разлагаются на иные, более простые ограничения, а нигде здесь нет какого-то специального национального принципа. Выкиньте из "национальных" причин причины религиозные, сословные, имущественные, профессиональные, "бытовые" и т. д. — и из "национальных" ограничений не останется ничего. Даже само правовое отнесение того или иного человека, например Аарона Левинсона, к "еврейской нации" производится не на основании "еврейской национальной крови", а по тем же религиозным и другим основаниям. Стоило недавно переменить религию (евреи-

выкресты), и почти все еврейские ограничения падали, а это значит, что для права исчезала "еврейская национальность" и появлялась новая, например "русская", национальность.

Но разве эти перечисленные основания правоограничений, например религиозные, представляют национальные основания? Разве "религия" и "национальность" одно и то же? Ясно, что нет, иначе пришлось бы признать "языческую нацию", нацию баптистскую, хлыстовскую, католическую и т. д. Ясно, что это абсурд. Но не менее ясно, что ограничения прав целых групп сектантов, вытекающие из чисто религиозных оснований, однохарактерны с ограничениями ряда "национальностей" и нередко гораздо более тяжелы и важны. Точно так же и все остальные основания правоограничений (территория, образование, имущественный ценз, сословие и т. д.) не имеют никакого "национального" элемента. А ведь без них нельзя представить и создать никакой "национальности".

Итак, в итоге и здесь мы пришли к определенным данным. Мы убедились, что нет никаких специально "национальных" оснований, дающих почву для "национальных" ограничений. Мы видели, что само понятие "еврей", или "малоросс", или "поляк" (а соответственно и социальные группы, образуемые ими) определяется не каким-то таинственным национальным принципом, а рядом простых и общих условий (религия, язык, сословность, экономическое положение и т. д.), в различных формах выступающих на арене общественной жизни и создающих различную, подчас весьма сложную группировку. Коротко говоря, *нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, выступающая в различных видах и производимая различным сочетанием общих социальных факторов, среди которых нельзя отыскать специально национального фактора*, отличного от религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословно-профессиональных, территориальных и т. п. факторов.

Перефразируя слова Архимеда, можно сказать: "Дайте мне эти факторы, и я различным их сочетанием создам вам самые различные нации, начиная от бесправных судр и кончая полноправными браминами". И наоборот: "Отнимите эти факторы, и без них вы не создадите никакой национальности". Вывод из сказанного тот, что национальность представляет сложное и разнородное социальное тело, подобное "бутерброду" в химии, которое распадается на ряд социальных элементов и вызвано их совокупным действием.

А раз это так, то объявить эту "мешанину" различных условий чем-то единым и цельным, попытаться найти ее самостоятельную сущность равносильно задаче решения квадратуры круга. Недаром все подобные попытки не удавались. Они не могли и не могут окончиться удачно.

Да будет позволено теперь сделать практические выводы из сказанного. Эти выводы таковы:

1). Если теперь всюду трубят о национальности в форме существительного, прилагательного и глагола, то нельзя не видеть здесь некоторого недоразумения. Данная война не есть война наций (ведь дерутся же тевтоны-англичане с тевтонами-немцами — одна и та же нация с обычной точки зрения, или славяне австрийские со славянами русскими) и не есть проявление "национального" движения, и не вызвана таинственными "национальными" причинами. Война есть борьба государств, каждое из которых включает различные с обычной точки зрения нации.

2). Война не привела и к торжеству "национализма" в ущерб интернационализму, как думает, например, П. Б. Струве. Уж если можно

что противопоставлять интернационализму, как сверхгосударственно-сти, то не нацию, а государство. Но весьма спорно еще, что даст эта война. Я весьма склонен думать, что она немало поспособствует росту интернационализма в форме создания международного суда, а в дальнейшем, быть может, и сверхгосударственной федерации Европы.

3). Многие выдвигают теперь национальный принцип в качестве критерия для будущего переустройства карты Европы. В силу сказанного едва ли есть надобность доказывать невозможность и фантастичность этого проекта. Если даже допустить его, то спрашивается, что будет положено в основу национальности? Язык? Но тогда Бельгию придется разделить на части, Италию — также, а такие разноразличные государства, как Россия, распадутся на вотяцкое, черемисское, великорусское, татарское и т. д. государства-нации. Вся Европа распылится на множество мелких государств, что само по себе является шагом назад, а не вперед. Для областей же со смешанным по национальности населением или для мелких наций положение становится решительно безвыходным. Недаром сами сторонники этого проекта вынуждены признать, что мелкие национальности будут принесены в жертву крупным. То же получится, если критерием национальности будет и какой-нибудь другой признак.

Нет! Пора бросить эту утопию и пора ясно и определенно сказать, что спасение не в национальном принципе, а в *федерации государств*, в сверхгосударственной организации всей Европы, на *почве равенства прав всех входящих в нее личностей*, а поскольку они образуют сходную группу, то и народов. *Каждый*, "без различия национальности", имеет право говорить, учить, проповедовать, исполнять гражданские обязанности на том языке, на каком хочет, веровать, как ему угодно, читать, писать и печатать на родном языке и вообще пользоваться всей полнотой прав равноправного гражданина. Было бы наивно думать, что эта федерация теперь же осуществится, но столь же несомненно, что история идет в этом направлении, в направлении расширения социально замиренных кругов, начавшегося от групп в 40—100 членов и приведшего уже теперь к соединениям в 150—160 миллионов. Распылить снова эти соединения на множество частей по национальному принципу — значит поворачивать колесо истории назад, а не вперед.

4). Как выяснено выше, так называемое "национальное" *неравенство есть лишь частная форма общего социального неравенства*. Поэтому тот, кто хочет бороться против первого, должен бороться против второго, выступающего в тысяче форм в нашей жизни, сплошь и рядом гораздо более ощутительных и тяжелых. *"Полное правовое равенство индивида (личности) — вот всеисчерпывающий лозунг. Кто борется за него — борется и против "национальных" ограничений. Так как национальное движение в России со стороны групп (малороссов, евреев и т. д.), ограниченных в правах, представляло и представляет именно борьбу против неравенства, следовательно, направлено в сторону социального уравнивания, то естественно, мы всеми силами души приветствуем подобное движение и его рост.* Законно и неоспоримо право каждого члена государства на всю полноту прав (религиозных, политических, гражданских, публичных, семейственных, культурных; язык, школа, самоуправление и т. д.).

Таково наше отношение к национальному движению, вытекающее из основного принципа социального равенства. Но из него же вытекает и обратная сторона дела, на которую нельзя закрывать глаза.

5). Если борющийся за социальное равенство борется и за правильно понятые "национальные" интересы, то борющийся за последние далеко не всегда борется за первое. Иными словами, *"борьба за национальность*

не есть самодовлеющий лозунг". Под его флагом можно проводить самые несправедливые стремления. Наши "националисты" — пример тому. Поэтому партии, ставящие в свою программу лозунг "социальное равенство", не должны увлекаться "национальным" принципом. Все, что есть в последнем "уравнительного", все это включает в себя первый лозунг. Что не включает — "то от лукавого" и представляет либо контрабандное проведение "групповых привилегий", либо проявление группового эгоизма.

Пока национальный принцип совпадает и не противоречит лозунгу социального равенства — мы от души приветствуем национальные движения. Так как в России до сих пор движения украинцев, евреев, поляков, латышей и т. д. имели этот уравнительный характер, то ясно, что мы можем только поддерживать его. Но как только национальный принцип становится средством угнетения одной группой других групп, мы поворачиваемся к нему спиной, памятуя, что высшая ценность — "равноправная человеческая личность". Вся полнота прав должна быть предоставлена каждой личности, без различия "эллины и иудея, раба и свободного".

Индивид, с одной стороны, и всечеловечность — с другой, — вот то, что нельзя упускать из виду нигде и никогда, как неразъединимые стороны одного великого идеала.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА И СОЦИАЛИЗМ

§ 1.

Стертые монеты обращаются не только на денежном рынке. Есть они и на бирже духовных ценностей. И их немало. Все ими пользуются, все их употребляют, а подлинную ценность их — увы! — знают очень немногие, а иногда, быть может, и никто. К числу таких же "стертых монет" принадлежит и *понятие социального равенства*. Оно постоянно котируется на духовной бирже, но многие ли пытались отдать себе отчет в его содержании? Да и те, кто пытались, сумели ли вполне ясно решить, что, собственно, должно мыслиться под этим лозунгом нашей эпохи? Дали ли нам точную формулу этой основы демократии и социализма?

Несмотря на почтенный возраст этого лозунга, легализовавшегося еще задолго до триады революции 1789 года, гласящей: "свобода, равенство, братство", и "Декларации прав человека и гражданина", подлинное лицо его, к сожалению, до сих пор вполне не раскрыто.

Кратко коснуться некоторых сторон этой проблемы и не столько решить их, сколько поставить — такова задача данного очерка. Вопрос выдвинут самим временем, и, стало быть, рано или поздно он должен быть поставлен.

§ 2.

Не вдаваясь в детали, социальное равенство можно мыслить двояко: в смысле *абсолютного равенства одного индивида другому во всех отношениях*: и в смысле прав и обязанностей, и в смысле умственном, нравственном, экономическом и т. д. Коротко говоря, равенство в этом понимании означает полное тождество одной личности другой! Каждый индивид должен быть таким же, как и все остальные, ни больше, ни меньше. Все должны быть одинаково умными, одинаково нравственными, обладать равной долей экономических благ (богатства), в равной мере работать, в одинаковой степени быть счастливыми, пользоваться

равным количеством уважения, признательности, любви, таланта и т. д. и т. д.

При последовательном проведении равенства этого типа не должно быть терпимо никакое неравенство в каком бы то ни было отношении. Идеалом его является стрижка всех людей под одну машинку и сильное стремление сделать их совершенно сходными друг с другом, своего рода стереотипными изданиями с одного и того же экземпляра. Общество, построенное по такому плану, похоже было бы на то общество, которое описывается в одном из рассказов Джерома; все индивиды в нем и по одежде, и по росту, и по форме носа или губ были бы похожи друг на друга как две капли воды. Само собой очевидно, что такое равенство — чистая утопия. Оно невозможно, неосуществимо, да едва ли и желательно с точки зрения большинства людей. Что оно невозможно — это не требует доказательств. Что оно не желательно, это тоже ясно, ясно потому, что оно ведет к морали: "стыдно быть хорошим", морали, едва ли приемлемой кем-нибудь. В самом деле, раз все должны быть равны друг другу, то нельзя быть умным, ибо есть глупые, нельзя быть честным, ибо есть преступники, нельзя быть здоровым и сытым, ибо есть сифилитики и голодные, нельзя быть красивым, ибо есть безобразные и т. д. "Равенство, так уж равенство во всем!" "Справедливость, так уж справедливость до конца!" При таком понимании равенства не было бы места на жизненном пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микеланджело, ни кому бы то ни было из великих. Царили бы одни посредственности и невежды. Иными словами, мораль этого равенства является раздачей премий невежеству, болезни, преступности и т. д. и ведет к полному застою культуры и ее приобретений.

Сказанного достаточно, чтобы отбросить это понимание социального равенства. Оно утопично, неосуществимо, ретроградно и социально вредно.

§ 3.

Но тогда остается только одна возможность: равенство приходится понимать уже не в смысле *тождества*, а в смысле *пропорциональности социальных благ заслугам того или иного индивида*. Согласно этой формуле пропорциональности, права на социальные блага (богатство, любовь, слава, уважение и т. д.) не могут и не должны быть равны у простого маляра и Рембрандта, у рядового работника науки и гения, у чернорабочего и Эдиссона и т. д. и т. д. "Каждому — по заслугам", "каждому по мере выявленных сил и способностей", "каждому по мере таланта" — вот краткие формулы, выдвигаемые этой концепцией равенства. Таково в основных чертах второе понимание равенства, распадающееся, как увидим ниже, на ряд подразделений. Кроме этих двух типов третьего не существует. Либо то, либо другое. Первое оказалось безнадежно негодным, остается обратиться ко второму.

§ 4.

Равенство в этом втором смысле многие авторы считают чем-то более или менее новым. Однако взятый в своем общем виде принцип пропорциональности заслуг и благ (прав и привилегий), гласящий: "Каждому по его заслугам", стар, как старо человечество.

В известном смысле И. Тэн прав, говоря: "Нельзя думать, чтобы человек стал давать много благ без достаточных побудительных причин

и мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке". Стоит развернуть историю привилегий или неравенства, и с первых ее страниц мы уже найдем эту пропорциональность заслуг и привилегий или благ. В первобытном обществе наиболее привилегированными людьми являются полновозрастные мужчины, а среди них — чародеи и вожди. Почему? Потому что они — носители силы, стражи и защитники группы и наиболее опытные личности. Чародеи же и вожди, по верованию этих групп, — лица, одаренные необычными способностями и оказывающие громадные услуги. Отсюда они — и наиболее полноправные индивиды. Пусть эти заслуги с нашей точки зрения только мнимые заслуги, фактически бесполезные, каковыми нередко они и были, но с точки зрения общества того времени, в силу его неразвитости и малого знания, они казались ценными и полезными. Перейдите к кастовому обществу и встретите то же. Если каста жрецов, в частности браминов, наиболее полноправна, а судр или вайсиев — бесправна, то опять-таки недаром. По воззрению того времени (фактически, конечно, ошибочным), брамины оказывали необычные услуги — они могли управлять силами природы, вызывать дождь, лечить от болезней, указывали путь к небу, отвращали врагов, одним словом, совершали величайшие подвиги, отсюда они получали и исключительные права и преимущества. А несчастный судра или вайсий, что могли они сделать? Очень мало, по мнению того времени, а потому немного благ и выпадало на их долю (несмотря на фактическую пользу их работы). Возьмите историю сословий: дворянства и буржуазии, или историю католической церкви или просто лиц, пользующихся "популярностью" в том или ином обществе, и здесь вы увидите, что в каждом обществе объем прав и преимуществ того или иного сословия в общем пропорционален их заслугам *по оценке этого общества*.

В своем "Происхождении общественного строя современной Франции" И. Тэн достаточно ярко показал эту пропорциональность услуг и наград "привилегированных". Ту же истину мы можем наблюдать и в наши дни в применении к целым группам и отдельным лицам. По мере того как общество начинает ценить все ниже и ниже услуги дворянства и выше — услуги "третьего сословия", по мере того падают привилегии первого и растут права второго. Если какой-нибудь X или Y имеют "высокий курс" среди тех или иных групп, то неспроста, а потому, что эта группа ценит их за что-то, признает за ними какие-то заслуги и таланты. Если же это так, то ясно, что *равенство, понимаемое в смысле пропорциональности услуг и привилегий или благ, не есть какой-то новый лозунг, не есть нечто специфически свойственное демократической эпохе и культуре, а старо как мир, было всегда и существует в наши дни*. Поэтому довольно трудно видеть в лозунге: "Каждому по его заслугам" знамение нашего времени, а тем более знамение и отличительный признак демократизма и социализма.

§ 5.

Следует ли, однако, из сказанного, что все разговоры о равенстве как знамени нашей и грядущей культуры, о его росте, о его неразрывности с социализмом представляют одно недоразумение? Значит ли сказанное, что рост равенства — миф, что все остается и должно остаться по-старому? или, как говорит Экклезиаст, "так было, так будет, и нет ничего нового под солнцем"?

Нет, не значит. Вышесказанное говорит лишь о том, что нельзя в таких важных вопросах ограничиваться общими формулировками,

вроде: "каждому по его заслугам", а необходимо идти дальше — детализировать и точнее выявлять эти общие фразы. В противном случае неизбежны недоразумения. Да, несомненно, принцип: "каждому по его заслугам" не нов, верно, что он стар, как человечество, что он действовал во все времена и, вероятно, будет действовать в грядущем. Не в его общей формулировке кроется сущность современного равенства и его новизна. Для выявления природы последнего нужно идти дальше и поставить ряд дальнейших вопросов. Только тогда возможно "выловить" "святая святых" современного равенства. Иначе — оно ускользнет через широкую сеть этой общей формулы, и мы останемся у "разбитого корыта". Попробуем (конечно, кратко) сделать эти дальнейшие шаги.

Несомненно, формула: *"каждому по его заслугам"* стара, но ново то содержание, которое вкладывается в эту формулу, или, точнее, *нов тот критерий, тот аршин, по которому измеряются эти заслуги и устанавливается эта пропорциональность заслуг группы или индивида и соответственной доли социальных благ (прав и привилегий), причитающихся им за эти заслуги или, говоря шире, за те общественные функции, которые они выполняют.*

Пропорциональность в истории более или менее постоянна, но основы и критерии ее — изменчивы и различны. И этой переменной оценочных критериев, заслуг и привилегий, если угодно, и исчерпывается сущность происшедших изменений. Тот, кто сумеет верно уловить специфические черты этого оценочного критерия, господствующего в эгалитарном обществе, тот тем самым сможет дать и основные черты общества, построенного на принципе равенства.

Спросим себя теперь, в чем же состоит происшедшее здесь изменение? Иными словами, каковы были критерии, распределявшие социальные блага "каждому по его заслугам" в прошлом и каковы они теперь? Есть ли здесь какое-нибудь изменение, или его нет?

Не претендуя совершенно на сколько-нибудь исчерпывающий ответ, заведомо невозможный в пределах данной статьи, укажем лишь основные штрихи происшедшего перелома.

При сравнении способа установления пропорциональности заслуг и наград в древних обществах и в новых, первое, что бросается в глаза, это тот факт, что *в древности критерий оценки был не индивидуальный и не равный.* Тот или иной поступок индивида оценивался не сам по себе, а в зависимости от того, *к какой группе принадлежал этот индивид.* Иными словами, мерой достоинства индивида была не совокупность его личных качеств и заслуг, а *характер той группы,* членом которой он был. Если эта группа занимала вершину общественной лестницы, если она была окружена ореолом, все ее плюсы, весь ее свет и все ее привилегии падали и на долю ее члена, как бы скверен и незначителен сам по себе ни был этот индивид. И наоборот, если группа занимала низы, бесправным был и ее член, хотя бы он был "семи пядей во лбу". Человек касты браминов всегда был и оставался брамином (исключая редчайшие случаи). Судра же, при всех своих заслугах, не мог выйти из своей касты и не мог никогда сделаться брамином. Каждый из них был прикреплен к своей касте (или группе), как индивид он был ничем, а *подлинная его ценность определялась высотой социального положения той группы, из лона которой он вышел.* Раб всегда был рабом, а господин — господином, между тем и другим всегда была пропасть.

Первый, будь он храбрейшим и мудрейшим (вспомним Эпиктета), все же был "вещью", и в первые времена рабства ничто не могло изгладить печать его позорного происхождения. Второй был и оставался "персоной", хотя бы он был "полной бездарностью" и моральным

ничтожеством. Первый рождался и умирал бесправным, второй рождался господином и умирал таковым. Их личные свойства были ни при чем, и не ими определялось то количество жизненных благ, которое выпадало им на долю в жизни. Это количество определялось их принадлежностью к той группе, к которой они в силу ли рождения или иных условий принадлежали. Иными словами, *аршином, которым измерялась в древности величина заслуг того или иного индивида, были не их личные заслуги и фактические свойства, а характер и социальное положение той группы (рода, касты, сословия), членами которой они были.*

Отсюда легко понять и две следующие особенности старого порядка: 1) *наследственность привилегий или бесправия* и 2) *религиозно-юридический характер общественной дифференциации древнего общества.*

Так как группа живет долго и не исчезает с одним поколением, то все, кто родились в ней, механически делались "сопричастниками" ее свойств. Сын брамина или патриция механически наследовал достоинства и привилегии своего отца, своей группы. Сын рабыни, раба или судры механически становился рабом или судрой. Разбить эти барьеры не было сил. Они были не только фактом, но и правом. Каста от касты отделялись не только в силу факта, но и в силу религиозно-юридических санкций. Смешение групп было запрещено и объявлено смертным грехом и преступлением.

Говоря образно, древняя общественная дифференциация напоминала дом с наглухо отделенными друг от друга квартирами, резко отличающимися друг от друга по богатству и роскоши. В одних — было изобилие благ, в других — нищета, болезни и позор. Индивид, родившийся в богатой и "высшей квартире", становился баловнем судьбы; раб же, родившийся в рабском подвале, становился "изгоем" и рабом. Вход из одной квартиры в другую не допускался, как не допускается переселение из рая в ад. Все сообщения были замкнуты наглухо, и на страже стояли религия, право и общественная власть, вооруженные всеми своими аппаратами, огнем и мечом и богатым арсеналом земных и небесных наказаний.

Рассматривая с этой стороны предыдущую и современную системы оценки заслуг и распределения наград, мы не можем не видеть между ними громадной разницы. Различие это состоит в том, что теперь *степень заслуг индивида определяется уже не его принадлежностью к той или иной группе, а его личными свойствами, его индивидуальными заслугами.* Несмотря на существующую до сих пор массу пережитков старого порядка, общая тенденция развития такова. И индивидуально, и социально, как общее правило, мы теперь ценим "добра молодца" "не по батюшке, не по племени, не по городу, не по роду-корени и по его сословию", *а по нему самому.* Нам теперь решительно не важно — "белой или черной кости" он, дворянин он или сын пролетария, а важно — *кто он и что он сам по себе, что он сделал и какие заслуги принадлежат ему лично.* Если таковые есть — будь он "эллин или иудей, раб или свободный", — мы их признаем. Если нет — будь он сын владетельного князя или сиятельного принца, — для нас его титулы ничего не прибавят. А это значит, что *критерий оценки заслуг теперь стал индивидуальным и равным.* Мерка в принципе одна и та же для всех. Раньше она была и не индивидуальна, и не равна. Если судра совершал малейшее преступление — ему грозила страшная смерть. Для брамина же все было дозволено. "Пусть царь никогда не губит брамина, хотя бы он совершил все преступления", — читаем мы у Ману. И наоборот, если привилегированный совершал маленький подвиг — его ждали изобильные награды и почести. Человек же низов мог "срывать звезды с неба"

и, однако, не получить ничего. Награды получал не он, а его господин. Теперь в принципе мерка одна и та же. "Декларация прав человека и гражданина" во Франции и "Табель о рангах" у нас были пограничными столбами, указывающими на границы старого и нового порядков. Теперь право в принципе гласит: "кто сделает то-то и то-то", получает то-то, кто совершит такое-то преступление, будет так-то наказан независимо от его происхождения, рода и племени. Мерка индивидуальна и единообразна для всех.

Обращаясь к нашему образу, можно сказать, что современная общественная дифференциация похожа на казенный дом с казенными квартирами. Но отличие от предыдущей картины здесь в том, что эти квартиры сообщаются друг с другом, и нет, по существу, ни религиозных, ни правовых барьеров. Сегодня роскошную квартиру занимает один, а завтра ее же может занять "обитатель подвала", если он выполнит ряд условий и сделал ряд "подвигов". Рождающиеся в пышных апартаментах теперь могут перейти в подвалы, и наоборот — из подвалов попасть во дворцы и замки. Все, в принципе, зависит от индивидуальности и личных качеств.

А отсюда само собой следует: 1) *Исчезновение наследственности привилегий или бесправия* (падение каст, сословий и вообще правовых статусов). 2) *Падение религиозно-юридической основы общественной дифференциации.*

В силу первого сын тайного советника может (в принципе) оказаться человеком без чина, и наоборот — сын прачки — министром и тайным советником. В силу второго — грань между группами (сословиями или классами) теперь только *фактическая*, а не юридическая. Переход из одной в другую не запрещен и возможен. Общественно-государственные должности не наследственны и не являются монополией избранного сословия. Доступ к ним в принципе открыт для всех.

А все это означает, что личность освободилась от опеки группы, рода, племени, касты, сословия и мало-помалу сбросила с себя все эти пеленки. *Теперь она — самоцель*, выступает таковой и оценивается как таковая же.

Таково первое основное отличие старого порядка от нового. Основа оценки заслуг из неравной и неиндивидуальной стала единообразной и индивидуальной.

Лозунг: "Каждому по его заслугам" и теперь тот же, но содержание его изменилось, и в современном своем виде он призывает к распределению социальных благ совсем иначе, чем раньше.

§ 6.

Выше я кратко очертил лишь отличие современного "оценочного механизма" от старого, так сказать, самый аршин распределения благ и установления пропорциональности заслуг и наград. Теперь поставим иной вопрос. Спросим себя, а не изменилось ли также и то, за что давали раньше и дают теперь "награды"? Не утратили ли своей ценности в ходе истории многие поступки и качества, раньше считавшиеся "подвигами" и высоко награждавшиеся, и наоборот, не стало ли теперь высоко цениться многое, что раньше "ни в грош не ставилось".

Пусть в древности масштаб оценки был коллективным и неравным, а теперь стал индивидуальным и единообразным. Это еще не объясняет, почему сама каста браминов обладала такими привилегиями, а судры были столь бесправны? Очевидно, по верованиям общества того времени, брамины выполняли общественные функции столь важные, что они

заслуживали и высоких привилегий. Если же теперь они лишены последних, то, очевидно, в силу того, что эти функции стали бесценными в глазах современного общества. Ввиду этого небезынтересно посмотреть, что же ценилось в прошлом, какие общественные функции считались особенно важными, какие потеряли свою ценность и какие приобрели ее. Иными словами, что было "субстанцией" самой ценности в прошлом и что стало ею теперь.

Краткий ответ на этот вопрос гласит: в древности ни личность, ни даже группа сами по себе не были высшими ценностями, "самоценностью" или "самоцелью", а таковой было "божество" или "божественная сила", как бы она ни называлась (тотем, мана, позже божество, бог и т. д.).

Индивид, и группа (каста, сословие и т. д.) были тем выше, чем они ближе стояли к божеству, чем более они были сопричастны божественной силе, чем более участвовали в ней. Лозунг: "Каждому по его заслугам" в эти эпохи получает толкование: "каждому по степени божественной благодати, почтующей на нем". Это первая историческая форма этого лозунга. Исторически обосновать это нетрудно. В первобытных обществах наиболее привилегированы полноправные мужчины и старики, а из среды их — чародей-жрец, часто являющийся и вождем. Женщины и дети — самые неполноправные члены группы. Конституируя это, мы видим и другое, а именно: полноправные же мужчины и особенно чародей-жрец являются наиболее сопричастными божеству, участвуют в религиозных церемониях, предварительно проходят через цикл обрядов посвящения и таким образом становятся носителями и участниками божественной силы тотема. Женщины же и дети (до посвящения) считаются погаными. Они не подпускаются близко к религиозным святыням, им воспрещается даже смотреть на них и т. д. На них нет "благодати", а потому они и бесправны.

Восточные деспоты, римские императоры, объявлявшие себя высшими понтификами, папы периода средних веков — все они, по верованиям того времени, были живыми носителями, "наместниками" божества — отсюда и неограниченность их прав и привилегий. Таков был руководящий принцип ценности в прошлом.

Переходя от него к нашему времени, нельзя не заметить громадного сдвига, уже вполне отчетливо сказавшегося в XVII и XVIII веках в работах мыслителей того времени и приведшего к формуле: "Высшая ценность — человеческая личность". "Человек — самоцель и ни для чего, и ни для кого средством быть не может". Таков основной критерий ценности нашего времени, слышимый всюду и везде, под его знаком стоят все современные системы и морали, и права. Таков второй характерный сдвиг, совершившийся в пределах той же формулы "каждому по заслугам". А это значит: радикально изменились и сами взгляды на ценность и заслуги. Из религиозной основная ценность стала человеческой, светской. Религиозные действия и функции шамана и жреца, в силу их религиозности, были святы, велики и ценны для общества того времени, верившего в их силу и оценивавшего все с точки зрения божественной ценности; для современного же общества эти действия — бесполезная и неумная трата сил, не заслуживающая никаких привилегий или прав. А раз так, конечно, теперь невозможно и немислимо существование привилегий религиозной касты, наподобие браминов. Основная ценность "очеловечилась", а в зависимости от этого изменилась и "цена" отдельных актов. То, что раньше высоко ценилось, пало, и то, что раньше не ценилось, приобрело высокий курс. Расценка из религиозной превратилась в светскую. Объем наград стал теперь соизмеряться не со

степень "божественной благодати", почившей на личности или касте, а со степенью общественной полезности данного индивида или группы.

Раньше, если на человеке не было этой благодати, он был бесправен. Теперь человек уже в силу того, что он человек, не может быть бесправным, ибо "человек — свят и самоценен".

Этим самым уничтожен один из китов неравенства.

Раньше, если эта "благодать" признавалась за личностью, она получала награды, хотя бы и ничего не делала. И наоборот, рабы, женщины, члены низших каст, как бы ни была общественно полезна их функция и работа, не получали прав, ибо были лишены благодати. Теперь, в силу совершившегося перелома, распределение благ стремится быть противоположным.

Мудрено ли поэтому, что по мере падения религиозной оценки социальных функций и их носителей мы видим развивающийся рост практического хозяйственного преискуранта в распределении социальных благ.

На место святости и касты жрецов, сначала наряду с ними, а затем уже и самостоятельно, приходят воины, служилое сословие — феодальная знать и дворянство — защитники целостности и безопасности страны. Социальный курс их общественной роли быстро растет — растут поэтому и их привилегии. Лозунг "каждому по его заслугам" получает форму: "каждому по мере его участия в обороне страны от врага, по мере его ратной службы и участия в ее управлении".

Приходит дворянин, "высокое сословие", "белая кость", постепенно становится на вершине общественной лестницы и берет себе полноту власти и прав.

Но идут времена. Растут города. Растет и роль капитала. Феодальное ополчение сменяется наемной армией или народным войском на основе всеобщей воинской повинности, рост расходов для государственного управления увеличивается, одним словом, деньги становятся великой силой, определяющей собой и военное могущество государства.

Благодаря этому сама по себе ратная служба служилого сословия, сделавшаяся к тому же обязанностью всех подданных, постепенно теряет свой социальный вес и вытесняется растущим значением капитала. А отсюда — мудрено ли, что "третье сословие", носитель "господина капитала", начинает завоевывать больше и больше прав, и в конце XVIII века во Франции свергает "молот" дворянства и само занимает его место; то же происходит и в других странах.

Лозунг "каждому по его заслугам" приобретает форму "каждому по его капиталу". Таковы те типические содержания, которыми история наполняла эту "вечную" формулу. Мы сейчас стоим как раз в середине того процесса, когда капитал достиг своей высшей оценки и намечаются уже признаки замены этой ценности — новой, иной, грядущей.

§ 7.

Каким же содержанием намерена наполнить история эту формулу? Что должно встать в ней на место капитала и сделаться основной ценностью для соизмерения заслуг и привилегий? Как всякий прогноз, и мой ответ будет, конечно, гадательным; но тем не менее он весьма вероятен. Ответ гласит: "Каждому по степени его личного социально полезного труда". Таково, думается, ближайшее содержание, которое история впишет в эту формулу. Если вдумчиво взглядываться в совершающиеся вокруг нас изменения, то нельзя не заметить, что рост нетрудовых доходов постепенно ограничивается в самых различных формах:

и в виде прямого обложения, и в виде изменения законов о наследстве, и в виде конфискации конъюнктурного роста ценности капитала (земельных участков и т. д.), и в виде растущей монополизации производства и обмена в государстве и т. д. А самое главное — путем прямой борьбы труда и капитала. С того времени, когда был раскрыт фетишизм капитала, когда трудовая теория ценности заявила, что сам капитал — только продукт и символ труда, прочное и царственное владычество капитала было поколеблено. И чем дальше, тем оно колеблется сильнее и сильнее. И лично для меня нет сомнения, кто из этих двух противников победит: *рано или поздно победа останется, конечно, на стороне труда.*

Если же это так, то нетрудно извлечь практические выводы из этого факта: *так как труд в настоящее время приходится главным образом на долю "низших" масс — крестьян и рабочих, то, раз он становится главным видом общественной заслуги, очевидно, в силу общего закона, это должно повлечь распространение полноты прав и на эти "низы".*

А так как "низы" составляют большинство людей, то распространение полноты прав на них означает не что иное, как *распространение прав и благ почти на все человечество.*

Этот факт расширения группы лиц, пользующихся полнотой прав, станет еще рельефнее, если учесть, что этот процесс касается одинаково *мужчин и женщин.* Роль и функция последних в обществе постепенно уравнивается с ролью мужчин. Поэтому вполне естественно ожидать, что и их права будут все более и более расти, что мы фактически и видим в эмансипации женщин и в весьма ясном и в наши дни росте их правоспособности.

Таковы основные формы, которые принимал лозунг "каждому по его заслугам" на протяжении истории.

§ 8.

В предыдущем мы дошли до вывода, что в наше время формула "каждому по его заслугам" стремится стать формулой *"каждому по степени его личного социально полезного труда"*. Отсюда вывод: так как труд выпадает главным образом на долю трудового народа, то он неизбежно должен обладать и полнотой прав, полной долей социальных благ, до сих пор целиком выпадавших лишь немногим привилегированным.

Прямым доказательством этого служит тот факт, что труд в XIX и XX веках все сильнее и сильнее начинает выдвигаться в качестве основной общественной заслуги. "Трудовой принцип" все резче и резче просачивается во все — и политические, и экономические, и социальные — теории. Весь XIX век стоит под знаком трудовых теорий, начиная с трудовой теории ценности в политической экономии и кончая многочисленными конструкциями социализма, где труд является краеугольным камнем, на который опирается здание всей грядущей культуры. И в науке, и в обыденном сознании принцип социально полезного труда стал главным видом и основным критерием общественной заслуги. Из унижающего занятия он превратился в деятельность, облагораживающую человека.

Если действительно это так, то в течение XIX и XX веков мы должны найти и соответственное увеличение прав трудящихся, стремление к уравниванию их прав с правами остальных классов. Существует ли действительно такая тенденция?

Думается, да. Рост прав трудовых классов в течение указанного периода проявился: 1) *в провозглашении равенства всех граждан перед*

законом, в противоположность юридическому неравенству старого права; 2) в уничтожении сословий и сословных привилегий и в провозглашении принципа, согласно которому представители трудовых классов имеют право, равное с привилегированными классами, на занятие любой общественной должности, чего раньше не было и не могло быть; 3) в равенстве политическом, в уравнении трудящихся классов с привилегированными классами в пользовании публичными правами человека и гражданина (избирательное право; свобода слова, печати, союзов, верований; неприкосновенность личности и т. д.) и в их объеме; 4) в ряде фактов, направленных на то, чтобы равномерно распределить между всеми классами основное духовное богатство — знание (отсюда: недопускавшееся раньше всеобщее бесплатное обучение, бесплатные курсы, лекции, библиотеки), тенденция интеллектуального равенства; 5) в стремлении к равенству экономических благ, проявляющемуся в постепенном повышении заработной платы, в создании союзов рабочих для борьбы за ее повышение, в страховании государства от безработицы, старости, болезни. Естественным завершением этого процесса служит обобществление средств и орудий производства, вполне логично и правильно провозглашенное социалистами.

Не указывая других фактов, и сказанного достаточно для того, чтобы считать доказанным тезис, согласно которому рост ценности труда как основной заслуги в глазах общества действительно влек и неизбежно должен был повлечь и рост прав и доли социальных благ для тех, кто является в обществе представителем труда.

§ 9.

Было бы, однако, ошибкой думать, что этот процесс уравнения прав трудовых масс с нетрудовыми, с одной стороны, и процесс установления пропорциональности труда и вытекающих из него прав на социальные блага — с другой, закончен. Нет! Он только еще начинается. Вышеуказанные факты роста прав труда в XIX и XX веках — это только начало процесса. Правда, граждане объявлены равными перед законом, равными в своих публичных правах и т. д. Но разве до сих пор это равенство не остается почти исключительно словесным равенством? Разве фактически количество жизненных благ, приходящихся на долю капиталиста и рабочего, аристократа и крестьянина, равно? Разве мы не видим с одной стороны роскошные дворцы, а с другой — подвалы нищеты? Пресыщение и ничегонеделание одних, голод и работу до изнеможения других? Разве и до сих пор жизнь для одних не является сплошным пиром, а для других — голгофой, пыткой, непрерывным трудом и нищетой?

Короче говоря, равенство экономических благ далеко еще не достигнуто. Как общее правило, трудовые классы остаются обделенными до наших дней, а львиная доля благ приходится классам "празднующим" и мало работающим.

И это относится не только к экономическим благам. То же видим мы и касательно благ почета, уважения, общественного почитания и благ знания. Все эти ценности до нашего времени выпадают носителям труда в малой дозе. Верхи общественной лестницы по-прежнему занимают привилегированные классы.

Процесс уравнения идет, но он далеко еще не закончен.

Эта незаконченность уравнительного процесса выступает и в ряде других форм. Наряду с индивидуальным неравенством дано неравенство классов; кроме него — неравенство национальных групп, неравенство религиозное, государственное, профессиональное и т. д. Во всех этих

отношениях есть привилегированные и обделенные, эксплуататоры и эксплуатируемые, угнетатели и угнетаемые.

Правда, как указано выше, с поступательным ходом истории все эти перегородки падают, но... до окончательного падения их еще далеко, еще много пройдет времени и потребуются немало жертв...

Тенденции уравниения — несомненны, но они еще далеко не закончены в своем осуществлении.

§ 10.

Спросим себя теперь: *"Как же должно мыслиться социальное равенство в своем идеальном завершении?"* Означает ли оно только установление известной пропорциональности между заслугами индивида или группы и социальными ценностями (благами) за эти заслуги? Или же оно может мыслиться как равенство благ одной личности с благами всех остальных?

Выше мы отвергли так называемое абсолютное равенство. Отвергаем его и теперь. Но это не означает, что сам принцип "пропорционального равенства" при надлежащем развитии не может привести и не приводит к равенству абсолютному.

Поясним сказанное. Из краткого исторического рассмотрения формулы "каждому по его заслугам" мы видели, что 1) сам аршин, которым измеряются эти заслуги, стал равным, превратившись из неравного, группового в индивидуальный, личный; 2) видели, как изменялось и само содержание социальной заслуги, пройдя через этапы: общественная заслуга — это близость к божеству, это ратная служба и управление, это — обладание капиталом и выполнение торгово-промышленных функций, наконец, это социально полезный труд. Каждая замена одной формы другою влекла за собой и расширение количества лиц, правомочных получать правовые и социальные блага. Формула "каждому по его труду" означает, по существу, распространение полноты прав и благ почти на весь народ, на большую часть человечества. Мало того, так как занятие тем или иным социально полезным трудом доступно почти всем, никому оно не воспрещено, а, напротив, рекомендуется, в наши же дни начинает даже принудительно вводиться ("трудовая повинность"); так как, далее, лентяйничанье, праздношатательство и тунеядство все резче и резче порицаются общественным сознанием, то можно и должно ожидать, что процент трудящихся будет все более и более расти с ходом истории, а процент бездельников — уменьшаться. Пределом его может и должно быть общество, где все (исключая, конечно, абсолютно неспособных, вроде младенцев, калек) будут трудиться и где не будет "ничего не делающих".

Если же это так и если теорема пропорциональности заслуг и привилегий правильна, то отсюда вывод: *в обществе будущего полнота прав и социальных благ будет принадлежать всем*, то есть каждый будет иметь право и возможность на получение полной доли и экономических, и духовных, и всяких других благ. Если же такое предположение о том, что все будут трудиться, не осуществится, тогда не может быть и указанного следствия.

Таков первый вывод. Но он еще не предопределяет, что доля этих благ будет равной для всех. Скажут: труд всех далеко не будет одинаковым. Один будет трудиться над созданием новой машины, а другой — бить булыжники, один создаст прекрасное произведение искусства, другой будет выполнять чисто механическую работу. Неужели же все эти виды труда будут оцениваться одинаково?

Далее, в одно и то же время один, более искусный, работник будет работать продуктивнее, чем другой, менее искусный. Как же уравнивать их и как измерять их работоспособность?

Ответить категорически на эти вопросы едва ли кто-нибудь в состоянии. Возможно, что общество будущего, исходя из положения, что самые простые формы труда не менее необходимы и полезны, чем самые сложные (изобретение и т. п.), найдет вполне справедливым уравнивать их ценность и соответственно и долю социальных благ. Такое предположение может быть допущено еще и потому, что в будущем, по-видимому, та или иная форма труда не будет принудительно навязываться каждому, а более или менее свободно избираться каждым индивидом, сообразно его свойствам и склонностям. При таких условиях всякая работа будет своего рода искусством и творчеством и потому должна будет оцениваться, как творчество.

Возможно, однако, и иная расценка. Ряд произведений труда, для создания которых потребуется особый талант и одаренность (например, произведение искусства, науки), могут оцениваться выше, чем рядовые продукты труда, а посему и авторы таких произведений будут получать долю социальных благ (экономические блага, слава, уважение, восхищение и т. п.) более высокую, чем доля рядовых работников. Такое положение дел будет более вероятным в ближайшее к нам время. Только в конце этого пути оно может превратиться в преыдущую картину равной оценки всех форм социально полезного труда.

Что касается единицы оценки одинаковых форм труда, то всего вероятнее, что такой единицей будет количество рабочих часов. Различная продуктивность работы в одни и те же часы едва ли даст основание для различной доли расценки. Ведь и теперь не все чиновники одного ранга и профессии работают одинаково продуктивно. Однако и теперь уже штаты и жалование их назначаются равными и не вызывают особенных протестов. Тем более это должно быть в будущем обществе.

§ 11.

Возможность равного распределения экономических благ (экономическое равенство) допускается и в принципе не оспаривается. Оно кладется во главу угла социализма. И сам социализм мыслится обычно как система обобществления средств и орудий производства. Фридрих Энгельс в своем "Анти-Дюринге" указывает, что содержанием пролетарского равенства является исключительно социальное равенство, понимаемое в смысле уничтожения классов. "Всякое же требование равенства, переходящее эти пределы, неизбежно является нелепостью", — говорит он. Этим самым система марксизма значительно ограничивает и суживает характер равного распределения социальных благ, а тем самым и само понятие равенства. С ее точки зрения допустимо лишь более или менее равное право на экономические блага, но не может быть речи о более или менее равном распределении благ иного рода: права на знание (интеллектуальное равенство), права на честь, уважение и признание, права на максимум моральности (моральное равенство) и т. д. С точки зрения догмы марксизма подобное равенство немислимо и абсурдно.

Так ли то, однако? Действительно ли социализм может говорить только о равном распределении жизненных экономических благ и не может требовать равенства иного: морального, интеллектуального и т. д.?

Действительно ли абсурдно по своей сущности требование, например, интеллектуального равенства?

Я бы не ответил на эти вопросы так категорично, как Энгельс. Напротив, я склонен был бы думать, что социализм должен требовать все эти формы равенства, и не считал бы такое требование абсолютно утопическим.

Социализм, основным элементом которого является принцип равенства, не должен и не может ограничиваться требованием одного экономического равенства (равное распределение экономических, имущественных благ) потому, что тогда он означал бы учение половинчатое, не требующее равного распределения самых ценных видов социального блага. Разве благо знания, или благо общественного признания, или благо добра стоят меньше, чем экономическое благо и имущественная обеспеченность? Разве первые виды социальных благ не более или, по крайней мере, не столь же ценны, как и благо имущественной обеспеченности, комфорта, довольства и другие материальные блага?

Мало того, разве само имущественное равенство мыслимо и возможно без равномерного распределения знания, моральных и правовых благ? Разве возможно равенство личностей, их взаимная свобода и обеспеченность в обществе, где будут умные и глупые, ученые и невежды, моральные люди и преступники? Разве в таком умственно и морально дифференцированном обществе есть гарантии, что умники под новыми формами не обманут снова невежд? Разве в таком обществе "добропорядочные" не будут снова упекать в тюрьмы преступников, а преступники убивать первых; иными словами, разве в таком обществе возможна подлинная свобода, и не появятся снова эксплуататоры и эксплуатируемые, хищники и жертвы, тюрьмы и преступления, короче — все зло современного общества?

Такую возможность едва ли можно отрицать. А потому — раз социализм объявляет войну всем этим бичам человечества, он неизбежно должен выставить и требование равенства не только экономического, но и интеллектуального и морально-правового.

История XIX—XX веков показывает, что блага последнего рода человечество ценит не ниже, если не выше благ чисто экономических. Если бы было иначе, то мы не были бы свидетелями той упорной борьбы трудовых масс, которой полна история XIX и XX веков, за блага правовые и интеллектуальные (равенство перед законом, равенство для занятия публичных должностей, право на равные политические блага — избирательное право, свобода слова, печати, союзов, совести и т. д., борьба за всеобщее и бесплатное обучение, борьба за равное уважение доброго имени каждого и т. д. и т. д.), которые ценились не только как средство для достижения других благ, но и как самоценности. Мыслимо ли, чтобы человечество и в будущем перестало ценить эти блага и отказалось от борьбы за полноту наделения ими каждого? Нет, немислимо. Социализм волей-неволей должен добиваться и этих форм социального равенства. Иначе он будет ублюдочным, отсталым идеалом, а не высшим воплощением высочайших постижений и завтрашних чаяний.

Это значит, содержание социализма понималось Энгельсом узко и неполно.

Но в ответ мне скажут: "Допустим, что вы правы. Согласимся, что социализм должен требовать равного распределения не только имущественных, но и интеллектуально-правовых благ. Но ведь нельзя же требо-

вать невозможного! А такое требование явно абсурдно и утопично. Оно возвращает нас к тому "абсолютному равенству", которое вы рассмотрели раньше и сами же признали абсурдным". Отвечаю на это. Прежде всего, такое требование равного распределения интеллектуально-моральных благ вовсе не равносильно требованию "абсолютного равенства". Последнее было бы дано, если бы я сказал, что раз X знает санскрит, его должны знать и все остальные, раз У знает теорию дифференциалов, ее должны знать и все сочеловеки. *Интеллектуальное равенство мыслится как обладание более или менее одинаково развитым логико-мыслительным аппаратом, а не обладание одинаковыми познаниями.* Познания могут быть различны. Одному человеку нельзя знать всего. Это и вредно, и невозможно. Но можно и должно каждому владеть всеми логическими и научными приемами, при наличии которых он мог бы "перерабатывать" любую "интеллектуальную пищу". Задача всякого обучения именно к этому и сводится прежде всего, а не к обогащению памяти всевозможными сведениями. Раз такой аппарат дан — потенциально дана возможность овладеть любой отраслью знания, а следовательно, и взаимное умственное равенство и умственная независимость. Дело каждого уже выбрать себе любую сферу знания и работать над ее проблемами. Такое "*интеллектуальное равенство*", как видим, далеко от "абсолютного равенства" и вовсе не направлено на то, чтобы опустить Ньютона до уровня дикаря, а, напротив, поднять последнего до высоты первого.

То же применимо и к моральному равенству. И оно не обозначает того, что раз во имя долга я перевязываю раны сифилитикам, то же обязаны делать и все. Нет! Форм проявления альтруизма бесконечно много, и каждый может и должен здесь делать то, что соответствует его склонностям. Важно только, *чтобы все поведение в целом вызывалось и соответствовало заповедям действенной любви.* Посему и *моральное равенство* не требует низведения Христа на уровень разбойника, а стремится к тому, чтобы поднять последнего до уровня первого.

В силу сказанного первое возражение отпадает.

Теперь спросим себя: а мыслимо ли, чтобы подобные формы равенства могли быть осуществлены?

Разве не аксиома, что люди рождаются неравными, одни с хорошей наследственностью, другие — с плохой, один с природными талантами, другие — без оных? Разве же не утопия думать, что все это может быть преодолено? Далее, не означало ли бы такое равенство подавление индивидуальности, ее самобытности и отрицание пользы дифференциации и борьбы за совершенствование и господство?

Отвечаю. Подавления индивидуальности нет, ибо не может же считаться обществом, подавляющим индивидуальность, общество, состоящее из Гёте, Гегеля, Канта, Бетховена и т. п. лиц. Это означает только, что все общество состоит из гениев, но каждый из них свободен в своем творчестве. Биологические основания неравенства: наследственность, борьба за существование, дифференциация — несомненно, препятствия серьезные и громадные, но... не непреодолимые.

Сама история и жизнь ведут к указанным формам равенства. Правда, полное умственно-моральное уравнение — предел, абсолютный идеал, который, быть может, никогда не будет достигнут. Но вместе с тем несомненно, что историческое колесо вертится именно в этом, а не в ином направлении. Вот почему идеал социального равенства и социализма без этих форм равенства был бы неполон и вот почему он не может не выставлять подобного требования.

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Революционные отклонения в поведении людей

После многих столетий мирной, "органической" эволюции история человечества вновь вступила в "критический" период. Революция, отвергаемая одними, но горячо приветствуемая другими, вступает в свои права. Ряд обществ сгорел дотла в ее пламени, к иным она только подступает. Кто может предсказать, сколь долго еще будет продолжаться ее пожарище? Кто может быть вполне уверен, что рано или поздно революционный ураган не разрушит и его обители? Никто. Но раз мы не можем предвосхитить революцию, то по крайней мере мы должны знать, что она из себя представляет. Ведь мы, по сути, живем внутри нее и, подобно натуралистам, вполне можем исследовать, анализировать и наблюдать революцию.

Пять лет кряду автору этих строк довелось прожить в кругу русской революции. День за днем он наблюдал за всем происходящим. Результатом этих наблюдений является эта книга. Читатель не найдет в ней идеографического описания русской революции. Скорее это социологическое эссе, в котором анализируются само явление и его черты, так или иначе присущие всем значительным и великим революциям. Задача историка — обрисовать портрет, дать строгое описание конкретного исторического события во всем его своеобразии и неповторимой уникальности. Задача социолога совершенно иная: в совокупности социальных феноменов его интересуют лишь те черты, которые схожи во всех однотипных явлениях, когда бы и где бы они ни происходили. Верно по этому поводу пишет В. Зомбарт: "Битва при Танненберге — объект исторического исследования; а битва при Танненберге — уже предмет социологии. Берлинский университет принадлежит скорее истории, а Берлинский университет — социологии"¹. Точно так же и русская революция с присущими ей деталями и подробностями — объект историка, а русская революция как тип — объект социолога.

Воистину нам часто твердят: "История человечества не повторяется". Но разве повторима история земли, звездных галактик или любого другого уголка вселенной? В одинаковых организмах клетка со свойственными ей составляющими также никогда не повторяется. Но разве препятствуют эти факты обнаружению в ряде неповторяющихся процессов повторения многих феноменов, описанных в законах физики, химии и биологии? Не истинно ли, что на земле Н₂ и О (водород и кислород) составляют воду, несмотря на всю уникальность истории земли? А разве явления и причинные связи, описанные в законах Ньютона, Менделя и других, не повторялись бесчисленное число раз? Этим я хочу лишь сказать, что исторический процесс при всей своей неповторимости распадается на множество повторяющихся элементов. Справедливо это и в отношении человеческой истории, и в отношении истории органического и надорганического миров. Здесь также "схожие причины при схожих обстоятельствах порождают схожие результаты". Война и мир, голод и процветание, захват и освобождение, рост и упадок религий, правление большинства и правление меньшинства — все эти явления неоднократно повторялись в разных временных и пространственных связях. Вопреки существующим отличиям в социальных условиях, при которых происходят эти процессы, сохраняется фундаментальная схо-

¹ *Sombart W. Sociologie. München, 1923. S. 7.*

жесть феноменов одного и того же типа, как, к примеру, война, когда бы и где бы она ни происходила, не может быть анигилирована полностью сопутствующими разнородными обстоятельствами. Таким образом, результаты схожих предпосылок вынужденно повторяются в более или менее комплицированной форме. Концепция, скрытая в книге Экклезиаста, не далека от истины. А вот фундаментальная ошибка многих теоретиков в области философии истории как раз и заключалась в том, что они искали "повторения" не там, где следовало бы. Ибо они обнаруживаются не в сложных и великих событиях истории, а в элементарных, повседневных и обыденных фактах, из которых составляются явления первого порядка и на уровне которых сложные явления должно анализировать¹.

С этой точки зрения непрерывное творчество истории не столь бесконечно ново и безгранично, как многим это представляется. История подобна писателю, который без усталости пишет все новые драмы, трагедии и комедии, с новыми типажам и героями, новыми сюжетами и действием, но... все на старые темы, которые не раз повторялись в трудах этого неутомимого автора. Подобно исписавшемуся автору, история, вопреки своему творческому потенциалу, вынуждена повторяться.

Все это может быть сказано и о великой трагедии, названной "революцией". Она происходила на исторической авансцене не раз, но каждый новый раз ставилась заново. Условия времени и пространства, сценарий и протагонисты, их нравы, монологи и диалоги, хор толпы, число актов и "сцен столкновений" — все это варьируется. Но тем не менее при всех несовпадениях огромное число явлений вынужденно повторяется. Ибо все актеры в разных сценариях играют одну и ту же пьесу, именованную "революцией".

Давайте теперь зададимся вопросом: "Что такое революция?"

Немало привидилось дефиниций на этот счет, хотя многие из них базировались на ложных принципах. К ним относятся как "слащавые", так и "горькие" определения. Под этим я разумею те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции.

Э. Бернштейн пишет, что "в настоящий момент революционными можно назвать лишь те периоды в истории, в которые достигались определенные свободы" ("Дни". № 17). Другой автор утверждает: "Октябрьский переворот 1917 года обычно описывается как революция, но пытки и революция несовместимы. Так и в Советской России, где насилие стало обыденным явлением, есть только реакция, но нет никакой революции" ("Дни". № 117).

Эти концепции революции могут быть расценены как умозрительные, "слащавые", поскольку все революции и постреволюционные периоды, как правило, не только не давали приращения свободы, но чаще сопровождалась ее сокращением. Но следует ли из этого, что многие древние и средневековые революции, так же как и Великая французская революция, не есть революции? Революция и муки не только не противоречат друг другу явления, но, напротив, каждый революционный период отмечен ростом убийств, садизма, жестокости, зверств и пыток. Вытекает ли из одного лишь факта зверств, что французская или русская, английская или гуситская революции не были революциями?

Примеры эти демонстрируют ошибочность и субъективность подобных концепций революции. Их авторы — донкихоты от революций, не

¹ О принципе повторения см. мою "Систему социологии", а также Г. Тарда "Социальные законы"; И. Бауера "Эссе о революции"; Э. Росса "Основания социологии".

желающие видеть прозаический образ девушки из Тобоса или тазик для бритвы, а стремящиеся узреть в них чудесную Дульсинею или прекрасный рыцарский шлем. Некоторые из этих "иллюзионистов" пытаются избавиться от противоречий, указывая, что все негативные элементы революции не принадлежат ее сущностным характеристикам, а представляют в ней случайные элементы и соотносятся скорее с тем, что именуется "реакцией", а не "революцией". В этом аргументе скрыт все тот же "иллюзионизм". Если почти все революции, как правило, сопровождаются подобными негативными явлениями (пытки, ограничение свободы, пауперизация населения, рост зверств и т. п.), тогда какой резон считать их "случайными и сопутствующими"? Это так же бессмысленно, как считать повышение ртути в термометре "сопутствующим фактором" повышения температуры. "Иллюзионисты" предпочитают апеллировать к "реакции" как к источнику всех негативных явлений, связанных с революцией. Воистину все они вряд ли отдадут себе отчет в значимости такого отождествления.

Возможно, их удивит, что каждый революционный период неизменно распадается на две стадии, неразрывно связанные друг с другом. "Реакция" не есть феномен, лежащий за пределами революции, а суть ее имманентная часть — вторая стадия. Диктатуры Робеспьера или Ленина, Кромвеля или Жижки вовсе не означают закат революции, а свидетельствуют о ее трансформации во вторую стадию — стадию "реакции" или "обуздания", но никак не ее конца. Лишь после того как "реакция" сходит на нет, когда общество вступает в фазу своей нормальной эволюции, лишь после этого можно считать, что революция завершена. Наши "иллюзионисты", проклиная "реакцию", и не подозревают, что тем самым они хулят не что иное, как саму революцию на ее второй стадии.

Схематично изобразим это следующим образом.

Все, что было сказано о "слащавых" "иллюзионистах", в равной мере распространимо и на "горьких мистификаторов".

Расценивая революцию как "творение Сатаны", они столь же далеки от понимания ее подлинной сущности, как и их оппоненты. Прославляя "реакцию", они и не подозревают, что своей ненавистью к революции они, по сути, восхваляют ее, только не первую, а вторую стадию.

И все же часть дефиниций революции выглядит более разумной. К примеру, "революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем" (определение И. Бауэра).

Нет необходимости сейчас добавлять что-либо к этим определениям, поскольку они чересчур формальные и совершенно неадекватно отражают само явление. В мои намерения не входит в противоположность всем этим дефинициям предложить свою собственную. Социальные науки и без того изобилуют всякого рода формулировками, часто не дающими ничего в плане приращения понимания сущностей явлений, кроме заформализованных схем. Я скорее хотел бы поступить на манер натуралистов и дать социологический обзор серии революций, разбросанных географически и во времени: русские революции XVII века, 1905 года, 1917—1924 годов; французские революции 1789, 1848, 1870—1871 годов; германская революция 1848 года; английская революция середины XVII

века; ряд античных и средневековых революционных движений; египетская и иранская революции и ряд других значимых событий. Подобное исследование даст представление о фундаментальных чертах того, что мы именуем революцией.

Из своего исследования я намеренно исключаю такие революционные движения, как чехословацкую революцию 1918 года или войну североамериканских штатов за независимость XVIII века, которые не содержат в себе борьбы одной части общества против другой, а скорее представляют войны между державами. Революции подобного типа существенно отличаются от революций, происходящих в территориальных рамках одного государства.

Из всех событий мое внимание конечно же будет сконцентрировано прежде всего на наиболее значимых — "великих" — революциях, ибо они отчетливее демонстрируют типические черты. Безусловно, тщательнее всего я проанализировал русскую революцию, происшедшую, можно сказать, у меня на глазах. Она заслуживает пристального внимания, поскольку кроме того, что она является одним из самых ярких революционных движений, за которым мне довелось наблюдать воочию, она воистину проливает свет на многие характерные стороны этого социального явления.

Эти соображения мне представляются весьма существенными. Вопреки расхожему мнению о "суде истории", выраженном фразами: "Со стороны виднее", "Истинные оценки историческим событиям будут даны лишь через несколько поколений", "Прошлое должно быть понято не через настоящее, а наоборот", вопреки этим суждениям я придерживаюсь иного и, как мне кажется, более справедливого мнения по этому поводу.

Не потомки, а современники — лучшие судьи и наблюдатели истории. Исторический опыт первых основан на документах, а потому неадекватен, в то время как опыт современников не опосредован ничем; их знакомство с событиями непосредственно, они переживали их ежедневно и на себе лично, в то время как знания потомков фрагментарны, случайны и обезличены. Это утверждение становится еще весомее в отношении тех современников, которые расширяют круг своего индивидуального опыта опытом других людей, статистическими обобщениями и другими научными методами, дополняющими и корректирующими личностное знание. В этом смысле поколение современников больше гарантировано от ошибок, чем историк, исследующий события многие поколения позже, или иностранный наблюдатель, до которого доходит лишь случайная информация.

В естественных науках прямое наблюдение издавна считалось предпочтительнее опосредованного. И здесь явления прошлого объясняются текущими наблюдениями и экспериментами. В социальных же науках недостаточно объяснения прошлого через настоящее, так же как и несправедливы попытки трактовать давно случившиеся исторические события с помощью прямых наблюдений и анализа происходящих вокруг нас явлений.

Все сказанное проясняет мой особый интерес к русской революции. Прямое наблюдение за ней способствует пониманию других революций и постижению многих их характерных сторон. Серия революций, проанализированных в этом духе, убедит нас в наличии многих совпадающих черт и закономерностей, из которых в целом и состоит композиция типического феномена, именованного революцией. Каковы же эти черты, мы увидим позже. Сейчас же мне хотелось бы указать на то, что критикуемые мною попытки дефинировать революцию не только терпят фиаско в жалких потугах выделить характерные черты революции, но и едва ли приблизились к пониманию ее фундаментальных процессов.

Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его

воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это — деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция привносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах.

Оценка революции — вещь сугубо субъективная, а научное ее изучение должно быть исключительно объективным.

Революционные события подчас экзотичны и романтичны, тем не менее исследователь должен быть сугубо прозаичным, ибо он призван изучить ее методами и средствами натуралиста. В цели моего анализа поэтому входит не хвала, не хула, не апофеоз, не проклятие революции, а рассмотрение ее во всех реалиях.

Во имя этого я буду стараться каждый свой тезис проверять фактами. Конечно же, руководствуясь соображениями краткости, мои доказательства будут сведены до минимума, хотя в цитируемых изданиях читатель без труда обнаружит необходимые подтверждения с избытком.

Лишь в самых редких случаях я нарушу собственное правило и дам нравственные оценки. И поскольку они будут разительно отличаться от научных (дескриптивных) утверждений, то вряд ли их можно будет с чем-либо спутать.

Таковы, пожалуй, методологические принципы, на которых будет построено дальнейшее повествование.

Действительная природа революции существенно разнится от романтических представлений ее апологетов. Многие типические черты революции могут показаться оскорбительными, уродующими "прекрасный лик революции". Что ж, мой анализ можно рассматривать как "реакционный". Я готов согласиться с подобным обвинением и готов к эпитету "реакционер", но ... особого толка.

Читатель почерпнет из моей книги, что революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же ... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорционально великой ценой. Карает же она за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей (хотя в любом случае происходит деградация их высокого социального положения) не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой.

Если таковы объективные результаты революций, то от лица людей, их прав, благополучия, свободы и во имя экономического и духовного прогресса трудящихся я не только имею право, но и обязан воздержаться от революционного идолопоклонничества. Среди многих бэконовских "идолов" безусловно есть и "идол революции". Из бесчисленного числа идолопоклонников и догматиков, готовых в угоду тотему принести в жертву и человека, есть и революционные идолопоклонники. На смену многомиллионным жертвам этому "божеству" ее жрецы продолжают требовать все новые и новые гекатомбы. Не пора ли воспрепятствовать этим требованиям и прекратить поток жертв? Как и многие другие социальные болезни, революция результирует из целого комплекса причин. Но неизбежность самой болезни не вынуждает меня приветствовать или восхвалять ее. Если подобная идеология "реакционна", то я с радостью готов принять титул "реакционера".

История социальной эволюции учит нас тому, что все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы суть результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующих любой великой революции. Вот почему на революционный призыв я отвечаю словами Христа из Евангелия: "Отче Мой! Да минует меня чаша сия!" Правда, все эти мрачные предвестия заметно уменьшаются в случае "малых" революций, не вызывающих к жизни великих гражданских войн. На первый взгляд может показаться достойным похвалы свержение без кровопролития бессильного правительства и низвержение аристократии, тормозящей социальный прогресс. Если в действительности ситуация была бы таковой, я вряд ли бы стал столь последовательным противником революции, ибо не намерен защищать паразитирующую, бесталанную и коррумпированную аристократию. Но, увы, революции, выражаясь медицинским языком, есть *maladie a-typique*¹*, развитие которой невозможно предвосхитить. Иногда, проявляя слабые и неведущие опасения симптомы, ситуация может внезапно ухудшиться и привести к летальному исходу. Кто может быть вполне уверен, что, зажигая свечу, не поспособствует тем самым громадному пожару, заглатывающему не только тиранов, но ... и самых зачинщиков, а с ними многие тысячи невинных людей. Здесь, как никогда, необходимо помнить о том, что "прежде семь раз отмерь, один — отрежь".

В особенности об этом следует помнить сейчас, когда в воздухе и так веют взрывоопасные настроения, когда порядок — необходимое условие всякого прогресса! — потревожен, а революционный шквал вот-вот обрушится на многие страны.

Сейчас, пожалуй, более, чем когда-либо, человечество нуждается в порядке. Ныне и плохой порядок предпочтительнее беспорядка, как "худой мир лучше доброй ссоры".

Кроме революционных экспериментов существуют и другие способы улучшения и реконструкции социальной организации. Таковыми принципиальными канонами являются:

1. Реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам. Русский революционный эксперимент, как, впрочем, и многие другие революции дают нам примеры обратного.

2. Тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования. Большинство революционных реконструкций не следовало этому правилу.

3. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе. И лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. Революция игнорирует этот канон.

4. Реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами. Революции же презирают эти ограничения.

Поправление этих канонов делает каждую попытку социальной реконструкции тщетной. Подобным канонам люди следуют, к примеру, возводя мосты или при разведении скота. Но, увы, очень часто считается, что при реконструкции общества нет необходимости следовать этим канонам. Несведущий человек зачастую становится лидером революционных реформ; учет реальных условий сплошь и рядом объявляется "буржуазным предрассудком", а требование законности — трусостью или гражданским мошенничеством. Призывы к мирным и правовым методам — "реакцией",

¹ * необычная болезнь (фр.).

”духом разрушения”. Эти ”революционные методы” приводят к провалам в революционных реконструкциях, а появление жертв становится обыденным явлением. Житель далекой планеты, наблюдающий за нашими действиями, вправе заключить, что на земле коровы и мосты ценятся больше, чем человеческая жизнь: к первым относятся явно с большим тщанием, ими не жертвуют с такой легкостью и в таком количестве, в каком приносят на алтарь революции *ad majorem gloriam*¹* человеческие жизни.

Обозревая все эти факты, трудно определить — смеяться над ними или плакать.

При любом раскладе было бы несправедливым уравнивать права человека с ”привилегиями” коров и мостов. Однако это требование гораздо проще выполнить, чем многие призывы всевозможных ”Деклараций прав человека и гражданина”.

Причины революций

Основные причины революций. Анализируя предпосылки революций, правильнее было бы начать с причин, порождающих революционные отклонения в поведении людей. Если поведение членов некоего общества демонстрирует такие отклонения, то и все общество должно быть подвержено подобным изменениям, поскольку оно представляет собой сумму взаимодействующих друг с другом индивидов.

Каковы же тогда те причины, которые приводят к быстрым и всеобщим отклонениям в поведении людей?

Вопрос о причинах, поставленный в наиболее общей форме, всегда аморфен и имеет некоторый метафизический душок. А потому, видимо, мне необходимо как-то дополнительно квалифицировать свой вопрос. Под причинами я в данном случае разумею комплекс условий, связь событий, обранных в причинную цепочку, начало которой теряется в вечности прошлого, а конец — в бесконечности будущего. В этом смысле можно дать предварительный ответ на поставленный вопрос. Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального их удовлетворения.

Таково в общих чертах суммарное утверждение о причинности революций, которая конечно же проявляется во множестве конкретных реалий разных времен и места действия. Если пищеварительный рефлекс доброй части населения ”подавляется” голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если ”подавляется” инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций. Если ”подавляется” рефлекс коллективного самосохранения (к примеру, семьи, религиозной секты, партии), оскверняются их святыни, совершаются измывательства над их членами в виде арестов и т. п., то мы имеем уже третью причину революций. Если потребность в жилище, одежде и т. п. не удовлетворяется по крайней мере в минимальном объеме, то налицо дополнительная причина революций. Если у большинства населения ”подавляется” половой рефлекс во всех его проявлениях (в виде ревности или желания обладать предметом любви) и отсутствуют условия его удовлетворения, распространены похищения, насилие жен и дочерей, принудительное замужество или разводы и т. п. — налицо пятая причина революций. Если ”подавляется” собственныйческий инстинкт масс, господствует бедность и лишения, и в особенности, если это происходит на фоне

¹ * к вящей славе (лат.).

благоденствия других, то мы имеем уже шестую причину революций. Если "подавляется" инстинкт самовыражения (по Э. Россу) или индивидуальности (по Н. Михайловскому), а люди сталкиваются, с одной стороны, с оскорблениями, пренебрежением, перманентным и несправедливым игнорированием их достоинств и достижений, а с другой — с преувеличением достоинств людей, не заслуживающих того, то мы имеем еще одну причину революций.

Если подавляются у большинства людей их импульс к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе (в смысле свободы речи и действия или прочих неопределяемых манифестаций их врожденных наклонностей), порождаемая чересчур уж мирной жизнью, монотонной средой обитания и работой, которая не дает ничего ни мозгу, ни сердцу, постоянными ограничениями в свободе общения, слова и действий, то мы имеем вспомогательные условия — слагаемые революционного взрыва. И все это лишь неполный список причин. Мы обозначили наиболее значимые импульсы, которые подвергают "репрессии" и которые ведут к революционным катаклизмам, а также лишь основные "репрессированные" группы, руками которых свергаются старые режимы и воздвигается знамение революции.

Причем и сила "подавления" наиболее значимых инстинктов, и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва. Во всех исторически значимых революциях "репрессии" дают о себе знать особенно на второй их стадии. Необходимо также, чтобы "репрессии" распространялись как можно более широко, и если не среди подавляющего числа людей, то по крайней мере среди достаточно весомой группы населения. Подавление меньшинства существует повсеместно; оно приводит к индивидуальным нарушениям порядка, обычно именуемым преступлениями. Но когда репрессии становятся всеобщими, то это приводит уже к "ругинности" нарушений и свержению режима. Акт этот по сути тождествен тем, которые совершаются индивидами, то есть преступлениям, но, став универсальным, он именуется высокопарно — "революция".

Рост репрессий, как и все остальное в этом мире, — вещь сугубо относительная. Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами сообщества. Полумиллионер сегодня, который был мультимиллионером еще вчера, чувствует себя бедняком по сравнению со своим бывшим состоянием и другими миллионерами. Рабочий, зарабатывающий 100 долларов в месяц, — бедняк в Америке, но богат в России. То же можно сказать и о возрастании или сокращении "репрессий". Они возрастают не только с ростом трудностей на пути удовлетворения инстинктов, но и тогда, когда они возрастают с разницей в темпах у разных индивидов и групп. При виде прекрасно сервированного обеденного стола человек, физиологически вполне сытый, почувствует голод и подавленность. Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия. И это вновь — пример подавления определенных инстинктов¹. Человек, объем прав которого достаточно обширен, чувствует себя ущемленным перед лицом более существенных привилегий у других.

¹ "Мы создаем новый тип лишений — отсутствие автомобиля, яхты или виллы в Ньюпорте. Самые утонченные драгоценности становятся жизненной необходимостью, а их отсутствие тяжело переживается", — верно пишет Г. Патрик о новых типах "подавленных" и "обездоленных" американцах (*Patrick G. The Psychology of Social Reconstruction*. P. 133).

Эти примеры могут послужить в качестве иллюстрации к моему тезису и объяснить, почему в таком значительном числе случаев "подавление" инстинктов определенных групп в дореволюционные периоды возрастает не столько абсолютно, сколько относительно, первым долгом благодаря росту правовой собственности, социальной дифференциации и неравенству. Следует постоянно помнить об этой релятивности "репрессий".

В этом суть первичной и всеобщей причины революций. Но такого объяснения было бы достаточно. Ведь для революционного взрыва необходимо также, чтобы социальные группы, выступающие на страже существующего порядка, не обладали бы достаточным арсеналом средств для подавления разрушительных поползновений снизу. Когда растущим революционным силам "репрессированных" инстинктов группы обороны способны противопоставить контрсилу подавления, а тем самым создать баланс давления, революция отнюдь уже не является столь неизбежной. Возможен сериал спонтанных выстулений, но не более. Когда же силы порядка уже не способны проводить в жизнь практику подавления, революция становится делом времени.

Таким образом, необходимо вновь подчеркнуть, что 1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) бессилие групп порядка в адекватном описании являются тремя необходимыми составными всякого революционного взрыва.

Почему подавление импульсов всегда ведет к революциям? Почему рост репрессий базовых инстинктов масс приводит к всеобщим революционным отклонениям в поведении людей? Да потому, что подавление основных импульсов неизбежно вынуждает людей искать пути выхода, так же как и любой другой живой организм ищет спасения от несвойственной ему окружающей среды. Старые формы поведения нетерпимы, следовательно, необходим поиск новых форм. Репрессированный рефлекс вначале старается найти выход в подавлении в свою очередь других инстинктов, которые препятствуют его удовлетворению. К примеру, репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т. п. И тот, кто никогда не крал, становится вором и бандитом; тот, кто стыдился протянуть руку, становится попрошайкой; верующий прекращает поститься; тот, кто всегда соблюдал закон, порывает с ним; аристократ, поборов в себе чувство позора, отправляется на рынок, дабы продать пару штанов; тот, кто стеснялся есть на улице, теперь делает это запросто; тот, кто ранее презирал людей, теперь попросту льстит им, лишь бы заполучить ломоть хлеба, и т. п. Исчезновение большинства привычек, препятствующих удовлетворению репрессированных врожденных инстинктов, означает освобождение их от множества тормозов и способствует высвобождению их. В то же время это означает и ослабление условных рефлексов, которые ранее сдерживали все же человека от совершения определенных актов насилия, подобно воровству, убийствам, святотатству и т. п.¹

Человеческое поведение отныне развивается по биологическим законам. Репрессированные инстинкты, разрушившие условные фильтры поведения, начинают оказывать давление на все остальные инстинкты. Баланс равновесия между ними исчезает, а инстинкты, на которые оказывается давление, смещаются. Это приводит к новой серии сдвигов в условных рефлексах и вызывает еще большую "биологизацию" поведе-

¹ Об этом см. мою книгу "Голод как фактор", где в деталях описаны отклонения в поведении людей, проявившиеся под влиянием голода и, соответственно, исчезновение всех безусловных рефлексов, препятствующих удовлетворению чувства голода.

ния людей, дальнейшую расторможенность в совершении антисоциальных актов. Если правительство и группы, стоящие на страже порядка, не способны предотвратить распад, "революция" в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые "одежки" цивилизованного поведения мгновенно срываются, а на смену социуму на волю выпускается "бестия". Но как только видоизменяется тип поведения масс, то неизбежно с этим меняется и весь социальный порядок.

Любопытно было рассмотреть этот вопрос, проанализировав один за другим действие репрессированных базовых инстинктов.

1. Исследования показывают, что громадную роль в человеческой истории играет голод и пищеварительный инстинкт^{1*}. Периоды революций и восстаний в Афинах и Спарте, в Риме конца Республики, в Византийской империи, истории Англии (1257—1258 годы, начало XIV века, перед восстанием 1381 года, кануна и в первый период английской буржуазной революции середины XVII века, конца XVIII — начала XIX века, непосредственно перед чартистским движением и, наконец, в 1919—1921 годах) были периодами не просто обнищания, но и крайнего голода и подавления пищеварительного рефлекса. То же можно сказать и о времени, предшествующем французской Жакерии 1358 года, революций конца XIV и начала XV века, годах, предшествующих французским революциям (1788—1789, 1830—1831, 1847—1848 и, наконец, 1919—1921 годы).

Известна также и причинная связь между массовыми движениями на Руси (я имею в виду восстания и революции 1024, 1070, 1230—1231, 1279, 1291, 1600—1603, 1648—1650 годов, восстание Пугачева, народные движения XIX века, наконец, революции 1905—1906, 1917 годов) и голодом и обнищанием, что также иллюстрирует подавление пищеварительного инстинкта накануне революций². В любом случае для провоцирования революционной ситуации подавление голода не должно доходить до крайней степени чрезвычайного истощения людей, ибо в противном случае массы попросту физически будут неспособными на революционную активность. С другой стороны, экономический прогресс, сопровождаемый неравным распределением продуктов, делает население достаточно мощным и в высочайшей степени опасным в плане потенциального крушения социальных препятствий и препон на пути к революции.

То, что верно относительно связи между подавлением пищеварительных инстинктов и революционными взрывами в прошлом, можно с соответствующими модификациями отнести и на счет всех остальных базовых рефлексов человека. Причинные отношения между их "репрессией" и ростом революционных всплесков не подлежат сомнению. Обратимся лишь к некоторым примерам.

2. Подавление импульса собственности, результируемого из экономической дифференциации, всегда приводит к революционным взрывам. Это положение подтверждается многочисленными фактами. Почему пролетариат — равно как работники физического, так и умственного труда — суть наиболее революционный класс общества? Да потому, что его собственный инстинкт подавляется больше, чем у любого другого класса: он почти ничем не владеет, если и вообще владеет чем-либо; дома, в которых живут рабочие, принадлежат не им; орудия труда не являются его собственностью; его настоящее, не говоря о будущем, социально не гарантировано; короче,

¹ * П. Сорокин не проводит принципиальной терминологической разницы между понятиями "инстинкт", "рефлекс", "импульс", употребляя их синонимично, в соответствии с принятой бихевиористической схемой "стимул — реакция".

² Примечательные детали на этот счет можно найти в моей книге "Голод как фактор".

он беден как церковная крыса. Зато со всех сторон он окружен непомерными богатствами. На фоне этого контраста его собственнический инстинкт подвергается значительным раздражениям, подобно инстинкту материнства у женщин, не имеющих детей. А отсюда его революционность, его непереставное ворчанье на "кровати из гвоздей", на которую взгромоздила его история. Его идеалы социализма, диктатуры, экспроприации богачей, экономического равенства, коммунизации есть прямое проявление этой репрессии. Но как только собственнический инстинкт удовлетворен, идеалы социализма и коммунизма растворяются, а сами пролетарии становятся яркими поборниками священного права собственности.

Из кого чаще всего составляются революционные армии? Из пауперизированных слоев, людей, которым "нечего терять, но которые могут приобрести все", — словом, из людей с репрессированным рефлексом собственности. "Голодные и рабы" — к ним в первую очередь апеллирует революция, и среди них она находит самых жарких адептов. Так было в греческой и римской античности, в Древнем Египте и Персии, в средневековых и современных революциях. Их революционные легионы всегда составлялись из бедняков. Последние были главным инструментом достижения революционных целей. Не достаточно ли этого для подтверждения выдвинутого выше тезиса о связи между собственническим инстинктом и революционностью?

Не подтверждается ли эта закономерность всем ходом истории европейских стран последних лет? Не сотрясался ли общественный строй от голода, нищеты и безработицы? Не связан ли успех коммунистической идеологии с социальными потрясениями и стачками? Не ощущаем ли мы эффект этой связи в современной Германии, самой неревoluционной из всех стран мира, которая пару лет назад стояла на краю революционной бездны? Этих рассуждений достаточно, чтобы отчетливо обрисовать социальное действие этой связки явлений.

3. Обратимся теперь к подавлению инстинкта самосохранения, который служит целям выживания индивида, а также к подавлению инстинкта коллективного самосохранения, который служит целям выживания социальной группы: семьи, нации, племени, государства, церкви, то есть любого кумулятивного образования, соорганизованного вокруг общности интересов. "Зерна" обоих инстинктов наследуемы и достаточно могущественны. Их подавление, особенно если это происходит одновременно, очень часто приводит к революциям. В качестве яркого примера подобного подавления можно обратиться к опыту неудачных войн.

Война есть инструмент смерти. Она сурово подавляет инстинкт самосохранения, ибо принуждает человека поступать против его воли и перебарывает его неискоренимо протестующий стимул к жизни. В то же время она подавляет и инстинкт коллективного самосохранения, принуждая людей к уничтожению и оскорблению друг друга, подвергая опасностям и лишениям целостные социальные группы.

Следует ли удивляться после этого, что ужасающие войны зачастую приводят к социальным взрывам? Репрессированный импульс самосохранения приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизованные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших. Именно это произошло с русской армией в 1917 году, а позже с немецкими солдатами в 1918 году. Люди, ставшие рабами своего инстинкта самосохранения, бросают все и с яростью набрасываются на правительство, переворачивают существующий социальный порядок, воздвигают знамя революции.

Это объясняет, почему многие революции происходят сразу после или во время неудачных войн. Вспомним, что революции нашего времени

— русская, венгерская, немецкая, турецкая, греческая, болгарская — были совершены при этих обстоятельствах. Применимо это и к русской революции 1905 года. Турецкая революция смела режим Абдул-хамиды после неудачной войны. А Парижская коммуна 1870—1871 годов — разве не результат поражения в войне с немцами? Французская Жакерия 1358 года и революционные движения конца XIV века произошли в результате неудач в Столетней войне и пленения короля Иоанна II после битвы при Пуату в 1356 году. В равной мере это относится и к английскому восстанию 1381 года Уота Тайлера: волнения начались после поражения английской армии при Ла-Рошеле, собственно восстание разгорелось после неудачных военных действий против Ковенантеров. Вспомним и о революционных движениях в Германии и Италии конца XVIII — начала XIX века, вспыхнувших после серии поражений этих стран от наполеоновской армии.

Даже этого далеко не полного списка революций, разразившихся под непосредственным влиянием военных неудач, достаточно, чтобы убедиться в истинности приведенного выше утверждения.

Конечно же, войны приводят к революциям не только благодаря "репрессии" упомянутого инстинкта, но и в результате подавления других инстинктов людей (рост бедности, голод и дезорганизации структур, вызванные войнами, и т. п.). Но все же революционный эффект войны в первую очередь осуществляется через подавление упомянутого инстинкта. Люди, заинтересованные в войнах, вовсе не жаждут революций. Однако кто посеет ветер, тот пожнет бурю.

Сказанное можно отнести и на счет режимов диктаторской власти — режимов бесконечных арестов, преследований и наказаний. Они также представляют комплекс актов, подавляющих инстинкты самосохранения и самовыражения личности. Постоянный риск и отсутствие гарантий в условиях деспотических режимов приводят к "репрессиям" известного толка: страх, неудовлетворенность, негодование, наконец, попытки свержения "репрессирующего" режима.

Опосредованно подобные режимы репрессируют также инстинкт группового самосохранения, поскольку каждый очередной арест или убийство одного человека есть одновременно и покушение на всю группу — семью, друзей, ближайшее окружение. Нередко подобные режимы подавляют этот инстинкт, подвергая гонениям символы групп, их ценности (особенно это относится к преследованиям религиозных, политических, национальных и им подобных групп). В результате резко возрастает потенциальная возможность революционного взрыва благодаря количественному росту "репрессированных" индивидов. Пожалуй, отсюда становится ясным, почему подобные общества постоянно "беременны" революционностью, в их социальном фундаменте заложены мины, готовые вот-вот разорваться при условии даже малейшего послабления контроля сверху. Все это проясняет революционизирующий эффект войн и деспотических режимов.

4. Нетрудно вообразить, что подавление других инстинктов, как, к примеру, полового, способно сыграть известную роль. Легенда, согласно которой римская революция, положившая конец монархическому строю, была вызвана сексуальными преследованиями римлянок со стороны последнего римского царя, по-видимому, не так уж и далека от действительности.

Подавление полового инстинкта может вызываться разными способами и обстоятельствами: в одном случае простой невозможностью его удовлетворения, в другом — за счет растущей распущенности привилегированных классов, подавления инстинкта "ревности", искушениями, деморализующими жен и дочерей граждан. Роли подобных

”репрессий” зачастую не придается большого внимания. На первый взгляд ее роль может показаться непримечательной, хотя в серьезности самого инстинкта вряд ли кто будет сомневаться. Для того чтобы убедиться в обратном, достаточно присмотреться к многочисленным революционным речам и прокламациям, в которых негодование масс искусственно разжигалось за счет гипертрофированного акцентирования репрессий этой группы инстинктов. В то же самое время эти речи бессознательно отражают революционный характер этого фактора.

”Рабочие, если вы не желаете, чтобы ваши дочери стали предметом наслаждения богачей... восстаньте!” Призыв Парижской коммуны может послужить одним из ярких образцов прокламаций подобного толка. Кто станет утверждать, что указанный здесь мотив не был также среди базовых причин и других революций? Любому мало-мальски знакомому с историей известно, что среди революционных вызовов правителям всегда были обвинения в безнравственности, распущенности, соблазнении жен и дочерей низкого происхождения. Да в общем и сам антураж повседневной жизни большинства свергнувших правительств недвусмысленно свидетельствует о сексуальной ”жизни” правителей, репрессирующих половой инстинкт масс. Аморальный тип поведения папской курии и римской католической верхушки был одним из поводов, почему церковь начали именовать вавилонской блудницей, почему она утратила свой былой престиж и влияние над массами. Ненависть к епископату среди чехов накануне Реформации вселял сам епископат своим безнравственным поведением, ”деморализуя” своих прихожан¹. Многим из них предьявлялось обвинение в распущенности, сожительстве (нередко в содержании целых гаремов), половой связи с матерями и сестрами, в превращении монастырей в бордели и т. п.²

Все это не могло не привести к подавлению ревности и других сексуальных рефлексов масс, с одной стороны, а с другой — к падению морального престижа епископата. Наконец, в один прекрасный день ореол власти испарился, а в ее сохранении возникают законные сомнения.

Обратимся к России кануна революции 1917 года. Что было роковым фактором, окончательно погубившим царизм? Распутинщина. Обвинение императрицы и ее двора в сексуальном распутстве³ (сейчас не принципиально, насколько оно было справедливым), распутинщина были одним из факторов русской революции. То же самое мы наблюдаем накануне Великой французской революции, я имею в виду все то же обвинение Марии Антуанетты и ее окружения. Собственно, и в нашей повседневной жизни престиж и репутация человека могут незамедлительно пошатнуться под воздействием обвинения в аморализме или в результате скандала на этой почве.

Вообразим на мгновение, что правительство некоей современной цивилизованной державы заявит о своих плотских претензиях в отношении всех женщин государства и попытается провести эти претензии в жизнь. Нужно ли говорить, что результатом такого поворота событий может быть лишь революция. Одного лишь упоминания о подобном *experimentum crucis*^{4*} достаточно, чтобы осознать всю полноту социальной значимости этой группы инстинктов.

¹ Denis E. Huss et la Guerre des Hussites. P., 1878. P. 13—14.

² Weber M. General History. Vol. 8. P. 190—191.

³ О роли распутинщины в расшатывании престижа монархии среди простых людей и армии см. воспоминания В. Шульгина ”Дни”.

⁴ * ”опыт креста”, то есть решающий эксперимент, определяющий путь дальнейших исследований (*лат.*).

5. Тот же эффект легко пронаблюдать, если обратиться теперь к подавлению импульсов свободы¹.

Всякие строгие ограничения в миграциях, коммуникациях и действиях людей приводят к подавлению этого импульса. Только тогда, когда репрессии перебивают все границы возможного (так же как и в случае неимоверного голода) и полностью "растворяют" этот инстинкт (в павловских экспериментах собака с вытравленным инстинктом свободы была обречена на длительную голодную смерть), то есть когда люди превращаются в "биологизированных рабов", это подавление может и не провоцировать революционной контрреакции. Вплоть до этого предела рост репрессии должен сопровождаться ростом воли к сопротивлению и стимулировать переворот существующего режима. Вот почему режимы "подавления" и "деспотии" неизбежно приводят к социальному взрыву, если не противодействие сил контроля, которые могут временно отодвинуть срок взрыва, анигилируя инстинкт свободы. Связь между ростом репрессии рефлекс свободы и дезорганизуемыми взрывами присуща всей многовековой человеческой истории, и, видимо, нет надобности в каких-либо конкретизирующих примерах.

То же самое можно сказать и о подавлении других врожденных или приобретенных инстинктах. Хотя каждый из них, взятый сам по себе, — лишь элемент в системе существенных составляющих необходимого бытия индивида (вспомним поговорку: *primum vivere deinde philosophare*^{2*}), все же их роль не столь жизненно важна.

6. Возьмем далее группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей. Различие в наследуемых способностях суть факт установленный; но он лежит в основе профессионального выбора людей. Предположим, что механизм социальной селекции и распределения перестал должным функционировать, а индивиды начинают занимать те позиции, которые и подавно не соответствуют их талантам: прирожденный правитель или "Цицерон" становится обыкновенным работником, который так ничем и не отличится, а прирожденный организатор — портным или чем-либо в этом роде. Что же тогда приключится с подобным обществом?

Подавление инстинкта самовыражения всех этих людей проявится крайне остро. Никто из них не будет удовлетворен занимаемой общественной позицией, и все будут проклинать узы, связывающие их, мечтая не о чем другом, как об их разрушении. В то же время каждый из них предпочтет вкладывать минимум усилий в не интересующую их профессию. В результате группа людей с репрессированным инстинктом, помышляя об эмансипирующей их революции, восстанут. "Прирожденный" правитель, ставший простым рабочим, обернется лидером конспиративной организации; "Цицерон" станет пропагандистом; организатор создаст нелегальную партию; "поэт" восславит революцию, да и все остальные индивиды-"перевертыши" составят революционные армии и, таким образом, революционная ситуация будет создана.

¹ В соответствии с И. П. Павловым, я понимаю под этим врожденные импульсы, принуждающие людей преодолевать препятствия, ограничивающие их свободу коммуникации, передвижений, действий. Согласно И. П. Павлову, "рефлекс свободы — типичная черта, характерная реакция всех живых существ — является наиважнейшим из числа врожденных инстинктов. Благодаря ему любое, даже небольшое, препятствие на пути живого организма разрушается, если противоречит его жизненному курсу. Всем хорошо известно, как ограниченные в свободе животные, особенно привыкшие к дикой жизни, пытаются высвободиться".

² * прежде выжить, а уж потом философствовать (*лат.*).

Мы лишь немного пофантазировали о возможном неадекватном репрессивном распределении индивидов в обществе, но наша гипербола недалеко унесла нас от реальности. Нетрудно увидеть нечто подобное в любом обществе в предреволюционный период, когда соответствие социальных позиций способностям людей, особенно врожденным талантам, попросту не соблюдалось. Вот почему столь часто в такие периоды встречаются группы людей с подавленным инстинктом самовыражения, который вдобавок подавляется со стороны искусственно созданной славы и привилегий ни к чему не способных индивидов, так сказать, "прирожденных рабов", но взобравшихся на вершину общественной лестницы. А отсюда революционные настроения многих репрессированных индивидов — писателей, мыслителей, журналистов, поэтов, общественных деятелей, ученых, предпринимателей и буржуазии, а также массы других людей, находящихся у подножия социального конуса, которые негодуют по поводу своих социальных позиций и жаждут восхождения, а потому готовы приветствовать любого, кто высвободит их из "лап" репрессирующего режима.

7. То же можно сказать и о подавлении других инстинктов, которое приводит к более или менее схожим последствиям. Удивительно, что революционизирующее влияние репрессированных инстинктов обычно остается непримеченным.

А вот зримый предлог к революционным событиям бывает совершенно иным. Скажем, введение нового навигационного закона, учреждение молитвенной книги, созыв Генеральных Штатов, борьба за создание ответственного кабинета министров или ссора вокруг ряда религиозных догм, да и вообще что-нибудь в этом роде. Полагать, что подобные конкретные поводы могут сами по себе провоцировать революционные движения, если не предварительное подавление базовых инстинктов людей, по меньшей мере наивно. Все это не более чем искра в пороховом погребе. Функция их — роль повода, своего рода предохранительного клапана, через который выплескивается все накопившееся недовольство¹. Их внутренний революционный потенциал невелик и сам по себе не вызывает революционного урагана. Но когда подавление инстинктов аккумулировано, то любое малозначимое событие провоцирует прямо или косвенно революционный эффект репрессий и приводит к взрыву.

Иными словами, постановка грандиозной драмы, комедии или трагедии революции на исторических подмостках предопределена первым долгом репрессированными врожденными рефлексам. Только от них зависит, будет ли разыгрываемая пьеса именоваться "революцией" или нет. Если "да", то пьеса будет иметь успех, а в актерах недостатка не будет. Значение безусловных импульсов гораздо существеннее, чем вся совокупность бесчисленных условных рефлексов. Последние могут определять мизансцену, прически и гардероб героев и событий. "Идеологические" факторы детерминируют скорее конкретные формы, монологи, диалоги и случайные реплики участников революции. От них же зависит, что будет написано на знаменах — "Святая земля", "Истинная вера", "Конституция", "Правовое государство", "Демократия", "Республика", "Социализм" или что-либо другое. Они определяют также выбор популярных героев революционных движений, будь то Христос, Гус, Руссо, Лютер, Маркс, Толстой или Либкнехт; а также выбор дискурсивной идеи

¹ Э. Дени, исследователь гуситских войн, совершенно справедливо по этому поводу пишет: "Человеческие страсти играют определенную роль во всей религиозной трансформации, но они всегда скрыты и представлены в форме догматической и теологической" (*Denis E. Huss et la Guerre des Hussites*. P. 32).

— Библия, толкование Евангелия, национальная идея, теория прибавочной стоимости и капиталистическая эксплуатация; выбор эмблемы — "фригийский колпак", "зеленый сыр", "черная рубашка", "пятиконечная звезда" и т. п.; выбор места действия — катакомбы, церковь, городская ратуша, современный парламент; способ распространения революционных идей — при помощи пергамента, манускрипта, печатного станка; наконец, орудия революционного правосудия — булава, топор, меч или гаубица, динамит, танки и дредноуты. То есть их роль в целом сводится к выяснению конкретных форм революционности. Но было бы тем не менее несправедливым сделать из этого вывод, что, единожды появившись на революционной сцене, "идеологические факторы" не могут превратиться в эффективную движущую силу революций.

Устная и печатная пропаганда, безусловно, чрезвычайно значима в деле кристаллизации бесформенного чувства негодования. Но становится действенной лишь при условии предшествующего подавления базовых инстинктов масс. Без этого пропаганда бессильна в провоцировании какого-либо социального взрыва. Несмотря на многочисленные денежные затраты русского правительства на монархическую пропаганду, она была безрезультатной в силу своего конфликта с репрессированными инстинктами масс. И напротив, пропаганда социализма, коммунизма и других революционных течений шла весьма успешно. После июля 1917 года коммунистические призывы стали вообще вне конкуренции.

Но вот пролетело три года. Коммунисты монополизировали всю прессу, блестяще организовали свою пропаганду. Увы, их учение, которое было столь популярным ранее, не находит уже новых поклонников. Зато контрреволюционные идеи, в том числе и монархические, распространяются чрезвычайно широко. Пример русской революции вовсе не единичный в истории, он лишь вновь подтверждает идею о том, что "речевые рефлексy", взятые сами по себе, не отличаются особым постоянством. То же самое относится и к остальным "идеологическим факторам". Их роль сводится лишь к обрамлению революции в конкретную форму, в то время как само явление — повторюсь — детерминировано подавлением врожденных инстинктов масс.

Какие социальные группы становятся революционными, в какой степени и почему? Допустим, что наша теорема верна, тогда из нее следует: 1). В течение дореволюционного периода мы должны обнаружить исключительно сильное подавление серии базовых импульсов масс. 2). В любом обществе те индивиды и группы в первую очередь будут склонны к революционным действиям, чьи базовые инстинкты репрессированы. 3). Поскольку подавленные инстинкты разных людей и групп отличаются по характеру и глубине, то, в соответствии с теоремой, их характер и количество должны детерминировать и объяснять: сколь далеко в революционной диспозиции зашла каждая группа, кто первой из них начнет революцию, в каком порядке все последующие группы будут вступать в революционное движение. К примеру, дореволюционный порядок некоего общества подавлял в одной группе населения серию инстинктов: а, б, в, г, д, е
в другой — а, б, в, г, ж
в третьей — а, б, в, з
в четвертой — а, б, и
в пятой — а, к
в шестой — а

Предположим, что наиболее сильные инстинкты и соответственно более других репрессированные будут обозначены начальными буквами

алфавита. Нетрудно заметить, что первая группа людей будет в таком случае самой революционно-экстремистской и последней, покинувшей бастионы революции, поскольку ее импульсы труднее всего удовлетворить или удержать в строгих границах. Каждая последующая группа — все более умеренна в своих революционных требованиях, а потому быстрее выйдет из революционного процесса по мере его эскалации. Подавление инстинкта "а" последней группы проще всего устранить, и потому эта группа будет первой, которая "откажется" от революции. Эта следующая из теоремы схема объясняет реальное поведение разных групп в революционные периоды¹. 4). Далее, принимая справедливость теоремы, социальные агрегаты, чьи инстинкты репрессированы более всех остальных, должны, согласно схеме, стать носителями самых радикальных настроений.

Таковы выводы, следующие из нашей фундаментальной теоремы. Верны ли они? Думаю, что да. Прокомментируем вначале первые три положения. Исследование дореволюционной ситуации в любом обществе покажет, что базовые инстинкты самого широкого круга социальных групп безжалостно подавляются.

Что, собственно, мы наблюдаем в России накануне революции 1917 года?

1). Жесточайшее подавление инстинкта индивидуального самосохранения среди 50—60 миллионов мобилизованных солдат, вырванных из нормального состояния ужасной смертоносной войной, замученных холодом, голодом, паразитами, окопной жизнью и прочими лишениями.

2). Жесточайшее подавление инстинкта группового самосохранения среди более 90 процентов населения вследствие постоянных поражений, беспомощности властей и даже государственной измены ряда деятелей².

3). Жесточайшее подавление пищеварительного инстинкта, следующее из дезорганизации экономической жизни общества и сложности продуктового обеспечения городов, в особенности обострившееся в конце 1916 года³.

4). Жесточайшее подавление инстинкта свободы, связанное с введением военного положения в стране с 1914 года (военная цензура, трибуналы, деспотическая политика, проводимая в жизнь государственными ставленниками).

5). Подавление собственнического инстинкта, вызванного, с одной стороны, обнищанием большей части населения, на плечи которого обрушились все тяготы военного времени (рабочие, государственные служащие, интеллектуалы, часть буржуазии и крестьянства); с другой — обогащением барышников; с третьей — правительственным вторжением в экономические отношения (установление фиксированных цен на зерно, которые всегда ниже рыночных).

¹ Это объясняет также и "контрреволюционно"-реставрационный радикализм подавляемых революцией групп. Чем больше число инстинктов и чем значительнее они подавляются революцией, тем более экстремистскими становятся эти группы в своих реставрационных порывах. Предварные и аристократы, как правило, подвергаются самым значительным репрессиям, а оттого их желание реставрировать прежний порядок обычно отмечено радикализмом и особой страстностью. Группы, слегка потревоженные революцией, всегда остаются более умеренными в своих реставрационных устремлениях; они склонны извлечь максимум из "революционных завоеваний".

² В одном из своих выступлений в Думе Милюков объявил, что "глупость и государственная измена" стали главными причинами волнений в стране. См. его "Историю русской революции". Т. 1.

³ См. об этом: *Кондратьев*. Регуляция рынка в годы войны и революции. М., 1922.

6). Подавление сексуального инстинкта населения беспутством праящих кругов и распутинщиной.

Не будем останавливаться на репрессиях других инстинктов людей, а также на бессилии властей хоть как-то контролировать или способствовать "выходу" репрессированных импульсов. Мы подойдем к этому сюжету несколько позже.

Такого стечения обстоятельств было вполне достаточно, чтобы вызвать взрыв революционного гнева. Никто специально не подготовлял его¹, но все ожидали его как грома, не ведая только, когда он разразится. И действительно, революция началась, как раскат грома. Какие же группы были замешаны в этом? Пожалуй, около 95 процентов населения, у которых либо все, либо практически все базовые инстинкты были подавлены. Лишь после первого взрыва начался любопытный процесс самовыдвижения революционных требований разных групп, их самоопределение и, наконец, "успешный исход" из революции.

Описанная выше схема как раз основана на наблюдениях за подобными процессами. Единодушным было усилие всего населения в разрушении старого режима репрессий. Но буквально через пару недель это единодушное рассыпалось, как прах, и гомогенная в прошлом масса негодующих людей дифференцируется и распадается на сектора в четком соответствии с типом их подавленных инстинктов. В течение двух-трех дней после 12 марта 1917 года образовался первый дуализм власти — Советы и Временное правительство. Падение монархии, означавшее одновременно и падение нобилитета, способствовало уничтожению ограничений в деятельности коммерческих и индустриальных классов; уничтожению допустимых пределов, установленных для социальных и муниципальных работников, для которых был закрыт проход к высшим позициям; уничтожению ограничений в активности среднего офицерства, которое выросло в чинах и теперь было окружено аристократами и собственными гвардейцами; уничтожению ограничений в свободе творчества значительных кругов интеллектуалов и официальных лиц, которые видели в правительстве главный источник пережитых военных неудач. Все эти группы были ныне умиротворены; они составили ядро тех, кто оказывал давление на Временное правительство, дабы приостановить дальнейшее поступательное движение революции. Голод, холод, лишения и война, монотонный физический труд не затрагивали их особенно, в то время как их подавленные инстинкты были более или менее удовлетворены.

По-иному складывались дела у рабочих, солдат, крестьян, отбросов общества, преступников и маргиналов. Вышеупомянутые группы людей во главе с Временным правительством не желали приостановления войны. Вот почему подавление базового инстинкта самосохранения у солдат не было уничтожено, и потому они не могли удовлетвориться первым этапом — Февральской революцией.

Но что принесла эта революция трудящимся массам страны?

Фактически ничего, кроме свободы на бумаге. Не изменилось их экономическое положение; напротив, нищета возрастала, а монотонный физический труд на заводах остался прежним. "Буржуазная мишура", которая была повсюду на виду, лишь будила в них зависть, однако роль, которую было позволительно играть массам, оставалась предельно скромной. Практически никакие ограничения не были уничтожены; не произошло искомого раскрепощения ни пищеварительного инстинкта,

¹ Об этом написано в воспоминаниях Мстиславского ("Пять дней") и Суханова ("Воспоминания о революции").

ни собственнического, ни всех остальных. Иными словами... рабочие вынуждены были педалировать революцию и стремиться к слому ограничивающих обстоятельств, которые все еще оставались для них таковыми, но которые уже долее не существовали для групп умеренных.

То же относится к крестьянам. Февральская революция лишь обещала, но фактически не дала помещичьих земель, не сократила их обязательства по подготовке зерна и других продуктов питания, даже скорее увеличила их, не приостановила отток рабочих рук в виде рекрутства из деревень. Кроме того, подавлялся их инстинкт самовыражения в виде гражданского неучастия в сравнении с другими общественными классами. Соответственно ... крестьянство не видело особого резона для торможения дальнейшей радикализации революции. Все это применимо и в отношении маргиналов, преступников и всякого рода авантюристов, пролетариев умственного и физического труда. "Помутнение воды" — углубление революции — было для них столь же насущным. Таким образом, одни группы пытаются ее приостановить, а другие, наоборот, форсировать. Октябрьская революция стала неизбежной после соорганизации трех сил — рабочих, солдат, требующих "мира любой ценой, пусть даже позорного", и крестьянства.

В течение первых месяцев после Октябрьского переворота были уничтожены многие ограничения, довлеющие над этими тремя группами населения: крестьяне получили санкцию на захват помещичьих земель; солдаты получили право на прекращение войны и возвращение домой; рабочим было дано право не работать, занимать наиболее важные административные посты, сопротивляться буржуазии, устанавливать контроль над заводами и фабриками. Что же касается отбросов общества, преступников, авантюристов и прочего сброда, то и они получили места в правительстве и обрели полную свободу для удовлетворения своих естественных потребностей в форме убийств и грабежа, правда, если они направлялись против "буржуазии и контрреволюционеров".

Такими средствами обрели силу большевики после Октябрьской революции.

Но прошло не более нескольких месяцев, и картина начала постепенно изменяться. Крестьянство не получило ровным счетом ничего, напротив, все больше и больше продуктов вымогалось грабежом или реквизициями. Результатом стала серия крестьянских бунтов и их отход от революции, удерживаемый еще частично страхом возвращения помещиков, восстановления старого режима и связанных с ним запретов. Красная Армия находилась приблизительно в том же положении, за исключением, может быть, нескольких сотен привилегированных большевистских преторианцев. Рабочий класс в 1919—1920 годах также испытал немало лишений от голода, принудительного труда, бюрократизации и тирании новой власти. После ряда восстаний рабочих, "красных" солдат и крестьян в марте 1921 года новое правительство было на пороге того, что его вот-вот скинут; удержалось же оно у власти лишь благодаря жесточайшим репрессивным мерам, вводу новых ограничений и отходу от идеи коммунизма. Кроме того, для сохранения власти была введена многочисленная личная охрана для крупных государственных деятелей. Часть интеллигенции, особенно высокопрофессиональных специалистов, удалось склонить к сотрудничеству, подкупив ее высокими заработками, а предпринимателей — искушением обогатиться на спекуляциях. Но для того чтобы платить этим людям, они вынуждены были все больше и больше грабить крестьянство и эксплуатировать рабочих. Новое подавление инстинктов привело к тому, что в 1922—1924 годах они фактически оказались во враждебном большевикам лагере. Реальную поддержку Советскому правительству оказывали лишь преторианская гвардия, "спещи"

и частью энпманы. Такая поддержка могла бы оказаться не столь солидной, если бы не усталость в стране от войн, революции, чрезмерного обнищания, эпидемий и безграничных просторов и разбросанности населения — главного препятствия на пути консолидации социальных сил. Из приведенного схематичного наброска видно, что наши первые три предположения теоремы полностью подтверждаются всем ходом русской революции.

Жесточайшее подавление многих базовых инстинктов крестьянства, рабочих, буржуазии, низшего духовенства и интеллектуалов, без сомнения, существовало во Франции накануне революции 1789 года.

Крестьянство облагалось громадными феодальными повинностями и платежами (не следует забывать при этом и о голоде 1788 года); рабочие страдали от нищеты и голода; буржуазия бесновалась от факта привилегий нобилитета; низшее духовенство — от привилегий епископата. Буквально все, даже "привилегированные", чувствовали себя "подавленными". Общество, еле сдерживаемое деспотической монархией, в тисках которой оно пыталось функционировать, в надежде апеллировало к идее конституции, "которая должна быть дарована королевству".

Взрыв был неизбежным, и вскоре он произошел. Группы, преданные революции, включали в себя подавляющее большинство населения. Радикализация революции и "отхода" от нее все новых и новых индивидов демонстрирует действие описанного выше естественного закона революции. Как только некая группа, участвующая в движении, находила удовлетворение своим подавленным инстинктам, она тотчас же теряла интерес к революции. И если новая революционная власть пыталась принудить ее к соучастию, то она тотчас же оборачивалась против него.

И во Франции крайний экстремизм проявляют неудачливые интеллектуалы, рабочие, преступники и авантюристы, составившие ядро якобинцев. В союзе с другими группами они представляют собой "загонщиков" революции. Рабочие и торговцы попервоначально поддерживали якобинцев, но как только они стали ощущать вторичное подавление инстинктов на своей собственной шкуре (голод, безработица, закон Ле Шапелье, трудовые повинности, принудительные работы), они мгновенно начали переходить на сторону врагов революции и безуспешно пытались приостановить ее ход (вспомним о заговоре Бабефа). Крестьянство, освободившись от феодальных повинностей и захватив земли, проявило полную индифферентность по отношению к революционному центру; но как только стали попирацца их права в виде бесконечных реквизиций, они незамедлительно стали оборачиваться врагами революционного правительства. То же произошло и с низшим духовенством.

И здесь, как и везде, первоначальный революционный порыв, основанный на единстве чувств, был единодушным; но позже, вследствие разницы в глубине и наборе подавленных инстинктов, революционный поток разделился на несколько течений. И чем дальше шли радикалы, тем суше становился поток, образовывались обратные течения за счет тех групп, которые получали освобождение от подавленных инстинктов. Тем временем революционный авангард начинает репрессировать удовлетворенные группы и тем самым своими же руками выталкивает их в стан противников дальнейшего углубления революции. Под конец всего этого возрастают столь значительные ограничения, что выравниваются по своему количеству с репрессированными импульсами старого режима. В результате революционная власть теряет всякую поддержку и вынужденно уступает место новому правительству, которое представляется спасительным по сравнению со "смертоносной" тиранией радикалов.

Мы можем наблюдать подобное подавление врожденных рефлексов и накануне английской революции. Правление короля Карла I было по сути

тираническим. Закон и права нации систематически попирались. Королевские обещания не выполнялись. Новые налоги и монополии вводились на такие товары, как соль, мыло, уголь, железо, вино, кожа, крахмал, табак, пиво и т. п. Население было разорено. Королевские угодья росли за счет деспотических аннексий частных владений. Судьи и высшая администрация были коррумпированы. Население страдало от постоянно расквартированных в деревнях воинских подразделений. Каждодневно попирались не только богатые, хоть они и были солидным источником пополнения фиска, но и бедные, ибо они были не опасны для режима. Аристократии предписывалось жить в своих поместьях. Кроме всего этого — невероятное давление религиозного порядка, причем как на простых людей, так и на духовенство; строгая религиозная цензура и т. п. Требовались невероятные усилия для того, чтобы "благополучно" вынести все это подавление инстинктов людей всех классов и национальностей. Но репрессии не могли длиться вечно, рано или поздно они должны были привести к взрыву.

Дальнейшее развитие английской революции, рассматриваемое с точки зрения радикализма разных групп и времени их исхода из процесса, соответствует положениям "2" и "3" нашей теоремы.

Обратимся к другому примеру — чешскому обществу XIV века. Накануне гуситских войн свободы и социального равенства фактически не существовало. Феодальные порядки становились все более и более репрессирующими, повинности росли, пошлины становились все многочисленнее. Эксплуатация простого люда со стороны дворянства возрастала. О какой справедливости можно было говорить, если обидчик одновременно был и судьей. Крестьянство запросто лишалось земли. Переживание от того, что чехи становились "рабами", было с каждым днем все сильнее, усиливалось оно вдобавок иностранным господством в Богемии.

Обищение шло нога в ногу с обогащением аристократии, особенно германцев и римской католической церкви, а также с усиливающимся распутством и коррумпированностью духовенства. Из всего этого ясно, насколько значительным количественно и качественно было подавление человеческих инстинктов накануне революции.

Нет необходимости, видимо, продолжать список примеров из истории других великих революций. Читатель может сам набрать нужное количество, анализируя под заданным выше углом зрения предреволюционную ситуацию в любой стране.

Из всего рассмотренного материала явствует, что число групп, вовлеченных в революционное движение, особенно во времена великих революций, достаточно значительное. Эти группы крайне разношерстны и состоят из людей самых разных социальных позиций. Здесь можно увидеть и негодующего за прошлые унижения профессора, и обиженного редактором газетчика, и ущемленного знатью интеллектуала, и обанкротившегося банкира, и разорившегося аристократа, и голодающего рабочего, и разоблаченного авантюриста, и склонного к насилию преступника, а также и душевно неуравновешенного, но готового к самопожертвованию идеалиста. Многие из них страдают от голода, холода; другие исходят завистью, алчностью, мстительностью, страхом или гневом; третьи — жадой и мечтой улучшения существующих отношений в обществе и т. п.

Все эти мотивы не что иное, как разнообразные формы проявления подавленных базовых инстинктов, удобренных тем, что основы социального строя расшатаны, а дорога к революции открыта идеями Руссо и Вольтера, Иоанна Гуса и Иеронима Пражского, индпендентами и Лильборном, Марксом и Лассалем, Лавровым, Михайловским, Плехановым и другими. Именно под этим влиянием радикальных или

умеренных "освободителей" начинаются всякие дерзновения "репрессированных" масс. Под их влиянием происходит дальнейшее углубление революционного процесса, за которым следует... коллапс.

Наше предположение подтверждается также и отличием в степени революционности жителей городов и жителей деревень. Профессор Э. Хайэс справедливо отмечал, что горожане, как правило, более революционны, чем сельчане. Более того, они обычно выступают зачинщиками, в то время как революция затухает чаще в деревне. Из недавних событий примерами, иллюстрирующими этот тезис, могут служить события в России, Венгрии, Баварии и Италии, а еще раньше события, происходящие в период Парижской коммуны во Франции... и даже во времена Великой французской революции 1789 года.

Почему же так происходит? Да прежде всего оттого, что человек с его инстинктами и рефлексамии менее приспособлен к условиям большого города, чем сельскому образу жизни. Город — явление сравнительно недавнее в истории человечества, особенно современный индустриальный город. Люди в течение тысячелетий адаптировались к деревенской среде обитания, а не к городской. Перенесенный, однако, волею истории со всем своим багажом старых инстинктов в город, человек ощущает себя лежащим на "кровати из гвоздей", к которой его рефлекторная система отнюдь не приспособлена. Возьмем, к примеру, громадные массы городского пролетариата.

Каковы условия их жизни? Работа в закрытых пространствах, господство бездушных машин из стали... Ужасающий шум и грохот... Одна и та же работа повторяется изо дня в день, механическая, монотонная, не дающая ничего ни сердцу, ни мозгу. Где и когда людские инстинкты адаптировались к подобным условиям, и могут ли вообще люди найти в такой работе удовлетворение? Естественно нет. В таких условиях не находят выхода ни импульсы творчества, новаторства, ни стремление к смене обстоятельств, ни любовь к перемещениям и т. п.

Добавьте к этому и тот факт, что пролетариат не имеет никакой собственности. А кроме того, в городах наряду с подавлением всех инстинктов взору пролетариата, с одной стороны, открыт мир плутократии, с другой — пучина бедности¹. Следует ли удивляться, что пролетарии умственного и физического труда всегда недовольны и извечно склонны к революционности².

Все изложенное можно расценивать в качестве дополнительного подтверждения нашей теоремы о генезисе революций. Из всего сказанного можно заключить, что теорема установлена и доказана.

Дезорганизация власти и социального контроля. Кроме универсального подавления базовых инстинктов человека существует еще одно немаловажное условие, необходимое для продуцирования революционного взрыва. Это — недостаточное и недейственное сопротивление революционному подъему репрессированных масс. Под недостаточностью и недейственностью я подразумеваю неспособность властей и властвующей элиты: а) разработать контрмеры против давления репрессированных инстинктов, достаточных для достижения состояния социального равновесия; б) удалить или, по крайней мере, ослабить условия,

¹ *Hayes E. Introduction to the Study of Sociology. P. 63.*

² Репрессирующее воздействие городской среды и слабая адаптивность к ней людей просматривается и на ряде других процессов: ускорение биологического старения организма, чрезвычайно высокий процент преступлений, мертворождений, самоубийств, да и вообще высокий уровень смертности. См. об этом: *Mayer. Moralstatistik. 1917. S. 108—109, 139, 274, 332—333, 504—505, 727—729.*

продуцирующие "репрессии"; в) расщепить и разделить репрессированную массу на группы, настроив их друг против друга (*divide et impera*^{1*}), в целях их взаимного ослабления; г) направить "выход" подавленных импульсов в иное, нереволуционное русло.

Как уже не раз отмечалось, человек может быть доведен до крайнего голода, но если к его виску приставлен револьвер, то он и не притронется к стоящим перед ним кушаньям. Импульс, продиктованный голодом, будет подавлен, пусть даже если индивид находится на краю голодной смерти. В этом же духе можно рассуждать и о людях с другими подавленными инстинктами. В каждом обществе в любой период его развития мы обнаружим более или менее сильную "репрессию" инстинктов значительной части населения. И если эта репрессия не приводит к катаклизмам или мятежам, то лишь по причине сопротивления со стороны властей и привилегированных групп населения. В самом деле, нам хорошо известны периоды в истории, когда подавление инстинктов населения было крайне сильным, но оно вовсе не привело к революционным взрывам, а лишь... к вымиранию одной части населения и рабству другой. Причина тому — чрезвычайно сильный и действенный государственный контроль. Захваты, оккупации, аннексии могут послужить в данном случае в качестве примеров.

Вспомним о Бельгии и части Франции, оккупированных Германией в годы мировой войны; о Рурском бассейне, захваченном Францией и Бельгией в 1923 году; о России, поработанной бандой интернациональных негодяев, которых начиная с 1921—1922 годов ненавидят не меньше, чем, скажем, германцев в Бельгии и Франции, или как сейчас ненавидят французы и бельгийцы в Руре. Но вопреки этому оккупанты оказываются способными предотвратить потенциальный революционный взрыв².

Иными словами, для революционного взрыва мало одних подавленных инстинктов, необходимо еще и отсутствие мощного, эффективного сопротивления властей и правящих кругов. Мы наблюдаем нечто подобное в дореволюционные эпохи? Без сомнения.

Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уж о силовом сопротивлении революции. Не способны они и на разделение и ослабление оппозиции, сокращение репрессий или организацию "выхода" репрессированных импульсов в нереволуционное русло. Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны — распушенности, коррупции, безнравственной изоэтрности и т. д. Безмозглость, безволие, бесхитрость. "В стране нет рулевого. Где же он?.. Может, он уснул?.. Правитель утратил свою силу и долее уже не поддержка нам" — таковы комментарии Ипувера о слабости власти фараона накануне и во время египетской революции эпохи Среднего Царства.

В Древнем Риме накануне и во время движения братьев Гракхов (II в. до н. э.) мы видим подобное вырождение власти: вместо мудрых, энергичных и властных *patres conscripti*^{3*} — дегенеративный сенат, льстивый, подбострастный и раболепствующий перед толпой и ее

¹ * разделяй и властвуй (*лат.*).

² Об исторической роли наказания и сдерживания в виде услуг см. мою книгу "Преступление и кары" (Спб., 1914).

³ * сенаторы (*лат.*).

лидерами. Т. Моммзен так описывает этот период: "Никто более не желал жертвовать ни своим достоянием, ни жизнью во имя блага родины. Вместо героев — тусы; вместо добрых сенаторов — гнилая охлократия; вместо неумолимых воинов и правителей — трусливая и аморальная аристократия толпы".

Во Франции накануне Жакерии и революции конца XIV века наступает период царствования Иоанна II, правителя крайне бездарного, бесталанного вояки, окруженного такими же нулями, как и он сам.

В Англии Карл I и его правительство в равной степени было не способно следовать одной определенно строгой политической линии; успеха же они добивались лишь на поприще раздражения людей своими вечными шараханиями и истерическими взрывами деспотизма. Правительство то арестовывало членов оппозиции, то выпускало их на волю. Ввязавшись в войну, они не знали, как ее вести. Они не способны были даже оказать протекцию своим фаворитам, таким, как Букингем, Стаффорд, Вильям Лод и др. "Не ощущалось ни твердости целей, ни властной руки", — пишет Гизо.

В дополнение к этому — мотовство королевского двора, расшвыривание денег, создание синекур для своих фаворитов. Пенсии со времен королевы Елизаветы с 18 тысяч фунтов выросли до 120 тысяч. Расходы на содержание королевского семейства выросли почти вдвое, достигнув суммы 80 тысяч фунтов. И все это шло вперемешку с перманентным подавлением рефлексов людей¹.

Воистину только самое некомпетентное правительство может столь успешно возбуждать народ против себя самого и оказаться столь неповоротливым, столкнувшись с результирующими беспорядками.

Положение дел с французской аристократией и правительством Людовика XIV накануне революции печально известно... Аристократия была совершенно не способна сопротивляться и не сделала никаких необходимых уступок. Ришелье систематически ослаблял горделивый нрав аристократии; Людовик XVI продолжил его дело. Пребывая в эпикурейской похоти, бессловесная и изнеженная аристократия была совершенно бессильной. Скандальное и безнравственное поведение, дань моде и бессмысленному либерализму, утраченная вера в свои собственные права, паразитический образ жизни и полное непонимание ситуации — вот характерные черты французского нобилитета. Даже в 1789—1790 годах "аристократия продолжала улыбаться", не понимая, что началась революция.

За долгие столетия до того французская аристократия успешно выполняла важные социальные функции, которые достались их предкам лишь как привилегии. Такое положение дел не могло долго сохраняться².

Король может быть, конечно, человеком благородным, добросердечным и веселым. Но вспомним мудрые слова Наполеона: "Если люди говорят, что король мил, то это значит, что он дрянной правитель".

¹ Ш. Гизо замечает, что "тирания Карла была если не самой жестокой, то, по крайней мере, самой несправедливой из всех царствований в Англии".

² И. Тэн в своей книге "Происхождение современной Франции" (С. 8, 552—553) верно подмечает: "Какой бы ни был общественный институт, но если современники обзревают его в течение сорока поколений, то их не следует расценивать как плохих судей. И если они доверяют ему свою волю и собственность, то делают это исключительно пропорционально его достоинствам. Не нужно ждать от человека благодарности за ничто, за ошибку или восхваления необоснованных привилегий без должных на то причин. Человек эгоистичен и слишком завистлив ко всему такому".

Людовик XVI не ведал, как повести себя, он не знал даже, о чем помыслить в сложившейся ситуации. Его правительство, возможно, и было честнее всех остальных, но при этом оно было правительством кризиса. В средние века короли династии Капетингов считались "защитниками народа", хотя на самом деле не были таковыми. Но если король больше уже не верховный командующий армией, не высший судья, не защитник городских коммун, то кто же он?

А рядом с ним — Мария Антуанетта и весь "лакированный" свет, блестяще знакомый с Вольтером и Руссо, но безвольный, неэнергичный и не желающий вникать в суть обстановки. Беспомощность власти проявилась и в начале революции — 6 мая 1789 года — при открытии Генеральных Штатов, да и во многих других событиях революции. Попервоначально правительство еще пыталось притормозить разворачивающуюся драму революции, но вскоре бросило это дело, своей бездарностью лишь дополнительно раздражая народ. То же самое произошло и во взаимоотношениях с армией. Короче, так длилось до самой казни короля. "Дожди шли с первого дня". Людовик XVI весной и летом 1789 года все еще полагал, что он король, хотя далеко уже не был таковым. Он был лишен власти и славы.

А разве то же самое не повторилось в русской революции? Император Николай был буквальной копией Людовика; императрица Александра Федоровна — копией Марии Антуанетты. А придворные? Разве дряхлый Горемыкин, некомпетентный Штюрмер, сумасшедший Протопопов и ненормальный Вырубов и многие другие не были скопированы с придворного круга Людовика XVI? Ни одного министра здравомыслящего и властного. Перед нашими глазами — целая галерея физических и психических импотентов, бесталанных правителей, женственных и циничных карликов¹.

Простого сопоставления этой картины с той, что наблюдалась тридцать лет до этого, в правление императора Александра III, достаточно, чтобы увидеть, к каким катастрофическим результатам приводит дегенерация власти и правящих кругов.

Что же происходит при этом с аристократией? В былые времена, подобно французской знати, она успешно выполняла важные функции администрирования, суда, защиты отечества, то есть когда она целиком была поглощена государственными делами. Тогда ее привилегии были обоснованными. Но к концу XVIII века, после издания указа о вольности дворянства при сохранении всех привилегий, начался процесс вырождения. Потихоньку класс превращался в социального паразита, а его претензии — в необоснованные злоупотребления. Подавляющее большинство дворян попросту растрчивали богатства, накопленные их предками, время от времени выкачивая дополнительные средства из государственной казны. Когда же на миг возрастала активность дворянства, как было, к примеру, в 1905 году, ее порождала не столько забота о благополучии страны, сколько примитивно хищнические аппетиты.

Вот почему не следует удивляться приговору истории, вынесенному русской аристократии, и пределу, который был положен этому наросту на теле России. Не удивляет нас также и полное отсутствие энергии класса в самозащите, в обороне старого режима и его сердцевины — самодержца. Гибель русской аристократии произошла безо всякого героизма. Нечто подобное можно наблюдать и на примере других революций. Все они подтверждают нашу догадку относительно второй

¹ Воспоминания императрицы Александры Федоровны, Витте и многих других демонстрируют нам грандиозную картину ничтожности и вырождения.

причины революций — вырождение элиты общества. История "терпит" хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, пока они хотят и знают, как управлять государством. Несмотря на все негативные стороны их правления, они полезны обществу.

Но бессильные и "добрые", бессмысленные и паразитические, высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит.

Вырождение власти правящих классов, если их положение исключительно и кастообразно, рано или поздно становится неизбежным. Вызвано это действием биологических и социальных факторов¹.

Отпрыски талантливых правителей, как, к примеру, потомки русского и французского нобилитета, совершенно не похожи на своих отдаленных предков и, вместо того чтобы быть правителями "божией милостью", становятся, вследствие полного отсутствия управленческого таланта, "рабами от рождения".

Подобное вырождение всегда очень опасно для любого общества; в периоды кризиса оно предвещает катастрофу. Общее состояние дел в такие моменты усложняется еще и тем, что все тот же социальный процесс действует и в обратном направлении, то есть среди отпрысков угнетаемой части населения. Их дети иногда рождаются с качествами "прирожденных правителей".

Если "механизм социального распределения" работает совершенно и размещает первых в подчинительное положение, уступая позиции лидерам вторых, то из этого не следует никакого общественного ущерба. Принцип, столь необходимый процветающему обществу, гласит: "Каждому по его способностям (особенно врожденным)". В данном случае он не будет нарушен. Но, увы! До сих пор еще ни одному обществу не удалось продемонстрировать свою способность к подобной циркуляции членов. Множество обстоятельств способствуют тому, что "полноправные правители" остаются у вершин власти, занимая те же позиции, что и их предки. То же распределение сохраняется и среди "головастиков" низших классов. Общественный баланс, таким образом, нарушается обоюдоостро.

Когда аристократия сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры не нужны для защиты ее от посягательства со стороны "выскочек". Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах ощущается такая же острая необходимость, как костыль инвалиду, что, собственно, и происходит в истории. В периоды застоя в дореволюционные эпохи вырожденцы правящего класса прибегают исключительно к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду "головастиков" из низов и для монополизации всех высоких общественных позиций. Нечто подобное произошло в Древнем Риме, когда в середине II века до н. э. был принят закон о закрытии всех высших постов в стране для инородцев.

Исследование циркуляции элиты во Франции показывает, что начиная с XVII—XVIII веков проникновение "головастиков" из нижних слоев общества в высшие страты сопровождалось громадными трудностями преодоления многих барьеров протекционизма, с помощью которых вырождающийся правящий класс пытался сохранить свои монопольные позиции в обществе².

Нечто подобное мы наблюдаем и в истории Англии, когда накануне английской революции аристократы во главе с королем пытались

¹ О действии этих факторов см. мою "Систему социологии". Т. 2.

² Kolabinska M. La circulation des elites en France. Lausanne, 1912.

прекратить продвижение из нижних слоев общества наверх. Особенно это касалось представителей среднего класса, к тому времени достаточно окрепшего. Более того, предпринимались попытки столкнуть их еще "ниже", лишая их ранее принадлежащего права соучастия в правительстве.

То же происходило и с российским обществом накануне революции 1905 года, когда вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии талантливым "самородкам", "самоучкам" из других слоев, не желая урезывать себя в правах и готовый отвергнуть любых талантливых "пришельцев", таких, к примеру, как Витте¹.

Нетрудно понять, что благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются "бездарные правители", а "головастики" у основания пирамиды власти становятся все больше и больше.

Давление, которое оказывают первые, возводя все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, равно как и чувство "подавленности" внизу. Рано или поздно эти барьеры должны быть разрушены. Кризис общества лишь ускоряет этот процесс. Когда же наступает революционный взрыв, то все барьеры и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом. Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виновен, а кто нет. В мгновение ока "привилегированные" оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих "социальных подвалов". В "сите" селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникнуть все индивиды безо всякой дискриминации. Но на второй стадии революция устраняет свои же собственные ошибки, воздвигая новое "сито", и циркуляция обретает обратное движение. Именно так, а не иначе развивались все революции.

"Головастики", достигшие вершин, сливаются с "остатками" неразложившейся аристократии, перегруппируя тем самым весь социальный организм. Со временем после "операции" весь общественный агрегат может вполне успешно функционировать до тех пор, пока не накопятся новые "репрессии", "паразитизм" и "разложение", которые приведут к новому революционному взрыву. Но если "головастики" у основания общественного конуса недостаточно или они отсутствуют вовсе, то есть нет реальной замены выродившейся власти, тогда все общество вновь погрузится в глубокую депрессию. В истории Рима это происходило не раз. История понуждала знать к постоянному поиску "головастиков" среди вольноотпущенников, плебеев, рабов, варваров. Увы! все их попытки были тщетными. Но вот и этот источник был исчерпан — то было смертным предвестием гибели западной Римской империи. Таков круговорот истории. Таким был он до Ноя, таким остается и сейчас.

Основные причины, порождающие вторую стадию революции. Из всего того, что было сказано, со всей очевидностью явствует, что вторая стадия революции — контрреволюция — логически вытекает из первой стадии.

Если главная причина первой стадии заключена в "репрессии" базовых инстинктов масс, то можно быть уверенным, что и вторая стадия вызывается к жизни той же причиной.

Как мы видели ранее, первая стадия всякой глубинной революции не устраняет самого факта подавления, а, напротив, лишь усиливает

¹ С. Ю. Витте — известный русский государственный деятель; выходец из семьи крупного чиновника, дослужился до титула графа; не раз подвергался опале.

его. Поведение масс, управляемое ныне только элементарными безусловными рефлексами, становится неуправляемым: одни безусловные рефлексы подавляются другими, одна личность подавляет и управляет другими и т. п. Голод, вместо того чтобы сокращаться, возрастает, в результате пищеварительный инстинкт репрессируется еще сильнее, чем до революции. Безопасность человека становится еще более проблематичной; смертность возрастает катастрофически; повсюду царят преступность, голод, эпидемические заболевания. В итоге рефлекс самосохранения оказывается еще более подавленным. Экспроприации, начавшись с богачей, распространяются на все население, возрастают реквизиции и обложение, которые еще сильнее подавляют собственнический инстинкт. Сексуальная вседозволенность подавляет половой инстинкт. Деспотизм нового правящего класса подавляет инстинкт свободы.

Короче, какой бы группы инстинктов мы ни касались, за редчайшим исключением, во всех наблюдается возрастание репрессий, причем чем значительнее это подавление, тем глубже революционный кризис общества. Во всем этом "примитивном хаосе" — *bellum omnium contra omnes*¹* — происходит всеобщее подавление всех инстинктов. Именно для этих периодов истории, как никогда, приложима теория Гоббса (который, между прочим, развил ее после опыта английской революции), и этими периодами она подтверждается. Люди становятся все менее адаптивными к окружающей среде и взаимным отношениям. Их совокупную оценку всего происходящего можно выразить словами: "Дальше так жить невозможно, нужен порядок, порядок любой ценой".

Люди, обученные непреклонным учителем — голодом, холодом, болезнями, нуждой и смертью, стоят перед дилеммой: погибнуть, продолжать революционный дебош, или все же найти иной выход. Горький и трагический опыт принуждает людей взглянуть на мир по-иному. Многое, что ими воспринималось как "предрассудки", многое, от чего они сами себя "освободили", есть всего лишь комплекс условий, необходимых для комфортной социальной жизни, заложенный в существовании и развитии самого общества.

И вот требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка; хвала "освободителям" от старого режима сменяется восхвалением "освободителей" от революции, иными словами — организаторов порядка. "Порядок!" и "Да здравствуют творцы порядка!" — таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, таковой является сейчас Россия.

Сумасшедший выход энергии во время первой стадии революции имеет, как итог, ускоренное истощение энергетического запаса человеческого организма. А эти запасы вовсе не безграничны. Человек — не перпетуум мобиле. Усталость усиливается вдобавок голодом и нуждой, препятствующими восстановлению затраченной на первой стадии революции энергии. Эта усталость действует изнутри, порождая индивидуальную апатию, индифферентность, массовую вялость. В таком состоянии находятся все люди, и нет ничего проще подчинения их некой энергичной группой людей. И то, что было практически невозможно на первой стадии революции, сейчас осуществляется с легкостью. Население, представляющее собой инертную массу, — удобный материал для

¹ * война всех против всех (лат.).

социальной "формовки" новым "репрессором". Таким образом, именно революция неизбежно создает все условия для возникновения деспотов, тиранов и принуждения масс.

Этих двух причин: продолжающегося подавления инстинктов населения и его бесконечной усталости (я не исключаю влияния и других дополнительных факторов) вполне достаточно, чтобы вызвать контрреволюцию. Почему же тогда осуществляется более или менее полный возврат к прежним социальным структурам, старому порядку и старому режиму? Почему поведение людей, социальная циркуляция в обществе, партийная дифференциация, религиозная, политическая, экономическая и социальная жизнь проходят сквозь эту регрессивную трансформацию?

Нетрудно догадаться. Социальный порядок не случаен, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу. Это — итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни. Каждое стабильное общество, сколь бы несовершенным оно ни казалось с точки зрения "незрелого" радикализма, тем не менее является результатом огромного конденсата национального опыта, опыта реального, а не фиктивного, результата бесчисленных попыток, усилий, экспериментов многих поколений в поисках наиболее приемлемых социальных форм. Только несведущий человек или витающий в облаках фантазер может полагать, что подобный порядок, выстроенный столетиями, представляет собой нечто призрачное, нонсенс, недопонимание, фатальную ошибку.

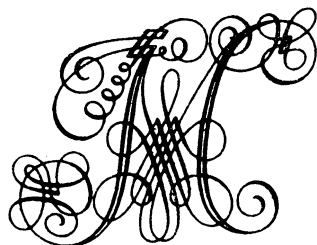
В данной связи можно было бы перефразировать известные слова Ренана следующим образом: "Каждый день функционирования любого социального порядка, по сути, есть плебисцит всех членов общества. И если он продолжает существование, то это значит, что большая часть населения дает свое молчаливое согласие на это". Если в обществе существует именно такой порядок, а не какой-либо иной, то это значит, что при нынешних условиях другой, более абсолютный порядок трудно осуществим... либо ему суждено стать менее совершенным.

Общество, которое не знает, как ему жить, которое не способно развиваться, постепенно реформируясь, а потомуверяющее себя горнилу революции, вынуждено платить за свои грехи смертью доброй части своих членов. И это есть контрибуция, извечно требуемая всемогущим Сувереном.

Уплатив сию дань, если ему не суждено сгинуть, общество вновь обретает возможность жить и развиваться, но уже не благодаря смертоносной вражде, а благодаря возврату к своим истокам, прошлым институтам и традициям, созидательному труду, сотрудничеству, взаимопомощи и единению всех его членов и социальных групп. И если общество способно принять эту единственную возможность развития, то революция приходит к своему логическому концу, полностью сходит на нет и разрушается.

Таково разрешение дилеммы историей.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

Геометрическое и социальное пространство

Выражения типа "высшие и низшие классы", "продвижение по социальной лестнице", "Н. Н. успешно продвигается по социальной лестнице", "его социальное положение очень высоко", "они очень близки по своему социальному положению", "существует большая социальная дистанция" и т. п. довольно часто используются как в повседневных суждениях, так и в экономических, политологических и социологических трудах. Все эти выражения указывают на существование того, что можно обозначить термином *социальное пространство*. Тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству, систематизировать соответствующие понятия. Насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница, Вайгеля и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным¹.

Предметом данной работы является социальная мобильность, то есть явление перемещения индивида внутри социального пространства. В связи с этим представляется необходимым очень точно обрисовать суть того, что я подразумеваю под социальным пространством и его производными. Во-первых, *социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического*. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой — в Китае), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение. Так, положение президента Гардинга в геометрическом пространстве резко изменилось, когда он переместился из Вашингтона на Аляску,

¹ См.: *Сорокин П. А.* Система социологии. Пг., 1920. Т. 2; *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Варшава, 1910. Т. 1; Киев, 1917. Т. 2; *Ratzel F.* Politische Geographie. В., 1903; *Simmel G.* Sociologie. München, 1908; *Park R. E.* The Concept of Social Distance // Journal of Applied Sociology. Vol. 8. N 6; *Wiese L. von.* Allgemeine Soziologie. München, 1924; *Durkheim E.* Les formes élémentaire de la vie religieuse. P., 1912.

тогда как его социальное положение осталось тем же, что и в Вашингтоне. Людовик XVI в Версале и Николай II в Царском Селе оставались в том же геометрическом пространстве, хотя их социальное положение в один момент круто переменялось.

Приведенные соображения свидетельствуют, что социальное и геометрическое пространство в корне отличны друг от друга. То же можно сказать и о производных от этих двух понятий, таких, как "геометрическая и социальная дистанция", "подъем в геометрическом и в социальном пространстве", "перемещение из одного положения в другое в геометрическом и социальном пространстве" и т. д.

Для того чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой "вселенной", в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта относительно других, выбранных за "точки отсчета". Как только такие ориентиры установлены (будь то Солнце, Луна, Гринвичский меридиан, оси абсцисс и ординат), мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических тел, сначала относительно этих точек, а затем — относительно друг друга.

Подобным же образом *социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли*. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, *определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие "точки отсчета"*. Сам же выбор "точек отсчета" зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп. Когда мы говорим, что "мистер Н.-младший — сын мистера Н.-старшего", мы стремимся определить положение этого мистера Н. в человеческой вселенной. Ясно, однако, что такое местоположение очень неопределенно и несовершенно, поскольку в расчет принимается только одна из координат — семейное родство — в сложной социальной вселенной. Данный способ столь же несовершенно, как и определение геометрического положения с помощью фразы: "Дерево расположено в двух милях от холма". Чтобы такое местоположение нас удовлетворило, мы должны знать, где находится этот холм — в Европе ли или на другом континенте Земли; в какой части континента; на какой широте и долготе. Необходимо также знать, находится ли это дерево в двух милях к северу, югу, западу или востоку от холма. Короче говоря, определение более или менее удовлетворительного геометрического положения требует учета целой системы пространственных координат геометрической вселенной. То же относится и к определению "социального положения" индивида.

Простого указания степени родства одного человека по отношению к другому явно недостаточно. Указание его отношений к десятку или сотне людей дает уже больше, но все еще не может определить положения человека во всей социальной вселенной. Это было бы сходным с определением местоположения объекта в геометрическом пространстве путем детального указания положения различных объектов вокруг

него, но без указания широты и долготы этих объектов. На нашей планете живет более полутора миллиардов людей. Указание на отношение человека к нескольким десяткам людей, в особенности если люди эти недостаточно известны, может не дать ничего. Помимо этого данный метод очень сложен и требует немало времени. Поэтому социальная практика уже выработала другой, более надежный и простой метод, сходный с системой координат, используемый для определения геометрического положения объекта в геометрическом пространстве. Составные части данного метода таковы: 1) *указание отношений человека к определенным группам*; 2) *отношение этих групп друг к другу внутри популяции*; 3) *отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество*.

Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т. д. Только так можно точно определить его социальное положение. Но и это еще не все. Поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени. Перефразируя древнюю поговорку, можно сказать: "Скажи мне, к каким социальным группам ты принадлежишь и каковы твои функции в пределах каждой из этих групп, то я скажу, каково твое социальное положение в обществе и кто ты в социальном плане". При знакомстве двух людей обычно используется именно этот метод: "Мистер А. (фамильная группа), профессор (группа рода занятий), из Германии, убежденный демократ, видный протестант, ранее был послом в..." и т. п. Это и подобные ему формы самопредставления людей при знакомстве являются полными или неполными указаниями на группы, к которым принадлежит человек. Биография любого человека по своей сути есть в основном описание групп, с которыми связан человек, а также его место в рамках каждой из них. Такой метод не всегда дает нам информацию о росте человека, цвете его волос, "интроверт ли он или экстраверт", но все это, хотя может иметь первостепенное значение для биолога или психолога, для социолога же представляет относительно малую ценность. Такая информация не имеет непосредственного значения для определения социального положения человека.

Итак, резюмируем: 1) *социальное пространство — это народонаселение Земли*; 2) *социальное положение — это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами*; 3) *положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей*; 4) *совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида*.

Отсюда следует, что люди, принадлежащие к одинаковым социальным группам и выполняющие практически идентичную функцию в пределах каждой из этих групп, находятся в одинаковом социальном положении. Те же, у кого наблюдаются некие отличия, находятся в разном социальном положении. Чем больше сходства в положении

различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Наоборот, чем значительнее и существеннее различия, тем больше социальная дистанция между ними¹.

Горизонтальные и вертикальные параметры социального пространства

Евклидово геометрическое пространство — трехмерное. Социальное же пространство — многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *suū generis*^{2*} и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры. Дабы определить место некоего индивида в системе населения США, которое явно более дифференцировано, чем, скажем, аборигенное население Австралии, необходимо прибегнуть к более сложной системе социальных координат, апеллируя к большему числу групп, на которые повязан индивид.

Для упрощения задачи, однако, возможно сокращение числа параметров до двух основных классов, при условии разделения каждого класса на несколько подклассов. *Эти два основных класса можно определить как вертикальный и горизонтальный параметр социальной вселенной.* На то существуют следующие причины. Нетрудно найти несколько индивидов, принадлежащих к одним и тем же социальным группам (например, все они могут быть римскими католиками, республиканцами, занятыми в автомобилестроении, с итальянским языком в качестве родного, гражданами США и т. д.), и тем не менее по "вертикали" их социальное положение может быть совершенно различным. Внутри группы римских католиков один из них может быть епископом, тогда как другие — всего лишь рядовыми прихожанами. Внутри группы республиканцев один может занимать крупный пост в партии, другие же — рядовые избиратели. Один может быть президентом автомобильного концерна, другие — рядовыми тружениками. И если по горизонтали их социальное положение кажется идентичным, то по вертикали наблюдается существенная разница. Для описания этих различий одних горизонтальных параметров

¹ Эта концепция социальной дистанции совершенно отлична от взглядов Р. Парка и Э. Богардуса. Их представления скорее психологические, чем социологические: люди, испытывающие симпатию друг к другу, — социально близки; лица же, испытывающие скорее взаимную ненависть, — социально отдалены. Нет сомнения, что исследования психологии симпатий-антипатий чрезвычайно важны. Однако мне представляется, что подобный подход к проблеме социальной дистанции не является чисто социологическим. Хозяин и раб, король и нищий могут вполне симпатизировать друг другу. Но выводить из этого, что их социальные позиции близки или что социальная дистанция между ними невелика, было бы заблуждением. Итальянские аристократические фамилии Орсини и Колонна в XV в., как известно, враждовали, хотя их социальное положение тем не менее было идентичным. Из всего этого явствует, что моя интерпретация социального пространства и социальной дистанции объективна (ибо группы существуют объективно) и социологична, в то время как концепция Парка и Богардуса — сугубо психологическая и субъективная (по крайней мере постольку, поскольку они измеряют социальную дистанцию через субъективные чувства "любви" и "ненависти"). Детальнее об этом см. мою книгу "Система социологии", т. 2.

² * особого рода (*лат.*).

и присущей им системы координат будет явно не доставать. То же можно сказать и о положении командующего армией и солдата, ректора и рядового служащего университета. Не учитывать такие взаимосвязи по вертикали невозможно. Именно с этими различиями теснейшим образом связаны наши обыденные представления о социальном положении. Мы часто пользуемся такими выражениями, как "подниматься по социальной лестнице", "опуститься по социальной лестнице", "высшие и низшие классы", "быть наверху социальной пирамиды", "опуститься на дно общества", "социальные ранги и иерархии", "социальная стратификация", "дифференциация по горизонтали и вертикали" и т. д. Взаимосвязи как индивидов, так и групп могут находиться либо на одном горизонтальном уровне, либо стоять на разных ступенях иерархической лестницы. Перемещение из группы в группу может быть не связано с подъемом или спуском по социальной лестнице, но может быть и обусловлено вертикальными перемещениями. Продвижение по социальной лестнице вверх принято считать социальным восхождением, а перемещение вниз — социальным спуском. Такое обыденное знание можно с успехом использовать и в научных целях. По причине своей доступности это знание помогает надлежащим образом ориентироваться в сложной социальной вселенной. Разграничение вертикальных и горизонтальных параметров отражает явления, действительно существующие в социальной вселенной: иерархии, ранги, доминирование и субординация, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе. Все эти явления и соответствующие им взаимозависимости представлены в виде стратификации и суперпозиции. Для описания таких связей необходимы и удобны вертикальные параметры. С другой стороны, взаимосвязи, свободные от таких элементов, можно описать в горизонтальных параметрах. Короче говоря, под углом зрения социальной технологии, а также с точки зрения природы социальной вселенной не существует причин, препятствующих социологу прибегать к вышеописанному, обыденному разграничению двух основных параметров социальной вселенной.

В дальнейшем речь пойдет собственно о социальных явлениях в их вертикальном измерении. Нам предстоит изучить высоту и профиль социальных структур, их дифференциацию по социальным слоям, перемещения населения по вертикали. Короче, речь пойдет о социальной стратификации и вертикальной социальной мобильности. Если мы и коснемся горизонтальной структуры социальных тел¹, то только между прочим. Поэтому, исходя из предмета исследования, мы вынуждены будем прибегать к таким объектам, как "верхние и нижние социальные страты", "люди, находящиеся социально ниже или выше других" и т. п. Во избежание недопонимания я должен подчеркнуть, что данная терминология вовсе не означает какой-либо моей субъективной оценки, она лишь описывает формальное местоположение людей внутри различных социальных слоев. Возможно, конечно, что представители верхних слоев в действительности лучше представителей нижних слоев; возможно и наоборот. Дело читателя выносить свой вердикт. Для меня же эти термины — всего лишь удобный инструмент для анализа и описания соответствующих явлений и фактических взаимозависимостей между ними. Задачей любого исследования является определение взаимоотношений изучаемых явлений как таковых. Оценочная функция полностью выходит за рамки сугубо научного исследования. Так вот, во избежание недопонимания этот факт следует постоянно иметь в виду.

¹ Два тома моей "Системы социологии" посвящены анализу горизонтальной дифференциации народонаселения. Там же дано разграничение социальных групп на а) простые и б) куммулятивные, позволяющее анализировать структуру населения под углом зрения такой классификации.

Думается, сказанного достаточно для описания общей концепции социального пространства и его параметров. Перейдем теперь к более детальному описанию исследуемых объектов.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

1. Понятия и определения

Социальная стратификация — это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием *экономического расслоения* независимо от того, организовано ли оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как "общество равных" или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения¹. Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа *политически дифференцирована*, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации. Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду их деятельности, занятиям, а некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на

¹ *Методологическая ремарка.* Если некая картина, изображающая дерево, имеет подпись "Рыба", то только лишь психически ненормальный человек может утверждать, что "это картина рыбы". К несчастью, в социальных науках подобных "ненормальных" суждений все еще множество. Исследователи все еще не осознали полностью, что существует большая разница между вывеской и действительностью, словами и поведением людей. И если в конституции написано, что "все люди равны", то они склонны считать, что так оно и есть в действительности. По этим же причинам многие продолжают считать, что периоды революций были периодами прогресса. Еще за несколько столетий до всех этих "мыслителей" П. Бейль писал: "Суждения людей не есть руководство к действию, и люди чаще не следуют им". Согласно такой интерпретационной модели, христианин лишь тот, кто подставит левую щеку, когда его ударяют по правой. Хотелось бы мне воочию увидеть таких христиан. Можно привести бесконечное число примеров, как между действиями людей и словами возникают существенные противоречия. И в этом, пожалуй, одна из причин того, что при описании социальных феноменов нельзя полагаться на "лейблы", вывески, слова. Вторая причина заключается в том, что противоречие это крайне распространенное. В-третьих, в большинстве случаев речевые реакции людей — "лишь часть более существенных реакций". В этом смысле придавать словам и вывескам исключительное значение означает поступать ненаучно, хотя так и действуют многие исследователи. Вот почему я не доверяю вывеске во всех тех случаях, когда изображено "дерево", а не "рыба". См. об этом: *Bayle P. Pensées diverses ... à l'occasion de la comète.* P., 1704. P. 266, 272—273, 361—362; *Бехмецев В.* Общие основы рефлексологии. Пг., 1918. С. 15 и сл.; *Sorokin P. Sociology of Revolution.* Philadelphia, 1925. Ch. 4; и в особенности: *Paréto V. Traité de sociologie générale.* P., 1919. Vol. 1. Ch. 3.

руководителей различного ранга и на подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им их руководящие должности по наследству или благодаря их личным качествам.

2. Основные формы социальной стратификации и взаимоотношения между ними

Конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот. Представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Неимущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии. Таково общее правило, хотя существует и немало исключений. Так, к примеру, самые богатые далеко не всегда находятся у вершины политической или профессиональной пирамиды, также и не во всех случаях бедняки занимают самые низкие места в политической и профессиональной иерархии. А это значит, что взаимозависимость трех форм социальной стратификации далека от совершенства, ибо различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени. Этот факт не позволяет нам проанализировать все три основные формы социальной стратификации совместно. Для большего педантизма необходимо подвергнуть анализу каждую из форм в отдельности¹.

¹ По этой причине я не употребляю термина "социальный класс" в его широком смысле, а предпочитаю говорить об экономических, политических и профессиональных стратах и классах. Наилучшее из возможных дефиниций социального класса следующая: общность людей, располагающих близкими позициями в отношении экономических, политических и профессиональных статусов. Вполне приемлемое для широкого пользования, это определение становится неудовлетворительным при исследованиях социальной стратификации, особенно для выявления исключительных случаев. Все остальные трактовки социального класса суть не что иное, как гипертрофированное подчеркивание той или иной формы социальной стратификации под вывеской "социальный класс". Платон, Агриппа, Саллюстий, Вольтер, Гизо, Годвин, Бернштейн и многие другие выделяют два социальных класса: "бедных" и "богатых". Это значит, что они берут экономическую стратификацию и ошибочно генерализируют, считая ее единственной формой социальной стратификации. Гельвеций, Сен-Симон, Бауер, Блондель и другие различают доминирующий (или аристократический, или привилегированный, или эксплуататорский) и подчинительный (или эксплуатируемый, или угнетаемый) классы. Иными словами, под социальным классом они понимают то, что я именую политической стратификацией. Третья группа авторов, среди которых Тюрго, Бюхер, Шмоллер, Тауссиг и другие, за основу выделения классов берут профессиональную стратификацию. Наконец, четвертая группа мыслителей, таких, как К. Маркс, А. Смит, К. Каутский, для характеристики социального класса прибегает к сочетанию всех трех форм, хотя и их дефиниции носят локально-темпоральный характер и не могут быть использованы для всех времен и народов. Подробнее критику теорий социального класса см.: *Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. С. 286—306*; см. также: *Солнцев С. Общественные классы. Томск, 1917*; *Bauer A. Les classes sociales. P., 1902*; *Schmoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. B., 1923. Vol. 1. S. 428—456; Vol. 2. S. 562—647*.

Реальная картина социальной стратификации любого общества очень сложна и путанна. Чтобы облегчить процесс анализа, следует учитывать только основные, самые главные свойства, в целях упрощения опуская детали, не искажающие при этом общей картины. Так делалось в любой науке; так следует поступать и в нашем случае, если учесть всю сложность и малоизученность данной проблемы. Латинская максима: *minima non curat praetor*^{1*} — здесь полностью оправдана.

3. Социальная стратификация как постоянная характеристика любой организованной социальной группы

Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована. Не существовало и не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы "плоской" и в которой все ее члены были бы равными. Общества без расслоения, с реальным равенством их членов — миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества. Данное утверждение может показаться отчасти парадоксальным, и все-таки оно верно. Формы и пропорции расслоения могут различаться, но суть его постоянна, если говорить о более или менее постоянных и организованных социальных группах. Это верно не только для человеческого общества, но даже и для растительного и животного миров. Приведем основные доводы.

Растительный и животный мир. Если можно использовать понятия гуманитарной социологии при рассмотрении мира животных и растений, то и здесь мы обнаружим существование социального расслоения. Так, в растительном мире существуют различные "социальные" классы, явления паразитизма и эксплуатации, доминирования и подавления, различные уровни жизни в "экономическом" смысле (по количеству поглощаемого воздуха, света, влаги, по плодородию почвы) и т. п. Конечно же все это можно лишь грубо отождествлять с феноменом социального расслоения в человеческом обществе. И тем не менее такие явления ясно свидетельствуют, что растительное "сообщество" не есть сообщество абсолютно "равных", с одинаковым положением и одинаковыми взаимосвязями внутри него.

С еще большим основанием то же можно сказать о мире животных, где социальное расслоение находит выражение: а) в существовании различных, строго разграниченных классов у пчел, муравьев и других насекомых; б) в наличии вожаков у стадных млекопитающих; в) в известных фактах паразитизма, эксплуатации, доминирования, подчинения и т. п. Короче говоря, в животном мире нет сообществ, где не существовало бы расслоение.

Человеческие племена до создания письменности. За исключением, пожалуй, отдельных случаев, когда представители того или иного племени живут изолированно, когда нет еще постоянного общественного образа жизни и социального взаимодействия, когда поэтому отсутствует какая-либо социальная организация в истинном смысле этого понятия, как только появляются зачатки такой организации, то мгновенно в примитивных социальных группах зарождаются черты расслоения. Оно выражено в различных формах. Во-первых, в делении на группы по полу и возрасту с различными привилегиями и обязанностями каждой группы. Во-вторых, в наличии привилегированной и влиятельной группы вождей племени. В-третьих, в наличии самого влиятельного и уважаемого вождя. В-четвертых, в существовании отверженных, живущих "вне

¹ * младшие не командуют над военачальником (лат.).

закона". В-пятых, в существовании разделения труда как внутри племени, так и между племенами. В-шестых, в различных уровнях жизни, а через это в наличии экономического неравенства вообще. Традиционные представления о первобытных группах как своего рода коммунистических обществах, не имевших частной собственности и не занимавшихся коммерцией, не знавших ни экономического неравенства, ни передачи нажитого по наследству, — такое представление далеко от истины. "Первобытная экономика (Urwirtschaft) не есть хозяйствование отдельных индивидов, занятых поисками средств пропитания, как полагал К. Бюхер, и не экономика коммунизма или коллективного производства. В действительности они представляли собой экономическую группу, состоящую из взаимозависимых и экономически активных индивидов, а также из более мелких подгрупп, имевших налаженную торговлю и осуществлявших бартерный товарообмен друг с другом"¹. И если во многих племенах экономическая дифференциация едва заметна, а обычной взаимной помощью близок коммунистическому, то это возможно лишь по причине общей бедности данной группы. Эти факты свидетельствуют, что первобытные группы тоже были стратифицированными².

Развитые общества и группы. Если даже в первобытнообщинной древности невозможно найти общества без расслоения, то тем более бесполезны попытки отыскать его в более поздние эпохи развитых и сложных цивилизаций. Здесь факты расслоения становятся уже всеобщими, без единого исключения. Различаются, правда, его формы и пропорции, но расслоение существовало повсюду и во все времена. Среди всех аграрных и в особенности индустриальных обществ социальная стратификация становится ясной и заметной. Не составляют исключения из правила и все современные демократии. Хотя в их конституциях и записано, что "все люди равны", только совершенно наивный человек может предположить отсутствие в них социальной стратификации. Достаточно вспомнить ступени градации от Генри Форда до нищего, от президента США до полицейского, от директора до рабочего, от ректора университета до уборщицы, от доктора права или философии до бакалавра гуманитарных наук, от ведущего авторитета до простого обывателя, от командующего армией до солдата, от президента совета директоров корпорации до простого сотрудника, от главного редактора газеты до простого репортера. Достаточно упомянуть эти различные ранги и регалии, чтобы увидеть, что в процветающих демократиях социальная стратификация отнюдь не меньше, чем в недемократических обществах.

Нет нужды подтверждать эти очевидные факты. Что следует

¹ *Somlo F.* Der Güterverkehr in der Urgesellschaft // *Institute of Solvay*. 1909. P. 65—67, 155, 177 и след.; см. также: *Panskow H.* Betrachtungen über das Wirtschaftsleben der Naturvölker // *Zeitschrift für Erdkunde zu Berlin*. 1896. Bd. 31; *Mauvier R.* Vie religieuse et vie économique // *Revue International de Sociologie*. 1907—1908; *Lowie R. H.* Primitive Society. N. Y., 1920. Ch. 9; *Thurnwald R.* Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus. 1923; *Malinowski B.* The Argonauts in the West Pacific // *Economics Journal*. 1921. N 3.

² См.: *Spencer H.* Principles of Sociology. N. Y., 1909. Vol. 2. Pt. V; *Mumford E.* The Origins of Leadership // *American Journal of Sociology*. 1907. Vol. 12; *Descamps P.* Le Pouvoir public chez les sauvages // *Revue International de Sociologie*. 1924. P. 225—261; *Vierkand A.* Führende Individuen bei den Naturvölkern // *Zeitschrift für Socialwissenschaften*. 1908. Bd. 11. S. 542—553, 623—630; *Post A.* Evolution of Law. Boston, 1915; *Schurz H.* Alterklassen und Männerbunde. B., 1902; *Rivers W. H.* Social Organization. N. Y., 1924; *Lowie R. H.* Primitive Society. Ch. 12—13; *Hobhouse L., Wheeler G., Ginsberg M.* The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples. 1915. Ch. 2, 4.

подчеркнуть при этом, так именно сам факт, что не только большие социальные агрегаты, но и любая организованная социальная группа, как только она организовалась, неизбежно до определенной степени самодифференцируется.

"Градации, иерархии, сиятельные лидеры, общественные устремления — все это появляется спонтанно, как только люди собираются вместе, будь то для развлечения, для взаимопомощи, для добровольных акций или ради большего объединения — государства. Говорят, что каждый англичанин любит лорда, а каждый американец — титул"¹.

Семья, церковь, секта, политическая партия, фракция, деловая организация, шайка разбойников, профсоюз, научное общество — короче говоря, любая организованная социальная группа расслаивается из-за своего постоянства и организованности. Даже группы ревностных уравниателей и постоянный провал всех их попыток создать нестратифицированную группу свидетельствуют об опасности и неизбежности стратификации в любой организованной группе. Это замечание может показаться несколько странным для многих людей, кто под влиянием высокопарной фразеологии может поверить, что по крайней мере общества самих уравниателей не стратифицированы. Это мнение, как и многие схожие, ошибочно. Попытки уничтожить социальный феодализм были удачными в смысле смягчения некоторых различий и в изменении конкретных форм стратификации. Им никогда не удавалось уничтожить саму стратификацию. Регулярность, с которой терпели неудачу все эти попытки, еще раз доказывает естественный характер стратификации. Христианство начинало свою историю с попытки создать общество равных, но очень скоро оно уже имело сложную иерархию, а в конце своего пути возвело огромную пирамиду с многочисленными рангами и титулами, начиная со всемогущего папы и кончая находящимся вне закона еретиком. Институт монашества был организован св. Франциском Ассизским на принципах абсолютного равенства; прошло семь лет, и равенство испарилось. Без исключения все попытки самых ревностных уравниателей в истории человечества имели ту же судьбу. Провал русского коммунизма — это только еще один дополнительный пример в длинном ряду схожих экспериментов, осуществляемых в большем или меньшем масштабе иногда мирно, как во многих религиозных сектах, а иногда насильственно, как в социальных революциях прошлого и настоящего. И если на какой-то миг некоторые формы стратификации разрушаются, то они возникают вновь в старом или модифицированном виде и часто создаются руками самих уравниателей².

Настоящие демократии, социалистические, коммунистические, синдикалистские и другие организации со своим лозунгом "равенства" не представляют исключения из правила. В отношении демократий это было показано выше. Внутренняя организация различных социалистических и близких им групп, претендующих на "равенство", показывает, что, возможно, ни одна другая организация не создает такой громоздкой иерархии и "боссизма", которые существуют в этих группах. Социалистические лидеры относятся к массам как к пассивному инструменту в их руках, как к ряду нулей, предназначенных только для того, чтобы увеличивать значение фигуры слева, пишет Э. Фурнье (один из социалистов)³. Если в этом утверждении и есть некоторое преувеличение, то оно незначительно. По крайней мере, лучшие и самые компетентные

¹ *Taussig F. W. Inventors and Money Makers. N. Y., 1915. P. 126.*

² *Sorokin P. Sociology of Revolution. Ch. 12; Leopold L. Prestige. L., 1913. P. 13 ff.*

³ *Fournière E. La Sociocratie. P., 1910. P. 117.*

исследователи единодушны в своих заключениях о громадном развитии олигархии и стратификации внутри всех подобных групп¹.

Громадное потенциальное стремление к неравенству у многочисленных уравнивателей становится сразу заметным, как только они дорываются до власти. В таких случаях они часто демонстрируют большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Это регулярно повторялось в ходе победоносных революций, когда уравниватели становились диктаторами². Классическое описание подобных ситуаций Платоном и Аристотелем, выполненное на основе социальных потрясений в Древней Греции, может быть буквально применено ко всем историческим казусам, включая опыт большевиков³.

Резюмируем: социальная стратификация — это постоянная характеристика любого организованного общества. "Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенства людей"⁴. Феодализм и олигархия продолжают существовать в науке и искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравнивателей — словом, повсюду.

Это, однако, не значит, что социальная стратификация качественно и количественно одинакова во всех обществах и во все времена. По своим конкретным формам, недостаткам и достоинствам она различна. Проблема, которую нужно сейчас обсудить, — это ее качественные и количественные различия. Начнем с количественного аспекта социальной стратификации в ее трех формах: экономической, политической и профессиональной. Под этим разумеется высота и профиль социальной стратификации и, соответственно, высота и профиль всего "социального здания". Какова высота его? Каково расстояние от основания до вершины "социального конуса"? Крутые или пологие его склоны? Все эти вопросы относятся к количественному анализу социальной стратификации, так сказать, фасу архитектуры социального здания. Его внутренняя структура, его цельность — предмет качественного анализа. Прежде следует исследовать высоту и профиль социальной пирамиды, после того мы войдем в пирамиду и произведем осмотр внутренней организации с точки зрения социальной стратификации.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

1. Два основных типа флуктуаций

Говоря об экономическом статусе некоей группы, следует выделить два основных типа флуктуаций. Первый относится к экономическому падению или подъему группы; второй — к росту или сокращению

¹ См.: *Ostrogorski M.* La démocratie et les parties politiques. P., 1912; *Michels R.* Political Parties. N. Y., 1915; *Mosca G.* Elementi di scienza politica. Roma, 1896; *Bryce J.* Modern Democracies. N. Y., 1921. Vol. 1—2; *Naville A.* Liberté, Egalité, Solidarité. Geneva, 1924; см. также фундаментальный анализ явления в указанном труде В. Парето. В отличие от политических пристрастий выше упомянутых и многих других исследователей все они единодушны в этом смысле. См.: *Сорокин П.* Система социологии. Т. 2. С. 173 и след.

² Анализ фактов см. мою "Sociology of Revolution".

³ См.: *Платон.* Государство. Кн. 8—9; *Аристотель.* Политика. Кн. 5. Гл. 5. Перечитывая недавно труды античных мыслителей, я был поражен, насколько картина древнегреческой тирании, обрисованная Платоном и Аристотелем, идентична вплоть до деталей тому, что произошло с русской революцией и большевизмом.

⁴ *Pareto V.* Traité... Vol. 1. P. 613.

экономической стратификации внутри самой группы. Первое явление выражается в экономическом обогащении или обеднении социальных групп в целом; второе выражено в изменении экономического профиля группы или в увеличении — уменьшении высоты, так сказать, крутизны, экономической пирамиды. Соответственно существуют следующие два типа флуктуаций экономического статуса общества:

I. Флуктуация экономического статуса группы как единого целого:

- а) возрастание экономического благосостояния;
- б) уменьшение последнего.

II. Флуктуации высоты и профиля экономической стратификации внутри общества:

- а) возвышение экономической пирамиды;
- б) уплощение экономической пирамиды.

Начнем изучение флуктуаций с экономического статуса группы.

2. Флуктуации экономического статуса группы как единого целого

Поднимается ли группа до более высокого экономического уровня или опускается — вопрос, который в общих чертах может быть решен на основе колебаний подушного национального дохода и богатства, измеренных в денежных единицах. На том же материале можно измерить сравнительный экономический статус различных групп. Этот критерий позволяет сделать следующие утверждения.

I. *Благосостояние и доход различных обществ существенно меняется от одной страны к другой, от одной группы к другой.* Следующие цифры иллюстрируют это утверждение. Приняв средний уровень материальных ценностей Висконсина в 1900 году за 100 единиц, соответствующие показатели среднего уровня благосостояния для Великобритании (на 1909 г.) — 106; для Франции (на 1909 г.) — 59; для Пруссии (на 1908 г.) — 42¹. В обществах, подобных китайскому, индийскому или тем паче первобытному, разница будет еще более значительной. То же можно сказать и о среднеподушном доходе². Опираясь не целыми нациями, а менее широкими территориальными группами (провинция, области, графства, различные районы города, деревни, в том числе и семейства, живущие по соседству), мы придем к тому же выводу: средний уровень их материального благосостояния и дохода колеблется.

II. *Средний уровень благосостояния и дохода в одном и том же обществе не постоянный, а меняется во времени.* Будь то семья или корпорация, население округа или вся нация, средний уровень благосостояния и дохода колеблется с течением времени то вверх, то вниз. Едва ли существует семья, доход и уровень материального благосостояния которой оставались бы неизменными в течение многих лет и при жизни нескольких поколений. Материальные "подъемы" и "падения", иногда резкие и значительные, иногда небольшие и постепенные, суть нормальные явления в экономической истории каждой семьи. То же можно сказать о более крупных социальных группах. В качестве подтверждения приведем следующие данные³.

¹ King W. I. *The Wealth and Income of the People of the United States*. N. Y., 1922. P. 96.

² Ibid. P. 235 ff.

³ Ibid. P. 129.

Средний национальный доход на душу населения в США (в \$)

Год ценза	Доход на душу населения	Год ценза	Доход на душу населения
1850	95	1912	340
1860	116	1913	344
1870	174	1914	330
1880	147	1915	357
1890	192	1916	449
1900	236	1917	525
1910	332	1918	595
1911	332	1919	637

Эти цифры, переведенные в покупательную способность доллара, были бы несколько иными, но все равно показали бы подобное колебание. Несмотря на общую тенденцию роста, цифры демонстрируют значительное колебание от переписи к переписи, от года к году. Другой пример колебания в противоположном направлении проиллюстрируем среднегодовым доходом русского населения за последние несколько лет¹.

Доход на душу населения в России (в зол. рублях)

Годы	Доход на душу населения	Годы	Доход на душу населения
1913	101.35	1921	38.60
1916/17	85.60	1922/23	40.00
		1924	47.30

В Великобритании, в соответствии с расчетами А. Боули, "сумма средних доходов в 1913 году была почти на одну треть больше, чем в 1880 году; это увеличение было в основном достигнуто до начала нашего столетия, а с того времени оно шло наравне с обесцениванием денег"². Нет необходимости добавлять что-либо к этим данным. Статистика доходов различных европейских стран без исключения показывает те же явления колебаний среднегодового уровня доходов. Конкретные формы проявления этих колебаний различны в разных странах, но само явление — общее для всех наций.

III. *В истории семьи, нации или любой другой группы не существует устойчивой тенденции ни к обогащению, ни к обнищанию. Все хорошо известные тенденции фиксированы только для ограниченного периода времени. В течение длительных периодов они могут действовать в обратном направлении. История не дает достаточного основания утверждать*

¹ См.: Прокопович К. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; Первушин С. Народное и государственное хозяйство СССР в 1922—1923 гг. М., 1924. С. 10; Прокопович К. Народный доход СССР // Дни. 1925. № 6; Экономическая жизнь. 1925. 25 марта.

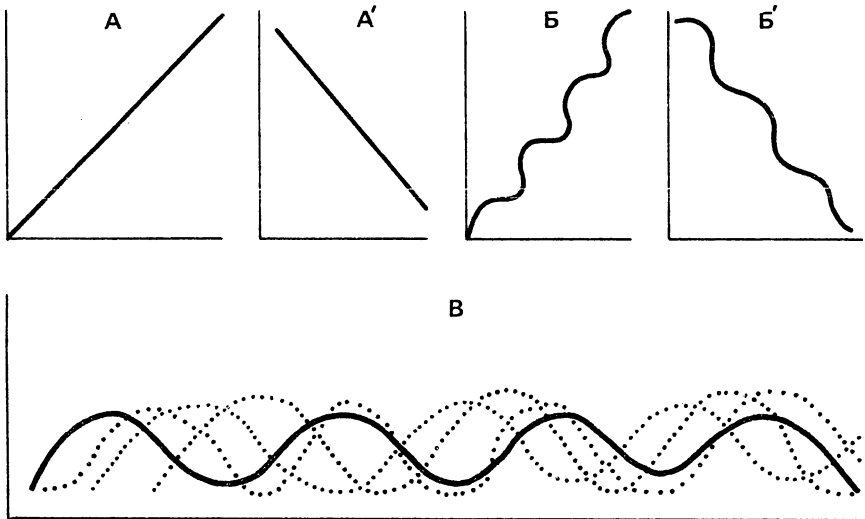
² Bowley A. L. The Change in the Distribution of the National Income. Oxford, 1920. P. 26.

ни тенденцию в направлении к раю процветания, ни к аду нищеты. История показывает только бесцельные флуктуации¹.

Суть проблемы заключается в следующем: существует ли в рамках одного и того же общества непрерывная цикличность в колебаниях среднего уровня благосостояния и дохода или нет. Наука не располагает достаточными основаниями для определенного ответа на этот вопрос. Все, что можно сделать, — это выдвинуть гипотезу, которая может оказаться верной, а может и нет. Принимая во внимание эту оговорку, рассмотрим ряд гипотетических утверждений.

Во-первых, статистика доходов в США, Великобритании, Германии, Франции, Дании, России и некоторых других стран показывает, что со второй половины XIX века там существует тенденция к увеличению среднего уровня дохода и благосостояния. Допуская, что расчеты верны.

Диаграмма 1.

¹ *Методологическая ремарка.* Со второй половины XIX в. под влиянием эволюционной теории социальные науки уделяют значительное внимание так называемым "тенденциям эволюции", "историческим закономерностям", "законам исторического развития". Начиная с "закона трех стадий" Огюста Конта и "формулы прогресса" Герберта Спенсера, многие специалисты — социологи, антропологи, историки и социальные философы — были погружены в "поиск" сотен "исторических тенденций", "законов прогресса и эволюции". К сожалению, все эти закономерности и тенденции постигла участь контовских "законов" — все они превратились в прах. Тем временем "охота" за законами исторического развития и "прогресса" обернулась перемещением интереса исследователей в сторону анализа феноменов повторения, колебаний, флуктуаций и циклов социальной жизни — феноменов, к которым было приковано внимание мыслителей прошлого (Экклезиаст, Конфуций, Платон, Полибий, Флор, Сенека, Макиавелли, Вико и др.). К счастью, именно эта исследовательская волна возобновилась в конце XIX в. и сейчас набирает силу. Однако, вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций. Вероятно, в истории и есть некая трансцендентальная цель и невидимые пути продвижения к ней, но они еще никем не установлены. Концепция бесцельных флуктуаций представляется справедливой, и в том числе и при изучении экономических колебаний в истории. См. подробнее об этом: Sorokin P. A. A Survey of the Cyclical Conceptions of Social and Historical Process // Social Forces. 1927. Vol. 5.

встает вопрос, является ли эта тенденция постоянной (или она только часть "параболы"), которую может вытеснить стагнация или даже движение в противоположном направлении? Вторая возможность оказывается более верной. Если представить экономическое развитие во времени схематично, то это не будет ни прямая линия (А), ни спираль (Б), восходящая или постоянно нисходящая. Оно скорее ближе к изображению (В), которое не имеет какого-либо постоянного направления (см. диаграмма 1).

Приведем некоторые аргументы в поддержку этой гипотезы.

Прежде всего отметим, что экономическая история семьи, или корпорации, или любой другой экономической организации показывает, что среди таких групп не существовало ни одной, которая бы непрерывно экономически росла. Спустя короткий или длительный промежуток времени, при жизни одного или нескольких поколений, возрастающая тенденция вытеснялась ей противоположной. Многие богатые семьи, фирмы, корпорации, города, области в древности и в средние века, да и в Новое время становились бедными и исчезали с вершин финансовой пирамиды. Среди существующих магнатов в Европе и Америке найдется немного, если они вообще есть, кроме, пожалуй, некоторых королевских семейств, которые были богатыми два или три века тому назад и богатели непрерывно все это время. Подавляющее большинство, если не все, воистину богатейшие семьи появились за последние два века или даже за последние два десятилетия. Все богатые кланы прошлого исчезли или обеднели. Это значит, что после периода обогащения наступил период обнищания. Кажется, что сходную судьбу имели многие финансовые корпорации, фирмы и дома. Если такова судьба этих социальных групп, почему судьба нации в целом должна быть иной?

Во-вторых, судьба многих наций прошлого свидетельствует, что они в более широком масштабе повторяют судьбу малых социальных групп. Сколь недостаточным ни было бы наше знание экономической истории Древнего Египта, Китая, Вавилона, Персии, Греции, Рима, Венеции или других итальянских республик средневековья, очевидным остается факт, что все эти нации имели множество "подъемов" и "падений" в истории их экономического процветания, пока наконец некоторые из них вовсе не обнищали. А не было ли в истории современных держав тех же "подъемов" и "падений"? Не были ли типичными и для них годы острейшего голода, за которыми следовало относительное процветание, десятилетия экономического благополучия, вытесняемые десятилетиями бедствий, периоды накопления богатств, сменяемые периодами его растраты?

Касаясь экономического статуса больших масс населения, непохожих друг на друга, можно утверждать это с достаточной степенью уверенности. Известно, что экономическое положение масс в Древнем Египте в период между XIII и XIX династиями и после Сети II, да и в более поздний птолемеевский период², резко ухудшилось по сравнению с предшествующими периодами^{3*}. Подобные периоды голода и обнищания наблюдались и в истории древнего и средневекового Китая, которые продолжают

¹ По удачному замечанию В. Парето, разница лишь в продолжительности цикла; он громаден для человечества, меньше, но все еще значителен для наций, крайне мал и незаметен для семьи или небольшой социальной группы. См.: *Pareto V. Traité...* P. 1530 ff.

² *Тураев Б. А. Древний Египет.* Пг., 1922. С. 70; *Breasted J. H. History of the Ancient Egyptians.* Chicago, 1911. P. 155, 161, 174, 332; *Rostovzeff M. I. A Large Estate in Egypt.* Madison, 1922; *Petrie W. M. F. Revolution of Civilization.* L., 1922.

³ *XIII—XIX династии — приблизительно с 1785 по 1200 г. до н. э.; Сети II — фараон XIX династии (XIII в. до н. э.); период правления Птолемеев в Египте — 305—31 гг. до н. э.

повторяться и в наши дни¹. Подобные колебания были и в истории Древней Греции и Рима. В качестве примера крупного экономического упадка во многих полисах Греции можно привести VII век до нашей эры; далее — время окончания Пелопонесской войны; и наконец, III век до нашей эры — Афины стали богатейшим полисом после греко-персидских войн и бедным после поражения на Сицилии². Спарта разбогатела в период своего господства на Балканах (конец V в. до н. э.) и стала бедной после битвы при Левктрах (371 г. до н. э.). В истории Рима в качестве примера периодов упадка вспомним II—I века до нашей эры и IV—V века нашей эры³. Подобные "подъемы" и "падения" происходили неоднократно в истории экономического положения масс в Англии, Франции, Германии, России и во многих других странах. Они достаточно хорошо известны, чтобы говорить о них детально. Но особенно важен тот факт, что во многих прошлых обществах, как и, впрочем, в ныне существующих, конечные или более поздние этапы истории были скорее в экономическом отношении скромнее, чем предшествующие периоды. Если дело обстоит именно так, то эти исторические факты не дают никакого основания допустить наличие постоянной тенденции в каком-либо направлении.

В-третьих, следующие расчеты также свидетельствуют против гипотезы непрерывного увеличения материальных ценностей с течением времени. Один сантим, вложенный с четырехпроцентной прибылью во времена Иисуса Христа, принес бы в 1900 году огромный капитал, выражающийся суммой в 2 308 500 000 000 000 000 000 000 000 000 франков. Если и предположить, что земля состоит из чистого золота, то понадобилось бы более 30 "золотых" планет, дабы предоставить эту огромную сумму денег. Реальная ситуация, как мы знаем, далека от представленной. Во времена Христа громадные капиталы концентрировались в руках отдельных лиц, но они тем не менее не составили бы суммы материальных ценностей, даже отдаленно приближающейся к приведенной выше. Сумма в сто тысяч франков, вложенная с трехпроцентной прибылью во времена Христа, возросла бы до 226 миллиардов франков в первые пять веков — состояние, близкое национальному богатству Франции в настоящее время. Так как реальное количество материальных ценностей несравнимо меньше, чем оно было бы в соответствии с этими расчетами, то отсюда следует, что уровень их роста был намного меньше предполагаемого и что периоды накопления богатств сопровождались периодами его растраты и уничтожения⁴.

В-четвертых, гипотеза цикличности подтверждается фактом деловых циклов. Существование "мелких деловых циклов" (периоды в 3—5, 7—8, 10—12 лет) в настоящий момент не вызывает сомнений.

Разные точки зрения существуют только по поводу продолжительности цикла⁵. "Изменение, которое происходит, представляет собой последовательность скачков или рывков, периодов быстрого возрастания, сменяемых

¹ Lee M. P. H. *The Economic History of China*. N. Y., 1921. P. 40—121; Chen Huan Chang. *The Economic Principles of Confucius*. N. Y., 1911. Vol. 2. P. 507 ff.; Grousset R. *Histoire de l'Asie*. P., 1922. Vol. 2. P. 179 ff., 249 ff., 331 ff.

² См.: *Аристотель*. Афинская полития. Гл. 28—29.

³ Что касается истории Греции и Рима, то обратитесь к любому фундаментальному исследованию по античной истории и в особенности к трудам по социально-экономической истории К. Белоха, Р. Пельмана, Д. Бьюри, П. Гиро, Т. Моммзена, М. И. Ростовцева и многих других ученых, цитированных в этой книге.

⁴ Pareto V. *Traité...* Vol. 2. P. 1528 ff.

⁵ Aftalion. *Les Crises périodiques de surproduction*. P., 1913; Robertson. *A Study of Industrial Fluctuation*; Mitchell W. *Business Cycles*. N. Y., 1913; Moore H. L. *Economic Cycles*. N. Y., 1914.

периодами стагнации или даже упадка¹. Но был ли прогресс второй половины XIX века в целом частью более крупного цикла? Теория профессора Н. Кондратьева отвечает на этот вопрос утвердительно. Кроме упомянутых выше мелких циклов он обнаружил наличие более крупных циклов — продолжительностью от 40 до 60 лет². Это есть прямое подтверждение гипотезы, что вышеупомянутая прогрессивная тенденция второй половины XIX века была только частью долговременного цикла. Но к чему останавливаться на подобной цикличности, а не перейти к еще более крупным экономическим изменениям? Если их периодичность трудно доказать³, то существование долговременных экономических "подъемов" и "падений" не вызывает никаких сомнений. История любой страны, взятая за довольно длинный промежуток времени, показывает это с достаточной степенью достоверности.

В-пятых, замедление и приостановка роста среднего уровня реального дохода в Англии, Франции и Германии начиная приблизительно с начала XX века⁴, явное обнищание населения во время и сразу после мировой войны — безусловные симптомы по крайней мере значительного и временного реверсивного движения.

В-шестых, "закон сокращения доходов действует неумолимо. Чем больше людей населяют нашу землю, тем меньше получает каждый от природы для поддержания своего существования. По достижении определенной плотности большие массы людей приходят к большей бедности. Изобретения и открытия могут оттянуть, но не могут предотвратить день расплаты"⁵. Верно то, что уровень рождаемости в европейских странах и в Америке понизился, но не настолько, чтобы приостановить рост населения в них; он еще достаточно высок в славянских странах, не говоря уж об Азиатском материке. Верно и то, что изобретений становится все больше и больше, но, несмотря на это, они еще не гарантируют высокий уровень жизни для каждого в нашем мире, даже просто в Европе. Эти причины объясняют, по-моему, почему гипотеза непрерывного увеличения среднего дохода (или непрерывного уменьшения) неправдоподобна и почему гипотеза мелких и крупных экономических циклов кажется мне более корректной. Когда нам говорят, что уровень жизни среднего парижанина почти столь же высок, как и короля Франции Карла IV⁶, и когда мы видим резкий и удивительный взлет современной технологии производства, то нам воистину трудно допустить, что все это может удариться о стену и развалиться на куски. Но тем не менее годы мировой войны и особенно годы революций показали, как легко богатство и даже любые крохотные завоевания цивилизации могут быть разрушены в период, равный приблизительно дюжине лет.

¹ *Pigou A. C. The Economics of Welfare. Cambridge, 1920. P. 799.*

² См.: *Кондратьев Н. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. № 1.*

³ В последние годы все возрастает число работ, утверждающих наличие периодических циклов в различных сферах социальной жизни. О. Лоренц, Дж. Феррари настаивают на циклах периодичностью в 100—125 лет; К. Джоэль, В. Шерер устанавливают циклы в 300 лет; другие, как Миллард, — в 500 лет; Дж. Браунли — в 200 лет. Однако наряду с периодическими циклами многие исследователи фиксируют и непериодические долговременные циклы, охватывающие многие социальные процессы (Парето, Сензини, Спенсер, Шмоллер, Хайзен, Аммон, Шпенглер, Огбурн и другие). И если в периодичности долговременных циклов можно усомниться, то наличие долговременных флуктуаций — факт реальности. См.: *Sorokin P. A Survey of the Cyclical Conceptions of Social and Historical Process // Social Forces. 1927. Vol. 5.*

⁴ *Bowley A. L. The Division of the Product of Industry. Oxford, 1919. P. 58.*

⁵ *King W. I. The Wealth... P. 176.*

⁶ *D'Avenel. Le mécanisme de la vie moderne. P., 1908. P. 158—159.*

С другой стороны, именно нашему времени довелось открыть многие цивилизации прошлого. И чем больше мы изучаем их, тем более ошибочным оказывается мнение о том, что якобы до XIX века не существовало ничего, кроме примитивной культуры и примитивных экономических организаций. Даже цивилизации, век которых прошел многие тысячелетия тому назад, были в определенных отношениях блистательными. И все же их блеск угас, они перестали процветать, а их богатства исчезли. Но это вовсе не значит, что раз они были разрушены, то та же судьба ожидает и нас, так же как и не дает оснований думать, что теперешние европейские страны и Америка являются неким исключением из правила.

Нас могут спросить: как же тогда быть с развитием прогресса по спирали? Но если под прогрессом понимать спираль постоянного улучшения экономического положения, то такая гипотеза еще никем и ничем не доказана. Единственно возможное доказательство этой гипотезы — экономический прогресс в некоторых европейских странах, да и то лишь во второй половине XIX века. Но, согласно вышеприведенным соображениям, и этот факт не подтверждает данной гипотезы. К этому же следует добавить, что одна и та же тенденция в одно и то же время не наблюдалась среди большинства азиатских, африканских и других народов. Более того, часть европейского благополучия была достигнута ценой эксплуатации населения отсталых и менее развитых стран. Аборигенное население Новой Зеландии в 1844 году составляло 104 тысячи; в 1858 году — 55 467; а к 1864 году их число сократилось до 47 тысяч. Та же тенденция наблюдается в демографических процессах Таити, Фиджи и других частей Океании¹. И это лишь малая доля из безграничного числа подобных фактов. Что они означают и зачем они были упомянуты? Да потому, что они убедительно показывают, что вместо улучшения уровень экономического и социального благосостояния этих народов ухудшался и привел к их уничтожению и что экономическое процветание в Европе в XIX веке частично обязано эксплуатации и колониальному грабежу. То, что было благом для одной группы, оказалось разрушительным для другой. Игнорировать все эти группы — сотни миллионов жителей Индии, Монголии, Африки, Китая, туземцев всех неевропейских стран и островов, по крайней мере те из них, которым прогресс в Европе стоил очень дорого и которые едва ли улучшили свой уровень жизни за последнее столетие, — игнорировать их и настаивать на "непрерывном прогрессе по спирали" только на основании некоторых европейских стран — значит быть совершенно субъективным, пристрастным и фантазером. Множество примитивных и цивилизованных обществ прошлого, которые закончили свою экономическую историю нищеты и бедностью, решительно не позволяют нам говорить о каком-либо законе прогресса "по спирали или не по спирали" для всех обществ². В лучшем случае такой прогресс оказывался местным и временным явлением.

¹ См.: *Арнольди-Лавров*. Цивилизация и дикие племена. Спб., 1904. С. 141—148; *Triggs*. The Decay of Aboriginal Races // *Open Court*. 1912. № 10.

² Мне думается, что цитата из труда "Византизм и славянство" выдающегося русского мыслителя К. Леонтьева подтвердит эту мысль: "Нет ничего страшного или ошибочного полагать, что Моисей пересекал Синай, что греки строили свои акрополи, римляне вели пунические войны, что великий Александр Македонский пересекал Граник и выиграл сражение при Гавгамелах, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели свои песни, великие художники писали свои картины, рыцари сражались на турнирах только лишь для того, чтобы современные францужские, прусские или русские буржуа в их безобразных и комичных одеяниях могли бы извлекать свою выгоду и в удовольствие существовать на руинах этого былого великолепия! Это было бы великим позором человечеству, если все обернулось бы именно таким образом".

1. Средний уровень благосостояния и дохода изменяется от группы к группе, от общества к обществу.

2. Средний уровень благосостояния и дохода варьируется внутри общества или группы в разные периоды времени.

3. Едва ли существует какая-либо постоянная тенденция в этих колебаниях. Все направления — вниз или вверх — могут быть "направлениями" только в очень относительном смысле (темпоральны и локальны). Если их рассматривать с точки зрения более длительного периода, они скорее всего являются собой часть более длительного временного цикла.

4. Под этим углом зрения различаются следующие временные циклы: малые деловые и более крупные в социальной сфере и в экономическом развитии.

5. Тенденция увеличения среднего уровня благосостояния и дохода во второй половине XIX века в Европе и Америке является, вероятнее всего, частью такого крупного экономического цикла.

6. Теория бесконечного экономического прогресса ошибочна.

ФЛУКТУАЦИИ ВЫСОТЫ И ПРОФИЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Обсудив изменения экономического статуса общества в целом, обратимся теперь к изменениям высоты и профиля экономической стратификации. Основные вопросы, которые следует обсудить, следующие: во-первых, являются ли высота и профиль экономической пирамиды общества постоянными величинами, или они изменяются от группы к группе и внутри одной и той же группы с течением времени? Во-вторых, если они изменяются, то наличествует ли в этом изменении какая-нибудь регулярность и периодичность? В-третьих, существует ли постоянное направление этих изменений, и если оно есть, то каково оно?

1. Основные гипотезы

В современной экономической науке среди многих ответов на эти вопросы наиболее важными, вероятно, являются гипотезы В. Парето и К. Маркса, а также некоторые другие, но о них уже было упомянуто выше.

Гипотеза Парето. Суть ее заключается в утверждении, что профиль экономической стратификации или частность распределения дохода в любом обществе (первоначальное утверждение ученого) или по крайней мере во многих обществах (более позднее ограничение Парето) представляет собой нечто постоянное и единообразное и может быть выражено логико-математической формулой. Она выглядит приблизительно так: пусть X представляет данный доход, а Y — количество людей с доходом, превышающим X . Если мы проведем кривую, ординаты которой логарифм X , а абсцисса — логарифм Y , то кривая для всех изученных Парето стран будет представлять собой приблизительно прямую линию. Более того, во всех обследованных странах кривизна прямой линии по отношению к оси X находится приблизительно под углом 56 градусов. Отклонения не превышают трех-четырех градусов. Так как тангенс 56 градусов равен 1,5, то отсюда: если число доходов, превышающих X , равно Y , то число больше, чем $mX = 1/m$ 16, каким бы ни было значение m . Это значит, что форма кривой частотности распределения дохода на двойной логарифмической шкале одна и та же для всех стран и во все времена.

"Мы получаем нечто, напоминающее большое количество кристаллов одинакового химического состава. Это могут быть большие,

средние и маленькие кристаллы, но все они имеют одинаковую кристаллическую структуру”¹.

Позднее он ограничил действие этого закона, утверждая, что его ”эмпирический закон”, как все ”эмпирические законы, имеет мало или совсем не имеет ценности вне тех пределов, для которых он был экспериментально открыт”². У меня нет намерения приводить все аргументы против закона Парето. Достаточно сказать, что многие компетентные критики показали, что приведенные Парето цифры раскрывают значительные отклонения от его кривой; они также обнаружили, что Парето для доказательства действительности своего закона сделал логические изменения в используемых терминах и что частотность распределения дохода, скажем, в США или других странах в различные времена фактически обнаруживает значительные отклонения от его закона. Иными словами, как признает сам Парето, при радикальных изменениях социальных условий, например при вытеснении частной собственности коллективной, при метаморфозах института наследования, при радикальном изменении образования форма кривой трансформируется³. Вот, в частности, заключение тщательного матанализа закона Парето, выполненного Ф. Маколи при участии Э. Бенджамина. Их вывод:

I. Закон Парето совершенно неприемлем как математическое обобщение по следующим причинам:

а) конечные фазы распределения на двойной логарифмической шкале не линейны в достаточной степени;

б) они могли бы быть более линейными без особого условия, так как многие распределения самых различных видов имеют конечные фазы, приближающиеся к линейным;

в) прямые линии, соответствующие конечным фазам, не обнаруживают даже приблизительного постоянства кривизны от года к году, от страны к стране;

г) конечные фазы являются не только прямыми линиями постоянной крутизны, но и неодинаковой формы из года в год, от одной страны к другой.

II. Кажется невероятным, что может быть сформулирован какой-либо действенный математический закон, описывающий все распределения⁴. Достаточно показать, что высота и профиль экономической стратификации (кривая распределения дохода) *изменяются от страны к стране и с течением времени. Экономическая стратификация может вытянуться или сократиться, стать менее или более крутой.*

Таков вывод из предыдущей дискуссии.

Если флуктуации происходят, то могут ли они совершаться бесконечно, а экономический конус может стать чрезмерно крутым или, наоборот, совершенно плоским? Анализируя эти проблемы, мы неизбежно приходим к гипотезе Карла Маркса и ко многим современным социалистическим и коммунистическим теориям экономического равенства.

Гипотеза Карла Маркса. Суть ее заключается в утверждении того, что в европейских странах происходит процесс углубляющейся экономической дифференциации. Средних экономических слоев становится все меньше, и они постепенно беднеют; экономическое положение пролета-

¹ Pareto V. Cours d'economie politique. Vol. 2. P. 306—308.

² Pareto V. Manuale di economia politica. P. 371—372. Позднее в ”Трактате по общей социологии” он вносит еще более широкие ограничения.

³ См. анализ и критику закона Парето в кн.: Macaulay F. R., Benjamin E. G. The Personal Distribution of Income in the United States // Income in the United States. N. Y., 1922. Vol. 2. P. 341—394; Pigou A. C. The Economics of Welfare. Cambridge, 1920. P. 693—700.

⁴ Macaulay F. R., Benjamin E. G. The Personal... P. 393—394.

риата ухудшается, а одновременно богатство концентрируется все у меньшего числа людей. Узкий слой средних классов, обедневший пролетариат у основания и маленькая группа магнатов капитала на вершине пирамиды — таков профиль экономической стратификации, соответствующий марксистской теории общества. Богатые становятся еще богаче, а бедные становятся еще более нуждающимися. Как только устанавливается такое положение, добавляет Маркс, то достаточно национализировать богатство меньшинства — и социализм был бы установлен. Такова суть теории катастрофического наступления социализма. Говоря словами Маркса, она звучит следующим образом: мелкие торговцы, владельцы магазинчиков и бывшие лавочники, ремесленники и крестьяне — все становятся пролетариями... в то же самое время продолжается централизация промышленности... один капиталист уничтожает многих... нищета развивается быстрее, чем растет население и богатство.

Таким образом, теория, выдвинутая в середине XIX века, утверждает, что изменение высоты и профиля экономической стратификации может быть практически безграничным и потому совершенно нарушает не только кривую Парето, но и любую другую форму экономической стратификации. В то же самое время Маркс считал, что вышеупомянутая тенденция лишь временная и ее должна вытеснить противоположная, направленная на уничтожение самой экономической стратификации, путем экспроприации экспроприаторов и претворения в жизнь принципов социализма. Это значит, что Маркс допускал не только возможность, но даже необходимость неограниченного изменения экономической формы социальной организации от чрезвычайно рельефного профиля до абсолютно "плоской" формы общества экономического эгалитаризма. В настоящее время нет необходимости настаивать на ошибочности теории Маркса и на ошибочности его предсказаний. 75 лет, которые пролетели со времени выпуска "Коммунистического манифеста", не оправдали ожиданий Маркса и не подтвердили его пророчество.

Во-первых, во всех европейских странах и в США со второй половины XIX века до начала мировой войны экономические условия рабочего класса улучшались, а не становились хуже, как предсказывал Маркс. В Англии с 1850-х гг. до начала XX столетия коэффициент реальной заработной платы рабочего класса вырос от 100 приблизительно до 170 (с 1790-х по 1900 год от 37 до 102)¹. В США покупательная способность средней заработной платы одного служащего увеличилась в период с 1850-х по 1910 год от 147 до 401; в период с 1820-х по 1923 год реальная заработная плата увеличилась с 41 до 129². Подобная ситуация наблюдается во Франции, Италии, Японии и в некоторых других странах³.

¹ *Wood G. H. Real Wages and the Standard of Comfort Since 1850 // Journal of the Royal Statistical Society. 1909. P. 102—103; Bowley A. L. Wages in the United Kingdom in the Nineteenth Century. L., 1900; Bowley A. L. The Change in the Distribution of the National Income. P. 15, 18; Giffen. The Progress of the Working Classes // Essays in Finances. L., 1890.*

² *King W. I. The Wealth... P. 168; Hansen A. Factors Affecting the Trend of Real Wages // American Economics Review. Vol. 15. № 1. P. 32.*

³ *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. P., 1904. Vol. 2. P. 795—904; Cauderlièr. L'évolution économique du XIX siècle. Stuttgart, 1903. P. 73 ff.; Aschley W. J. The Progress of the German Working Classes in the Last Quarter of a Century. 1904; Sombart W. Der Proletarische Sozialismus. Jena, 1924. Bd. 1—2; Simkhovitch W. G. Marxism versus Socialism. N. Y., 1913. Ch. 6—7; Moore H. L. Laws of Wages. N. Y., 1911; Schmoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Vol. 2. P. 523 ff.; King W. I. The Wealth... Ch. 7.*

С другой стороны, количество бедных, в соответствии со статистикой бедности, в Швеции, Пруссии, Англии, Голландии и некоторых других странах во второй половине XIX века не увеличилось, а уменьшилось¹. Короче говоря, эта часть марксистской теории была опровергнута всем ходом истории.

Не повезло и той части теории Маркса, которая предвещала обнищание и исчезновение средних экономических классов и концентрацию богатства в руках немногих. Среди тех данных, которые опровергают эти предсказания, следует привести только несколько самых показательных примеров.

В Германии с 1853 по 1902 год доходы среднего класса и число богатых людей и миллионеров увеличилось и абсолютно, и относительно (по отношению к росту населения), в то время как относительная численность бедных экономических слоев уменьшилась. Например, среди населения Пруссии процент людей с низким доходом в 1866 году составил 70,7%; в 1906 году — 61,7; в 1910 году — 42,8%². Следующая таблица³ дает наглядное представление об этом процессе.

Годы	Числен. насел. (в тыс.)	Среднегодовой доход на 1 тыс. населения (в марках)					
		$\frac{900}{3000}$	$\frac{3000}{6000}$	$\frac{6000}{9500}$	$\frac{9500}{30500}$	$\frac{30500}{100000}$	свыше 100 тыс.
1853	16 870	825	32,0	7,2	4,4	0,6	0,06
1902	35 551	3310	291,3	77,6	64,7	13,2	2,76

Из таблицы явствует, что вместо уменьшения численности экономических слоев наблюдалось его увеличение в первую очередь за счет низших экономических слоев с доходом в 900 марок и ниже. В то время как население увеличилось за 50 лет приблизительно в два раза, количество групп с доходом в 900 — 3 тысячи марок увеличилось приблизительно в четыре раза; с доходом от 3 до 6 тысяч марок — в 9 раз; а количество остальных групп соответственно в 11 раз и более. Наконец, количество миллионеров с доходом в 2 миллиона марок и более за период с 1875 года по 1902 год увеличилось в четыре раза. Все это демонстрирует, как заблуждался К. Маркс.

Нечто подобное происходило и в Англии. Это видно из следующих данных. Во-первых, средний уровень всех доходов увеличился на 37% (от 76 фунтов стерлингов в 1880 году до 104 в 1913 году); доход на душу населения вырос на 42% (от 33 фунтов стерлингов в 1880 году до 47 в 1913 году), при том что население росло гораздо медленнее, чем его доходы. Во-вторых, число налогоплательщиков с доходом выше 160 фунтов стерлингов возросло с 618 тысяч в 1881 году до 1210 тысяч в 1914 году. Коэффициент оптовых цен в 1880 году составлял 88, позже, в 1911—1913 годах, он сократился до 80—75. Население же с большим уровнем доходов за этот период увеличилось только на 39%. Сравним его с вышеупомянутым ростом числа налогоплательщиков и увидим, что количество людей со средним уровнем дохода не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. В-третьих, средний уровень заработной платы за

¹ *Schmoller G. Grundriss... Vol. 2. P. 378 ff.*

² *Die Zeitschrift der königlich Preussischen Statistik Landesamt. B., 1911. Bd. 46—47.*

³ Данные взяты в кн.: *Wagner A. Zur Methodik der Statistik.*

эти 33 года увеличился приблизительно настолько, насколько же увеличился среднегодовой уровень дохода на душу населения. Иными словами, экономические классы с низким уровнем доходов получают свою долю из возрастающего национального дохода, который распределяется с примечательным равенством среди различных экономических классов. Принимая во внимание многие другие факты, А. Боули пишет: "Я не могу найти какого-либо статистического подтверждения тому, что богатые как класс быстро богатеют за счет увеличения реального дохода в предвоенные годы". К тому же заключению он пришел на основе данных о годовых налогах на частные жилые дома в Великобритании. Наконец, в-четвертых, значительная часть получающих заработную плату людей поднялась из низкого экономического класса в более высокий¹. Все это решительно опровергает тезисы К. Маркса.

Еще более сокрушительный удар по теории Маркса наносят статистические данные о доходах населения США. Следующая таблица демонстрирует, как колеблется доля труда в национальном доходе и что нет какого-либо постоянного направления этих колебаний².

Общенациональный доход США (по удельному весу труда, капиталовложений, ренты и чистой прибыли)

Год ценза	Заработная плата	Капиталовложения	Рента	Чистая прибыль	Итог
1850	35.8	12.5	7.7	44.0	100.0
1860	37.2	14.7	8.8	39.3	100.0
1870	48.6	12.9	6.9	31.6	100.0
1880	51.5	18.6	8.7	21.3	100.0
1890	53.5	14.4	7.6	24.6	100.0
1900	47.3	15.0	7.8	30.0	100.0
1910	46.9	16.8	8.8	27.5	100.0

Как видим, доля прибыли скорее уменьшается, а доля капиталовложений скорее увеличивается, хотя размер прибыли и капиталовложений, взятые вместе, остается постоянным. В любом случае цифры не подтверждают наличие какой-либо тенденции концентрации капитала в руках немногих и, как мы убедились, не подтверждают теорию постоянного обнищания низших классов. Сравнение заработной платы и прибыли за 60 лет показывает, что заработная плата и прибыль двигались вверх приблизительно одними и теми же темпами. Это видно из следующей таблицы³.

Год ценза	Средняя зарплата к числу наемных работников (к покупательной способности доллара)	Средняя прибыль к числу предпринимателей
1850	147	318
1860	188	231
1870	179	224
1880	244	212
1890	350	368
1900	410	607
1910	401	711

¹ *Bowley A. L. The Change in the Distribution... P. 10, 12, 21—22; Stamp J. British Incomes and Property. L., 1920. Ch. 12—14; Stamp J. Studies in Current Problems. L., 1924. P. 126 ff.*

² *King W. I. The Wealth... P. 160.*

³ *King W. I. The Wealth... P. 168.*

Анализ распределения дохода между семьями дает практически тот же результат. Он показывает незначительный рост концентрации богатств в руках нескольких очень богатых семей. Но при этом ярко выраженная стабильность в распределении богатств за последние 70 лет заставляет нас сомневаться в том, что колебания в относительной доле доходов у разных групп населения были настолько велики, чтобы казаться ошеломляющими¹.

К сказанному нужно добавить сравнительно новое явление, которое, правда, уже привлекло внимание американских экономистов, а именно "диффузию собственности" в США и европейских странах, принявшую громадный размах за последние несколько десятилетий. Приведу несколько примеров, дабы проиллюстрировать ситуацию. В соответствии с данными Р. Бинкерда, с 1918 по 1925 год число акционеров в некоторых отраслях промышленности (железные дороги, дорожное строительство, газ, свет, электричество, телефон, часть нефтяных компаний и металлургических корпораций, дюжина смешанных компаний обрабатывающей промышленности) увеличилось почти вдвое и достигло числа 5 051 499. Около половины из них пополнились за счет служащих, рабочих и членов компаний, другая половина — за счет остальной публики². Число фермеров, материально заинтересованных в кооперативной закупке и продаже, увеличилось с 650 тысяч в 1916 году до 2,5 миллиона в 1925 году. Число вкладчиков и суммы их вкладов выросли соответственно с 10,5 миллиона и суммы более 11 миллиардов в 1918 году до 9 миллионов с суммой в 21 миллиард в 1925 году. Кроме того, увеличение числа держателей акций и облигаций по самым скромным подсчетам составило по крайней мере 2,5 миллиона³. Эти цифры показывают только лишь часть громадного процесса диффузии собственности, который происходит в США со времен войны⁴. Слишком громко назвать этот процесс революцией, но это не будет преувеличением, если сказать, что диффузия собственности полностью опровергает теорию К. Маркса. Концентрация промышленности совсем не означает концентрации богатств в руках немногих, как думал Маркс⁵.

Подобные данные предоставляют и другие страны. Общее увеличение национального дохода в Саксонии, Пруссии и Дании и, кроме того, удельный вес этого роста в пяти экономических слоях населения, начиная от самого богатого и кончая самым бедным, видно из следующей таблицы⁶.

¹ King W. I. The Wealth... P. 219.

² Binkerd R. S. The Increase in Popular Ownership Since the World War // Proceedings of the Academy of Political Science. 1925. Vol. 11. N 3. P. 33; Carver T. N. The Present Economic Revolution in the United States. Boston, 1925.

³ Binkerd R. S. The Increase... P. 36—37.

⁴ О схожих процессах в других странах см.: Schmoller G. Grundriss... Vol. 2. P. 520—522.

⁵ Ср.: Simkhovitch W. G. Marxism versus Socialism. Ch. 4—5.

⁶ Kiaer. Répartition sociale des revenus // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. 18; Kiaer. La répartition des revenus et fortunes privés // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. 20. P. 619—648.

Удельный вес роста доходов в пяти экономических группах

Экономические группы	Саксония 1886—1906	Пруссия 1892—1906	Дания 1870—1903
Первый (самые богатые)	40.3	40.8	52.5
Второй	28.7	24.7	32.7
Третий	34.6	45.2	54.4
Четвертый	40.9	18.0	86.0
Пятый	36.0	18.0	86.0
Средний показатель	35.4	24.7	61.4

Вновь, как видим, не подтверждается пророчество К. Маркса. То же можно сказать и о Японии и ряде других стран.

Наконец, насколько сильно отличается профиль экономической стратификации в европейских державах начала XX века, то есть 50 лет спустя после оракула Маркса, от того, что предвосхищал Маркс, видно из следующих цифр, показывающих средний доход каждого из пяти классов (во франках) и количество дохода в каждом классе на сто тысяч индивидуальных имуществ¹.

Классы	Великобритания		Франция		Пруссия	
	абсолютное число доходов	средний доход	абсолютное число доходов	средний доход	абсолютное число доходов	средний доход
Первый	260—270	160000	1477	27300	978	29383
Второй	2895	15195	8000	3888	7603	3781
Третий	13060	3369	?	?	16922	1699
Четвертый	27425	1604	?	?	26558	1082
Пятый	56356	780	?	?	47939	600

Пожалуй, хватит о гипотезе Маркса. Приведенные выше данные ярко показывают, что практически все пророчества ученого не оправдываются. Но верна ли в таком случае обратная гипотеза о существовании тенденции в направлении неуклонного выравнивания в распределении дохода? Мы знаем, что многие "уравнители", социалисты и коммунисты верят, что такая трансформация возможна и неизбежно произойдет в будущем. Обсудим и эту гипотезу.

Гипотеза выравнивания экономической дифференциации. Обсуждение этой гипотезы будет довольно кратким. Приведенные выше цифры показывают, что хотя теория Маркса ошибочна, в то же самое время нет оснований полагать, что во второй половине XIX и в начале XX века наблюдалась заметная и постоянная тенденция экономического выравнивания. Верно то, что все классы европейского и американского обществ становились богаче; средние экономические слои не уменьшались. Верно также и то, что увеличивалось количество миллионеров и мультимиллионеров; во многих странах доход самых богатых семей увеличивался быстрее, чем доходы бедных экономических классов. Не вызывает сомнения и то, что экономические контрасты между богатыми и бедными не уменьшались, а в некоторых странах, например в Америке, с 1890 года наблюдалась тенденция к усиленной концентрации бо-

¹ *Kiaer. Répartition...* P. 121—125.

гатств¹, в других странах, как, например, в Англии, Германии и Франции, хоть экономическая стратификация и не увеличивалась, но и не уменьшалась. Эти факты, подкрепленные другими данными, уверяют нас в том, что в европейских странах и в Америке экономическая эволюция за последние 60—70 лет не дает никаких оснований для утверждения, что экономическая стратификация развивалась в направлении к ее сокращению. Думаю, что этого достаточно, дабы удовлетворить фантазию многих разочарованных и пришедших в уныние социальных мечтателей. Впоследствии мы отметим, при каких условиях может быть осуществлена их мечта и что на самом деле означало бы ее осуществление.

Таким образом, если ни гипотеза постоянного профиля экономической стратификации (В. Парето), ни гипотеза ее постоянного увеличения (К. Маркс) или уменьшения не верны, то остается только одно возможное заключение, а именно: валидна лишь теория ненаправленного колебания и циклов, независимых от периодичности или случайности самих колебаний. Эта теория кажется мне наиболее вероятной. Однако, принимая во внимание, что необходимых данных в полном объеме не найти, то дальнейшее изложение следует воспринимать как гипотетическое. Многие еще нуждаются в проверке, прежде чем стать признанным и окончательно установленным.

2. Гипотеза колебаний высоты и профиля экономической стратификации

Для того чтобы уяснить суть гипотезы, можно прибегнуть к аналогии. В природных явлениях часто видно "естественное" направление некоторых процессов. Вода в реке движется с более высокого уровня к низкому до тех пор, пока не встречает препятствия или искусственного сооружения, которое заставляет ее двигаться против течения. Материальные объекты тяжелее воздуха, имеют тенденцию падать вниз, если нет силы, заставляющей их взлететь. Подобным образом внутри социальной группы многочисленные, но пока еще не известные нам силы "естественным" образом стремятся усилить экономическую стратификацию, пока не вмешаются силы противоположные, препятствующие этому движению. Конечно же такое вмешательство тоже "естественно", но по контрасту с силами, действующими постоянно и гладко в направлении усиления социальной стратификации, они действуют судорожно и неритмично и ясно проявляют себя лишь только время от времени. Будучи отмеченными особым стремлением приостановить естественный процесс стратификации, они напоминают нам искусственную стрижку постоянно растущих волос. В этом смысле, они искусственны, хотя в более широком смысле вполне "естественны".

Если же дело обстоит именно так, то мелкие и крупные колебания экономической стратификации становятся неизбежными. Отложим временно обсуждение проблемы, являются ли колебания безграничными (от самого "рельефного профиля" до "ровной экономической плоскости")

¹ Ф. Вудс, говоря об удаче богатых и роке бедных в истории Америки, пишет, что "самые богатые семьи превосходили средние не более чем в 50 раз в XVII в.; в середине XVIII в. разница выросла до 300 раз; в середине XIX в. — до 600, в настоящее же время богатейшие люди превосходят людей со средним доходом в 10, если не в 100 тысяч раз. Точность цифр может быть взята под сомнение, но Вудс прав, утверждая растущую дистанцию между вершиной социального конуса и средними экономическими стратами. См.: *Woods F. A. The Conifcation of Social Groups // Eugenics, Genetics, and the Family. Baltimore, 1923. Vol. 1. P. 312—328.*

и есть ли какая-нибудь периодичность или регулярность этих колебаний. Укажем вначале, что они существовали во всех обществах и в разные времена. Схема их такова.

Экономическая стратификация среди самых примитивных племен относительно невелика. С их ростом и усложнением возникает институт частной собственности в своих очевидных формах. Стратификация становится более заметной. Она растет до полной насыщенности, которая неодинакова для разных типов общества. Землетрясения, наводнения, пожары, войны, захват имущества, реформы, перераспределительные законы, прогрессивные налоги, отмена долгов, экспроприация прибылей — таковы ипостаси выравнивающей силы. Она проявляет себя в отсекании верхних слоев пирамиды. Но вот произведена операция отсекания, и естественные силы стратификации вновь принимаются за работу, и со временем стратификация восстанавливается. Но как только достигается новая точка насыщения, происходит новое "хирургическое вмешательство". Таким образом сотни раз в разных обществах в разные периоды происходило монотонное повторение одного и того же сценария. Пьеса ставилась не совсем регулярно, но сюжет ее был везде один и тот же, начиная с ранних исторических хроник и до наших дней. Приведем некоторые подтверждения, выбранные мною из числа самых известных.

Древний Рим. Есть основания считать, что в Риме на ранних стадиях развития экономическая дифференциация была незначительной; постепенно она возрастала. Во времена Сервия Тулия (VI в. до н. э.) она уже была отчетливой. Разница между богатыми и бедными классами, по его реформе, заключалась во владении от 2—5 до 20 югеров земли. Так как в этот период земля представляла основное богатство, то и из 193 центурионов 98 состояли из людей самого богатого класса. Иными словами, экономический профиль римского общества представлял собой пологий склон. Силы стратификации продолжали работать, и во времена "Законов XII таблиц" (середина V в. до н. э.) возникла необходимость приостановить ее в форме смягчения долговых обязательств, запрещения процента на капитал свыше 8,5% в год, облегчения использования общественных земель для бедняков и т. д. После этого действительно происходили законодательные сокращения и уменьшения долгов и им подобных социальных "препон". Хотя временно они приносили успех, но уже не могли остановить процесс дифференциации на долгое время, и поэтому предпринимаются все новые и новые попытки социального "выравнивания". Среди важнейших из таких законов были законы Лициния и Секстия (376 г. до н. э.), по которым аннулировались долги и оговаривался максимальный размер в 500 югеров (то есть 125 гектаров) земли, которой может владеть один человек. После этого экономическое неравенство вновь стало возрастать. Для того чтобы быть "всадником" в начале II века до нашей эры, требовалась собственность в размере 400 тысяч сестерциев (приблизительно 4000 фунтов стерлингов)¹. Стратификация, следовательно, заметно увеличилась. Поэтому пришлось прибегнуть к новым "сдерживающим факторам". Мы видим их в попытках братьев Гракхов (конец II в. до н. э.) уменьшить экономическую дифференциацию за счет введения дополнительных налогов на роскошь, раздачи земли в долг и других законов. Следующие социальные "выравнивания" выпадают на период гражданских войн и революций на закате республики (в форме конфискаций, грабежа, "национализаций", экспроприаций, перераспределений земли и т. п.). Но при

¹ *Тит Ливий. История.* 39, 19, 4.

этом "естественные" силы стратификации продолжали свою работу. Концентрация богатств в конце существования республики и в течение первых трех веков нашей эры достигла высочайшей степени. Рим стал "республикой миллионеров и нищих". Юлием Цезарем было вывезено из Галлии имущество на сумму, равную 70 миллионам долларов; состояние Красса оценивалось в 7 миллионов долларов; Сенеки — в 1,5 миллиона. Громадные состояния того времени свидетельствуют о продолжающемся процессе экономической стратификации. Рост размера состояний в то время был не меньше, чем в США в XIX веке. Естественно, в IV—V веках нашей эры не было недостатка в попытках "выравнивания" экономической пирамиды с помощью революций, перераспределений и установления государственного социализма, но экономическая стратификация тем не менее не исчезла. Конец римской истории хорошо известен. В результате мощной экономической дезорганизации наступил период общей бедности, хаоса, варварских нашествий и так называемый конец Западной Римской империи. Таким образом, рассматриваемая в целом римская история напоминает скорее кривую, чем плавную линию развития, медленно, со многими внезапными и резкими колебаниями поднимающуюся вверх, достигающую своей кульминационной точки в период заката республики и в первые столетия империи, а с того момента колеблющуюся без определенного направления вплоть до конца империи¹.

Древняя Греция. Изменения в экономической стратификации Греции были сходными. Вначале это незначительная экономическая дифференциация; в дальнейшем она усиливается. Уже во времена Гесиода (рубеж VIII—VII вв. до н. э.), как мы можем видеть из его описания "Труды и дни", она значительно возросла. И к VII веку до нашей эры она достигла точки относительной насыщенности (естественно, по условиям того времени)² и в форме революции-реформы вызвала первую серьезную попытку сдержать ее. Я подразумеваю реформы Солона в Афинах и подобные "задержки" в других греческих полисах³. Временно эти реформы уменьшали экономическую дифференциацию⁴, но все-таки не могли ее преодолеть. Все постепенно приобратило свой "естественный ход". Поэтому вновь предпринимаются попытки сдержать дифференциацию: реформы Писистрата, Клисфена, Перикла (VI—V вв. до н. э.), которые по-разному

¹ Более детальное описание содержится в кн.: *Weber M. Römische Agrargeschichte*. В., 1891; *Rostovtzeff M. I. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonats*. В., 1910; *Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, 1926; *Waltzing J. P. Etude historique sur les corporation professionnelles chez les Romains*. Bruxelles, 1896; *Guiraud P. Etudes économiques sur l'antiquité*. P., 1905. Ch. 5.

² "Земля находилась в руках немногих", в то время как "многие были рабами немногих", и поэтому "люди восстали против высших слоев". Так Аристотель описывает эту эпоху. См.: *Аристотель*. Афинская полиция. Гл. 4—6.

³ Солон освободил людей раз и навсегда, запретив все ссуды под залог жизни должника", "и в то же время он выпустил законы, погасившие все долги, частные и государственные" и т. п. (См.: *Аристотель*. Афинская полиция. Гл. 6).

⁴ Уравнения тем не менее порождают, с другой стороны, новый источник экономического неравенства. Именно это, по Аристотелю, и случилось в Греции. Накануне введения своих законов Солон посвятил в свои замыслы некоторых представителей афинской аристократии. Они же в свою очередь, заняв крупные суммы денег, скупили большие участки земли и после погашения мгновенно стали богачами (*Аристотель*. Афинская полиция. Гл. 6). Все это значит, что при любых реформах и революциях появляются свои махинаторы и дельцы, извлекающие из всего происходящего свой "навар".

пытались помочь бедным за счет богатых и других эксплуатируемых Афинами государств.

Ситуацию прекрасно охарактеризовал Поль Гиро:

"Амбиции политиков и государственных деятелей устремлены на перемещение богатств от богатых к бедным. Веками предпринимались бесчисленные попытки, имеющие одну-единственную цель — перераспределить богатство. Само собой разумеется, что цель эта никогда не была достигнута. Прежде всего, потому, что они не пытались поделить поровну. Во-вторых, они не предпринимали мер предосторожности, дабы предупредить неравенство в будущем. Короче говоря, нужно было постоянно все начинать сначала. Они прикладывали руку ко всему экономически ценному. Иногда они придавали видимость законности захватам имущества. Самым распространенным был метод насилия. Это был бунт против богатых. В случае успеха завоеватели убивали или изгоняли свои жертвы и конфисковывали их имущество. История Греции пропитана духом революции подобного рода. Они начали с первых конфликтов между аристократическими и демократическими партиями и продолжались до самого римского завоевания Греции"¹.

Добавьте к этому многочисленные налоги и обложения на капитал (*eisphora*, *proeisphora*, *liturgia* и т. д.), которые отнимали в некоторые периоды до 20% дохода богатых. Но тем не менее все эти меры со времени Солона и до IV века до нашей эры не смогли приостановить рост экономической дифференциации. Четыре экономических класса, созданных конституцией Солона, дифференцировались по возможному наличию капитала. Хотя позднее стратификация внутри этих классов усилилась еще больше. Направление кривой экономической флуктуации в других греческих полисах было таким же. Даже в Спарте, несмотря на серьезнейшие меры по сдерживанию экономического неравенства, построенной на принципах военного коммунизма, не удалось приостановить это восходящее движение. К концу Пелопоннесской войны (конец V в. до н. э.) или позднее, во времена правления Клеомена III и Агиса IV (III в. до н. э.), она стала более заметной, чем на ранних стадиях истории Спарты². Последние столетия существования греческих полисов, начиная приблизительно с III века до нашей эры, отмечены экономическим упадком, который в некоторых полисах привел к ослаблению экономической стратификации, вызванным среди прочего громадными налогами, экспроприациями и социальными потрясениями³.

Более заметны все эти перепады в нескончаемой истории Китая. Хотя она известна нам сравнительно немного, особенно это касается ранних эпох, однако большие циклы усиления и ослабления экономической стратификации за последние два тысячелетия кажутся очевидными.

Это можно показать на примере циклов концентрации и диффузии земельных владений, которые повторялись неоднократно за последние две тысячи лет. Нам известно, что благодаря системе Цинь Чэна до IV века до нашей эры не было большой концентрации земли в руках богатого меньшинства, но приблизительно после 350 года до нашей эры система государственной собственности на землю сменилась системой частной собственности. Это привело к быстрому росту концентрации земли в руках меньшинства и в результате — к нескольким попыткам приостановить его. Китайцы, однако, не смогли приостановить этот процесс надолго. В 280 году нашей эры была предпринята попытка

¹ Guiraud P. Etudes économiques sur l'antiquité. P., 1905. P. 68—69.

² См.: Ксенофонт. Греческая история. 3, 3, 5—6.

³ Guiraud P. Etudes... passim.

вновь и земля была поровну перераспределена в системе Цинь Чэна. Но неравенство возобновлялось вновь, и ему сопутствовали всякий раз попытки перераспределений в форме реформ и революций, причем чаще в начале правления династий (Цинь, Вей, Тан, Сунь и другие). С перерывами система просуществовала до 713 года нашей эры, но потом она окончательно уступила место частной собственности и новой волне концентрации земли. Хотя и позднее различными способами предпринимались попытки выравнивания то в форме национализаций, то в виде мер по установлению государственного социализма, то в форме правительственного контроля над промышленностью¹. Так шла история Китая до нашего времени.

Если взять нетерриториальную группу, такую, например, как христианская церковь, особенно римско-католическую церковь, то вновь можно пронаблюдать за подобными циклами. Вначале христианская община не была экономически дифференцирована и приближалась к государству *communis omnium possessio*² *. В дальнейшем, одновременно с увеличением числа христиан и легализацией христианства, с быстрым ростом церковного богатства последовал процесс внезапного усиления экономической стратификации. В VII—VIII веках богатство церкви стало огромным, параллельно с этим социальные и экономические стандарты, богатство и доходы различных церковных слоев, начиная с папы и кончая обычным приходским священником, стали совершенно несравнимыми. Былое равенство исчезло. Церковная организация стала представлять собой очень высокую пирамиду, разделенную на многочисленные экономические страты. Впоследствии предпринимается множество мер по сокращению богатств и уменьшению внутренней стратификации церкви. Конфискации и налогообложения церковного богатства Каролингами, а позднее светскими властями Англии и Франции; появление многочисленных сект, враждебно настроенных по отношению к церковным властям, которые стремились "вернуть" церковь к евангельской бедности (богомилы, вельдепсы, бегарды, лолларды, гумилиаты, арнольдисты и др.); Ренессанс и Реформация действовали также в направлении уменьшения богатства церкви и ее внутренней стратификации. Того же плана была экономическая история христианской церкви в отдельных странах, таких, как Англия, Италия, Франция, Германия, Россия. Короче говоря, если богатство и доходы высших представителей национальной церкви приблизительно сравнить с богатством и доходами среднего священника, а затем сделать такое же сравнение доходов низших и высших церковных авторитетов в средние века, то можно сделать вывод со значительной степенью вероятности, что теперешний конус христианской религиозной группы более плоский, чем он был в средние века. Восходящее движение первых четырнадцати веков развития христианской церкви в области экономической стратификации после XVIII века вытесняется тенденцией к выравниванию. Эта основная кривая в действительности была значительно сложнее; бесчисленное множество более мелких циклов колебалось вокруг этой основной кривой. Взятые вместе, они выражали существование циклов, а не постоянную тенденцию. И если мы возьмем историю религиозных орденов, то придем к тому же результату.

История европейских наций (пока еще относительно короткая) показывает подобные колебания в экономической стратификации. Ее начало

¹ Lee M. H. The Economic History... P. 58—123, 162, 214; Chen Huan Chang. The Economic Principles of Confucius and His School. Vol. 2. Ch. 8.

² * совместное владение всем (лат.).

известно. Среди германцев во времена Цезаря "каждый человек видит, что его собственное богатство равно богатству самых влиятельных"¹. В Германии времен Тацита экономическая стратификация между германцами уже достигла большего прогресса. Не без колебаний, параллельно расширению и усложнению социальных организмов, дифференциация продолжала расти, и в результате начала складываться комплексная феодальная система, которая прежде всего была системой очень сложной экономической стратификации. В конце средних веков стратификация становится огромной. В соответствии с расчетами Лютера, годовой доход крестьянина был около 40 гульденов, дворянина — 400 гульденов, графа, принца или короля — 4, 40, 400 тысяч соответственно. Около 1500 года нашей эры доход богатого человека равнялся 100—130 тысячам дукатов; среднегодовой доход немецкого ремесленника колебался между 8 и 20 гульденами; доход Карла V предположительно был не менее 4,5 миллиона дукатов². Таким образом, самый высокий доход экономического конуса превышал средний доход ремесленника в 500 тысяч раз — разница, которая едва ли существует в любом современном обществе, даже в Англии и США. В подобных масштабах и во Франции XIV—XV столетий существовала громадная экономическая дифференциация. Кроме короля и дворянства было еще 5 экономических классов мастеровых (*gens de métiers*), которые платили налоги от 5 су до 10 ливров и выше; класс буржуазии вместе с классом мастеровых стратифицировались по-своему, в соответствии со своими доходами. Буржуа, подобно Гандюффл де Ломбару, имел 458 тысяч ливров ежегодного дохода — сумма, в несколько десятков тысяч раз превышающая доход среднего мастерового³. Состояние Лоренцо Медичи (в 1440 г.) составляло около 235 137 гульденов, банкира Чиджи (в 1520 г.) — около 800 тысяч дукатов, папы Юлия II — около 700 тысяч дукатов. В Испании в XVI веке большей частью земель владели 105 человек⁴. В соответствии с историческими документами, в Англии в XVII веке градация годового дохода начиналась с 5 фунтов стерлингов — доход низкооплачиваемого работника; далее он поднимался до 15 фунтов для сельскохозяйственных работников и деревенских труженников; 38 фунтов — у ремесленников и мастеровых; до 45 фунтов — у лавочников и торговцев; до 60 фунтов — у людей искусства и науки; 60—80 фунтов — у морских и военных офицеров; 55—90 фунтов — у свободных землевладельцев; 70 фунтов — у высшего духовенства; 154 фунта — у юристов; 200—400 фунтов — у купцов; 180 фунтов — у сельских джентри; 450 фунтов — у эсквайра; до 650 фунтов — у рыцарей; до 880 фунтов — у баронетов; до 1300 фунтов — у епископа; до 3200 фунтов — у высшего дворянства; и, наконец, на вершине конуса — король и самые богатые люди с еще большими доходами⁵. Достаточно сравнить эти цифры с данными Ф.

¹ *Gai Юлий Цезарь*. Записки о галльской войне. Кн. 6. Гл. 22; Кн. 55. Гл. 1.

² *Schmoller G.* Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit // *Bulletin de l'Institut International de Statistique*. Vol. 9. N 17. P. 2—3; *Schmoller G.* *Grudriss...* Vol. 2. P. 517.

³ *Saint-Leon E. M.* *Histoire de Corporations de Métiers*. P., 1922. P. 177 ff. Годовой доход Людовика XIV составлял 21 миллион франков, Ришелье — 14 миллионов, Мазарини превосходил всех — 195 миллионов франков. Другие данные см.: *D'Avenel G.* *Découvertes d'histoire sociale*. P., 1910. P. 220 ff.

⁴ *Schmoller G.* *Grudriss...* Vol. 2. P. 517.

⁵ *Rogers J.* *Six Centuries of Work and Wages*. N. Y., 1884. P. 463—465. Годовой доход Эдварда II колебался от 60 111 до 128 248 фунтов; Эдварда III — от 67 603 до 253 126 фунтов. См.: *Ramsay J. H.* *A History of the Revenues of the Kings of England*. Oxford, 1925. Vol. 2. P. 292.

Вудса, касающимися теперешней разницы между самыми высокими и средними доходами в США, чтобы увидеть, что в предшествующие столетия существовали не меньшие экономические контрасты, чем в современных обществах с их мультимиллионерами и громадными финансовыми корпорациями¹.

Процесс роста экономического неравенства много раз сдерживался разными способами: революции, войны, реформы, конфискации, экспроприации, налоги, свободные дары богатых людей и т. п. То, что эти "задержки" были относительно эффективными, доказывает тот факт, что современное неравенство, измеренное от среднего до самого высокого дохода в обществе, не больше, чем оно было в некоторые предшествующие периоды. Если бы тенденция к усилению экономической стратификации была постоянной, то настоящее неравенство было бы гораздо значительнее, чем в Англии или Германии в их отдаленном прошлом.

Существование циклов можно видеть даже из нескольких цифр, которые относятся к доле различных групп доходов в общем национальном доходе в XIX и XX веках в европейских странах. Статистика показывает, что эти доли колеблются из месяца в месяц, из года в год, от одного периода в несколько лет в другой. Русская революция в период с 1917 по 1921 год — современный пример внезапного и радикального выравнивания экономической стратификации общества; с 1921 года появилась противоположная тенденция, которая проявляется в возрождении многих слоев, разрушенных в первый период революции².

Наконец, существование ритма в экономических флуктуациях проявляется во многих "подъемах" и "спадах" экономического статуса крупнейших экономических страт. Некоторые "подъемы" и "спады" совпадали с уменьшением и увеличением национального дохода; другие случались независимо от этого общего хода. В Англии, например, экономический статус трудящихся классов был низким в XIV веке и несоизмеримо высоким в XV и в начале XVI века; во второй половине XVI и XVII веке он вновь понизился; в первой половине XVIII века вторично улучшается; в дальнейшем же, особенно в конце XVIII — начале XIX века, он заметно ухудшается. После очередного подъема во второй половине XIX века за последнюю декаду экономический статус трудящихся Англии ухудшается вновь. Подобные колебания характерны и для истории Франции: XIII—XIV века были периодом благоприятного экономического положения для трудящихся слоев общества; вторая половина XIV и первая половина XV века были периодами сильного ухудшения; в следующем столетии их положение снова становится лучше; очередное ухудшение отмечает вторую половину XVI и начало XVII века; после периода относительной стабильности, во второй половине XVIII века, начался период ухудшения, который длился всю первую половину XIX века. Заметные позитивные сдвиги начинаются во второй половине XIX века, хотя и прерваны мировой войной и последующим периодом упадка.

Подобные колебания типичны для истории России, Германии, да и практически всех стран. Все предшествующее изложение *дает основание для заключения, что существование колебаний в экономической стратификации общества — факт достаточно определенный.*

¹ Г. Шмоллер полагает, что экономические контрасты современности не перехлестывают контрасты прошлого. *Schmoller G. Grundriss...* P. 519. Д'Авенель придерживается противоположной точки зрения. См.: *D'Avenel. G. Découvertes...* P. 229 ff.

² *Sorokin P. Sociology of Revolution. Pts. 3—4.*

3. Периодичность флуктуаций

Следующая проблема, которую хотелось бы кратко обсудить, заключается в выяснении периодичности этих колебаний. К сожалению, из-за отсутствия достаточных данных и невозможности точно определить время усиления или ослабления дифференциации нельзя и совершенно определенно ответить на этот вопрос. Колебания происходят так постепенно, что крайне сложно точно указать год начала или конца любого цикла. Всякая попытка сделать это будет в достаточной мере субъективной. И все же чисто экспериментально можно допустить существование нескольких видов приблизительной периодичности. Приведенные выше данные относительно экономического статуса рабочего класса во Франции и Англии позволяют сделать предположение, что существовали периоды в 50, 100 и 150 лет. Показатели покупательной способности денег и цен, приведенные Д'Авенелем для Франции, могут несколько прояснить проблему. Приняв покупательную способность денег в конце XIX века за условную единицу, Д'Авенель приводит следующие показатели для предшествующих шести веков¹.

Периоды	Покупательная способность денег	
1201—1225	4.5] за 150 лет (1201—1350) — нисходящая тенденция
1226—1300	4.0	
1301—1350	3.5	
1376—1400	4.0] за 150 лет (1351—1500) — восходящая тенденция
1401—1450		
1451—1500	5.0	
1501—1525	5.0] за 150 лет (1501—1650) — нисходящая тенденция
1526—1550	4.0	
1551—1575	3.0	
1576—1600	2.5	
1601—1650		
1651—1700] за 150 лет четкая тенденция не улавливается
1701—1725	2.75	
1726—1750	3.0	
1751—1775	2.33	
1776—1790	2.0	

Если верно, что росту цен способствует перераспределение национального дохода в пользу класса предпринимателей, то приведенные выше цифры показывают периодичность ϵ изменения стратификации за 150 лет. Подобная периодичность предполагается также в связи с упомянутым выше изменением экономического статуса рабочего класса в Англии. Изучая с этой точки зрения индексы цен, стоимость жизни, номинальную и реальную заработную плату и т. д., можно заметить и менее глобальную периодичность в 10, 15, 20, 30, 40, 50 лет. Однако невозможно сделать какой-либо негативный или позитивный вывод из этих данных вследствие их фрагментарности, случайного и недостаточного характера выборки. Впрочем, проблема периодичности не столь уж и важна. Я думаю, что обсуждение ее можно и опустить, оговорив лишь, что наличие строгой периодичности вероятно, хотя еще и не доказано.

¹ D'Avenel G. La fortune privée. P., 1895. P. 7, 17, 37.

4. Существует ли предел флуктуации экономической стратификации?

Наиболее вероятный ответ на этот вопрос может быть следующим: *при нормальных условиях, свободных от социальных потрясений в обществе, которое прошло первобытную ступень и обладает сложной структурой, в котором наличествует институт частной собственности, изменение высоты и профиля экономической стратификации ограничено.* Это значит, что форма стратификации не будет ни слишком "выпуклой", ни слишком "плоской". Она относительно постоянна и изменяется только в строго определенных пределах. Все это прекрасно продемонстрировали В. Парето, Г. Шмоллер и некоторые другие исследователи, которые отметили, что форма экономического конуса различных обществ, да и одного и того же общества в разные периоды, почти одинаковая. Это можно проиллюстрировать следующими примерами¹.

Удельный вес четырех экономических классов (по доходам)

Периоды	Богатейший класс	Второй (по доходу) класс	Третий (по доходу) класс	Беднейший класс	Итого
Базель: 1453—1454	4.3	17.0	27.8	50.9	100.0
1881	4.6	17.2	18.2	60.0	100.0
Аугсбург: 1471	0.29	2.7	31.6	65.4	100.0
1554	2.29	3.98	40.5	53.2	100.0
Ольденбург: 1892	2.8	5.8	33.4	57.6	100.0
Пруссия: 1893—1894	1.4	2.5	26.1	70.0	100.0
Англия: 1688	0.6	2.9	34.1	62.4	100.0
1867	0.5	1.5	30.2	67.7	100.0
Саксония: 1892	0.7	2.7	30.5	66.9	100.0

Цифры показывают, что форма экономического конуса различных обществ (в том числе и того же общества, но в разное время) колеблется, но эти изменения ограничены, и профили в основном схожи.

Означает ли это, что более радикальное изменение формы стратификации невозможно? Вовсе нет. Нет необходимости заглядывать далеко в прошлое, достаточно посмотреть на русский опыт, чтобы увидеть совершенно плоские форму и высоту стратификации. Уничтожение большевиками частной собственности и экспроприация денег, ценных и драгоценных предметов; национализация банков, фабрик, мастерских, домов и земель; выравнивание средних окладов (разница между самой высокой и низкой заработной платой, в соответствии с декретом от 1918 года, не должна превышать соотношение 175:100)². Короче говоря, коммунистические "меры" отсекали все хорошо обеспеченные слои экономического конуса России, сильно сократили разницу между зарплатой рабочих и крестьян и, таким образом, сделали форму экономического конуса русского общества почти плоской. Вместо конуса форма стратификации

¹ *Schmoller G. Die Einkommensverteilung... P. 13—22; King W. I. The Wealth... Ch. 4, 8.*

² Детали см. в кн.: *Sociology of Revolution. Ch. 5, 12, 14.*

в этот период скорее напоминает трапецию. Этот факт — далеко не уникальный в истории — означает, что *случаются самые радикальные изменения высоты и профиля экономической стратификации. Но они всегда носят характер большой катастрофы и происходят при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах, и если общество не погибает, то "плоскостность" его стратификации регулярно вытесняется конусом и неизбежной дифференциацией слоев.*

В течение этих же лет схожий процесс наблюдался в Венгрии и Баварии, где происходили подобные выравнивания. В прошлом подобный ход событий продемонстрировали многие "коммунистические" революции в Греции, Персии, во многих мусульманских странах, Китае, в средневековой Богемии, государстве Таборитов, в Германии (коммунистические общества Т. Мюнцера и Д. Лейдена), во Франции во времена Великой французской революции 1789 года и т. п. Другими словами, радикальному выравниванию экономической стратификации более или менее развитых социальных организаций всегда сопутствовали социальные потрясения, сопровождаемые сильной экономической дезорганизацией, голодом, нищетой; они никогда не были успешными и чаще всего — кратковременными; и как только общества начинали экономически выздоравливать, то всегда возникала новая экономическая стратификация. Эти утверждения не гипотетичны, а суть результат длительного индуктивного изучения соответствующих исторических экспериментов¹. Неизвестно абсолютно ни одного исключения из правила. Общества "государственного социализма" или "военного коммунизма", как в Спарте или Римской империи IV—V веков нашей эры, королевстве инков, древней Мексике, Египте при Птолемеях, государстве иезуитов, которые существовали сравнительно долго, — не исключения из этого правила по той простой причине, что они в действительности были высоко стратифицированными обществами с сильным экономическим и социальным неравенством различных слоев внутри каждого из них².

Поэтому мы должны признать с большими оговорками, что радикальное "выравнивание" формы стратификации возможно и иногда случалось. Но мы должны добавить к этому, что оно сопровождалось катастрофическими разрушениями экономической жизни общества, еще большим усилением нищеты массы населения, анархией и смертью. Те, кто жаждут такого "выравнивания", должны быть готовы к его последствиям. Третьего не дано! Либо плоское экономическое общество, но сопровождающееся нищетой и голодом, либо относительно преуспевающее общество с неизбежным социально-экономическим неравенством.

То же с соответствующими исправлениями можно сказать о беспредельном повышении или понижении профиля экономической стратификации. *Существует точка "насыщения", дальше которой общество не может продвигаться без риска крупной катастрофы. Когда же она достигнута, социальное здание рушится, и его верхние слои низвергаются.* Как это происходит, путем ли революции, реформы, вторжения или вследствие внутренней дезорганизации, путем ли налогообложения или грабежа, сути дела не меняет. Важно лишь то, что как-то это все же осуществляется. Как любое физическое тело имеет свою точку

¹ Кое-какую информацию можно почерпнуть в моей "Социологии революции", хотя детальное исследование на эту тему было осуществлено мною в исследовании "Голод как фактор", тираж которого был уничтожен большевистским правительством.

² Pareto V. Les systèmes socialistes. P., 1902—1903; Spencer H. Principles of Sociology. Pt. 5. Ch. 17.

чрезмерного напряжения, так аналогично существует точка чрезмерного напряжения для "социального тела". В зависимости от ряда условий точка "перегрузки" отличается для разных физических структур. Точно так же опасность достижения точки перенапряжения экономической стратификации неодинакова для разных обществ и зависит от их размеров, окружения, человеческого материала, характера распределения богатств и т. д. Как только общество начинает приближаться к точке перенапряжения, начинается революционная, уравнительная, социалистическая и коммунистическая "лихорадка", заражающая все большие и большие массы людей, вызывающая все усиливающееся возмущение народа, затем искомая "операция" или путем революционным, или реформаторским совершается. Таков вечно повторяющийся цикл истории. Но довольно об ограничениях в колебаниях высоты и профиля экономической стратификации. Обратимся теперь к последней проблеме.

5. Существование постоянной тенденции во флуктуациях высоты и профиля экономической стратификации

Лично я не вижу ничего подобного в истории. Что не существует постоянной тенденции к экономическому равенству, очевидно каждому, кто хоть мало-мальски знаком с социальной сферой и кто не подменяет реальные исторические процессы, происходящие тысячелетиями, пламенными "речами" и "шумным многословием" пришедших в уныние уравнителей. Вне сомнения, экономическая пирамида всех первобытных племен на ранних ступенях европейских, американских, азиатских и африканских обществ была очень низкой и близкой к "плоскости". Дальнейшая же эволюция каждого из них заключалась не в увеличении равенства, а, наоборот, в усилении экономического неравенства. Ни одному из этих обществ на поздних ступенях развития не удалось воссоздать экономической "плоскости" детства истории, как ни один человек не может вернуться во младенчество, если оно уже закончилось. И так как в течение тысячелетий не было подобных "возвратов", за исключением кратковременных катастрофических кризисов, то нет оснований для каких-либо заявлений о наличии тенденции к экономическому равенству. При этом любому человеку, даже безумцу, дается полная свобода верить во все, что он пожелает, тем не менее для науки существует только один ответ: *любое общество, переходя от первобытного к более развитому состоянию, обнаруживает не ослабление, а именно усиление экономического неравенства.* И ни речи уравнителей, ни речи христианских либеральных проповедников, несмотря на их каждодневное повторение, не могут изменить этого процесса¹.

Означает ли это, что существует противоположная тенденция к увеличению экономического неравенства? И вновь я не вижу достаточных оснований для подобного утверждения. Из аналогии следует: новорожденный младенец умственно и физически развивается в течение нескольких лет, но неверно делать из этого вывод, что его рост продолжится бесконечно. Спустя некоторое количество лет рост приостановится, и в организме начнут происходить обратные процессы. Иными словами, из чистого факта увеличения экономической стратификации в течение первых ступеней эволюции общества неверно выводить, что эта тенден-

¹ Современные коммунистические эксперименты в Венгрии и России, где руками же коммунистов заново сотворено высокостратифицированное общество, выступают дополнительными убедительными контраргументами против всех "рецептов" достижения экономического равенства.

ция будет постоянной и продолжится неограниченно. Конечно, аналогия — далеко не адекватный аргумент, но факты истории показывают, что во многих обществах прошлого на ранних ступенях экономическая дифференциация возрастала и, достигнув кульминационной точки, начинала видоизменяться, время от времени разрушаясь. Последние ступени экономической эволюции часто (хотя не всегда) отмечались ослаблением экономических контрастов, и это ни в коем случае не было возвращением к первобытной "плоскости". Такова схематичная кривая истории. Второй ряд релевантных фактов дает история некоторых более стабильных обществ, типа китайского. Несмотря на шеститысячелетнюю его историю и бесконечное число изменений, едва ли можно сказать, что существовала постоянная тенденция усиления экономической стратификации в китайском обществе за последние пару тысячелетий. И в настоящее время она вряд ли больше, чем во многие предшествующие периоды. Все, что мы здесь наблюдаем за две-три тысячи лет — лишь колебания стратификации. Третий ряд фактов дает история современных европейских обществ. Данные, приведенные мною выше, показывают, что в прошлом было не меньше экономических контрастов, чем сейчас. В течение последних нескольких столетий их стратификация колебалась то вверх, то вниз, и ничего более. Не было определено ни постоянной тенденции в направлении роста экономического неравенства, ни в направлении его ослабления.

Наконец, история статистически достоверно изученных XIX и XX столетий, как мы видели, также не показала какой-либо определенной тенденции. Распределение национального дохода в европейских странах, будучи достаточно стабильным, показывает только маятниковые колебания. Поэтому, несмотря на нашу склонность видеть во всем определенные закономерности, несмотря на наше желание верить в неизменные силы, которые создают историю человечества и ведут нас к определенной цели, несмотря на общее мнение, которое описывает процесс исторического развития как обучение в колледже, где все студенты поступают на первый курс, переходя с курса на курс и наконец заканчивают колледж, дабы стать счастливыми членами конечного "социалистического", "коммунистического", "анархического", "равного" или еще какого-нибудь там социального рая, предписанного историей, разумом или абсурдом "теоретиков прогресса"; несмотря на все это, мы вынуждены заключить, что такому "финализму" и "эсхатологии" нет серьезных оснований. Исторический процесс скорее напоминает мне человека, который вращается в разных направлениях без определенной цели или пункта назначения.

К вышесказанному следует добавить следующие краткие замечания: как правильно подметили В. Парето и Г. Шмоллер, существует корреляция между периодом интенсивного экономического развития и усилением экономической стратификации и, при общих равных условиях, увеличение размера общества в форме увеличения числа его членов, вероятно, приводит к ослаблению роста неравенства. Но это, однако, не всегда так и часто нарушается вмешательством разнородных и неожиданных факторов. Временно поставим на этом точку.

Резюме

1. Гипотезы постоянной высоты и профиля экономической стратификации и ее роста в XIX веке не подтверждаются.
2. Самая верная — гипотеза колебаний экономической стратификации от группы к группе, а внутри одной и той же группы — от одного

периода времени к другому. Иными словами, существуют циклы, в которых усиление экономического неравенства сменяется его ослаблением.

3. В этих флуктуациях возможна некоторая периодичность, но по разным причинам ее существование пока еще никем не доказано.

4. За исключением ранних стадий экономической эволюции, отмеченных увеличением экономической стратификации, не существует постоянного направления в колебаниях высоты и формы экономической стратификации.

5. Не обнаружена строгая тенденция к уменьшению экономического неравенства; нет серьезных оснований и для признания существования противоположной тенденции.

6. При нормальных социальных условиях экономический конус развитого общества колеблется в определенных пределах. Его форма относительно постоянна. При чрезвычайных обстоятельствах эти пределы могут быть нарушены, и профиль экономической стратификации может стать или очень плоским, или очень выпуклым и высоким. В обоих случаях такое положение кратковременно. И если "экономически плоское" общество не погибает, то "плоскость" быстро вытесняется усилением экономической стратификации. Если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой.

7. Таким образом в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние — стихийно, импульсивно, используя насильственные методы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Итак, как уже было отмечено, универсальность и постоянство политической стратификации вовсе не означает, что она везде и всегда была идентичной. Сейчас же следует обсудить следующие проблемы: а) изменяется ли профиль и высота политической стратификации от группы к группе, от одного периода времени к другому; б) существуют ли установленные пределы этих колебаний; в) периодичность колебаний; г) существует ли вечно постоянное направление этих изменений. Раскрывая все эти вопросы, мы должны быть крайне осторожны, чтобы не подпасть под обаяние велеречивого красноречия. Проблема очень сложна. И должно приближаться к ней постепенно, шаг за шагом.

I. Изменения верхней части политической стратификации

Упростим ситуацию: возьмем для начала только верхнюю часть политической пирамиды, состоящую из свободных членов общества. Оставим на некоторое время без внимания все те слои, которые находятся ниже этого уровня (слуги, рабы, крепостные и т. п.). Одновременно не будем рассматривать кем? как? на какой период? по каким причинам? занимаются различные слои политической пирамиды. Сейчас предметом нашего интереса являются высота и профиль политического здания, населенного свободными членами общества: существует ли в его изменениях постоянная тенденция к "выравниванию" (то есть

к уменьшению высоты и рельефности пирамиды) или в направлении к "повышению".

Общепринятое мнение — в пользу тенденции "выравнивания". Люди склонны считать как само собой разумеющееся, что в истории существует железная тенденция к политическому равенству и к уничтожению политического "феодализма" и иерархии. Такое суждение типично и для настоящего момента. Как справедливо подметил Г. Воллас, "политическое кредо массы людей не является результатом размышлений, проверенных опытом, а совокупность бессознательных или полусознательных предположений, выдвигаемых по привычке... Что ближе к разуму, то ближе к нашему прошлому и как более сильный импульс позволяет быстрее прийти к выводу"¹. Что касается высоты верхней части политической пирамиды, то я отнюдь не уверен, что общее мнение людей детерминировано этими мотивами. Мои же аргументы следующие.

У первобытных племен и на ранних ступенях развития цивилизации политическая стратификация была незначительной и незаметной. Несколько лидеров, слой влиятельных старейшин — и, пожалуй, все, что располагалось над слоем всего остального свободного населения. Политическая форма такого социального организма чем-то, только отдаленно, напоминала покатую и низкую пирамиду. Она скорее приближалась к прямоугольному параллелепипеду с еле выступающим возвышением сверху. С развитием и ростом общественных отношений, в процессе унификации первоначально независимых племен, в процессе естественного демографического роста населения политическая стратификация усиливалась, а число различных рангов скорее увеличивалось, чем уменьшалось. Политический конус начинал расти, но никак не выравниваться. Четыре основных ранга полуцивильных обществ на Сэндвичевых островах и шесть классов среди новозеландцев могут проиллюстрировать этот первоначальный рост стратификации. То же можно сказать и о самых ранних ступенях развития современных европейских народов, о древнегреческом и римском обществах. Не обращая внимание на дальнейшую политическую эволюцию всех этих обществ, очевидным кажется, что никогда их политическая иерархия не станет такой же плоской, какой она была на ранних стадиях развития цивилизации. Если дело обстоит именно так, то было бы невозможным признать, что в истории политической стратификации существует постоянная тенденция к политическому "выравниванию".

Второй аргумент сводится к тому, что, возьмем ли мы историю Древнего Египта, Греции, Рима, Китая или современных европейских обществ, она не показывает, что с течением времени пирамида политической иерархии становится ниже, а политический конус — более плоским. В истории Рима периода республики мы видим вместо нескольких рангов архаической поры высочайшую пирамиду из разных рангов и титулов, накладывающихся друг на друга даже по степени привилегированности. В наше время наблюдается нечто похожее. Специалисты по конституционному праву, кстати, достаточно верно отмечают, что политических прав у президента США явно больше, чем у европейского конституционного монарха. Исполнение приказов, которые отдают высокие официальные лица своим подчиненным, генералы — низшим военным рангам, столь же категорично и обязательно, как и в любой недемократической стране. Соблюдение

¹ *Wallas G. Human Nature in Politics. 1919. P. 203—206.*

приказов офицера высшего звания в американской армии так же обязательно, как и в любой другой армии. Есть отличия в методах рекрута, которые мы обсудим в дальнейшем, но это ни в коем случае не означает, что политическое здание современных демократий плоское или менее стратифицированное, чем политическое здание многих недемократических стран. Таким образом, что касается политической иерархии среди граждан, то *я не вижу какой-либо тенденции в политической эволюции к понижению или уплощению конуса*. Несмотря на различные методы пополнения членами высших слоев в современных демократиях, политический конус сейчас такой же высокий и стратифицированный, как и в любое другое время в историческом прошлом, и конечно же он выше, чем во многих менее развитых обществах. Хотя я и настойчиво подчеркиваю эту мысль, тем не менее мне не хотелось бы, чтобы меня поняли превратно, будто бы я утверждаю существование обратной постоянной тенденции к повышению политической иерархии. Это никаким образом и ничем не подтверждается. Все, что мы видим вновь, — это "беспорядочные", ненаправленные, "слепые" колебания, не ведущие ни к постоянному усилению, ни к ослаблению политической стратификации.

2. Изменения политической стратификации внутри целостной политической организации

Предыдущее обсуждение касалось только верхней части политических организаций. Но вполне очевидно, что во всех обществах существует слой ниже этого уровня, то есть слой всех остальных граждан. И даже среди самих граждан юридически и фактически существуют разные статы меняющихся степеней, привилегий и ответственности. Сейчас нам придется вернуться к анализу вертикальной диспозиции и профиля *целостной* политической организации снизу доверху.

Гипотеза исчезновения политического неравенства и политической стратификации. Преобладающее мнение специалистов заключается в признании постоянной тенденции к исчезновению политического неравенства. Согласно этому представлению, с течением времени политический конус уплощается, а ряд его слоев и вовсе исчезает. Так как противоположная тенденция сегодня практически никем серьезно не поддерживается, мы поэтому можем сконцентрировать наше внимание на этом мнении, типичном для политической мысли XVIII—XX веков. При первом приближении гипотеза кажется неоспоримой. Действительно, рабство и крепостное право, иерархия каст и многочисленных феодальных социальных рангов — все это практически исчезло в нынешнем цивилизованном обществе. Основной лозунг современности: "Люди рождены и живут с равными правами" (Французская "Декларация прав человека и гражданина" 1791 года); или в другой редакции: "Мы признаем очевидным, что все люди сотворены равными и наделены создателем базовыми неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и право на счастье" (Американская "Декларация независимости" 1776 года).

В течение последних столетий мы наблюдаем большую волну демократизаций, распространяющуюся по всем континентам. Равенство фактически устанавливается до введения закона о равенстве, избирательное право постепенно становится всеобщим, ниспровергаются монархии, уничтожаются юридические классовые барьеры и отличия.

Отменены чрезмерные привилегии мужчин и право лишения женщин наследства. Правительство, созданное "по воле бога", заменяется правительством, созданным "по воле людей". Волна равенства распространяется все дальше и дальше и пытается вытеснить все расовые и национальные отличия, профессиональные и экономические привилегии. Короче говоря, тенденция к политическому равенству за последние два столетия была столь заметной и явной, столь стремительной, что не осталось места для сомнения, а тем более оснований для этой общей точки зрения¹.

Однако более близкое изучение проблемы, особенно если оно основывается не на "речевых реакциях", а на действительных фактах и реальном поведении людей, придает ситуации большую сомнительность. Прежде всего допустим, что волна "выравнивания" в XIX—XX веках была действительно такой, какой она изображается. Не исключено, что это было всего лишь временным явлением, частью цикла, который будет вытеснен противоположной волной! Касательно этого В. Брайс недвусмысленно утверждал:

"Свободные правительства существовали и в прошлом, но все их попытки править не увенчались успехом. Более успешными всегда были деспотические монархии... Народы, познавшие и чтившие свободу, отрекались от нее, не сожалея, и напрочь забывали о ней... Так было в прошлом, а что было, то вполне может повториться вновь"².

В настоящее время внимательный наблюдатель событий может узреть ряд симптомов угрозы демократии и парламентаризму, политическому равенству, политической свободе и другим основным ипостасям демократии и равенства. Среди них прежде всего упоминаем угрозу со стороны большевизма, коммунизма, фашизма, гипертрофированного социализма, классовой борьбы, ку-клукс-кланизма, различного рода диктатур и т. д. Те, кто хорошо знаком с этими явлениями, не сомневаются относительно природы этих социальных движений и их последствий. Есть надежда, что в ближайшем будущем они станут относительно безвредными. Но успех, которым они располагают в различных социальных странах, многочисленные "Ave, Caesar"^{3*}, с которыми они были встречены массами и "интеллектуалами", свидетельствуют о том, что корни действительной демократии еще очень слабы, что желание людей, чтобы ими управляли (даже у тех, кто изначально не познали рабства), как это случилось в России, никоим образом не умерло и еще достаточно сильно. К сожалению, не существует гарантий, что тенденция к политическому равенству не вытеснится противоположной тенденцией. Одно-два столетия — слишком короткий исторический период, чтобы можно было дать абсолютное "добро" утверждению о наличии какой-либо постоянной тенденции. Впрочем, достаточно об этом.

Существуют и другие более веские причины для того, чтобы усомниться в правильности этой гипотезы. Они могут быть совершенно ясными, но для этого следует отбросить всю эту

¹ В качестве образца подобных оптимистических суждений см.: *Hall G. S. Can the Masses Rule the World // Scientific Monthly. 1914. Vol. 18. P. 456—466.*

² *Bryce J. Modern Democracies. N. Y., 1921. Vol. 2. P. 599; Ср.: Maine H. Popular Government. L., 1886. P. 13 ff., 70 ff., 131.*

³ * "Здравствуй, Цезарь!" (*лат.*). Приветствие римских гладиаторов, обращенное к императору.

”высокопарную фразеологию”, очень часто искажающую действительность. На самом деле эта фразеология с соответствующей ей идеологией равенства, народного правления, социализма, демократии, коммунизма, всеобщего избирательного права, политического и экономического права не новы и известны давно, по крайней мере за многие столетия до Рождества Христова¹. Достоверны только реальная ситуация и реальное поведение людей. Взглянем на проблему с этой точки зрения.

Рабство. Если общепринятое мнение верно и указанная тенденция универсальная, то в истории всех социально-политических организаций мы должны увидеть, как рабство, появившись на ранних ступенях эволюции, постепенно отмирало бы. Верно ли это утверждение, претендующее на истинное, универсальное? Конечно же нет! И прежде всего потому, что на самых ранних ступенях истории рабства практически не существовало. Более того, в течение долгого периода, к примеру, истории Китая рабство вообще не было известно, за исключением порабощения преступников. Оно широко распространяется не ранее IV века до нашей эры. Позднее его неоднократно отменяли, но оно возникало вновь, особенно когда наступал голод. И так исчезновение и возрождение рабства случалось несколько раз кряду². В длительной истории Китая подобные изменения никоим образом не подтверждают названную тенденцию. То же можно сказать и об эволюции рабства в Древней Греции и Риме. В архаическую эпоху было очень мало рабов. К ним относились как к членам семьи, их достоинство и статус не имели ничего общего с ужасами рабства более поздних ступеней развития³. С политической эволюцией социально-политических организаций рабство усиливалось качественно и количественно. В Риме оно достигло своей кульминационной точки лишь в конце республики (II—I вв. до н. э.), в Греции же — в V—IV веках до нашей эры. Если в последние века истории Рима и Греции и наблюдается сокращение числа рабов и качественное смягчение рабского законодательства (эдикты Клавдия, Петрония и Антония Пия), то это компенсировалось за счет закрепощения свободных граждан и другими законами, ограничивающими их освобождение (законы Элия Сентия, Фуфия Каниния)⁴. Взятая в целом, история этих политических сообществ не следует ”ожидаемому курсу”. Они, не упоминая о других организациях, где эволюция рабства была схожей, свидетельствуют о том, что вышеупомянутая тенденция не была универсальной и типичной для политической эволюции любой крупной политической организации⁵.

¹ Для античных государств Греции и Рима см.: *Pöhlman R. Geschichte der Antike Communismus und Socialismus*; для средневековья: *Carlyle R. W., and A. J. History of Medieval Political Theory. Edinburgh, 1903—1922. Vol. 1—4*; *Beer M. Social Struggles in Antiquity. L., 1921*; *Beer M. Social Struggles in the Middle Age. L., 1924.*

² *Chen Huan Chang. The Economic Principles of Confucius. Vol. 2. P. 374—379.*

³ Г. Шмоллер справедливо замечает, что общераспространенная ошибка исследователей — описывать античное рабство в темных красках. На ранних фазах развития оно мало напоминало ужасающее рабство позднего периода. Условия жизни рабов в примитивных культурах мало чем отличались от условий обычных членов патриархальной семьи. См.: *Schmoller G. Die Tatsachen der Arbeitsenteilung. P. 1010 ff.*

⁴ *Meyer E. Die Sklaverei im Altertum. B., 1898*; *Guiraud P. La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grece. P., 1900.*

⁵ *Spencer H. Principles of Sociology. Vol. 3. Ch. 15.*

Мне могут возразить, что история человечества, взятая в целом, показывает исчезновение рабства: оно существовало, но больше ведь не существует! На это я бы ответил, что только немногим более полувека прошло с тех пор, как оно было отменено в самой демократической стране — США; что крепостное право, которое было не лучше, чем рабство, было упразднено в России только в 1861 году. История, как оказалось, выжидала очень долго, подчас многие тысячелетия, прежде чем отважилась показать тенденцию "к равенству в этом отношении". На основании такого короткого промежутка времени невозможно с уверенностью сказать, что этот "исторический акт" является конечным и необратимым. Более того, рабство, если не юридическое, то фактическое, продолжает существовать и распространяется самыми цивилизованными нациями в их колониях среди диких и варварских туземцев. Отношение к ним и условия их жизни благодаря присутствию "цивилизаторов" зачастую такие, что им вряд ли позавидовали бы рабы прошлого. И это хорошо всем известно. Именно сейчас профессор Э. Росс в своем официальном докладе Лиге Наций указал на существование подлинного рабства в африканских колониях. Подобные "открытия" сделаны правительствами Колумбии и Венесуэлы¹. Об этих явлениях, касающихся миллионов, часто забывают, так как поработаны не "белые люди", они не принадлежат к "культурным нациям"². Два-три десятка тысяч афиня гордились своей свободой и демократией, умалчивая о том, что они эксплуатировали десятки, а то и сотни тысяч рабов. Точно так же мы хвалимся нашей демократией и равенством, забывая, что под властью 30—40 миллионов граждан Великобритании находится 300 миллионов подвластных британской короне, которые отнюдь не вкушают всех благ демократии и к которым относятся так же, как к рабам в далеком прошлом. Мы часто упрекаем Аристотеля и Платона за их "классовую" ограниченность" по отношению к рабству. Но мы также гордимся равенством малой группы людей, утаивая условия жизни тех, кто находится вне этой группы. А это значит, что социальная дистанция между наиболее развитыми демократиями Великобритании и Франции (африканские и индо-китайские колонии), Бельгии (Конго), Нидерландов (Ява), не говоря уже о других европейских державах, и их колониальным туземным миром едва ли меньше, чем дистанция, существовавшая между афинянами, спартанцами и их рабами, илотами и полусвободными слоями населения.

¹ В сообщениях из Боготы (Колумбия), появившихся в "Mineapolis Journal" (1925, 11.БИ), читаем: "Правительствами двух стран, Колумбии и Венесуэлы, установлено законное существование работорговли индейцами в пограничной зоне, которой сопутствуют принудительный труд аборигенов на каучуковых плантациях и продажа индейских девушек белым торговцам. Работорговля, о которой долгое время ходили слухи, отмечена теми же ужасающими чертами, что и бельгийская каучуковая торговля в Конго... Белые господа, покупающие мужчин и женщин, имеют над ними полные права, включая право на жизнь и смерть. Торговцы, утратившие гуманистический облик, безжалостно относятся к бедным индейцам. Последние выращивают заррапию, главный продукт земледелия в этом районе, торговцы же отбирают у них большую часть урожая в обмен на горстку соли или коробок спичек. Зачастую продукт и вовсе отбирается силой..."

² И если в течение нескольких последних декад их положение улучшилось, то оно все равно не идет ни в какое сравнение с соответствующими изменениями жизни европейского населения. Разница между ними все столь же велика, как и в прошлом.

Среди 400 миллионов населения Индии рабство в виде низших каст все еще существует, несмотря на то что в истории этого народа было немало возможностей, дабы проявить "освобождающую тенденцию". Более того, социальная дистанция от самого низкого слоя империи до полноправных граждан Британии отнюдь не короче, чем от рабов до граждан Рима. Социальная дистанция от коренного жителя Конго до рабочего Бельгии, от аборигена нидерландских, французских, португальских колоний до статуса гражданина этих стран едва ли меньше, чем социальная дистанция от слуги до его хозяина в отдаленном прошлом. Рабство означает полное подчинение одного индивида другому, который обладает правом распоряжаться жизнью или смертью своего раба. В этом смысле рабство продолжает существовать во многих странах. Одним из источников рабства было совершение преступления. И эта категория рабов еще существует в лице преступников, чье поведение полностью контролируется другими, кого в некоторых случаях могут подвергнуть экзекуции, и с кем фактически обращаются как с рабами; преступник подчас вынужден заниматься изнурительным трудом и практически не распоряжается самим собой. Заключенных в тюрьмах можно не называть рабами, но суть явления от этого не изменится.

Другим источником рабства в прошлом была война. Приводит ли опыт мировой войны к убеждению, что времена изменились? Напротив, обращение с военнопленными было столь же плохим, как и обращение в прошлом с рабами. Более того, буквально на наших глазах группа "искателей приключений" поработила и лишила собственности миллионы людей России в период с 1918 по 1920 год. Они уничтожили сотни тысяч людей, замучили других и навязали миллионам обязательный тяжелый труд, который не легче труда рабов в Египте во время возведения пирамид. Короче говоря, они лишили население России всех прав и свобод и создали в течение четырех лет настоящее государственное рабство в его наихудшей форме. Это положение в смягченном виде сохраняется и даже приветствуется многими "независимыми мыслителями" современности.

Величают ли указанные категории людей рабами или нет — дела не меняет. Что же действительно имеет значение, так это тот факт, что в современных европейских странах и их колониях еще существуют миллионы людей, которые по сути своего положения являются рабами. Многие туземцы были освобождены до их колонизации, чтобы потерять это право на свободу после нее. И этот нижний слой во многих странах очень велик. Всех фактов, кажется, достаточно, чтобы убедиться в том, что ни условия рабства, ни взаимоотношения между рабом и хозяином, ни психология раба и хозяина, ни рабские лишения, ни привилегии хозяина, ни социальная дистанция между ними фактически и полностью не исчезли. Очарованные речами, мы чрезмерно приукрашиваем сущее, преувеличивая ужасы прошлого¹. Короче говоря, я думаю, что даже по отношению к рабству ситуация не столь блестящая, какой обычно преподносится.

Высшие классы. Обратимся к противоположным, верхним слоям политических организаций. Подобно детям, мы хвалимся тем, что деспотизм и самодержавные монархии ликвидированы, что избирательное право стало всеобщим, что аристократии больше не существует,

¹ Г. Спенсер верно пишет: "Свобода современного труженика на деле вряд ли значит больше, чем возможность обмена одной формы рабства на другую". См.: *Spencer H. Principles of Sociology*. N. Y., 1912. Vol. 3. P. 464—465.

что социальная дистанция от низших слоев до высших значительно уменьшилась. Некоторые "социальные мыслители" сформулировали ряд закономерностей, "исторических тенденций", такие, как законы исторического перехода 1) от монархии к республике, 2) от самодержавия к демократии, 3) от правления меньшинства к правлению большинства, 4) от политического неравенства к равенству и т. п. Верно ли все это? Подтверждается ли все это историческими фактами? Хотелось бы, чтобы все это было правдой, но, к сожалению, наше желание не подкреплено фактами. Позвольте мне кратко остановиться на основных категориях подобных "упрямых" фактов, которые относятся к тому пути, о котором мы мечтаем.

1. *Во-первых, не существует постоянной исторической тенденции от монархии к республике.* Возьмем ли мы Древнюю Грецию или Рим, средневековую Италию, Германию, Англию, Францию, Испанию, не говоря уж о "безнадежных" в этом отношении азиатских державах, и мы увидим, что в истории этих стран монархия и республика поочередно вытесняли друг друга без какого-либо определенного направления, уступая место одна другой. Рим и Греция начинали свою историю как монархии, позднее стали республиками и закончили свою историю снова монархиями. Теории приверженцев циклического развития прошлого, таких, как Конфуций, Платон, Фукидид, Аристотель, Полибий, Флор, Цицерон, Сенека, Макиавелли, Вико, были более научными и сватывали действительность гораздо лучше, чем многие спекулятивные теории современных "тенденциозных законодателей". Подобные "повороты" мы находим в истории всех перечисленных выше и многих других стран. Часть средневековых итальянских республик, как известно, впоследствии стали монархиями. Франция с конца XVIII века и на всем протяжении XIX века пережила несколько подобных "поворотов". Многие европейские республики, завоеванные в ходе революций, и вовсе исчезли. В Испании установленная в 1873 году республика просуществовала крайне недолго. В Греции за последние несколько лет мы наблюдали такие переходы неоднократно. Нет необходимости в бесконечном повторении известных фактов¹. Только человек, мало разбирающийся в истории и предпочитающий иметь дело с фикцией, а не с реальностью, может поверить в существование упомянутой выше тенденции².

¹ Об интересных соображениях на эту тему см.: *Main H. Popular Government*. P. 13—20, 70—71.

² Для оценки степени государственного деспотизма и свободы граждан гораздо более важным критерием является характер государственного контроля и вмешательства, чем альтернативная пара монархия — республика. Кривая государственного контроля и вмешательства столь же непостоянна, она варьируется от страны к стране, а в рамках одного и того же общества зависит от времени (подробнее см.: *Сорокин П. Система социологии*. Т. 2. С. 125—145). И анархисты, обещающие исчезновение государства и его вмешательства в жизнь общества, и коммунисты или социалисты, пророчащие безграничный государственный контроль в форме всерегулирующего правительства (в экономике, в сельском хозяйстве, образовании, семейных отношениях и т. п.) с системой всеобщей "национализации", в равной мере заблуждаются. История шарахалась в этом отношении во все стороны, и нет резона считать, что отныне она прекратит свои обоюдонаправленные метания, дабы угодить коммунистам или анархическим "законодателям". Все это представляется истинным, даже вопреки нынешнему буму коммунизма, социализма, фашизма и иной диктатуры. Эти факты нашей реальности тленны, пройдет время, и они будут отменены другими формами государственного правления.

II. *Нет исторической тенденции смены правления меньшинства на правление большинства.* Здесь вновь концепции мыслителей прошлого более валидны, чем многие популярные теории современных политических писак. Во-первых, наивно полагать, что так называемый абсолютный деспот может себе позволить все, что ему заблагорассудится, вне зависимости от желаний и давления его подчиненных. Верить, что существует такое "всемогущество" деспотов и их абсолютная свобода от общественного давления, — нонсенс. Герберт Спенсер в свое время показал, что в большинстве деспотических обществ "политическая власть — это чувство сообщества, действующего через посредника, который формально или неформально установлен... Как показывает практика, индивидуальная воля деспотов суть фактор малозначительный, его авторитет пропорционален степени выражения воли остальных". А сам деспот, хоть и "номинально всемогущий, в действительности менее свободен, чем его подчиненные"¹. Вспомним и Ренана, разъяснившего, что каждый день существования любого социального порядка в действительности представляет собой постоянный плебисцит членов общества, и если общество продолжает существовать, то это значит, что более сильная часть общества отвечает на поставленный вопрос молчаливым "да". С тех пор это утверждение было проверено неоднократно и в настоящий момент стало банальностью. Но это, однако, не подразумевает, что в деспотических обществах правительство — инструмент большинства. Хотя трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Истина заключается в том, что деспоты — не боги всемогущие, которые могут править так, как им заблагорассудится, невзирая на волю сильной части общества и на социальное давление со стороны подчиненных. Это верно и по отношению к любому режиму, как бы он ни именовался. Если бы деспотизм был бы чем-то вроде правления большинства, то гораздо чаще это — правление более сильного меньшинства, а демократия, как правление большинства, чаще правление более сильного меньшинства. Это утверждение едва ли нуждается в доказательстве после тщательных исследований на эту тему Д. Брайса, М. Острогорского, Г. Моска, Р. Мичелса, П. Кропоткина, Г. Сореля, В. Парето, Дж. Стивена, Г. Мэна, Г. Воласа, Ч. Мерриама и многих других компетентных исследователей. Несмотря на разницу в политических приемах, они единодушны в признании того, что процент людей, живо и постоянно интересующихся политикой, так мал и, похоже, останется таковым навеки, что управление делами неизбежно переходит в руки меньшинства и что свободное правительство не может быть ничем иным, кроме как олигархией внутри демократии². И это справедливо не только в отношении демократии, но и коммунистических, социалистических, синдикалистских или каких угодно иных политических организаций³. Формальный критерий всеобщего избирательного права, как

¹ *Spencer H. Principles of Sociology. Vol. 2. P. 253, 321.*

² *Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. P. 549—550.* Даже Конституция США была ратифицирована квотой не более одной шестой части всего взрослого населения. См.: *Beard C. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1913. P. 324.*

³ Об олигархичности правления в подобных политических организациях см.: *Michels R. Political Parties. N. Y., 1915. P. 93 ff., 239 ff.; Michels R. La crisi psicologica del socialismo // Revista Italiana di sociologia. 1910. P. 365—376; Fourniere E. La crise socialiste. P., 1908. P. 365, 371; Fourniere E. La Sociocratie. P. 117.* На русском опыте мы видим, как страной с населением в 130 миллионов управляет группа коммунистов числом в 600 тысяч. Вот оно воистину "правление большинства"!

было доказано М. Острогорским, а недавно Ч. Мерриамом и Х. Гознеллом, не гарантирует вовсе управления большинства. "Гражданин, объявленный свободным и суверенным в демократических организациях, фактически имеет в политике нулевое значение и не играет роли повелителя. Он не оказывает никакого влияния на избрание людей, которые правят его именем и за счет его авторитета". Таково действительное состояние дел¹. Политологический анализ профессора Ч. Мерриама показывает, что в США партийное меньшинство формулирует большую часть законов². Все это верно и по отношению ко всем демократиям. Действительная ситуация может стать ясной из следующей таблицы³.

Страна и год выборов	Население в возрасте старше 20 лет	Численность электората	Число принявших участие в выборах	Процент проголосовавших	Процент принявших участие в выборах от общей численности населения в возрасте старше 20 лет
Швейцария: 1920	2 410 125	985 651	500 751	50.6	20.7
Дания: 1921	1 900 000**	1 586 259	1 217 080	76.7	64.0
Нидерланды: 1921	3 376 965**	97.7	...
1910	1 352 508**	63.2	...
1880	935 665**	13.1	...
Лондон: 1922	4 488 120**	2 129 790	1 228 838	60.3	28.0**
Бавария: 1919	...	4 024 479	3 319 329	82.5	...
Франция: 1906	22 000 000**	11 231 025	8 818 000	79.0	40.0**
Австралия: 1922	3 140 137**	2 774 274	1 646 863	57.95	52.0**
США: 1920	63 000 000**	...	26 674 171	52.36	42.07*

К этому следует добавить, что во французских колониях процент неголосующих, которые имеют право, пусть даже и формальное, колеблется от 72,74% до 40,09%; в Египте этот процент и того больше — около 98%. Эти цифры во многих отношениях поучительны. Они показывают, что даже в самых развитых демократиях, если исключить белых граждан и все остальное коренное население колоний, процент граждан, полноправно принимающих участие в парламентских выборах,

¹ См.: *Ostrogorsky M.* La democratie et les parties politiques. P., 1912. P. 614—615.

² *Merriam C. E., Gosnell H. F.* Non-voting: Causes and Methods of Control. Chicago, 1924; *Lippman W.* The Phantom Public. N. Y., 1925. Ch. 1—4.

³ Все включенные в таблицу цифры заимствованы из статистических ежегодников нижеупомянутых стран. Среди них: "Statistische Jahrbuch der Schweiz", "Statistik Aarborg (Denmark)", "Jaarcijfers voor Nederland", "London Statistics", "Statistisches Jahrbuch für den Freistaat Bayern", "Official Year Book of the Commonwealth of Australia", "Statistical Abstracts of the United States".

⁴ *Приблизительно (прим. авт.).

⁵ *Население в возрасте старше 25 лет (прим. авт.).

⁶ *Женщины не принимали участия в выборах (прим. авт.).

⁷ *Население в возрасте старше 21 года взято на 1921 год (прим. авт.).

в среднем не превышает 50% от общего числа граждан в возрасте от 20 лет и старше. Если к этому добавить, что из числа голосующих часть вынуждена голосовать, как ей приказано "боссами" или теми, кто покупает их голоса, то становится ясным, что правительство и вводимые им законы не есть результат единодушного желания всех избирателей, а обычно, особенно в Европе, результат воли только незначительной группы из числа депутатов, имеющих относительное большинство среди других парламентских фракций и партий и которые поэтому представляют только один сектор населения благодаря искусным махинациям и разнообразным ухищренным способам "боссов", комитетов и подкомитетов, что в конечном итоге дает возможность меньшинству одержать победу над большинством. Поэтому никакое всеобщее избирательное право и никакие другие "демократические уловки" нельзя принять за правление большинства.

Но и это еще не все. Большая часть современных европейских держав имеет свои собственные колонии, которые формально являются анклавами соответствующих демократических республик, империй и королевств. Первые управляются последними. Что представляет собой население колоний? Принимает ли оно участие в избрании правительства, которое ими верховодит? Принимает ли оно участие в законодательстве? Вовсе нет! Ими правят самым автократическим способом. Следующую цитату из книги Дж. Брайса можно отнести на счет населения любой колонии. В Британской Индии, он пишет, "центральное правительство и правительство провинций, люди, "которые что-то значат", то есть те, от кого исходят важные политические решения, не превышают одной тридцатой населения. В олигархии британских официальных лиц правит эта, внутренняя олигархия"¹. Очевидно, что эти назначенные, а не избранные правители Британской Индии с населением около 300 миллионов не могут считаться правительством большинства. Так же обстоят дела почти во всех колониях². Таким образом, правительство большинства в современных демократиях — это, как правило, правление меньшинства, если принимать во внимание население колоний. Среди всего населения Британской империи в возрасте от 21 года и старше число тех, кто имеет привилегию избирательного права и действительно ею пользуется, не превысит, вероятнее всего, 8—10% всего населения.

На основе вышеприведенных данных правильно сделать следующее заключение: наличие исторической тенденции от правления меньшинства к правлению большинства весьма спорно. Брайс был прав, говоря, "как мало на самом деле людей, которые управляют миром!"³

III. *Политическая стратификация современных политических организаций не меньше, чем она была в прошлом.* Вышеприведенное отступление от основной темы сделано как раз для того, чтобы развеять миф, мешающий правильному видению реальной ситуации в области политической стратификации. Суть вопроса: как бы ни была измерена социальная дистанция, доходом ли, уровнем жизни, психологическим или культурным критерием, единомыслием, образом жизни, юридическими или фактическими привилегиями, реальным политическим влиянием или чем-то другим, будет ли эта дистанция между высшими

¹ Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. P. 543.

² Этим я не воздаю ни хвалы, ни хулы нынешней ситуации, а лишь устанавливаю факты, какими они являются на самом деле.

³ Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. Ch. 80.

и низшими слоями первобытного или римского общества больше, чем социальная дистанция между высшими и низшими стартами Британской империи? Дадим наш предварительный ответ: в одинаковой степени он будет и положительным, и отрицательным. Во всех указанных отношениях английский пэр или вице-король Индии не ближе к шудре или африканскому негру, чем римский патриций к рабу. Это значит, что политический конус современной Британской империи ничуть не ниже и не менее стратифицированный, чем конус многих древних и средневековых политических организаций. Выравнивание британского общества, которое происходило в последние несколько столетий, компенсируется возвышением за счет приобретенных колоний и колониальных низших страт. То же можно сказать и о Франции, Нидерландах и других европейских странах, которые имеют колонии. Раз дело обстоит так, то тенденция, которую мы обсуждаем, становится весьма спорной. Если к этому добавить утверждение, что первобытные группы были менее стратифицированными, чем современные европейские политические организации, то наличие этой тенденции становится еще более спорным. Более того, принимая во внимание, что в других частях света (в Индии, неколониальной Африке, Китае и среди коренных жителей Монголии, Маньчжурии, Тибета, среди аборигенов Австралии и многих островов Океании) политическая стратификация такая же, какой она была многие века назад, то по сравнению с этими инертными слоями европейское население оказывается в абсолютном меньшинстве. Среди европейских стран, например в России, политическая стратификация скорее усилилась за последние несколько лет, а потому есть все основания оспаривать существование постоянной тенденции к выравниванию политической стратификации.

3. Флуктуации политической стратификации

На основе вышесказанного можно заключить, что политическая стратификация изменяется во времени и в пространстве без какой-либо постоянной тенденции. И внутри отдельной стратификационной структуры, и внутри ряда политических организаций существуют циклы возрастания и уменьшения политической стратификации. Христианская церковь, как религиозная организация, в начале своей истории имела очень незначительную стратификацию; позднее она возросла, достигла кульминационного пика, и в течение последних веков наблюдается тенденция ее выравнивания¹. Римские и средневековые гильдии дают другой пример. Р. Греттон продемонстрировал подобный цикл в эволюции среднего класса Англии. Крупные политические организации Китая, Египта, Франции или России продемонстрировали ряд подобных изменений в течение своей истории. Внутри любой политической организации формы стратификации "возникают, растут, распространяются, развиваются, достигают максимума, постепенно приходят в состояние упадка, разрушаются или превращаются в некоторые другие организации или формы"². Так и политическая стратификация может изменяться без какого-либо постоянного направления. Ход изменения станет более понятным, если мы примем во внимание некоторые факторы, влияющие на изменения политической (а также и других форм) стратификации.

¹ *Spencer H. Principles of Sociology. Vol. 3. Ch. 8.*

² *Chapin S. F. A Theory of Synchronous Culture Cycles // Social Forces. 1925. Vol. 3. P. 598.*

4. Связь флуктуаций политической стратификации с колебаниями размеров и однородности политической организации¹

Не делая попытки объяснить здесь проблему факторов, определяющих колебания стратификации во всей ее комплексности, среди многих выделим два, оказывающих наиболее заметное влияние на политическую стратификацию. Это: а) *размер политической организации*; б) *биологическая (раса, пол, здоровье, возраст), психологическая (интеллектуальная, волевая и эмоциональная) и социальная (экономическая, культурная, моральная и т. д.) однородность или разнородность ее населения.*

1. При общих равных условиях, *когда увеличиваются размеры политической организации, то есть когда увеличивается число ее членов, политическая стратификация также возрастает. Когда же размеры уменьшаются, то уменьшается соответственно и стратификация.*

2. *Когда возрастает разнородность членов организации, стратификация также увеличивается, и наоборот.*

3. *Когда оба эти фактора работают в одном направлении, то и стратификация изменяется еще больше, и наоборот.*

4. *Когда один или оба этих фактора возрастают внезапно, как в случае военного завоевания или другого обязательного увеличения политической организации или (хоть и редко) в случае добровольного объединения нескольких прежде независимых политических организаций, то политическая стратификация поразительно усиливается.*

5. *При возрастании роли одного из факторов и уменьшении роли другого они сдерживают влияние друг друга на флуктуацию политической стратификации.*

Таковы основные утверждения, касающиеся факторов колебаний политической стратификации. Попытаюсь кратко обосновать, почему эти факторы приводят к изменению стратификации.

Увеличение размера политической организации увеличивает стратификацию, прежде всего, потому, что *более многочисленное население диктует необходимость создания более развитого и крупного аппарата.* Увеличение руководящего персонала приводит к его иерархизации и стратификации, иначе, десять тысяч равноправных официальных лиц, скажем, безо всякой субординации дезинтегрировали бы любое общество и сделали бы невозможным функционирование политической организации. Увеличение и стратификация государственного аппарата способствуют отделению руководящего персонала от населения, возможности его эксплуатации, плохому обращению, злоупотреблениям и т. д. — это было, есть и будет фактором колебаний стратификации. Во-вторых, увеличение размера политической организации приводит к увеличению политической стратификации, так как *большее количество членов различается между собой по своим внутренним способностям и приобретенным талантам.* Эти различия, как мы увидим, также приводят к усилению политической стратификации.

По той же самой причине *возрастание неоднородности населения приводит к усилению политического неравенства.* Физически невозможно быть одинаковыми мужчине и ребенку, гению и идиоту, слабому и сильному, честному и бесчестному и т. д. Когда в одном и том же политичес-

¹ С соответствующими модификациями последующее повествование применимо также и к экономической, и к профессиональной формам стратификации.

ком организме есть раб и английский пэр, туземец из Конго и профессор из Бельгии, то вы можете проповедовать равенство сколько вам будет угодно, но оно тем не менее существовать не будет. Появится стратификация, хотите вы того или нет. Если к этому добавить еще многие "предубеждения" и эмоциональные симпатии и антипатии, разногласия и войны и все враждебные эмоции, вызываемые ими, то станет ясно, что разнородность должна работать в пользу стратификации. А если еще добавить человеческую алчность, жадность, страсть власти, борьбу за существование и многие подобные "добродетели", то слабость одной части и сила другой должны привести к лишению гражданских прав первых и к увеличению привилегий последних. Все эти и подобные сателлиты разнородности случаются тогда, когда в результате войны или насилия один политический организм поглощает другой. Пусть даже завоеватели состоят из безгрешных ангелов (в действительности же они чаще всего напоминают дьяволов), даже им не удастся избежать стратификации. Когда такой совершенно разнородный политический организм, как Индия, вошел в состав Британской империи, то будь даже все британцы искренними уравнилителями, они не смогли бы установить действительного политического равенства. На бумаге и на словах это можно сделать, но на практике — нет.

Причины, приведенные выше, объясняют, почему уменьшение размера политического организма или уменьшение разнородности его населения приводят к уменьшению стратификации. В качестве специфической формы уменьшения разнородности необходимо упомянуть факт *длительного временного и пространственного сосуществования данного населения в пределах одного и того же политического организма*. Такое сосуществование означает длительный социальный контакт и взаимодействие, за которыми следует возрастание однородности в привычках, манерах, социальных традициях, идеях, верованиях и в "единомыслии". Это, в соответствии с вышесказанным, должно привести к уменьшению социальной стратификации¹.

Аргументация. Приведенная выше гипотеза подтверждается и находится в соответствии со следующими фундаментальными рядами фактов.

1. Когда размер и разнородность примитивных групп малы, то нет необходимости в заметной политической стратификации. Фактическая ситуация полностью подтверждает это ожидание.

2. Размер и разнородность таких европейских политических организмов, как Швейцария, Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды, Сербия, Болгария и некоторых других, малы, поэтому их политическая стратификация значительно меньше, чем стратификация более крупных политических организмов, таких, как Британская империя (с колониями), Германия, Франция (с колониями), Россия или Турция (до отделения от нее Сербии, Болгарии, Румынии) и т. д. Экономические, политические и другие контрасты внутри этих малых социальных организмов менее заметны, чем внутри более крупных, несмотря на мешающее влияние различных сил, которые часто скрывают или ослабляют результаты влияния обсуждаемого фактора.

¹ Ellwood C. A. *The Psychology of Human Society*. N. Y., 1925. P. 208 ff.; Bogardus E. S. *Fundamentals of Social Psychology*. Los Angeles, 1924; Park R. E., Burgess E. W. *Introduction to the Science of Sociology*. N. Y., 1921. Ch. 4; Ross E. A. *Principles of Sociology*. N. Y., 1915. Ch. 11—17.

3. Так как размеры современных политических организмов в среднем больше, чем размеры примитивных групп¹, то естественно, что политическая стратификация современных организмов должна быть больше стратификации первобытных племен.

4. Так как до настоящего времени неожиданные и крупные увеличения размеров, возрастание разнородности населения происходили главным образом в результате войн, то следует ожидать, что фактор войны вызывает усиление политической стратификации. Исследования Спенсера, Гумпловича, Ратценгофера, Ваккаро, Оппенгеймера, Новикова, не упоминая другие имена, подтверждают это ожидание². Так, в древнееврейском политическом сообществе появились группы угнетаемых; в Древней Греции — илоты и метеки; в Риме — чужеземцы; ими же были неполноправные в кельтских и тевтонских общинах, низшие касты в Индии и т. д.

5. Вне зависимости от военных условий увеличение размера политических организмов приводит к росту стратификации, если она не сдерживается влиянием иных балансирующих сил. История подтверждает этот тезис. Одновременно с увеличением размера политического сообщества Рима периода республики чрезвычайно усложняются политический механизм управления и стратификации населения. Становится больше правительственных рангов, а население начинает постепенно распадаться на все более многочисленные политические слои. Помимо *cives*^{3*} и *clientes*^{4*} и небольшого числа хорошо оплачиваемых слуг появляются много разнообразных групп, как-то *latini*^{5*}, члены *civitates* с *suffragio* и без *suffragio*^{6*}, группа *civitates liberae*^{7*}, подразделяемые на *aequum* и *iniquum*^{8*}, жителей *provinciæ*^{9*} с их различными рангами и т. д. В результате могущественного расширения Римской империи весь политический аппарат Рима, вся политическая стратификация, начиная с граждан самых низких политических рангов и самых лишенных жителей *provinciæ* и кончая высшими слоями центрального правительства, все население Рима сильно возросло в вертикальном и горизонтальном направлениях¹⁰. И наоборот, в начале империи, когда практически остановилось расширение государства и благодаря постоянным контактам уменьшилась разнородность населения, мы видим, что вплоть до 212 года нашей эры исчезают все эти градации, римское гражданство предоставляется почти всем жителям Римской империи, кроме *peregrini*

¹ Согласно А. Сатерланду, средние размеры примитивного сообщества колеблются между 40 и 360 членами; варварских групп — 6500 и 442 000 членами; цивилизованных народов — 4,2 миллиона и 24 миллиона; современных культурных народов от 30 миллионов до 100 и более миллионов. См.: *Sutherland A. The Origin and Growth of the Moral Instinct. L., 1898.*

² *Spencer H. Principles of Sociology; Gumplowicz L. Die Rassenkampf. Leipzig, 1898; Gumplowicz L. Outlines of Sociology. Philadelphia, 1889; Vaccaro M. Les bases sociologiques du droit et de l'Etat. P., 1898; Novicov J. Les Luttes entre sociétés humaines. P., 1896; Oppenheimer F. Der Staat. B., 1908.*

³ * — граждане (лат.).

⁴ * — чужеземцы (лат.). Первоначально плебеи.

⁵ * — латины, потомки древнейшего населения Лация (лат.).

⁶ * — избирательный голос (лат.).

⁷ * — незаконнорожденные (лат.).

⁸ * — равные и неравные (лат.).

⁹ * — провинций (лат.).

¹⁰ *Girard P. Manuel elementaire de droit romain. P., 1911; Mommsen T. Abriss des römischen Staatsrecht. B., 1893; Willems P. Le droit publique romain. P., 1910.*

dediticii^{1*}. Подобный параллелизм, хотя не такой явный и не такой панорамный, мы наблюдаем в истории Древней Греции, особенно Афин и Спарты, Ахейской лиги. Установление Делосского союза под гегемонией Афин, или установление Ахейской лиги, или расширение гегемонии Спарты на Пелопоннесе приводили к возникновению новых слоев в управленческом аппарате и новых страт среди свободного населения². Уменьшение размеров этих политических организмов в IV—III веках до нашей эры привело к противоположному результату. Еще более заметен этот процесс на примере создания империи Александра Македонского, при объединении племен первыми Мервингами и Карлом Великим, при попытках создания Священной Римской империи, при расширении Британской империи, России и, наконец, при образовании Германской империи в XIX веке. Общее направление всех этих процессов, как бы они ни отличались друг от друга, в том, что за периодами увеличения политических организмов следовало создание дополнительных политических и управленческих страт — империяльного, федеративного, конфедеративного, — причем слой завоевателей всегда возвышался над покоренными и ранее существовавшими стратами. В результате в период такого политического увеличения или немного позднее весь политический конус становился выше и сложнее. Уменьшение политической стратификации, которое было достигнуто среди населения России, Англии, Бельгии, было уничтожено или ослаблено приобретением новых колоний, таких, как Индия, Конго, Филиппины, Марокко, азиатские, финские и польские провинции России с их разнородным населением. Все эти факты, среди большого числа им подобных, подтверждают нашу гипотезу³.

6. В период уменьшения размеров политического организма и сокращения разнородности населения обязательно происходит процесс "выравнивания" политической стратификации. Несмотря на многие противоборствующие факторы, такой параллелизм проявлялся не раз. "Феодализации" в древнем Египте, Китае, распады крупного политического организма на независимые части приводили к уничтожению верхних слоев центральных правительств и наиболее привилегированной части населения. Подобный процесс произошел в результате распада поздней Римской империи, империи Александра Македонского, Древнегреческих союзов, Священной Римской империи, империи Карла Великого. В наше время — в результате распада политического единства Австро-Венгрии или уменьшения размеров России. Отделение Финляндии, Польши, Прибалтики от России уничтожило определенный слой граждан в политическом конусе России. Если бы произошло отделение Индии, Конго или Марокко от соответствующих европейских держав, то результат был бы тем же: выравнивание стратификации внутри этих европейских политических организмов. Независимость прежних частей крупного организма означает уничтожение политической сверхструктуры этих в прошлом могущественных организмов и, соответственно, шаг вперед к выравниванию политического конуса.

¹ * жители государств, которые после поражения в войне были лишены независимости.

² *Hammond B. E. Bodies Politic and Their Government. Cambridge, 1915. Ch. 9, 10, 25.*

³ *Spencer H. Principles of Sociology. Vol. 2.*

7. Так как при изменениях размеров и разнородности населения политических организмов не наблюдалось никакой определенной тенденции, иными словами, они попросту колебались во времени, то ожидается, что политическая стратификация, как "функция" этих "независимых колебаний", будет обязательно изменяться безо всякого определенного направления. А это и будет объяснением отмеченного выше процесса "ненаправленных" колебаний политической стратификации. Каждый, кто изучал немного историю политических организаций, знает, что самым нерегулярным образом изменяются их размеры. Иногда они увеличиваются, иногда сокращаются¹. Многие общества прошлого, такие, как Египет, Персия, Рим, Греция, Карфаген, Вавилон, Священная Римская империя, империя Тамерлана, Арабские халифаты, образовывались, развивались с колебаниями, достигали своего расцвета, с колебаниями же приходили в упадок и, наконец, исчезали вовсе. Ныне действующие политические организмы, будь то Китай или любое европейское или американское государство, тоже демонстрируют похожие изменения в течение своей истории. Некоторые из них пережили самые противоположные фазы флуктуаций (Китай, Турция, Испания): крупные циклы увеличения и циклы существенных сокращений их размеров. Даже те державы, которые и поныне находятся в фазе увеличения (Британская империя, США), пережили колебания размеров в прошлом своей истории. Такие изменения размеров в истории политических организмов в одних случаях значительны и внезапны, в других — постепенны и замедленны. Наряду с глобальными изменениями, для реализации которых порой требовался отрезок времени в несколько столетий, существуют более мелкие колебания, которые происходят в течение нескольких лет или нескольких десятилетий. Сокращение размера России со 178 миллионов населения в 1914 году до 133 миллионов в 1923 году; изменение размеров европейской части Турции с 9,5 миллиона в 1800 году до 15,5 миллиона в 1860 году и вновь до 5,9 миллиона в 1900 году; сокращение размеров Австрии и частично Германии за последние несколько лет — вот лишь некоторые примеры таких колебаний. Де Греф показал, что такие изменения суть нормальное явление в истории любого политического организма; он также отметил, что для любого политического организма существует точка перенасыщения, после достижения которой наступает период "отступления", который в некоторых случаях приводит к концу существования организма, в других же за ним снова следует период увеличения размеров и т. д.² Если положение вещей таково и не существует определенной постоянной тенденции в изменении размеров организмов, если политическая стратификация является функцией размера политического организма и разнородности его населения, то, естественно, нельзя найти какую-либо долговременную тенденцию во флуктуациях политической стратификации. Так как наши "независимые колебания" меняются без какого-либо направления, то их "функция" (политическая стратификация) должна меняться тоже безо всякого направления. Таков результат, к которому мы пришли.

То, что мы не нашли какой-либо тенденции в сфере политической стратификации, полностью соответствует результату, к которому мы пришли, исследуя экономическую стратификацию. Эта идентичность результатов, достигнутых в обеих сферах стратификации, есть допо-

¹ Грубый анализ на эту тему можно провести по историческим атласам, на которых отчетливо видны территории государств в разные периоды их развития.

² De Greef G. La structure générale des sociétés. P., 1908. Vol. 1—3.

лнительное подтверждение нашей гипотезы "ненаправленного цикла истории". Более того, тот факт, что приверженцы теории наличия некой закономерной тенденции не смогли доказать ее, дополнительно подтверждает нашу правоту. Все это дает основание для признания нашей гипотезы в качестве столь же научной, как и все модные сейчас, теории "различных направлений" и "исторических тенденций". Вместе с силами политического выравнивания действуют силы политической стратификации. Их взаимная борьба была, есть и, вероятно, будет продолжаться. Иногда в одном месте одерживают победу силы выравнивания, в другом — победителями оказываются стратифицирующие силы. Любое усиление выравнивающих факторов по аналогии с законами физики вызывает усиление противодействия со стороны противоположных сил. Так история развивалась и, вероятно, будет развиваться впредь.

5. Есть ли предел во флуктуциях высоты и профиля политической стратификации?

На основании вышесказанного можно утверждать, что при более или менее нормальных условиях профиль политической стратификации колеблется в пределах более широких, чем профиль экономической стратификации. По сравнению с экономическим профилем изменения абриса политической стратификации кажутся менее сглаженными и более конвульсивными. Серьезная общественно-политическая реформа, как, например, освобождение негров, изменение избирательных прав или введение новой конституции, может лишь слегка изменить экономическую стратификацию, но часто приводит к серьезному изменению политической стратификации. В результате переименования системы обязанностей и привилегий, смены формы законодательства все политические слои могут быть упразднены, перемешаны внутри политической пирамиды или смещены. А приводит это чаще к изменению всей стратификационной формы. Этим можно объяснить большее разнообразие политического профиля по сравнению с профилем экономической стратификации.

Более того, в случае катастрофы или крупного переворота происходят радикальные и необычайные профили. Общество в первый период великой революции часто напоминает форму плоской трапеции, без верхних эшелонов, без признанных авторитетов и их иерархии. Все пытаются командовать, и никто не хочет подчиняться. Однако такое положение крайне неустойчиво. Спустя короткий промежуток времени появляется авторитет, вскоре устанавливается старая или новая иерархия групп и, наконец, порушенная политическая пирамида воссоздается снова. Таким образом, слишком плоский профиль суть только лишь переходное состояние общества. С другой стороны, если стратификация становится слишком высокой и слишком рельефной, ее верхние слои, или верхушка, рано или поздно отсекаются: революцией ли, войной, убийством, путем низвержения монарха или олигархов, путем ли новых мирных законов — способов много и они разнообразны. Но результат их один и тот же: выравнивание слишком высокого и чересчур нестабильного политического организма. Вышеуказанными способами политический организм возвращается к состоянию равновесия тогда, когда форма конуса либо гипертрофированно плоская, либо сильно возвышенная.

6. Есть ли периодичность во флуктуациях политической стратификации?

Не раз предпринимались попытки доказать существование периодичности в изменениях политических режимов. Так, О. Лоренц, К. Джоэль, Г. Феррари и некоторые другие пытались показать, что существуют периоды от 30 до 33 лет, которые маркируют серьезное изменение в политическом режиме любой страны¹. Дж. Дромель обосновывал тезис о существовании периодов в 15—16 лет². Другие говорили о наличии более глобальных периодов — в 100, 125, 300, 600 и в 1200 лет. К. Миллар настаивал на периодичности в 500 лет³. Какими бы интересными ни были эти теории, их аргументы неубедительны. Но нет причины заранее объявлять все подобные попытки лишь "числовым мистицизмом", как делают их оппоненты. Наоборот, проблема заслуживает более внимательного изучения. Но в то же время периоды еще не доказаны, а сами теории нуждаются в проверке. Существует ли периодичность во флуктуациях или же нет, но само их наличие в политической стратификации и их ненаправленный характер представляют собой самую вероятную гипотезу.

Резюме

1. Высота профиля политической стратификации изменяется от страны к стране, от одного периода времени к другому.

2. В этих изменениях нет постоянной тенденции ни к выравниванию, ни к возвышению стратификации.

3. Не существует постоянной тенденции перехода от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства, от отсутствия правительственного вмешательства в жизнь общества ко всестороннему государственному контролю. Нет также и обратных тенденций.

4. Среди множества общественных сил, способствующих политической стратификации, большую роль играет увеличение размеров политического организма и разнородность состава населения.

5. Профиль политической стратификации подвижнее, и колеблется он в более широких пределах, чаще и импульсивнее, чем профиль экономической стратификации.

6. В любом обществе постоянно идет борьба между силами политического выравнивания и силами стратификации. Иногда побеждают одни силы, иногда верх берут другие. Когда колебание профиля в одном из направлений становится слишком сильным и резким, то противоположные силы разными способами увеличивают свое давление и приводят профиль стратификации к точке равновесия.

¹ Lorenz O. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. B., 1886. P. 271—311; Joel K. Der Seculare Rythmus der Geschichte // Jahrbuch für Soziologie. 1925. Bd. 1; Ferrari G. Teoria dei periodici politici. Milano, 1874.

² Drommel J. La Poi de revolution.

³ Millard C. Essai de physique social et de construction historique // Revue Internationale de sociologie. 1917. № 2.

1. Внутрипрофессиональная и межпрофессиональная стратификация

Существование профессиональной стратификации устанавливается из двух основных групп фактов. Прежде всего, очевидно, что определенные классы профессий всегда составляли верхние социальные страты, в то время как другие профессиональные группы почти всегда находились у основания социального конуса. Важнейшие профессиональные классы не располагаются горизонтально, то есть на одном и том же социальном уровне, а, так сказать, накладываются друг на друга. Во-вторых, феномен профессиональной стратификации обнаруживается и внутри каждой профессиональной сферы. Возьмем ли мы область сельского хозяйства или промышленности, торговли или управления или любые другие профессии, занятые в этих сферах люди стратифицированы на многие ранги и уровни: от верхних рангов, которые осуществляют контроль, до нижних, которыми контролируют и которые по иерархии подчинены своим "боссам", "директорам", "авторитетам", "суперинтендантам", "менеджерам", "шефам" и т. п. *Профессиональная стратификация, таким образом, проявляется в этих двух основных формах: а именно в форме иерархии основных профессиональных групп (межпрофессиональная стратификация) и в форме стратификации внутри каждого профессионального класса (внутрипрофессиональная стратификация).* Обратимся вначале к анализу межпрофессиональной стратификации.

2. Межпрофессиональная стратификация, ее формы и основания

Существование межпрофессиональной стратификации проявлялось по-разному в прошлом и неоднозначно дает о себе знать сейчас. В кастовом обществе она выражалась в существовании низших и высших каст. Согласно классической теории кастовой иерархии, кастово-профессиональные группы скорее накладываются друг на друга, чем располагаются рядом на одном и том же уровне.

В Индии существуют четыре касты — брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры. Среди них каждая предшествующая превосходит по происхождению и статусу последующую. Легитимные занятия брахманов — воспитание, преподавание, совершение жертвоприношений, исполнение богослужения, благотворительность, наследование и сбор урожая на полях. Занятия кшатриев те же, за исключением преподавания и исполнения богослужения, да, пожалуй, и сбора пожертвований. Им предписаны также управленческие функции и военные обязанности. Легитимные занятия вайшьев те же, что и у кшатриев, за исключением управленческих и военных обязанностей. Их отличают занятия сельским хозяйством, разведение скота и торговля. Служить всем трем кастам предписано шудре. Чем выше каста, которой он прислуживает, тем выше его социальное достоинство¹.

Хотя реальное количество каст в Индии намного больше. И поэтому профессиональная иерархия между ними крайне существенна². В Древнем Риме среди восьми гильдий, установленных в царский период (Нумой Помпилием и Сервием Туллием), — первые три играли значительную политическую роль и были первостепенно важными с социальной

¹ Законы Ману. 1, 87—91; The Sacred Books of the East. Oxford, 1879. Vol. 2.

² The Imperial Gazetteer of India. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 323 ff.

точки зрения, а потому находились иерархически выше всех остальных. Их члены составляли первые два социальных класса, установленных реформой Сервия Туллия¹. Эта стратификация профессиональных корпораций в модифицированном виде просуществовала на всем протяжении истории Рима.

Вспомним и о средневековых гильдиях. Их члены были стратифицированы не только внутри самих гильдий, но уже на заре их формирования стали складываться более и менее привилегированные гильдии. Во Франции после 1431 года они были представлены так называемым "шестым корпусом", в Англии — торговой гильдией². Среди современных профессиональных групп тоже существует, если не юридически, то по крайней мере фактически, межпрофессиональная стратификация. Суть проблемы заключается в том, чтобы определить, существует ли какой-нибудь универсальный принцип, который лежит в основе межпрофессиональной стратификации.

Фундамент межпрофессиональной стратификации. Какими бы ни были всевозможные временные основы межпрофессиональной стратификации в разных обществах, рядом с этими вечно меняющимися основами существуют константные и универсальные основы.

Два условия, по крайней мере, всегда были основополагающими: 1) *важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом;* 2) *уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей*³. Социально значимые профессии — те, которые связаны с *функциями организации и контроля группы*. Это — люди, напоминающие машиниста локомотива, от которого зависит судьба всех пассажиров в поезде. Профессиональные группы, осуществляющие базовые функции социальной организации и контроля, помещены в центре "двигателя общества". Плохое поведение солдата может не повлиять сильно на всю армию, недобросовестная работа одного труженика слабо воздействует на других, но действие командующего армией или руководителя группы автоматически влияет на всю армию или группу, действия которой он контролирует. Более того, находясь на контролирующей точке "социального двигателя", хотя бы в силу такого объективно влиятельного положения, соответствующие социальные группы обеспечивают для себя максимум привилегий и власти в обществе. Уже этим объясняется соотношение между социальной значимостью профессии и ее местом в иерархии профессиональных групп. Успешное выполнение социально-профессиональных функций организации и контроля, естественно, требует более высокого уровня интеллекта, чем для любой физической работы рутинного характера. Соответственно, эти два условия оказываются тесно взаимосвязанными: выполнение функций организации и контроля требует высокого уровня интеллекта, а высокий уровень интеллекта проявляется в достижениях (прямо или косвенно), связанных с организацией и контролем группы. Таким образом, мы можем сказать, что *в любом данном обществе более профессиональная работа заключается в осуществлении функций организации и контроля и в более высоком уровне интеллекта, необходимого для ее выполнения, в большей привилегированности группы и в более высоком*

¹ *Saint-Leon E. M. Histoire de Corporation de Metiers. P., 1922. P. 5—6; Waltzing J. P. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Louvain, 1895. Vol. 1. P. 62 ff.*

² *Saint-Leon E. M. Histoire de Corporation... P. 260 ff.; Lambert J. M. Two Thousand Years of Guild Life. Hull, 1891. P. 59 ff.*

³ *Ross E. A. Principles of Sociology. Ch. 28.*

ранге, который она занимает в межпрофессиональной иерархии, и наоборот.

К этому правилу общего содержания следует добавить по крайней мере следующие четыре поправки. Во-первых, общее правило не исключает возможности наложения высших слоев низшего профессионального класса с низшими слоями следующего, более высокого, профессионального класса. Во-вторых, общее правило не распространяется на периоды распада общества. В такие моменты истории соотношение, о котором говорилось выше, может быть нарушено. Но такие периоды обычно ведут к перевороту, после которого, если группа не исчезает вовсе, бывшее соотношение быстро восстанавливается. Исключения, однако, не делают правило недействительным. В-третьих, общее правило не исключает возможности некоторых отклонений. В-четвертых, так как конкретно-исторический характер обществ различен и их условия меняются во времени, то поэтому вполне естественно, что и конкретное содержание профессиональных занятий в зависимости от того или иного общего положения может изменяться в деталях. Во время войны функции социальной организации и контроля заключаются в организации победы и военного руководства. В мирное время эти функции становятся совершенно иными. Таков общий принцип стратификации профессиональных классов. Приведем факты, подтверждающие это общее положение.

Первое подтверждение. Универсальный и постоянно действующий порядок заключается в том, что профессиональные группы неквалифицированных рабочих всегда находились внизу профессиональной пирамиды. Они были слугами и крепостными в прошлом. Они являлись самыми низкооплачиваемыми работниками, у них меньше всего прав и самый низкий уровень жизни, самая низкая функция контроля в обществе.

Второе подтверждение заключается в том, что группы работников физического труда всегда были менее оплачиваемыми, менее привилегированными, менее влиятельными и менее ценными, чем группы работников умственного труда. Этот факт, в частности, проявляется в общем стремлении масс физического труда к интеллектуальным профессиям, в то время как противоположное направление редко является результатом свободного выбора, а почти всегда определяется неприятной необходимостью. Эта общая иерархия умственных и физических профессий хорошо выражена в классификации профессора Ф. Тоуссига, которая признается почти всеми исследователями. Она гласит: на верху профессиональной пирамиды мы находим группу профессий, включающую высокопоставленных официальных лиц, крупных бизнесменов; за ней следует класс "полупрофессионалов" из мелких бизнесменов и служащих; ниже находится класс "квалифицированного труда"; далее идет класс "полуквалифицированного труда"; и, наконец, класс "неквалифицированного труда". Легко можно увидеть, что эта классификация основана на принципе уменьшения интеллекта и контролирующей силы профессии, одновременно совпадающем с уменьшением оплаты труда и с понижением социального статуса профессии в иерархии¹. Это положение дел подтверждает и Ф. Барр своей "шкалой профессионального статуса", построенной под углом зрения уровня интеллекта, необходи-

¹ Примечательно, что справедливость этого положения сохраняется и в США, где в принципе ручной труд оценивается выше, чем где-либо. И здесь средние заработки "полупрофессиональных" и "профессиональных" групп в любом случае оказываются выше.

мого для удовлетворительного занятия профессией. В краткой форме она дает следующие коэффициенты интеллекта, необходимого для удовлетворительного исполнения профессионально-служебных функций (напомним, что число интеллектуальных показателей варьируется от 0 до 100).

Индексы интеллекта	Профессии
От 0 до 4.29	Случайная работа, странствующие рабочие, сборище отбросов, ремонтники, подневные занятия, простой крестьянский труд, работа в прачечной и т. п.
От 5.41 до 6.93	Водитель, разносчик, сапожник, парикмахер и т. п.
От 7.05 до 10.83	Ремонтник широкого профиля, повар, фермер, полицейский, строитель, почтальон, каменщик, водопроводчик, ковровых дел мастер, гончар, портной, телеграфист, молочник, линогипсист и т. п.
От 10.86 до 16.28	Детектив, клерк, служащий транспортной компании, прораб, стенографистка, библиотекарь, медсестра, редактор, учитель в начальной и средней школе, фармацевт, преподаватель вуза, проповедник, врач, инженер, артист, архитектор и т. п.
От 16.58 до 17.50	Оптовый торговец, инженер-консультант, администратор системы образования, врач, журналист, издатель и т. п.
От 17.81 до 20.71	Профессор университета, крупный делец, великий музыкант, общенациональные официальные лица, выдающийся писатель, видный исследователь, талантливый инноватор и т. п.

Таблица показывает, что *три переменные* — *"ручной характер" труда, низкий уровень интеллекта, необходимый для его исполнения, и отдаленное отношение к функциям социальной организации и контроля* — все они параллельны и взаимосвязаны. С другой стороны, мы наблюдаем подобный параллелизм и среди *"интеллектуального характера" профессиональной работы, высокого уровня интеллекта, необходимого для ее выполнения, и ее связь с функциями социальной организации и контроля*. К этому можно добавить, что, переходя от менее "интеллектуальных" к более "интеллектуальным" профессиям, наблюдается возрастание среднего уровня дохода, несмотря на некоторые частичные отклонения от общего правила.

Третье подтверждение как бы заложено в самой природе профессий тех лиц и групп, которые составляют высшие эшелоны общества; они обладают самым высоким престижем и представляют, так сказать, аристократию общества. Как правило, профессии этих слоев заключаются в функциях организации и контроля и, соответственно, требуют высокого уровня интеллекта. Такими группами и лицами в истории были:

1). Лидеры, вожди, врачеватели, священники, старейшины (они составляли наиболее привилегированную и влиятельную группу в дописменных обществах). Они же, как правило, были самыми умными и опытными людьми внутри группы. Будучи связанными с делом социальной организации и контроля в обществе, их занятия были выше профессий всех остальных членов общества. Это можно увидеть из того факта, что все легендарные лидеры первобытных племен, такие, как Окнирабата среди племен Центральной Австралии, Манко Ккапач и Мама Оккльо среди инков, То Кабинана среди туземцев Новой Британии, Фу Хи среди китайцев, Мойсей среди евреев и многие им подобные герои других народов, изображаются как великие учителя, законодатели, великие инноваторы, судьи — короче говоря, великие социальные организато-

ры¹. Все это полностью подтверждается фактическим материалом о лидерстве среди первобытных племен².

2). Соответственно, среди многих групп самыми привилегированными были занятия, связанные со жречеством, военным руководством, управленческой и экономической организацией и социальным контролем. Нет необходимости говорить, что все эти занятия по условиям того времени имели все характеристики, отмеченные мною выше. "Раджа и брахман, глубоко сведущие в "Ведах", — оба поддерживают моральный порядок в мире. От них зависит существование человеческой расы", — молвит древняя мудрость³.

От успешной войны зависело само выживание и дальнейшее развитие сообщества; от нее зависела и высокая оценка искусного в этой области лидера. Война настоятельно требовала лидеров с большим мужеством и выносливостью, со способностями организовать и контролировать других, быстро принимать решения, при этом тщательно обдумывая их, действовать решительно, целеустремленно и эффективно⁴.

Профессия священнослужителя была не менее важной и жизненно необходимой для всей группы. Первые священники воплощали собой высочайшее знание, опыт и мудрость. Духовенство было носителем медицинского и естественного знания, морального, религиозного и образовательного контроля, оно считалось родоначальником прикладных наук и искусства; короче говоря, оно было экономическим, умственным, физическим, социальным и моральным организатором общества⁵. Что касается высокого положения правителей в профессиональном конусе ранних обществ, то само собой разумеется, что их "работа" была непосредственно связана с общественной организацией и контролем, была существенно необходимой для выживания группы. Среди многих исследователей Дж. Фрэйзер особенно четко проявил, что древнее правление было воплощением всех этих черт и способностей. Ранние короли были не только правителями, но и священниками, мудрецами, реформаторами, людьми высочайшего интеллекта и проницательности⁶.

3). На поздних ступенях развития носителями тех же самых видов деятельности в разнообразных формах их проявления стали аристократические и интеллектуальные "профессии", как бы они ни именовались. Король или президент республики, дворянство или высокопоставленные лица республики, римский папа, средневековое духовенство или современные схоласты, ученые, политики, изобретатели, преподаватели, проповедники, учителя и администраторы, древние или современные организаторы сельского хозяйства, промышленности, торговли — все эти профессиональные группы находились на верху межпрофессиональной стратификации как прошлых, так и настоящих обществ. Их титулы могут меняться, но их социальные функции по сути остаются теми же. Функции монарха и президента республики, функции средневекового духовенства и современных ученых, схоластов и интеллигенции, функции прошлых аграриев и торговцев, современных капитанов индустрии

¹ Mumford E. The Origin of Leadership. Chicago, 1909. P. 43 ff.

² Maunier R. Vie religieuse et économique // Revue International de Sociologie. 1908. P. 23 ff.

³ Gautama // The Sacred Books of the East. Oxford, 1879. Vol. 2. Ch. 8.

⁴ Mumford E. The Origin of Leadership. P. 28.

⁵ Maunier R. Vie religieuse et économique. P. 23—31.

⁶ Fraser J. G. Lectures on the Early History of the Kingship. L., 1905. P. 83 ff.

и коммерции сущностно схожие. Они идентичны как по сути, так и по высокому положению, занимаемому этими профессиональными группами в иерархии. Несомненно, требуется высокий уровень интеллекта для успешного выполнения этих "работ", так как они носят чисто интеллектуальный характер. Несомненно также, что успешное осуществление этих функций важнее всего для общества в целом. И за исключением периодов упадка, заслуги лидеров перед обществом и их способности — неоспоримы. Исследование королевской власти доктора Ф. Вудса¹; изучение труда крупных бизнесменов, изобретателей, руководителей финансов и индустрии профессорами Тоуссигом и Зомбартом² и автором этих строк; прочие исследования заслуг касты брахманов, средневекового духовенства, ученых и интеллектуалов, которые обогатили сумму реальных знаний и опыта, изучение заслуг выдающихся государственных деятелей, просветителей, писателей и других известных "профессионалов" — все эти штудии показали высочайший уровень интеллекта у представителей этих групп и большие их заслуги перед обществами. Личная беспринципность некоторых из них перевешивается объективными результатами их организующей и контролирующей деятельности. В этом отношении совершенно прав Дж. Фрззер, утверждая: "Если бы мы могли соизмерить тот вред, который они наносят своим мошенничеством, с тем благом, которое они приносят благодаря своей дальновидности, мы бы увидели, что добро далеко превосходит зло. Гораздо больше несчастий принесли честные дураки, занимавшие более высокое положение, чем умные мошенники"³.

Эта простая истина, как кажется, так и не понята многими социологами до настоящего времени.

С другой стороны, ручной труд и слой низших канцелярских профессий считались или "неприличными" и "постыдными" (особенно в прошлом), или, во всяком случае, представляли собой менее ценные, менее привилегированные, менее оплачиваемые и менее влиятельные профессии. Справедливо ли это или нет — для нас не имеет принципиального значения⁴. Важно то, что такова реальная ситуация. Объяснение этому, возможно, дадут следующие слова профессора Ф. Гиддинга, которые звучат не очень "привычно", но, мне кажется, они ближе к истине: "Нам постоянно твердят, что неквалифицированный труд создает богатство мира. Но было бы ближе к истине утверждать, что крупные классы неквалифицированного труда едва обеспечивают свое собственное существование. Труженики, не обладающие способностью приспосабливаться к меняющимся условиям, не способные внести новые идеи в свою работу, не имеющие ни малейшего представления, что предпринять в критический момент, скорее идентифицируются с зависимыми классами, чем с творцами материальных ценностей общества"⁵.

¹ *Woods F. A. Mental and Moral Heredity in Royalty.* N. Y., 1906; *Woods F. A. Influence of the Monarchs.* N. Y., 1913; *Sorokin P. The Monarchs and the Rulers // Social Forces.* 1925. Vol. 3; 1926. Vol. 4.

² *Taussig F. W. Inventors and Moneymakers.* N. Y., 1915; *Sombart W. Der Bourgeois.* B., 1913; *Sorokin P. The American Millionaires and Multimillionaires // Social Forces.* 1925. Vol. 3.

³ *Fraser J. G. Lectures on the Early History of Kingship.* P. 83.

⁴ По мне, так уж лучше бы им платили больше, чем иным интеллектуалам, хотя, само собой разумеется, это мое субъективное суждение, не имеющее никакого отношения к науке.

⁵ *Giddings F. H. Democracy and Empire.* N. Y., 1900. P. 83.

Верно это или нет — трудно сказать, но факты, отмеченные мною в вышеприведенном изложении, остаются. Их объективное существование подтверждает, во-первых, саму наличие межпрофессиональной стратификации; во-вторых, функционирование изложенного выше базового принципа межпрофессиональной иерархии.

3. Внутрипрофессиональная стратификация, ее формы

Второй вид профессиональной стратификации представляет внутрипрофессиональная иерархия. Члены почти каждой профессиональной группы подразделяются по крайней мере на три основных слоя. Первый репрезентирует *предпринимателей*, или хозяев, которые экономически независимы в своей деятельности, которые сами себе "хозяева" и чья деятельность заключается исключительно или частично в организации и контроле своего "дела" и своих служащих. Второй слой репрезентируют *служащие высшей категории*, такие, как директора, менеджеры, главные инженеры, члены совета директоров корпорации и т. д.; все они не владельцы "дела", над ними еще стоит хозяин; они продают свою службу и получают за это заработную плату; все они играют очень важную роль в организации "ведения дела"; их профессиональная функция заключается не в физическом, а в интеллектуальном труде. Третий слой — *наемные рабочие*, которые, как и служащие высокого ранга, продают свой труд, но дешевле; будучи в основном работниками физического труда, они зависимы в своей деятельности. Каждый из этих слоев-классов в свою очередь подразделяется на множество подклассов. Несмотря на различные названия этих внутрипрофессиональных слоев, они существовали и существуют во всех более или менее развитых обществах. В кастовом обществе мы обнаруживаем их в рамках одной и той же профессиональной группы. Например, среди брахманов: ранги учеников, домовладельцев, гуру, отшельников и других подчиненных друг другу категорий. В римских профессиональных ассоциациях мы обнаруживаем эти внутрипрофессиональные слои в форме подмастерьев, обычных членов и магистров различных рангов. В средневековых гильдиях — в форме метров, учеников и подмастерьев. В настоящее время эти слои представлены предпринимателями, служащими и наемными рабочими. Названия, как видим, разные, но суть очень похожа. Сегодня в виде внутрипрофессиональной стратификации мы имеем новую форму профессионального феодализма, который реально существует и проявляется самым чувствительным образом как в разнице зарплат, так и в разнице социального положения, в зависимости от поведения, успеха, и очень часто счастье одного зависит от воли и расположения "хозяина". Если мы возьмем раздаточную ведомость любого "делового объединения" или реестр любого общественного или правительственного учреждения, то обнаружим сложную иерархию рангов и положений на одном и том же предприятии или в одном и том же учреждении. Достаточно отметить, что всякое демократическое общество сильно стратифицировано: в новом обличье, но это все то же феодальное общество.

4. Изменение профессионального состава населения

То, что профессиональный состав населения подвижен и постоянно меняется в горизонтальном направлении, ясно и не вызывает сомнений. Исследования К. Бюхера, Г. Шмоллера, О. Петренца, К. Бугле,

Э. Дюркгейма, не упоминая других, детально вскрыли этот процесс¹. С течением времени менялось и техническое разделение труда; появлялись новые профессии, а некоторые архаичные и вовсе исчезали. Например, в Лейпциге в период с 1751 года по 1890 год число профессий увеличилось со 118 единиц до 557; за этот же период 115 существовавших ранее профессий исчезло². Подобным образом постоянно колеблется и профессиональный состав населения. В качестве примера такой социальной перегруппировки приведем следующие цифры, которые показывают число рабочих, занимающихся той или иной профессией (на миллион населения США)³.

Профессии	Число работников (на миллион населения США)							
	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920
Фермеры	103097	79809	77320	84318	83904	74606	64231	57550
Колесные мастера	1323	1040	543	311	204	178	41	35
Кирпичники, каменщики, штукатуры	2733	1676
Врачи и хирурги	1757	1751	1618	1708	1665	1737	1643	1372
Священники	1157	1194	1138	1290	1401	1469	1283	1204
Водопроводчики	81	1956
Канцелярские служащие	4369	41246
Водители	498	2697

Цифры показывают, что со временем некоторые профессии, такие, как фермеры, колесных дел мастера, каменщики, "сокращаются", другие же, подобно врачам и священникам, слегка колеблются, а такие, как канцелярские рабочие, водопроводчики и водители, "увеличиваются". В результате колебания размеров различных профессиональных групп профессиональный состав населения США подвергается постоянной флуктуации и со временем может быть радикально модифицирован. Несмотря на значение этих "горизонтальных" или технических изменений в профессиональном составе населения, сейчас мы не будем непосредственно касаться этой темы. Для нас гораздо важнее выяснить: изменяется ли профессиональная стратификация от группы к группе и от одного периода времени к другому? Если да, то существует ли постоянное направление этих изменений?

¹ *Bücher K.* Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1921; *Schmoller G.* Grundriss... Vol. 1. P. 346—456; *Petrenz O.* Die Entwicklung der Arbeitsteilung in Leipziger Gewerbe. Leipzig, 1901; *Durkheim E.* De la division du travail social. P., 1902; *Bouglé C.* Revue général des théories récentes sur la division du travail // L'Année sociologique. Vol. 6.

² *Petrenz O.* Die Entwicklung... P. 89.

³ *Johnes M. Z.* Trend of Occupation in the Population // Monthly Labor Review. 1925. № 5. P. 14—22; *Brown R. M.* Occupations in the United States // Scientific Monthly. 1924. Vol. 18. P. 196—204.

5. Высота, этажность и профиль профессиональной стратификации

Чтобы избежать неточности в понимании, необходимо отметить, как замеряется увеличение или сокращение профессиональной стратификации. Прежде всего необходимо изучить *высоту* профессиональной стратификации. Она может быть приблизительно измерена через: а) разницу в подчинении низших подгрупп высшей в рамках определенной профессиональной группы; б) степень зависимости низших слоев от верхних; в) степень оплаты высших слоев и низших, занятых той или иной деятельностью. Если все члены какого-либо сообщества независимы в своей профессиональной деятельности и не имеют над собой хозяина, например когда все они независимые фермеры, то высота профессиональной стратификации приближается к нулевой. Если, наоборот, только верхушка управляет некоей профессиональной организацией и может положить конец ее существованию, словом, изменить ее или сделать все, что она пожелает, то мы имеем дело с *профессиональной монархией или олигархией* с неограниченным "деспотизмом" правителей и полной зависимостью подчиненных. В этом случае высота профессиональной стратификации будет наибольшей. Поэтому когда в профессиональной стратификации наблюдается тенденция к одному из этих состояний, то говорится, что высота профессиональной стратификации увеличивается или сокращается.

Во-вторых, следует изучить *этажность* (внутреннюю градацию) профессиональной стратификации, которая *замеряется числом рангов* в иерархии "боссов". В-третьих, следует исследовать "профиль", или "абрис", профессиональной стратификации, которая, в свою очередь, соответствует относительному соотношению людей в каждой профессиональной подгруппе ко всем членам этой профессиональной группы или к количеству людей других профессиональных групп. Для упрощения возьмем только три основные профессиональные страты: руководители предприятия, служащие и наемные рабочие. Под этим углом зрения профиль может быть совершенно плоским, если все люди, занимающиеся той или иной деятельностью, независимы и, если над ними не стоит хозяин, контролирующей их деятельность. Если предприятие состоит из наемных рабочих, служащих высокого ранга и руководителей, то профиль будет менять свою рельефность в соответствии с соотношением каждого из этих подклассов профессиональной группы ко всему количеству людей, занятых этой деятельностью.

Хотя эти три черты — высота, этажность и профиль — профессиональной стратификации не охватывают все ее характеристики, они дают приблизительную картину ее наиболее важных свойств. Вследствие этого они вполне удовлетворяют задачам исследования флуктуаций профессиональной стратификации.

6. Флуктуации высоты профессиональной стратификации

Рассматривая существующие организации с профессиональной точки зрения, можно увидеть между ними большую разницу. Сравним, к примеру, руководителя общественного учреждения, такого, как университет, с руководителем частного бизнеса. Объем власти ректора университета и предпринимателя не идентичен. Ректор не может по своему усмотрению закрыть университет, радикально изменить его устав или уволить некоторых членов факультета или других служащих. Предприниматель же может все это сделать. У него больше власти и свободы. Это сравнение показывает, что *высота профессиональной стратификации*

меняется в зависимости от типа организации. Она может варьироваться и в рамках одного и того же учреждения с течением времени. Исследователи различают абсолютный и конституционный режимы. Точно так же можно выделить абсолютный и конституционный режимы в профессиональной стратификации. Так, любой шаг к ограничению прав и воли руководителей профессиональной организации может рассматриваться как уменьшение высоты профессиональной стратификации.

Есть ли какое-нибудь определенное направление в изменениях высоты стратификации? Некоторые теоретики утверждают, что направление идет в сторону ее сокращения, другие настаивают на противоположном. Какая из этих двух гипотез верна? Думаю, что никакая.

Остановимся кратко на доказательствах сторонников первой гипотезы. Свои построения они основывают на утверждаемой ими тенденции замены частной собственности социалистической или коммунистической. Они считают, что при социалистическом строе профессиональная дистанция между управляющими и рабочими исчезнет, а высота профессиональной стратификации сильно уменьшится или будет равна нулю. Несмотря на популярность этой гипотезы в настоящее время, я считаю ее весьма сомнительной. Во-первых, будущая отмена частной собственности раз и навсегда, установление социалистического или коммунистического рая не вызывают уверенности. Временно этого конечно же можно достичь, как это и не раз случилось в истории различных стран (скажем, в Древнем Египте, Китае, Спарте и в некоторых других греческих полисах, Древней Персии, в государстве таборитов, в Новом Иерусалиме, в современной Венгрии и России и в ряде других стран)¹. Но при всех этих исторических "казусах" рай устанавливался и исчезал; в одних случаях — через короткий промежуток времени, в других — через более длительный. Если так было в прошлом, то нет никаких препятствий полагать, что подобная "история" не повторится снова. Короче говоря, история не дает ровным счетом никакого фактического подтверждения существованию такой тенденции как постоянной. По этому вопросу доказательства профессиональных уравнивателей не валидны.

Мой второй довод заключается в том, что, хотя социалистическая организация возникает для того, чтобы таковой остаться, нет гарантий, что такая организация ведет к сокращению высоты профессиональной стратификации. В упомянутых выше исторических экспериментах государственного или военного социализма не наступало такого сокращения. Нынешние эксперименты в России и Венгрии дали тот же результат. При коммунистическом режиме рабочий превращен в раба правительственного уполномоченного; он не смеет возражать ему, иначе подвергнется наказанию, а потому ему приходится действовать так, как ему прикажут. Он даже не может уволиться с работы, бастовать, так как забастовки запрещены; он не может просить защиты от своих нанима-

¹ Во всех этих экспериментах настаивалось на замене частной собственности и частного менеджмента в экономике на государственный социализм или неограниченный государственный контроль. Именно этим путем они реализуют фундаментальное требование всевозможных вариаций социализма, коллективизма и коммунизма, а потому все подобные эксперименты должны именоваться социалистическими или коммунистическими. Принципиальное отличие между прошлыми и нынешними экспериментами заключается лишь в "словах", сопровождавших или оправдывавших их. Однако, как я уже неоднократно писал выше, не следует придавать никакого значения вербализации и пышной фразеологии. Что действительно существенно важно, так это объективные результаты подобных экспериментов, а не "желания, мотивы и слова".

телей у правительства, так как его наниматель — государство; он не может апеллировать к общественному мнению ввиду отсутствия такового (кроме мнения правительства) и запрещенности всяких митингов. Он не может обратиться в суд, так как судьи — доверенные лица того же самого правительства. При таких условиях наемный рабочий становится совершенно беспомощным. Дистанция между ним и комиссаром даже больше, чем между Генри Фордом и его наемными рабочими. Те, кто исследовал подобные эксперименты в истории, должны знать, что русская картина, которую мы только что нарисовали, суть самая типичная. Я не вижу никакой исторической причины утверждать, что в будущем при каком-нибудь социалистическом или коммунистическом эксперименте ситуация изменится. Я верю, что социалисты имеют самые чистые намерения, но благими намерениями вымощена дорога в ад: важны не намерения, а реальные результаты и воплощения. Уроки истории не дают никакой почвы для веры в будущие чудеса социализма.

Мой третий довод заключается в том, что в любом профессиональном учреждении с несколькими десятками рабочих (будь то частная, правительственная корпорация или общественная организация) определенная высота профессиональной стратификации неизбежна. Успешное функционирование этого учреждения требует наличия управляющих и подчиненных. Если этого нет и все люди — руководители, а подчиняться никому, то каждый будет делать то, что пожелает. Ни разработка единого систематического плана совместной деятельности, ни его реализация невозможны при таких условиях. Несостоятельность подобного учреждения неизбежна. Чем сложнее техника производства, тем вернее это утверждение. В настоящее время она столь сложна, что средний рабочий едва ли сможет компетентно организовывать и управлять крупной корпорацией. Чем более некомпетентным он будет в будущем, тем выше будет роль специалистов и управляющих. Более того, как видно из опыта современных больших предприятий, труд среднего наемного рабочего становится все более монотонным и автоматичным. При таких условиях ни социализация, ни национализация не смогут уничтожить высоты профессиональной стратификации. Национализация предприятий Форда не сможет лишить "общественных менеджеров" сильной контролирующей власти, если конечно же предприятия продолжают работать эффективно. Отсутствие эффективного функционирования комплексного механизма организации нарушило бы саму организацию и привело бы к срыву производства. Подобный срыв, происходящий по тем же самым причинам в других отраслях промышленности, нарушил бы всю экономическую жизнь общества, что привело бы к нужде, нищете и страданиям людей. В результате общество приходит к настоятельной необходимости возродить свое производство, а это значит восстановление профессиональной стратификации. Таков цикл, который происходил много раз в истории, происходит и сейчас на наших глазах в России¹. Существует только одна возможность избежать значительной высоты профессиональной стратификации — это вернуться к первобытной экономической организации "дикарей" — охотников, рыбаков и примитивных земледельцев. Но так как это невозможно, то вывод, к которому мы приходим, следующий: пока существуют профессиональные учреждения с их современным сложным механизмом производства, любая организация труда обречена на стратификацию.

¹ О России см. мою "Социологию революции", гл. 14.

Гипотеза об увеличении высоты стратификации также не подтверждается. Существуют объективные условия, не допускающие неограниченного увеличения высоты стратификации. Среди этих условий самые важные следующие: 1) ограниченные способности индивида; 2) склонность человека сглаживать любую чрезмерную форму неравенства. Современная техника организации и управления настолько сложна, что даже такие выдающиеся руководители, как Генри Форд, не могут обойтись без сотрудничества со специалистами. Любой глава такого предприятия должен внимать и подчиняться советам своих многочисленных экспертов. В обратном случае руководители могут совершить много ошибок, которые приведут к дезорганизации предприятия. Эти фактические ограничения руководства суть всего лишь ограничения высоты профессиональной стратификации. Всем известно также, что успех работы предприятия зависит не только от высшего руководства, но и от многих других второстепенных специалистов, да и от всех рабочих. Их недовольство приводит к замедленному производственному циклу, к забастовкам и другим разрушительным актам, препятствующим успеху самого учреждения. Чтобы избежать этого, руководители вынуждены подчинять свое поведение требованиям служащих, искать сотрудничества с ними, ограничивать своеволие и абсолютизм. Это означает, что заданные объективные условия производства настоятельно приводят к ограничению высоты профессиональной стратификации. Когда она слишком высока, учреждение не может успешно функционировать и обречено на неудачу. Примечательно также и то, что в настоящее время стремление к равенству в различных социальных сферах все усиливается.

Так как существуют ограничения высоты профессиональной стратификации в обоих направлениях, то отсюда следует, что и в истории профессиональных учреждений, и в истории всего профессионального состава населения страны существуют только временные изменения высоты, то есть нет постоянных направлений в ее колебаниях. Благодаря множеству разнообразных конкретных условий высота профессиональной стратификации может увеличиваться; в другие периоды она же уменьшается. Возьмем ли мы средневековые гильдии (взаимоотношения между профессиональными группами мастеров, учеников и подмастерьев), или руководство римской католической церковью папами и кардиналами, или дистанцию во власти главы государства и его подчиненных в руководстве государственными делами, или дистанцию между владельцем предприятия и его служащими, или меняющееся руководящее влияние ректоров одного и того же университета, или степень влияния командующих одной и той же армии — повсюду мы увидим, что во всех этих профессиональных объединениях руководящая власть глав одного и того же учреждения не представляет собой чего-то неизменно застывшего на все периоды, а чувствительно колеблется с течением времени. Власть Григория VII или Иннокентия III была больше власти других католических пап. То же можно сказать и о любом другом профессиональном учреждении, частном или общественном.

Изменяясь во времени, высота профессиональной стратификации колеблется также и в пространстве, от одного учреждения к другому, от одной профессиональной отрасли к другой. Нам говорят, что управление на предприятиях Форда более авторитарное, чем на многих других предприятиях. Личное влияние ректоров различных университетов опять же отличается. В военной сфере высота профессиональной стратификации между командующим и солдатом намного выше, чем между руководителем исследовательского института и научным работником. Профессиональное поведение солдата, особенно во время войны, полностью зависит от его "босса", а роль солдата в руководстве армией почти

равна нулю. В то время как научный работник более независим от своего "босса". Метод исследования, процесс и результаты определяются компетентностью самого ученого, а не приказами его руководителя. Все это иллюстрирует флуктуации высоты профессиональной стратификации в пространстве.

Резюмируем сказанное: точное измерение высоты профессиональной стратификации почти невозможно, тем не менее попытка хотя бы приблизительно ее измерить не даст никаких ровным счетом законных оснований считать, что существует постоянная тенденция в ее колебаниях.

7. Флуктуации этажности (градации) профессиональной стратификации

Здесь мы обнаруживаем большее разнообразие рангов в различных профессиональных группах, начиная от двух "этажей" (фермер и его работник, ремесленник и его ученик) и кончая 20, 40 или 60 рангами служащих в больших профессиональных учреждениях. Среди многочисленных факторов, порождающих градации, выделяются два: природа профессии, а в рамках одной и той же профессии — размеры профессиональной организации. При прочих равных условиях те профессиональные органы, функции которых в основном *исполнительные* и работа которых заключается скорее в действиях, а не в дискурсах, имеют тенденцию к более четкой внутренней градации, и они становятся более централизованными, чем те организации, основная функция которых заключается в исследовании, обдумывании и размышлениях. Армия, правительство и промышленность — примеры исполнительных органов. Отсюда их определенная, ярко выраженная и многообразная "этажность", централизованность в форме пирамиды. С другой стороны — профессиональные группы учителей, ученых и прочих профессионалов (врачей, художников, актеров, музыкантов, писателей и т. д.) представляют собой типичные примеры "совещательных" органов. Это определяется природой их профессий. Командующий совершенно необходим для большей эффективности армии, в научной работе такой командующий только бы мешал научному прогрессу.

Второй фактор градации — размеры профессионального учреждения. Чем оно солиднее, тем выше в нем градация. Очевидно, что, чем больше число служащих, тем больше требуется руководителей разных рангов, чтобы координировать их совместные действия. Когда число служащих достигает 50 тысяч, то становится ясно, что они не могут управляться одним или десятью руководителями одного ранга.

Не вступая в дискуссию по поводу наличия или отсутствия какой-либо постоянной тенденции в колебаниях "этажности" профессиональной стратификации, я берусь утверждать, пусть даже и догматически, что существование такой тенденции еще не доказано.

8. Флуктуации профиля профессиональной стратификации

Профиль профессиональной стратификации колеблется от учреждения к учреждению, от группы к группе, от города к стране (пространственные изменения). Следующие данные наглядно иллюстрируют это положение¹.

¹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. B., 1921—1922. S. 13.

Процент профессиональных страт в профессиональной структуре населения

Профессиональные страты	Сельское хозяйство	Индустрия	Торговля и транспорт	Профессионалы и служащие
Свободные предприниматели, независимые	31.1	24.9	36.1	54.4
Высшие специалисты	1.2	3.2	11.2	24.7
Наемные работники	67.7	71.9	52.7	20.9
Всего:	100	100	100	100

Приведенные цифры показывают, что соотношение каждого из основных профессиональных слоев в различных областях менялось, а соответственно менялся и профиль стратификации. Если вместо всего профессионального состава населения страны мы возьмем ряд профессиональных учреждений — предприятия, университеты или больницы, — мы увидим то же многообразие профилей в профессиональной стратификации.

Профили меняются по времени. Это верно и по отношению к одному профессиональному учреждению или группе, и по отношению ко всему профессиональному составу населения страны. Следующая таблица демонстрирует изменение профиля в профессиональной группе официальных чиновников в Германии¹.

Профессиональные классы чиновников	Процент каждого класса в общей структуре служащих	
	1914	1923
Высший ранг	2.5	2.3
Средний ранг	34.8	30.4
Низший ранг	62.7	67.3
Всего:	100	100

К 1923 году удельный вес низших рангов служащих значительно возрос по сравнению с 1914 годом. Другой пример — из области соотношения различных слоев в профессиональной структуре населения США, занятого в сельском хозяйстве².

Профессиональные страты	Процент каждого слоя в составе населения США, занятого в сельском хозяйстве				
	1880	1890	1900	1910	1920
Фермеры-собственники	38.9	38.7	36.2	32.4	37.5
Держатели земли	13.4	15.3	19.8	19.0	23.1
Наемные рабочие	47.7	46.0	44.0	48.6	39.4
Всего:	100	100	100	100	100

¹ Allgemeines Statistisches Archiv. Bd. 14. H. 1—3. S. 246—248.

² Agriculture Yearbook. N. Y., 1923. P. 511.

Таким же образом происходят изменения в любом другом профессиональном учреждении, да и в целом в профессиональной структуре населения любой страны.

Проблема, которую нам сейчас надлежит обсудить, — существует или нет в колебаниях профиля профессиональной стратификации постоянное направление. Среди многих догадок гипотеза Карла Маркса и прочих уравнилителей вводит нас в суть самой проблемы. Карл Маркс, как было показано выше, предсказывал, что класс свободных предпринимателей уменьшится, а средние классы сольются с пролетариатом. Он же предвещал ту же метаморфозу формы профессиональной стратификации в направлении к "остроконечному" конусу, о котором мы уже говорили выше. Его предсказания не сбылись. В этом можно убедиться, обратившись к следующим цифрам, свидетельствующим об изменениях профиля профессиональной стратификации в современных обществах¹.

Профессиональные классы США	Процент специфических профессиональных классов в составе занятого населения США			
	1870	1900	1910	1920
Фермеры	24.0	19.8	16.3	15.5
Собственники и чиновники	4.6	6.2	7.5	7.6
Профессионалы	3.3	5.4	5.4	6.6
Служащие на зарплате	2.5	4.6	6.3	9.6
Общий процент независимых и "средних" классов	34.4	36.0	35.5	39.3
С/х рабочие	23.1	15.2	16.1	10.0
Прислуга	7.8	5.0	4.1	3.1
Промышленный пролетариат	26.6	35.3	38.2	42.4
Общий процент класса наемных работников	57.5	55.5	58.4	55.5
Неклассифицированные	8.1	8.5	6.0	5.1

Относительное изменение фиксируется и в группах руководящих работников, и в группах трудящихся².

	1870	1900	1910
Капитал	7.1	10.8	13.8
Труд	26.6	35.3	38.2
Общественные организации (невовлеченные в индустрию)	58.2	45.4	41.9
Неклассифицированные	8.1	8.5	6.0
Всего:	100	100	100

¹ Hansen A. H. Industrial Classes in the United States in 1920 // Journal of the American Statistical Association. Vol. 18. P. 503—506.

² Hansen A. H. Industrial Class Alignment // Quarterly Publications of the American Statistical Association. Vol. 17. P. 417—425; Brown R. M. Occupations in the United States // The Scientific Movement. Vol. 18. P. 109—204.

Данные, как видим, не подтверждают ожиданий К. Маркса. Они показывают, что общее число независимых и средних профессиональных слоев не уменьшается, а только изменяется в относительно узких пределах. Они показывают также, что профессиональный класс капиталистов увеличивается быстрее, чем класс промышленных рабочих. Подобную картину наблюдаем и в других странах. Приведем данные по Швейцарии¹.

Профессиональные страты	Удельный вес специфических профессиональных классов на 1000 занятого населения		
	1900	1910	1920
Независимые	289.4	272.1	247.3
Высшие служащие	91.3	120.7	148.8
Наемные работники	583.4	572.8	562.2
Учащиеся	35.9	34.4	41.7
Всего:	1000	1000	1000

Класс свободных предпринимателей несколько уменьшился, а средний профессиональный класс заметно возрос, частично за счет первого, а частично — за счет класса наемных рабочих. Иными словами, класс наемных рабочих и подмастерьев скорее уменьшается, чем увеличивается.

Германия²

Профессиональные страты	Процент специфических профессиональных классов занятого населения		
	1882	1895	1907
Независимые и свободные предприниматели	32.0	29.0	23.1
Высшие служащие	1.9	3.3	6.1
Наемные рабочие	66.1	67.7	70.8
Всего:	100	100	100

Класс предпринимателей с 1882-го по 1907 год уменьшился частично за счет пополнения слоя наемных рабочих, но в основном за счет пополнения класса высших специалистов и служащих. Средний класс, вопреки предсказаниям Маркса, наиболее интенсивно увеличивается, а вовсе не уменьшается; и темп этого увеличения намного выше, чем темп роста числа наемных рабочих.

Франция³

	1886	1901
Независимые	51.3	50.0
Служащие и наемные рабочие	48.7	50.0

¹ Statistisches Jahrbuch der Schweiz. 1926. S. 56.

² Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. S. 18.

³ *Levasseur E.* La démographie Française comparée // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. 3. P. 46; *Guyot Y.* La répartition des industries // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. 17. P. 92—118.

Исследования "среднего" класса, проведенные Ф. Чессой и Р. Мичелсом, показали, что этот класс, составленный частично из мелких независимых предпринимателей, но в основном из высшей категории служащих, увеличивается, а не уменьшается. "Средние слои, в зависимости от специальных условий, могут иногда увеличиваться, иногда уменьшаться, но одно определено: они не могут быть полностью поглощены другими классами" — таков вывод обоих исследователей¹. Приведенных статистических данных достаточно, чтобы показать ошибочность теории Карла Маркса. Видимо, не случайно Макс Вебер позволил себе выдвинуть предположение, что "будущее принадлежит бюрократам", то есть классу высшей категории служащих.

С другой стороны, нет серьезных оснований полагать, что существует какая-либо постоянная тенденция в выравнивании профессионального профиля. Ни приведенные выше данные, ни отмеченная громадная профессиональная градация внутри большинства современных крупных корпораций и ничто другое не подтверждают наличия такой тенденции. Внутри каждой профессии, в соответствии с ее природой, существуют несколько ограничений изменения профиля стратификации. Эти ограничения располагаются между "слишком сильным" и "слишком слабым" руководством. Когда в учреждении слишком большой слой руководящих и управляющих, мы говорим о "слишком сильном руководстве", которое ставит все учреждение в невыгодное положение по сравнению с другими. В результате такая плохо "оформленная" группа или самоуничтожается, или поглощается другой, или, оставаясь таковой, распадается под бременем верхних слоев. То же можно сказать и о "слишком слабом" руководстве или о слишком большой доле нижних слоев и малом удельном весе руководящих уровней². Все эти "слишком сильное" и "слишком слабое" разнятся среди профессиональных учреждений и для одного и того же учреждения и в разные отрезки времени. Но одно по-прежнему верно: в рамках современных обществ одинаково невероятно исчезновение и слоя наемных рабочих, и слоя руководителей-менеджеров. Отсюда все колебания в профиле профессиональной стратификации. Иногда один из слоев стратификации может относительно увеличиться, иногда — уменьшиться. Но в таком случае если профессиональное учреждение функционирует нормально, то эти колебания происходят в заданных пределах. "Слишком сильное руководство" порождает тенденцию к сокращению, "слишком слабое" вызывает противоположную реакцию. Наблюдаются, однако, и такие случаи, когда группа не совершает необходимых изменений в своем профиле, а продолжает развивать свою стратификационную "односторонность". В результате это приводит к катастрофе профессионального учреждения или к катастрофе всей экономической жизни, если этот недуг охватывает самые большие группы страны. Подобная ситуация часто наблюдается во время революций. Примером может послужить русская революция. В России с самого начала был уничтожен весь слой предпринимателей и высших специалистов. В 1918 году профиль профессиональной стратификации стал почти плоским. Этот "непропорциональный" профиль явился одной из причин разрушения экономической жизни в России

¹ *Chessa F.* La classe médie // *Revista Italiana di sociologia.* 1911. P. 62—83; *Michels R.* Sulla decadenza della classe media industriale antica e sul sorgere di una classe media moderna // *Giornale die Economisti.* 1909; *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Bd. 2. SS. 527—528.

² *Chapin F. S.* A Theory of Synchronous Culture Cycles // *Social Forces.* 1925. Vol. 4.

в 1918—1919 годах. Затем, дабы уменьшить бедствие, в Москве и во многих других городах прибегли к противоположной крайности: создали очень большой слой управляющих и руководителей, настолько непропорционально большой, что во многих районах Москвы, согласно переписи 1920 года, на каждого рабочего приходился один или два руководителя. Естественно, что это только обострило и без того кризисную ситуацию. Начиная с 1922 года (периода реставрации в экономической жизни страны) осуществлялось сокращение огромного слоя руководящего персонала, шел, так сказать, возврат к более нормальному "экономическому профилю" стратификации¹. Иными словами, важнейшая задача организации любого предприятия — найти лучший профиль распределения своих служащих по различным рангам.

В добавление к вышеприведенным примерам напомним несколько случаев из прошлого. Они также показывают подобное ненаправленное изменение в профиле профессиональной стратификации. В древней Аттике рабы, как правило, составляли самый низший профессиональный слой, а класс полноправных граждан в своем большинстве принадлежал к административному персоналу или к верхнему профессиональному слою. Обычные граждане и неполноправные метеки напоминают по своему статусу средние профессиональные слои. Согласно Ю. Белоху, существовало следующее колебание этих страт и, соответственно, следующая флуктуация в профессиональном профиле населения Аттики и Пелопоннеса²:

Пелопоннес

Периоды	Свободное население	Илоты	Рабы
V век до н. э.	530000	175000	150000
II век до н. э.	700000	...	250000

Аттика

Периоды	Число полноправных граждан	Число свободных граждан	Число метеков	Число рабов
До греко-персидских войн ^{3*}	от 25000 до 30000	от 75000 до 90000	немного	немного
До Пелопоннесской войны ^{4*}	35000	135000	10000	100000
К концу Пелопоннесской войны	20000	75000	5000	30000
В 327 г. до н. э.	20000	70000	10000	100000

Профиль, как видим, изменялся значительно, но в этих колебаниях не просматривается никакое постоянное направление. На ранних этапах удельный вес рабов в составе населения Аттики был очень низким;

¹ Sorokin P. Sociology of Revolution. Pt. 3.

² Beloch J. Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. B., 1886. S. 149—150.

³ * Греко-персидские войны — 500—449 гг. до н. э.

⁴ * Пелопоннесская война — 431—404 гг. до н. э.

он возрастает до 40% накануне Пелопоннесской войны; сокращается до 23% приблизительно к концу этой войны; и вновь вырастает до 50% в 327 году до нашей эры. Имеющиеся в нашем распоряжении данные относительно основных классов в Древнем Риме и Италии также указывают на ненаправленные колебания профессиональной стратификации¹. Динамика соотношения основных профессиональных слоев в средневековых гильдиях, судя по фрагментарным данным, носила все тот же характер ненаправленных колебаний, хотя до конца исторического существования гильдий в них присутствовали все три профессиональных слоя — мастера, подмастерья, ученики. С исчезновением гильдий после французской революции названия (скажем, в Париже) этих слоев были заменены на новые, но сами слои в модифицированной форме продолжили существование. Вышесказанного достаточно, чтобы убедиться в отсутствии постоянного, закономерного направления в колебаниях профиля профессиональной стратификации. Иными словами, теория ненаправленной динамики кажется ближе к действительности, чем многие пессимистические и оптимистические теории "законодателей прогресса и регресса".

9. Флуктуации страт интеллектуального и ручного труда

Как правило, интеллектуальные профессии считались более высокими и престижными, чем профессии, связанные с физическим трудом. По этой причине изменение в соотношении и в относительной значимости этих двух основных профессиональных классов можно рассматривать как флуктуацию профиля профессиональной стратификации в целом. Каков же характер изменения их удельного веса? Думаю, что и они тоже происходят безо всякого направления.

В некоторых странах, как, например, в США, физический труд оценивается несколько выше, чем во многих европейских странах. Разница в оценке труда проявляется, пожалуй, в том, что в Америке ручной труд оплачивается не абсолютно, а относительно и по сравнению с оплатой интеллектуального труда выше, чем, скажем, в Европе. И поэтому эта разница между двумя классами профессий фактически не так сильно выражена, как в Европе, а переход из одного класса в другой осуществляется гораздо чаще, чем в Европе. Это, между прочим, наглядно демонстрирует изменение положения этих двух классов в пространстве, то есть от одного общества к другому. Их статус меняется и в пределах одного и того же общества, но в разные отрезки времени. Примеры такого колебания дают несколько обществ. В Индии лестница рангов основных каст была постоянной, хотя внутри второстепенных кастовых подразделений могли происходить колебания². На ранних ступенях греческой истории к физическому труду не относились как к чему-то позорному и неприличному.

"Да и вообще, вначале никто не презирал физический труд. Часто можно было застать королевских сыновей за ремесленными занятиями. Позднее сперва аристократия, а после буржуазия постепенно отказались от физического труда"³.

К нему стали относиться с презрением. В Афинах приблизительно во времена Писистрата на рубеже VI — V веков до нашей эры отношение к труду видоизменилось в лучшую сторону, а разница между ручным

¹ *Beloch J. Die Bevölkerung...* S. 149 ff., 435 ff.

² *The Imperial Gazetteer of India. Vol. 1. P. 311—331.*

³ *Guiraud P. Etudes. P. 41 ff., 51, 63 ff., 128 ff.*

и интеллектуальным трудом стала менее заметной. Но позднее в силу ряда обстоятельств эта разница опять увеличивается и сильное неприятие физического труда стало типичным для всех свободных граждан. Подобные изменения можно увидеть в истории Рима, истории средневековой и современной Европы. Одну из таких волн мы пережили за последние несколько лет в России, Европе и Америке. Это были годы роста социальной значимости физического труда — тенденция, которая проявилась в усилении общественного влияния, политической власти, в простом увеличении относительной зарплаты и повышении его престижности. В России в период с 1918-го по 1921 год это привело к "диктатуре пролетариата", правда, с 1921 года эта тенденция начала вытесняться ей противоположной. Примеры эти показывают колебания в относительных оценках обоих родов профессий.

То же можно сказать и о профессиональном соотношении людей, занятых в этих профессиях, да и во всем профессиональном составе населения. Следующая таблица иллюстрирует это утверждение.

Страны и периоды	Процент занятых в интеллектуальных профессиях ко всему занятому населению	Процент занятых физическим трудом ко всему занятому населению	Неклассифицируемые маргинальные профессии
США¹:			
1870	7.9	81.5	10.6
1920	14.2	71.0	14.7
Швейцария²:			
1900	6.7	78.3	15.0
1920	8.3	71.2	20.5

Данные показывают, что за последние несколько десятилетий в обеих странах и практически в большей части европейских обществ происходил процесс увеличения интеллектуального труда за счет физического. В период с 1895-го по 1907 год, или с 1900-го по 1910 год, или с 1901-го по 1911 год, в зависимости от анализируемой страны, группы профессионалов и должностных лиц увеличились: в Германии с 3,6% до 3,9% от объема всего занятого населения, в Австрии — от 2,9% до 3,5%, в Италии — от 4,0% до 4,2%, во Франции — от 5,0% до 5,9%, в Нидерландах — от 5,4% до 7,2%, в Дании — от 3,8% до 4,4%, в Швеции — от 2,9% до 3,5%; только в Англии и в Финляндии не наблюдается никакого увеличения³.

И все же постоянная тенденция флуктуации не существует. Во-первых, увеличение в соотношении интеллектуального труда за последние несколько лет не наблюдалось ни в Англии, ни в Финляндии. Во-вторых, уловимы симптомы, свидетельствующие, что за последние два или три года эта тенденция либо приостановилась, либо в некоторых странах, как, например, в России, вытеснилась противоположной. В-третьих, падение престижности многих видов профессионального труда — факт, который стал очевидным во многих странах лишь в последнее время, а возрастающие трудности, связанные с поисками соответствующего их социального положения, свидетельствуют, что точка насыщения почти достигнута и хотим ли мы того или нет, но закон спроса

¹ Hansen A. H. Industrial Classes in the United States in 1920.

² Statistisches Jahrbuch der Schweiz. I. S. 51.

³ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1921—1922. S. 29.

и предложения обязательно рано или поздно вызовет противоположную к жизни тенденцию. В-четвертых, развитие промышленности и технологий не приводит к уничтожению ручного, физического труда. Оно только лишь уменьшает напряжение работника физического труда, но полностью уничтожить физический труд это развитие вряд ли сможет. Сотни тысяч наемных рабочих на крупнейших и технически высокооснащенных предприятиях продолжают выполнять монотонную физическую работу. Вышеприведенные данные относительно удельного веса в соотношении классов предпринимателей, служащих и рабочих говорят об уменьшении класса рабочих. С другой стороны, как уже было отмечено, есть ряд фактов, показывающих, что не ожидается также и уничтожение или сокращение класса интеллектуальных работников. Вывод из всего сказанного таков: в обществе происходят лишь ненаправленные флуктуации профессиональной стратификации и ничего более.

Предшествующее обсуждение проблемы колебаний политической, экономической и профессиональной стратификации показывает отсутствие какой-либо постоянной тенденции в этой области¹. На этом, пожалуй, завершим анализ колебаний высоты и профиля социальной стратификации. Внешний вид социального здания нам уже немного известен. Тому, кто желает исследовать его углубленно, следует войти вовнутрь и изучить его внутреннее строение: характер и расположение этажей, лифты и лестницы, ведущие с одного этажа на другой, и все прочие приспособления для подъема и спуска с этажа на этаж. Короче говоря, это будет изучением внутренней структуры многоэтажных социальных зданий.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, ЕЕ ФОРМЫ И ФЛУКТУАЦИИ

I. Концепция социальной мобильности; ее формы

Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую. Существует два основных типа социальной мобильности: *горизонтальная* и *вертикальная*. Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Перемещение некоего индивида из баптистской в методистскую религиозную группу, из одного гражданства в другое, из одной семьи (как мужа, так и жены) в другую при разводе или при повторном браке, с одной фабрики на другую, при сохранении при этом своего профессионального статуса, — все это примеры горизонтальной социальной мобильности. Ими же являются перемещения социальных объектов (радио, автомобиля, моды, идеи коммунизма, теории Дарвина) в рамках одного социального пласта, подобно перемещению из Айовы до Калифорнии или с некоего места до любого другого. Во всех этих случаях "перемещение" может происходить без каких-либо заметных изменений социального положения

¹ Когда я уже завершал работу над книгой, я наткнулся на исследование Р. Е. Fahlbeck'a. Die Klassen und die Gesellschaft (Jena, 1923), в котором известный социолог, отталкиваясь от совершенно иных отправных методологических позиций, приходит, по сути, к чрезвычайно близким мне выводам, изложенным в этой книге и ранее в "Системе социологии" (Пг., 1920. Т. 2).

индивида или социального объекта в вертикальном направлении. Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: *восходящая* и *нисходящая*, то есть *социальный подъем* и *социальный спуск*. В соответствии с природой стратификации есть нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уж о других менее важных типах. Восходящие течения существуют в двух основных формах: *проникновение* индивида из нижнего пласта в существующий более высокий пласт; или *создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий пласт на уровень с уже существующими группами этого пласта*. Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую, не разрушая при этом исходной группы, к которой он ранее принадлежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства. В первом случае "падение" напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором — погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги.

Случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий привычны и понятны. Они не нуждаются в объяснении. Вторую форму социального восхождения, опускания, подъема и падения групп следует рассмотреть подробнее.

Следующие исторические примеры могут служить в качестве иллюстраций. Историки кастового общества Индии сообщают нам, что каста брахманов не всегда находилась в позиции неоспоримого превосходства, которую она занимает последние два тысячелетия. В далеком прошлом касты воинов, правителей и кшатриев не располагались ниже брахманов, а, как оказывается, они стали высшей кастой только после долгой борьбы¹. Если эта гипотеза верна, то продвижение ранга касты брахманов через все другие этажи является примером второго типа социального восхождения. Возвысилась вся группа в целом, и все ее члены *in concreto*^{2*} заняли то же положение. До принятия христианства Константином Великим статусы христианского епископа или христианского служителя культа были невысокими среди других социальных рангов Римской империи. В последующие несколько веков социальная позиция и ранг христианской церкви в целом поднялись. Вследствие этого возвышения представители духовенства и, особенно, высшие церковные сановники также поднялись до самых высоких ступеней средневекового общества. И наоборот, падение авторитета христианской церкви в последние два столетия привело к относительному понижению социальных рангов высшего духовенства среди прочих рангов современного общества. Престиж папы или кардинала еще высок, но он, несомненно, ниже, чем был в средние века³. Другой пример — группа легистов во Франции. Появившись в XII веке, эта группа быстро росла по своему

¹ *Bouglé C. Remarques sur le régime des castes // L'Année sociologique. 1900. P. 53 ff.; The Cambridge History of India. Cambridge, 1922. P. 92 ff.*

² * — в полном составе (*лат.*).

³ *Guizot F. The History of Civilization. N. Y., 1874. Vol. 1. P. 50—54.*

социальному значению и положению. Очень скоро в форме судейской аристократии они вышли на позицию дворянства. В XVII и особенно в XVIII веке группа в целом начала "опускаться" и наконец вовсе исчезла в пожарище Великой французской революции. То же происходило и в процессе восхождения аграрной буржуазии в средние века, привилегированного Шестого корпуса, купеческих гильдий, аристократии многих королевских дворов. Занимать высокое положение при дворе Романовых, Габсбургов или Гогенцоллернов до революции означало иметь самый высокий социальный ранг. "Падение" династий привело к "социальному падению" связанных с ними рангов. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены en masse* были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией. Подобные явления наблюдаются и в ракурсе чистой экономической стратификации. Так, до наступления эры "нефти" или "автомобиля" быть известным промышленником в этих областях не означало быть промышленным и финансовым магнатом. Широкое распространение отраслей сделало их самыми важными промышленными сферами. Соответственно, быть ведущим промышленником — нефтяником или автомобилистом — значит быть одним из самых влиятельных лидеров промышленности и финансов. Все эти примеры иллюстрируют вторую коллективную форму восходящих и нисходящих течений в социальной мобильности. Всю ситуацию в целом можно обобщить следующим образом:

* в целом (фр.).

2. Интенсивность (или скорость) и всеобщность вертикальной социальной мобильности

С количественной точки зрения следует разграничить интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности. Под *интенсивностью* понимается вертикальная социальная дистанция или количество слоев — экономических, профессиональных или политических, — проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Если, например, некий индивид за год поднимается с позиции человека с годовым доходом в 500 долларов до позиции с доходом в 50 тысяч долларов, а другой за тот же самый период с той же исходной позиции поднимается до уровня в 1000 долларов, то в первом случае интенсивность экономического подъема будет в 50 раз больше, чем во втором. Для соответствующего изменения интенсивность вертикальной мобильности может быть измерена и в области политической и профессиональной стратификации.

Под *всеобщностью* вертикальной мобильности подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное число таких индивидов дает *абсолютную всеобщность* вертикальной мобильности в структуре данного населения страны; пропорция таких индивидов ко всему населению дает *относительную всеобщность* вертикальной мобильности.

Наконец, соединив интенсивность и относительную всеобщность вертикальной мобильности в определенной социальной сфере (скажем, в экономике), можно получить *совокупный показатель вертикальной экономической мобильности данного общества*. Сравнивая, таким образом, одно общество с другим или одно и то же общество в разные периоды своего развития, можно обнаружить, в каком из них или в какой период совокупная мобильность выше. То же можно сказать и о совокупном показателе политической и профессиональной вертикальной мобильности.

3. Подвижные и неподвижные формы стратифицированных обществ

На основании вышесказанного легко заметить, что социальная стратификация одной и той же высоты, а также одного и того же профиля может иметь разную внутреннюю структуру, вызванную различиями в интенсивности и всеобщности горизонтальной и вертикальной мобильности. Теоретически может существовать стратифицированное общество, в котором вертикальная социальная мобильность равна нулю. Это значит, что внутри такого общества отсутствуют восхождения и нисхождения, не существует никакого перемещения членов этого общества, каждый индивид навсегда прикреплен к тому социальному слою, в котором он рожден. В таком обществе облоочки, отделяющие один слой от другого, абсолютно непроницаемы, в них нет никаких "отверстий" и нет никаких ступенек, сквозь которые и по которым жильцы различных слоев могли бы переходить с одного этажа на другой. *Такой тип стратификации можно определить как абсолютно закрытый, устойчивый, непроницаемый или как неподвижный*. Теоретически противоположный тип внутренней структуры стратификации одной и той же высоты, а также одного и того же профиля — тот, в котором вертикальная мобильность чрезвычайно интенсивна и носит всеобщий характер. Здесь перепонка между слоями очень тонкая, с большими отверстиями для перехода с одного этажа на другой. Поэтому, хотя социальное

здание также стратифицировано, как и социальное здание недвижимого типа, жильцы различных слоев постоянно меняются; они не остаются подолгу на одном и том же "социальном этаже", а при помощи огромнейших лестниц они en masse передвигаются "вверх и вниз". *Такой тип социальной стратификации может быть определен как открытый, пластичный, проницаемый или мобильный.* Между этими основными типами может существовать множество средних или промежуточных типов.

Выделив типы вертикальной мобильности и социальной стратификации, обратимся к анализу различных обществ и временным этапам их развития с точки зрения вертикальной мобильности и проницаемости их слоев.

4. Демократия и вертикальная социальная мобильность

Одна из самых ярких характеристик так называемых демократических обществ — большая интенсивность вертикальной мобильности по сравнению с недемократическими обществами. В демократических структурах социальное положение индивида, по крайней мере теоретически, не определяется происхождением; все они открыты каждому, кто хочет занять их; в них нет юридических и религиозных препятствий к подъему или спуску по социальной лестнице. А это все лишь способствует "большей вертикальной мобильности" ("капиллярности" — по выражению Дюмона) в таких обществах. Большая социальная мобильность, вероятно, одна из причин веры в то, что социальное здание демократических обществ не стратифицировано или менее стратифицировано, чем здание автократических обществ. Ранее мы видели, что это мнение не подтверждается фактами. Такая вера суть своего рода помрачение ума, случившееся с людьми по многим причинам, в том числе и оттого, что социальный слой в демократических группах более открыт, в нем больше отверстий и "лифтов" для спуска и подъема. Естественно, все это производит впечатление отсутствия слоев, хотя они конечно же существуют.

Выделяя значительную мобильность демократических обществ, следует сделать оговорку, что не всегда и не во всех "демократических" обществах вертикальная мобильность больше, чем в "автократических"¹. В некоторых недемократических обществах мобильность была большей, чем в демократических. Это не всегда заметно, так как "каналы" и методы подъема и спуска в таких обществах не столь явные, как, скажем, "выборы" в демократических обществах, да и еще существенно от них отличаются. В то время как "выборы" суть заметные показатели мобильности, другие выходы и каналы часто упускаются из виду. Поэтому создается подчас ложное впечатление устойчивого и недвижимого характера всех "невыборных" обществ. В дальнейшем будет показано, что этот имидж далек от реальности.

5. Общие принципы вертикальной мобильности

Первое утверждение. *Вряд ли когда-либо существовали общества, социальные слои которых были абсолютно закрытыми или в которых отсутствовала бы вертикальная мобильность в ее трех основных ипостасях — экономической, политической и профессиональной.* То, что

¹ Это вполне логично хотя бы потому, что под вывеской "демократия" обычно объединяются общества самых разных типов. То же касается и "автократии". Оба термина неясны и с научной точки зрения порочны.

внутренние слои первобытных племен были вполне проницаемыми, следует из того факта, что внутри многих из них наследование высокого положения отсутствует как таковое; вождей часто избирали, а сами структуры были далеко не постоянными, и личные качества индивида играли решающую роль при подъеме или спуске по социальной лестнице. Ближе всех приближается к абсолютно неподвижному обществу, то есть безо всякой вертикальной мобильности, так называемое кастовое общество. Его наиболее ярко выраженный тип существует в Индии. Здесь воистину вертикальная мобильность очень слаба. Но даже в применении к этому обществу нельзя сказать, что она отсутствует в нем вовсе. Исторические хроники показывают, что при сравнительно развитой кастовой системе случалось, что члены самой высокой касты брахманов, король или члены его семейства свергались или осуждались за преступление. Из-за нежелания прослыть благопристойными погибали многие правители вместе со всем, что им принадлежало. И напротив, даже лесные отшельники завоевывали королевства. Из-за скромности погибли короли Нахуша, Шудас, Сумука, Неви¹. С другой стороны, изгнанники после должного покаяния восстанавливались в правах, а индивиды, рожденные в низших стратах общества, могли войти в касту брахманов — вершина социального конуса Индии. Благоразумием Приту и Ману добились суверенитета, Кубера — положения бога богатства, а сын Гади — класса брахманов². Благодаря возможности смешанных межкастовых браков сохранялся путь медленного продвижения вниз или вверх из одной касты в другую даже в течение многих поколений. Приведу цитату из юридического текста, подтверждающую высказанную мысль. В "Гаутаме" читаем: "От брака брахмана с кшатрией рождается саварна, от брахмана с вайшья рождается нишада, от брахмана и шудры рождается парасава". Таким путем возникали межкастовые подразделения. Но: "В седьмом поколении человек изменит свою принадлежность к той или иной касте, поднимаясь или опускаясь по социальной лестнице"³. "В силу возможности сохранения и в зависимости от семени, из которого они произошли, смешанные расы в последующих поколениях достигают или более высокого, или более низкого ранга"⁴. Статьи, касающиеся деградации и исчезновения каст как примера нарушения кастового правила, буквально пронизывают все священные книги Индии⁵. Само собой разумеется, что поддерживается и процесс социального восхождения. По крайней мере в период раннего буддизма мы встречаем много случаев, когда брахманы и князья выполняли физическую работу и занимались ремеслом. В средних классах родители, желающие лучшей профессии для своих сыновей, говорят в основном о кастовых профессиях, но при этом занятия отца даже и не упоминаются. То есть социальная градация и экономические занятия далеко не совпадали друг с другом. Труд передавался по наследству, а мобильность и инициатива были всего лишь устойчивыми его проводниками. Более того, рожденные слугами короли известны в истории, хотя и запрещены законом. Человек низкого происхождения у власти был нередким явлением в Индии. Так, Чандрагупта — низкого происхождения, сын Маура, впоследствии ставший основателем могу-

¹ Законы Ману. VII, 40—42; XI, 183—199.

² Там же. VII, 42; XI, 187—199.

³ Gautama. Ch. 4. P. 8—21.

⁴ Законы Ману. X, 42; 5—56.

⁵ Lilly W. S. India and Its Problems. L., 1922. P. 200 ff.

пещественной Маурийской империи (321—297 гг. до н. э.) — один из самых ярких примеров подобной мобильности¹.

И в последние десятилетия мы наблюдаем ту же картину. Слабое течение вертикальной мобильности проявляется по-разному: либо путем зачисления в одну из высокопоставленных каст тех, кто разбогател и смог получить санкцию на то от брахманов, либо путем создания новых каст, либо изменяя свой род занятий, либо путем межкастовых браков, либо путем миграции и т. д.² Лишь недавно большую роль стало играть образование, религиозные и политические факторы. Очевидно, поэтому, несмотря на тот факт, что кастовое общество Индии, вероятно, самый яркий пример непроницаемого и наиболее устойчивого стратифицированного организма, тем не менее даже внутри него существовали и существуют слабые и медленные течения вертикальной мобильности. Если так обстоит дело с кастовым обществом Индии, то ясно, что и в других социальных организациях в той или иной степени должна присутствовать вертикальная социальная мобильность. Это утверждение подтверждается фактами из истории Греции, Рима, Египта, Китая, средневековой Европы, где вертикальная социальная мобильность была еще более интенсивной, чем в кастовом обществе Индии. Абсолютно неподвижное общество есть миф, никогда не реализованный в истории. **Второе утверждение.** *Никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно свободной, а переход из одного социального слоя в другой осуществлялся бы безо всякого сопротивления.* Это утверждение логично вытекает из приведенной выше посылки, что любое организованное общество суть стратифицированный организм. Если бы мобильность была бы абсолютно свободной, то в обществе, которое получилось бы в результате, не было бы социальных страт. Оно напоминало бы здание, в котором не было бы потолка-пола, отделяющего один этаж от другого. Но все общества стратифицированы. Это значит, что внутри них функционирует своего рода "сито", просеивающее индивидов, позволяющее некоторым подниматься наверх, оставляя других на нижних слоях, и наоборот.

Только в периоды анархий и большого беспорядка, когда вся социальная структура нарушена, а социальные слои в значительной степени дезинтегрированы, мы имеем нечто, напоминающее нам хаотическую и дезорганизованную вертикальную мобильность en masse³. Но даже в такие периоды существуют препятствия для ничем не ограниченной социальной мобильности — частично в форме быстро развивающегося "нового сита", частично в форме остатков "сита" старого режима. Спустя короткий промежуток времени если такое общество не погибнет в пожарище собственной анархии, то новое "сито" быстро займет место старого и, между прочим, станет таким же с трудом проницаемым, как и ему предшествующее. Что понимается под "ситом", будет объяснено позже. Здесь достаточно сказать, что оно существует и действует в той или иной форме в любом обществе. Утверждение это настолько очевидно, а в дальнейшем мы подкрепим его и фактами, что сейчас нет необходимости на этом задерживаться.

Третье утверждение. *Интенсивность и всеобщность вертикальной социальной мобильности изменяется от общества к обществу, то есть в пространстве.* Это утверждение представляется столь же очевидным.

¹ The Cambridge History of India. Vol. 1. P. 208 ff., 223, 268—269, 288, 480.

² The Imperial Gazetteer of India. Vol. 1. P. 311—331.

³ Sorokin P. Sociology of Revolution. Pt. 3.

Дабы убедиться в этом, достаточно сравнить индийское кастовое общество и нынешнее американское. Если взять высшие рани в политическом, экономическом и профессиональном конусах в обоих обществах, то будет видно, что все они в Индии определены фактом рождения и есть только несколько "выскачек", которые достигли высокого положения, поднимаясь с самых низших слоев. Между тем как в США среди заправил промышленности и финансов 38,8% в прошлом и 19,6% в настоящем поколении начинали бедняками; 31,5% бывших и 27,7% ныне живущих мультимиллионеров начинали свою карьеру, будучи людьми среднего достатка¹. Среди 29 президентов США 14 (то есть 48,3%) вышли из бедных или средних семей². Разница во всеобщности вертикальной мобильности обеих стран та же самая. В Индии подавляющее большинство занятого населения наследует и сохраняет в течение жизни профессиональный статус своих отцов; в США большинство населения меняет свою профессию по крайней мере один раз в течение жизни. Исследование профессиональной мобильности доктора Л. Даблина показало, что среди держателей страхового полиса государственной страховой компании 58,5% изменили свои профессии с момента выдачи полиса³. Мои собственные наблюдения подобных переходов в профессиональных ориентациях от отца к сыну среди разных групп американского населения свидетельствуют о том, что у современного поколения смена профессии стала более частой. То же самое можно сказать и о всеобщности вертикальной экономической мобильности.

Более того, отличие в интенсивности и всеобщности вертикальной политической мобильности в разных обществах можно увидеть на следующей таблице, где показан процент "пришельцев" среди монархов и администраторов высших уровней различных стран, поднявшихся до самого высокого положения из низших социальных слоев.

Страна	Процент "выскачек" среди монархов и президентов
Западная Римская империя	45.6
Восточная Римская империя	27.7
Россия	5.5
Франция	3.9
Англия	5.0
Соединенные Штаты Америки	48.3
Президенты Франции и Германии	23.1

Эти цифры можно принять за приблизительный показатель интенсивности и всеобщности вертикальной политической мобильности от основания политической структуры и до ее вершины. Сильные изменения цифр суть показатель сильного колебания политической мобильности от страны к стране.

Четвертое утверждение. *Интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности — экономической, политической и профессиональной — колеблются в рамках одного и того же общества в разные периоды его истории.* В ходе истории любой страны или социальной группы суще-

¹ Sorokin P. American Millionaires and Multimillionaires // Social Forces. 1925. N 4. P. 638.

² Sorokin P. The Monarchs and the Rulers // Social Forces. 1926. N 5.

³ Dublin L. J. Shifting of Occupations among Wage Earners // Monthly Labor Review. 1924, April.

ствуют периоды, когда вертикальная мобильность увеличивается как количественно, так и качественно, однако существуют и периоды, когда она чувствительно уменьшается.

Хотя точного статистического материала еще мало и он подчас сильно фрагментарен, тем не менее мне кажется, что таких данных вместе с другими историческими свидетельствами достаточно для подтверждения этого утверждения.

А). Первый ряд подтверждений дают крупные социальные потрясения и революции, которые подчас единожды, но все же происходили в истории каждого общества. В периоды таких потрясений вертикальная социальная мобильность по своей интенсивности и всеобщности, естественно, намного выше, чем в периоды порядка и мира. Но так как в истории всех стран рано или поздно наступали периоды социальных потрясений, то и вертикальная мобильность в них колебалась¹.

За один или два года русской революции были уничтожены почти все представители самых богатых слоев; почти вся политическая аристократия была низвергнута на низшую ступень; большая часть хозяев, предпринимателей и почти весь ранг высших специалистов-профессионалов были низложены. С другой стороны, в течение пяти-шести лет большинство людей, которые до революции были "ничем", стали "всем" и поднялись на вершину политической, экономической и профессиональной "аристократии". Революция напоминает мне крупное землетрясение, которое опрокидывает вверх дном все слои на территории геологического катаклизма. Никогда в нормальные периоды русское общество не знало столь сильной вертикальной мобильности.

Картина, которую дают Великая французская революция 1789 года, английская революция XVII века, крупные средневековые изменения или социальные революции в Древней Греции, Риме, Египте или в любой другой стране, подобна той, которую дает русская революция².

То, что было сказано о революциях, можно сказать и о бедствиях в форме иностранной интервенции, великих войнах и завоеваниях.

"Норманнское завоевание почти полностью вытеснило аристократию англо-саксонской расы, поместив "искателей приключений", сопровождавших Вильгельма Завоевателя, на место тех дворян, которые до этого управляли крестьянством... Знать старой монархии была вынуждена "уйти" в отставку"³.

Эта цитата приведена для того, чтобы показать, что любое военное вмешательство практически всегда приводит — прямо или косвенно — к подобным результатам. Завоевание арийцами коренного населения Древней Индии, дорийцами — автохтонного населения Греции, спартанцами — Мессении, римлянами — "своих земель" Италии, испанцами — коренного населения Америки и т. д. вызвали подобное ослабление прежде высоких социальных страт и создание новой знати из людей, которые раньше находились гораздо ниже. Даже если война не заканчивается завоеванием или покорением, она тем не менее приводит к тем же последствиям из-за значительных людских потерь в высших социальных эшелонах, особенно среди политической и военной аристократии, а также из-за финансового банкротства богатых людей или обогащения искусных мошенников-нуворишей. "Вакуум" в знатных слоях общества, вызванный потерями, приходится заполнять, и это приводит к более интенсивному продвижению новых людей к высоким позициям.

¹ Ross E. A. Principles of Sociology. P. 338—339.

² Sorokin P. Sociology of Revolution. Pt. 3.

³ Rogers J. E. T. Six Centuries of Work and Wages. N. Y., 1884. P. 19.

По этим же причинам происходят и более частые профессиональные перемещения, которые приводят к большей профессиональной мобильности, чем в обычное время. Факты, которые мы привели выше, указывают на существование ритмов статичных и динамичных периодов в вертикальной мобильности внутри одного и того общества в разные периоды истории.

Б). Второй ряд подтверждений дает реальная история многих наций.

Историки Индии отмечают, что устойчивая кастовая система не была известна в Индии на ранних ступенях ее истории. "Ригведа" ничего не говорит о кастах. Этот период проявляется в крупных миграциях, нашествиях и мобильности¹. Позднее кастовая система вырастает и достигает своей кульминации. Соответственно вертикальная социальная мобильность устанавливается на нулевой отметке. Происхождение почти исключительно определяло социальное положение индивида; это положение укреплялось и становилось "вечным" для всех поколений одной и той же семьи. В тот период "в ведических текстах нет еще примеров того, как вайшья достигает ранга священника или князя"². Еще позднее, приблизительно ко времени распространения буддизма (VI—V вв. до н. э.), происходит ослабление кастовой системы и растет мобильность. Сам буддизм был выражением реакции против твердого кастового режима и одновременно попыткой нарушить его³. Вскоре после III века до нашей эры "выплеснулась" новая волна социальной неподвижности, усиления кастовой изоляции и триумфа брахманов, вытеснившая предшествующую волну социальной мобильности⁴.

Позднее наблюдались подобные волны неоднократно⁵, таким же образом происходило чередование периодов относительной мобильности и относительной стабильности вплоть до нашего времени, когда Индия вновь вступает в период возрастания вертикальной социальной мобильности и ослабления устойчивости своей кастовой системы⁶. Очевидно, что реальный процесс колебаний куда более сложный, чем тот, который мы только что очертили.

В долгой истории Китая также существовали подобные волны. Они отмечены, во-первых, шахматным чередованием периодов общественного порядка с периодами сильных социальных потрясений преимущественно в форме внутренних социальных революций и иностранных вторжений. Они повторялись многократно; большая их часть проявлялась на стыке конца существования правящих династий и установления новых⁷. Существование подобных изменений отражается и обобщается в "законе трех стадий", приписываемом Конфуцию и приводимом в китайских канонических книгах. Эти стадии следующие: Стадия Беспорядка, Кратковременное Успокоение, Великое Подобие или Равновесие. Они следуют друг за другом согласно текстам⁸. Характеристика этих стадий

¹ The Cambridge History of India. Vol. 1. P. 38, 54, 92; The Imperial Gazetteer of India. Vol. 1. P. 345—347; *Bouglé C. Remarques sur le regime des castes.* P. 28—44.

² *Ibid.* P. 127.

³ *Ibid.* P. 208—210, 260.

⁴ *Ibid.* Ch. 9—10.

⁵ *Grousset R. Histoire de l'Asie.* P., 1922.

⁶ Дж. Мартен, директор индийского департамента ценза, считает, что кастовая система в Индии все еще сильна, как прежде. См.: *Marten J. T. Population Problems from the Indian Census // Journal of the Royal Society of Arts.* 1925, March. 25.

⁷ *Hirth.* The Ancient History of China. N. Y., 1908; *Grousset R. Histoire de l'Asie.* Vol. 2; The Shū-King // The Sacred Books of the East. Vol. 3. P. 101 ff., 125 ff.

⁸ *Lí Kí // The Sacred Books of the East.* Vol. 27. P. 2 ff.

предполагает, что на каждой стадии мобильность была разной, а поэтому их повторение означало повторение статичных и динамичных циклов вертикальной социальной мобильности. В-третьих, на существование этих колебаний, по крайней мере по отношению к политической мобильности, косвенно указывают многие страницы китайских священных книг. В них говорится, что в период правления хороших императоров социальные позиции, особенно высшие (даже положение самого императора), распределялись между теми, кто их заслужил своим личным талантом и добродетелью. В такие периоды "каждые три года устраивался экзамен заслуг, и после трех экзаменов незаслуживающие продвижения разжаловались, а заслуживающие двигались по лестнице вверх. Лишь при такой организации все служебные обязанности выполнялись на должном уровне"¹. Соответственно "Книга исторических хроник" приводит много примеров того, как высшими лицами и даже императорами становились люди из самых низших социальных слоев: Шун стал императором, придя из орошаемых полей, Фу Ю был отозван на службу, прямо будучи оторванным от своих строительных рам, Као Ки — от рыбы и соли, Е Ин был фермером, Ти Яо определил своего преемника из среды бедных и обездоленных и т. д.² Анналы показывают, что в "нормальные" периоды "процветания" китайского общества перемещения были интенсивными, хотя конечно же история восхождения от крестьянина до императора так же стара, как и вся история человечества. В периоды упадка, однако, мобильность была явно слабее. Это видно из постоянного "плача" свергнутых императоров о том, что в периоды упадка "люди высших классов содержатся в темницах, а худшие занимают их места". Такое же обвинение выдвигает император Ио против великого правителя Мяо. Он-де выдвинул людей по наследственному принципу. Таким же было, по словам Ву, и преступление последнего Шана, основателя династии Чу³. В текущий момент история Китая, как кажется, вновь страна вступает в период все возрастающей мобильности. Какими бы неопределенными и расплывчатыми ни были все эти исторические свидетельства, тем не менее они подтверждают циклы сравнительной социальной подвижности и стабильности⁴.

Нечто подобное мы наблюдаем и в истории Древней Греции. Здесь следует различать переход из слоев неполноправных в слой полноправных граждан, с одной стороны; и из низших слоев полноправных граждан в высшие — с другой. Что касается проникновения неполноправных граждан в ранг полноправных в Спарте, то со времени порабощения илотов у них фактически не было шансов стать полноправными гражданами. Если и были редкие случаи, то их крайне мало. Позднее, после 421 года до нашей эры и особенно после Пелопоннесской войны, илотам начали давать вольную *ep masse* и они становились неодамодами, то есть вольноотпущенниками⁵.

¹ The Shû-King. P. 45, 55, 143.

² Li Kî. P. 223, 312 ff.; Shû-King. P. 45, 51, 55, 85 ff., 101, 104, 143.

³ Shû-King. P. 32 ff, 51—55, 125, 143.

⁴ Складывается впечатление, что в истории Древнего Египта по-своему существовали все те же периоды. Так, фараон Неферхотеп был из "низов". В конце XIII династии вертикальная мобильность значительно возросла. "Фараоны сменяли друг друга с беспрецедентной скоростью; средняя продолжительность правления вряд ли превышала один-два года; известны даже два случая трехдневного правления". См.: Gardiner A. Admonition of an Egyptian Sacc. Leipzig, 1909; Breasted J. H. History of the Ancient Egyptians. P. 173—174.

⁵ Фукидид. История Пелопоннесской войны. 4, 80; 5, 34; 7, 19, 58; 8, 5.

Такое восхождение к более высокому положению en masse служит конечно же доказательством возрастающей вертикальной мобильности. С другой стороны, если во время войны против Ксеркса спартанцы были равными, то после окончания Пелопоннесской войны, то есть меньше чем через столетие, некоторые из них поднялись до ранга, так сказать, "пэров", а многие, напротив, опустились до уровня подчиненных¹. Период социальных революций под руководством Агиса IV (242 г. до н. э.) и Клеомена III (227 г. до н. э.) вызвал очередное нарушение в перемещении полноправных граждан и явился периодом ярко выраженной мобильности. Иными словами, и в истории Спарты мы наблюдаем чередование периодов относительной подвижности и неподвижности.

Наличие подобных циклов в Афинах подтверждается установлением одиннадцати конституций в течение только двухсот лет. Конституции, особенно такие, как конституции Солона, Писистрата, Клисфена, "четырёхсот", "тридцати" и "десяти" тиранов, знаменовали собой не только простые изменения в формах правления, но и новое фундаментальное перераспределение граждан внутри социального конуса афинского общества. Например, в результате введения конституции Солона большинство людей были освобождены от рабства (долгового) и поднялись тем самым по социальной лестнице, а многие их прежние хозяева опустились. Замена наследственной аристократии на плутократию (аристократию по принципу богатства) имела те же последствия. Впрочем, последствия и других конституций, описанных Аристотелем, были существенно схожими². Среди них тирании "тридцати" и "десяти" были самыми сильными потрясениями. Поэтому в афинской истории периоды отмены старой конституции и введения новой были периодами, за которыми в ряде случаев следовала гражданская война или сильное потрясение, но именно они были периодами особенно интенсивной вертикальной мобильности внутри афинского общества. На основании "Политики" и "Афинской политики" Аристотеля вполне можно сделать такое заключение³.

В Древнем Риме на ранних ступенях развития для неполноправных граждан проникновение в слой римских граждан было крайне затруднительным. Продвижение стало легче и интенсивнее уже в императорскую эпоху. С уменьшением различных социальных препоп, однако, привилегии римского гражданства также уменьшились. В 212 году нашей эры ("Закон Каракаллы") почти все население Римской империи получило статус римского гражданства. Но именно в это время гражданство практически полностью потеряло все свои особые привилегии. Такова, по сути, кривая перемещения из слоя неполноправных граждан в *civus Romanus*^{4*}.

Перемещения из низших слоев (в том числе и перемещения неполноправных граждан) показывают очевидное изменение во всеобщности и интенсивности вертикальной мобильности. До VI—V веков до нашей эры она была слабой, с середины V века до нашей эры и по середину IV века до нашей эры вертикальные перемещения были крайне интенсивными. В этот период плебеи получают практически полное равноправие с патрициями. Иными словами, они переходят из низкого в более высокий статус. Хотя стирается одна разница, как бы на смену ей

¹ Ксенофонт. Греческая история. 3, 5—6.

² См., к примеру, его "Афинскую политику", гл. 20, 21, 27.

³ Аристотель. Афинская политика. Гл. 1—4, 6, 41.

⁴ * римское гражданство (*лат.*).

появляется другая. Несмотря на многосторонний характер процесса и многие исторические лакуны, можно все же с достаточной степенью уверенности сказать, что период с последнего века республики и по III век нашей эры был в общем периодом интенсивной мобильности. Вертикальные течения поднимались с самого дна римского общества (от рабов) и до вершин (самые высокие позиции, включая ранг императора) общественного конуса. При помощи денег, грабежа, насилия, обмана, мошенничества, любовных интриг, реже — военного героизма и службы на благо отечества человек без родословной поднимался до командных высот, в том числе и до власти пурпура — монарха¹. По контрасту с этим временем период с конца III века нашей эры и до самого конца Западной Римской империи (V в. до н. э.) отмечен резким уменьшением мобильности. Наследование социального положения и прикрепленность "навечно" в позиции родителей стали своего рода правилом. Общество плавно двигалось по течению к твердой кастовой системе.

"Любое отступление от наследованной позиции было исключено. Привязанность человека к его заранее заданному положению определялась не только статусом отца, но и матери"².

Какими бы ни были в деталях эти изменения мобильности в римской истории, существование циклов относительно неподвижности мутаций сомнений не вызывает.

Средние века и Новое время. Изменения мобильности в средние века демонстрирует история высших слоев привилегированных классов. Для краткости изложения возьмем в качестве примера Францию. Последующее изложение можно с соответствующими модификациями отнести и насчет других европейских стран.

На заре средневековья в Европе наблюдается интенсивная вертикальная мобильность. Среди тевтонцев, франков и кельтов в этот период слой лидеров был открыт почти каждому, у кого обнаруживался необходимый талант и способности. Систематические вторжения готов, гуннов, ломбардов, вандалов нарушали социальную стратификацию Римской империи. Один аристократический род исчезал за другим, к власти приходили все новые и новые авантюристы. Так были разрушены староримские аристократические и сенаторские фамилии. Откровенные авантюристы стали основателями новых династий и новой знати. Так появились Меровинги, а позднее Каролинги с их знатью. Из кого же рекрутировалась знать этого периода, так сказать, *noblesse du palais*^{3*}, которая вытеснила сенаторские слои Рима? Ответ прост.

¹ В течение одного-двух поколений рабы становились представителями знати. В свое время Цицерон говорил о шестилетнем сроке, необходимом рабу для обретения вольной. В своей речи "В защиту Корнелия Бальбы" он указывает на условия социального продвижения индивида на вершину социальной иерархии — "благодаря своим добродетелям, интеллекту и знаниям". Среди богатейших людей того времени и высших должностных лиц мы зачастую встречаем имена рабов и вольноотпущенников (Тримальхион, Палладий, Деметрий и др.). Но уже в раннеимператорский период, после правления императора Августа, создаются значительные препятствия для свободной вертикальной мобильности, особенно для проникновения в высшие слои римского общества. И тем не менее это было время особо интенсивной мобильности населения. См. подробнее: *Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Roman Empire*. N. Y., 1926. P. 19, 22, 42—43, 47—48, 55, 58, 81, 99, 117—119.

² *Dill E. Roman Society in the Last Days of the Western Empire*. Ch. 1; *Rostovtzeff M. Social and Economic History...* P. 472 ff.

³ * дворцовая знать (*фр.*).

”В VI веке еще возможно было встретить некоторые сенаторские фамилии благороднорожденных и богатых благодаря унаследованному богатству. Но в VII веке эта знать исчезла полностью и была вытеснена новой знатью королевских чиновников или *poblesse du palais*. Законы франков оценивали выше тех, кто находился на службе у короля, чем представителей старинных аристократических семей. Не длинный перечень выдающихся предков, а государственная служба делала человека благородным. В практике общества Меровингов даже высшие ранги знати были настолько открытыми, что даже слуга довольно легко и быстро мог подняться до самых высоких государственных позиций. Знать того времени в своей генеалогии указывала только на дворянство отца и не более”¹.

Поэтому среди графов и дворян мы находим таких, как Эбрион, — *maître des Palais*^{2*} — и других, вышедших из слуг, разбойников и прочего способного люда простого происхождения. Это положение сохранялось и при Каролингах, ибо и при них значительное число герцогов и графов вышло из слуг или низших общественных слоев³.

В общем, до XIII века не было особых юридических препятствий для социального восхождения. Последний простолюднн, если он смелый и способный, мог стать дворянином — *chevalier*^{4*}; тот, кому по силам было купить поместье, также мог стать дворянином. Не требовалось никакой санкции короля для признания законности дворянского достоинства. Но после XIII века появились первые симптомы социальной изоляции и один за другим стали отсекаются пути проникновения в высшие классы⁵. Мобильность, правда, не исчезла вовсе, но она резко сократилась на протяжении XIII и первой половины XIV века.

Столетняя война, крестьянское восстание (Жакерия), парижское восстание 1356—1358 годов, междоусобная борьба бургундцев и арманьяков вновь сдвинули вертикальную мобильность со второй половины XIV века с нулевой отметки. Новые люди опять стали проникать в высшие слои знати, численно сокращалась старая знать. Помимо традиционных каналов социального восхождения стали появляться новые: королевские *legistes*^{6*}, муниципалитеты и городские коммуны, гильдии и, наконец, накопление капитала. С колебаниями этот процесс продолжался до начала XVIII века, то есть до тех пор, пока вновь не появились сильные препятствия мобильности⁷. Великая французская революция и период Наполеоновской империи (когда, ”кто был ничем, стал всем” и наоборот) ознаменовали эпоху наивысшей по интенсивности вертикальной мобильности. Таковы вкратце основные циклы вертикальной социальной мобильности во Франции.

Изучение вертикальной мобильности внутри политической стратификации других стран обнаруживает периоды особенно ярко выраженных перемещений. В истории России такими периодами были: вторая

¹ *De Coulanges F.* Les Transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne. P. 47, 66, 96, 424; *Viollet.* Histoire du droit civil français. P., 1893. P. 251; *Kolabinska M.* La Circulation des élites en France. Lausanne, 1912. P. 11—15.

² * гофмейстер, камергер (*фр.*).

³ *Luchaire A.* Manuel des instituts frabsais. P. 257 ff.; *Flach S.* Les origines de l'ancienne France, X et XI Siècles. Vol. 1. P. 721; *Guizot F.* The History of Civilization. Vol. 1. P. 67 ff., 203—205.

⁴ * рыцарь, кавалер (*фр.*).

⁵ *Kolabinska M.* La Circulation des élites en France. P. 19—32; *Esmein.* Cours d'histoire du droit français. P. 231 ff., 680 ff.

⁶ * легисты (*фр.*) — образованные чиновники, знатоки законов.

⁷ *Kolabinska M.* La Circulation des élites en France. P. 19—32; *Esmein.* Cours d'histoire du droit français. P. 231 ff., 680 ff. Ch. 2—4.

половина XVI века — начало XVII века (правление Ивана Грозного и последующее междоусобице), царствование Петра Великого и, наконец, последняя русская революция. В эти периоды почти по всей стране старая политическая и правительственная знать была уничтожена или низложена, а "высочки" заполнили высшие ранги политической аристократии. Хорошо известно, что и в истории Италии таковыми были XV — XVI века. XV век с полным правом называют веком авантюристов и проходимцев. В это время историческими протагонистами часто были люди из низших сословий. Никто больше не обращал внимания на традиции и условности; все определяли личные качества¹.

В истории Англии такими периодами были следующие эпохи: завоевание Англии Вильгельмом, гражданская война середины XVII века.

В истории США — середина XVIII века и период гражданской войны.

В большинстве европейских стран Ренессанс и Реформация представляли собой периоды чрезвычайно интенсивной социальной мобильности.

Наконец, и наше время с начала XX века принадлежит к очень "мобильному" веку в смысле политических и экономических перемещений. Это все тот же век авантюристов, проходимцев и карьеристов. Ленин и другие диктаторы в России, Муссолини и фашистские лидеры Италии, Мазарик и чешские политические деятели, Мустафа Кемаль в Турции, Радич и другие "новые люди" в Сербии, Реза-хан в Иране, политическое руководство Эстонии, Польши, Латвии, Литвы, лейбористское правительство Великобритании, социал-демократическое правительство Германии, новые лидеры Франции и т. д., с одной стороны, полное уничтожение или низложение королевских фамилий Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых, Оттоманов и др., а также политической аристократии конца XIX века, с другой, — все это очень явно свидетельствует о мобильном характере нашей эпохи, по крайней мере в области политической мобильности.

Все, что было сказано о флуктуациях мобильности в сфере политической стратификации, можно повторить и по отношению к экономической и профессиональной вертикальной мобильности.

Чтобы не быть многословным, я опушу соответствующий исторический экскурс для подтверждения этого тезиса. Впоследствии я еще приведу данные, которые в какой-то степени прояснят этот процесс.

На основании всего вышесказанного и того, о чем еще пойдет речь, можно считать, что и четвертое утверждение ратифицируется всем ходом истории.

Пятое утверждение. *В вертикальной мобильности в ее трех основных формах нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности. Это предположение действительно для истории любой страны, для истории больших социальных организмов и, наконец, для всей истории человечества.* Таким образом, и в области вертикальной мобильности мы приходим к уже известному нам заключению о "ненаправленных" колебаниях.

В наш динамичный век триумфа избирательной системы, промышленной революции и особенно переворота в транспортных средствах такое утверждение может показаться странным. Динамизм нашей эпохи заставляет верить в то, что история развивалась и будет развиваться в направлении постоянного и "вечного" увеличения вертикальной мобильности. Нет необходимости повторять, что многие

¹ Villari P. The Life and Times of N. Machiavelli. Vol. 1. P. 8.

социологи придерживаются именно такого мнения¹. Тем не менее если исследовать все их доводы и обоснования, то можно убедиться, насколько они шатки.

А). Во-первых, последователи теории ускорения и усиления мобильности обычно отмечают, что в современных обществах нет ни юридических, ни религиозных препятствий к социальным перемещениям, которые существовали в кастовом или феодальном обществах. Если представить на мгновение, что утверждение это верно, то ответ будет таковым: неправомочно делать подобное заключение о "вечной исторической тенденции" на основании опыта последних 130 лет. Это слишком короткий миг по сравнению с тысячелетней историей человечества, которая только и может быть достаточным основанием для признания существования постоянной тенденции. Во-вторых, даже в рамках этого 130-летнего периода эта тенденция ясно не проявилась у большей части человечества. Внутри больших социальных сообществ Азии и Африки ситуация еще достаточно неопределенная: кастовая система все еще жизнеспособна в Индии, Монголии, Маньчжурии, Китае и на Тибете, среди коренного населения многих других стран. В свете этих уточнений всякая ссылка на феодализм во имя сравнения со "свободным" современным периодом теряет свое значение.

Б). Предположим, что уничтожение юридических и религиозных препятствий действительно приведет к усилению мобильности. Хотя и это можно оспорить. Это было бы так, если бы на месте уничтоженных препятствий не возводились новые. В кастовом обществе невозможно быть знатным, если ты не из знатной семьи, но можно быть знатным и привилегированным, не будучи богатым. В современном обществе возможно быть благородным, не будучи рожденным в знатной семье, но, как правило, необходимо быть богатым². Одно препятствие вроде бы исчезло, появилось другое. Теоретически в США любой гражданин может стать президентом. Фактически 99,9% граждан имеют так же мало шансов на это, как и 99,9% подданных любой монархии стать самодержцем. Один вид препятствий уничтожается, устанавливается другой. Под этим подразумевается, что устранение препятствий к интенсивному вертикальному перемещению, типичных для кастового и феодального общества, не означает их абсолютного уменьшения, а только замену одного вида помех другим. Причем еще не известно, какие препятствия — новые или старые — более эффективны в сдерживании социальных перемещений.

В). Третий контраргумент гипотезе постоянного направления — само фактическое движение мобильности в истории различных наций и крупных социальных организмов. Очевидно, что наиболее мобильными были первобытные племена с их ненаследуемым и временным характером лидерства, с их легко переходящим от одного человека к другому общественным влиянием, зависящим от обстоятельств и индивидуальных способностей. Если в дальнейшей истории проявится тенденция к усилению мобильности, то и она не может быть оправданием гипотезы о постоянной тенденции, так как на заре истории регулярное социальное перемещение было более интенсивным, чем на по-

¹ *Fahlbeck*. Les classes sociales // Bulletin de l'Institut International de Statistiques. Vol. 12; *Fahlbeck*. La noblesse de Suede // Bulletin de l'Institut International de Statistiques. Vol. 15; *Fahlbeck*. La décadence et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut de Statistiques. Vol. 18; *D'Aeth F. G.* Present Tendencies of Class Differentiation // The Sociological Review. 1910. P. 269—272.

² А это крайне необходимое условие для включения человека, к примеру, в американский "социальный регистр".

следующих ступенях развития. Более того, приведенные выше замечания о флуктуации мобильности в истории Индии и Китая, Древней Греции и Рима, Франции и других упоминавшихся стран не показали никакой постоянной тенденции к увеличению вертикальной мобильности. То, что происходило, суть всего лишь изменения, при которых периоды бóльшей мобильности вытеснялись впоследствии периодами стагнации. Если дело обстоит так, то "теория направленного развития" не основывается на исторических фактах. Да и вообще из единичных фактов не следует заключать, что нечто повторится в будущем снова. Но еще большая ошибка — выводить из неслучившихся в прошлом фактов прогнозы на будущее.

Г). Более того, очень часто признается как нечто совершенно очевидное, что вертикальная социальная мобильность в настоящее время намного сильнее, чем в прошлом. Но и это всего лишь предположение, которое не было проверено. И мне кажется, что такие компетентные исследователи, как Э. Левассёр, не ошибались, когда подвергали сомнению такое предположение, утверждая, что социальные перемещения в XVII веке были неменьшими, чем в XIX веке. На расстоянии все кажется серым и бесформенным, и мы склонны думать, что в отдаленном прошлом все было плоским, серым и статичным. Порой действительно трудно решить, сильнее ли вертикальная мобильность в современных демократических обществах, чем она была в прошлой истории Европы или где-нибудь в другом месте. Если же нет оснований постулировать этот тезис, не следует и предполагать обратное. А это значит, что направление мобильности неопределенное.

Д). В качестве доказательства теории восходящей тенденции ее сторонники часто указывают на уменьшение фактора наследования высоких социальных позиций и на замену его на фактор выборности. Избранные президенты вместо легитимных монархов, избранные или назначенные верховные администраторы вместо наследственной знати, талантливые восхожденцы вместо наследственных владельцев учреждений и т. д. — таков их аргумент. Сожалею, что мне приходится указывать на элементарные факты, которые, как кажется, забыли защитники этого аргумента. Во-первых, принцип выборности лидеров и королей или других высокопоставленных общественных лиц в прошлом был известен ничуть не меньше, чем сейчас. Вожди и короли большей части первобытных племен выбиралась¹. Консулы, трибуны и другие политические позиции в Древнем Риме были выборными. Римские императоры избирались или становились императорами в результате насилия или борьбы за власть. Римские католические папы и верховные авторитеты средневековой церкви всегда избирались. Власть во многих средневековых республиках также выбиралась². И это очевидно для каждого, кто хоть немного изучал историю. Но нам могут возразить, что в прошлом эти авторитеты избирались узким кругом привилегированного меньшинства, а сейчас мы имеем дело со всеобщим избирательным правом. И вновь это утверждение неверно. В прошлом во многих политических организациях выборы были всеобщими. С другой стороны, 300 миллионов населения Индии или других британских колоний, аборигенное население колоний Фран-

¹ *Hobhouse L., Wheeler G., Ginsberg M.* The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples. P. 50 ff.

² *Carlyle R., Carlyle A. J.* A History of Medieval Political Theory. Vol. 1. Ch. 4; Vol. 2. P. 75, 253—254; Vol. 3. P. 30, 31, 51, 168—169; *De Wulf M.* Philosophy and Civilization in the Middle Ages. 1922. Ch. 11; *De Labriolle P.* History and Literature of Christianity. N. Y., 1925. Bks. 1, 3—4.

ции, Бельгии также не имеют права голоса при выборах правительства в метрополиях и выработке законов, которые ими управляют. Все это и мираж всеобщности сегодняшнего избирательного права делают аргументы в пользу тенденции перехода от наследования власти к ее выборности ошибочными.

Неверно также и то, что самые высокие социальные позиции, как, например, ранг монарха, сейчас остаются в руках одной и той же династии на более, правда, короткий срок, чем в прошлом.

Ответ дают следующие цифры. Если существующие династии Англии, Дании, Нидерландов, Испании и Италии царствуют более 200 лет, а династии Габсбургов, Романовых, Оттоманов, Гогенцоллернов, не говоря уж о других, правили более 300—400 лет (мы не должны забывать, что они были низложены только вчера), то в прошлом средняя продолжительность правления династий была скорее короче, чем длиннее. В Древнем Египте 3-я династия правила 80 лет; 4-я — 150 лет; 5-я — 125 лет; 6-я — 150 лет; 7-я и 8-я, вместе взятые, — 30 лет; 9-я и 10-я, вместе взятые, — 285 лет; 11-я — 160 лет; 12-я — 213 лет; время правления 13—17-й династий — 208 лет; 18-я — 230 лет; 19-я — 145 лет; 20-я — 110 лет; 21-я — 145 лет; 22-я — 200 лет; 23-я — 27 лет; 24-я — 6 лет; 25-я — 50 лет; 26-я — 138 лет; некоторые "вновь появившиеся" династии царствовали от 3 дней до одного-двух лет¹. Нечто подобное мы наблюдаем и в последовательной смене китайских династий². В Древнем Риме ни одна из династий не правила больше 100 лет, большая же их часть правила несколько лет или даже несколько месяцев (или даже несколько дней). Меровинги проправили во Франции около 260 лет, Каролинги — около 235 лет, Капетинги — 341 год, Валуа — 261 год. Этих примеров достаточно, чтобы показать, что не существует никакого "ускорения" или сокращения "наследственного сохранения позиции монарха" в современный период по сравнению с прошлым. Что же касается вновь образованных республик, то и они могут легко уступить место монархиям в будущем, как это уже не раз происходило в истории. Современные республики следует сравнивать с древними; такое сравнение приводит к заключению, что в древних республиках сохранение положения главы государства внутри одной семьи было столь же коротким, как и в настоящее время.

Е). Что касается "новых" людей и карьеристов в прошлом и настоящем, то список этих неожиданно выдвинувшихся людей среди монархов и руководителей государств был дан выше. Согласно списку, процент "новичков" среди императоров Западной и Восточной Римских империй был выше, чем среди президентов Франции и Германии; он близок к проценту президентов-"высочек" США, которые выдвинулись из бедных классов, но намного выше, чем процент этих людей среди монархов и правителей европейских стран за последние несколько столетий. В Европе, за исключением России, процент выдвинувшихся из нижних слоев до позиции монарха в прошлом был выше, чем в самое последнее время. К этим данным можно добавить, что удельный вес римских католических пап, которые выдвинулись из беднейших классов, составляет 19,4%, из средних классов — 18,8, а из знатных и богатых слоев общества — 61,8%. Выдвижение пап из низших слоев общества также более типично отдаленному прошлому, чем последним двум столетиям³. Тенденция к непотизму или к наследственному сохранению

¹ *Breasted J. H. A. Ancient Records of Egypt. Chicago, 1906. Vol. 1. P. 40—47.*

² *Lee M. P. H. The Economic Principles of Confucius. P. 38 ff.*

³ *Sorokin P. The Monarchs and the Rulers.*

позиции "папы" внутри одной семьи была заметной, хотя и не в начале истории христианской церкви, как следовало бы ожидать по гипотезе направленного развития, а много позднее — в XIII—XVI веках. То же можно сказать и о верховных церковных авторитетах, и высших эшелонах знати в европейском обществе.

Этих фактов, перечисление которых можно было бы продолжить *ad libidum*¹, достаточно, чтобы оспаривать вышеупомянутые "тенденции" перехода от наследуемой к выборной или свободно достигаемой "позиции".

Ж). Если бы я и уверовал в какую-либо постоянную тенденцию в этой области, то скорее попытался бы доказать, как социальный организм, старея, становится все более и более неподвижным, а перемещение индивидов — менее интенсивным. Хотя я и не уверен в существовании такой тенденции, тем не менее есть много фактов, ее подтверждающих. В Египте строгий обычай наследования официальных постов появился сравнительно поздно, не ранее, видимо, 6-й династии². В Спарте на самых ранних периодах иностранцы допускались в ранг полноправных граждан, позднее же группа спартанской знати стала эзотеричной, и чужеземцы допускались туда лишь в самых чрезвычайных случаях³. В Афинах, несмотря на резкие перепады мобильности во время потрясений, тенденция к устойчивости опять-таки проявилась в более поздние времена. Собственно граждан Афин, как известно, было немного. И чтобы лучше использовать деньги, которые вымогались у союзников, в 451 году до нашей эры Перикл ввел закон, по которому "никто не допускается до привилегий (полного гражданства), кто не рожден от обоих родителей, уроженцев Аттики и полных граждан"⁴. Хотя позднее в гражданском корпусе обнаруживаются бывшие рабы, но "тем не менее уникальность соответствующих текстов доказывает, что право гражданства предоставлялось редко и с большими сложностями метекам и вольноотпущенникам"⁵. В Венеции до 1296 года ранг аристократии был открытым, а с 1775 года, когда аристократия утрачивает свое былое значение, ее ранги становятся закрытыми, только время от времени эти устои нарушались редким проникновением новых людей. Такова же была и тенденция у средневекового дворянства и рыцарства, хотя опять-таки изначально ситуация была совершенно иной⁶. В конце Римской империи все социальные страты и группы стали совершенно закрытыми. Высшие слои христианской церкви, будучи открытыми в первые века своего существования даже для рабов, позднее постепенно закрывались также и для тех, кто попросту не смог подняться достаточно высоко из низших социальных слоев. Ранг королевской знати был доступен любому при Меровингах и Каролингах, но позднее становится исключительным и непроницаемым для новых людей. Такая же тенденция наблюдается и в истории средневековых гильдий. Даже самый высокий слой мастеров в течение первых столетий истории гильдий был доступен для проникновения любым учеником и подмастерьям, но с начала XVI столетия четко просматривается тенденция к изоляции и кастовости.

¹ * сколько угодно (*лат.*).

² *Breasted J. H. A. A History of the Ancient Egyptians.* P. 117, 146.

³ *Schoeman G. F. Antiquités grecques.* P., 1884. Vol. 1. P. 224; *Страбон.* География. 8, 5, 4; *Аристотель.* Политика. 2, 6, 12.

⁴ *Аристотель.* Афинская полития. Гл. 26.

⁵ *Beauchet.* Histoire du droit privé de la republique athénienne. P., 1897. Vol. 1. P. 488.

⁶ *Mommsen T.* La droit publique romaine. Vol. 6. S. 48.

Буржуазия и так называемый средний класс были открытыми в начале своей истории, но позднее проявили ту же кастовую тенденцию (во Франции после XII в., а в Англии после XV в.). Это в равной мере относится и к финансовой, и к промышленной, и к юридической (легисты) аристократии во Франции и в других европейских странах. Даже в США, несмотря на короткую и довольно скромную родословную семей "социального реестра", эти семьи проявили весь набор претензий на аристократическую кастовость.

Нет необходимости продолжать перечисление фактов. Очевидно, что тенденция к социальной исключительности и прочности на поздних стадиях развития многих социальных организмов была довольно типичной. Но не будем спешить объявлять эту тенденцию постоянной. Она упомянута здесь только для противопоставления мнимой тенденции усиления социальной мобильности с ходом истории.

Всего, что было сказано, думаю, достаточно, чтобы бросить вызов мнимым теориям направленного движения.

Резюме

1. Основные формы индивидуальной социальной мобильности и мобильности социальных объектов следующие: горизонтальная и вертикальная. Вертикальная мобильность существует в форме восходящих и нисходящих течений. Обе имеют две разновидности: 1) индивидуальное проникновение и 2) коллективный подъем или спад положения целой группы в системе отношений с другими группами.

2. По степени перемещений справедливо различать подвижные и неподвижные типы обществ.

3. Едва ли существует такое общество, страты которого были бы абсолютно эзотеричными.

4. Едва ли существует такое общество, в котором бы вертикальная мобильность была бы свободной, беспрепятственной.

5. Интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности изменяется от группы к группе, от одного периода времени к другому (изменения во времени и пространстве). В истории социальных организмов улавливаются ритмы сравнительно подвижных и неподвижных периодов.

6. В этих изменениях не существует постоянной тенденции ни к усилению, ни к ослаблению вертикальной мобильности.

7. Хотя так называемые демократические общества зачастую более подвижны, чем автократичные, тем не менее это правило не без исключений.

Теперь перед нами стоит задача анализа общих черт и механизмов функционирования мобильности в обществе. Когда же он будет проведен, то можно будет подвести итог изучению мобильности в современных обществах.

КАНАЛЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ

Поскольку вертикальная мобильность присутствует в той или иной степени в любом обществе и поскольку между слоями должны существовать некие "мембраны", "отверстия", "лестницы", "лифты" или "пути", по которым позволительно индивидам перемещаться вверх или вниз из одного слоя в другой, то правомерно и нам было бы рассмот-

реть вопрос о том, каковы же в действительности эти каналы социальной циркуляции.

Функции социальной циркуляции выполняют различные институты.

И среди них есть каналы, представляющие для нас особый интерес. Из их числа, которые существуют как в различных, так и в одном и том же обществе, но в разные периоды его развития, всегда есть несколько каналов, наиболее характерных для данного общества. Важнейшими из ряда этих социальных институтов являются: армия, церковь, школа, политические, экономические и профессиональные организации.

1. Армия как канал социальной циркуляции

Данный институт играет особенно важную роль в военное время, то есть в периоды межгосударственных и гражданских войн. Нет нужды говорить, насколько судьба общества зависит от успеха в войне. Хотим мы того или нет, стратегический талант, мужество солдат независимы от их социального положения особенно высоко ценятся в такие периоды. Кроме того, война подвергает испытаниям и талант простого солдата, и способности привилегированных классов. Опасность, грозящая армии и государству, настойчиво принуждает последних ставить солдата в положение, отвечающее его истинным способностям. Вместо наград их ждет повышение по службе. Крупные потери среди командного состава приводят к заполнению вакансий людьми более низких чинов. В ходе войны эти люди продвигаются в звании прежде всего при наличии таланта. Полученная таким образом власть используется для дальнейшего продвижения по службе. Возможность грабить, мародерствовать, всячески унижать свою жертву, мстить врагам, окружать себя помпезными церемониями, титулами и т. п. предоставляет таким людям новую возможность купаться в роскоши, передавать свою власть по наследству потомкам — одним словом, получить всю полноту статуса доброго или плохого героя.

Это служит объяснением того, почему армия всегда играла специфическую роль "социальной лестницы", благодаря которой простолюдины становились генералами, графами, принцами, монархами, диктаторами, властелинами мира сего. В то же время многие "урожденные" аристократы, принцы, короли, графы, правители утрачивали свои титулы, звания, состояния, социальное положение и даже лишались жизни. Подобные факты настолько многочисленны, ими настолько изобилуют аналы истории, что достаточно, видимо, привести лишь несколько характерных примеров.

Во-первых, большая часть вождей воинственных племен стали лидерами и правителями благодаря войнам и армии.

Во-вторых, как известно, из 92 римских императоров 36 достигли этого высокого общественного положения, начав с низших социальных слоев, продвигаясь по социальной лестнице именно благодаря службе в армии.

Из 65 византийских императоров 12 "неожиданно" выдвинулись благодаря армейской лестнице.

В средние века основатели династий Меровингов, Каролингов и других самых знатных фамилий тоже достигли верхушки социального конуса благодаря этому каналу. Несчетное множество средневековых разбойников, крепостных и людей простого происхождения таким же образом стали дворянами, хозяевами, князьями, герцогами и высокопоставленными официальными лицами. Меркадье, генерал-аншеф

Ричарда Львиное Сердце, Кадок, союзник Филиппа Августа, Эбрион¹ и другие — примеры таких неожиданно выдвинувшихся людей. В XVIII веке во Франции "аристократы" наподобие Виллара, Катина, Фабера, Вобана, Шатеро и пр. вышли из низших слоев благодаря армии. В 1787 году из числа обучающихся в привилегированных военных колледжах Франции 603 были *élèves du roi*^{2*}, 989 — отпрыски знати; 799 — сыновья трудящихся, но которым в будущем предстояло стать представителями нобилитета. Наполеон и его окружение, маршалы, генералы и назначенные им короли Европы вышли из простолюдинов и поднялись до такого высокого положения благодаря армии. Кро-мвель, Грант, Вашингтон и тысячи других командующих и *condottieri*^{3*} достигли самого высокого положения благодаря армии. Герои последней войны, наши современники Кемаль паша, Фрунзе, военные лидеры международных и гражданских войн, мировые правители, такие, как Чингисхан, Тамерлан и т. д., также примеры восходящего движения, осуществляемого посредством военных каналов. С другой стороны, тысячи невезучих военных командиров, потерпевши поражение, становились рабами, понижались в должности, подвергались остракизму, исключались, изгонялись, короче говоря, резко шли вниз. Все они дают иллюстрацию нисходящего движения посредством того же самого военного канала.

В мирное время армия продолжает играть роль канала для вертикальной циркуляции, но в эти периоды роль его значительно меньше, чем в военное время.

2. Церковь как канал вертикальной циркуляции

Вторым, из числа основных, каналом вертикальной социальной циркуляции была и есть церковь. Но церковь выполняет эту функцию только тогда, когда возрастает ее социальная значимость. В периоды упадка или в начале существования той или иной конфессии ее роль как канала социальной стратификации малозначима и несущественна. В периоды наиболее интенсивного роста эта роль также уменьшается из-за тенденции к социальной эзотеричности высших церковных страт и из-за мощного притока знати в эти слои вследствие легкости данного пути для дальнейшего продвижения по социальной лестнице. История христианской церкви подтверждает эти утверждения.

После легализации христианства церковь начинает выполнять функцию той лестницы, по которой стали подниматься рабы и крепостные, причем иногда до самых высших и наиболее влиятельных позиций. Последователями христианской веротерпимости на начальных этапах были в основном выходцы из низших социальных слоев. После легализации христианства двери церкви и проходы к ее высшим рангам были еще открыты для простых людей. Рабы и зависимое крестьянство, люди простого происхождения, которые становились служителями культа, получали благодаря церкви свободу и достигали высоких позиций в обществе.

При Меровингах и Каролингах мы видим, что многие из наиболее влиятельных епископов и государственных деятелей происходят из рабов, слуг, зависимого крестьянства, ремесленников. Этот процесс, прав-

¹ *Luchaire A. Social France at the time of Philip Augustus. N. Y., 1922. P. 10, 147, 271.*

² * королевские воспитанники (*фр.*).

³ * полководцы (*ит.*).

да, продолжался и позднее. Если принять во внимание, что в средние века епископ был не только главой епархии, но и крупным лендлордом, занимающим высокое положение в иерархии знати, а следовательно, и феодальным князем и очень часто богатым человеком¹, то легко понять огромную роль церкви как лестницы для социального продвижения или социальной деградации. Те, кто становились папами, кардиналами, нунциями, патриархами или другими высшими церковными авторитетами, одновременно достигали высшей или одной из высших социальных позиций в средневековом обществе. Церковь как канал социальной циркуляции переместила большое количество людей с низов до вершин общества. Геббон, архиепископ Реймса, был в прошлом рабом; папа Григорий VII — сын плотника; могущественный архиепископ Парижа Морис Саллийский — сын крестьянина. Все они — всего лишь некоторые примеры тех, кто возвысился благодаря церковной лестнице.

Мое изучение римских католических пап показало, что из 144 пап, по которым имеются достаточные сведения, 28 были простого происхождения, 27 вышли из средних классов². В Англии, пишет Р. Греттон, "в старые времена устойчивой стратификации единственным способом продвижения из низших слоев общества в высшие была церковь. Ставшие великими религиозными авторитетами и поэтому влиятельными политиками бедняки вышли в основном из крестьянства, из среды фермеров и квалифицированных работников"³.

Таким образом, многие представители низших слоев становились мировыми правителями, способными свергать и назначать королей (вспомним Григория VII и Генриха IV), возвышать тысячи людей простого и благородного происхождения. Институт celibата, распространенный в римско-католической церкви, еще более облегчил выполнение этой функции. Ее авторитеты, по крайней мере юридически, не могли иметь детей, а потому после их смерти освободившиеся позиции заполнялись новыми людьми, и вновь частично из низших слоев. Это вызывало к жизни перманентные восходящие течения в средневековом обществе. В период наивысшего господства римско-католической церкви, особенно в XII—XV веках, произошел большой приток дворян в высшие церковные слои (до ранга пап и кардиналов). Приток из таких семейств, как Висконти, Орсини, Сеньи, Гаетани, Борджия, Гвидони, Колонна, Медичи, Савелли, а также приток в менее высокие ранги не столь именитых семей несколько ослабил интенсивность и всеобщность циркуляции через церковный канал. Но тем не менее мобильность продолжалась и в достаточном объеме.

Будучи каналом для восходящего движения, церковь была одновременно и средством для движения нисходящего. Достаточно указать на тысячи еретиков, язычников, врагов церкви, преступников, смещенных церковными агентами, отданных под суд, замученных, униженных, разоренных и уничтоженных. Хорошо известно, что среди этих "разжалованных" было немало королей, герцогов, князей, лордов, аристократов и дворян высоких рангов — словом, всех, кто занимал высокое социальное положение.

¹ *De la Tour I. Les élections épiscopales dans l'église de France du XI au XII siècles.* P. 219 ff.; *Guizot F. The History of Civilization.* Vol. 1. P. 115 ff.; *Luchaire A. Social France at the time of Philip Augustus.* Ch. 2, 7; *Kolabinska M. Circulation des élites...* P. 16—17, 22—23, 57—61.

² *Sorokin P. The Monarchs and the Rulers.*

³ *Gretton R. The English Middle Class.* P. 151.

В течение последних нескольких веков, когда социальная значимость церкви постепенно начала сокращаться, ее роль как средства циркуляции также начала сокращаться. Движение вниз и вверх внутри церковных рангов, естественно, продолжается, но оно уже не имеет былого значения. Вертикальные течения внутри церковной стратификации не затрагивают другие социальные течения, как это было раньше. Это и логический результат ослабления социальной роли церкви за последнюю пару столетий.

Все, что было сказано о христианской церкви, можно отнести и на счет других религиозных организаций. Буддизм, мусульманство, даосизм, конфуцианство, индуизм, иудаизм, несмотря на замкнуто-кастовый характер, играли роль каналов вертикальной циркуляции в соответствующих обществах. В периоды роста и наивысшего влияния они возвеличивали своих адептов не только внутри своих организаций, но и внутри общественных рангов в целом. Многие из них, будучи открытыми на ранних ступенях своей истории и принимавшие своих последователей из любых социальных слоев, а в особенности из низших, давали людям простого происхождения возможность подняться до высоких социальных позиций. Жизненный путь, к примеру, Мухаммеда и его первых последователей — прекрасная тому иллюстрация. История буддизма и конфуцианства в Китае также дает множество подтверждений этому тезису. Хотя, возвеличивая одних, эти организации одновременно понижали других. Как и в истории христианской церкви, роль их была относительно большой в период расцвета; столь же резко она уменьшалась в периоды упадка или ослабления.

3. Школа как канал вертикальной циркуляции

Институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обретали, во все века были средствами вертикальной социальной циркуляции. В обществах, где школы доступны всем его членам, школьная система представляет собой "социальный лифт", движущийся с самого низа общества до самых верхов. В обществах, где привилегированные школы доступны только высшим слоям населения, школьная система представляет собой лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания, перевозящий вверх и вниз только жильцов верхних этажей. Однако даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоев все-таки удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему возвыситься. В качестве примера обществ, в которых школьная система представляет собой лифт, движущийся вверх и вниз с самых низов социального конуса до его верха, возьмем китайское общество и современные европейские страны.

В Китае приток людей в высшие социальные и политические слои происходил в основном посредством школьного "механизма". Этот факт, может быть, известен многим, но именно он дает основание определять китайский политический режим как "систему образовательных выборов" или "систему образовательной селекции". Школы были открыты для всех классов. Лучшие ученики вне зависимости от их семейного статуса отбирались и переводились в высшие школы, а затем в университеты; из университетов они попадали на высокие правительственные позиции, а самые талантливые — в высшие социальные ранги. Таким образом китайская школа постоянно повышала людей простого происхождения до высших рангов и препятствовала продвижению (или даже скорее понижала ранг) людей, происходящих из высших слоев, которые не смогли удовлетворить требованиям школьной селекции.

”По Конфуцию, школа — это не только система образования, но и система выборов, то есть она сочетает политику с образованием. Его политическая доктрина демократична и не предполагает наличия наследственной аристократии... Так как студенты, избираемые из простолудин, становятся высокими должностными лицами, то и различные институты воистину являлись местами, где избираются представители народа. Образовательный тест выполнял роль всеобщего избирательного права... Под влиянием Конфуция китайское правительство стало правительством высшей демократии, ибо у каждого есть шанс стать премьер-министром”¹.

Китайское правительство мандаринов было, возможно, в большей степени, чем любое другое, правительством китайских интеллектуалов, набранных и возведенных благодаря школьному ”механизму”. Нечто подобное существовало в Турции в некоторые периоды, особенно во время правления Сулеймана Великолепного (1520—1566). Аристократия султанов, их гвардия и высокопоставленные государственные чиновники набирались из корпуса янычар. Этот корпус набирался из всех социальных слоев. Для этого специальные государственные служащие путешествовали по всей территории империи, отбирая самых лучших детей из всех слоев общества, но в особенности из низших классов. После отбора детей помещали в специальные школы, и они получали специальное образование. Таким образом они поднимались все выше и выше, достигая тем самым самых высоких социальных позиций в империи.

В современном западном обществе школы представляют один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции, причем это проявляется в самых разнообразных формах. Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя (а в некоторых европейских странах запрещено даже юридически) достичь какого-либо заметного положения среди высоких правительственных рангов и во многих других областях, и наоборот, выпускник с отличным университетским дипломом легко продвигается и занимает ответственные правительственные посты вне зависимости от его происхождения и его семьи. Многие социальные сферы и ряд профессий практически закрыты для человека без соответствующего диплома². Труд выпускников высших учебных заведений оплачивается выше. Социальное продвижение многих именитых людей в современных демократиях осуществлялось благодаря школьному ”механизму”. Относительная легкость продвижения благодаря школе понимается сейчас многими. Этим и объясняется происходящий в наше время большой наплыв студентов в университеты и колледжи. Роль канала, которую исполняет современная школа, становится все более значимой, ведь, по сути, они взяли на себя функции, ранее выполняемые церковью, семьей и некоторыми другими институтами. Все возрастающая социальная значимость школ открывает для них возможность либо приносить большую общественную пользу — в случае хорошей организации, либо, в противном случае, огромный вред.

В качестве примера общества, в котором школа функционирует как канал циркуляции только в верхних слоях, упомянем индийское кастовое общество. По крайней мере таковым оно предстает в религиозных и юридических источниках. Возможно, что ни в каком другом обществе

¹ *Chen Huan Chang. The Economic Principles of Confucius. Vol. 1. P. 87—94.*

² В качестве иллюстрации всему вышесказанному составим таблицу, где будут приведены данные о связи профессий и образования, построенной на основании выборки из 24 442 трудоустроенных юношей Нью-Йорка (см.: *Burdge H. G. Our Boys. N. Y., 1921. P. 339*).

ученость и знания так высоко не ценились, как в Индии. В священных книгах, начиная с "Упанишад" и кончая кодексами типа "Узаконения Вишну", "Законы Ману", "Гаутама", "Брихаспати", "Нарада", "Апастамба" и другими, знание провозглашается силой, которая сохраняет порядок в мире и правит вселенной. Просвещение и обучение объявлялись вторым рождением, которое значительно важнее факта физического рождения. Так как "отец и мать создают только тело ребенка", а учитель помогает ученику родиться во второй раз, передавая ему священные знания, то поэтому второе рождение самое главное¹. "Это — реальность, неподвластная ни возрасту, ни смерти"².

Последняя ступень законченного образования	Настоящие профессии (в %)			
	специалисты	клерки	бизнесмены	рабочие
5-й класс школы	1.1	13.4	3.0	22.4
6-й класс школы	1.4	13.3	4.7	19.0
7-й класс школы	1.6	18.5	4.8	13.0
8-й класс школы	2.4	35.2	6.9	8.5
1-й курс вуза	3.2	46.0	6.6	6.9
2-й курс вуза	4.9	49.2	9.5	4.3
3-й курс вуза	6.1	51.6	11.1	3.6
4-й курс вуза	9.2	59.4	10.0	3.4

Благодаря образованию индивид переходит из одного образа жизни в другой — образ жизни студента, домовладельца, аскета, странника, переходом из одной социальной позиции в другую, более высокую. В этом смысле школа здесь, как и везде, выполняет ту же функцию "социального элеватора". Но есть в этом и отличие от обсуждаемого ранее типа: образование запрещено для низших каст. Это видно из кодексов для касты шудра³.

Подобные ситуации наблюдались и в некоторые периоды истории европейских обществ. В Англии при Ричарде II был выпущен следующий декрет: "Ни один крепостной не должен отправлять своих детей в школу, чтобы не дать возможность их детям продвигаться в жизни". Декрет ясно показывает роль школы как канала вертикальной циркуляции и пытается закрыть его для представителей низших слоев. И поскольку вход в "лифт" был для них запрещен, то, естественно, этот путь социального продвижения был недоступен для членов низших классов и каст. Им приходилось прибегать к другим каналам для своего восходящего социального продвижения.

4. Правительственные группы, политические организации и политические партии как каналы вертикальной циркуляции

Политические организации, начиная с правительства и кончая политическими партиями, также играют роль "лифта" в вертикальной циркуляции. Человек, единожды поступивший на должность, пусть даже и самого нижнего ранга, или ставший служащим у влиятельного прави-

¹ Апастамба. I, 1, 14—17; I, 1, 5—6.

² Законы Ману. II, 148.

³ Там же.

теля, поднимается при помощи этого "лифта", поскольку во многих странах существует автоматическое продвижение лиц по службе с течением времени. Кроме того, чиновник или клерк всегда имеют шанс быстрого продвижения, если их служба оказывается более ценной. Исторически большое количество людей, рожденных в слоях прислуги, крестьянства или ремесленников, поднялись до заметных общественных позиций. Было это в прошлом, происходит это и сейчас. В Риме, особенно после правления императора Августа, продвижение рабов, слуг и свободных по этой "лестнице" проходило широким фронтом. Мы наблюдаем такую же картину в периоды правления Меровингов и Каролингов в Западной Европе, да и вообще на всем протяжении средневековья. Слуги разных правителей, будучи вовлеченными в государственную сферу, нередко сами становились правителями. Таково происхождение многих средневековых герцогов, графов, баронов и прочей знати.

Несколько по-иному это положение дел вошло в наше столетие. Карьера многих выдающихся государственных деятелей началась или с поста личного секретаря влиятельного политика, или вообще с чиновника низшего ранга. Используя любую возможность, им удавалось продвинуться до более высоких постов, а иногда даже до самых высоких общественных позиций. Их дети, родившиеся уже в более высоком социальном слое, продолжали это восходящее движение. В результате через два-три поколения все семейство заметно продвигалось по иерархической социальной лестнице.

В демократических странах, где институт выборов играет решающую роль в утверждении правителей, политические организации продолжают играть роль канала вертикальной циркуляции, хотя несколько в иной форме. Чтобы быть избранным, человек должен каким-либо образом проявить свою личность, устремления и способности, успешно выполнить функции лидера, будь то сенатора, мэра, министра или президента. Самый легкий способ — это политическая деятельность или участие в какой-либо политической организации. Без этого крайне мало шансов привлечь внимание избирателей и быть избранным. Поэтому, как канал социальной циркуляции, политические организации сейчас играют особенно важную роль. Многие функции, которые раньше принадлежали церкви, правительству и другим социальным организациям, берут на себя политические партии. Нет необходимости говорить, что подавляющее большинство политических лидеров, правителей, государственных деятелей, сенаторов и прочих должностных лиц современных демократических стран достигли своих позиций по каналу политических партий. Особенно это относится к тем из них, кто родился в нижнем социальном слое. Справедливо пишет об этом Р. Мичелс: "Вне партийной организации многие социально полезные элементы были бы затеряны в том смысле, что они никогда бы не изменили своего социального класса и навечно остались бы пролетариями... Все талантливые пролетарии рассматривают политико-партийную организацию со свойственной им карьерой, как акт спасения"¹.

Д. Ллойд Джордж, Р. Макдональд, Ж. Жорес, Ж. Гед, Р. Вандервельде, А. Бебель, А. Адлер, А. Лабриола, О. Браун, К. Либкнехт, Т. Масарик, Э. Бенеш — только несколько имен из тысячи им подобных. Если бы не этот канал, то многие выдающиеся политики

¹ Michels R. Eugenics in Party Organization // Problems in Eugenics. 1912. P. 232—237.

и государственные деятели вряд ли смогли бы достичь высокого положения в обществе.

То, что касается крупных политических партий, правомерно отнести и к мелким местным организациям, как бы они ни назывались. Каждый город и деревня имеют своих политических боссов и лидеров. Одним из каналов их политического продвижения становится местная политическая организация или партия.

5. Профессиональная организация как канал вертикальной циркуляции

Некоторые из этих организаций также играют большую роль в вертикальном перемещении индивидов. Таковы научные, литературные, творческие институты и организации. Поскольку вход в эти организации был относительно свободным для всех, кто обнаруживал соответствующие способности вне зависимости от их социального статуса, то и продвижение внутри таких институтов сопровождалось общим продвижением по социальной лестнице. Многие ученые, юристы, литераторы, художники, музыканты, архитекторы, скульпторы, врачи, актеры, певцы и прочие творцы простого происхождения социально поднялись именно благодаря этому каналу. То же можно сказать и о представителях средних слоев, достигших еще более высоких социальных позиций. Среди 829 британских гениев, исследованных Х. Эллисом, 71 были сыновьями неквалифицированных рабочих, поднявшихся до высоких позиций исключительно благодаря этому каналу. Около 16,8% из числа наиболее известных людей Германии родились в рабочих семьях и достигли высокого положения посредством профессиональной лестницы. Во Франции среди самых известных литераторов 13% были из рабочей среды, и они также достигли известности и высокого социального положения благодаря этому каналу. В США из 1000 писателей по крайней мере 187 достигли известности благодаря этому каналу. 4% наиболее известных ученых России (академиков), достигших высокого социального положения, вышли из крестьянской среды. Если так обстоит дело в кругу наиболее именитых, то менее известные профессионалы тоже улучшили свое социальное положение при помощи этого "лифта". Это можно, к примеру, проиллюстрировать судьбой многих киноактеров (Глория Свенсон, Дуглас Фербэнкс и др.), певцов (Шаляпин), актеров, композиторов, художников, которые, будучи рожденными в простой семье, благодаря профессиональному каналу достигли высокого экономического и социального положения, не говоря уже о богатстве, славе, званиях, степенях и т. п. Таковой была ситуация в прошлом, такой, по сути, она осталась и сейчас¹.

¹ Любопытно отметить, что профессиональный "лифт" чаще действует в искусствах, чем в науке. Ф. Маас исследовал одаренных немцев, пробившихся из низших социальных слоев, — пролетариат, крестьянство. Из 635 обследованных мужчин 32% были задействованы в сфере искусств, 27,8 — в науке, 4,3 — в медицине, 4,6 — в праве, 5,0% — в образовании. См.: *Maas F. Über die Herkunftsbedingungen der Geisten Führer // Archiv für Socialwissenschaften. Bd. 41. S. 161—167.* Исследование Т. Филлипченко в современной России показало, что среди ученых 2,9% были выходцами из пролетарско-ремесленной среды, в то время как их процент в сфере искусств вырос до 9,6%. Материал взят по "Бюллетеню бюро евгеники" (Петроград, 1922, № 1, с. 12; 1924, № 2, с. 12).

Здесь должна быть упомянута печать, особенно газеты, как специфический вид профессиональных институтов, как важный канал вертикальной циркуляции. В настоящее время роль прессы в этом отношении значительно увеличилась. Она может обеспечить, по крайней мере на некоторое время, великолепную карьеру любой бездарности либо разрушить карьеру человеку незаурядных способностей. Прямо или косвенно она выполняет громадную роль "социального лифта". "Известность" — это то, без чего сейчас быстрое продвижение чрезвычайно затруднено. Она приносит славу часто на пустом месте, она открывает или губит талант, она может "преобразовать" средние способности в гениальные, может она и задушить истинного гения. Поэтому те социальные группы, которые контролируют прессу, играют большую роль в социальной циркуляции, ибо она представляет собой один из самых шумных, эффективных и скоростных лифтов циркуляции.

6. Организации по созданию материальных ценностей как каналы социальной циркуляции

Какими бы ни были конкретные формы "обогащающихся" организаций — землевладение или коммерция, производство автомобилей или добыча нефти, горное дело или рыболовство, спекуляция или бандитизм, военный грабеж, — соответствующие им группы, институты и банды всегда выполняли роль канала подъема или падения в вертикальной социальной плоскости. Уже во многих первобытных племенах лидерами становились первым делом те, кто был богат. Накопление богатств приводило к социальному продвижению людей. Такова была ситуация среди большинства дописьменных племен. С самых ранних времен и на протяжении всей истории наблюдается тесная корреляция между богатством и знатностью. Она, как правило, нарушается только в периоды исключительные, а так кто знатен, тот и богат. Когда проявляются противоречия между знатностью и богатством (то есть когда знатные бедны, а богатые лишены привилегий), то такое состояние дел обычно недолговременно. И тогда обедневшая знать насильем и мошенничеством присваивает богатства или богатые покупают или добиваются привилегий. История в этом смысле развивалась по-разному, но состояние гармонии всегда было одним и тем же: накопление богатств шло параллельно с ростом социального веса. Таким образом, уничтожалось противоречие и восстанавливалась гармония. Справедливо считали в свое время Рене Вормс, Вильфредо Парето и Шарль Бугле, что если легко сохранить социальный престиж ленивцу, то трудно сохранить его, беднея¹. Патриции, всадники, аристократы и сенаторский класс в Риме; высшие классы в Древней Греции после Солона и других реформаторов; древние высшие сословия среди русских, немцев, французов и кельтов были самыми богатыми классами. Даже в обществе, где знатность определяется происхождением, знать часто происходит от неблагородных, но процветающих предков; только в последующих поколениях она становится "знатью по происхождению". Даже в таком обществе продвижение преуспевающего накопителя всегда благоприятно вне зависимости от его происхождения. Чтобы осмыслить это, достаточно вспомнить огромное общественное влияние

¹ *Bouglé C. La démocratie devant la science. P. 92; Worms R. Philosophie des sciences sociales. Vol. 3. P., 1907. P. 66 ff; Pareto V. Systèmes socialistes. Vol. 1. P. 8.*

таких богатых рабов, как Тримальхион, Палладий, Нарцисс и другие, в римском обществе. Вспомним и общественное влияние еврейских ростовщиков в средневековой Европе и Турции. На фоне относительно низкого статуса бедных евреев их богатейшие слои всегда были среди высших слоев средневекового и современного общества. Одновременно с возрастанием роли денег в средневековой Европе люди простого происхождения, но которые "делали деньги", начали подниматься по социальной лестнице. Роль класса предпринимателей увеличивается с ростом привилегий и его социального статуса в целом. Р. Греттон по отношению к восхождению английского класса предпринимателей (так называемый средний класс) правильно пишет: "Пока в XV веке аристократия и земельное дворянство разоряли друг друга, средний класс шел в гору, накапливая богатства... В результате нация однажды проснулась, узрев новых хозяев. Средний класс, и особенно процветающие предприниматели, быстро продвигался и вытеснил в значительной степени аристократию по крови, церковную и интеллектуальную элиту. За деньги он покупал все желаемые титулы и привилегии. Во времена Якова I торговцы, бакалейщики, таможенники, ювелиры, купцы, мэры провинциальных городов стали дворянами со своими гербами. Люди этого класса поднялись до самых высоких позиций. Иллюстрируют этот факт выдающиеся деятели Вест-Индской компании. Путь, по которому они поднимались к славе, был открыт любому человеку в королевстве"¹.

Тот же процесс происходил и во Франции. Восхождение французской буржуазии и наиболее процветающих предпринимателей осуществлялось благодаря этому же "каналу", то есть благодаря накоплению денег. Особенно начиная с XV века "деньги начали управлять страной; все теперь покупалось: власти и достоинство, гражданские и военные позиции и даже принадлежность к знатному сословию"². Достигали высокого положения только те, кто имел деньги. Они составили новую аристократию. Самые знатные аристократические фамилии этих веков, подобно Понше, Бриконне, Пэра, Пренс, Бона, Вигуру, Рокетт и другим, поднялись из низшего социального слоя до самой вершины общества благодаря деньгам. Начиная со времени правления Людовика XIII и до Великой французской революции 1789 года каждый богатый человек становился знатным, подобно тому как в средние века каждый истинно храбрый человек становился рыцарем. В этот период деньги значили все и были всем. Простые предприниматели покупали любой титул и любое желаемое положение. Дворянские титулы начали продаваться короной en masse. Отец мадам Помпадур, Пуасон, воскликнул однажды на одном аристократическом приеме: "Иностранец, может, принял нас за князей. А на самом деле вы, месье Монмартель, сын владельца салона; вы, Салвале, — сын садовника; вы, Буре, — сын лакея?!" Картина впечатляющая.

Последние периоды истории Древней Греции и Рима были такими же. Аристократия той эпохи пополнялась в основном за счет тех классов, кто преуспел в коммерции, независимо от их происхождения³.

Даже в кастовом обществе богатство является "социальным лиф-

¹ *Gretton R. The English Middle Class. P. 91 ff., 105 ff., 146.*

² *D'Avenel. Les riches depuis sept cents ans. P. 9—10; Luchaire A. Social France at the Time of Philip Augustus. P. 325 ff., 421 ff.*

³ *Halliday W. R. The Growth of the City State. P. 3 ff.; Davis W. The Influence of Wealth in Imperial Rome. 1910, P. 62 ff.*

том” вне зависимости от принадлежности к той или иной касте. С увеличением богатства изменяется и статус человека. ”В прошлом году я был ткачом. Ныне, увеличив свое богатство, я стал шейхом. На следующий год, при условии роста цен, я стану сайдом” — вот типичное продвижение в зависимости от богатства¹.

Нет необходимости говорить, что в настоящее время накопление богатств — один из самых простых и действенных способов социального продвижения. Преуспевающий предприниматель — крупнейший аристократ современного демократического общества. Если человек богат, то он находится на вершине социального конуса, вне зависимости от своего происхождения и источника доходов. Правительства и университеты, князья и церковнослужители, общества и ассоциации, поэты и писатели, союзы и организации щедро осыпают его почестями и титулами, учеными и другими степенями и т. п. Перед ним открыты все двери, начиная с короля великой империи и до чрезвычайно радикального антикапиталистического революционера. Как правило, почти все можно купить и почти все можно продать. Новый Югурта мог бы сказать о современном обществе: ”*Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit*”^{2*}.

Следующие данные могут в некоторой степени прояснить, какие виды деятельности в XIX—XX веках приводили к накоплению богатств, а через него к росту социального и экономического статуса собственника³.

Сферы занятости американских миллионеров	Абсолютное число	Процент
Фабриканты	193	29.2
Банкиры, биржевики	138	20.9
Торговцы	78	11.8
Транспортники	63	9.5
Юристы	40	6.0
Изобретатели	29	4.4
Издатели, редакторы	22	3.3
Горняки	18	
Помещики	17	
Лесопромышленники	17	
Артисты, художники, директора театров	17	
Телефонисты, телеграфисты, газовики	12	
Государственные деятели	8	14.9
Землевладельцы	4	
Врачи	4	
Церковники	2	
Всего:	662	100

¹ The Imperial Gazetteer of India. Vol. 1. P. 329.

² * ”Вот продажный город, который скоро погибнет, если найдет себе покупателя” (*лат.*) — цитата из Саллюстия ”Югуртинская война” (XXXV, 10). Югурта, царь Нумидии (в Северной Африке) неоднократно добивался подкупом должностных лиц поддержки Рима в своей борьбе за престол (конец II в. до н. э.). Изгнанный из Рима Югурта обращается к ”вечному городу” с этой фразой.

³ Sorokin P. American Millionaires and Multimillionaires. P. 639.

Даже такие группы, как редакторы, издатели, государственные деятели и церковники, поднялись по социальной лестнице благодаря их профессии и одновременно благодаря богатству. Их мы вправе рассматривать как группы, продвинувшиеся по социальной лестнице благодаря богатству и другим "лифтам".

7. Семья и другие каналы социальной циркуляции

Среди других каналов вертикальной циркуляции можно упомянуть семью и брак (особенно с представителем другого социального статуса). Такой брак обычно приводит одного из партнеров или к социальному продвижению, или к социальной деградации. Таким образом некоторые люди сделали себе карьеру, другие же — разрушили ее. В прошлом брак со слугой или с членом низшей касты приводил к "социальному падению" одного из партнеров, ранее занимавшего более высокое положение, и, соответственно, к понижению социального ранга его отпрысков.

По римскому закону, свободная женщина, вышедшая замуж за раба, сама становится рабыней и теряет свой *status libertatis*^{1*}. Ребенок, рожденный рабыней, пусть даже и от свободного гражданина, тоже становится рабом. Подобная деградация ожидала и мужчину или женщину высшего сословия, вступивших в брак с женщиной или женщиной низшего сословия.

В настоящее время в демократических обществах мы наблюдаем взаимное "притяжение" богатых невест и бедных, хотя и титулованных, женихов. Оба партнера достигают тем самым: получения финансовой поддержки своему титулованному положению для сохранения его на необходимом уровне — одному, другой же продвигается по социальной лестнице благодаря богатству.

Помимо этих каналов, без сомнения, существует множество других, но они менее значимы, чем все предыдущие. Всегда существовали наиболее привычные и удобные "подъемники", которые перевозили вниз и вверх потоки людей, "путешествовавших" в вертикальной плоскости. Тем, кто, как фермеры или рабочие, не пытались войти в один из них, суждено было остаться в нижних слоях, и у них было крайне мало шансов подняться или опуститься.

Во все периоды каждый из вышеупомянутых институтов играл в той ли иной степени важную для определенного общества и в конкретный момент истории роль. Армия играет большую роль в период войны и социальных потрясений, но ее значение принижается в мирные периоды. Церковь имела большое значение в средние века, а в настоящее время ее роль уменьшается. Накопление богатств и политическая деятельность имеют огромное значение сейчас, хотя несколько столетий тому назад их значение было менее ощутимым.

Изменяя свою конкретную форму и масштабы, каналы вертикальной циркуляции существуют в любом стратифицированном обществе, и они столь же необходимы ему, как сосуды для кровообращения человеческого организма.

¹ * статус свободного гражданина (*лат.*).

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ, ОТБОРА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДОВ ВНУТРИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТ

1. Определения

В любом обществе есть много людей, жаждущих продвижения в верхние слои. Но так как только некоторым удается сделать это и так как при нормальных условиях социальная циркуляция не носит неупорядоченного характера, то вероятно предположить, что в любом обществе существует особый механизм, контролирующий процесс вертикальной циркуляции. Этот контроль заключается, во-первых, в тестировании индивидов для установления адекватного выполнения ими социальных функций; во-вторых, в селекции индивидов для определенных социальных позиций¹; в-третьих, в соответствующем распределении членов общества по различным социальным слоям, в их продвижении или деградации. Другими словами, внутри стратифицированного общества существуют не только каналы вертикальной стратификации, но и своего рода "сито", которое просеивает индивидов и определяет им то или иное место в обществе. Основная цель этого контроля — распределить индивидов в соответствии с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо исполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество: оно дезинтегрируется. Вряд ли существовало и существует такое общество, в котором распределение индивидов совершено в полном согласии с правилом — "каждый должен находиться на том месте, которое соответствует его способностям"². Тем не менее длительная эволюция многих обществ не означает, что их механизм социального тестирования, селекции и распределения в целом был адекватным и выполнял свою функцию более или менее удовлетворительно. Проблемы, которые предстоит сейчас обсудить, пожалуй, следующие: 1) что представляет собой этот механизм селекции и распределения индивидов? 2) как и на какой основе он проверяет, отбирает и распределяет их?

На первый вопрос можно ответить просто: в любом обществе этот механизм состоит из всех имеющихся социальных институтов и организаций, которые выполняют эти функции.

Как правило, эти институты суть те, которые функционируют в качестве каналов вертикальной циркуляции, а именно: семья, армия, церковь, школы, политические, профессиональные организации. Они являют собой не только каналы социальной циркуляции, но в то же самое время и "сито", которое тестирует и просеивает, отбирает и распределяет своих индивидов по различным социальным стратам и позициям.

Некоторые из них, такие, как семья и школа, представляют собой механизмы, которые проверяют главным образом общие свойства

¹ Из контекста явствует, что термин "селекция" здесь употреблен не в биологическом смысле выживания, а как социальная сортировка индивидов внутри групп и страт общества: недопущение или отвержение непригодных и, напротив, отбор соответствующих индивидов.

² Принцип соответствия социального положения индивида его способностям известен был давно. Его по праву можно считать лозунгом индийских, китайских, древнегреческих и римских мыслителей. Он лежит в основе "Законов" и "Государства" Платона, трудов Конфуция и Аристотеля, а также священных книг Индии.

индивидов, необходимые для успешного выполнения множества функций (уровень интеллекта, здоровье и характер). Другие институты, подобно профессиональным организациям, являются механизмами, которые тестируют *специфические качества* индивидов, необходимые для успешного выполнения специальных функций в той или иной профессии (к примеру, голос для певца, ораторский талант для политика, физическая сила для тяжелоатлета и т. п.). Обратимся теперь к тому, как эти институты выполняют заданные функции и какие типы тестирования, селекции и распределения существуют в различных обществах? Такой анализ даст нам возможность глубже проникнуть во многие институты и покажет нам, что, сколь бы абсурдными они ни казались на первый взгляд, на самом деле многие из них абсолютно естественны при существующих социальных условиях.

2. Семейный статус как косвенный тест способностей и как фундамент социальной селекции и распределения индивидов

Легко сказать, что в современном обществе все его члены должны занимать позиции, соответствующие их способностям. Но трудно определить, есть ли у человека та или иная способность, проявляется ли она у него в большей степени, чем у другого, и какими талантами обладает каждый человек вообще. Даже сейчас при наличии методов психологического тестирования эти проблемы во многих случаях не могут быть решены успешно. Еще более затруднительным было решение этих проблем в отдаленном прошлом. В таких условиях обществу приходится изобретать косвенные критерии для обнаружения и выявления способностей его членов. Методом проб и ошибок в характере семьи и ее социальном статусе был найден один из самых важных критериев для осуществления этой цели. Умные родители, обладающие высоким статусом, рассматривались как свидетельство большего интеллекта их отпрысков и пригодности их для высокого социального положения. Простое происхождение принималось за доказательство неполноценности личности и пригодности ее только для скромной социальной позиции. Так возник институт наследования социального статуса родителями детьми: рожденный в семье с высоким социальным рангом заслуживает также высокого ранга, рожденный в простой семье занимает скромное общественное положение. Таково было положение во многих обществах прошлого, таковым оно в некоторой мере остается и поныне.

Таким образом, семью превратили в главный критерий оценок общих и специфических свойств личности и, соответственно, обоснования для определения будущего статуса индивида. В этом смысле семья играла огромную роль фундамента социальной селекции индивидов и в определении их социальных позиций. Она также была частью механизма социального распределения членов внутри общества. Использование семьи в качестве социального теста и инструмента распределения индивидов, вероятно, все же исторически было установлено методом "проб и ошибок", хотя причины для такого ее использования были хорошо известны задолго до Рождества Христова. Этими двумя причинами являются наследственность и образование. Происхождение из знатной семьи гарантирует хорошую наследственность и достойное образование; происхождение из бедной семьи чаще означает плохую социальную, интеллектуальную и физическую наследственность, а также плохое воспитание. Эти две причины, которые выделяют современные евгенисты, криминологи и психиатры, были хорошо известны в про-

шлом; более того, многие приемы современных евгенистов впервые были апробированы очень давно¹.

То, о чем я говорил выше, объясняет, почему метод тестирования индивидов исторически сложился и почему семья стала одним из древнейших критериев социального распределения членов общества по стратам. Эту роль семья играла на протяжении всей истории человечества. *Значение этой функции семьи, однако, в разных странах и в разные периоды общественной эволюции различно.* Среди многих условий, влияющих на эту важную функцию семьи, упомянем только два: первое условие — стабильность семьи; второе — число и характер других образовательных и тестирующих факторов в обществе. Как эмпирическое и по этой причине гипотетическое можно сформулировать следующее предположение.

При прочих равных условиях *в обществе, где семья стабильна, брак священен и продолжителен; браки между представителями разных социальных слоев крайне редки; обучение и воспитание детей идет в основном в семье; число других тестирующих средств невелико. Когда общество начинает воспитывать детей только в относительно зрелом возрасте, то в таком обществе семья, как тестирующее, селекционирующее и распределяющее средство, играет чрезвычайно важную роль. В таком обществе наследование сыном статуса отца — обычное и естественное дело. И наоборот, в обществе, где семья нестабильна, браки легко разрушаются; браки между членами различных слоев привычны; образование детей с самого раннего возраста идет в других институтах, вне семьи, а их число относительно многочисленно, то в таком обществе семья, как тестирующее и селекционирующее средство, играет менее важную роль, чем в обществе первого типа.* В таком обществе наследование детьми социального статуса отца не так необходимо, а потому и менее типично.

Не надо далеко идти за объясняющими причинами такого обобщения. Так как семья нестабильна, а смешанный брак привычен, то он

¹ Платоновский идеал государства, как известно, базировался на евгенике и селекции. Его представления по этому поводу демонстрируют, что уже в то время были хорошо продуманы фундаментальные принципы современной теории наследственности и гипотезы современных евгенистов. Более того, это знание применялось на практике в Спарте, Риме, Ассирии, Египте и ряде других стран. Но еще более углубленным было знание евгеники и теории наследственности в священных книгах Индии и Китая. Тезис о наследовании качеств родителей лежит в основе запрета межкастовых браков. Можно было бы до бесконечности приводить цитаты и выдержки из священных книг, где со всей очевидностью проявляется евгеническая развитость этих цивилизаций. *Вообще-то нам пора отказать от стереотипа оценивать знания древних как предрассудки, и что подлинное знание и опыт-де накопины только Европой в последние два века.* Несмотря на то что такая позиция может показаться привлекательной, тем не менее в области гуманитарных, нравственных и биологических наук о человеке она попросту ошибочна. Методом "проб и ошибок" древние добились не меньшего уровня знаний. Глубочайший анализ семьи быд дан Конфуцием в его теории "сыновей почтительности к родителям". Этот анализ и его прикладной характер поныне остаются непревзойденными. Ле-Плей и его школа, уделявшие семье большое внимание в своих штудиях, больше по крайней мере, чем все остальные исследователи, в своих оценках сущностных функций семьи практически повторяют и систематизируют все то, что содержится в священных книгах Китая на эту тему. См. об этом: *Сорокин П. Система социологии. Т. 2. С. 115—125; Сорокин П. Социальная политика. Прага, 1923; De Tourville H. The Growth of Modern Nation. N. Y., 1907; Vignes M. La Science Sociale d'après les principes de Le Play. P., 1897. Vol. 1; Cooley Ch. Social Organization. N. Y., 1909. Pino R. La Classificatio des espèces de la famille établié par Le Play est-elle exacte // Science Sociale. Vol. 19.*

легко разрушается (разводы); в ней не может быть ни чистоты крови как фундамента идеи наследственного превосходства или неполноценности, ни святости семьи, ни семейной гордости, ни высокого социального статуса самого института семьи. Так как семья легко распадается, то она и не может быть эффективным воспитательным средством. Дети в раннем возрасте переходят в детсады, государственные или частные школы, поскольку семья не может играть исключительную роль образовательного и тестирующего средства. Она не может формировать детей в такой же степени умственно и нравственно, как общество. Короче говоря, в таком обществе семья теряет свою наследственность и свою исключительную образовательную ценность, а потому вполне естественно, что она теряет и свое исключительное значение как базиса в развитии социального распределения индивидов. Тогда эти функции начинают выполнять другие институты. Наконец, в таком обществе унаследованная кастовая принадлежность или унаследованное социальное перемещение становятся невозможными, так как все это будет менее рациональным, чем в обществе, где семья определяет — биологически и социально — врожденные и приобретенные качества личности. Таковы вкратце причины приведенного мною выше обобщения. К обществам первого типа можно отнести кастовое общество Индии, ранние полисы Древней Греции и Рима, средневековое общество в период с X по XIV век и многие другие сообщества, обладающие так называемой патриархальной семьей. В таких сообществах семья была стабильной, семейные узы священными и нерасторжимыми. Межкастовые браки или браки между представителями разных социальных слоев были запрещены. Общее образование и профессиональная подготовка детей осуществлялась в основном внутри семьи. Вне семьи было крайне мало школ. А если они и были, то обучение, как в кастовом обществе, носило чисто приватный характер, отношения между учеником и учителем приравнивались к отношениям отца и сына. Семья была одновременно школой, центром профессиональной подготовки и промышленным институтом. Передача по наследству социального статуса родителей детям была естественным следствием такого состояния дел. А отсюда исключительная значимость социального статуса семьи как критерия социального статуса индивидов.

Теперь возьмите то же римское и греческое общество, но на поздних этапах их развития, или европейское общество XIX и особенно XX века, или такие периоды, как Ренессанс и Реформация в Европе, не говоря уж и о мощных социальных потрясениях.

Семья дезинтегрируется и теряет свою святость. Брак легко распадается; развод привычен и повсеместен. Браки между представителями разных слоев типичны и больше уже не запрещены ни законом, ни церковью, ни моралью. Чистоты крови знатных и бедных больше не существует. Дети остаются в лоне семьи только первые несколько лет. Даже в этот период родители (особенно отцы) видят их только по утрам и вечером. Фактически же они растут вне семьи. В раннем возрасте они попадают под влияние двора, детских садов, школ и спустя некоторое время практически полностью уходят из-под влияния родителей. Образование, тренинг, профессиональная подготовка, накопление их жизненного опыта осуществляются вне семьи. При таких условиях функцию тестирования воплощают другие общественные институты. Семейный тест теряет свое исключительное значение. Статус семьи перестает служить базисом в определении социального положения индивидов. Передача по наследству профессии и социального статуса становится фактически невозможной и не столь необходимой. С исчезновением в таком

обществе кастового наследования с его законами и с появлением интенсивной вертикальной циркуляции исторически начинает складываться норма оценивать личность не по ее семейному происхождению, а по личным качествам, какими их раскрывают школа, профессия и другие тестирующие и селекционирующие институты. Такова взаимосвязь между этими явлениями; таков "стиль" этих двух типов общества. Вышесказанное демонстрирует, что мы разумеем под изменением значения семьи как тестирующего и селекционирующего средства. В настоящее время в демократических странах ее роль менее значима, чем в обществах иного типа. Но даже и сейчас семья продолжает частично выполнять эту функцию.

3. Школа как тестирующий, селекционирующий и распределяющий механизм

Вторым видом механизма тестирования способностей индивидов и определения их социального статуса была и остается поныне школа. Даже в кастовом обществе семейный тест и его влияние до определенной степени пересматривается и перепроверяется другими средствами, среди них лидирует система воспитания и образования. Это в большей мере касается тех обществ, в которых мы сейчас живем.

Хоть и поныне семейный статус и семейное образование грубо очерчивают жизненный путь детей, то школа — это следующий этап в перепроверке "вердикта" семьи, и очень часто она решительным образом изменяет его. До последних лет люди склонны были рассматривать школу прежде всего как образовательный институт. Ее социальная функция виделась во "вливании" в учащегося определенного набора знаний и в корректурке его поведения. Тестирующая, селекционирующая и дистрибутивная функции почти полностью игнорировались, хотя именно эти функции школы едва ли менее значимы, чем функция "просвещения" и "образования". Лишь в последнее время многие специалисты в различных областях стали обращать внимание и на эти функции школы. В настоящее время очевидно, что, оставаясь "воспитывающим и образовательным" институтом, школа является и частью социального механизма, который апробирует способности индивидов, просеивает их, селекционирует их и определяет их будущие социальные позиции. Иными словами, *фундаментальная социальная функция школы заключается, во-первых, не только в том, чтобы выяснить, усвоил ли ученик часть учебников или нет, а прежде всего в том, чтобы при помощи экзаменов и наблюдений определить, кто талантлив, а кто нет*, какие у кого способности, в какой степени они проявляются, какие из них социально и морально значимы. Во-вторых, эта функция заключается и в том, чтобы устранить тех, у кого нет ожидаемых интеллектуальных и моральных качеств. В-третьих, устраняя "неудобных", закрыть для них пути для дальнейшего продвижения по крайней мере в определенные социальные области, но обеспечить продвижение способных учащихся в направлении тех социальных позиций, которые соответствуют их общим и специфическим свойствам. Успешно ли они реализуются или нет, но эти установки являются важнейшими функциями школы. С этой точки зрения *школа и есть первичное тестирующее, селекционирующее и распределяющее средство*¹. В целом вся

¹ De Lapouge V. Les sélections sociales. P., 1896. Ch. 4; Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Jena, 1895. S. 52 ff.; Pillsbury W. B. Selection — an Unnoticed Function of Education // Scientific Monthly. 1921. P. 62—75.

школьная система с ее препятствиями, барьерами, экзаменами, наблюдениями над учащимися, группами, ступенями, с ее поэтапным (поклассным) продвижением, устранением представляет собой очень сложное "сито", которое отделяет "хороших" будущих граждан от "плохих", "способных" от "неспособных", "подходящих для высокого социального положения" от "негодных". Все это как раз и разъясняет, что мы разумеем под тестирующей, селекционирующей и дистрибутивной функциями школьного механизма.

Естественно, что интенсивность этой функции школы неоднозначна в различных обществах и в разные периоды времени. Среди прочего она сильно зависит и от степени осуществления тестирующей и распределяющей функции другими институтами, и особенно семьей.

Если семья успешно выполняет эту роль, то есть когда только избранные достигают дверей школы, тогда тестирующая, селекционирующая и перемещающая функции школы не столь необходимы, как в случае, когда двери школы открыты для всех детей, когда школе не предшествует наследственный отбор. Естественно, что при таких условиях многие дети не способны продвинуться дальше нескольких первых классов школы, а число, так сказать, несостоявшихся личностей значительно выше, чем при наличии дошкольного отбора. Поэтому функция устранения в школе становится сильнее и безжалостнее. Она усиливается по мере продвижения от начальных классов к старшим, от начальной школы к средней, от средней школы к колледжу. В результате из многих учеников, поступающих в начальную школу, только незначительное меньшинство завершает учебу в университете. Подавляющее большинство учащихся, исключенных из школы, автоматически отстраняются от дальнейшего восхождения по социальной лестнице к высокому общественным положениям. Части из числа исключенных все же удается подняться по другим лестницам (к примеру, через богатство), но ее удельный вес незначителен¹. Большинству же исключенных благодаря школьному "ситу" суждено занимать относительно низкое социальное положение. Таким образом, в некоторых обществах школа действительно выполняет функцию отбора и приостанавливает социальное продвижение индивидов. Все это объясняет тот факт, что вопреки общепринятому мнению всеобщее образование не устраняет умственных и социальных различий, а лишь усиливает их. Школа, даже самая демократичная, открытая каждому, если она правильно выполняет свою задачу, является механизмом "аристократизации" и стратификации общества, а не "выравнивания" и "демократизации". Следующие впечатляющие данные ясно показывают тестирующую, селекционирующую и устраняющую роль школы в США. В соответствии с данными Леонарда Айриса², на каждую тысячу детей, поступающих в первый класс начальной школы, в старших классах остается:

¹ Даже в области бизнеса большинство успешных дельцов состоят из числа тех, кто успешно прошел школьный тест, хотя конечно же есть среди них и школьные "неудачники". Они не имеют степеней лишь потому, что не имели возможности поступить в школу. 54% из 631 самых богатых людей Америки имеют университетский диплом, 18,5 — обучались в средних школах, 24,1% — в начальных школах. Наконец, 3,4% — без образования вообще, кроме конечно же самообразования. См.: *Sorokin P. American Millionaires and Multimillionaires*. P. 637.

² *Ayres L. Laggards in Our Schools*. N. Y., 1913. P. 13.

723 — во 2-м классе,
 692 — в 3-м классе,
 640 — в 4-м классе,
 552 — в 5-м классе,
 462 — в 6-м классе,
 368 — в 7-м классе,
 263 — в 8-м классе,
 189 — переходят в 1-й класс средней школы,
 123 — переходят во 2-й класс,
 81 — переходят в 3-й класс,
 56 — переходят в 4-й класс.

Учитывая, что из тысячи детей, поступивших в первый класс, в восьмом вследствие смертности и роста населения должны были бы остаться 871 человек, а мы видим вместо этой цифры только 263 человека, то остальные 608, следует заключение, либо были исключены из школы, либо сами бросили ее. По Э. Торндайку¹, 25% белых детей в США в начале XX века смогли дойти только до пятого класса. Устраняющая роль средней школы еще выше. По данным Бюро образования на 1917 и 1918 годы, учащиеся первого года обучения в средней школе составили:

39.8% от всех учащихся второго класса,
 26.9% от всех учащихся третьего класса,
 18.8% от всех учащихся четвертого класса,
 14.4% от всех учащихся средней школы².

По данным Френсиса О'Брайана, из 6141 учащегося, поступивших в среднюю школу, только 1936 оканчивает ее³. Так, только незначительная и тщательно отобранная группа достигает колледжа или университета. Но и здесь вновь продолжается процесс отсева, и только часть студентов, поступивших на первый курс, оканчивает колледж.

Позднее мы наблюдаем причины этого огромного устранения, сейчас же достаточно отметить тот факт, что школа, доступная каждому, тем не менее создает препятствия большей части своих учеников и таким путем выполняет функцию социальной селекции будущих "жителей высших социальных слоев". С развитием интеллектуального теста эта тенденция просеивания, похоже, станет еще более тщательной. В настоящее время это уже проявляется в тестировании абитуриентов перед зачислением их в колледж и в создании препятствий тем, кто не показал необходимого интеллектуального коэффициента (i. q.) и других требуемых качеств⁴. В различных формах школа в прошлом выполняла ту же функцию физической, нравственной и умственной селекции и устранения

¹ Thorndike E. The Elimination of Pupils from School. P. 9.

² Counts S. G. The Selective Character of American Secondary Education // Supplementary Education Monographs of the University of Chicago, 1922. P. 36.

³ O'Brien F. P. The High School Failures. N. Y., 1919. P. 13 ff.; Wooley H. T. An Experimental Study of Children at Work and in School between the Ages of Fourteen and Eighteen Years. N. Y., 1926.

⁴ Сейчас в университетах и колледжах США предварительное тестирование абитуриентов стало нормой. Его результаты — отсеивание тех, кто не проявил "должного" интеллектуального уровня для обучения в колледже. В ходе тщательных исследований удалось установить, что процент ошибки в таких тестах невелик. Масштабы таких тестов, однако, в обществе растут, а с ними растет и социальная роль школы как "селектора". См. об этом: Kelly F. J. The American Arts College. N. Y., 1925.

"непригодных". Чтобы не быть многословным, приведу сейчас еще пару примеров.

В кастовом обществе Индии, чтобы стать членом высшего ранга высшей касты, успевающему студенту приходилось преодолевать такое громадное количество препятствий и демонстрировать такие физические и особенно умственные и моральные качества, что только очень немногим удавалось справиться с этим. По "Апастамбе", курс обучения ведов продолжался от 12 до 40 лет. В течение этого периода студент был обязан следовать своему учителю во всем, если только он не толкает его на преступление. Он не вправе перечить ему; должен проявлять о нем заботу, кормить его, самому же — принимать пищу только после учителя. Каждый день укладывать учителя в постель, вымыв и вытерев ему ноги. Самому же ложиться спать, только получив на это разрешение от учителя. Разговаривать с учителем стоя или сидя и никогда не лежа. И если учитель стоит, то он должен подняться, чтобы ответить ему. Он должен идти за ним, если он идет, бежать за ним, если он бежит. Более того, он не вправе смотреть на солнце; ему следует избегать в пище мяса и меда; ему не следует употреблять духи, украшать себя, спать в дневное время; не следует пользоваться мазью, экипажем, обувью, зонтиком, любовью, следует избегать злобы, жадности, замешательства, болтливости, игры на музыкальных инструментах, купания для удовольствия, не следует чистить зубы, находиться в сильном возбуждении, петь, танцевать, испытывать несчастье или ужас; ему не следует смотреть на женщин и касаться их, играть в азартные игры, оказывать мелкие услуги, брать то, что ему не предлагают, причинять вред живым существам, произносить грубые слова, да и вообще он должен говорить правду и т. д. и т. п.

И наоборот: "Если эти правила нарушаются, то веды отнимают уже приобретенные знания у того, кто их нарушил, и у его детей; кроме того, он уготован к аду, а жизнь его будет короче (не говоря уж о том, что он теряет все шансы стать человеком высокого ранга)".

Предположение о том, что многие из учеников не выполняли эти и многие другие предписания, было бы недалеким от истины. Поэтому можно считать, что и этот тип школы в самой строгой форме выполнял ту же функцию социального тестирования и селекции будущих лидеров кастового строя Индии².

¹ Апастамба, Прасхна И, Патала И, Кханда И, 11—19; Кханда ИИ, 19—41; Патала ИИ, 5,2—3.

² На первый взгляд все это может показаться наивным и иррациональным. И все же исторический опыт свидетельствует, что именно таким путем школа брахманов добивалась успеха в отборе и тренинге будущих лидеров с такой степенью эффективности, которой мы едва ли найдем аналог в истории. Самое удивительное, как справедливо подмечает Ш. Бугле, заключается в том, что брахманы не прибегают к физическому насилию, не обладают особыми богатствами или деньгами, не имеют ни церковной иерархической организации, ни догматической религии. Они как бы "жрецы без церкви, их религия без догм, их власть без богатств, армии и силы". Мудрствующему интеллектуалу власть брахманов может показаться загадочной. Я рад бы лицезреть где-либо интеллигенцию хоть сколько-нибудь похожей на брахманов, но также без силы, богатств и организации. Одна из причин их успеха кроется в строжайшей биологической и социальной селекции внутри касты и исключительно эффективным тренинге, который проходит каждый кандидат в высший ранг этой касты. См.: *Bouglé C. Remarques sur le régime des castes // L'Année sociologique. 1900. P. 54—60; Lilly W. S. India and its Problems. L., 1922. P. 200—204; Mazzarella. Le Forme di aggregazione Soziale nell' India // Revista Italiana di sociologia. 1911. P. 216—219.*

Таким образом, в Индии аристократия и аристократическая элита оказываются просеянными через два самых серьезных сита: семья и школа. Ее тестировали биологически, интеллектуально и нравственно. В результате мы имеем самую могущественную аристократию, отобранную биологически и социально.

Если мы теперь двинемся еще дальше на Восток, то увидим несколько иную китайскую школу, которая по-своему выполняет ту же функцию просеивания будущих лидеров страны. В отличие от Индии, в Китае школы были открыты для всех людей всех классов. В этом смысле китайская система сходна с той, которая существует сейчас в демократических странах. Но в Китае в большей степени, чем в современных демократиях, образование определяло социальный статус человека. Если верить китайским источникам, то там, по крайней мере в некоторые периоды, просеивающая роль школы была очень значительной.

”Даже сыновей императоров, принцев, высокопоставленных должностных лиц, если они не были подготовлены к соответствующей деятельности, переводили в класс простых людей; даже сыновей простых людей, если они имели хорошее образование и характер, были соответственно подготовлены, переводили в класс министров и знати... Образование было единственным детерминатором социального положения”¹.

Редко кому удавалось проскочить через сложную схоластическую систему китайского образования и экзаменов и окончить университет. Подавляющее большинство тех, кто попадал в ”школьную расу”, бросали учебу и таким образом исключались из числа потенциальных кандидатов на высшие социальные посты.

Много схожего можно сказать и о других образовательных системах, однако завершим на этом рассмотрение школы как тестирующего, селекционирующего средства контроля социального распределения индивидов.

4. Церковь как тестирующее, селекционирующее и дистрибутивное средство

То, что было сказано о школе, можно перенести и на церковь. Во многих странах церковь была школой, а школа — церковью, иными словами, их функции фактически совпадали. Там, где эти два института отделены друг от друга, как, к примеру, во многих современных обществах, разница между ними в отношении их селекционирующей функции заключается в том, что школа в основном тестировала интеллектуальные качества индивидов, а церковь — в основном их моральные и социальные качества. В классическом средневековом обществе церковь была одновременно и школой, ибо она выполняла универсальную, интеллектуально-моральную, социально-тестирующую функцию, осуществляла селекцию индивидов. Во всех подобных обществах селективная роль церкви была огромной. Из тех, кто мог потенциально достичь ответственных позиций, исключались все ”язычники и еретики”. Их преследовали и ”помещали” на самое дно социального мира, заключали в тюрьму, лишали гражданских прав, подвергали экзекуциям. В-третьих, лица, которые, по мнению церкви, были добродетельными, продвигались

¹ *Chen Huah Chang*. The Economic Principles of Confucius. P. 88—92.

наверх. Короче, церковь играла громадную роль в социальной селекции и распределении индивидов среди различных социальных слоев. В настоящий момент в обществах, подобных американскому, "селективная" роль церкви по сравнению с селективной функцией школы значительно меньше. Но тем не менее она все еще ошутима. Мнение церковной общины, принадлежность человека к церкви, характеристика лидерам, исходящая от церкви, — все это по-прежнему играет значительную роль в карьере многих людей, начиная с простых прихожан и кончая педагогами, профессорами, должностными лицами, сенаторами, губернаторами и даже президентами.

5. Семья, школа и церковь как средства тестирования общих свойств личности. Их решающая роль в определении типических черт различных социальных классов

Перед тем как обратиться к социальным факторам, которые тестируют специфические качества индивидов и отбирают их для специальных социальных и профессиональных групп, правильно будет несколько слов сказать об огромной роли, которую церковь, семья и школа играют в определении типических черт высших и низших слоев общества. Как было уже показано, эти средства тестируют главным образом биологические, умственные и моральные качества индивидов, релевантные для успешного выполнения многих социальных функций. Сейчас же мне хочется особо подчеркнуть, что характер этих селекционирующих средств и их стандарты желаемого и нежелаемого, хорошего и плохого сильно влияют на тех, кто заполняет верхние и нижние ярусы общества. Эти средства суть социальные "ситя", и от их природы зависит, какие "человеческие частицы" останутся в верхних, а какие проскользнут в нижние слои. Чтобы прояснить все это, достаточно нескольких примеров.

Как мы видели, чтобы успешно выдержать тест в школе брахманов, ученику приходится продемонстрировать не только способность зазубрить веды, но и экстраординарные моральные и социальные качества: редкое терпение и самоконтроль, сверхъестественную силу управлять всеми биологическими импульсами, подчинять себе все соблазны, выносить все физические лишения, презирать житейские блага и комфорт, стремиться к истине, не бояться никаких земных авторитетов и тем более физических страданий и т. д. Только люди с чрезвычайной силой воли и духа могли выдержать такой тест. В результате высокопоставленные группы брахманов состояли из тщательно отобранных людей, далеко превосходящих средний интеллектуальный и моральный уровень. Давайте возьмем китайскую школу. Здесь также уделяется много внимания моральным и социальным качествам, хотя и тестируются в основном знания классики, изысканность стиля литературного сочинения и подобные вещи, имеющие малую практическую ценность и не дающие реального знания о природе причинных связей¹. Отсюда чисто "литературный" характер китайского правящего класса, составленного из тех, кто успешно выдержал "литературный" тест; отсюда его непрагматичность и неспособность справляться со многими практическими делами. "Литературный" характер школы определил и "литературный и непрагматический" характер правительства мандаринов, которое представляло

¹ *Chen Huan Chang. The Economic... P. 718—725.*

собой правительство интеллигенции *par excellence*. "Каково решето, таковой будет и мука".

Далее возьмем средневековую церковь и школу. Люди с сильными физиологическими потребностями, особенно с гипертрофированным сексуальным влечением, люди с независимым мнением, с антидогматическим складом ума и т. д., как правило, не могли пройти через это "аскетическое, догматическое и нетерпимое" сито. Такие люди обычно оставались внизу общества, или опускались по социальной лестнице, или же им приходилось искать другие каналы для своего продвижения в обществе.

Наконец, возьмем современную школу в западных странах. До недавнего времени ее тест был почти исключительно интеллектуальным плюс физическая подготовка. Современная школа не требует каких-либо экстраординарных моральных качеств или чего-то, даже отдаленно напоминающего требования школы брахманов. Если ученик не находится ниже усредненного морального уровня, он может успешно выдержать тест при условии, что он способный с точки зрения интеллектуального стандарта. Так как верхние слои общества пополняются за счет именно таких людей, то они, проявляя хорошие интеллектуальные способности, демонстрируют при этом заметную моральную слабость: жадность, коррупцию, демагогию, сексуальную распушенность, стремление к накопительству и материальным благам (часто за счет общественных и моральных ценностей), нечестность, цинизм и "плутократию". Таковы бросающиеся в глаза качества, которые в изобилии демонстрирует управленческая, интеллектуальная и финансовая аристократия нашего времени. С другой стороны, естественным результатом такой организации школы является ее полная неспособность улучшить моральный дух населения в целом. За последние десятилетия число школ и выпускников начальных, средних школ и колледжей увеличилось намного больше, чем выросло само население, но число преступлений увеличивается, а не уменьшается, причем доля "грамотных преступлений" заметно возрастает, а доля неграмотных — уменьшается¹.

Все эти факты суть *testimonium pauperitatis*^{2*} моральной несостоятельности школы в целом. Относительно низкий моральный уровень современных высших классов частично является результатом отмеченной выше организации школы. Эти примеры показывают, как сильно качества различных "аристократий" зависят от школьной организации, являющейся тестирующим и селекционирующим средством. От характера "сита" в значительной степени зависит как характер верхних, так и характер нижних этажей социального здания. Поэтому любому социальному реформатору следует обратить особое внимание на эти средства не только как на институты образования, но и в большей степени как на тестирующие и селекционирующие механизмы. Многие черты, малозначимые с "образовательной" точки зрения, могут оказаться чрезвычайно весомыми с точки зрения их тестирующей и селекционирующей функции, и наоборот. Какими бы важными ни были черты, насаждаемые церковью, школой и семьей, не меньшую роль играют люди, которые продвигаются или сдерживаются ими. Селекционирующая роль социальных институтов, как великолепно показал В. Де Лапуж, возможно, даже более существенна для будущего страны,

¹ Von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre. Tübingen, 1917. Bd. 3. S. 677 ff.; Sutherland E. Criminology. P. 171—174; De Lapouge V. Les Sélections Sociales. Ch. 4; Parmelee M. Criminology. Ch. 8.

² * свидетельство о бедности (*лат.*); признание слабости, несостоятельности в чем-либо.

чем их же, но "воспитывающая и образовательная" функция¹. Однако кроме качественного аспекта этой проблемы есть еще и количественная сторона.

Количественный аспект проблемы заключается в том, каково число людей, которые проникли благодаря этим средствам в высшие слои общества. Я хочу особо подчеркнуть, что доля элиты в структуре всего населения — вещь отнюдь не маловажная. Верхние этажи социального здания должны быть пропорциональны его нижним этажам: они не должны быть ни слишком тяжелыми, ни слишком громоздкими, но если они таковыми становятся, то социальное здание неизбежно рушится. Вслед за Мальтусом мы привыкли говорить о перенаселении и недостаточной населенности по отношению к социально-демографической норме. Любопытно то, что мы никогда не говорим о перепроизводстве или недопроизводстве кандидатов в верхние слои общества. Очевидно, что ни одно государство не может процветать, если его верхние слои составляют, скажем, 50% от всего состава населения. Очевидно также и то, что правительство страны с населением в 100 миллионов не может состоять из 50 управленцев; иначе они были бы всемогущими божествами, способными самостоятельно выполнять все функции управления. А это значит, что для любого процветающего общества существует оптимальное соотношение верхних слоев по отношению ко всему населению, значительное отклонение от которого губительно для общества. Таким образом, потенциально существует возможность перепроизводства и недопроизводства кандидатов в верхние социальные слои.

В зависимости от типа общества перенасыщенность верхних слоев может явиться или результатом непропорционального воспроизводства верхних слоев в неподвижном обществе, или результатом слишком слабых тестирующих социальных механизмов, которые позволяют чересчур многим проникнуть в высшие классы. Недопроизводство может произойти вследствие слабодифференцированного воспроизводства верхних слоев или слишком тщательного отбора кандидатов. В результате только незначительное число людей может пройти отбор. Перепроизводство элиты или ее недопроизводство можно рассчитать следующим образом. На мгновение представим, что маленькое "общество" состоит из пяти субъектов и одного правителя. Далее предположим, что в каждом поколении каждой семьи выживает 5 детей, а правящая семья оставляет либо 7, либо 4 ребенка. Упрощая ситуацию, мы получили бы следующую картину внутри нескольких поколений:

Поколения	Число субъектов	Их процент в составе населения в случаях 7 и 4 детей правящей семьи		Число правителей, оставивших 7 или 4 отпрысков		Процент правящего класса в случаях 7 и 4 детей	
		7	4	7	4	7	4
1-е	5	83.3	83.3	1	1	16.7	16.7
2-е	25	7	4
3-е	125	49	16
4-е	625	343	64
5-е	3125	2401	256
6-е	15630	48.2	94.4	16807	1024	51.8	5.6

¹ Книга "Социальная селекция" В. Де Лапужа и поныне остается непревзойденной с точки зрения блестящего анализа громадной роли социальной селекции в обществе. См.: *De Lapouge V. Les Sélections Sociales*. P., 1896.

Такое сугубо гипотетическое вычисление показывает, сколь большая разница может получиться из небольшого отличия в "плодовитости" высших и низших классов и как легко может получиться или перепроизводство (51,8%) или недопроизводство высших слоев.

Еще проще это происходит вследствие слишком тщательного или слишком свободного отбора кандидатов путем тестирующих и селекционирующих средств социального распределения индивидов.

Давайте посмотрим, к каким результатам может привести перепроизводство, вызванное слишком мягким отбором или высокой плодотворностью высших классов, которое легко может осуществиться в странах, где существует полигамия, как, например, в Турции. Все перепроизведенные члены будущей элиты не могут найти места в высших слоях. Между ними неизбежна острая борьба и соревнование за обладание высокими позициями. В имобильных обществах это приводит к безжалостной борьбе многих кандидатов на одну и ту же позицию монарха и другие высокие посты. Вспомним, как сыновья одного правителя в династиях Османов, Меровингов, Константина Великого, Каролингов и многих других знатных семей периодически вероломно умерщвляли друг друга, отравляли или низвергали с престола, не говоря уж о смертельной вражде и междоусобных войнах. С этой точки зрения все это — лишь репрессивные меры для сокращения перепроизводства и установления необходимого равновесия сил. Описания подобных процессов заполняют все хроники западных и восточных стран. Если перенаселение обычно ведет к войне, то почему не допустить, что перепроизводство населения в высших слоях может привести к подобным последствиям. Вышеуказанные факты, как кажется, подтверждают нашу гипотезу. Несчетное число дворцовых переворотов, свержений и беспорядков возникли не без участия этого фактора. Несколько отличны по форме, но сходны по сути результаты перепроизводства элиты в мобильных обществах. В этом случае процесс происходит примерно так: перепроизведенная элита не может найти соответствующего ей высокого положения. По этой причине "неудачники" остаются неудовлетворенными и начинают организовывать свои собственные "возвышающие" организации. Так как эта организация не обладает привилегированным местом при существующем режиме, ей приходится быть критической, предприимчивой, оппозиционной, радикальной и революционно настроенной. "Меркантильные амбиции" этих представителей элиты не удовлетворяются при существующем порядке, и они ищут выхода в социальном переустройстве или революции. Дополнительным подтверждением к вышесказанному может быть следующее. Те, кому удалось достичь высокого положения при существующем режиме, не могут по определению располагать ни должным престижем, ни реальной возможностью "утихомирить" оппозиционные силы, так как они достигли этого положения благодаря мягкому отбору и попросту оказались "счастливыми", а вовсе не более способными, чем "неудачники", которым пришлось остаться на нижних слоях. Таким образом, перепроизводство элиты вследствие слишком легкого теста и действия тестирующих и селекционирующих средств приводит к социальной нестабильности, беспорядкам и революциям¹.

Подобный результат достигается и по-иному, путем недопроизводства элиты из-за низкой рождаемости среди высших слоев

¹ *Pearson K. The Function of Science in the Modern State. Cambridge, 1919. P. 9—12; Ammon O. Die Gesellschaftsordnung. Jena, 1900. S. 13—14.*

в имобильных обществах или из-за слишком строгой системы отбора в обществах мобильных. В этом случае число представителей элиты может быть намного меньше, чем необходимо для заполнения всех высоких социальных позиций. Поэтому часть таких позиций приходится "отдавать" не прошедшим селекцию людям. Такое распределение деформирует достоинства строгой селекции, которая, между прочим, может "воспротивиться" стремительному восхождению большого числа людей, не говоря уж об эзотеричности верхних слоев элиты. В этом случае начинает аккумулироваться неудовлетворенность в нижних слоях, и создается взрывоопасная ситуация, которой легко может воспользоваться оппозиционно настроенный лидер. Иными словами, такая система снова приводит к социальной нестабильности и беспорядкам. Если же, наоборот, несмотря на строгий отбор на уровне нижних слоев, не будет действенной элиты, то такая система приводит к неоспоримому превосходству строго отобранной элиты и, таким образом, к социальной стагнации, что не раз наблюдалось в истории Индии. Те же последствия наблюдаются и в том случае, если "социальные фильтры" дефективны, если наследственная аристократия вырождается или когда система тестирования совершенно случайная, а критерии селекции неадекватны. Если, например, таким критерием является цвет глаз, или изысканный литературный стиль, или наследственный статус отца без дальнейшей поправки на потенциальный талант сына и на то, какими, соответственно, наследственными качествами он обладает, то, очевидно, состав высших правительственных слоев, отобранный на такой основе, едва ли будет подходить для успешного выполнения функций управления. В результате правительство, сложившееся таким путем, окажется несостоятельным. Внизу, на нижних этажах, будет много "врожденных" правителей, которые обязательно попытаются достичь положения, соответствующего их талантам. Поэтому социальная стабильность будет нарушаться и сверху — вследствие несостоятельности правительства, и снизу — вследствие "подрывной" деятельности низко стоящих правителей "по призванию". Общий итог все тот же: социальный беспорядок и нестабильность.

Несмотря на кажущийся догматизм этих рассуждений, их можно было бы подкрепить значительным числом исторических примеров. Сейчас же в качестве иллюстрации укажу на один современный казус.

Статистика выпускников колледжей в США дает следующий коэффициент мужчин-выпускников на 100000 мужчин в возрасте старше 20 лет в составе всего населения страны:

1880 г.—	687
1890 г.—	710
1900 г.—	745
1910 г.—	875
1920 г.—	1137

С 1815 года было выдано 496618 дипломов, но более половины из них было выдано с 1900 года; из 358026 выпускников колледжей на 1 июня 1920 года больше половины получили свои дипломы после 1905 года¹.

¹ *Shaw J. P. Statistics of College Graduates // Quarterly Publication of the American Statistical Association. Vol. 17. P. 337.*

Факт ускорения выпуска дипломированных специалистов в США налицо. А это приводит к усилению конкуренции между ними и к трудностям в нахождении соответствующего диплому общественного положения. Все большее и большее число людей вынуждено довольствоваться скромным положением, плохо оплачиваемым и не очень привлекательным. Будучи уверенными, что диплом даст им право на лучшее место, и лицедея вокруг себя роскошь и процветание других людей безо всякого диплома, они не могут не думать, что страна, в которой они живут, — уродлива, и что она относится к ним несправедливо, и что все это — результат капиталистической эксплуатации и т. п.

Вывод: увеличивая скорость производства выпускников университетов, облегчая процесс окончания университета, воспевая большое значение университетского образования, но обращая при этом малое внимание на нравственное образование, будучи неспособными обеспечить выпускников подходящими местами, наши университеты готовят из своих выпускников неудовлетворенные социальные элементы (людей, проклинающих существующий режим, прямо или косвенно способствующих его свержению), готовые в критических условиях стать лидерами любого радикального или революционного движения. Даже сейчас среди них пропорция симпатизирующих радикальной "перестройке" реакционных и плутократических Соединенных Штатов Америки больше, чем в любой другой социальной группе. "Салонные" социалисты, "красные" и "радикальные" элементы пополняются главным образом за счет этой и подобных ей групп. Чтобы приостановить возможные последствия относительного "перепроизводства" элиты или, вернее сказать, псевдоэлиты, необходимо найти для нее соответствующее место, или сделать требования, необходимые для учебы в колледжах, более строгими, или усилить действие любого другого социального "фильтра". Вместо общественной пользы дальнейшее увеличение числа выпускников университетов, бакалавров гуманитарных наук, магистров, докторов философии и т. п. принесет только вред. Для многих такой вывод может прозвучать парадоксальным, но тем не менее дело обстоит именно так.

Все вышесказанное иллюстрирует наш тезис о значении правильной организации качественной и количественной стороны социальных "фильтров". Обратимся теперь к другим тестирующим, селекционирующим и дистрибутивным средствам в обществе.

6. Профессиональные организации как тестирующие, селекционирующие, дистрибутивные средства

Семья, церковь и школа — это те институты, которые в основном тестируют общие качества людей и определяют только в общем виде и предварительно, в какую из основных социальных страт попадет индивид и каким видом деятельности он будет заниматься. Их "вердикты" даже для тех, кто успешно пройдет эти "фильтры", отнюдь не окончательны. В дальнейшем их пересмотрят и перетестируют те профессиональные организации, в которых окажется человек. Еще с большим основанием это можно отнести к тем, кто не прошел все эти ступени общих "фильтров" или кто не смог пройти их вполне успешно. Эта группа с большей тщательностью тестируется профессиональным механизмом. "Вердикты" общих "фильтров" окончательны только в том смысле, что ряд привилегированных профессий закрыт для абсолютного большинства "неудачников", не выдержавших социального "сита" семьи, церкви, школы. Подавляющее большинство

людей, успешно прошедших через этот тест, направляется преимущественно в эти привилегированные профессиональные группы. Однако даже в этих областях существует переоценка и корректировка "вердиктов" профессиональной группой тестов. Эти организации особенно важны как средство, апробирующее специфические способности личности, необходимые для успешного выполнения данного вида профессиональной деятельности. С этой точки зрения тестирующая и селекционирующая роль профессиональной организации не менее существенна.

Профессиональное тестирование и селекция проявляются прежде всего в том, что сам факт существования особых профессий требует определенного отбора людей, которые могут войти и укрепиться в данной профессии и которые могут заниматься ею. Только люди, обладающие хорошим голосом, могут стать профессиональными певцами. Индивиды, не обладающие этим качеством, не могут заниматься этой профессией, но если все же они случайно "побрались" в эту профессиональную организацию, то очень скоро им приходится либо бросить это занятие, либо их увольняют. Только человек с чрезвычайной физической силой может заниматься профессиональной борьбой. Рассеянный человек не может стать кассиром или бухгалтером; кристально честный и искренний человек не может быть дипломатом; слабому — профессором университета; глухонемой — оратором, проповедником или политиком; человек, который не выносит вида крови, — хорошим хирургом или солдатом; калека — профессиональным танцором и т. д. Добавьте к этому и тот факт, что для того, чтобы заниматься многими профессиями, необходимо иметь доброжелательные рекомендации, различные виды дипломов, хорошую школьную характеристику, приличествующий семейный статус и т. п. Человек без соответствующего диплома не может быть учителем, врачом, фармацевтом, пастором, инженером, архитектором и заниматься сотнями других профессий.

Эти примеры показывают, что само существование профессионального разделения труда является мощным селекционирующим средством. В результате такой селекции (до и совершенно независимо от модифицирующего влияния профессиональной деятельности) члены большей части профессиональных групп отбираются биологически, интеллектуально и морально. Представители каждой профессии должны иметь некоторые специфические черты, отличающие их от представителей другой профессии. Такова первая форма тестирования, селекции и социального распределения индивидов, осуществляемая профессиональными организациями.

Вторая основная форма социального тестирования и селекции индивидов профессиональными организациями проявляется в восходящем продвижении, блокировании или нисходящем движении внутри профессиональных рангов и межпрофессиональных слоев. Хорошо известно, что общественная карьера тех, кто уже допущен в профессию, какой бы она ни была, не равна. Некоторые быстро продвигаются вверх от мелкого служащего до президента корпорации, от солдата до генерала, от простого преподавателя до профессора, от малозначительного чиновника до губернатора, от священника до архиепископа, от второсортного автора до именитого писателя, от малоизвестного актера до звезды и т. д. Другие же всю жизнь занимают одно и то же положение, а некоторые опускаются вниз по профессиональной лестнице. Крупный финансовый магнат становится бедным человеком, высокопоставленный чиновник опускается подчас до простого подчиненного, свергнутый монарх стано-

вится ничтожеством, папа — простым священником, профессор — клерком, принц крови — рабочим и т. д. Такие социальные перемещения или социальные перераспределения индивидов происходят каждый день, причем все это совершается исключительно благодаря селекции в профессиональных классах. После того как индивид приступает к занятию той или иной профессией, каждый день и каждый час становятся для него постоянной проверкой его как общих, так и специфических качеств. Те, кто при существующих условиях оказываются абсолютно подходящими для успешного выполнения своих функций, быстро продвигаются. Люди противоположного типа либо застывают в своей профессиональной карьере, либо подвергаются увольнению. Таким образом, профессиональная организация проверяет или перепроверяет индивидов, подтверждает или видоизменяет "вердикты" семейного, церковного и школьного тестирования, распределяет своих членов в полном соответствии или вопреки решениям "фильтров" общего тестирования. Во многих случаях наблюдается полное соответствие решений, причем рост их удельного веса находится в прямой зависимости от качества тестирования, осуществляемого семьей, церковью и школой. Чем больше дефектов обнаруживается в этой системе, тем чаще она отвергается и пересматривается профессиональным тестом. Так как профессиональный "фильтр" фактологичен и прагматичен, свободен от дискурса и абстрактного теоретизирования, он имеет большую социальную ценность, и, как правило, его решения можно считать окончательными.

Третья форма профессионального тестирования, селекции и распределения индивидов выражается в факте перемещения человека из одной профессиональной сферы, непригодной для него, в другую, которая лучше соответствует его способностям и призванию. Одна из важнейших вещей в жизни каждого — знать, к какому роду деятельности он более всего пригоден. К сожалению, большинство людей этого не знает, поэтому они часто ошибаются в выборе профессий, для которых у них нет необходимых данных. В таких случаях профессиональное тестирование является средством исправления этой ошибки. Неудача человека в осуществлении своей профессиональной деятельности суть объективное и часто безжалостное доказательство того, что он занимается не своим делом. Неудача приводит к личному неудовлетворению, к понижению по службе, к увольнению. Все это вынуждает его пробовать другой вид деятельности, заставляет его приниматься за новую работу, причем эти "пробы" повторяются до тех пор, пока ему не повезет найти дело, соответствующее его призванию, или когда объективным профессиональным тестированием признается, что он "ни к чему не годен". В первом случае, обнаружив "свой путь", он делает все от него зависящее в своей профессии. Во втором случае он либо отбрасывает свои амбиции и удовлетворяется скромным положением простого неквалифицированного или канцелярского трудяги, либо... Так профессиональная группа постоянно контролирует вертикальную циркуляцию индивидов, корректирует их ложное "самомнение", передвигает их с неверно выбранного пути на правильный, рассеивает многие дутые притязания и необоснованные амбиции, распределяет и перераспределяет людей по разным социальным стратам и подгруппам внутри одного и того же слоя.

Таковы, по сути, функции, выполняемые профессиональными группами в плане контроля за социальной циркуляцией и распределением индивидов. Они делают это перманентно и неустанно. Социальная

значимость их функции огромна. Несколько фактов и цифр разъяснят эти утверждения.

Одна индустриальная фирма в Чикаго объявила о наличии у себя вакансий. Было получено 11988 откликов-заявлений. Из них изначально 54% были отвергнуты по разным соображениям. А это значит, что 54% желающих заниматься этой деятельностью были попросту не допущены к ней. Это иллюстрирует первую форму профессиональной селекции (процесс исключения). Из оставшихся 46% получить место смогли лишь 33%, причем из них после экзамена были наняты на работу только 4.4%. Иными словами, 95.6% из числа волонтеров были исключены из этой профессии. И наконец, только 7% (84 человека из 11988) добились успеха и смогли продвинуться по профессиональной лестнице¹. Этот обычный случай показывает все значение и эффективность профессионального тестирования, селекции и распределения людей. Возьмем другой пример. В 1924 году из 415593 конкурсных профессий были проэкзаменованы государственной службой США 222915 человек. Из них только 133506 выдержали экзамен (59.9%). Из числа сдавших экзамен только 68287 человек (30.6%) были назначены на должность, а 69.4% было отказано от назначения².

Помимо этого превентивного исключения не следует забывать о существовании исключения неподходящих постфактум, то есть уже после того, как они начали заниматься той или иной деятельностью. В 1915 году в ведущей корпорации металлургической промышленности из-за некачественного выполнения работ было уволено 30.7% служащих; в полиграфии этот процент составил 40%; в обувной промышленности — 7.2%; в торговле — 46.4%³. По данным В. Хенмона, среди желающих получить профессию летчика сразу отсеивается от 50 до 60% людей; 15% отсеиваются из летной школы в результате последовательного цикла тестов и экзаменов, и только 6% "добираются" до взлетной полосы. Исследование причин текучести рабочей силы, проведенное П. Бриссенденом и Э. Франкелем, показало, что 16% от общей массы перемещений рабочей силы происходят благодаря увольнением, 11% — в результате сокращения производства и 73% — благодаря "увольнениям по собственному желанию"⁴. Это иллюстрирует приведенные выше вторую и третью формы профессионального контроля над социальной циркуляцией. Исследование экономических и моральных "неудач" среди квалифицированных родов профессий, выполненное Д. Джонсоном, показало, что увольнения по причине неудачи происходят практически внутри всех специальностей, несмотря на тщательный отбор со стороны нанимателей⁵.

Исследование Американской ассоциации банкиров показало, что в США из ста самых обычных людей (здоровых нравственно и физически), кто занимается бизнесом и кто уже в возрасте 25 лет зарабатывал себе на жизнь, приблизительно 14 человек спустя два-три десятилетия существенно богатеют, приблизительно 10 человек становятся достаточ-

¹ Laird D. A. *The Psychology of Selecting Men*. 1925. P. 31.

² Statistical Abstracts of the United States. N. Y., 1924. P. 140.

³ Laird D. A. *The Psychology of Selecting Men*. P. 30.

⁴ Brissenden P. F., Frankel E. *Labor Turnover in Industry*. N. Y., 1922. P. 80; *Lescoghier D. D. The Labor Market*. N. Y., 1919. Ch. 4.

⁵ Jones D. C. *An Account of an Inquiry into the Extent of Economic Moral Failures Among Certain Types of Regular Workers* // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1913. P. 520—533.

но обеспеченными, около 45 человек достигают среднего уровня достатка и 30 человек беднеют¹.

Иными словами, подобный тест и селекция происходят внутри любого рода занятий — в армии и правительстве, по разным специальностям, в церкви, научной, литературной, художественной и других сферах занятости. Множество "подходящих" к определенному роду занятий быстро продвигается от солдата до генерала, от слуги до монарха, от простого служащего церкви до римского папы, от нищего до миллионера, от посыльного до президента корпорации. Многие вследствие такого же профессионального теста и селекции опускаются вниз. Большинство же населения довольно устойчиво в своем положении или передвигается вверх и вниз крайне медленно и в очень узких пределах. Такова суть тестирующей, селекционирующей и распределительной функций профессиональных организаций.

Резюме

1. За исключением периодов анархии и социальных потрясений в любом обществе социальная циркуляция индивидов и их распределение осуществляются не по воле случая, а носят характер необходимости и строго контролируются разнообразными институтами.

2. Эти институты в целом составляют огромный комплекс механизмов, которые контролируют весь процесс социального тестирования, селекции и распределения индивидов внутри социального агрегата.

3. Церковь, семья и школа, а также профессиональные организации выступают не только средствами образования и перемещения людей, но помимо этих функций они выполняют функции социальной селекции и распределения индивидов внутри социального здания. Причем эти функции имеют не меньшее социальное значение, чем функции образования и воспитания.

4. Исторически конкретные формы институтов селекции и распределения могут отличаться в разных обществах и в разные периоды времени, но в том или ином виде они существуют в любом обществе. Они такая же неотъемлемая часть социального агрегата, как органы, контролирующие систему кровообращения в сложном биологическом организме.

5. Во всей своей полноте механизм социальной селекции и распределения в целом ответственен за тип людей, населяющих верхние и нижние этажи, — за тип людей, которые опускаются или поднимаются по социальной лестнице, а также за то, какими качествами обладает "аристократия" и представители "нижних классов" общества.

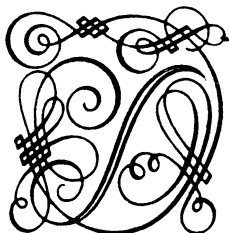
6. Все это детерминировано качеством и природой организации селекционирующих институтов и частично характером препятствий, которые они устанавливают для индивидов на всем пути их успешного прохождения через "фильтры". Если эти препятствия злокачественны и неадекватны, то и социальное распределение будет неверным. В результате все общество будет страдать. Если они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества.

¹ *Lescohier D. D. The Labor Market. P. 259.*

7. То же самое можно сказать и о количественной стороне деятельности этих институтов: разного рода недо- и перепроизводство элиты влияет на весь социальный строй общества. По возможности желательно избегать и того и другого.

8. Любой человек, приступающий к переустройству общества, должен обращать особое внимание на проблему правильной реорганизации этих институтов, и прежде всего с точки зрения их тестирующих, селекционирующих и распределительных функций, а уж потом — как образовательных механизмов. Если они дефективны под этим углом зрения, то никакое социальное улучшение не принесет длительного и глубокого изменения. В конечном итоге историю делают люди. Люди, занимающие положения, которым они не соответствуют, могут "успешно" разрушить общество, но не могут создать ничего ценного, и наоборот.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ДИАГНОЗ КРИЗИСА

Три диагноза

Несколько лет тому назад в ряде своих работ, в частности в книге "Социальная и культурная динамика", я совершенно четко на основе обширных доказательств констатировал, что:

"все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей *чувственной* культурой нашего лучезарного вчера и грядущей *идеациональной* культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего"¹.

В противовес господствующему в то время мнению я указывал в тех же работах, что войны и революции не исчезают, а, напротив, достигнут в XX веке беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными, чем когда бы то ни было ранее; что демократии приходят в упадок, уступая место деспотизму во всех его проявлениях; что творческие силы западной культуры увядают и отмирают и т. д.

Эти утверждения были сделаны в то время, когда не было ни войны, ни революции, ни даже экономической депрессии 1929 года. Горизонт социально-культурной жизни казался ясным и безоблачным. На поверхности все представлялось прекрасным и обнадеживающим. По этой причине господствующее настроение крупнейших мыслителей, так же как и настроения народных масс, было оптимистичным. Они верили в "большее и лучшее процветание", в исчезновение войн и кровопролитий, в добрую волю и международное сотрудничество, осуществляемое Лигой Наций, в экономическое, духовное и моральное оздоровление человечества, в "рационализируемый" прогресс. В такой духовной атмосфере мои утверждения и зловещие предсказания, естественно, воспринимались как глас вопиющего в пустыне. Они или подвергались критике, или презрительно игнорировались. Целый легион "компетентных" ученых и критиков просто называли меня "Кассандрой" и другими epitheta opprobria^{2*}.

¹ Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. N. Y., 1937. V. 3. P. 535. Подобные утверждения содержатся также в некоторых моих статьях и книгах, в частности: Social Mobility. N. Y., 1926; Contemporary Sociological Theories. N. Y., 1928.

² * бранные эпитеты (лат.).

Прошло около десяти лет, и то, что казалось невозможным, теперь стало фактом, а факты, как известно, — вещь упрямая. "Слащавые" теории моих якобы компетентных критиков безжалостно отвергнуты историей. Оптимизм, господствовавший до того, испарился. Без сомнения, наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов он уничтожает города с их многовековой историей, за несколько дней стирает с лица земли целые королевства. Красная человеческая кровь широкоим бескрайним потоком течет по земле. Нищета, растущая день ото дня, простирает свою зловещую тень, охватывая все новые территории. И вот уже наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов. На земле исчезли мир, безопасность и уверенность. Во многих странах люди забыли, что такое процветание и благополучие, свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество.

Однако если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях. Ежедневно мы слышим десятки различных мнений и диагнозов, в которых при желании можно выделить две противоположные точки зрения. Многие из так называемых экспертов все еще продолжают думать, что это — обыкновенный кризис, подобный тем, которые не раз случались в западном обществе в каждом столетии. Многие из них рассматривают его просто как обострение очередного экономического или политического кризиса. Суть его они видят в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы, или же Великобритании и Германии. Среди этих диагнозов встречаются даже такие "эксперты", которые сводят суть кризиса всего лишь к конфликту "плохих людей", вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и "людей хороших", типа Черчилля и Рузвельта, — с другой. Исходя из такой оценки, эти диагносты назначают и соответствующее лечение — легкое или более радикальное изменение экономических условий, начиная с денежной реформы, реформы банковской системы и системы социального страхования, кончая уничтожением частной собственности. Еще одно средство — изменение каким-либо образом политических условий как в национальном, так и в международном масштабе или же устранение Гитлера и других "нехороших людей". Этими и подобными мерами они надеются исправить положение дел, искоренить зло, вернуться к блаженству "лучшего и большего" процветания, к радости надежного мира на земле, к благам "рационального" прогресса. Таков один из диагнозов кризиса, возможно, наиболее распространенный; таковы его истоки и средства преодоления.

Другой диагноз гораздо более пессимистичен, хотя и менее распространен, особенно в Соединенных Штатах. Он рассматривает данный кризис как предсмертную агонию западного общества и его культуры. Его адепты, которых не так давно возглавил Освальд Шпенглер, уверяют нас в том, что любая культура смертна. Достигнув зрелости, она начинает приходить в упадок. Концом этого упадка является неизбежное крушение культуры и общества, которому она принадлежит. Западное общество и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис — всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвлечь предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти

западной культуры. Такова суть второго существующего диагноза нашего кризиса. В такой острой форме он выражается лишь некоторыми мыслителями. В менее острой форме "смертельной опасности, грозящей западной культуре", ее возможному разложению и упадку в случае, если победа будет на стороне врагов, этот кризис ежедневно провозглашается профессорами и другими лидерами колледжей, министрами, журналистами, политиками и государственными деятелями, членами мужских и женских клубов. Именно в такой форме кризис проходит красной нитью в публикациях наших ведущих газет.

На мой взгляд, оба этих диагноза абсолютно неточны. В противовес диагнозу оптимистичному настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это — не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это — кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это — кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это — кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий.

Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) — все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации.

Возьмем, например, культуру Запада средних веков. Ее главным принципом или главной истиной (ценностью) был Бог. Все важные разделы средневековья культуры выражали этот фундаментальный принцип или ценность, как он формулируется в христианском *Credo*^{1*}.

Во всех своих взаимосвязанных компонентах средневековая культура выражала:

Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem coeli et terrae, visibilium omnium et invisibilium; et in unum Dominum Jesum Christum, filium Dei unigenitum, et ex Patre natum ante omnia saecula ... и т. д., вплоть до... Confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum, et expecto resurrectionem mortuorum, et vitam venturi saeculi.

Амен^{2*}.

¹ * "Верую" (*лат.*), так называемый "символ веры". Начинаясь с этого слова молитва представляет собой краткий свод догматов христианского вероучения.

² * Перевод "символа веры" дается в церковнославянской версии: "Верую во единого Бога, Отца вседержителя, творца небу и земли, видимым же всем и невидимым; и во единого Господа Иисуса Христа, сына Божия едиnorodного, иже от Отца рожденного прежде всех век... и т. д. вплоть до... Исповедую едино крещение во оставление грехов, чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь".

Архитектура и скульптура средних веков были "Библией в камне". Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер: Alleluia, Gloria Kyrie eleison, Credo, Agnus Dei, Mass, Requiem и т. д.¹ Философия была практически идентична религии и теологии и концентрировалась вокруг той же основной ценности или принципа, каким являлся Бог. Наука была всего лишь прислужницей христианской религии. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии. Семья, как священный религиозный союз, выражала все ту же фундаментальную ценность. Даже организация экономики контролировалась религией, налагавшей запреты на многие формы экономических отношений, которые могли бы оказаться уместными и прибыльными, поощряя в то же время другие формы экономической деятельности, нецелесообразные с чисто утилитарной точки зрения. Господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления подчеркивали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям. Чувственный мир рассматривался только как временное "прибежище человека", в котором христианин всего лишь странник, стремящийся достичь вечной обители Бога и ищущий путь, как сделать себя достойным того, чтобы войти туда. Короче говоря, интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога, Бога вездесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека. Такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности, может быть названа *идеациональной*. Такая же в основном сходная посылка, признающая сверхчувственность и сверхразумность Бога, хотя воспринимающая отдельные религиозные аспекты по-иному, лежала в основе интегрированной культуры Брахманской Индии, буддистской и лаоистской культур, греческой культуры с VIII по конец VI века до нашей эры. Все они были преимущественно идеациональными.

Закат средневековой культуры заключался именно в разрушении этой идеациональной системы культуры. Он начался в конце XII века, когда появился зародыш нового — совершенно отличного — основного принципа, заключавшегося в том, что *объективная реальность и ее смысл чувственны*. Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, — реально и имеет смысл. Вне этой чувственной или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это — эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь. Таков был новый принцип, совершенно отличный от основного принципа идеациональной культуры.

Этот медленно приобретающий вес новый принцип столкнулся с приходящим в упадок принципом идеациональной культуры, и их

¹ * Части литургии: "Аллилуйя", "Слава", "Господи помилуй", "Верую", "Агнец Божий"; церковные службы: "Месса", "Реквием" (*лат. и греч.*).

слияние в органичное целое создало совершенно новую культуру в XIII — XIV столетиях. Его основной посылкой было то, что *объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна*; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа *идеалистической*. Культура XIII—XIV столетий в Западной Европе, так же как и греческая культура V—IV веков до нашей эры, были преимущественно идеалистическими, основанными на этой синтезирующей идее.

Однако процесс на этом не закончился. Идеациональная культура средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее сенсорны, продолжала наращивать темп в последующих столетиях. Начиная приблизительно с XVI века новый принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. Таким образом возникла современная форма нашей культуры — культуры сенсорной, эмпирической, светской и "соответствующей этому миру". Она может быть названа *чувственной*. Она основывается и объединяется вокруг этого нового принципа: *объективная действительность и смысл ее сенсорны*. Именно этот принцип провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и умонастроениях людей. Эта мысль будет развита подробнее в последующих главах.

Таким образом, основной принцип средневековой культуры делал ее преимущественно потусторонней и религиозной, ориентированной на сверхчувственность Бога и пронизанной этой идеей. Основной принцип идеалистической культуры был частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний. Наконец, основной принцип нашей современной чувственной культуры — светский и утилитарный — "соответствует этому миру". Все эти типы: идеациональный, идеалистический и чувственный — обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур.

После этого отступления мы можем вновь вернуться к нашему исходному тезису и детальнее изложить тот факт, что настоящий кризис нашей культуры и общества заключается именно в разрушении преобладающей чувственной системы евро-американской культуры. Будучи доминирующей, чувственная культура наложила отпечаток на все основные компоненты западной культуры и общества и сделала их также преимущественно чувственными. По мере разрушения чувственной формы культуры разрушаются и все другие компоненты нашего общества и культуры. По этой причине кризис — это не только несоответствие того или иного компонента культуры, а скорее разрушение большей части ее секторов, интегрированных "в" или "около" чувственный принцип. Будучи "тоталитарным" или интегральным по своей природе, он несравнимо более глубокий и в целом глобальнее любого другого кризиса. Он так далеко зашел, что его можно сравнить только с четырьмя кризисами, которые имели место за последние три тысячи лет истории греко-римской и западной культуры. Но даже и они были меньшего масштаба, чем тот, с которым мы столкнулись в настоящее время. Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда *одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется*. Кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным

взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов — потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса. Такие переходные периоды всегда были воистину *dies irae, dies illa*^{1*}.

Это значит, что главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма, а также не один из текущих расхожих вопросов, которые ежедневно провозглашаются государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, журналистами и просто уличными ораторами. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы — всего лишь побочные продукты главного вопроса, а именно: чувственная форма культуры и образа жизни против других форм. Еще менее значительны такие вопросы, как Гитлер против Черчилля или Англия против Германии, Япония против Соединенных Штатов и им подобные. Мы слышали такие же лозунги и ранее, во время войны 1914—1918 годов. И тогда многочисленные голоса провозглашали источниками зла отдельные личности, такие, как император Вильгельм Гогенцоллерн, и отдельные страны, такие, как Германия; рассматривали их поражение и уничтожение как главный вопрос войны и радикальное средство избавления от зла. Кайзера низвергли, Германии нанесли поражение, но это не предотвратило, не ослабило последующего кризиса, не предупредило настоящую катастрофу. Ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини не создали сегодняшний кризис, а, наоборот, существующий кризис создал их такими, каковы они есть, — его инструментами и марионетками. Их можно убрать, но это не уничтожит кризис и даже не уменьшит его. Этот кризис, пока он существует, будет создавать новых Гитлеров, Сталиных, Черчиллей и Рузвельтов.

Во всех этих отношениях первый диагноз ошибочен. Не менее ложны и рецепты его лечения. Они не могут ни избавить от кризиса, ни приостановить его дальнейшее развитие. В лучшем случае они бесполезны, чаще же — вредны. Даже если англо-саксонский блок победит в настоящей войне, то это не остановит и не уменьшит трагедию кризиса до тех пор, пока мы не увидим, что чувственная посылка нашей культуры вытеснилась более адекватной посылкой.

Не в меньшей степени я не согласен и с другим — пессимистическим диагнозом. Вопреки его заявлению настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, то есть кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования. Основанные лишь на биологических аналогиях, все подобные теории беспочвенны. Нет единого закона, согласно которому каждая культура проходила бы стадии детства, зрелости и смерти. Ни одному из приверженцев этих очень старых теорий не удалось показать, что же разумеется под детством общества или под старением культуры; каковы типичные характеристики каждого из возрастов; когда и как умирает данное общество и что значит смерть общества и культуры вообще. Во всех отношениях теории, о которых идет речь, — это простые аналогии, состоящие из

¹ * "Тот день, день гнева" (*лат.*). Начало средневекового церковного гимна. В основе гимна лежит библейское пророчество о судном дне, "Пророчество Софии" (1: 15—16): "День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен".

неопределенных терминов, несуществующих универсалий, бессмысленных заявок. Они еще менее убедительны, утверждая, что западная культура достигла последней стадии старения и сейчас находится в предсмертной агонии. Не пояснено при этом ни само значение "смерти" западной культуры, и не приведены какие-либо доказательства.

Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно так же как замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации. В западной культуре конца средних веков таким же образом произошла смена одной фундаментальной социально-культурной формы на другую — идеациональной на чувственную форму. И тем не менее такое изменение не положило конца существованию общества, не парализовало его созидательные силы. После хаоса переходного периода в конце средних веков западная культура и общество демонстрировали в течение пяти веков все великолепие своих созидательных возможностей и вписали одну из самых ярких страниц в историю мировой культуры. То же самое можно сказать и о греко-римской и других великих культурах, которые претерпели в течение своего исторического пути несколько подобных изменений. Равным образом теперешнее разрушение чувственной формы никак не тождественно концу западной культуры и общества. Трагедия и хаос, ужасы и горе переходного периода окончены, они вызовут к жизни новые созидательные силы в новой интегральной форме, столь же значительной, как все пять веков эры чувственной культуры.

Более того, такое изменение, сколь бы болезненным оно ни было, как бы является необходимым условием для любой культуры, чтобы быть творчески созидательной на всем протяжении ее исторического развития. Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены. В противном случае было бы не несколько форм одной культуры, а единая, абсолютная, включающая в себя все формы. Когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможности и ценности. Все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям. С другой стороны, культуры и общества, которые не изменяли форму и не смогли найти новые пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур — стерильность, непродуктивность, прозябание. Таким образом, вопреки диагнозу шпенглерянцев, их мнимая смертная агония была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил.

Полное разрушение нашей культуры и общества, провозглашенное пессимистами, невозможно также и по той причине, что *общая сумма* социальных и культурных феноменов западного общества и культуры никогда не были интегрированы в одну унифицированную систему. Очевидно, что никогда не было соединено, не может быть и разъединено.

Хоть в большинстве компонентов средневековой культуры преобладала идеациональная форма, рядом с ней, в качестве побочных, существовали и эклектичные — чувственная и неинтегрирующие формы,

выраженные в многообразии изобразительных искусств и науки, философии и религии, этики и образов жизни. В течение последних четырех столетий преобладающей моделью современной культуры во всех ее компонентах была чувственная форма, хотя наряду с ней существовали (как побочные) идеациональная и другие формы изобразительного искусства, религии, философии, юриспруденции, этики, образов жизни и мышления. Едва ли какая-либо культура в истории человечества была полностью и совершенно интегральной. Термин "доминантная форма интеграции" не означает абсолютно монопольного преобладания, ведущего к полному исключению других форм культуры.

А это означает, что только те культурные и социальные формы, которые интегрированы в одну чувственную форму, могут разрушиться, что, собственно, мы и наблюдаем. Правда, эти явления безусловно составляют основной массив всей культуры Запада, однако тем не менее они охватывают не все социально-культурные феномены, составляющие эту культуру как единое целое. Не интегрированные в чувственную форму компоненты могут продолжать свое существование и даже успешно функционировать. Так как они не являются частью тонущего чувственного корабля, то и нет необходимости в их полной гибели.

Еще более нелепы каждодневные заявления политиков, журналистов и прессы о конце цивилизации и прогресса, особенно в тех жизненных ситуациях, когда они терпят поражение, а их оппоненты одерживают победу. Во время любой политической кампании мы часто слышим, как некий малозначительный политик грозит своим слушателям "концом цивилизации" в случае, если его не выберут. Кто не знаком с "борьбой за прогресс и культуру" лидеров военных клик? Кто не знаком с лозунгом "мир на пороге своего конца", произносимым честолюбивым человеком, неспособным захватить свою Лиллипутию? Почти ежедневно мы слышим известные вариации на эту тему и от людей высокоинтеллектуальных, и от толпы со слабым интеллектуальным потенциалом, искателей чего-то, совершенно незначительного и подчас эгоистичного. Если мы поверим этим псевдопророкам, то цивилизация и культура должны были погибнуть давным-давно или вот-вот исчезнуть. К счастью, культура и цивилизация бесконечно прочнее, чем заверяют нас клоуны политического цирка. Политические, да и не только политические, партии, группировки, фракции и армии приходят и уходят, а культура остается вопреки их похоронным речам. Регулярно не осуществляются правомерные и неправомерные притязания сотен тысяч мелких честолюбцев. И, вопреки их реквиему цивилизации, она все же продолжает существовать. Многие страны потеряли поражение в войне, а цивилизация тем не менее не исчезла. Как было сказано, она сделана из более прочного материала и обладает большей жизнестойкостью, чем заверяют нас "гробовщики культуры".

Более того, они едва ли прекратят задавать вопрос, стоит ли вообще спасать культуру, или, может, ей лучше было бы исчезнуть. Как мы увидим позже, многие ценности современной культуры, за которые они ратуют, едва заслуживают того, чтобы за них бороться. Большая часть их уже умерла и только ожидает приличествующего захоронения. Их исчезновение скорее благо, чем потеря для человечества; скорее освобождение культуры от яда, чем ее обнищание. С этими ремарками забудем о "гробовщиках культуры"; с точки зрения науки их жалобы не стоят того, чтобы их серьезно обсуждать.

Предшествующей критики достаточно для того, чтобы отвергнуть оба распространенных диагноза нашего кризиса как ложные. Отказ от них несет с собой одновременно и отказ от тех рецептов, которые они

предлагают. Более серьезным представляется третий диагноз. Автор поставил его за несколько лет до настоящей катастрофы и описал достаточно подробно. Сейчас же он будет повторен без каких-либо изменений. Он заключается в том, что теперешние наши трудности происходят от разрушения чувственной формы западной культуры и общества, которая началась в конце XII века и постепенно заменила собой идеациональную форму средневековой культуры. В период своего восхождения и расцвета она создала наиболее великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры. В течение этих веков она вписала наиболее яркие страницы человеческой истории. Однако ни одна из конечных форм, ни чувственная, ни идеациональная, не вечна. Рано или поздно ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей нынче в период своего заката. Таков масштаб сегодняшнего кризиса. Однако это не означает полного исчезновения западной культуры и общества, но тем не менее предвещает одну из величайших революций в нашей культурной и социальной жизни. Как таковая, она неизмеримо глубже и значительнее, чем ее представляют себе приверженцы "обычного кризиса". Переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму совершенно незначителен по сравнению с заменой одной фундаментальной формы культуры другой — идеациональной на чувственную, и наоборот. Такие изменения очень редки. Как мы видели, в течение трех тысячелетий греко-римской и западной истории это случилось только четыре раза. Но когда же кризис действительно происходит, то он производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре. Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать, мыслить и действовать в котле такого мирового пожара. Если мы не в силах остановить его, то следует хотя бы попытаться понять его природу, причины и последствия. Если же мы сможем это сделать, то, вероятно, в некоторой степени сократим его трагический ход, смягчим его последствия. Помочь решить эту задачу, раскрыть и обосновать третий диагноз — задача последующего повествования. Давайте перейдем теперь к анализу кризиса в различных секторах культурной и социальной жизни.

КРИЗИС ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная формы изящных искусств

Начнем с анатомии кризиса в изящных искусствах. Они являются наиболее чувствительным зеркалом, отражающим общество и культуру, составной частью которых являются. Каковы культура и общество, таковыми будут и изящные искусства. Если культура преимущественно чувственная, чувственными будут и ее основные изобразительные искусства. Если культура не интегрирована, хаотичными и эклектичными будут ее основные виды изобразительных искусств. Так как западная культура преимущественно чувственная, а кризис заключается в разрушении ее основной сверхсистемы, то и современный кризис изобразительных искусств демонстрирует разрушение чувственной формы нашей живописи и скульптуры, музыки, литературы, драматургии и архитектуры. Давайте рассмотрим, что представляют из себя чувственные

формы изобразительных искусств в общем и современные чувственные формы изобразительных искусств в частности, а также каковы симптомы и причины их разрушения.

В первой главе я кратко изложил тезис о том, что каждая из трех основных культур — идеациональная, идеалистическая, чувственная — имеет свою собственную форму изобразительных искусств, отличную от другой как внешними признаками, так и внутренним содержанием. Причем основные признаки каждой из трех форм изобразительных искусств следуют основной посылке каждой из этих систем культуры. Обрисую предварительный портрет идеационального, идеалистического и чувственного типов искусств.

Идеациональное искусство. Как своим содержанием, так и своей формой идеациональное искусство выражает основную посылку идеациональной культуры — основная реальность-ценность есть Бог. Поэтому *тема идеационального искусства — сверхчувственное царство Бога*. Ее герои — Бог и другие божества, ангелы, святые и грешники, душа, а также тайны мироздания, воплощения, искупления, распятия, спасения и другие трансцендентальные события. Искусство вдоль и поперек религиозно. Оно мало уделяет внимания личности, предметам и событиям чувственного эмпирического мира. Поэтому нельзя найти какого-либо реального пейзажа, жанра, портрета. Ибо цель не развлекать, не веселить, не доставить удовольствие, а приблизить верующего к Богу. Как таковое, искусство священо как по содержанию, так и по форме. Оно не допускает и толики чувственности, эротики, сатиры, комедии, фарса. Эмоциональный тон искусства — религиозный, благочестивый, эфирный, аскетичный.

Его стиль есть и должен быть символичным. Это не более чем видимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Так как Бог и сверхчувственные явления не имеют никакой материальной формы, то их нельзя постичь или изобразить натуралистически, такими, какими они предстают перед нашими органами чувств. Они могут быть обозначены лишь символично. Отсюда трансцендентальный символизм идеационального искусства. Знаки голубя, якоря, оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были всего лишь символами ценностей невидимого мира Бога, в отличие от голубя или оливковой ветки реального мира. Полностью погруженное в вечный сверхчувственный мир, такое искусство статично по своему характеру и по своей приверженности к освященным, иератическим формам традиции. Оно всецело интровертно, без всяких чувственных украшений, пышности и нарочитости. Оно предполагает великолепие духовности, но облаченной в ветхие одеяния. Его значение не во внешнем проявлении, а во внутренних ценностях, которые оно символизирует. Это не искусство одного профессионального художника, а творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом и со своей собственной душой. Такое общение не нуждается ни в профессиональном посреднике, ни в каком-либо внешнем приукрашивании. Таковы грубо очерченные штрихи идеационального искусства, где бы и когда бы оно ни обнаруживалось. Оно всего лишь являет собой деривацию и выражение основной посылки идеациональной культуры.

Чувственное искусство. Его типичные черты совершенно противоположны чертам идеационального искусства, так как основная посылка чувственной культуры противоположна основной посылке идеациональной культуры. Чувственное искусство живет и развивается в эмпиричес-

ком мире чувств. Реальный пейзаж, человек, реальные события и приключения, реальный портрет — таковы его темы. Фермеры, рабочие, домашние хозяйки, девушки, стенографистки, учителя и другие типы — его персонажи. На своей зрелой ступени его любимые "герои" — проститутки, преступники, уличные мальчишки, сумасшедшие, лицемеры, мошенники и другие подобные им субсоциальные типы. Его цель — доставить тонкое чувственное наслаждение: расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетичным, чувственным, постоянно ищущим нечто новое. Оно отмечено возбуждающей наготой и сладострастием. Оно свободно от религии, морали и других ценностей, а его стиль — "искусство ради искусства". Так как оно должно развлекать и веселить, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства.

Стиль чувственного искусства натуралистичен, даже подчас несколько иллюзионистичен, свободен от всякого сверхчувственного символизма. Оно воспроизводит явления внешнего мира такими, какими они воспринимаются нашими органами чувств. Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе изображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменчивости. Ему приходится непрерывно меняться, выстраивая цепочку прихотей и образов, так как в противном случае оно будет скучным, безынтересным и неувлекательным. По этой же причине это искусство внешнего проявления, так сказать, напоказ. Так как оно не символизирует никакой сверхчувственной ценности, оно зиждется на внешней саморепрезентации. Как глупенькая, но при этом шикарная девица, оно добивается успеха, поскольку принаряжено и сохраняет свою внешнюю привлекательность. А чтобы сохранить красоту, ему приходится щедро использовать пышность и внешние обстоятельства, размах, ошеломляющие приемы и другие средства внешнего изыска. Более того, это — искусство профессиональных художников, угождающих пассивной публике. Чем оно более развито, тем более ярким становятся его характеристики.

Идеалистическое искусство. Идеалистическое искусство является посредником между идеациональной и чувственной формами искусства. Его мир частично сверхчувственный, частично чувственный, но только в самых возвышенных и благородных проявлениях чувственной действительности. Его герои то боги и другие мистические создания, то реальный человек, но только в его благороднейшем проявлении. Оно намеренно слепо ко всему недостойному, вульгарному, уродливому, негативному в реальном мире чувств. Его стиль частично символичен и аллегоричен, частично же реалистичен и натуралистичен. Он спокоен, ясен, невозмутим. Художник всего лишь *primus inter pares*^{1*} общности, членом которой он выступает. Словом, оно представляет собой великолепный синтез идеационального и благороднейших форм чувственного искусства.

Эклектичное искусство есть псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой исключительно механическую смесь той или иной формы. У него нет ни внешнего, ни внутреннего единства, нет индивидуального или постоянного стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей.

¹ *Первый среди равных (*лат.*).

Это искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее псевдо, чем истинное.

Исторические примеры. Так как идеациональная, идеалистическая и чувственная формы культуры извечны и универсальны, имеют примеры и в прошлом и в настоящем, среди примитивных и цивилизованных народов, то, следовательно, и три интегрированные формы изобразительных искусств можно найти и в прошлом, и в настоящем, в племенном мире и в мире сложных цивилизаций. Идеациональное искусство в смешанной форме встречается у многих примитивных народов, подобно индейцам Зуни, негритянским племенам Африки и австралийским аборигенам. Точно так же символическое искусство геометрики эпохи неолита было типично идеациональным. В так называемых исторических культурах идеациональное искусство доминировало в те или иные периоды в искусстве даоистского Китая, Тибета, Брахманской Индии, в буддистской культуре, культуре Древнего Египта, искусстве Греции с IX по VI век до нашей эры, искусстве раннесредневекового христианского Запада и т. д. То же мы наблюдаем в отношении распространения во все времена чувственной формы искусства. Это и превалирующая форма культуры раннего палеолита многих примитивных племен, таких, как бушмены в Африке, многие индийские и скифские племена и т. п. Она питала изобразительные искусства Ассирии по крайней мере в течение некоторых периодов ее истории, искусство Древнего Египта на последних стадиях развития Древнего Царства, в периоды Среднего и Нового Царства и особенно в последние эпохи саисского, птолемеевского и римского Египта. Она определенно характеризует последнюю известную нам эру крито-микенской культуры и греко-римскую цивилизацию с III века до нашей эры по IV век нашей эры. Наконец, она доминирует в западной культуре на протяжении последних пяти веков. Идеалистическая форма искусства не была столь широко распространенной, как две другие формы, но господствовала она не раз. Ее лучшие образцы нашли свое завершение в греческом искусстве V века до нашей эры и западноевропейском искусстве XIII века.

Как бы ни отличались во многих отношениях изобразительные искусства примитивных и цивилизованных народов, они все имеют ряд сходных внешних и внутренних черт, если они принадлежат к одному и тому же типу культуры. Среди других факторов господство той или иной формы в изобразительном искусстве означает не столько наличие или отсутствие художественного мастерства, сколько эффект идеационального, идеалистического, чувственного или смешанного мышления людей и их культур. Живя в век чувственной культуры, мы склонны считать идеациональное искусство более примитивным, чем чувственное, и идеационального художника менее искусным и совершенным, чем художника чувственной культуры. Однако такое обобщение не имеет под собой почвы. Человек эпохи палеолита или раннего каменного века был художником чувственной культуры, очень искусным в зримом воспроизводстве предметов окружающего мира, которые его в первую очередь интересовали (животные, сцены охоты и т. п.). Человек неолита, более развитой культуры позднего каменного века, был в основном художником идеациональной культуры, и его творчество почти не содержало в себе черт чувственной культуры. Таким образом, более поздняя и развитая ступень культуры воспроизводила в большей степени идеациональную форму культуры, чем предшествующую ей чувственную культуру. Равным образом и совершенное искусство крито-микенской эры сменилось после IX века

до нашей эры идеациональным искусством ранней Греции. Подобные переходы от одной формы искусства к другой мы наблюдаем в изобразительном искусстве Древнего Египта, Китая и многих других стран. Наконец, совершенное чувственное искусство греко-римской культуры III века до нашей эры — IV века нашей эры сменилось идеациональным искусством средневекового христианского Запада.

Все это означает, как мы видели, лишь одно — превосходство любой формы изобразительных искусств не есть вопрос наличия или отсутствия художественного мастерства, а доминируется природой сверхсистемы культуры. В культуре, отмеченной идеациональной суперсистемой, изящные искусства преимущественно идеациональные. Подобное обобщение верно и в тех случаях, когда, соответственно, доминирует чувственная, идеалистическая или смешанная сверхсистема¹.

2. Сдвиги в формах изобразительных искусств

Когда в некоей данной общей культуре изменяется доминирующая сверхсистема, то в этом же направлении меняются и все основные формы изобразительных искусств. Если на смену чувственной сверхсистеме приходит идеациональная, то чувственное искусство уступает место идеациональному искусству, и наоборот. Примером этого процесса являются переходы от одной доминирующей формы к другой в истории греко-римского и западного изобразительных искусств. Давайте взглянем на эти изменения не столько ради них самих, сколько для понимания природы современного кризиса в западном изобразительном искусстве.

История начинается с крито-микенского искусства, точнее, со знаменитой чаши Вафио, являющейся совершенным образцом изобразительного искусства и показывающей непревзойденное чувственное мастерство художника. Она дает нам превосходное импрессионистическое изображение приручения быка. Известно также, что последний период крито-микенской культуры — период упадка чувственной формы.

Когда мы подходим к анализу греческого искусства VIII—VI веков до нашей эры, мы сталкиваемся с царством так называемого архаического золота или, точнее, с идеациональным искусством со всеми присущими ему характеристиками. Оно символично, религиозно, потусторонне. Оно не изображает предметы такими, какими они открываются нашему глазу, а использует геометрические и другие видимые символы невидимого мира религиозных ценностей.

Начиная с конца VI века до нашей эры мы наблюдаем упадок идеационального искусства во всех его проявлениях и генезис идеалистического искусства, которое достигает расцвета в V веке до нашей эры — во времена Фидия, Эхила, Софокла и Пиндара. Это, вероятно, пример *par excellence*² идеалистического искусства. Парфенон, как пример этого искусства, наполовину религиозен, наполовину эмпиричен. Из чувственного мира он получил только свои благородные формы и позитивные ценности. Это — идеализированное, типологическое искусство. Его портреты — великолепные типажи, реальные изображения данных индивидов. Оно не искажено ничем

¹ См. подробнее мою книгу: *Cultural and Social Dynamics*. N. Y., 1937. V. 1. Ch. 5—7.

² * В высшей степени (*фр.*).

низким, вульгарным или унижительным. Оно светлое, спокойное и величественное. Его идеализм выражается в отличном знании художником анатомии человеческого тела и знании средств воплощения этого знания в идеальной или совершенной форме: в изображенных человеческих персонажах, в их позах, в абстрактной трактовке типа человека. Мы не найдем ни конкретных портретов, ни уродства, ни прочих дефектов. Мы представлены бессмертным и идеализированным смертным; старики вновь молоды, дети изображены взрослыми; женщины демонстрируют меньше женственности и спрятаны в фигурах атлетов. Нет реалистического пейзажа. Позы и выражения лиц лишены всякого неистовства, начиная от сильных эмоций и кончая разрушающими страстями. Они спокойны и невозмутимы, как боги. Даже мертвые отражают эту спокойную красоту. Эти черты не есть результат каких-либо технических ограничений, а скорее желание художника избежать всего того, что могло бы нарушить идеальный порядок и гармонию идеалистического образа жизни. Наконец, это искусство было глубоко религиозным, морализирующим, поучающим, облагораживающим и патриотичным. Оно не было искусством ради искусства, а искусством, тесно связанным с другими ценностями: религиозными, моральными и гражданскими. Художник самоуничуждал себя и растворял свою индивидуальность в общности себе подобных: Фидий, Поликлет, Полигнот, Софокл были лишь *primi inter pares*^{1*} в коллективной религиозной или гражданской общине. Они еще не стали, как художники чувственной культуры, профессионалами, целиком поглощенными искусством ради искусства, и поэтому свободными от любых гражданских, моральных и религиозных обязанностей. Короче говоря, это было искусство, великолепно сливающее небесное совершенство с благородной земной красотой, перемещающее религиозные и другие ценности с возвышенными чувственными формами. Его можно обозначить как "ценностное" искусство в противоположность "бесценностному" искусству эстетов-пуристов.

После V века до нашей эры волна чувственного искусства резко поднялась, а волна идеационального начала спадать. В результате этого идеалистический синтез разрушился и начиная приблизительно с III века до нашей эры и по IV век нашей эры длился период господства чувственной формы искусства. В течение первых веков нашей эры она вступила в пору своего расцвета, отмеченную реализмом и все возрастающим темпом имитации архаического, классического и других стилей. Этот же период явился свидетелем появления христианского идеационального искусства, которое шло в ногу с распространением христианской религии, ставшего в VI веке нашей эры господствующей формой искусства.

С наступлением IV века нашей эры чувственная форма греко-римской культуры претерпела сильное изменение. Хотя многие историки характеризуют это изменение как распад классического искусства, но более точно следует интерпретировать его как распад чувственной формы и как окончательную замену на новую доминирующую форму, а именно на христианское идеациональное искусство, которое господствовало с VI по конец XII века.

Величайшие примеры средневековой *архитектуры* — соборы, церкви — все они суть строения, посвященные Богу. Их внешний абрис, как-то: крестообразное основание, купол или шпиль — и фактически каждая

¹ * Первые среди равных (*лат.*).

архитектурная или скульптурная деталь символичны. Это воистину "Библия в камне"! Не менее религиозна и средневековая *скульптура*. Это снова и снова Ветхий и Новый заветы, застывшие в камне, глине или мраморе. Средневековая *живопись* также сверхрелигиозна — все то же художественное воспроизводство Ветхого и Нового заветов. Она почти целиком символична и духовна. В ней не предпринята даже попытка создать иллюзию трехмерной реальности в двухмерном измерении. В ней очень мало обнаженного тела, а если оно и есть, то изображение крайне аскетично. *Полностью отсутствуют пейзажи, жанровые темы, реалистичные портреты, сатира, карикатура или комедия*. Средневековая *литература* происходит главным образом из Библии. Это и ее комментарии, и молитвы, и жития святых, и другая религиозная словесность. Доля светской литературы незначительна. Если и используется греко-римская светская литература, то она в такой степени символически видоизменена и переинтерпретирована, что от Гомера, Овидия, Вергилия, Горация осталась лишь видимость. Лишь в XII веке вновь появляется светская литература в общеизвестном смысле слова. Вся окружающая реальность игнорировалась. Средневековая *драма и театр* представлены религиозными службами, процессиями и мистериями. Средневековая *музыка* представлена Амброзианскими, Грегорианскими и другими песнопениями со своими *Kyrie eleison, Alleluia, Agnus Dei, Gloria, Requiem, Mass*^{1*} и им подобными религиозными песнями.

Все это искусство внешне просто, аскетично, традиционно и духовно. Для человека чувственной культуры, привыкшего к великолепию отделки, все это может показаться бесцветным и непривлекательным, лишенным технического мастерства, радости и красоты. Тем не менее когда становится понятно, что идеациональное искусство субъективно, погружено в сверхчувственный мир, то и оно показается таким же импрессионным, как и любое из известных чувственных искусств. Идеациональное искусство этих веков неземное, великолепно и чрезвычайно последовательно выражающее свою сверхчувственность. Это — искусство человеческой души, наедине общающейся с Богом. Оно не предназначено ни для рынка, ни для прибыли, ни для славы, ни для известности, ни для чувственного наслаждения и ни для каких-либо других ценностей чувственной культуры. Оно было создано, как заметил Теофил, *nec humane laudis amore, nec temporalis premii cupiditate... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei*^{2*}.

Отсюда — анонимность искусства. Художники составляли гильдии. Всей коммунальной строили соборы и церкви. Ведущие мастера не старались закрепить свои имена за своими творениями. За редким исключением мы не знаем имен создателей даже самых выдающихся соборов, скульптур и других шедевров средневекового искусства. Таковы были наиболее характерные черты средневекового искусства на протяжении VI—XII веков.

Эти черты не есть результат поверхностных впечатлений, а выявлены путем качественного и количественного анализа более чем ста тысяч средневековых и современных картин и скульптур, анализа сохранившейся средневековой литературы, музыки, большого количества архитектурных памятников и драматических произведений. Позднее будут

¹ * "Господи помилуй", "Аллилуйя", "Агнец Божий", "Слава", "Реквием", "Месса" (*греч. и лат.*).

² * "Не для прославления страстей людских, не для умаления алчности преходящей... а во возвеличение хвалы и славы имени Божия" (*лат.*). Теофил Пресвитер (X в.), автор знаменитых "Записок о разных искусствах".

приведены статистические данные этого анализа. Они ясно покажут идеациональный характер основных средневековых искусств, а пока продолжим краткую характеристику главных поворотов в искусстве, которые произошли в последующие века.

В конце XII века дают о себе знать первые признаки заката всех идеациональных изобразительных искусств, кроме музыки, упадок которой произойдет позднее. Изобразительные искусства проходят путь от идеациональной формы к идеалистической в течение всего XIII и начала XIV века. В некотором смысле все это напоминает греческое идеалистическое искусство V века до нашей эры. В обоих случаях искусство опирается на сверхчувственный мир, но все более и более начинает отражать благородные и возвышенные ценности реального мира, безразлично, относятся ли они к человеку и к гражданским институтам или к идеализированной красоте. В своем стиле оно объединяет высочайшее техническое мастерство художника чувственной культуры и чистое, благородное, идеалистическое *Weltanschauung*¹. В отношении чувственного мира это искусство высокоизбирательное; оно берет в нем только положительные ценности, типы, события, игнорируя патологические и негативные явления. Оно приукрашивает даже положительные ценности реального мира, никогда не изображая их такими, какими они действительно выглядят, или, другими словами, такими, какими они открываются нашим органам чувств. Это — искусство идеализированных типов, крайне редко индивидуализирующее личность или событие. Как и в греческом искусстве V века, портретная живопись стремится не к простому воспроизведению черт данного лица, а создает абстрагированное и благородное, весьма отдаленное, если оно вообще и есть, сходство с реальными чертами человека. В жанровой живописи отражаются только великие события. Ее герои — бессмертные и полубожественные существа, героические фигуры в своих деяниях или по своей трагедийности. Она как бы придает смертным бессмертие. Даже если она изображает смерть, то часто с открытыми глазами, как будто бы мертвые видят свет, не воспринимаемый нами; они также лишены признаков разрушения и, так сказать, физической смерти. Живопись ясна, спокойна, свободна от какой-либо фривольности, комедии или сатиры, сильных страстей или эмоций, всего того, что унижает достоинство, *pathétique*² и мрачного. Это искусство лазоревки, которая в первый раз увидела красоту реального мира — весеннее утро, цветы и деревья, росу, солнечный свет, ласкающий ветер и голубое небо. Эти черты заметны во всех изобразительных искусствах, но в меньшей степени в музыке. Музыка еще остается главным образом идеациональной; только спустя около полувека она начинает приобретать благородные формы чувственной красоты идеалистической музыки.

Идеалистический период заканчивается в XV веке. Результатом продолжающегося заката идеациональной формы культуры и восхождения чувственной формы явилось господство чувственной культуры во всех изобразительных искусствах. Это господство все возрастает и с незначительными колебаниями достигает своего апогея и абсолютного предела в XIX веке.

¹ * Мировоззрение (нем.).

² * Патетическое, трогательное, волнующее (фр.).

Нам уже известны характерные черты роскоши чувственного искусства. Оно *светское* во всем и оттого стремится отразить чувственную красоту и обеспечить чувственное удовольствие и развлечение. Как таковое, это — искусство ради искусства, лишенное всяких религиозных, моральных или гражданских ценностей. Его герои и персонажи типичные смертные, а позднее ими становятся субсоциальные и паталогические типы. Его эмоциональный тон страстный, сенсационный, патетический. Оно отмечено возбуждающей и чувственной наготой. Это искусство пейзажа и жанра, портрета, карикатуры, сатиры и комедии, водевиля и оперетты; искусство голливудского шоу; искусство профессиональных художников, доставляющих удовольствие пассивной публике. Как таковое, оно создано для рынка, как объект купли и продажи, зависящее в своем успехе от конкуренции с другими товарами.

По внешнему стилю оно — *реалистично, натуралистично, визуально*. Оно изображает окружающую реальность такой, какой она открывается нашим органам чувств. В музыке оно представляет собой комбинацию звуков, которые или улаждают, или раздражают; достигается же это посредством чисто физических качеств, а не символами или трансцендентальным значением, стоящим за ними. В этом смысле оно отражает лишь *поверхность явлений окружающего мира* — их внешние формы, вид и звуки, вместо того чтобы проникать в трехмерную глубину живописных предметов и в суть лежащей за поверхностью действительности. Отсюда происходит *иллюзорный* характер этого искусства. Любое полотно чувственного искусства своим ракурсом и перспективой стремится создать иллюзию трехмерной реальности, хотя и средствами двухмерного пространства. Подобных приемов было достаточно и в скульптуре, и даже в архитектуре. Они стремились к показной пышности, отражая в большей степени внешней вид, а не саму субстанцию. Короче говоря, мы находим все эти характерные черты в развивающемся чувственном искусстве.

Для того чтобы понять существенную разницу между чувственным искусством и средневековыми идеациональным и идеалистическим искусствами, выработать ясную концепцию основных переходов в западных изящных искусствах и привести необходимые доказательства правильности вышеизложенного, давайте взглянем на суммарные статистические данные, взятые из моей книги "Социальная и культурная динамика"^{1*}. Мои данные основаны на изучении более чем сотни тысяч картин и скульптур из восьми ведущих европейских стран с начала средних веков и вплоть до 1930 года. Этот срез, включающий значительно большую часть картин и скульптур, известных историкам искусства, а следовательно, более репрезентативен. Конечно же в деталях могут быть допущены некоторые неточности, однако существенные тенденции заслуживают доверия. То же касается и музыки, литературы, драмы и архитектуры. Выборка основана на схожей репрезентации хорошо известных образцов — музыкальных, литературных, драматических и архитектурных творений из этих же восьми европейских стран.

Существенная черта, отличающая идеациональное, идеалистическое и чувственное искусства, заключена в природе их тем: находятся ли они в сфере сверх чувственно-религиозной или в чувственно-эмпирической. Исходя из этой методологической посылки история европейского искусства может быть хорошо обрисована следующими цифрами.

¹ * Все статистические данные по флуктуации изобразительных искусств опубликованы П. Сорокиным в первом томе его "Social and Cultural Dynamics" (N. Y., 1937).

Среди всех изученных картин и скульптур процент религиозных и светских картин по векам получается следующим:

	До X века	X—XI века	XII—XIII века
Религиозные	81.9	94.7	97.0
Светские	18.1	5.3	3.0
В целом	100	100	100
	XIV—XV век	XVI век	XVII век
Религиозные	85.0	64.7	50.2
Светские	15.0	35.3	49.2
В целом	100	100	100
	XVIII век	XIX век	XX век
Религиозные	24.1	10.0	3.9
Светские	75.9	90.0	96.1
В целом	100	100	100

Цифры убедительно свидетельствуют о том, что средневековая живопись и скульптура были преимущественно религиозными. Роль религиозного фактора начала снижаться лишь после XIII века и наконец становится совершенно незначительной в XIX и XX столетиях. Одновременно процент светских картин и скульптур, которые фактически отсутствовали в средние века, увеличивается с XIII века приблизительно до 90—96% от числа всех известных картин и скульптур XIX—XX веков.

Такая же ситуация наблюдается в музыке, литературе и архитектуре.

Средневековая музыка представлена Амброзианским, Григорианским и другими хорами религиозного содержания. Почти на все 100% музыка была религиозной. В период между 1090 и 1290 годами появляется впервые светская музыка трубадуров, труверов и миннезингеров. С тех пор светская музыка неуклонно шла в гору. Среди ведущих музыкальных сочинений доля религиозных падает до 42% в XVII—XVIII веках, до 21% в XIX веке и, наконец, до 5% в XX веке. Процент же светских сочинений вырастает соответственно до 95% в наше столетие.

Точно так же и в литературе в период с V по X век почти нет светских шедевров. Произведения греко-римских поэтов и писателей настолько радикально изменены и подвержены столь сильной символической переинтерпретации, что у них осталось мало общего со своими оригиналами, и они скорее служат лишь своеобразным придатком религиозной литературы. В период с IX по начало XII века появляются несколько полусветских, полурелигиозных произведений, подобно "Heliand"^{1*}, "Hildebrandslied"^{2*}, "La Chanson de

¹ * "Хелианд" — памятник древнесаксонского эпоса начала IX в. Его тема — жизнь Христа. Евангелический рассказ сильно упрощен и германизирован. Сам же Христос изображен в облике германского вождя. Эпос служил популяризации христианства среди недавно обращенных саксов.

² * "Песнь о Хильдебранде" — древнейшее произведение германской героической поэзии. Сохранился лишь фрагмент "Песни", случайно уцелевший на страницах обложки трактата богословского содержания начала IX в., который представляет собой копию более древнего оригинала. Историческая основа "Песни о Хильдебранде" — эпоха "великого переселения народов" — борьба основателя остготского государства в Италии Теодориха Великого (ок. 452—526 гг.) с Одоакром, низложившим в 476 г. последнего западноримского императора.

Roland”^{1*}, ”Le Pèlerinage de Charlemagne”^{2*}. Но лишь во второй половине XII века появляется истинно светская литература. Наконец, в словесности XVIII—XIX веков процент светских произведений поднимается до 80—90% в зависимости от того, какую страну мы изучаем.

В *архитектуре* средневековья фактически все выдающиеся творения представляли собой соборы, церкви, монастыри, аббатства. Они господствовали над городами и селами, воплощая творческий гений средневековой архитектуры. Напротив, в течение нескольких последних веков Нового времени подавляющее большинство архитектурных творений были светскими по своему характеру — дворцы правителей, особняки богачей, ратуши и другие городские административные здания, конторы, железнодорожные вокзалы, музеи, филармонии, оперные театры и т. п. Среди подобных строений и такие, как Empire States Building, Chrysler Building, Radio City^{3*}, башни редакций столичных газет; среди них огромные соборы наших городов и вовсе затерялись.

Эти неоспоримые факты не оставляют никакого сомнения относительно идеационального характера средневековых изобразительных искусств и светской природы искусства последних четырех веков, особенно в XVIII—XX веках. Они показывают, как от века к веку происходило это изменение. Среди прочего они показывают, что темы, к которым обращалось искусство XIII века, оставались по преимуществу религиозными.

Другой важный аспект идеационального, идеалистического и чувственного искусства — их стиль: является ли он формальным и символическим или визуальным и чувственным. Изменения, происшедшие в этом русле, очерчены мною в следующих суммарных данных относительно доли каждого из стилей в европейской живописи и скульптуре в течение рассматриваемых веков.

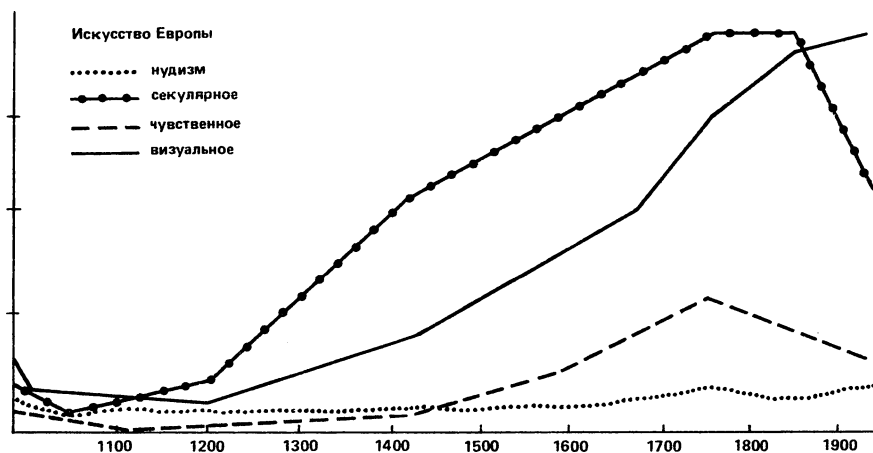
¹ * ”Песнь о Роланде” — памятник французского героического эпоса. Древнейшая редакция текста относится, по-видимому, к концу XI — началу XII в. В основе поэмы лежат исторические события VIII в. В 778 г. аррьергард армии Карла Великого был уничтожен басками в Пиренейских горах. Среди погибших франков был и глава ”бретонской марки” Роланд. В народной поэме эти события приобрели несколько иные очертания: баски заменены сарацинами, а одногодичный испанский поход Карла превращен в семилетнюю войну.

² * ”Паломничество Карла Великого” (начало XII в.) — один из древнейших памятников французского героического эпоса, повествующий о путешествии Карла Великого (правил в 768—814 гг.) и его рыцарей в Константинополь. Подобно богатырям в народных песнях и сказках, Карл, как, впрочем, и его рыцари, похваляется перед женой своим могуществом и силой, а затем отправляется помериться силой с византийским императором Гугоном. В конце концов ему удается выполнить свои обещания благодаря силе святых реликвий, которые французы получили во время паломничества в Иерусалим.

³ * Эмпайр Стэйтс Билдинг, Дом Крайслера, Радио-сити — крупнейшие небоскребы Нью-Йорка. Фирменный небоскреб компании Крайслер строился в 1928—1930 гг. и состоит он из 77 этажей. Эмпайр Стэйтс Билдинг — самый крупный небоскреб Нью-Йорка и Америки, строился всего 14 месяцев — с февраля 1930-го по апрель 1931-го; он занимает центральное положение в городе, а его вершина стала популярной обсервационной точкой, откуда наблюдают панораму Нью-Йорка с высоты 102-го этажа.

	До X века	X—XI века	XII—XIII века
Стили:			
Визуальный (чувственный)	13.4	2.3	6.0
Идеациональный (символический, формальный)	77.0	92.2	51.1
Экспрессионистический	—	—	—
Смешанный	9.6	5.5	42.9
В целом	100	100	100
	XIV—XV века	XVI век	XVII век
Стили:			
Визуальный (чувственный)	53.6	72.0	90.6
Идеациональный (символический, формальный)	29.2	20.3	5.9
Экспрессионистический	—	—	—
Смешанный	17.2	7.7	3.5
В целом	100	100	100
	XVIII век	XIX век	XX век
Стили:			
Визуальный (чувственный)	96.4	95.5	61.5
Идеациональный (символический, формальный)	2.5	0.3	0.7
Экспрессионистический	—	2.8	35.5
Смешанный	1.1	1.4	2.3
В целом	100	100	100

Следующая диаграмма иллюстративно суммирует наиболее значительные цифры, показывающие подъем волны чувственной формы искусства с 1200 по 1930 год. Она также дает информацию и по другим дополнительным характеристикам.

Преимущественно идеациональный (символический, иератический, формальный) стиль средневековья и в основном визуальный (чувственный) стиль последних пяти столетий налицо. В XIII—XIV веках идеациональное искусство уступает первенство сначала идеалистической, а уже после — чувственной форме. XX век характеризуется резким спадом визуально-чувственного стиля и заметным ростом экспрессивной манеры, нарушая тем самым наметившуюся с XIII по XIX век тенденцию.

С некоторыми модификациями подобные переходы происходили в других видах изящных искусств.

В литературе мы наблюдаем, как после XII века чисто религиозная, символическая литература сперва уступила место аллегорической словесности XIII—XIV веков, а затем — реалистической, натуралистической манере последних четырех столетий.

В музыке мы наблюдаем, как уменьшается доля простой и при этом возвышенной музыки хоралов и постепенно увеличивается доля музыки, богатой чувственными изысками. Этот процесс выразился, в частности, в замене неприукрашенной унисонной музыки хоралов полифонией, контрапунктом и фугой, гармонией и монофонией, сложными ритмами и динамическими контрастами, увеличением числа и разнообразия инструментов и другими технически усовершенствованными музыкальными средствами. Наконец, наш век вводит такие музыкальные инновации, как хроматическая гамма, атональность и какофония. Мы не должны забывать, что знаменитая римская школа времен св. Григория^{1*} имела только семь певцов. Даже намного позднее, несмотря на всю роскошь католической Сикстинской капеллы, в ней было не более 37 певцов, и то это количество было сокращено до 24 во времена Палестрина (ок. 1565 г.)^{2*}. Оркестра и инструментального сопровождения не было. Затем, шаг за шагом, качественно и количественно увеличивались хоровые и инструментальные средства. "Орфей" Монтеверди (1607 г.) был рассчитан на 30 инструментов; оркестры для исполнения музыки Баха, Люлли, Станица были тех же размеров. Большинство известных симфоний XVIII века (от Моцарта до Бетховена) были рассчитаны на еще большее число инструментов — около 60. Симфонии XIX—XX столетий (от Берлиоза и Вагнера до Малера, Штрауса и Стравинского) предназначены для 100 и более инструментов. Таков путь качественной и количественной эволюции музыки в течение чувственных веков.

В архитектуре развитие шло в том же самом направлении — к чувственности: от романского и готического стилей к нарядной пламенеющей готике, к подражанию стилям Ренессанса, к пышному барокко и еще более незрелому рококо и, наконец, в XIX веке — к непосредственной, чрезмерно декоративной викторианской манере и волне подражаний готическому, романскому, мавританскому и другим стилям. Эти стили отмечены показной пышностью и нарядностью, утилитарностью и эклектичностью. Лишь XX век, как мы увидим, подает первые признаки надежды, а именно надежды на интеграцию.

¹ * Григорий I — римский папа с 590 по 604 г., превративший некогда великий императорский Рим в Рим св. Петра, претендовавшего на главенство над всем христианским миром. При нем были канонизированы важнейшие догматы христианской религии и идеологии.

² * Палестрина Джованни (1525—1594 гг.) — великий итальянский композитор, глава римской школы; был членом певческой коллегии Сикстинской капеллы. Творчество Палестрины было направлено на "чистку" музыкальной культуры от контрапунктических ухищрений полифонии, чтобы сделать ее доступной и не мешающей произношению слов текста.

Другие характеристики, которые демонстрируют те же переходы западных искусств от одной формы к другой, заключены в трансформации их тем и стилей. Обратимся к примеру *духовно-аскетичной и чувственной атмосферы* картин и скульптур. В средневековый период с VI по XIV век процент чувственных произведений колеблется от 0 до 0,8%. В последующие столетия он поднимается до 20,2% в XVII веке, 23,6% в XVIII веке, 18,4% в XIX веке и вновь понижается до 11,9% в XX веке — веке кризиса. Средние века не дали картин чувственного, сексуального характера; абсолютное большинство средневековых произведений высокодуховны и аскетичны. За последние три века, наоборот, процент преимущественно духовных картин резко падает до незначительной доли, а процент чувственных картин быстро поднимается, особенно в XVIII—XX веках. В средневековом воспроизведении обнаженной натуры процент эротизма равен нулю, за последние же столетия он поднимается до 21,3% в XVII веке, 36,4 в XVIII веке, 25,1 в XIX веке и 38,1% в XX веке. Вся схожая симптоматика явствует и из процентного соотношения для тем изученных нами картин и скульптур:

Столетия:	Пейзаж	Портрет	Жанр	Эротика
До XX века	—	1.4	5.4	—
X—XI века	—	0.4	1.6	—
XII—XIII века	—	0.9	0.5	—
XIV—XV века	0.1	6.6	4.1	—
XVI век	1.6	11.5	5.3] от 3 до 49% в зави- симости от изучаемой страны
XVII век	2.9	17.8	14.9	
XVIII век	6.6	21.8	25.3	
XIX век	15.4	18.9	35.9	
XX век	21.6	18.0	37.4	

Те, кто желает получить более подробную статистическую информацию и некоторые дополнительные к ней штрихи, могут найти все это в моей книге "Социальная и культурная динамика" (Т. 1. Гл. 5—13). Для наших текущих целей вышеупомянутых статистических данных вполне достаточно, дабы вновь подтвердить наш тезис, касающийся тенденций развития западных изобразительных искусств от средневековой идеациональной формы к идеалистической форме XIII—XIV веков и, наконец, к чувственной форме периода XIV—XX веков.

3. Современный кризис в западных изящных искусствах

Итак, мы вплотную подошли к анализу современного кризиса в изобразительных искусствах Запада. В чем его смысл и каковы его симптомы? Уже был дан общий ответ касательно природы кризиса: он заключается в разрушении чувственной формы, которая господствовала в течение последних пяти столетий. Во второй половине XIX и в начале XX века чувственное искусство достигло стадии зрелости и с этого момента постепенно становится бесплодным и внутренне противоречивым. Эта все возрастающая бессодержательность делает искусство все более и более стерильным и, следовательно, отвращает от него. Его все возрастающие внутренние противоречия усиливают присущий ему дуализм и разрушают его единство, то есть самую его природу.

Достижения нашего чувственного искусства. Давайте совершим краткий экскурс в период его *Blütezeit*^{1*} и в период возрастающей слабости

¹ * расцвет (нем.).

его последнего этапа — декаданса. Воистину западное чувственное искусство изобилует выдающимися достижениями.

Чисто с технической стороны оно более совершенно, чем чувственное искусство любого другого века и культуры. Наши мастера искусства остаются непревзойденными во владении техническими средствами. Они могут имитировать примитивное искусство, искусство Фидия или Полигнота, готических соборов и египетских пирамид, Рафаэля и Микеланджело, Гомера и Данте, Палестрина и Баха, греческого и средневекового театра. Вдобавок ко всему современное искусство достигло *chefs-d'oeuvre*^{1*}, неведомого предшествующим периодам.

Количественно наша культура создала творения искусства, *беспримерные и по своему объему, и по своему размеру*. Наши здания сделали карликовыми самые огромные строения прошлого; лилипутскими кажутся старые оркестры и хоры по сравнению с оркестрами и хорами нашего времени; то же самое можно сказать и о романах и поэмах. Результат — наше искусство описывает жизнь масс с невиданным до сих пор размахом. Оно проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации — от прозаических инструментов и орудий (подобно ножам, вилкам, столам и автомобилям) до домашней обстановки, одежды и многого другого. Если раньше музыка, картины, скульптуры, поэмы и драмы были доступны только избранному меньшинству, которому посвящались оказываясь в той комнате, где исполняли музыку, выставляли картины или скульптуру, читали поэму или разыгрывали драму, то в настоящее время почти каждый может наслаждаться симфониями, исполняемыми лучшими оркестрами; драмами, разыгрываемыми лучшими актерами; литературными шедеврами, опубликованными тысячами тиражами и проданными за приемлемую миллионную цену или доступными во множестве библиотек; картинами и скульптурами в оригинале, выставленными в музеях и размноженными в бесчисленном множестве отличных копий, и т. п. и т. д. С минимальной затратой энергии каждый может оказаться наедине с любым предметом искусства. Это искусство вошло в повседневную жизнь современного человека, найдя отражение в колере и линиях его автомобиля, в цвете и форме его одежды, в изгибе линий его обуви и стола, в мельчайших аксессуарах его ванной комнаты. Социально-культурные предметы, проданные даже в дешевых магазинчиках, не есть чисто предметы потребления, они включают в себя большую долю чувственной красоты. Вместо того чтобы быть редким искусственным растением, выращенным только в нескольких "яслях" малой группой художников и доступным нескольким счастливым, красота и искусство стали рутинной принадлежностью всей западной культуры, оказывающей влияние на каждую деталь нашего жилища, на каждый дюйм улиц и магистралей, парков и на все другие стороны нашей социально-культурной жизни. Это бесспорно немалое достояние. Оно означает всестороннее приукрашивание всей жизни и культуры человека.

Другим значительным достоинством нашего искусства является его *бесконечное многообразие* — типичная черта любого чувственного искусства. Оно не ограничено каким-либо одним стилем или сферой, как искусство всех предшествующих эпох. Оно так богато своим разнообразием, что на любой вкус можно найти встречное предложение. Примитивное, древнее, египетское, восточное, греческое, римское, средневековое, классическое, романтическое, экспрессионистическое,

¹ * шедевр, совершенство (*фр.*).

импрессионистическое, реалистическое и идеалистическое, искусство Возрождения, барокко, рококо, визуальное и осязательное, идеациональное и чувственное, кубистское и футуристское, старомодное, религиозное и светское, консервативное и революционное — все эти стили наравне друг с другом присутствуют в нашем искусстве. Оно как энциклопедия или гигантский универмаг, где каждый может найти все, что он ищет. Такое разнообразие, да еще в таком широком ассортименте, не знало ни одно чувственное искусство прошлого. Это конечно же уникальное явление. И оно заслуживает скорее похвалы, чем хулы.

Наконец, чувственное искусство, высказывающее уважение к ценностям своих величайших творений, не нуждается в апологии Баха, Моцарта и Бетховена, Брамса, Вагнера и Чайковского, и нет необходимости приносить извинения композиторам предшествующих эпох. То же касается Шекспира, Гете и Шиллера, Гюго и Бальзака, Диккенса, Толстого и Достоевского; строителей могущественных небоскребов, выдающихся актеров и наиболее именитых художников и скульпторов от Ренессанса до наших дней. Любой мастер нашего чувственного искусства столь же искусен в своей области, как и любой мастер предшествующих периодов и культур.

Во всех этих отношениях современное искусство обогатило культуру и в значительной степени обогородило самого человека.

Недуги нашего чувственного искусства. Но рядом с этими великолепными достижениями наше чувственное искусство включает в себе самом вирусы распада и разложения. Эти патологические вирусы суть врожденные. Пока искусство растет и развивается, они еще неопасны. Но когда оно истрачивает большую часть запаса своих истинно творческих сил, они становятся активными и обращают многие добродетели чувственного искусства в его же пороки. Этот процесс обычно приводит к аридной стерильности его последней фазы — декаданса, а затем — к разрушению. Уточним это положение. Во-первых, функция давать наслаждение и удовольствие приводит чувственное искусство на стадию разрушения оттого, что одна из его базовых социально-культурных ценностей низводится до простого чувственного наслаждения уровня "вино — женщины — песня". Во-вторых, пытаясь изображать действительность такой, какой она открывается нашим органам чувств, искусство постепенно становится все более и более иллюзорным, не отражающим суть чувственного явления, то есть ему суждено стать поверхностным, пустым, несовершенным, обманчивым. В-третьих, в поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала как необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от обычных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности к социальным отстойникам, и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности. В-четвертых, его чарующее разнообразие побуждает к поиску еще большего многообразия, что приводит к разрушению гармонии, единства, равновесия и превращает искусство в океан хаоса и непоследовательности. В-пятых, это многообразие вместе со стремлением дать людям больше наслаждений стимулирует все возрастающее усложнение технических средств, что, в свою очередь, приводит их к логическому завершению, а это — вред, наносимый внутренним ценностям и качеству изобразительных искусств. В-шестых, чувственное искусство, как мы видели, — это искусство, создаваемое для публики профессионалами. Такая специализация сама

по себе благо, однако она приводит на последних стадиях развития чувственной формы к отдалению художника от его репрезентативной общности — фактор, от которого страдают и те и другие, да и сами изобразительные искусства.

Таковы внутренние достоинства чувственного искусства, которые в процессе своего развития все больше превращаются в его же пороки, а это в результате ведет к разрушению искусства. Рассмотрим подробнее каждый из этих недугов.

Искусство Греции до III века до нашей эры и искусство средних веков никогда не опускалось до уровня развлекательного и потребительского. Художником, как и публикой, оно воспринималось или как олицетворение платоновского идеала абсолютной красоты, или как олицетворение абсолютной ценности Бога. Оно не было отчуждено от религиозных, моральных, познавательных и социальных ценностей. Оно было неразрывно связано со всеми другими фундаментальными ценностями: с Богом, истиной, добром и величием абсолютной красоты. Как таковое, оно никогда не было пустой оболочкой для "искусства ради искусства". Оно было величественным, спокойным, поучительным и облагораживающим, религиозным и идеалистическим, интеллектуально, морально и социально вдохновляющим. Оно полностью игнорировало негативное начало в человеке и мире, который его окружает. Ничего грубого, вулгарного, унижающего человеческое достоинство или патологического не находило в нем места. Его темами были благороднейшие тайны этого и потустороннего мира; его героями и персонажами, как мы видели, были главным образом святые, боги и полубоги. Без специальных на то намерений оно возносило человека и его культуру до недостижимых высот, увековечивая мертвых, облагораживая рутинное, приукрашивая посредственное, идеализируя всю человеческую жизнь. Это было олицетворение абсолютных ценностей в отношении эмпирического мира.

Сам художник как бы творил, дабы процитировать вновь и вновь известное высказывание Теофила: "*Nec humane laudi amore, nec temporalis premii cupiditate... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei*"^{1*}. Его творчество для него самого выступало службой, обращенной к Богу и человечеству, исполнением его религиозного, социального, морального и художественного долга.

Таков был дух искусства Фидия (Парфенон) и средневековых соборов. Таковым он оставался до XVIII—XIX веков, воплощенный в произведениях Баха, Бетховена и их *confreres*^{2*} по музыке и другим областям искусства.

Приближаясь к современному состоянию, мы приходим в шок от того контраста, с которым сталкиваемся. Искусство постепенно становится товаром, произведенным в первую очередь для продажи, мотивированным *humane laudis amore et temporalis premii cupiditate*; ради релаксации, потребности, развлечения и удовольствия, для стимуляции уставших нервов и сексуального возбуждения. Кого сейчас, кроме маленькой кучки старомодных чудаков, интересуется искусство, которое не развлекает, не доставляет удовольствия, не возбуждает и не расслабляет, как цирк, как внимание очаровательной девушки, как стакан вина или хорошая еда?! Но ведь оно обслуживает рынок, а потому не может игнорировать его запросы. А поскольку большая часть этих запросов

¹ * См. примечание на с. 441.

² * собратья, коллеги (*фр.*).

вульгарна, то и искусство само не может избежать вульгаризации. Вместо того чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы. Так как ему приходится развлекать, возбуждать и расслаблять людей, то как это искусство может избежать сенсационности, не стать постепенно все более и более "потрясающим", экзотичным и патологичным? Оно вынуждено фактически пренебрегать всеми религиозными и моральными ценностями, так как они редко бывают "развлекательными" и "забавными", подобно вину и женщинам. Поэтому оно все более и более отстраняется от культурных и моральных ценностей и постепенно превращается в пустое искусство, эвфемистично названное "искусством ради искусства"; оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще — *безнравственно, антирелигиозно и антисоциально*, всего лишь позолоченная раковина, с которой можно поиграть, позабавиться в минуты расслабления.

Как коммерческий товар для развлечений, искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды. Но любой товар на рынке относительно недолговечен. И если современному художнику не хочется голодать, ему не следует создавать вечные ценности, независимые от прихотей и капризов времени. Он неизбежно тем самым становится рабом рыночных отношений, "производящим" свои "товары" в угоду спроса. Такая атмосфера чрезвычайно неблагоприятна для создания истинных и вечных ценностей. Она ведет к массовой продукции преходящих "хитов" и недолговечных "бестселлеров". Подобная ситуация творит из коммерческих дельцев высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации. Эти дельцы, навязывающие свои вкусы публике, влияют тем самым и на ход развития самого искусства. Как бы уважительно мы ни относились к честному бизнесмену, мы вправе все же скептически относиться к его способностям как *arbiter elegantiarum*^{1*}. Чаще все-таки, если и не всегда, он не совсем компетентен в этих вопросах.

Как чистое средство развлечения, современное искусство, естественно, переходит в иной статус. Из царства абсолютных ценностей оно опускается до уровня производства ценностей товарных. Неудивительно, что к нему по-иному начинают относиться и публика, и сами художники. Искусство становится всего лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки и им подобным. Это суждение нередко высказывается на радио, в газетах, рекламой и телевидением. Однако сомнительны не только художественные ценности текущего момента, но даже величайшие творения мастеров настоящего времени опускаются до уровня этакого придатка. Каждый день мы слышим избранные темы Баха и Бетховена, но как приложение к красноречивой рекламе таких товаров, как масло, банковское оборудование, автомобили, крупы, слабительные средства. Они становятся всего лишь "спутниками" более "солидных" развлечений, таких, как пакетик воздушной кукурузы, стакан пива или виски с содовой и льдом, свиная отбивная, съеденная во время концерта или на выставке.

В результате божественные ценности искусства умирают и во мнении публики. Граница между истинным искусством и чистым развлечением стирается: стандарты истинного искусства исчезают и постепенно заменяются фальшивыми критериями псевдоискусства. Таковы первые признаки разрушения искусства, художника и самого человека, заключенные

¹ * арбитр изящного, законодатель общественных вкусов (*лат.*).

в развитии чувственного искусства. *Второй недуг чувственного искусства проявляется в его тенденции становиться все более и более поверхностным в отражении и воссоздании самого чувственного мира.* Как мы видели, оно стремится отразить мир таким, каким он открывается нашим органам чувств. При этом оно не подразумевает какую-нибудь сверхчувственную ценность за чувственными формами. Оно существует или исчезает в зависимости от способности отражать и воспроизводить этот чувственный мир как можно правдивее. Такая функция искусства обязательно ограничивает его, главным образом поверхностными явлениями. Художник или скульптор, чья цель воспроизвести данный пейзаж, жанровую сценку или человека с максимальным чувством иллюзорности, — скорее художник, посвятивший себя внешней форме, а не сути явлений. К примеру, школа импрессионистов конца XIX века дает нам лишь иллюзию того, как выглядит данный объект в данный момент, или то впечатление, которое производит на нас быстро меняющаяся поверхность предмета. Любой художник такого типа неизбежно ограничивается не просто внешними проявлениями объекта, а его образами в некий данный момент, так как из-за непрекращающейся игры света и теней поверхность предмета постоянно меняется.

С соответствующей корректировкой все сказанное можно повторить и применительно к другим изящным искусствам чувственной формы. Они редко обладают способностью схватить суть явления. Успех чувственной музыки зависит от внешних ценностей, то есть комбинации звуков. Вне звуков не существует никакой чувственной ценности, к которой можно апеллировать. Чувственная литература — это вновь "бихевиористическое отражение" поверхностной психологии, поверхностных событий и персонажей. Любой представитель чувственного искусства, таким образом, обречен изображать лишь поверхностные сферы изображаемых явлений. В этом отношении оно является близнецом фотографии. Не случайно это искусство развилось как раз в то время, когда чувственное искусство Запада стало декадентским и импрессионистским. Как и фотография, чувственное искусство может "сфотографировать" любой объект или явление чувственного мира в его мгновенном внешнем проявлении. Неудивительно, что фотография, будучи более простой, дешевой и механической, вытеснила с рынка многие виды чувственного искусства.

В период поступательного роста и даже в период зрелости чувственное искусство, пока оно еще касается вечных ценностей, чрезвычайно избирательно в отборе предметов и событий, которые могут быть изображены или воссозданы. Оно сознает, что не все в чувственном мире достойно отображения. Оно все еще выбирает более существенные ценности и явления в качестве своих тем. В этом смысле искусство еще не отделено от религии, этики, гражданских ценностей и науки. Оно помнит свое божественное происхождение и свою великую миссию. На ранних ступенях развития оно хоть и отражает поверхность чувственных явлений, но отбирает в первую очередь те из них, которые важны и аспекты которых приближают к пониманию сути явлений. Чувственное искусство ранних ступеней еще не целиком поверхностно и плеонастично. К несчастью, основные цели чувственного искусства — развлекать, доставлять удовольствие, возбуждать или расслаблять людей, а потому ему не суждено было долго находиться на этой стадии развития. Основные чувственные ценности из-за многократного повторения стали терять свою прелесть и новизну, становились скучными и банальными. Без новизны же искусство теряет свою развлекательную ценность. Чтобы сохранить привлекательность, искусство

вынуждено в подобных условиях со все возрастающей скоростью переходить от одного объекта, события, стиля, модели к другим. Действительно, трудно уловить адекватно нечто единое, основное в своих темах, которые становятся всего лишь скользкими тенями, схваченными объективом камеры, при этом наведенной с головокружительной скоростью. Продукты такой камерной съемки становятся неизбежно все более поверхностными, случайными и мгновенными снимками действительности. А отсюда — все прогрессирующая поверхностность чувственного искусства на поздних ступенях развития периода разрушения.

Правда, к этому тупику можно прийти и по-иному. Для того чтобы успешно "продать" на рынке, чувственному искусству приходится поражать публику, быть сенсационным. На ранних стадиях его нормальные персонажи, нормальные позитивные события и нормальный, хорошо отлаженный стиль обладают очарованием новизны. Но со временем его темы, повторяясь неоднократно, становятся привчными и банальными. Они теряют свою способность волновать, стимулировать, возбуждать. Поэтому искусство приступает к поиску экзотичного, необычного, сенсационного. Вместе с постоянно меняющимися капризами рынка это приводит на поздних ступенях развития к искусственному отбору тем и персонажей. Вместо типичных и существенных тем оно выбирает такие аномальные и пустые темы, как преступный мир, сумасшедшие, нищие, "пещерные люди" или "шикарные женщины". Эта концентрация на аномальных, искусственных и случайных явлениях делает природную поверхность чувственного искусства еще более очевидной, а отражение объективной реальности более обманчивым, пустым и извращенным. Именно этой ступени достигло в настоящее время наше чувственное искусство. Оно стало подобным лодке без весел, которую швыряет из стороны к стороне переменчивый ветер капризных требований рынка и бесконечные поиски сенсационного. Оно достигло состояния кривых зеркал, которые отражают только тени мимолетных и случайных явлений. Таков второй недуг нашего чувственного искусства — тоже врожденный по своей природе, как и первый.

Описанный выше недуг ведет, в свою очередь, к третьему: *к болезненной концентрации чувственного искусства на патологических типах людей и событиях*. Как уже было отмечено, героями и нормативными персонажами греческого и средневекового искусства были главным образом Бог, языческие божества, полубоги, святые и благородные герои — носители фундаментальных положительных ценностей. Темами, которые изображало это искусство, были: тайны царства Бога; трагедии жертв рока, подобно Эдипу; подвиги таких полубогов и героев, как Прометей, Ахилл, Гектор, святых средневековья или короля Артура и его рыцарей. В этом искусстве не было места ни посредственным, ни субсоциальным типажам. Прозаические повседневные события человеческой жизни и в особенности негативные и патологические аспекты попросту игнорировались. А если некогда и вспоминали о монстрах, дьяволах, порочных личностях или негативных явлениях жизни, то лишь для того, чтобы сильнее оттенить позитивные ценности. И греческое искусство до III века до нашей эры, и искусство средних веков придавали бессмертие умершим, избегали всего прозаического и посредственного, а также всего негативного и патологического. Это было высокоизбирательное искусство в отношении фундаментальных ценностей царства Бога, природы или социально-культурной жизни человека. Это было искусство, прославляющее человека, возвышающее человека и поднимающее его до уровня сына Бога или бессмертных и полусмертных героев. Оно напоминает ему о его божественной природе и о значимости его миссии на земле.

Переходя от средних веков к более близким нам временам, мы видим, как ситуация изменяется. Возвышающие и идеализирующие направления искусства начинают исчезать и постепенно заменяются их противоположностями. Когда мы подходим к искусству наших дней, контраст становится уже шокирующим. Как и современная наука и философия в своих низменных проявлениях (см. об этом следующую главу), современное искусство делает бессмертных смертными, освобождая их от всего божественного и благородного. Более того, оно игнорирует почти все высокое и благородное в самом человеке, в его социальной жизни, культуре, садоводстве, заостряя внимание на всем посредственном и в особенности негативном, патологическом, антисоциальном и получеловеческом. В музыке, литературе, живописи, скульптуре, театре и драме "герои" избираются из прозаических, патологических или негативных типажей. Все это имеет место и по отношению к событиям, которые они изображают. Домохозяйки, фермеры и рабочие, бизнесмены и торговцы, стенографистки, политики, доктора, юристы и министры, детективы, преступники, гангстеры и "прохиндеи", жестокие, вероломные, лжецы, проститутки и любовницы, сексуальные извращенцы, ненормальные, шуты, уличные мальчишки или искатели приключений — таковы "герои" современного искусства во всех его проявлениях. Даже тогда, когда, как исключение, современный роман, биография, историческое произведение выбирают себе благородную или героическую тему (будь то Вашингтон, Байрон или некий святой), то они начинают, в соответствии со своим основным психоаналитическим методом, "развенчивать" своего героя.

Так, в области музыки основные "герои": комедианты, шуты, убийцы ("Петрушка", "Паяц"), контрабандисты и проститутки ("Кармен"), беременные женщины и их любовники ("Песни Гурре"), соблазненные женщины ("Фауст"), урбанизированные "пещерные мужчины" и "пещерные женщины" ("Весна священная"), сумасшедшие ("Император Иоанн"), романтические разбойники ("Роберт — дьявол"), экзотичные и эротичные типы, представленные Манон, Таис, Саломеей, Сапфо, Исламеей, Тамарой, Айдой, не говоря уже о многих перwokлассных операх, сюитах и других музыкальных произведениях. Еще более вульгарные, отрицательные и патологические герои музыкальной комедии и *opéra bouffe*^{1*}. Музыка XIX—XX веков превращается постепенно из возвышенной и героической в посредственную и патологическую. Мои статистические исследования показывают, что с 1600 по 1920 год среди ведущих музыкальных произведений число сатиро-комических и жанровых сочинений увеличилось с 24 в XVII веке до 106 в XIX веке, а число героических произведений соответственно уменьшилось со 123 до 63.

Еще более заметен патологический крен в литературе, живописи и скульптуре. В этих сферах "героями" стали Баббиты, извращенные и психически нездоровые характеры Хэмингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького, д'Аннунцио и т. п., состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанные среди посредственностей. Преступники и детективы нашей "релаксирующей" литературы и "триллеров" как бы созданы для того, чтобы вновь подчеркнуть эту мысль. В области драмы большинство персонажей в произведениях Чехова, Горького и О'Нила психически ненормальные и извращенные отщепенцы или же попросту открытые преступники, а в лучшем случае — обыкновенные посредственности.

¹ * опера-буфф, комическая опера (*фр.*).

Еще более потрясает патология и вульгарность, превалирующая в современных кинофильмах. Рецепт любого сценария очень прост. Девушка из "неплохого" общества влюбляется в гангстера, который старается убедить ее, что он герой, а вовсе никакой не гангстер. Или, если роли поменялись, — проститутка, заманивающая в ловушку малолетнего "отпрыска" из высшего света. В обоих случаях "дух" один и тот же. Статистические исследования показывают, что от 70 до 80% всех предлагаемых публике фильмов сосредоточены на преступлениях и сексуальной любви.

Ту же тенденцию демонстрируют современные американская и европейская живопись и скульптура. Их основные персонажи не Бог, святые или истинные герои, а шахтеры, фермеры, рабочие, бизнесмены, хорошенькие девушки с соблазнительными изгибами тела, преступники, проститутки, уличные мальчишки и т. д. Изображаемые события: либо привычные дела нашей повседневной жизни, либо этакое экзотическое или патологическое. В редких случаях действительно благородных сюжетов, подобно "Христу" или "Адаму" Эпштейна, предмет изображения низведен до уровня полупещерного человека. Даже в такой, казалось бы, специализированной области, как портретная живопись, около 88% известнейших произведений мастеров XX века посвящены представителям низших классов, буржуазии, в то время как только 9% средневековых портретов имели дело с этими "классами" людей, остальные изображали представителей правящих семейств, аристократии или высшего духовенства.

В добавление к сказанному все области современного искусства демонстрируют преувеличенную склонность к *satire* и *карикатуре* — стиль малоизвестный в средние века. Все и вся — от Бога до Сатаны — высмеивается и унижается. Мы искренне наслаждаемся таким унижением, которое стало главенствующим в торговле множества слабопрестижных журналов и других периодических изданий. Более того, наше искусство сексуально неуравновешенное, извращенное, а подчас и садистское. Секс и любовь извращаются насмешливыми припевами (как в эстрадных шлягерах "Мы целуемся, и ангелы поют" или "Небеса могут и подождать; рай — здесь"), которые оскверняют самые хранимые моральные и религиозные ценности.

Обобщая, можно сказать, что современное искусство — преимущественно музей социальной и культурной патологии. Оно сконцентрировано в полицейских моргах, в убежищах преступников, на половых органах, оно действует главным образом на уровне социального дна. Если мы признаем, что это искусство правдиво изображает человеческое общество, то человек и его культура обязательно потеряют наше уважение, а тем более восхищение. Покамест оно искусство поношения и унижения человека, оно подготавливает почву для своей же собственной гибели как культурной самоценности. Четвертый недуг: *многообразие чувственного искусства постепенно приводит его ко все возрастающей непоследовательности и дезинтеграции*. Какую смесь разнородных стилей, моделей и форм оно показывает: от имитации архаичных, примитивных, классических, романтических стилей до самых причудливых современных. Взятое в целом, оно представляет собой рудиментарный комплекс, лишенный единства и гармонии. Но так как любое искусство, достойное этого имени, должно быть интегрированным, то эта дезинтегрированная агломерация неизбежно является бессвязной. Еще более серьезна его *внутренняя, или духовная, бессвязность*. Музыкальное сочинение, представляющее из себя смесь из Григорианских хоралов, произведений Палестрины, Моцарта, Вагнера, Стравинского, перемешанное

с джазовыми ритмами, повсвистываниями эстрадных певцов, есть *попури*, лишенное выразительного единства. То же можно сказать и о литературном произведении, составленном из стилей Данте, Золя, "Романа о Розе", Шекспира. Причина такой неоднородности, пронизывающей почти все наше современное искусство, без труда обнаруживается в многообразии манер и стилей. Чем богаче это многообразие, тем труднее его ассимиляция и объединение в единый, постоянно выразительный стиль. Только гений может добиться такого единства.

Феноменология этого процесса высвечивается еще более отчетливо в искусстве кубистов, футуристов, пуантилистов, дадаистов и других "сверхмодных" направлений. Как мы увидим позже, эти направления несут в себе протест против чувственного искусства внешнего проявления, против его акцента на чувственном наслаждении и удовольствии, и в то же время содержат в себе попытку представить суть вещей в их трехмерной реальности и сделать искусство более фундаментальным. И сколь трагически они терпят фиаско в попытке достичь этой достойной похвалы цели! Дадаистская картина или кубистская скульптура вместо того, чтобы давать материальную субстанцию предмета, демонстрируют просто искаженный и бессвязный хаос поверхностей, противоречащий нашему нормальному зрительному и слуховому восприятию. В действительности, мы никогда не увидим предметы на картинах "Скрипка" или "Игрок на лютне" Пикассо такими, какими он их изображает. Более того, мы можем симпатизировать многим современным композиторам в их протесте против снижения музыки до уровня приятно стимулирующего средства пищеварительных процессов. И снова мы встречаемся с неразберихой резких, бессвязных звуков, неприятных, не стимулирующих и не выражающих какую-либо основную идею, единство или ценность. Художник, обладающий богатым ассортиментом технических средств в своем распоряжении, не способен правильно их использовать, поскольку эти средства довлеют над ним, а не наоборот. И так обстоит дело во всех других сферах изобразительного искусства, за возможным исключением архитектуры, которая и сейчас продолжает срывать "оковы" Викторианской безвкусицы и бесформенности.

Эта бессвязность еще сильнее акцентируется волной имитаций, единообразно появившихся на последних стадиях развития чувственного искусства. Чем более декадентским оно становилось, тем больше появлялось подражаний, тем быстрее становился темп последовательных фаз этого процесса. Так как истощается творческий потенциал, то и чувственное искусство все чаще и чаще опирается на изощренную имитацию стилей, начиная с примитивного и архаического искусства и кончая классическим, идеациональным, идеалистическим, романтическим, неоклассическим, неоромантическим стилями, в зависимости от предпочтений художника и требований рынка. Так было в греко-римском мире в первые четыре века нашей эры, так же обстоит дело и с нашим декадентским искусством. Мы имитировали и продолжаем имитировать египетскую, китайскую, греческую, римскую, мавританскую, романскую и готическую архитектуру. Мы имитируем искусство примитивных племен Африки и Австралии, архаизмы египетского, китайского, персидского, центрально-американского и многих других стилей. В особенности мы имитируем искусство негров, крестьянства всех стран, геральдическое искусство средневекового дворянства, иератическое искусство древнего Египта, классическое искусство Греции и искусство Возрождения. Такой поток изощренных имитационных стилей превращает современное искусство в космополитический музей, репрезентирующий все безграничное многообразие стилей и направлений. Эта бессвязность, как

мы уже отметили, сама по себе является симптомом разрушения современного чувственного искусства.

Наконец, разрушение проявляется и *во все возрастающем подчинении качества количеству, внутреннего содержания и гения техническим средствам и приемам*. Так как чувственному искусству приходится быть сенсационным, то оно добивается этого эффекта и количественно, и качественно. Когда же оно не может опереться на свое качественное превосходство, оно обращается к количественному. Отсюда — *болезнь колоссальности*, столь типичная для греко-римского искусства декадентского периода и для теперешнего искусства. Мы конструируем высоченные здания и хвалимся буквально тем, что они самые большие. Мы создаем громадные хоры и оркестры; а чем больше — тем лучше. Книга, проданная *en masse*^{1*}, считается шедевром; пьеса, которая не сходила со сцены дольше всех, принимается за самую лучшую. Наши кинокартины задумываются с размахом и обеспечиваются роскошными аксессуарами. Это верно и по отношению к нашей скульптуре и монументам, нашим всемирным ярмаркам и радиоцентрам. Объем наших ежедневных газет часто превышает труды всей жизни известных мыслителей. Человек, имеющий самый большой доход; колледж с самым большим количеством студентов; эстрадный или радиоартист, имеющий самую большую аудиторию поклонников; фонографическая запись или автомобиль, проданные самым большим тиражом; проповедник или профессор, собравший самую большую аудиторию слушателей; исследовательский проект, затребовавший самые большие затраты; короче говоря, материальная или нематериальная ценность, которая есть самая большая в каком-либо отношении, по этой причине становится самой лучшей. Поэтому, увеличивая число подобных примеров, мы хвалимся тем, что обладаем самым большим числом школ и колледжей, самым большим числом выпущенных кинокартин и опубликованных книг, самым большим числом музеев, церквей, пьес и т. п. По этой же причине мы гордимся массовым художественным и музыкальным образованием.

Вот один из вариантов хвастливого изречения: "В Англии только два университета, во Франции их четыре, а в одном только штате Огайо — 37 колледжей".

Такая количественная мания величия обычно идет во вред качеству. Чем больше и разнообразнее масса материала, тем труднее ее обработать и тем труднее интегрировать ее в единую устойчивую гармонию. Колоссальность неизбежно ведет к ухудшению качества. В то же время, акцент на размерах означает выбор пути наименьшего сопротивления. Любой может взгромоздить массу на массу, количество на количество, но только гений с максимальной экономией средств может создать шедевр. Отсюда — внутренняя пустота наших самых громоздких творений. Современные соборы лишены истинного религиозного духа. Наши университеты выпускают мало или вообще не выпускают истинно гениальных людей. Искусство наших радиоцентров и театров чрезвычайно вульгарно и посредственно. Несмотря на массовое художественное образование, не появились ни Фидий, ни Бетховен, ни Гете, ни Шекспир. То, что все-таки появилось, состоит главным образом из эстрады, джаза, желтой прессы, желтой литературы, желтого кинематографа и живописи! Спустя несколько коротких недель наши лучшие бестселлеры навеки забываются. То же можно сказать о песенных "хитах" на неделю и киноуспехе. Поначалу кажется, что все напевают

¹ * во множестве, целиком (*фр.*).

мелодию или посещают "шоу", но это ненадолго: до тех пор, пока их не затопит навсегда поток новинок. Таким образом, недуг колоссальности не только приносит в жертву качественное превосходство, но и разрушает то искусство, в которое он вторгается.

Разрушение вызывается стремлением нашей культуры подменить цели средствами, гениальность автора техникой. Декадентские периоды, в искусстве ли они, науке, религии или философии, отмечены подменой целей средствами, таланта — специальной тренировкой в мастерстве. Ученые этого периода говорят главным образом о научной технике исследования, хотя сами редко производят что-нибудь выше среднего уровня; критики и художники говорят о технике оркестровки, исполнения, написания, живописи. Техника исполнения становится альфой и омегой искусства. Художники стремятся прежде всего продемонстрировать мастерство владения ею и особенно показать свои собственные художественные изобретения. Отсюда — церебральный характер музыки и живописи, созданных в соответствии с законами одобренного способа. Это и приводит к посредственности исследований. Отсюда — стремление к техническим *tour de force*^{1*}, как свидетельству высшего мастерства. Отсюда — техническая виртуозность религии и философии. Возрастающая скудость художественных, научных, религиозных и философских достижений — возмездие за обожествление технических средств. Чем больше внимания техническим средствам, тем больше пренебрежения к фундаментальным, базовым, конечным ценностям. Мы, кажется, забываем, что техника — это всего лишь средство, а не цель творческой работы. Мы должны помнить, что гений сам создает свой собственный метод. В руках слабоумного техника может создать только слабоумное. В руках мастера от Бога техника производит шедевр. Таким образом, само сосредоточение на технике, а не на творческих конечных ценностях — признак несостоятельности гения. Техника механистична по своей природе. Ведь многих можно обучить механическим операциям. Но это автоматически не приводит к *chefs-d'oeuvre*^{2*}. Воистину наше техническое мастерство обратно пропорционально способности создавать гениальные и долговечные шедевры.

Профессиональный характер чувственного искусства, хоть и благо при определенных условиях, оборачивается на стадии разрушения настоящим недугом. Когда искусство, подобно идеациональному и идеалистическому, сущностно коллективное, то и именитые художники — повторим вновь — *primi inter pares*^{3*} в своем сообществе. Таким путем достигается личный контакт общества и его художников, которые являются представителями культуры данного общества. Соответственно, нет и большой пропасти между ценностями общества и ценностями художников; нет и большой опасности трансформации искусства в выражении личных капризов или в псевдоценности изолированной индивидуальной фантазии художника. Искусство, как органическая часть культуры такого общества, выполняет очень важную культурную функцию. Оно отделено от других фундаментальных социетальных ценностей: будь то истина и добро, патриотические и гражданские добродетели или сама вечная красота. Но когда искусство становится профессионализированным, художник отделен от публики, приобретая полную свободу от контроля проповедуемых ценностей, тогда ситуация уже чревата опасностью кризиса. Вместо того чтобы произрастать из недр культуры,

¹ * проявление силы (*фр.*).

² * шедевр (*фр.*).

³ * первые среди равных (*лат.*).

такое искусство поддерживается лишь неустойчивой фантазией одного художника. Почва неглубокая, неустойчивая и сухая. Иногда она и создает гениальное произведение, но чаще, если не всегда, на ней произрастают поверхностные, пустые, гротескные псевдоценности. Зависимость профессионального художника от рынка, как мы видели, ведет к тому же результату. Художник, который помпезно провозглашает свою мнимую независимость, фактически становится детищем коммерческого бизнеса или босса, и тогда ему приходится отвечать их требованиям, какими бы вульгарными они ни были.

Повторю вновь, профессионализм в искусстве приводит к унификации тех, кто создает музыку, шоу, картины, литературу и искусство вообще. Такая унификация совпадает с эпохой разрушения чувственной культуры. Так было в Греции, где в III—II веках до нашей эры возникли различные союзы, подобно Дионисийским ассоциациям и союзам странствующих музыкантов. То же происходит и на современном Западе, где развиваются схожие союзы, стремящиеся контролировать скорее высокие заработки и творческую деятельность каждого отдельного художника. Вместо того чтобы заниматься священной деятельностью, бескорыстной службой Богу и последователям, эти организации были чисто политическими и экономическими по своей природе: их цель — улучшение экономических условий профессиональных деятелей искусств, в особенности средних слоев и званий. Экономико-политические цели все более и более вытесняли на задний план цели эстетические. Союзы становятся чем-то вроде политической фракции, возглавляемой лидерами, неизвестными в художественном мире и совершенно неспособными понять культурную и эстетическую миссию искусства. В конечном итоге это приводит к искусственному контролю над художниками и их творческой деятельностью со стороны невежественных политиков, к недооценке художественных ценностей как таковых, к подавлению всего того, что противоречит пристрастиям боссов. Таким образом, вместо того чтобы благоприятствовать развитию искусств, эти ассоциации душат их. Мудрено ли, что период господства в Греции и Риме профессиональных союзов Аполлона и Диониса в культурном отношении был совершенно стерильным. Неудивительно, что и в наше время мы наблюдаем, как невежественные политики художественных союзов подавляют деятельность большинства выдающихся художников, музыкантов, скульпторов и поощряют посредственные и низкопробные ценности и "творения" псевдохудожников, подчиненных им.

Протест против чувственного искусства. Эти последствия спонтанно генерированы чувственным искусством в процессе его развития. Все это также определенные симптомы его возрастающей дезинтеграции. В настоящее время эти симптомы настолько определены, что они составляют подлинное *memento mori*^{1*}, предвещающее гибель современного чувственного искусства. Так оно становится все более и более бессвязным, раздражательным, количественным и стерильным; неудивительно, что его упадничество рождает усиливающийся дух протеста. Такой протест разразился в конце XIX века, после заката школы импрессионистов в живописи, скульптуре и других областях изящных искусств. Импрессионизм, как мы видели, представляет собой конечную границу развития чувственного искусства. Его лозунгом было отражение поверхности чувственной реальности, какой она предстает нашим органам

¹ * помни о смерти (лат.).

чувств в данный момент. Сюжет был совершенно несуществен. Важно было создать иллюзию внешности человека, абрис пейзажа или изображаемого предмета. Таким образом, один и тот же пейзаж, так как он выглядит по-разному в разное время, может стать темой серии различных картин. Во всех отношениях школа импрессионистов представляет крайний предел чувственного искусства, основанного на мимолетных впечатлениях от чисто поверхностных явлений. Дальнейшее развитие в этом направлении невозможно.

После короткого периода расцвета импрессионизм стал подвергаться нападкам враждебной критики. На его место пришли кубисты, футуристы, пуантилисты, дадаисты, конструктивисты и прочие "исты" не только в живописи и скульптуре, но и в других областях изобразительных искусств. Будь то в живописи и скульптуре, в архитектуре, музыке, в литературе или драме, модернисты открыто выступали против упаднического чувственного искусства. Они отказывались воспроизводить только видимую поверхность предметов так, как это делает чувственное искусство. Они протестуют против импрессионистической фотографичности, стремясь скорее выразить суть явления, внутренний мир или характер человека, основополагающие черты неодушевленного предмета и тому подобное. То, что они стремятся воспроизвести, — это реальность, трехмерная материальность, что находится за видимой оболочкой. Отсюда идут их кубические поверхности и другие технические ухищрения, столь непривычные ощущениям человека. Повторюсь, они восстают против искусства, низведенного до уровня инструмента наслаждения и развлечения. Поэтому их музыка так противоречит привычному слуху. И их литература так неприятна и неудобоварима читателю, привыкшему к чувственной литературе. Поэтому эксцентрична и непонятна их скульптура. Короче говоря, модернизм расходится со всеми основополагающими характеристиками разрушающегося чувственного искусства. Протест этот фундаментальный и относительно успешный. Модернизму отпущена судьбой сравнительно долгая жизнь. Его можно видеть в любом музее, можно услышать почти на любом концерте; он прочно вошел в "плоть" и архитектуры, и литературы, и драматургии. Большинство ведущих композиторов — Стравинский, Прокофьев, Хиндемит, Онеггер, Шенберг, Берг и Шостакович — модернисты. В живописи и скульптуре пропорции модернистских произведений выросли с нуля в XVIII веке до 2,8% в XIX веке и до 35,5% только лишь за период с 1900 по 1920 год. Схожая ситуация наблюдается и в других областях изобразительного искусства. Столь успешная революция сама по себе — достаточное свидетельство дезинтеграции чувственного искусства. Вместе с другими симптомами она подтверждает глубокую серьезность нашего кризиса.

Означает ли это, что модернизм есть новая, органичная форма искусства Запада, которой суждено господствовать последующие десятилетия и столетия? Такой диагноз вряд ли правомерен. Более точным было бы следующее заключение: современное искусство — это один из переходов от дезинтегрирующего чувственного искусства к идеациональной или идеалистической форме. Как таковой, модернизм лишь революционный *vis-à-vis*^{1*} доминирующей чувственной форме. В нем еще не определились какие-либо ясные цели, тогда как его негативная программа очевидна, как, впрочем, ясной бывает негативная программа

¹ * *vis-à-vis*, напротив, лицом к лицу (*фр.*).

любой революции до того, как появляется положительная программа. Если стиль модернистского искусства совершенно отстранен от стиля чувственного искусства, то его содержание по-прежнему остается полностью чувственным. Модернизм пытается отобразить что-либо сверхчувственное или идеалистическое. Мир, с которым он имеет дело, в основе своей материалистичен. Модернистское искусство стремится изобразить не Бога, а материю во всей ее трехмерной реальности. Его протест не во имя Бога или какой-либо другой сверхчувственной ценности, а во имя материального мира, против призрачной поверхностной материалистичности чувственного искусства. В этом отношении современное искусство чрезмерно научно. Оно в некоторой степени схоже с коммунизмом или фашизмом в политике. Коммунизм и фашизм в высшей степени материалистичны. Они превозносят экономические факторы или факторы типа "раса и кровь" до уровня Божественного. В этом смысле они наследники банкиров, стяжателей, финансовых и промышленных магнатов, только еще более практические, чем все они, вместе взятые. С другой стороны, они протестуют также и против чувственной капиталистической системы не только потому, что она материалистична и практична, но и потому, что она недостаточно реалистична, вверяя роскошь, комфорт, богатство и власть меньшинству, вместо того чтобы даровать все это многим.

Коммунисты и фашисты в политике — аналоги модернистов в изобразительном искусстве. Обе группы протестуют против господствующей чувственной политико-экономической или художественной системы, но обе они, по существу, чувственные. Соответственно, ни одна из групп не составит будущую политико-экономическую или художественную систему. Они главным образом разрушители, а не творцы. Они процветают только в условиях, специфических для переходного периода. Наделенное разрушительной силой модернистское искусство слишком хаотично и извращено, чтобы быть опорой постоянной художественной культуры. Но как вестник протеста против чувственной преобладающей формы, это движение очень важно исторически. Нравится ли нам это или нет, но чувственное искусство уже выполнило свою миссию. После заката идеациональной культуры средних веков оно вдохнуло новую жизнь в искусство Запада, производило в течение четырех столетий значительные ценности и развивало уникальные художественные стандарты; и, наконец, исчерпав свои творческие возможности, вместе со всей системой чувственной культуры начало проявлять признаки возрастающей усталости, стерильности, извращенности и упадка. Разложение идет сейчас в полную силу. Ничто не может остановить его. На смену ему непременно придет искусство другого типа — идеациональное или идеалистическое, которые сами в свое время уступили место чувственному искусству шесть-семь столетий назад. Мы должны быть благодарны ему за громадное обогащение сокровищницы человеческой культуры, но не должны воскрешать то, что уже мертво. "Le roi est mort! Vive le roi!"^{1*} После мук и хаоса переходного периода рождающееся новое искусство — возможно, идеациональное — увековечит в новом облике неуязвимый *élan*^{2*} человеческой культуры.

¹ * "Король умер! Да здравствует король!" (*фр.*).

² * порыв, стремление (*фр.*).

1. Три системы истины: идеациональная, идеалистическая
и чувственная

Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ...Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?^{1*}

Вопрос Пилата — вечный. Он еще ожидает достойного ответа, приемлемого для всех культур и для любого разума. Ответ этот предполагает всеведущий, сверхчеловеческий разум. Для ограниченного человеческого ума возможен только сугубо относительный ответ. Хотя таких относительных решений было немало, все они распадаются на три класса. Каждый имеет свою собственную систему истины, свои источники и критерии. Эти три главные системы истины соответствуют нашим трем сверхсистемам культуры, а именно: идеациональной, идеалистической и чувственной системам истины и знания. Идеациональная истина — *это истина, открываемая милостью Божией* через его глашатаев (пророки, мистики, "отцы церкви"), обнаруживаемая сверхчувственным способом посредством мистического опыта, прямого откровения, божественной интуицией и вдохновением. Такая истина может быть названа *истиной веры*. Она непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях. Чувственная истина *суть истина чувств*, постигаемая органами чувственного восприятия. Если наши органы ощущений свидетельствуют, что "снег белый и холодный", то утверждение истинно; если же наши органы ощущений показывают, что снег не белый и не холодный, то утверждение становится ложным.

Идеалистическая истина *есть синтез двух других истин, то есть синтез, созданный нашим разумом*. В отношении чувственных явлений она признает роль органов чувств как источника и критерия достоверности или недостоверности любого утверждения. По отношению к сверхчувственным явлениям она заявляет, что их познание невозможно посредством чувственного опыта; напротив, постижение ее возможно, лишь обращаясь к прямому откровению Бога. Наконец, наш разум логически или диалектически может прийти к ряду веских утверждений, например, в силлогистических или математических доказательствах. Большинство математических или силлогистических утверждений нельзя получить ни через чувственный опыт, ни посредством божественного откровения, а только благодаря логике человеческого разума. Человеческий разум "возбуждает" ощущения и восприятие нашими органами чувств и трансформирует их в достоверный опыт и знание. Человеческий разум таким образом соединяет в единое целое истину чувств, истину веры и истину разума. Это основное, что касается идеалистической системы истины и познания.

¹ * цитируется известное место из Евангелия от Иоанна (18: 37—38).

Таковы вкратце три основные системы истины, которые охватывают практически все ответы на извечный вопрос "Что есть истина?", стоявший перед великими мыслителями человечества. За их пределом остаются только чисто негативные и скептические ответы. В соответствии с одной из формул негативистского решения, мы не можем ничего знать; даже если бы мы что-либо знали, то не могли бы адекватно это выразить; если бы мы все же смогли бы это выразить, то не в силах были бы передать это знание другим. Такой предельный скептицизм вспыхивал изредка в истории человеческой мысли; но он всегда был ограничен сравнительно небольшим кругом мыслителей и функционировал как крайне неустойчивое течение. Человечество не может жить и действовать в условиях такого скептицизма.

Предварительно предложенная схема трех систем истины показывает, что каждый из них вытекает из основной посылки наших трех сверхсистем культуры. Если преобладает идеациональная культура, ее когнитивная система всегда выступает разнообразностью обнаруженной истины веры; в чувственной культуре будет преобладать истина чувств; в идеалистической культуре человеческими умами будет руководить истина разума. С изменением доминирующей сверхсистемы культуры система истины подвергается соответствующим изменениям. Позднее мы убедимся в действительной точности вышеизложенных утверждений.

Необходимо предельно ясно понять существенную разницу между идеациональной истиной веры и чувственной истиной чувств. Если каждую из них рассматривать как "правду, всю правду и ничего, кроме правды", то тем самым они становятся взаимнесовместимыми. Что является истинным с точки зрения идеационального знания, является полным невежеством или предрассудком с точки зрения чувственной истины и, соответственно, наоборот. Многие постулаты религии абсолютно ложные с точки зрения монистичной истины чувств. Это объясняет острый конфликт между системами истины, который особо резко проявляется в периоды заката одной и подъема другой культуры. Прекрасный пример этому — конфликт между зарождающейся богооткровенной истиной христианства и чувственной истиной греко-римского общества первых столетий нашей эры. Языческим греко-римским мыслителям, носителям чувственной системы истины, христианская богоявленная истина того времени казалась не более чем заблуждением или неведением. Выдающиеся интеллектуалы того времени, как, например, Тацит, называли ее "опасным предрассудком", "постыдной и отвратительной". Плиний характеризовал ее как "унижающее заблуждение, доведенное до крайности". Для Марка Аврелия она была неразумным и невоздержанным духом противоречия; для Светония она была "новым и пагубным предрассудком". Цельзий считал христиан "алогичным народом"... Они сами не рассуждают и не слушают рассуждений других о своей вере, а только придерживаются своего: "Не задавай вопросов, а веруй", или: "Вера да спасет вас", или: "Мудрость мира плоха да глупа". Для Цельзия, как и для других приверженцев чувственной истины, христиане со своей истиной веры были всего лишь шарлатанами, невеждами, фокусниками и им подобными. Даже Христос и апостолы были невежественными и "отъявленными бездельниками"; дева Мария — женщиной с незаконнорожденным ребенком и т. д. С точки зрения чувственной истины христианская истина веры, откровение и Бог — а по сути, вся христианская вера и все христианское движение — не могли представать в их сознании, кроме как абсурдными и безрассудными.

С другой стороны, с точки зрения богооткровенной истины христианства, знание и истина чувств не могут быть не чем иным, кроме как глупостью. Св. Павел так формулирует этот принцип: "Немудрое Божие премудрее человеков"^{1*}. Другие "отцы церкви" характеризуют чувственное знание как "сомнительное, неопределенное и скорее предположительное, чем истинное" (Муниций Феликс); как всего лишь "тщеславие" (Василий Великий); как "обман и трюкачество", "болтовня", "ложь", "ошибки" и тому подобное (св. Августин); как определенно ложное и противопоставленное истине знание (Тертуллиан, Оригена и другие). Известное высказывание Тертуллиана красноречиво обобщает все эти мысли: "Cruifixus est Dei Filius; non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est Dei Filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile"^{2*}.

В этом высказывании мастерски сформулирован конфликт. Что немислимо или неверно с чувственной точки зрения, может быть возможным и совершенно истинным с точки зрения христианской истины веры, и наоборот.

Конфликт этих двух систем истины был очень острым и продолжался веками, по крайней мере до VI века, когда почти повсеместно в западном мире победило христианство. Новая система уже не была связана с эмпирическим познанием, которое считалось второстепенной истиной. Его допускали как "служанку", но до тех пор, пока оно не противоречило сверхчувственной, сверхлогичной и сверхразумной истине христианства. Его объективация была великолепно дана св. Августином. Христианство ограничивалось исключительно познанием Бога и Души. "Deum et animam scire cupio. Nihil ne plus? Nihil omnino"^{3*} — таков категорический постулат этой системы мышления.

Если мы теперь обратимся к эпохе Ренессанса, когда забытая истина чувств вновь возрождается и начинает быстро вытеснять богооткровенную истину христианства, то заметим, что конфликт был столь же острым, как и в период подъема христианской истины, однако сейчас богооткровенной истине приходится защищаться, а чувственной — наступать.

Должно быть предельно ясно, что все умонастроения человеческого общества — особенно в отношении того, что считать истинным или ложным, знанием или невежеством, а отсюда образование и все школьные программы — все это различается в соответствии с доминирующей истиной, принятой данной культурой и обществом. Взглянем пристальнее на характерные черты, смысл и последствия чувственной системы и кратко остановимся на других системах истины.

¹ * Сорокин имеет в виду известный фрагмент 1-го Послания Апостола Павла к коринфянам (1:25). Там же Апостол Павел вопрошает: "Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие" (1:20).

² * "Распят сын Божий, но не преисполнено стыдом это, ибо постыдно. И умер сын Божий; это достойно веры, ибо нелепо. И погребен он, и воскрес; это достоверно, ибо абсурдно" (лат.). П. Сорокин ссылается на широко известный фрагмент из сочинения одного из "отцов церкви", пресвитера Карфагенского, Квинта Септилия Тертуллиана "О теле Христовом" (гл. V). Тертуллиан, хоть и был материалистом в философии, строго разделял знание от веры. Перифраза этой цитаты — "Credo, quia absurdum" ("Верю, потому что нелепо") — прочно вошла в научный обиход для характеристики слепой веры, противоположения религиозной веры научному познанию.

³ * "Стремлюсь к познанию Бога и души. Неужели ничего сверх этого? Решительно ничего" (лат.).

Чувственная система истины и познания. Так как в соответствии с основной посылкой чувственной культуры реальная ценность чувственна, то и познание, естественно, осуществимо только через наши органы чувств. Чувственная истина — это истина чувств. Высказывание Джона Локка — *"Nihil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu"*^{1*} — есть абсолютно адекватная формулировка этого принципа. В этой системе истины органы чувств становятся основным источником познания эмпирической реальности; их показания решают, что истинно, а что нет; они становятся верховными судьями достоверности опыта. Другое название этой системы истины — эмпиризм. От основной посылки чувственной истины происходят все ее характерные черты.

А). Любая система чувственной истины и реальности *предполагает отрицание или, по крайней мере, совершенно равнодушное отношение к любой сверхчувственной реальности или ценности.* По определению, сверхчувственная реальность или не существует, или, если допустить, что она все же есть, неизвестна нам, эквивалентна несуществующей. Будучи неизвестной, она тем самым несущественна и не заслуживает к себе интереса (вспомним, к примеру, критицизм Канта, агностицизм, позитивизм и т. п.). Отсюда следует, что чувственные культуры считают исследование природы Бога и сверхчувственных явлений заблуждением или бесплодными размышлениями. Как всякое другое хобби, религия и теология, воплощающие богооткровенную истину, в лучшем случае допускаются; или о них просто не упоминают; или они трансформируются в своего рода научную теологию, а чувственная религия сводится до уровня эмпирической дисциплины, лишенной богооткровенной истины.

Б). Если чувственная система не поощряет какого-либо интереса к сверхчувственным аспектам действительности, то *она оказывает явное предпочтение изучению чувственного мира со всеми его физическими, химическими и биологическими качествами и связями.* Весь когнитивный интерес сосредоточен на изучении этих чувственных явлений, их материальности, поддающихся наблюдениям взаимосвязям, а также на технологических изобретениях, служащих нашим чувственным потребностям. Познание становится эквивалентом эмпирического знания, представленного естественными науками. Таким образом, в чувственном обществе естественные науки вытесняют религию, теологию и даже философию. Это обобщение подтверждается статистическими данными по научным открытиям и технологическим изобретениям. Следующая таблица обобщает этот процесс в течение изучаемых нами столетий.

^{1*} "Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущениях" (лат.) — основное положение сенсуалистов, сформулированное английским философом Дж. Локком (1632—1704) в его трактате "Опыт о человеческом разуме". Заметим, что впервые эта мысль была высказана Аристотелем в его сочинении "О душе". Немецкий философ Г.-В. Лейбниц осудил Локка. В трактате "Новый опыт человеческого разума", не отвергая в принципе это сенсуальное положение, он вводит в него априорный элемент: "Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущениях, кроме самого сознания".

Столетия:

Число научных открытий
и технических изобретений:

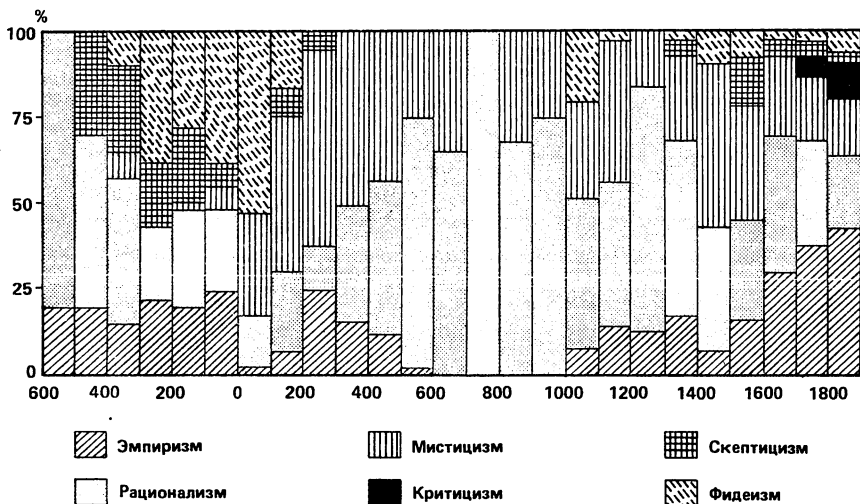
VIII в. до н. э.	6	} Греция и Рим
VII в. до н. э.	5	
VI в. до н. э.	31	
V в. до н. э.	40	
IV в. до н. э.	57	
III в. до н. э.	45	
II в. до н. э.	17	
I в. до н. э.	32	
I в. н. э.	60	
II в.	18	
III в.	6	
IV в.	16	
V в.	4	
VI в.	4	
VII в.	4	
VIII в.	4	
IX в.	6	
X в.	7	
XI в.	8	
XII в.	12	
XIII в.	53	} Западная Европа (христианский мир)
XIV в.	65	
XV в.	127	
XVI в.	429	
XVII в.	691	
XVIII в.	1574	
XIX в.	8527	
XX в. (1901—1908 гг.)	862	

В течение идеациональных веков греческой культуры (VIII—VI вв. до н. э.) число открытий и изобретений незначительно. Начиная со второй половины VI века до нашей эры число открытий резко возрастает и остается на высоком для античного мира уровне до IV века нашей эры — период чувственной культуры и истины. Начиная с V века нашей эры достигнутый уровень снова падает, оставаясь почти неизменным вплоть до XIII века — периода господства идеациональной культуры и истины. Начиная с XIII века он вновь начинает неуклонно возрастать, достигая в XIX—XX столетиях беспрецедентного уровня. Лишь только один XIX век принес открытий и изобретений больше, чем все предшествующие столетия, вместе взятые.

В). Чувственная истина или эмпиризм отрицает, как мы видели, любую богоявленную сверхчувственную истину. Она также подвергает сомнению до определенного предела разум и логику, если их выводы не подтверждаются показаниями органов ощущений. Если дедуктивная логика противоречит показаниям органов чувств, то ее выводы признаются ложными. Поэтому в чувственных культурах и обществах эмпирические системы философии набирают силу, а философия, основанная на идеалистической и идеациональной истинах, приходит в упадок. Это хорошо подтверждается соответствующими историческими фактами. Например, сравнительное соотношение эмпиризма на фоне других философских систем по векам было следующим: 0% с VII века по X век включительно; 7.7% в XI веке; 14.3% в XII веке; 12.8% в XIII веке; 17.2% в XIV веке; 7.2% в XV веке; 15.8% в XVI веке; 29.6% в XVII веке; 37.5% в XVIII веке; 42.6% в XIX веке; 53% в период 1900—1920 годов. Если мы

добавим к эмпиризму другие родственные ему системы, такие, как критицизм и скептицизм, то в целом эмпирическая система достигнет общей цифры 47,5% в XVIII веке; 55,7% в XIX веке; 72% в период 1900—1920 годов. Таким образом, в течение большей части средних веков эмпиризм оставался на уровне, близком к нулю. Мы видели ранее, что эти же столетия были *Blütezeit** идеациональных изобразительных искусств; они же дают самый низкий процент научных открытий и изобретений. Диаграмма № 2 иллюстрирует развитие эмпиризма на фоне других систем с 600 года до нашей эры по 1900 год.

Диаграмма 2

Когда мы переходим к столетиям, отмеченным возрождением чувственного искусства и культуры, мы наблюдаем, как с самыми незначительными отклонениями эмпиризм начинает идти параллельно со все возрастающим потоком открытий и изобретений. За последние два столетия оба процесса достигают самого высокого уровня. С другой стороны, системы философии, основанные на идеациональной и идеалистической истинах, движутся в обратном направлении; они составляли от 80% до 100% в период с VII по X век и доходят приблизительно до 30% и 12% в XIX и XX веках соответственно.

Короче говоря, чувственная форма искусства, эмпирическая система философии, чувственная истина, научные открытия и технологические изобретения движутся параллельно, поднимаясь и падая в строгом соответствии со взлетами и падениями чувственной сверхсистемы культуры. Точно так же движутся в одном направлении идеациональное и идеалистическое искусство и неэмпирические философские теории, основанные на идеациональной и идеалистической истинах. Их движение противоположно движению чувственного искусства, технологии и эмпирической философии.

Г). Всесторонне развитая чувственная система истины и знания, рассматривающая все, будь то открыто или завуалировано, в матери-

* расцвет (нем.).

алистическом ракурсе неизбежно *материалистична*. В то время как ум, связанный с истиной веры, одухотворяет все и рассматривает даже материю как чистое проявление сверхчувственной реальности, то ум, находящийся под влиянием истины чувств, материализует все, даже самые духовные явления и рассматривает их как чистое проявление или побочный продукт материальных явлений. Отсюда общая тенденция чувственного мышления рассматривать мир — даже человека, его культуру и сознание — материалистично, механистично и бихевиористично. Человек становится, в чувственной научной дефиниции, "комплексом электронов и протонов", животным организмом, рефлекторным механизмом, многообразием отношений типа стимул — реакция, психоаналитическим "мешком", наполненным физиологическими стремлениями. "Сознание" объявляется неточным и субъективным понятием, обозначающим физиологические реакции и открытые действия заданного типа. Все концепции и теории, основанные на духовной, сверхчувственной, нематериальной реальности, отклоняются как заблуждения, как невежественные или как результат злоупотребления словами. Эта тенденция проявляется во всех отношениях. Наши статистические данные показывают, что периоды, отмеченные возрастающим влиянием чувственной истины, идут параллельно с усилением материалистического миропонимания и с соответствующим упадком идеациональной и идеалистической философии. Таким образом, в течение столетий раннего и развитого средневековья процент материалистической философии среди всех других философий с VI по XIV век был равен нулю, а процент идеалистической философии и *Weltanschauung** равнялся 100%. В XIX—XX веках материализм возрос соответственно до 12.7% и 23.3%, а идеализм пошел на убыль соответственно до 55.9% и 40.9%; остальной процент выпадает на философию, синтезирующую идеализм и материализм.

Научные теории, основанные на истине чувств, имеют тенденцию стать материалистическими, механическими и количественными, даже в трактовке человека, культуры и духовных явлений. Социальные и психологические науки имитируют естественные науки, пытаются подходить к проблеме человека так же, как физики и химики анализируют неорганические явления. В области общественных наук все духовные и культурные явления начинают трактоваться с позиций бихевиоризма, физиологии, рефлексологии, эндокринологии и психоаналитики. Общество становится практически мыслящим, а "экономическая интерпретация истории" получает беспспорный перевес. Широкое распространение в биографиях, истории, антропологии, социологии и физиологии приобретает "полупорнографическая" концепция человеческой культуры. Все духовное, сверхчувственное или идеалистическое высмеивается, заменяется унижающими интерпретациями. Все это аналогично негативным, извращенным, субсоциальным и психопатологическим пристрастиям, продемонстрированным изящными искусствами в пору декаданса чувственной культуры.

Если реальность сенсорна и чувства есть единственный источник познания, то описанная тенденция вполне объяснима, ибо что может быть более чувственным, с этой точки зрения, чем материя, и что может быть реальнее рефлексов, пищеварительных функций, секса и т. п. Излишне говорить, что такое отношение является следствием основной посылки чувственной системы.

* мировоззрение (нем.).

Д). В такой культуре материальные ценности естественно становятся определяющими, начиная со всемогущего богатства и кончая всеми ценностями, которые удовлетворяют физиологические потребности человека и обеспечивают его обыденный комфорт. Чувственные потребности и удовольствие, как мы видим, становятся единственным критерием того, что такое хорошо и что такое плохо.

Е). Следующим следствием такой системы истины является развитие *темпорального, релятивистского и нигилистического склада ума*. Чувственный мир находится в состоянии постоянного течения и становления. В нем нет ничего неизменного — даже вечное высшее бытие. Разум, находящийся во власти истины чувств, просто не воспринимает какого-либо постоянства, а постигает все ценности в условиях изменения и перехода. Чувственный склад ума рассматривает все с точки зрения эволюции и прогресса. Это приводит к возрастающему отрицанию вечных ценностей, которые вытесняются временными или быстротечными ображениями. Чувственное общество живет в настоящем и ценит только настоящее. Так как прошлое необратимо и уже более не существует, а будущее еще не наступило, тем более что оно всегда неясно, то только настоящий момент реален и желанен.

Отсюда — чувственный *Carpe diem*^{1*}, завтрашнее призрачно; ухвати сегодняшней поцелуй; быстро обогащаясь; захвати власть; цени популярность, славу и возможности текущего момента, так как осознаются только ценности настоящего. Но поскольку темп изменений все время ускоряется, то это "настоящее" становится все короче и все более преходящим. А оттого громадная роль времени в жизни и деятельности такого общества. "Tempus fugit, tempora mutantur et nos mutamur in illis"^{2*} и "tempus edax rerum"^{3*} становятся лозунгами чувственного менталитета.

В той же самой системе истины и ценностей возникает доктрина *релятивизма*. Так как все подвержено постоянному изменению и так как чувственное восприятие нетождественно у разных индивидов и групп, то, следовательно, не существует ничего абсолютного. Все становится относительным — истина и ошибка, этические и эстетические каноны и многое другое. Что-то может быть добродетельным сегодня и потерять свой смысл завтра; при неких заданных условиях одно утверждение может оказаться истинным, при других — ложным. Чувственное наблюдение показывает, что научные, философские, религиозные, моральные, эстетические и другие ценности и нормы меняются в зависимости от личности, группы и времени. Таким образом, суждение "все в мире относительно" становится девизом чувственной истины. Отсюда ее негативное отношение к любому постулируемому абсолюту. Но релятивизм, единожды принятый, неизбежно становится все более и более бескомпромиссным до тех пор, пока наконец все относительные истины и ценности не "релятивизированы" и не разобьются вдребезги.

¹ * "Лови день" (*лат.*), то есть пользуйся сегодняшним днем, лови мгновение. Девиз эпикурейства.

² * "Время бежит, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними" (*лат.*). Измененная форма стихотворной строки, приписываемой немецким поэтом Возрождения Матвеем Борбонием франкскому императору Лотарю I (IX в.). Первая часть фразы — "время бежит" — представляет собой сокращенный вариант строки из "Георгики" Вергилия: "Между тем бежит, бежит безвозвратное время" (III, 284).

³ * всепожирающее время (*лат.*). Часть стихотворной строки из "Метаморфоз" Овидия: "Время — снадатель вещей — и ты, о завистница старость, все разрушаете вы" (XV, 234—235).

Рано или поздно релятивизм уступает место скептицизму, цинизму и нигилизму. Сама граница между истинным и ложным, правильным и неправильным исчезает, а общество погружается в состояние настоящего морального, умственного и культурного хаоса. Ни одно общество не может существовать при таких условиях. Оно или гибнет, или вырабатывает новую систему истины — более надежную и подходящую его запросам.

Ж). Все это означает, что чувственная истина, когда ее делают исключительной, неизбежно развивается в своего рода *иллюзионизм*, в котором она сама себя разрушает. Вместо действительного познания объективной реальности и ценностей она все больше и больше дает нам относительных и условных намеков, узаконивающих мимолетные оттенки постоянно изменяющихся чувственных впечатлений, которые разнятся в зависимости от людей, групп и внешних обстоятельств. Вместо того чтобы вскрывать истину как *adaequatio intellectus et rei*^{1*}, она дает всего лишь впечатление и искусственные конструкции, относящиеся к чему-то, по существу, неизвестному. Декадентская чувственная наука даже отрешивается от того, что она имеет дело с объективной реальностью. Она предлагает только лишь допущения и утверждения, основанные на чувственном наблюдении, которое оказывается удобным и поэтому правдоподобным. Данная формулировка задач чувственной науки эквивалентна закапыванию истины, действительности и самой науки. Ситуация в целом становится довольно странной: никто не знает, в чем заключается чувственное утверждение, с чем оно связано и на что претендует. И если она не связана с реальностью и не предоставляет заключений постигающего разума об этой реальности, тогда что же это? Так чувственная истина в конечном счете роет свою собственную могилу.

З). Та же система истины порождает *номиналистские и сингуляристские умонастроения, характеризующие чувственное общество*. Чувственные впечатления всегда индивидуальны. Например, мы не воспринимаем род лошади или род человека, то есть сущности, категории, универсалии. Мы воспринимаем только отдельную лошадь или другие предметы в их чувственном проявлении. Отсюда — популярность номинализма с его аксиомой "*Universalia sunt nomina*"^{2*}: все универсалии, категории, концепции суть всего лишь слова, употребленные ненаучно и не относящиеся к объективной реальности. Они всего лишь результат власти слов над ненаучными умами. Отсюда же происходит нежелание признавать реальность универсалий и сущностей. Человек предпочитает и рад иметь дело с конкретными явлениями. Чувственный образ мысли рассматривает общество как сумму взаимодействующих индивидов. Он не видит леса за деревьями. Все это напоминает нам ситуацию с чувственной живописью, воспринимающей только чувственные поверхностные проявления предметов. Научные теории постепенно становятся все более бессодержательными и поверхностными, полностью растворенными в вымышленных, надуманных утверждениях или чисто утилитарных и условных придумках, пустых и безответственных.

И). Рассмотрим теперь *утилитаристский, гедонистический, прагматический, практический и инструментальный характер науки, псевдорелигии и этики чувственной культуры*. Поскольку чувственное познание не ищет ничего абсолютного (включая действительную истину, независимую

¹ * тождество сознания и вселенной (лат.).

² * "Всеобщее — суть слова" (лат.).

от чувственных заключений) и рассматривает любую "истину" как инструмент приспособления к чувственному миру, сотворенному для того, чтобы сделать жизнь более приятной и менее тягостной, то утверждения и теории, которые оказываются полезными, доставляющими удовольствие и удобными, становятся истинными, а те, которые оказываются бесполезными, неудобными и неэкономичными, считаются ложными. *Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir*^{1*} — девиз этой науки.

I. Наука и философия, как мы видели, становятся пропитанными утилитарными целями. Только те дисциплины, которые, как физика, химия, биология и медицина, география, технология, политика, экономика, практические и полезные, интенсивно культивируются. Отсюда вышеупомянутый прогресс естественных и технологических знаний. Другие дисциплины, будь то метафизическая или "непрагматичная" философия, трансцендентальная религия и абсолютная этика, фактически игнорируются. Пока они сохраняются, они приобретают все тот же утилитарный, чувственный, прагматический или инструментальный характер. Физиология, как наука о человеческой душе, оказывается физиологией нервной системы и рефлексов. Религия, как откровение Бога, опускается до уровня вторичного "социального убеждения" — своего рода политического кредо. Философия, как познание сущностей и объективной реальности с ее допускаемым знанием, становится неопределенной идеологией, посвященной оправданию или порицанию той или иной системы чувственных ценностей и проявлений, или всего лишь обобщением, основанным на заключениях утилитарных наук, или перегруженным деталями, формальным и пустым семантическим исследованием "логического синтаксиса языка" с его подражательной псевдоматематикой и псевдосимволической логикой и бэконовской верой в возможность чисто механической техники конструирования "чувственно достоверных утверждений". Философия же становится выражением несуществования всего, кроме чувственной действительности, системой негативного критицизма, агностицизма (мы не можем познать любую объективную реальность; если же и сможем, то никак не в силах ее выразить; если бы нам удалось это сделать, то мы не можем передать это знание другим). Короче говоря, философия оказывается второстепенной чувственной утилитарной наукой, состоящей из эмпиризма, критицизма, агностицизма, скептицизма, инструментализма и операционализма, отмеченных теми же утилитарными и прагматическими чертами.

И так обстоят дела с другими дисциплинами. *Savoir pour pouvoir*^{2*} становится одним из высших критериев. Все, что не поддается практической проверке, отрицается; все, что допускает ее, приобретает достоинство научного или достоверного знания.

II. Тот же характер носит система образования (прежде всего школа), дающая "полезные знания" и навыки. Ее главная забота подготовить удачливых бизнесменов, ремесленников, инженеров, политиков, юристов, докторов, учителей, священников и т. д. В таких искусствах, как умение скачивать состояние, вести фермерское хозяйство, готовить, стричь, изобретать машины, вести исследовательскую работу, учить и проповедовать, стараются добиваться мастерства. Начальное, среднее и высшее образование — все они сориентированы в одном направлении и уделяют мало внимания, если вообще уделяют, на забытую цель реального знания и мудрости — природу объективной реальности и ис-

¹ * Знать, чтобы предвидеть; предвещать, чтобы властвовать (*фр.*).

² * Знать, чтобы властвовать (*фр.*).

тинных ценностей. Так как считается, что оно лишено кратковременной утилитарности, о нем лишь изредка вспоминают, его же роль в школьных программах чувственного общества крайне незначительна.

Таковы вкратце некоторые черты чувственной истины и общества, в котором она процветает.

Идеациональная и идеалистическая системы истины и знания. Идеациональная система истины — полная противоположность чувственной системе. Она сосредоточена в основном на сверхчувственной реальности и ценностях. Она основана на откровении, божественном вдохновении и мистическом опыте, который считается истинным и абсолютным. Главный интерес идеационального познания — Бог и его царство, которые принимаются за объективную реальность. Поэтому богооткровенная религия и теология становятся повелительницами истинной мудрости и науки, а эмпирические познания всего лишь обслуживают их. Ум, над которым властвует истина веры, направлен на вечные истины, в противопоставление проходящим истинам чувств. Она идеалистична, так как реальность рассматривается как духовная и нематериальная. Она абсолютистская, неутилитарная, прагматичная.

Наконец, идеалистическая система истины занимает промежуточное звено между чувственной и идеациональной системами и объединяет в своем тигле три отличительных элемента чувственной, религиозной и рационалистической истины. Системы Платона и Аристотеля, Альберта Великого и Фомы Аквинского — лучшие примеры попыток синтезировать в одном целом божественную, чувственную и диалектическую истину.

2. Периодичность в господстве систем истины в истории

Вся предшествующая характеристика чувственной системы истины, науки и культуры — лишь набросок портрета преобладающей в западном обществе в течение последних четырех столетий системы. Тело нашей истины — наука. Она представляет собой связующее звено эмпирического и чувственного знания, результат наблюдений над чувственными фактами и экспериментирования с ними. Она, без сомнения, включает в себя некоторые элементы логической истины (разум), выраженные в базовых концепциях и математико-логических заключениях. Но даже эти концепции и заключения признаются валидными только в том случае, если они подтверждаются чувственным опытом. Основной характер этой логико-чувственной ткани мышления подтверждается вдобавок тем фактом, что термины "научный" и "истинный", "ненаучный" и "ложный" используются синонимично.

Логически встает вопрос. В чем же тогда заключается современный кризис? Каковы его симптомы и каковы его причины? Для многих сама возможность подобного кризиса кажется невероятной. Они продолжают полагать, что включенная в науку истина чувств суть единственная система достоверной истины, то есть, как таковая, она не может переживать какого-либо кризиса (за исключением, пожалуй, замены одной научной теории на другую). Ей суждено развиваться дальше, так как на настоящей ступени развития науки и культуры уже никак невозможно обратное движение от науки к невежеству, от истины к заблуждению, от испытанного чувственного познания к магическим умозрительным верованиям. Такая аргументация все еще превалирует и звучит достаточно убедительно. Тем не менее, как и многие современные верования, она ошибочна.

Ее первая ошибка — это иллюзия того, что может быть только одна система истины, а именно истина чувств. Мы уже видели, что

в действительности было по крайней мере три фундаментальных системы: идеациональная, идеалистическая и чувственная. Ее следующее заблуждение — вера в то, что в ходе истории была лишь одна линейная тенденция в направлении чувственной истины, хотя и параллельно с другой тенденцией — диалектико-спекулятивной. Такой подход, как мы видели, изначально ложен. В ходе греко-римской и западной истории периодически преобладала то одна, то другая система. Чувственная истина крито-микенской цивилизации уступила место греческой идеациональной истине VIII—VI веков до нашей эры, а она в свою очередь — идеалистической истине V века до нашей эры. Придя ей на смену, чувственная истина вновь безраздельно господствует в период с III века до нашей эры по IV век нашей эры. Затем последовали века доминирования идеациональной истины христианства с VI века по XII век. В XIII веке идеалистическая истина вновь становится преобладающей, но ненадолго, ей на смену пришла третья фаза чувственной истины, утвердившая свое влияние с XVI века и по настоящее время. Иными словами, вместо стабильной поступательной тенденции развития чувственной истины мы свидетельствуем ряд колебаний от одной доминирующей системы к другой.

Причина таких колебаний легко понятна. *Ни одна система не заключает в себе всю истину, так же как и ни одна другая не является целиком ошибочной.* Если бы одна из этих систем заключала в себе всю истину и ничего, кроме истины, другие же представляли собой лишь чистое заблуждение, то колебаний, о которых мы только что говорили, по определению не существовало бы. Ни один человек не просуществовал бы, если бы все его верования и убеждения были бы ошибочными. Если бы он приписывал качества коровы собаке, принимал врага за друга, а друга за врага, ел бы несъедобное, не мог бы отличить яда, ничего не знал бы о погоде, то он попросту бы вскоре умер. Совершенно невероятно при этих условиях выжить и обществу, а тем более десятилетиями и столетиями, что доказано множеством обществ, управляемых либо истиной веры, либо истиной разума. Идеациональная истина господствовала в средневековой Европе почти шесть столетий, тем не менее западное общество не погибло. Исторический факт, таким образом, доказывает, что ни вера, ни разум не являются целиком ошибочными. Каждая из систем частично истинна и достоверна, предоставляя знание важнейших аспектов сложной объективной реальности. Излишне доказывать, что *каждый источник познания, будь то чувства, разум или интуиция, предоставляют валидное знание многосторонней действительности.* Интуиция в своей обычной форме как мгновенное и прямое понимание некоей реальности, отличное от чувственного восприятия и логического мышления, дает знание существенных аспектов действительности, как, например, самосознание каждого из нас — "я есмь". В своей необычной форме, как харизматический и мистический дар Божий, данный только пророкам, великим мыслителям, великим художникам и великим религиозным лидерам, она открывает нам те аспекты объективной реальности, которые недоступны нашим чувствам и логике. Каждый источник познания адекватно раскрывает лишь определенные аспекты многообразной реальности: истина чувств дает знание о чувственных нерациональных аспектах объективной реальности; истина разума — ее рационального аспекта; истина интуиции — ее металогического и метачувственного аспектов. Как уже было отмечено, даже современная естественная наука и технология заключают в себе не только истину чувств, но, как, например, в области математики и логики, большую

долю истины, разума. В конечном итоге обе истины упираются своими корнями в интуицию и веру в качестве основных постулатов науки.

Значение интуитивного познания. В настоящее время достаточно прочно утвердилась "законность" чувственного опыта, в меньшей степени — логического рассуждения. Больше сомнений вызывает интуитивная истина. Интуиция лежит в основе любой науки, от математических аксиом до естественных наук. Дедуктивные и индуктивные надстройки науки опираются не на логику и не на показания органов чувств, а на элементарные интуитивные истины. Интуиция также основа прекрасного, нравственных норм и религиозных ценностей. Она служила начальным импульсом громадного числа чувственных и диалектических открытий во всех областях человеческого знания и ценностях, включая математику, физику и технологию. Большинство научных открытий и изобретений, особенно наиболее значимые, можно отнести скорее на счет интуиции, чем на счет затяжных чувственных наблюдений.

Открытия Ньютона, Галилея, Мейера и Пуанкаре появились благодаря интуитивному пониманию законов гравитации, колебания маятника, сохранения энергии и автоморфных функций в математике. Точно так же и большинство технологических изобретений и большинство важных достижений философского и гуманитарного знания являются продуктами интуиции. Справедливо это и по отношению к искусству во всех его сферах, религии и в особенности морали, ибо там творчество одухотворено редкой интуицией гения, проповедника, мистика. Мы не должны забывать, что *любое истинное творчество — это реальное познание, как любое истинное открытие есть творчество.* Когда Моцарт или Бетховен, Рафаэль или Дюрер, Фидий или Шекспир, Будда или св. Павел, Платон или Кант создавали свои художественные, религиозные или философские системы, они актуализировали скрытый потенциал, существующий в реальности, они обнаружили и раскрыли нам то, что мы сами не видели и не знали. В этом смысле любое творчество есть открытие и создание новой комбинации звуковых ценностей (в великой музыке), или новых архитектурных форм, раскрытых в оригинальной комбинации камня, мрамора, дерева и других архитектурных элементов, или новых аспектов жизни, вскрытых живописью, литературой, религией и этикой. Если бы все художественные, религиозные, философские и этические ценности были уничтожены, а все наши знания были бы сведены до "научных открытий", сформулированных в сухих утверждениях, то как бы ни велико было наше знание о мире и реальности, оно было бы обделено и унижено! Из миллионеров мы бы превратились в нищих!

Точно так же любое научное открытие есть творчество, правда не обязательно в смысле возложения на природу того, что было сотворено нашим разумом, как утверждал Кант и его последователи, а в смысле актуализации скрытого потенциала в действительности извлеченного на свет и таким образом обогащающего наши знания. Исходя из этой точки зрения, Ньютон *сотворил* свой закон гравитации, Мейер — закон сохранения энергии, Лавуазье и Ломоносов — закон сохранения материи и т. д.

Следующий отрывок хорошо демонстрирует роль интуиции в открытиях и изобретениях. Обратимся к личному опыту Анри Пуанкаре.

"В течение двух недель я старался продемонстрировать, что нет математической функции, аналогичной той, которую я впоследствии называл "автоморфной функцией". Каждый день я садился за свой письменный стол и пробовал множество комбинаций, но все безрезультатно. Однажды вечером вопреки привычке я выпил черного кофе и не мог долго уснуть; идеи переполняли мой

мозг; я чувствовал, что они как будто вытесняют друг друга, пока две из них не переплелись в устойчивую комбинацию. Утром я установил существование класса "автоморфных функций". Все, что мне пришлось сделать, — это повторить результаты, на что потребовалось только несколько часов".

Далее он повествует о том, как решение другой математической проблемы пришло к нему в момент посадки в автобус. Прибыв в Канн, он проверил это решение и нашел его верным. Пуанкаре приводит еще несколько примеров подобного типа и каждый раз подчеркивает, что решение приходило "с такой же отчаянностью, неожиданностью и уверенностью".

Едва ли отличается от этих интуитивных актов открытие закона гравитации Ньютоном. В один памятный день падает с легким стуком у его ног яблоко. Это был пустяковый случай, на который вряд ли раньше обращалось внимание, но сейчас он был подобен щелчку маленького тумблера, который запускает большой механизм в действие. Он оказался толчком, разбудившим мозг и заставившим его работать. Как во сне Ньютон вдруг увидел, что если таинственное притяжение земли может действовать сквозь пространство, достигая вершины деревьев... то оно могло бы действовать, достигая даже луны. Биографы Ньютона характеризуют все три открытия ученого (математическая флюксия, спектр света и закон гравитации), которые он совершил за два года, как "нечто, не лишнее чуда". Не сумев определиться в колледже, сразу же после его окончания Ньютон уезжает в глухую деревеньку и работает там без посторонней помощи. "Как математик, казалось, он схватывает решение проблемы почти мгновенно".

Нечто подобное произошло и с Архимедом, с его известной "Эврика!", внезапно осенившей его, когда он принимал ванну. Он был до того возбужден, что даже забыл надеть одежду. Вспомним Галилея, наблюдавшего раскачивающуюся лампу в соборе в Пизе, когда он почти мгновенно сформулировал закон колебания маятника. А Роберта Мейера, который из двух случайных происшествий во время одного из своих вояжей "с помощью неожиданного витка мысли" вывел закон механического сохранения энергии? Знаем мы и о таинственном опыте Паскаля, который, увидев во сне горящий ярким пламенем крест, воскликнул: "Не Бог ли это всех философов и ученых! Радость, веселье, много радости. Самоотречение полное и кроткое!" Уверенность совершенная!"

Тот же принцип, но с еще более ошеломляющим эффектом применим к технологическим изобретениям, как об этом свидетельствуют показания самих изобретателей. Один из них, наблюдая за самой собой, пишет, что в тот момент, когда возникает потребность в инновации, "я немедленно извлекаю ее из объективной части моего мозга; так сказать, я прекращаю работать над проблемой и передаю ее в субъективный отдел моего мозга. Там она спонтанно созревает до тех пор, пока не созреет окончательно".

Другой утверждает, будто бы "идеи приходят ко мне, когда я меньше всего их ожидаю; чаще, когда я почти уснул или днем мечтаю о чем-нибудь". Многие изобретатели настаивают на том, что они иногда просыпаются с новой идеей внезапно и совершенно неожиданно, "в мгновение ока" или в период отдыха (например, в процессе принятия ванны), или во время занятия другими работами.

Сходная ситуация наблюдается и в других естественных науках. В области философии, гуманитарных и социальных научных дисциплин роль интуиции существенно выше. Это хорошо подтверждается тем фактом, что почти все основные философские, гуманитарные и социа-

льные научные теории были сформулированы очень давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики, ни систематических данных наблюдения, ни каких-либо других технических возможностей или материала для эмпирического или рационального обобщения. Изучение соответствующих данных показывает, что большой процент достижений в этих областях достигнут именно благодаря интуиции. Это, правда, не исключает того, что в ряде случаев интуитивному открытию предшествовала напряженная работа чувственного или дискурсивного разума. Важно то, что *решение приходит интуитивно*.

Что касается изящных искусств, то здесь творческий процесс преимущественно весь интуитивный, будь он в области поэзии, литературы, драмы, музыки, живописи или скульптуры. Следующее описание Моцартом своей привычки работать в этом смысле очень типично:

"В чем заключается, вы спросите, мой метод композиции и аранжировки больших и нашумевших произведений? Я на самом деле ничего определенного сказать не могу, больше чем то, что я не знаю и никогда не смогу понять, как это происходит. Когда я особенно хорошо чувствую себя, ну, скажем, когда я еду в экипаже, или прогуливаюсь после хорошей еды, или когда я не сплю ночью, мысли приходят внезапно, и притом самые лучшие. Когда и как? — Этого я не знаю и не могу знать. Те, которые мне приятны, я сохраняю в голове и по возможности вдалбливаю их в себя... (Далее он описывает, как по крупицам спонтанно создается единое целое, вырывает и, наконец, приобретает в голове законченную форму)... Все находки живут во мне, как бы в очень ярком сне".

И, подобно Пуанкаре, в случае, процитированном выше, Моцарт доводит работу до логического завершения: как только форма сложилась в голове, далее она "ложится на бумагу очень быстро".

Наконец, религиозные и моральные творения также преимущественно интуитивные. Они исповедуют истину веры; все они без исключения основаны на сверхрациональной, сверхчувственной, сверхэмпирической абсолютной истине и реальности, а именно Боге. Все великие религии основаны харизмами, наделенными божественным даром мистического опыта. Будь то Будда, Заратустра, Лао Цзы, ветхозаветные пророки, Махавира, Мухаммед, апостол Павел, Августин Блаженный и более поздние христианские мистики. Когда же появляется некая псевдорелигия, основанная на "науке", рациональности или на "разумных, эмпирически проверенных истинах", она никуда не годна и представляет собой в лучшем случае второстепенную вульгаризацию социальной и антропогенной философии или псевдонауки. Все же великие религии заявляют, что они "открыты" благодаря милости Абсолюта харизматически одаренных людей — пророков, святых, мистиков, оракулов и других "инструментов" Абсолюта. Любой мистический опыт, открывающий истину веры, имеет мало общего, если вообще имеет, с обычным познанием через органы чувств или рассуждениями. Без мистической интуиции у человека едва ли была бы религия, достойная носить это имя. Так как религия вообще и мировые религии в частности составляют одно из самых значительных достижений человеческой культуры, то это вновь указывает на значительность роли интуиции, особенно мистической интуиции, в истории человеческой мысли и цивилизации. Религия раскрывает те аспекты реальности, которые остаются недостижимыми обычными путями чувственной истины и истины разума. Отцы-основатели, пророки, апостолы и мистики ведущих религиозных систем совместно с великими творцами изящного, которые тоже по-своему являются инструментами мистической интуиции, — все они главные посредники

истины веры, соприкасающей нас со сверхреальными и металоогичными аспектами Бесконечного и Многообразия. На ум приходит *coincidentia oppositorum*^{1*} Августина, Эригены и Николая Кузанского.

Предшествующее рассуждение дает нам неопровержимое доказательство того, что все три системы — чувственная, рациональная и интуитивная — источники достоверного познания и что каждая из них, используемая по назначению, дает нам знание того или иного важного аспекта объективной реальности, и ни одну из них нельзя считать целиком ложной. С другой стороны, любая из них, взятая в отдельности, вне связи с другими, может оказаться ошибочной. История человеческой мысли представляет собой кладбище, на котором похоронены неверные наблюдения и заключения, а также полученные посредством такого опыта ошибочные размышления и ложные интуитивные выводы. В этом отношении роль интуиции ничуть не сложнее роли ощущений или диалектики. Ни одна из них, как было замечено, не может охватить всю истину. В трехмерном пространстве веры, разума и чувств общая истина ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм. Точно так же всеобъемлющая истина, являющаяся результатом интуиции, разума и ощущений, ближе к бесконечной металоогической реальности, к *coincidentia oppositorum* св. Августина, Эригены и Николая Кузанского, чем чувственная, рациональная и интуитивная реальности, открытые в рамках какой-либо одной системы. *Эмпирио-чувственная реальность питается чувствами, рациональная — разумом, а сверхрациональная — верой. Каждая из этих систем, взятая изолированно от других, становится менее достоверной и более ошибочной даже в рамках собственной компетентности.* Органы чувств, когда они не контролируются разумом и интуицией, могут оформить только массу хаотических ощущений, впечатлений и восприятий. Они не способны обеспечить полноты знания, могут дать лишь беспорядочные фрагменты псевдонаблюдений и псевдовпечатлений. В лучшем случае они представляют нагромождение "фактов", лишенных систематичности, достоверности и вразумительности. Вне связи с разумом и интуицией органы чувств — лишь ограниченные средства даже в познании чувственных аспектов реальности. Как показали опыты Павлова, слух, обоняние и зрение человека хуже, чем у собаки. Тысячелетиями такие формы энергии, как электричество и электромагнитные волны, действующие в радио, находились, так сказать, у нас под носом, а мы тем не менее не воспринимали их. Тысячелетиями эмпирическое единообразие природных явлений было доступно нашим органам чувств, но мы не могли осознать их. "Открыты" же они были лишь благодаря взаимосвязи с другими источниками познания, а именно логикой и интуицией. Когда эти элементарные истины будут правильно поняты, то станет очевидным, каким же ничтожным и непоследовательным было бы наше знание, если бы оно сводилось лишь к чувственному знанию.

Точно так же одно лишь диалектическое рассуждение не может гарантировать истинного знания явлений окружающего мира. Оно может дать нам безупречный силлогизм или математическое заключение, но они будут эмпирически валидными только в том случае, если их основные и второстепенные посылки будут также эмпирически действительными. А это эмпирическое соответствие не может быть получено только разумом.

¹ * совпадение противоположностей (лат.).

Наконец, интуиция, неконтролируемая разумом и чувствами, часто сбивает с пути, приводя к интуитивным ошибкам. Суммируя все вышесказанное, отметим вновь, что каждая из трех систем истины, использованная изолированно и неподтвержденная другими источниками познания, обязательно дает неправильное представление о мире.

Если каждая система истины частично верна и частично ложна, то становятся понятными исторические колебания от одной системы к другой. Если одна из систем стремится занять монополистические позиции и вытеснить другие истины, то доля "ложного" в ней возрастает за счет уменьшения доли истинного, в ущерб достоверности других систем. Общество, в котором властвует такая односторонняя истина, отстраняется от реальности, от реального знания. Это приводит его к невежеству, ошибкам, пустоте ценностей, к бесплодию творческих возможностей, к нищете социально-культурной жизни. Эта тенденция приводит к теоретическим и практическим трудностям для такого общества. Его приспособление к реальности становится все более и более затрудненным; его потребности удовлетворяются все меньше и меньше; его жизнь, безопасность, порядок, творческий опыт становятся все более и более дезорганизованными. Рано или поздно наступает момент, когда оно оказывается перед лицом альтернативы: либо продолжить развитие в заданном направлении и пережить полную атрофию, либо изменить курс за счет принятия другой, более адекватной системы истины, реальности и культурных ценностей¹.

Некоторые культуры, такие, как, например, греко-римская и западная христианская, смогли осуществить подобный переход несколько раз; другие же не смогли. Первые продолжили существование, пройдя более или менее успешно ряд последовательных, сменяющих друг друга фаз, которые мы рассматривали выше. Другие же культуры или погибли и исчезали, или обрекались на загнивание и полуживое существование, а их опустошенная, ограниченная и безжизненная система истины, реальности и ценностей становилась лишь историческим "экспонатом", вместо того чтобы быть творческой субстанцией. Такие культуры и общества были всего лишь материалом для более сильных и творческих культур. Те из них, которые ограничивали ценность реальности одним из трех аспектов, будь то эмпирический, рациональный или сверхчувственный, лишь обедняли себя. Такое исключительное *Weltanschauung*^{2*} неизбежно оказывалось жертвой своей собственной ограниченности. То же происходило и с культурами, характеризующимися односторонним типом мышления. Исключительно теологическое сверхчувственное умозрение средневековой культуры, появившееся и развившееся как реакция на пустые чувственные культуры позднеантичного периода, после нескольких веков господства начало атрофироваться, постепенно приближаясь к катастрофе, отметившей закат Средневековья. То же произошло с односторонним чувственно-рациональным умозрением Ренессанса и века Просвещения (XVI—XVIII вв.), которое закончило свое существование в смертельном пожарище конца XVIII — начала XIX века.

Такова главная причина ритмической последовательности трех великих сверхсистем, которые мы анализируем. Существует достаточное количество доказательств того, что в полном соответствии со всеми ранними случаями культурных разрушений современное эмпирическое чувственное умозрение терпит фиаско совместно с культурой, на нем

¹ Об этом подробнее см. в моей книге "Социокультурная динамика". Т. 4. Гл. 6.

² * мировоззрение (нем.).

основанной. Кризис объясняется не теми или иными случайными внешними причинами; к нему привела вся система чувственной истины в процессе своего развития. Семена дезинтеграции были заложены в самой системе с начала ее существования и в процессе развития проросли настолько, что сейчас дали действительно смертные всходы.

3. Кризис современной чувственной системы истины

Кризис одновременно и в теории, и на практике. Оба аспекта проявляются крайне многообразно.

А). Кризис теоретического аспекта системы обнаруживается прежде всего в стирании границ между чувственной истиной и ложью, реальностью и вымыслом, законностью и утилитарной условностью. В предшествующей характеристике чувственной культуры отмечалось, что ее временные, релятивистские, номиналистские, материалистические и другие характеристики приводят к возрастаящей относительности самой истины, причем это продолжается до тех пор, пока она вовсе становится неотличимой от ошибки. Ее утилитарные и прагматические качества приводят, как мы видели, к тому же результату. Именно это сейчас происходит на наших глазах. Западная истина чувств стоит пред лицом трагической развязки своего же собственного свержения с престола. Если мы проследим преобладающий у нас научный и философский эмпиризм во всех его вариациях — собственно эмпирицизм, позитивизм, неопозитивизм, кантианский или псевдокантианский критицизм, типа "als ob"^{1*}, прагматизм, операционализм, эмпириокритицизм, инструментализм и т. п., — то мы не сможем не заметить, как стираются различия между правдой и ложью, реальностью и вымыслом, достоверностью и простой целесообразностью. Когда заявляется, что научные утверждения всего лишь "условности" и что из нескольких различных условностей наиболее валидна та, которая возможна лишь при определенных обстоятельствах и наиболее удобна, "экономична", целесообразна, полезна и "действена" для данного индивидуума (ср. мысли по этому поводу у Пуанкаре, Пирса, Маха, Джемса и других), то в соответствии с этим критерием догмы Сталина и Гитлера становятся достоверными, так как им они наиболее удобны. Истина, сведенная до нормы чистого удобства, до условности, до идеологии или "деривации", прославляющая экономические и другие интересы, сама уничтожает себя. Ибо каждый в равной степени правомочен заявить, что его идеология верна лишь по той простой причине, что полезна ему. Так, в лабиринте полезности, условности, целесообразности появились тысячи противоречивых истин, каждая объявляющая себя такой же действительной, как и другие: истина капиталистов и пролетариев, коммунистов и фашистов, либералов и консерваторов, верующих и атеистов, ученых и христианских теологов, привилегированных слоев и неудачников. Когда ученые заявляют, что они не занимаются реальностью, а формулируют свои схемы в духе "как будто бы соотносящиеся с реальностью", они превращают науку и истину в чистую фикцию, в чистое "как если бы", в целесообразно произвольную конструкцию. Если наука не занимается реальностью, то тогда чем же она занимается? В чем же тогда разница, не говоря уже о целесообразности, между "как будто" конструкцией больного психиатрической лечебницы и таким ученым? Какой же путь мы прошли от концепции истины как *adaequatio rei et intellectus*^{2*}, исповедуемой св. Фомой Аквинским!

¹ * "как если бы" (нем.).

² * тождество сознания и вселенной (лат.).

Эта тенденция объясняет заметный рост скептических философских учений за последние три столетия. В средние века их процент среди других ведущих философских направлений был равен нулю, в XVIII веке он вырос до 13,8%; в XIX — до 19,1%, а в XX — до 21,9% (только в период с 1900 по 1920 г.).

В таком же тупиковом состоянии находится и прагматизм с его культом и критерием полезности как эквивалента истинности; то же можно сказать и об операционализме и подобных "измах". К ним же примыкают и современные псевдокантианские концепции законов природы, сформулированные наукой как чистые продукты разума, навязанные "природе" или тому, что мы называем "природой", так как никто уже не знает, что это такое и существует ли она вообще. В результате такой постановки мы не знаем и что такое "разум", а еще меньше — что он навязывает, как, кому и почему? Вся наука и истина сводятся к чистому вопросительному знаку. Это еще более верно по отношению к неопозитивистскому движению типа венского кружка, который идентифицирует мысль с языком, логику с синтаксисом языка, правду с тавтологией (вспомним в этой связи "аналитическое утверждение" Канта); более того, они считают любые нетавтологические утверждения неточными и произвольными. Представляя эмпирицизм и скептицизм в их наиболее стерильной, бесплодной и дряхлой форме, эти течения разрушают границу между знанием и ошибкой, реальностью и вымыслом и ничего не оставляют нам, кроме высушенного и пустого мира мумиюобразной псевдореальности, лишенной жизни, чувств, мысли и низведенной до уровня толкования символов, представляющих неизвестно что. Как эпигоны былого полнокровного эмпиризма, потеряв в результате эпигонства творческую искру, они стремятся компенсировать эту потерю тщательным исследованием тайн символизма в соответствии с наиболее точными канонами псевдосемантики и псевдологики. Как остро заметил Лао Цзы: "Мудрецы никогда не бывают учеными, а ученые никогда не становятся умными людьми". Хотя китайский мыслитель несколько преувеличивал катастрофичность ситуации, его формула тем не менее как нельзя удачно подходит к ученым XX столетия.

Двигаясь в этом опасном направлении, эмпирицизм постепенно ограничивает свои наблюдения над реальностью лишь эмпирическими аспектами, которые становятся все поверхностней. Эмпирицизм тем самым преобразуется в ту научную дисциплину, которая намеревается "знать все больше о все меньшем". Потеряв свой творческий заряд и заменив его "механистичностью", он открывает все меньше и меньше, так как творит все меньше, ибо, как уже неоднократно подчеркивалось, любое творчество есть открытие, а любое открытие есть творчество.

Б). Вращивая в себе *релятивизм*, истина чувств достигла ныне того же стирания граней между чувственным знанием и невежеством. Так как эмпирическая истина относительна и изменчива у разных людей, групп и при разных обстоятельствах и в большинстве случаев представляет собой определенную идеологию, то такое положение, естественно приводит к полному стиранию разницы между истиной и ошибкой. Создается впечатление, будто каждый наделен правом считать истинным лишь то, что он пожелает, безразлично при этом, диктуется ли это его личными интересами, его "реликтами", основными рефлексами, его окружением, его социально-культурными установками и т. д. Так, утверждения "собственность священна" и "собственность — воровство" становятся одинаково законными, ибо условия жизни богатых диктуют первый тезис, в то время как коммунисты и пролетарии предлагают противоположное утверждение. Но ведь нет чувственного судьи,

который мог бы компетентно решить, какое из этих утверждений правильное, а какое нет. Все это в равной мере применимо и к космологии Птолемея и Коперника, ко множеству других утверждений и теорий. Вместе с критериями "удобства" и "экономии" релятивизм приводит к "атомизации" истины и к стиранию грани истинного и ложного.

В). К тому же результату приводит и *временный характер истины чувств*. Так как все в этом мире непрерывно меняется, то равным образом меняются местами истина и ложь. Что было верным вчера, ошибочно сегодня, а то, что верно сегодня, может оказаться ложным завтра. Это снова означает стирание всякой грани между истинным и ложным. Многие эмпирически ориентированные ученые, оказавшись перед лицом этой опасности, ищут "механизмы избегания", утверждая, что хоть научные положения всегда гипотетичны и научные гипотезы непрерывно меняются, тем не менее существует историческая тенденция постепенного приближения к истине. С течением времени лучшие и более точные гипотезы вытесняют худшие. Но такая вера сама по себе суть всего лишь предположение. Она равнозначна утверждению, что более поздняя гипотеза обязательно лучше и более адекватна, чем ее предшественница. Несмотря на оптимистическую веру в некое Провидение, которое ведет гипотезы к совершенству, эти же ученые рассмеются первыми, если теории будут тогда сменять друг друга сами по себе.

Г). Также вреден чувственной истине ее *материалистический уклон*, который затрагивает систему и в теории, и на практике. Теоретически он затрагивает ее своей незрелостью и необоснованностью любого последовательного материализма с точки зрения даже самой чувственной истины. Практически он дает тот же эффект, опуская человека и его культуру до уровня материи и ее составляющих.

Рассмотрим современную науку, обращая внимание лишь на то, как она определяет человека и что она делает ему на пользу, а что во вред. Современные концепции человека представляют его как вид "электронно-протонового агрегата", "комбинации физико-химических элементов", "животного, находящегося в близком родстве с обезьяной", "рефлексирующего агрегата", разновидность отношений типа "стимул — реакция", "специально отрегулированного механизма", психоаналитическим либидо, по-преимуществу бессознательным или полусознательным организмом, контролируемым пищеварительными или экономическими потребностями; или как *homo faber*^{1*}, производящего различные орудия и инструменты. Без сомнения, человек суть все это. Но исчерпывается ли этим вся его природная сущность? Затрагивает ли это его основные качества, которые делают его уникальным существом? Большинство определений, выдающие себя за научные, редко, если вообще, поднимают такие вопросы. Некоторые из них на самом деле заходят так далеко, что лишают человека даже разума, мысли, сознания, совести, воли, понижая его до уровня поведенческого агрегата условных и безусловных рефлексов. Таковы современные концепции наших ведущих физиков, биологов и психологов.

Концепции современных биографов, историков, обществоведов следуют той же парадигме. Биографии Стречая, Людвига, Моруа, Эллиса, Миллера, Эрскина и Адамса, а также масса современных психоаналитических и "научных" биографий разоблачают и унижают любой персонаж, каким бы благородным он на самом деле ни был. Все, чего бы или кого бы они ни касались — Бога, благородных людей, достижений,

¹ * человек трудящийся (лат.).

— высмеивается как пассивное, заурядное, ненормальное или патологическое, побуждаемое к действию прозаическими, эгоцентристскими и большей частью физиологическими стимулами. Гениальность становится разновидностью безумия, бескорыстная жертва объясняется только комплексом неполноценности, Эдиповым, Нарциссом или им подобными. Выдающиеся общественные устремления — стадными инстинктами. Половое влечение, шизофрения, паранойя становятся культурными тенденциями. Святость показывается как разновидность идиотизма; патриотизм "отца отчизны" выдается за сексуальное распутство. Жалость отождествляется с невежеством, моральная цельность с лицемерием, отдельные достижения с удачей и т. д.

Если средневековые историки рассматривали всю человеческую историю как реализацию непостижимого божественного замысла, то наши историки как *sub specie*¹ "Нью Йоркера" и "Эсквайра", рассматривают ее как либидо Фрейда, экономические факторы Маркса, "реликты" Парето и многое другое. Человеческая история оказывается не чем иным, как постоянным взаимодействием исторических лучей, солнечных пятен, климатических и географических изменений, биологических сил, стимулов, инстинктов, условных и безусловных, пищеварительных рефлексов, физико-экономических комплексов. Именно эти силы, а не человек, ставший всего лишь глиной, являются творцами всех исторических событий и создателями культурных ценностей. Сам же человек, как воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли, играет незначительную роль в разворачивании этой драмы. В наших "научных" историях его оттеснили за кулисы, чтобы он был игрушкой в руках слепых сил; более того, игрушкой, лишенной всякой привлекательности. Хотя он и тешит себя верой в то, что он контролирует свою судьбу, на самом деле он всего лишь марионетка в руках слепой биологической эволюции, которая диктует все его действия и направляет весь ход его истории.

Мы настолько привыкли к этой точке зрения, что зачастую не осознаем полную деградацию, к которой она приводит. Вместо того чтобы быть изображенным как дитя Бога, как носитель высочайших ценностей, которых только можно достичь в окружающем мире, то есть святым, человек низведен до уровня органического или неорганического комплекса, не отличающегося от миллионов подобных природных комплексов. Так как материализм отождествляет человека и его культурные ценности с материей и механическим движением, то он и не может не лишиться его исключительного положения в мире. Так как человек всего лишь комплекс атомов, а события человеческой истории всего лишь механические движения атомов, то ни человек, ни его культура не могут считаться священными, составляющими высшую ценность или отражение Божественного в материальном мире. Короче говоря, материалистическая чувственная наука и философия полностью унижают человека и саму истину.

Вместе с деградацией истины человек падает с величественного пьедестала искателя правды, абсолютной ценности и опускается до уровня животного, которое при помощи своих разнообразных "идеологий", "рационализаций" и "выводов" стремится удовлетворить свою жадность, аппетит и свой эгоизм. Когда он не ведает, что творит, то он всего лишь простак; когда же намеренно прибегает к таким "рационализациям", обращаясь к "истине" и другим высокопарным

¹ * под видом, под формой (*лат.*).

словам и понятиям, то он становится откровенным лицемером, который использует "истину" в качестве дымовой завесы для оправдания своих "реликтов" и прочих комплексов. В любом случае результат губителен для достоинства человека, его истины и науки.

Все это благоприятствует взрыву стихийных сил в человеке и приводит его к тому, что он начинает относиться к своим братьям, к каждому в отдельности или ко всем вместе, как к материальным атомам, комбинациям электронов и протонов или как к чисто биологическому организму. Если человек всего лишь атом, электрон или организм, то к чему церемониться в обращении с ним? (Мы же без колебаний давим змею или крушим атом!) ореол святости низвергнут с человека и его ценностей; людские отношения и социально-культурная жизнь дегенерировали до уровня жестокой борьбы (понаблюдайте за бесконечным потоком современных войн и революций!), исход которой зависит от физического перевеса сил. В этой борьбе разрушаются ценности, а среди них — ценность чувственной науки и сама материалистическая истина.

Д). Чувственная наука продолжает исповедовать свои ценности через постепенно сужающийся эмпирицизм, отделенный от других социальных ценностей — религии, добра, красоты и т. п.

Отстраненность эмпирического аспекта реальности от всех ее других сторон трагически сузила мир значений и ценностей и чрезвычайно обеднила бесконечное богатство и социально-культурной жизни, и вселенной, включая даже само чувственное счастье. Безразличие эмпирической науки к добру и красоте сделало ее аморальной и даже циничной. Она оказалась, таким образом, готовой служить любому барину, будь то Бог или мамона, любой цели, социально полезной или вредной, созидательной или разрушительной. С одной стороны, она создает мир, полный полезными дарами, с другой — наиболее изощренные средства разрушения человеческой жизни и культуры. Ядовитый газ, бомбы и другие взрывоопасные вещества такие же детища эмпирической науки, как и холодильники, лекарства, тракторы и им подобные изобретения.

На одной половине планеты свобода мысли и творчества уже сбита с толку теми, кто научился контролировать разрушительными силами, созданными эмпирической наукой. Наука опустила до роли прислужницы современных "варваров", которые хорошо усвоили лозунг эмпирицизма: "Истина суть то, что удобно и полезно; из нескольких возможных условий наиболее верно то, которое мне больше всего подходит". Поэтому эмпирическая наука, доведенная до своего логического завершения, еще раз проложила путь к своему окончательному падению.

Е). Наконец, вследствие громадного и сложного многообразия фактов, слабо связанных друг с другом, безотносительных и, несмотря на приписываемую им точность, очень часто противоречащих друг другу, эмпирическая наука затрудняет наше понимание действительности. Путаница, вызванная ее сложностью, усугубляется чувством неуверенности. Можно сказать, что чувственная истина возвратила наступление Века Неуверенности. Ее теории — в лучшем случае гипотезы, отмеченные противоречиями и вечными модификациями. Мир оказывается сумрачными джунглями, неведомыми и непостижимыми. Такую неопределенность нельзя терпеть бесконечно. Она вредна для счастья человека, его творчества и даже для его выживания. Когда нет истинной уверенности, то человек вынужден искать ей искусственную замену, даже если она является всего лишь иллюзией. Так человек поступал в период упадка греко-римской культуры, отдавая предпочтение абсолютным истинам христианства; так он поступает и сейчас.

Вернемся же к чувству беспомощности и дезориентации, вызванному возрастающей сложностью современной системы чувственной истины. Кто, кроме Бога всемогущего, мог бы понять бесконечный хаос "фактов", особенно если мы не знаем, какие из них уместны, а какие нет? Перед лицом этой трудности мы изобретаем бесконечные указатели и библиографии, справочники и резюме, указатели к указателям, библиографии к библиографиям, своды справочников и дайджесты к резюме. Человеческая жизнь слишком коротка, чтобы овладеть громадным и беспорядочным скоплением фактов. В нашем неистовом желании знать "все больше и больше о все меньшем и меньшем" мы упускаем существенно важные вещи. Таким образом, эмпирическая наука постепенно начинает подчиняться закону сокращающихся доходов. Она перестает удовлетворять человеческую потребность в правильной ориентации во вселенной и правильного понимания самой вселенной. Мудрено ли, что при таких условиях она ценится все меньше и меньше и что она вытесняется или по крайней мере дополняется другой системой истины?

Это верно и по отношению к общественным и гуманитарным наукам. Несмотря на разнообразие так называемых фактов, они не способствовали ни нашему пониманию социально-культурных явлений, ни нашей способности предвидеть их будущее развитие. Эмпирические науки возникают, переживают период своего расцвета и спустя несколько месяцев или лет полностью устаревают. Почти все эмпирические теории XIX и XX веков, будь то деловое прогнозирование, концепции "прогресса" и социально-культурной "эволюции", "законы трех стадий", теории социальных и культурных тенденций, были опровергнуты безжалостным вердиктом истории, как надуманные и претенциозные экспонаты бесплодной эрудиции.

Ж). Отсюда возрастающая стерильность чувственной науки, особенно в области общественных и связанных с ними наук. Несмотря на внушительное количество исторических, статистических, псевдоэкспериментальных, клинических и прочих данных, за последние три десятилетия не было создано ни одной действительно обобщающей теории. В лучшем случае они только восстанавливали в вулгаризированной и более примитивной форме обобщения предшествующих поколений. Со времен Конта и Спенсера, Гегеля и Маркса, Ле-Плейя и Тарда, Дюркгейма и Вебера, Зиммеля и Дильтея, Парето и Де Роберти в социологии едва ли появилось имя, достойное упоминания. Состояние в экономической и политической науках, антропологии, психологии и истории очень напоминает ситуацию так называемого века греко-александрийской учености, крайне продуктивной, научной, фактологической, но лишенной всякой возможности сделать существенно важное открытие или создать единственно действенную ценность. "Менее просвещенный" век Платона и Аристотеля, Фидия и Праксителя, Терпандера и Софокла, Фукидида и Геродота, открывший и интуитивно сотворивший величайшие ценности греческой культуры, был вытеснен "научным" веком александрийской учености. Точно так же "менее научная" культура Галилея и Ньютона, Фомы Аквинского и Канта, Данте и Шекспира, Рафаэля и Рембрандта, Баха и Бетховена была вытеснена системой, которая повторяет и достоинства, и недостатки просвещенной, но стерильно чистой и невдохновенной александрийской ученой школы.

Ситуация в области естественных наук и технологических изобретений, по-видимому, намного лучше, чем в гуманитарных и общественных науках. Хотя и здесь мы отмечаем предупредительные сигналы. Изучая направление научных открытий и технологических изобретений с 3000

года до нашей эры по настоящее время, мы наблюдаем, во-первых, что с конца XIX и начала XX века *число открытий и изобретений неуклонно падает*. Во-вторых, в период между началом первой мировой войны и 1920 годом *падает даже их абсолютное число*. В-третьих, *по числу и значению открытий точные науки достигают кульминации не в XX веке, а в XIX (в области же математики еще раньше — в XVIII в.)*. Следующая таблица иллюстрирует это движение:

Периоды:	Общее число научных открытий	Общее число технических изобретений	Общее число географических открытий	Итоговая сумма
1791—1800	149	113	7	269
1801—1810	228	128	6	362
1811—1820	286	157	13	456
1821—1830	388	227	16	631
1831—1840	441	313	9	763
1841—1850	534	356	9	899
1851—1860	584	423	13	1020
1861—1870	553	424	15	992
1871—1880	635	490	17	1142
1881—1890	663	477	13	1153
1891—1900	625	482	2	1109
1901—1908	552	309	1	862

Кульминация, принимая во внимание и число и значение открытий, в различных областях естественных наук была достигнута в следующие годы: в математике — 1726—1750 годы; в химии — 1851—1875 годы и 1900—1940 годы; в астрономии — 1876—1940 годы; в геологии — 1851—1875 годы; в биологии — 1811—1875 годы; в медицине — 1880—1899 годы. Таким образом, период пика для большинства естественных наук приходится не на последние десятилетия, а в основном на первые две трети XIX века.

Ситуация последних двух десятилетий более неопределенная из-за отсутствия надежных данных. Однако по ряду показателей можно предположить, что она едва ли стала лучше. Определенно установился продолжающийся спад в уровне открытий и изобретений. В некоторых областях (возьмем, к примеру, медицину) очевиден даже спад в абсолютном количестве: в период 1900—1909 годов было сделано 123 основных открытия; 1910—1919 годов — 94; а за 1920—1928 годы — 43. В годы первой мировой войны и первые послевоенные годы спад уровня открытий в воюющих странах налицо и не вызывает никаких сомнений. Тенденция к нерегулярным флуктуациям и даже уменьшению абсолютного числа открытий и изобретений по сравнению с быстрым ростом наук, характерным для двух предшествующих столетий, тоже очевидна. В соответствии с нашими данными, кульминационного взлета большинство естественных наук достигает в XVIII и в первые три четверти XIX века.

Есть все основания полагать, что современные войны совместно с тоталитарными диктатурами чрезвычайно усиливают симптомы усталости и спада творческой энергии, которые начали распространяться с гуманитарных и общественных наук на естественные науки и технологию — "святая святых" чувственной истины.

Кризис в теоретической системе чувственной истины достаточно очевиден, а о ее практическом поражении не приходится и говорить.

3). Практическое поражение декадентского эмпирицизма современной культуры обнаруживается в нашей все возрастающей неспособности управлять человечеством и ходом социально-культурных процессов, несмотря на оптимистический лозунг эмпирицизма: *Savoir pour grévoir, grévoir pour pouvoir*^{1*}. Чем больше экономистов вмешивается в экономику, тем хуже они становятся; чем больше политологов участвуют в реформировании государства, тем больше правительство нуждается в реформе; чем больше социологов, психологов, антропологов и юристов вмешиваются в дела семьи, тем больше семей разрушается; чем больше принимается "научных" решений проблемы преступности, тем больше она возрастает, и т. д. Несмотря на все находящиеся в нашем распоряжении общественные и естественные науки, мы не способны ни управлять социально-культурными процессами, ни избегать исторических катастроф. Как бревно на краю Ниагарского водопада, нас приводят в движение непредвиденные и непреодолимые социально-культурные течения, перенося нас от одного кризиса и катастрофы к другим. Не было достигнуто ни счастья, ни надежности, ни безопасности, ни даже материального благополучия. Только в некоторые периоды человеческой истории миллионы людей были такими же несчастными, незащищенными, голодными и обездоленными, как в настоящее время от Китая до Западной Европы. Войны, революции, преступления, психические заболевания, самоубийства свидетельствуют о глубоких недугах, масштабы которых чаще попросту не известны. На наших глазах происходит "затемнение" человеческой культуры. Потерпев поражение в *savoir pour pouvoir*^{2*}, чувственная наука потерпела еще более потрясающее поражение в *savoir pour grévoir*^{3*}. Накануне войны большинство ученых предсказывали мир; накануне экономического краха и обнищания — "больше и лучшее" процветание; накануне революций — стабильный порядок и закономерный прогресс. Часто пути и способы, рекомендуемые от имени науки для устранения нищеты, войны, тирании, эксплуатации и других социальных пороков, на самом деле способствовали их усилению (например, средства для спасения демократии способствовали ее ослаблению). Лучшего свидетельства немезиды односторонней чувственной истины и не требуется.

Таковы "как" и "почему" современного кризиса чувственной истины и таковы его симптомы. Подобно другим односторонним системам истины, имманентные силы эмпирицизма постепенно приводят его к разрушению. Западная культура сейчас на распутье. Она должна либо придерживаться своей устаревшей односторонней концепции истины, или видоизменить свою односторонность за счет слияния с другими системами. Если она предпочтет первое, то ей придется поплатиться всем своим творческим потенциалом и стать совершенно бесплодной и окаменевшей. Иной выбор приведет к целостной и более подходящей системе истины и ценностей.

Как мы видим, состояние чувственной истины (наука, философия, религия) чрезвычайно близко сложившемуся положению дел в изящных искусствах. Обе системы достигли декаданса — переходного периода. Хотя они обе и внесли громадный вклад в общую сумму достижений человечества, в настоящее время они уже не в состоянии далее быть полезными. На горизонте появляются другие формы культуры, которым

¹ * Знать, чтобы предвидеть; предвещать, чтобы властвовать (фр.).

² * знать, чтобы властвовать (фр.).

³ * знать, чтобы предвидеть (фр.).

суждено осуществить, каждой по-своему, защиту творческой эволюции. Когда и эти формы, в свою очередь, исчерпывают свою внутреннюю жизнеспособность, то, без сомнения, появится новая форма чувственной культуры. Таким образом, пока продолжается человеческая история, будет существовать и творческий "вечный цикл" культуры.

КРИЗИС ЭТИКИ И ПРАВА

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная системы этики

Любое интегрированное общество имеет этические идеалы и ценности как наивысшее воплощение его этического сознания. Точно так же любое общество обладает своими законодательными нормами, которые определяют, какие формы поведения ожидаются, требуются и допускаются со стороны его членов, а какие запрещаются и наказываются. Этические идеалы и юридические нормы, однако, отличаются по своему характеру и содержанию в разных обществах, а зачастую и у отдельных людей. В обобщенном виде они создают идеациональную, идеалистическую и чувственную системы этики и права. Можно легко увидеть разницу между этими системами из следующих примеров высших этических идеалов.

Идеациональные этические нормы.

"Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут".

"Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что вам пить, ни для тела вашего, во что одеться".

"Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам".

"...Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас".

"Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш Небесный".

"Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небесах"¹.

Разнятся по форме, но схожи по содержанию, этические системы индуизма, буддизма, даосизма, зороастризма, иудаизма и любых других идеациональных умонастроений. Все они видят высшую этическую ценность не в этом чувственном мире, а в сверхчувственном мире Бога или Абсолюта. Все они считают эмпирический мир чувств с его идеалами псевдоценностью или, в лучшем случае, малозначимой и второстепенной ценностью.

Добро — это одно; удовольствие — совершенно иное; оба, обладая разными объектами, приковывают человека. Праведен тот, кто следует добру; тот же, кто выбирает удовольствие, не достигает цели.

Смотри на мир, как бы ты смотрел на мыльный пузырь (или мираж).

Глупость растворена в нем, мудрость и не касается его.

Все склонно к развалу, и нет в нем постоянства. Везде я нахожу старость, болезни, смерть. Поэтому я ищу такого счастья, которое не разрушается и никогда не исчезнет, которое никогда не знает начала и одинаково взирает на врага и на друга, которое не нуждается ни в богатстве, ни в красоте, некое счастье... со всеми мыслями о мире порушенном.

¹ Евангелие от Матфея. VI:19—20, VI:24—25, VI:33; V:44, V:48; VI:9—10.

Мудрецов... ничто не заботит в этом мире.

Нет удовлетворенных страстей, даже нескончаемым потоком золотых монет. Тот, кому известно, что страсти скоротечны и причиняют боль, тот — мудр. Он находит удовольствие только в разрушении всех страстей.

Человек, свободный от желаний... видит величие своего собственного неэмпирического "Я", созданного милостью творца. Он величайший из всех.

Разум, приближающийся в Вечному, достигает разрушения всех страстей.

Так индусы и буддисты выражают свое негативное отношение ко всем чувственным ценностям — богатству, золоту, удовольствию, власти.

Идеациональная этика направлена не на увеличение чувственного счастья и удовольствий этого мира, а на единение со сверхчувственным Абсолютом. Нормы такой этики рассматриваются как открытые или исходящие из Абсолюта, поэтому они абсолютны, безусловны, неизменны, вечны. Ими нельзя пренебречь ни при каких обстоятельствах или во имя какой-либо другой ценности. Если реализация таких норм и дает в качестве побочного продукта счастье и радость, то они суть всего лишь побочный продукт, а не цель такой этики. Если нравственные заповеди приводят к чувственной боли или горю, то и это тоже не имеет значения. Дело в том, что все идеациональные системы относятся к чувственным удовольствиям негативно: или как к чистой иллюзии, или как к источнику несчастья, или как к препятствию на пути достижения потустороннего — Бога.

Чувственные этические нормы. Любая теория, признающая в рафинированной или грубой форме чувственное счастье, наслаждение, полезность, комфортность высшей ценностью, есть чувственная система этики. Все чисто утилитаристские, гедонистические и даже многие эвдемонистические системы этики суть разновидности таких этических идеалов. Их догматы хорошо нам известны:

Максимум счастья для максимального числа людей.

Высшая цель — наслаждение.

Давайте есть, пить, веселиться, ибо завтра нас уже не будет.

Вино, женщины и песня.

Следуй своим желаниям, покуда жив... Делай все, что пожелаешь, на этой земле и не тревожь сердца своего.

Жизнь коротка, давайте насладимся же ею.

Не существует небес, нет конечного освобождения, нет ни одной единственной души в мире ином... Покуда человек жив, пусть живет счастливо, пусть питается песней, даже если он погряз в долгах. Если тело станет прахом, то как вернуть его вновь?!

Лесбия, ты прекрасна... Дай нам жить, дай нам любить, моя Лесбия. Солнце заходит, чтобы взойти вновь, а что касается нас, то когда эфемерный огонь нашей жизни погаснет, мы уснем вечным сном. Поэтому дайте мне тысячу поцелуев, потом сто, потом снова тысячу... после мы собьемся со счета, чтобы больше не думать о нем.

Лови день.

Купи автомобиль и будь счастлив.

Таковы вечные китайские, индусские, греческие, итальянские, английские, американские, прошлые и настоящие, постулаты более грубых и более утонченных чувственных систем этики. Их высшая цель увеличить сумму чувственного счастья, удовольствия и комфорта, ибо они не признают никакой сверхчувственной ценности. Их нормы относительны, а не абсолютны, целесообразны и изменчивы в зависимости от людей, групп и обстоятельств, в которые они вовлечены, а потому рассматриваются как созданные человеком. Если они служат целям счастья, то они принимаются, если нет, то напрочь отвергаются.

Идеалистические этические нормы. Идеалистические нравственные нормы представляют собой промежуточный синтез идеациональных и чувственных ценностей. Подобно идеациональной этике, этика идеалистическая видит высшую ценность в Боге, или Абсолюте, но в отличие от идеационализма она положительно оценивает те чувственные ценности, которые благородны и не противоречат Абсолюту.

Подобных постулатов не шесть.

"Полное счастье человека не может быть не чем иным, кроме как видением божественной сущности" (Фома Аквинский. Сумма теологии. II, I, q. 3, a. 8).

"В убеждении, что душа бессмертна и способна переносить любое зло и любое благо, мы все всегда будем держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость вместе с разумностью, чтобы, пока мы здесь, быть друзьями самим себе и богам... и в том тысячелетнем странствии... нам будет хорошо" (Платон. Государство, 621 с-д).

"[Высшее благо или совершенно счастливая жизнь] будет выше той, что соответствует человеку, ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное... насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе" (Аристотель. Никомахова этика, 1177 в).

Помни о смерти... Имущество не создает счастья. Богатство непостоянно. Не съшь хлеба, когда другой испытывает нужду, но и не протягивай ему руку с хлебом... Будь благочестивым, усердным. Не будь пьяницей. Веди честную жизнь. Будь уважительным. Учись, ибо знания полезны... Проявляй заботу о женщинах.

Удовольствие тленно, оно проходит, как сон. Познав его, человек в конце встречает смерть (Древнеегипетские нравственные заповеди).

Эти постулаты колеблются от идеационально-идеалистического уровня до утилитарно-чувственного, как, например, в моральных принципах Древнего Египта. Но первые три постулата представляют собой разнovidность идеалистической этики. Они фактически сливаются с эдемонистической этикой.

Более того, в течение истории греко-римской и западноевропейской культур то одна, то другая из этих трех систем этики занимала господствующее положение в обществе. Каждая из них доминировала приблизительно в те же периоды, когда господствовали идеалистическая, чувственная или идеациональная системы искусства и истины. Греческая этика с VIII по V век до нашей эры была главным образом идеациональной — это этика Гесиода, Эсхила, Софокла, Геродота, Пиндара и других. Иначе не объяснишь "гнева богов" в их драмах и поэзии, их религию. Трагедия пришла к Эдипу не по его вине. Он воистину делал все, что было в его силах, дабы избежать преступлений отцеубийства и женитьбы на своей матери, но рок навязывает ему эту трагедию. С нашей точки зрения последующая кара — совершенно незаслуженная. Видимо, такова и точка зрения Софокла. Однако его идеациональная этика страстно требует искупления за любое нарушение абсолютных моральных принципов, являющихся идеациональными или какими-либо другими. Такова и позиция Пиндара, Эсхила, Геродота и господствующей религиозной морали того периода. Вместе с Пиндаром греки того времени считали, что "человеческое счастье недолговечно" и что оно далеко не главная ценность.

Эта этическая система начала разрушаться в V веке до нашей эры и вытесняться идеалистической этикой Сократа, Платона и Аристотеля

с ее нормами, о которых мы уже говорили выше. Период с III века до нашей эры по IV век нашей эры отмечен чувственной этикой в своих более благородных стоических и эпикурейских формах и в грубых формах чистого гедонизма и кодекса *Carpe diem*^{1*}. Даже на могильных камнях были начертаны такие вульгарные чувственные сентенции, как "Es, bibe, lude, veni"^{2*}; или "Давайте есть, пить и веселиться, ибо завтра мы умрем".

С IV века нашей эры идеациональная этика христианства постепенно достигает главенствующего положения в обществе и культуре, которое остается неоспоримым вплоть до XIII века. Мы хорошо знаем все эти принципы. В самом чистом виде они обобщены в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Исходящие от Бога моральные ценности христианской этики суть абсолюты. Их основной принцип — всеобъемлющая, всепоглощающая и всепроникающая любовь Бога к человеку, человека к Богу и человека к человеку. Их пафос и характер происходят из безграничной любви, из божественной милости, долга и жертвенности, заложенных в них. Благословенный божий даром человек — это дитя Бога, и он освящен этим родством, вне зависимости от расы, пола, социального положения, возраста, он сам по себе наивысшая ценность. Делая свои принципы абсолютными, христианство поднимает человека до высочайшего уровня святости и защищает его от использования в качестве средства достижения цели. Невозможно большее прославление или освящение человека, чем то, которым его удостоила идеациональная этика христианства.

Из этой характерной черты христианской этики следовала средневековая (отрицательная и равнодушная) оценка всех ценностей чувственного мира как таковых, начиная от богатства, наслаждения и полезности до чувственного счастья, если оно отделено от сверхчувственной ценности.

"Тот, кто любит Христа, равнодушен к миру сему".

Это отношение подчеркивается средневековым монашеством и аскетизмом, средневековым воззрением на жизнь как всего лишь на мучительную подготовку для перехода с грешной земли в вечный град Божий.

Эта строго идеациональная система этики уступила место менее жесткой идеалистической системе этики XIII—XV веков. В XIV—XV столетиях вновь возрождается чувственная этика, эра процветания которой наступила в следующее столетие Ренессанса и Реформации. Гедонизм, чувственность и язычество этики Ренессанса хорошо известны. Общеизвестна чувственность, утилитарность, цинизм и нигилизм в учениях этого периода и в образе жизни его лидеров. Особенно это типично для Ренессанса во Франции и Италии. Менее сенсуалистической, хотя чувственной и утилитарной, была этика большинства сект Реформации, с возможным исключением аскетической этики Протестантизма (кальвинизм, пиетизм, методизм). Хотя и скрытый за идеациональной фразеологией, характер этики Протестантизма был главным образом утилитарным и чувственным. Умение делать деньги было объявлено признаком божьей милости; более того, оно было возведено до уровня первостепенного долга: "Мы должны призвать всех христиан зарабатывать, насколько они смогут, и сберегать все, что удастся; именно

¹ * Лови день (*лат.*).

² * Ешь, пей, веселись, приходи вновь (*лат.*).

благодаря этому они станут богатыми”, — проповедует Джон Уэсли. А вот утверждение Бенджамина Франклина: “Честность полезна, так как она обеспечивает хорошую репутацию; таковы и точность, трудолюбие, бережливость, и именно по этой причине, они являются добродетелями... Помните, что время — деньги. Помните, что деньги имеют производящую, плодоносящую природу”. Подобные взгляды проповедаются и представителями других протестантских течений. Раннее и средневековое христианство провозглашало богатство источником вечных мук: умение делать деньги — *summae periculosae*^{1*}, выгоду — *tigre luscum*^{2*}, одалживание денег — тяжким преступлением, богатого человека — первым кандидатом на проклятие, которому труднее будет войти в царство Бога, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко; или, как выразил эту мысль Анатолий Франс, “сострадание Богово — бесконечно: оно спасло даже одного богача”. Но Реформация и Ренессанс изменили эту точку зрения. По воскресеньям пуританин верит в Бога и Вечность, в будни — в фондовую биржу. По воскресеньям его главная книга Библия, в будни гроссбух становится его Библией. В результате мы наблюдаем параллельный рост протестантизма, паганизма, капитализма, утилитаризма, чувственной этики в течение всех последующих столетий. Последние четыре столетия явились свидетелями главенства чувственной этики в западном обществе. Хотя в количественном отношении, как показывают исследования, доля ее была меньшей, чем доля идеациональной и идеалистической систем, с качественной точки зрения она, несомненно, была господствующей системой, так как многие ее элементы пронизывали и вытесняли формальные принципы идеациональной и идеалистической систем нынешних четырех столетий. Следующие сводные таблицы, представляющие соотношение сторонников абсолютной (идеациональной и частично идеалистической систем) и относительной чувственной этики счастья (гедонизма, утилитаризма, эвдемонизма) среди других ведущих этических течений, дают нам более точное представление об этих изменениях:

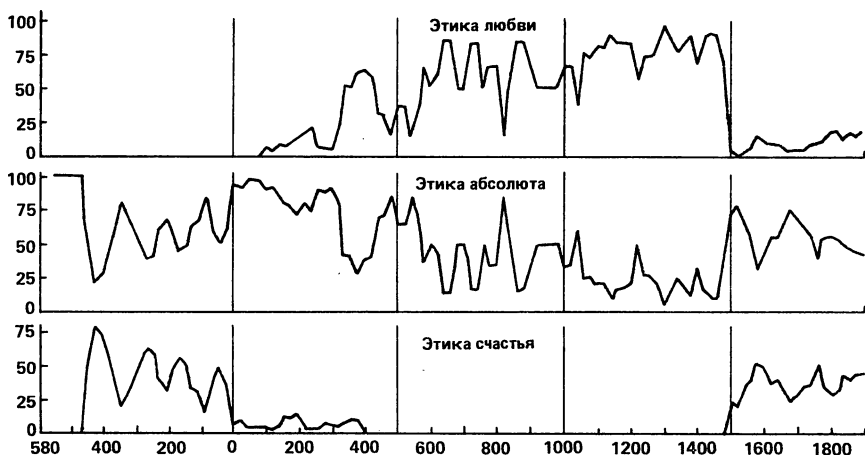
Периоды	Чувственная этика счастья (в %)	Абсолютная идеациональная этика (в %)
400— 500 н. э.	0	100
500— 600	0	100
600— 700	0	100
700— 800	0	100
800— 900	0	100
900—1000	0	100
1000—1100	0	100
1100—1200	0	100
1200—1300	0	100
1300—1400	0	100
1400—1500	8.7	91.3
1500—1600	43.5	56.5
1600—1700	38.4	61.6
1700—1800	36.3	63.7
1800—1900	38.0	62.0
1900—1920	43.0	57.0

¹ * главная опасность (лат.).

² * постыдная польза (лат.).

В средние века, как видим, чувственная этика практически отсутствовала, однако, появившись в ясно очерченной форме лишь в XV веке, она добилась быстрого роста в XVI веке и, сохраняя с минимальными отклонениями высокий уровень, достигла пика в период Ренессанса и Реформации, а также в нынешнем столетии. Следующая диаграмма демонстрирует эти изменения; кривая движения чувственной этики ясно показывает периоды подъема и падения с 500 года до нашей эры по 1920 год.

Диаграмма 3.

Сходная картина представлена в следующих цифрах, которые показывают соотношение сторонников абсолютных и релятивистских (этических, интеллектуальных и эстетических) ценностей среди выдающихся мыслителей в каждый отдельный исторический отрезок времени.

Периоды:	Релятивизм (в %)	Абсолютизм (в %)
400— 500	0	100
500— 600	0	100
600— 700	0	100
700— 800	0	100
800— 900	0	100
900—1000	0	100
1000—1100	0	100
1100—1200	0	100
1200—1300	0	100
1300—1400	20.8	79.2
1400—1500	23.1	76.9
1500—1600	40.4	59.6
1600—1700	38.0	62.0
1700—1800	36.8	63.2
1800—1900	37.9	62.1
1900—1920	48.6	51.4

Таблица показывает, как релятивизм высших ценностей от этического *summum bonum*^{1*} до истины и красоты, отсутствующих в средневековый период, возродился в XIV веке и по мере возрастания, с незначительными отклонениями в последующие века, достигает своего максимума в нынешнем столетии. Эти цифры свидетельствуют о прогрессирующей релятивизации всех ценностей, как помянутых нами в предыдущем повествовании, так и о которых еще будет идти речь, релятивизации, которая стремится лишить ценности самой сути, чтобы они не могли далее быть ни нормами, ни ценностями. Однако факт количественного преобладания абсолютизма (51.4%) над релятивизмом (48.6%) не должен вводить нас в заблуждение. Малая порция виски или несколько капель яда способны отравить или интоксигировать воду. Следует помнить об этом и применительно к обсуждаемым вопросам. Суть дела, видимо, в относительном увеличении или уменьшении каждого изучаемого направления. Скачок релятивизма, скажем, от 40% до 48% достаточен, чтобы ослабить, раздробить, разрушить этические или любые иные ценности. Что же касается всех этих ценностей, то мы живем в век их чрезвычайной релятивизации и разрушения. Они, в свою очередь, являются показателем умственной и моральной анархии, ибо ценность, которая больше не универсальна, становится псевдоценностью, игрушкой фантазий и желаний².

2. Идеациональная, чувственная и идеалистическая система права

Идеациональное право. Интегрированные системы права также представлены идеациональной, идеалистической и чувственной формами. Идеациональный свод законов рассматривается как данный Богом или Абсолютом. Главным образом он — *jus divinum, jus sacrum*^{3*}. Его нормы считаются заповедями Бога. Как таковые, они становятся абсолютными, хотя и не отвергают в принципе утилитарные или некоторые другие соображения. Часто нельзя вносить какие-либо изменения в эти правила. Вот типичные примеры подобной правовой системы.

“Итак, Израиль, слушай постановления и законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы и пошли и наследовали ту землю, которую Господь, Бог отцов ваших, дает вам. Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую” (Второзаконие, IV:1—2).

“Во имя сохранения всего сотворенного, Всемогущий Бог предопределили отдельные обязанности тем, кто произошел из его уст, рук, бедер, ног... Бог создал... наказание, защитника всех существ, воплощение закона, составляющего славу Брахманов” (Законы Ману, I, 31; VII, 14).

“Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном” (Евангелие от Матфея, V:18—19).

¹ * высшее благо (*лат.*).

² См. об этом подробнее мою “Social and Cultural Dynamics”, vol. 2, ch. 13—15.

³ *божеское право, священный закон (*лат.*).

Нормы идеационального закона не направлены на увеличение чувственного счастья, удовольствия или полезности. Их нужно беспрекословно выполнять как заповеди всеведущего и сверхсправедливого Абсолюта. Мы можем отнюдь не всегда понимать их мудрость, они могут оказаться непостижимыми, как непостижимы пути Провидения. Их мудрость и справедливость неоспоримы. Будучи таковыми, идеациональные законодательные своды защищают многие ценности, которые, по-видимому, не имеют чувственной утилитарности и удовольствия. С другой стороны, они запрещают многие удовольствия, считая их греховодными. Их нормы всегда содержат большую долю заповедей, относящихся к Абсолюту, к религиозным верованиям, ритуалам, религиозному поведению, а также к формам мысли и поведения, которые освящают или очищают все важные события повседневной жизни человека, подобно рождению (баптизм), бракосочетанию (венчание) и смерти (отпевание). Почти все их нормы проникнуты главной идеей содействия союзу человека с Абсолютом и его очищения как в случае нарушения заповедей, так и совершения преступления или греховного проступка.

В таких законодательных сводах преступление синонимично греху, так же как и послушание закону тождественно послушанию Богу и спасению. Поэтому *в уголовном праве идеациональный свод законов всегда содержит среди наказуемых и запрещенных действий много таких актов, которые нарушают предписываемые правила в отношении человека к Богу и сверхчувственным ценностям.* Предписания, направленные против ереси, отступничества, святотатства, богохульства; нарушения дня воскресения или другого святого дня; нарушение религиозных обрядов; несоблюдение святых церемоний крещения, венчания и похорон; нарушение священных запретов, относящихся к бракам между родственниками, людьми разной веры, неверующими и т. д., — все эти законы содержат множество санкций против подобных актов. *Их система кар таким образом строится не только на чувственных наказаниях, но и на сверхчувственных.* Наказания ранжируются от проклятия грешника, а часто и его потомства, предания его аду или чистилищу и вплоть до полного отлучения его от церкви, лишения таинства исповеди и отправления религиозного обряда захоронения и т. д. Суть кар заключается в большой степени не столько в предотвращении преступления, в перевоспитании грешника или в защите утилитарных интересов общества, сколько именно в *искуплении* греха, совершенного против Бога: любое нарушение абсолютной нормы требует защиты самой нормы и не может обойтись без искупления совершенного греха. Преступник всегда *sacer esto*^{1*}; поэтому он должен быть наказан вне зависимости от того, явится ли с чувственной точки зрения такое наказание полезным для общества или для обвиняемого. Более того, *система судебных показаний такого закона имманентно включает в себя ряд сверхчувственных свидетельств в форме ордалий, "божественных показаний", высказываний оракулов, пророков, пифий и других "сверхъестественных методов" для определения виновности или невиновности обвиняемого.* Система судебных показаний основана на признании вмешательства Абсолюта в юридические дела. *Почти каждое юридическое действие, будь то обмен или покупка собственности, заключение контракта или выплата долга, расписывается до мельчайших деталей через декларирование определенных священных формул, священных действий, не оставляющих какой-либо возможности*

¹ * Да будет посвящен божеству (*лат.*). Сакральная формула либо значила благословение, либо проклятие, в зависимости от божественного адресата.

изменить что-либо, пусть даже одну-единственную букву или деталь, в этой сакральной процедуре. Точно так же, как не допускается никакое изменение в каком-либо важном религиозном ритуале, никакое изменение не допускается и в юридической процедуре в интересах вовлеченных в нее сторон или кого-либо еще. Например, в римском праве на ранней идеациональной стадии, когда предметом судебного разбирательства было владение определенными типами собственности, истец начинал процедуру, держа в руках специальную палку (*vindicta* или *festusa*^{1*}), произносил при этом стереотипизированную и неизменную вступительную фразу. Ответчику также приходилось держать слово, прибегая к столь же застывшим фразам. Вся юридическая процедура была священным ритуалом, таким же заформализованным, как и все религиозные таинства. Причина такого формализма идеационального закона и юридической процедуры заключается в том, что они суть всего лишь разновидности религии и религиозного ритуала, предписанного Богом, и поэтому неизменны. Наконец, *суды в такой системе права прямо или опосредованно всегда одновременно выступают священниками, епископами или другими членами священнических орденов, которым помогают оракулы, пророки, проповедники, святые и т. д.* Короче говоря, нормы закона — абсолютны и жестки; формы его применения столь же абсолютные и формальные. Не допускается никакой неясности, неопределенности, относительности, двусмысленности или усомнения в годности. Юридическое сознание идеационального общества ясно, свободно от всяких сомнений, не допускает критики и обсуждения. Оно воплощает в деталях основную посылку идеационального мышления.

Соответственно, идеациональное право совершенно не руководствуется соображениями пользы, выгоды, целесообразности и чувственного благополучия даже в таких утилитарных делах, как производство, обмен и потребление экономических ценностей — торговля и коммерция, прибыль и прирост, собственность и владение, рента, отношения между предпринимателями и служащими, другие экономические связи и отношения собственности. Все они подчинены идеациональным нормам и допустимы до тех пор, пока не противоречат идеациональным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они либо отрицаются, либо запрещаются и становятся наказуемыми вне зависимости от их полезности для общества или заинтересованности вовлеченных во взаимодействие сторон. Этим объясняется изгнание Христом торговцев из храма в Иерусалиме с упреком: "Дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников"^{2*}. А отсюда и запреты, которые накладываются каноническим законом и христианской моралью на одалживание денег, выгоду, посвящение себя "умению" делать деньги и на другие экономические, будь то выгодные и полезные, виды деятельности. Вся подобная деятельность ограничивается или подчиняется идеациональным ценностям. Применимо это также и к личным отношениям в браке и семье, ибо брак создан не для счастья. Он рассматривается как священный союз, и поэтому, согласно средневековому христианскому обычаю, развод был невозможен, независимо от того, счастливой или несчастной остается при этом семейная пара. Короче говоря, идеациональные ценности в таких законодательных сводах доминировали над всеми другими ценностями.

¹ * прут, символизирующий копьё.

² * Евангелие от Луки, 19:46; ср.: Евангелие от Матфея, 21:13.

Все это распространяется и на любое другое сообщество людей, контракт, общественные отношения, подпадающие под идеациональный закон. Социальные связи никогда не являются объектом свободного выбора заинтересованных сторон или грубого силового принуждения. Они ограничены многими условиями и подчинены требованиям сверхчувственных ценностей. Такой законодательный базис не допускает безграничных связей и соглашений или неконтролируемого принуждения в человеческих отношениях, какими бы полезными, приятными или удобными они ни были для вовлеченных сторон. Идеациональный закон не только урезает договорные отношения, запрещает или сдерживает принудительные отношения между индивидами и группами, он еще предписывает людям быть братьями, альтруистами, сострадательными, щедрыми, сплоченными и солидарными, помогать друг другу, любить друг друга, уважать друг друга, так как все люди — дети Бога или Абсолюта, и тогда безразлично, являются ли такая помощь, любовь, альтруизм и взаимовыручка полезными, приятными и желанными. Все это требуется как долг христианина, жертва, необходимая Абсолюту. Эта двойственность, выраженная в божественной авторитарной регуляции социальных отношений а) посредством негативного ограничения связей и принуждений, противоречащих абсолютным нормам Бога, и б) посредством позитивной стимуляции долга, жертвенности, любви, альтруизма и доброй воли, не принимая во внимание соображения выгоды, полезности, удовольствия и счастья, — суть специфическая черта идеационального закона.

Наконец, *такой кодекс считает легитимным лишь тот авторитет правительства, который происходит в конечном счете от Абсолюта, а не от физической силы, богатства или популярности.* Правительство, обладающее авторитетом, основанном не на санкции Абсолюта и не подчиняющееся его заповедям, недействительно для такой системы права и общества. Оно расценивается как деспотичное, тираническое, не имеющее право на послушание и достойное лишь того, чтобы быть низвергнутым. Поэтому в обществах, управляемых идеациональным законом, политический режим всегда явно или скрыто *теократический.*

Таковы вкратце типичные черты идеационального права. Эти черты можно встретить в светском и каноническом законах средневековой Европы, браминской и индуистской Индии, Тибета, в законе раннеархаических Рима и Греции, в государстве инков и в любой другой идеациональной культуре.

Чувственное право представляет собой совершенно иную картину. Оно рассматривается чувственным обществом как созданное человеком, в действительности же является инструментом подчинения и эксплуатации одной группы другой. Его цель исключительно утилитарна: сохранение человеческой жизни, охрана собственности и имущества, мира и порядка, счастья и благополучия общества в целом и господствующей элиты, которая устанавливает и проводит в жизнь чувственный закон, в частности. Его нормы относительны, изменяемы и условны: ряд правил, целесообразных при одних обстоятельствах или для одной группы людей, становится бесполезным или даже вредным при иных обстоятельствах и для другой группы лиц. Законы поэтому предрасположены к постоянным изменениям. В такой системе права не заложено ничего вечного и святого. Она не пытается регулировать сверхчувственными ценностями или направить в их русло человеческие отношения. Она содержит, если вообще содержит, мало положений, касающихся отношений человека к Богу, спасения души или других трансцендентальных явлений. Его уголовный кодекс фактически игнорирует идеаци-

ональные преступления: ереси, отступничество, святотатство и т. п. Его кары целиком чувственные, лишённые сверхчувственных санкций. Их цель — не искупление, а возмездие, перевоспитание преступника, безопасность общества и сходные утилитарные соображения. Так как закон этот по природе своей светский, то он не дополняется какими-либо священными или каноническими установлениями. Его система юридического наказания неизменно чувственная; не допускаются "суждения Бога" или "суровые" испытания. Его судьи — светские лица. Правила и процедуры гибки, изменяемы, свободны от жесткой формальности идеационального закона. Личные и имущественные отношения людей управляются целиком с точки зрения их целесообразности, полезности и чувственного благополучия либо общества в целом, либо правящей элиты. Сверхчувственные ценности и рассуждения не играют существенной роли в ограничении или контроле этих утилитарных или чувственных побуждений.

Социальные отношения, регулируемые чувственным законом, также становятся предметом чувственных утилитарных соображений. Такая регуляция не требует какой-либо божественной авторитетной санкции. Все отношения — либо договорные (на основе совместного соглашения сторон), либо общеобязательные (навязываемые сильными слабым); все они санкционированы законом. Существующие ограничения свободы договора или принуждения вводятся по чувственным или утилитарным соображениям. Никакие неутилитарные или антиутилитарные ограничения не налагаются на имущественные, личные или какие-либо другие отношения, если этого не требуют интересы других групп. Во всех отношениях вся система правовой регуляции покоится на чувственной основе и определяется почти исключительно чувственными побуждениями.

Наконец, *правительство, которое устанавливает и проводит в жизнь такой кодекс, — не теократическое, а светское, основанное либо на военной или физической силе, на богатстве или способностях, либо на доверии избирателей.* Так как для легальности авторитета права не требуется никакой божественной или сверхчувственной санкции, то нет и возможности для возвышения влиятельной теократической власти.

Таковы основные характерные особенности чувственного закона, будь то право западноевропейских держав последних нескольких столетий, право чувственного периода истории Греции и Рима или закона других чувственных культур.

Идеалистическое право, в свою очередь, занимает промежуточное положение между чувственным и идеациональным законами.

3. Смены в господстве идеационального, идеалистического и чувственного права

Как в области этических идеалов, изобразительных искусств и систем истины, каждая из этих трех форм права в истории греко-римской и западной культур поднималась до господствующего положения и затем вновь приходила в состояние упадка, уступая место другой законодательной сверхсистеме.

Ранний греческий и римский закон до V века до нашей эры был главным образом идеациональным. Он был преимущественно *jus divinum** со жречеством в качестве верховных правителей, законода-

* божеское право (лат.).

телей, судей, с юридическими нормами, предписанными богами. Поэтому он был священным и незыблемым. Правонарушитель становился sacer esto^{1*}. Целью наказания было искупление. По словам некоторых историков, религия в Древней Греции была абсолютным властелином, государство было религиозным сообществом, правитель — понтификом, судья — жрецом, закон — священной формулой, патриотизм — благочестием, изгнание из общества — отлучением от церкви. По мнению других исследователей, в Древнем Риме (до V в. до н. э.) правитель был верховным понтификом (pontifex maximus, rex sacrificulus^{2*}). Он осуществлял связь граждан сообщества с богами, к которым он апеллирует (auspicia publica^{3*}); он же назначает всех жрецов и жриц. Уголовный закон был ритуальным; большинство тяжких преступлений носило религиозный характер. Словом, ситуация демонстрировала все характерные черты идеационального права. К концу VI века до нашей эры появились симптомы упадка, а в V веке возрождаются элементы чувственного закона. В период между III веком до нашей эры и V веком нашей эры чувственное право вырастает до господствующего в античном обществе положения, раскрывая все свои типические черты. Триумф христианства приводит к восхождению идеационального закона, который после V века нашей эры становится господствующим и остается таковым до конца XII века. В этот период христианский закон средневековой Европы (светский и канонический) приобрел все типичные черты идеационального закона. Средневековое уголовное законодательство, по сравнению с правом языческих племен и позднеримским правом, вводит много новых, жестоко наказуемых преступлений чисто религиозного характера, таких, как богохульство, отступничество, ересь, раскол, колдовство, препятствие проведению религиозных служб, несоблюдение религиозных обрядов, дня воскресения, нарушение "спокойствия Бога", надругательство над трупами, самоубийство, ростовщичество, связь с евреями, похищение, адюльтер, сводничество, кровосмешение, внебрачная связь, аборт и т. д. Большинство из этих "новых" преступлений с чисто утилитарной или гедонистической точки зрения вовсе не обязательно вредны и губительны для заинтересованных сторон. С идеальной же, христианской точки зрения они являются нарушением заповедей Бога, нарушением идеациональных ценностей, а потому считаются криминальными и наказуемыми.

Переходя от сводов средневекового закона к кодексам XVII века и более поздних столетий, большинство из этих нарушений перестают быть преступлениями и исключаются из списка криминальных и наказуемых. Оставшиеся же "криминальными" изменили свою природу и караются по чисто утилитарным причинам. Поворотный момент в продвижении к чувственному уголовному праву наступает с введением советских законов 1926—1930 годов, когда все религиозные преступления были отменены, а с ними и многие нарушения, связанные с попранием идеациональных ценностей. Обольщение, адюльтер, полигамия, полиандрия, кровосмешение, содомия, гомосексуализм, внебрачные связи, непристойность в публичных местах перестали считаться преступлениями. Все такие действия стали некриминальными. Подобное изменение произошло и в области гражданского и конституционного права. Практически во всех западных странах законы стали почти полностью чувственными и остаются преимущественно таковыми по настоящее время.

¹ * Да будет посвящен божеству (лат.).

² * верховный жрец (лат.).

³ * публичные ауспиции (лат.), т. е. наблюдения за полетом вещей птиц или за их криком, клевом и т. п., для составления гаданий, предсказаний по ним.

Рассмотрим теперь современный кризис нравственных идеалов и права. Поскольку господствующие формы морали и права в западноевропейских странах чувственные, то и кризис, очевидно, будет заключаться в разрушении чувственных этики и права¹.

4. Разрушение чувственных этики и права

Суть кризиса заключается в постепенной девальвации этических и правовых норм. Девальвация зашла уже так далеко, что сколь бы странным это ни показалось, но этические и правовые ценности потеряли свой престиж. В них уже вовсе нет той былой святости, в которую первоначально они облекались. Все больше и больше на истинные нравственные ценности смотрят, как на всего лишь "рационализацию", "выводы" или как на "красивые речевые реакции", маскирующие эгоистические, материальные интересы и стяжательские мотивы индивидов и групп. Постепенно их начинают интерпретировать как дымовую завесу, скрывающую прозаические интересы, эгоистичные желания и особенно страсть к материальным ценностям. Подобным образом юридические нормы все больше и больше рассматриваются как орудие в руках стоящей у власти элиты, эксплуатирующей другие, менее влиятельные, группы населения. Иными словами, они есть своего рода уловка, к которой прибегает господствующий класс для того, чтобы держать в повиновении и контролировать подчиненные классы. И юридические и этические нормы стали всего лишь румянами и пудрой для того, чтобы сделать макияж неприглядному телу экономических интересов Маркса, резидий Парето, либидо Фрейда, комплексов, стимулов и доминирующих рефлексов других психологов и социологов. Они превратились в простые дополнения к полиции, тюрьмам, электрическому стулу, подавлениям и другим формам проявления физической силы. Они потеряли свой моральный престиж, деградировали и снизились до статуса средства, используемого умными плутократами для одурачивания эксплуатируемых простаков. С потерей престижа они постепенно утрачивают и свою контролируемую и регулируемую силу — важный фактор человеческого поведения. Их "ты не должен" и "ты должен", как моральные императивы, все меньше и меньше определяют поведение людей и направляют его в соответствие с нормами, а их роль постепенно сводится к нулю. Логически возникает вопрос: "Если соль утратила свои вкусовые качества, то чем же в таком случае солить? Ибо она бесполезна и годна лишь для того, чтобы ее высыпать и растоптать ногами".

Утратив свой "вкус" и действительность, они открыли путь грубой силе, как единственному сдерживающему фактору в человеческих отношениях. Если ни религиозные, ни этические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, то тогда что же остается? Ничего, кроме грубой силы и обмана. Отсюда — современное "право сильного". И в этом — основная черта современного кризиса в этике и праве.

Кризис не пришел неожиданно-негаданно. И разразился он не в силу некоего непредвиденного фактора, расположенного вне чувственной этики и права. Наоборот, он медленно накапливался в самой чувственной системе в ходе ее развития, распространяясь от скрытых в системе болезнетворных микробов. Самые ранние стадии чувственной этики и права — лишь инкубационный период современного кризиса.

¹ См. об этом подробнее мою "Social and Cultural Dynamic", vol. 2, ch. 15; vol. 3, ch. 5.

Благодаря святости и ореолу идеациональных этических ценностей нормы раннечувственной этики и права еще рассматривались как священные и разумные, они все еще обладали моральным престижем и поэтому были действенной регулирующей силой и по-своему верной. В процессе дальнейшего разрушения идеациональной системы и заметного роста чувственной этики и права эти пагубные микробы становились вирулентными. Накапливая свой потенциал, они все более подрывали и разрушали чувственные ценности, лишая их постепенно святости и престижа, покуда последние и вовсе не утратили окончательно своего ореола.

Эти ядовитые бактерии чувственной этики и права были заложены в утилитарной и гедонистической, то есть в релятивистской и условной, природе этических и юридических ценностей. Любая чувственная ценность, так как она приравнивается к утилитарному и относительному условию, обязательно регрессирует, становясь все более и более относительной и условной, пока наконец не достигнет стадии "атомизации" в своем релятивизме и стадии полной произвольности в еще более тонкой и менее универсальной условности. Конечная стадия — полное банкротство. Это краткий очерк того, как и почему "соль" чувственных этико-правовых норм потеряла свой специфический вкус. Если суть моральных и правовых норм сводится к полезности и к чувственному наслаждению, то каждый вправе следовать этим ценностям *ad libitum*^{1*}. Так как удовольствие, полезность и чувственное наслаждение разнятся у отдельных людей и народов, то и следуют они им, как пожелают, достигают их средствами, имеющимися в их распоряжении. Так как нет конечного предела чувственным желаниям, покрывающим все чувственные ценности, то допустимое количество этих ценностей становится недостаточным для удовлетворения всех желаний и потребностей групп и индивидов. Смерть этих ценностей и норм привела, в свою очередь, к конфликту между людьми и группами. А при таких обстоятельствах борьба непременно становится острее, интенсивнее и разнообразнее и по своим средствам, и формам. Конечным результатом этого процесса будет появление грубой силы, которой содействует обман — как высшего и единственного арбитра всех конфликтов. При таких условиях никакая логика, философия и никакая наука не могут призвать на помощь трансцендентальную ценность, чтобы ослабить борьбу и отделить справедливый моральный релятивизм от несправедливого, правильные средства достижения счастья от неправильных, отделить моральные обязанности от эгоистических потребностей, право от силы. Кроме субъективной полезности и наслаждения, относительности и условности у чувственной этики и чувственного права нет абсолютного судьи, нет универсального и объективного критерия для решения конфликтных проблем. Поэтому мы выводим неизбежную "атомизацию" и самоуничтожение чувственной системы ценностей из самого процесса ее исторической эволюции.

Мыслители чувственной культуры XIV—XVI столетий, периода роста влияния чувственной культуры, уже хорошо осознавали эту опасность и пытались усилить чувственную этику и право путем "мифологизации" религиозной и идеациональной морали. Если вспомнить хотя бы П. дю Буа, Н. Макиавелли, Марсилия Падуанского и Дж. Бодена, то все они предупреждали, что чисто чувственный контроль полицейских и других носителей силы совершенно недостаточен. Поэтому они призывали

¹ * по желанию, по своему усмотрению (лат.).

к возрождению, пусть даже и искусственному, регулирования через абсолютистскую, религиозную и идеациональную моральную мифологию. Священник, играющий на "боязни ада", призван был дополнить полицию и тюрьму. Законодатели должны были вновь "изобрести" Бога, от которого ничего нельзя скрыть и который контролирует соблюдение закона потенциальной возможностью сверхчужденных кар. Умный политик всегда будет уважать религию, даже если он не верит в нее — так гласит одно из положений основоположников чувственной этики. К сожалению, они забывали, что если религиозные и идеациональные нормы суть всего лишь искусственная мифологема, изобретенная как полезное дополнение к жандармерии и виселицам, то такая иллюзия может существовать недолго — до тех пор, пока все не поймут, что все это — фикция. Когда же обман будет раскрыт, то сами чувственные ценности не смогут не потерять своего "достоинства", а вследствие этого и своего престижа, и контролирующей силы. Без нее они теряют свою действенность как чувственные нормы, и их все равно придется заменить простой физической силой.

Вступив на историческую арену как наследник и заместитель христианской морали и законности, современная система чувственной этики и права в процессе своего поступательного развития сеяла семена деградации человека и самих нравственных ценностей. Объявляя их чистыми условностями, она низводит их до уровня утилитарных и гедонистических конструкций, релятивных во времени и пространстве. Если они считаются подходящими для определенного человека или некой группы, то они принимаются, в обратном случае их отвергают как лишние препятствия. Таким образом, в мир моральных ценностей был введен принцип безграничного релятивизма, произвол которого порождает конфликты и борьбу, что, в свою очередь, вызывает ненависть, диктат грубой силы и кровопролитий. В хаосе конфликтующих друг с другом норм моральные ценности превращаются в прах, постепенно теряют свою интегрирующую силу и открывают путь грубому насилию. Пафос объединяющей христианской любви уступает место ненависти: ненависти человека к человеку, класса к классу, нации к нации, государства к государству, расы к расе. Физическая сила становится эрзац-правом. *Bellum omnium contra omnes*^{1*} подняла свою уродливую голову. Именно с этим мы сейчас сталкиваемся.

Едва ли есть общая этическая ценность, связывающая коммунистов и капиталистов, фашистов и евреев, итальянцев и эфиопов, союзников и нацистов, католиков и атеистов, мультимиллионеров и обездоленных, нанимателей и наймитов, эксплуататоров и эксплуатируемых и т. д. Их юридические и этические ценности противоположны и совершенно несовместимы. То, что одна группировка объявляет добром, другая клеймит как зло. Трагедия, однако, в том, что нет чувственного арбитра, приемлемого для всех группировок, чье решение одинаково авторитетно для всех. Если случайный примеритель и пытается выступить в роли третьей стороны, то он сам в свою очередь становится самостоятельной общественной силой, хотя и отрицаемой другими группировками. Таким образом, наш мир представляет собой общество бесконечно соревнующихся сторон без морального судьи, который мог бы разрешить эти споры. Результат — моральный хаос и анархия. Каждый становится для себя своим собственным законодателем и судьей, считая свой собственный поведенческий образец столь же прекрасным, как и чей-либо еще.

¹ * Война всех против всех (*лат.*).

Инерция, правда, все еще порождает обращение к "общественному мнению" или к "мировому сознанию", но это либо глас вопиющего в пустыне, либо дымовая завеса, маскирующая эгоистичные устремления той или иной "группы давления". Вместо одного истинного общественного мнения у нас существуют тысячи псевдообщественных мнений групп, сект и индивидов. Вместо "мирового сознания" у нас миллионы противоречивых "рационализаций" и "заклучений". Вся этика, соответственно, становится игрушкой в руках неразборчивых в средствах "групп давления", каждая из которых стремится урвать большую долю чувственных ценностей за счет других. При таких обстоятельствах движущая, связующая и контролирующая сила этических идеалов содержит в себе тенденцию к исчезновению. Так как нет единого морального кодекса, то нет и прессинга гомогенного общественного мнения, которое могло бы формировать чьи-либо нравственные чувства и убеждения. Нет поэтому и единого морального сознания, которое могло бы обладать эффективной регулирующей силой в межлических отношениях. Мудрено ли, что преступления, войны, революции все больше и больше тревожат западное общество? "Допустимо все, что выгодно" — главный нравственный принцип нашего времени. Он дополняется болезненной озабоченностью утилитарными ценностями. "Если вера в Бога полезна, то он существует, если нет, то нет и Бога". "Если наука дает жизненно важную ценность, то ее принимают, если нет, то она признается бесполезной". Отсюда наше помешательство на деньгах, наша бессовестная борьба за богатство. "За деньги можно все купить". Мы превращаем в деньги и прибыль любую ценность: пять близнецов, научное открытие, религиозные возрождения, новое преступление и многое другое. Удачливые стяжатели составляют нашу аристократию. Отсюда наше кредо "дело есть дело" и вся жестокость борьбы за чувственные ценности. Отсюда наши предположительно научные "нравы" и "обычаи" вместо моральных императивов, наше антропологическое и социологическое допущение, что нравы условны и варьируются у разных групп. Отсюда миллионы других характеристик нашего *urbs venalis** со всеми трагическими последствиями такого морального цинизма. Когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила.

Так чувственное общество с его чувственной этикой подготовило свое добровольное самоподчинение грубому насилию. "Освобождая" себя от Бога, от всех абсолютов, от категорических императивов, оно стало жертвой открытого физического насилия и обмана. Общество достигло крайней точки моральной деградации и сейчас трагически расплачивается за свое безрассудство. Его хваленый утилитаризм, практицизм и прагматическая целесообразность обернулись самой непрактической и неутилитарной катастрофой. Немезида восторжествовала!

Отсюда и трагедия самого человека чувственного общества. Лишая человека всего божественного, чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего никакой святости и телоса. "Освобождая" его от "предрассудков" категорических императивов, они отобрали у него невидимое оружие, которое безоговорочно защищало его достоинство, святость и неприкосновенность. Лишенный этого оружия, он оказывается игрушкой в руках самых случайных сил. Если он полезен по

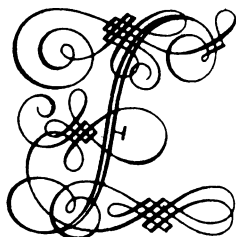
¹ * продажный город (лат.).

тем или иным соображениям, то с ним будут обращаться достойно и заботиться о нем, как мы заботимся о полезном животном. Его же можно "ликвидировать", если он приносит вред, как мы уничтожаем ядовитых змей. Для такого уничтожения не требуется ни вины, ни преступления, ни реальной причины. Самого существования человека или группы как непредусмотренного препятствия уже достаточно, чтобы их уничтожить. Без всякого раскаяния, угрызений совести, сожаления, сострадания уничтожаются миллионы людей, лишаются своего имущества, всех прав, ценностей, обрекаются на все виды лишений, изгоняются, и только из-за того, что само их существование является непредсказуемым препятствием для реализации жажды власти, богатства, комфорта или какой-либо другой чувственной ценности. Крайне редко с таким цинизмом люди обращались с тягловым скотом! Освобожденный от всех запрещений сверхчувственных ценностей, чувственный человек как самоубийца убивает чувственного человека, его гордость и достоинство, его ценности и достояние, его комфорт, удовольствие и счастье. В этом шквале необузданных чувственных страстей чувственная система в целом разбивается на куски и исчезает.

В безумстве декадентского мышления человек чувственного общества сегодня снова разрушает свой чувственный дом, который он с такой гордостью воздвигал последние пять столетий. Чувственные этика и право вновь зашли в тупик, отмечающий *finis*¹* настоящей эпохи. Без перехода к идеациональной этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика. Таков вердикт истории в отношении прошлых кризисов чувственной этики и права, и таким должен быть приговор в отношении настоящего кризиса.

¹ * конец (*лат.*).

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРИНЦИП СЧАСТЬЯ

I

Как известно, в прошлом году с 12 по 18 октября в Риме должен был состояться 8-й международный конгресс социологов, посвященный обсуждению проблемы социологического прогресса. Намечавшаяся программа конгресса должна была исчерпать главнейшие стороны данной проблемы (главнейшие темы были такие: а) идея прогресса; б) прогресс антропологический; в) экономический; г) интеллектуальный; д) моральный; е) политический и, наконец, ж) общая формула прогресса (см.: *Revue internationale de sociologie*. № 7 за 1911. С. 541—542). Однако ввиду вспыхнувшей в Италии холеры и других причин конгресс не состоялся и отложен на неопределенное время.

Рассматривая эту программу конгресса, я не вижу в ней одной, едва ли не наиболее трудной, но вместе с тем и наиболее важной проблемы, связанной с проблемой прогресса, а именно соотношения прогресса и так называемого счастья.

Должна ли формула прогресса включать в себя, в качестве необходимого элемента, и принцип счастья или же должна совершенно игнорировать счастье? Если счастье входит в понятие прогресса, то увеличивается и развивается ли оно вместе с прогрессом человечества или же нет?

Если эта проблема и не выделена в приведенной программе конгресса, то, наверное, она возникла бы и, наверное, вызвала бы оживленные дебаты, ибо при обсуждении проблемы прогресса невозможно избежать ее, как не могли пройти мимо нее и все более или менее крупные теоретики прогресса.

Одни из них, например Кант, Конт, Спенсер и другие, совершенно сознательно игнорировали принцип счастья при решении прогресса. В "Idee zu einer allgemeinen Geschichte"¹* Кант довольно едко иронизирует над принципом благоденствия. Если в увеличении благоденствия видеть прогресс, то не было бы ли так же хорошо, говорит он, если бы вместо счастливых обитателей Отаити на этих островах паслись счастливые коровы и овцы.

Точно так же и Конт в 4-м томе "Cours de philosophie positive" говорит: не следует сравнивать индивидуальное счастье и социальное положение, в их отношениях не допускается сближений. Это сделать совершенно невозможно, и поэтому следует устранить эти пустые рассуждения и под понятием совершенствования (прогресса) мыслить лишь идею постоянного гармонического развития различных сторон человеческой природы сообразно законам эволюции (Т. 4. С. 272 и сл.).

Точно так же и Спенсер конструирует понятие прогресса "независимо от наших интересов" и "оставляет в стороне благодетельные

¹ * Кант И. Идеи всеобщей истории. 1784.

последствия прогресса” (Прогресс, его закон и причина. Спб., 1866. Изд. Тиблена. Т. I. С. 1, 2).

Напротив, другое не менее широкое течение только то изменение и считает прогрессом, которое влечет за собой увеличение счастья. ”Так как единственная, конечная цель человеческих усилий есть счастье, то не может быть истинного прогресса, который не вел бы к этой цели. Следовательно, прогресс заключается в увеличении человеческого счастья или... в уменьшении человеческого страдания”, — говорит Л. Уорд (Психические факторы цивилизации. С. 277; Очерки социологии. С. 140—141, 131). Той же точки зрения держатся Н. Михайловский, П. Лавров и другие (см. их работы *passim*)¹.

II

Можно было бы на все намеченные конгрессом проблемы прогресса ответить положительно, и тем не менее это не означало бы еще, что прогресс есть в то же время и увеличение счастья (благоденствия, удовольствия, наслаждения и т. д.). Можно было бы сказать, что исторический прогресс есть в то же время и непрерывный антропологический прогресс, выражающийся, например, согласно критерию Бэра, Спенсера и других, в двустороннем процессе дифференциации и униформизма или интеграции человеческого организма; можно допустить, что исторический процесс есть в то же время и непрерывный экономический, интеллектуальный, моральный и политический прогресс, выражающийся в совершенствовании средств, способов и орудий производства, в непрерывном росте знаний, в растущем альтруизме и в растущей солидарности человечества, и, несмотря на все это, этим решением еще несколько не предрешался бы вопрос об увеличении счастья, благоденствия и т. д. Повторяю, можно допустить все указанные виды прогресса и тем не менее совершенно отрицательно высказаться по вопросу о счастье и благоденствии. Счастье и благоденствие — явления, конечно, в высшей степени субъективные, однако в нашем распоряжении имеется более или менее объективный критерий, позволяющий судить о том, увеличивается ли оно или нет. Этот критерий был выдвинут Дюркгеймом в ”*De la division du travail social*”^{2*} и заключается в следующем: пусть понимание и переживание счастья относительно, субъективно и изменчиво, но одно несомненно: если жизнь есть счастье и благоденствие или кажется таковой, то тогда она принимается и от нее не отказываются. Счастливая жизнь предпочитается смерти. Поэтому, если мы хотим более или менее объективно судить о том, увеличивается ли вместе с прогрессом счастье, или кажется людям прогресс в то же время увеличением счастья, мы должны обратиться к числу самоубийств. Если число их с историческим развитием уменьшается, значит, счастье увеличивается; если же самоубийства растут, значит, счастье и благоденствие не увеличиваются параллельно, а, напротив, уменьшаются.

Обращаясь к цифровым данным, мы видим, что число самоубийств увеличивается с ростом цивилизации. По расчетам Эттингена, оказывается, что число их в Европе, за исключением Норвегии, с 1821 по 1880 год утроилось, причем характерно то, что они тем распространеннее, чем общества цивилизованнее. До недавнего времени в Европе наиболее

¹ Более подробное изложение и критику понятия прогресса см. в моей статье ”К вопросу об эволюции и прогрессе” (Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911. Т. 8. Вып. 3. С. 67—95).

² * Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.

часты были самоубийства во Франции и Германии, реже случались в Испании, Португалии и России; в деревнях самоубийства — чрезвычайно редкое явление, в городах, напротив, гораздо более частое, и притом, чем больше город, тем они чаще происходят. Конечно, самоубийства были известны и в древности; но там они вызывались либо чисто религиозными, либо чисто экономическими причинами — желанием освободить членов группы или семьи от лишнего рта. Категория самоубийств вследствие так называемого "разочарования в жизни", насколько позволяет судить собранный этнографический материал, не была известна в древности или была, во всяком случае, явлением чрезвычайно редким. Теперь же про эту категорию мы читаем в газетах ежедневно; мало того, смерть начинает прямо идеализироваться, появляются "клубы" самоубийц, организующиеся на почве самоубийства и пропагандирования отказа от жизни¹.

Все эти явления последнего рода — явления специфически свойственные цивилизованному обществу, культуре большого города, наиболее прогрессивному звену человеческой истории.

Следовательно, если действительно явление "приятия или отказа от жизни" может служить более или менее объективным критерием для решения вопроса увеличения или уменьшения счастья, то можно признать прогресс всех сторон социальной жизни и тем не менее отрицать, что этот прогресс есть в то же время и увеличение счастья. Для тех, которые, подобно Конту, Спенсеру и другим, в понятие прогресса не включают принцип счастья, дело от этого, конечно, не меняется: для них прогресс был, есть и будет, несмотря на то что счастье не увеличивается. Но иначе обстоит дело для тех, кто критерием прогресса считают сам принцип счастья: раз счастье не увеличивается, а уменьшается, то, оставаясь последовательным, они должны считать всю историю или основную ее тенденцию не прогрессивной, а регрессивной.

Встает, следовательно, дилемма: можно признать исторический процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным.

III

Если считать прогрессом двусторонний процесс дифференциации и интеграции, обоснованный Спенсером и развитый в приложении к обществу Дюркгеймом, Зиммелем и другими, то исторический процесс является в то же время и прогрессом, ибо закон этот — один из наиболее достоверных законов в социальной жизни (см.: *Зиммель. Социальная дифференциация; Спенсер. Основные начала; Гумплович. Борьба рас; Тард. Социальные законы и "La logique sociale"; Бугле. "La démocratie devant la science"* и т. д.)^{2*}. Равным образом, если критерием прогресса считать принцип экономии и сохранения сил, то и с этой точки зрения историческое развитие в форме данного двустороннего процесса стано-

¹ "Клубы самоубийц" не есть только наше злободневное явление. Таковые имелись и за границей. См.: *Diendonné. Archif für Kulturgeschichte. 1903. Bd. 1. S. 367.*

² * Имеется в виду: *Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М., 1909; Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1897; Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901; Его же. Социальные законы. СПб., 1906; Гумплович Л. Der Rassenkampf. Innsbruck, 1883; Бугле С. La démocratie devant la science. P., 1904.*

вится прогрессом (см.: *Зиммель*. Социальная дифференциация. Гл. "Дифференциация и принцип сбережения сил").

Если считать критерием рост солидарности, социальности и равенства, то точно так же исторический процесс есть прогресс, ибо хотя не непрерывный, но неизменно историческое развитие совершается в данном направлении (см.: *Ковалевский М. М.* Прогресс; *Современные социологи*; *Бугле*. Эгалитаризм, *La démocratie devant la science* и т. д.)^{1*}.

Если подобным критерием будет рост знания, то и в этом случае прогресс несомненен (см.: *Де-Роберти Е. В.* Qu'est-ce que le Progrès? и др.)^{2*}.

Можно было бы привести еще очень длинный ряд различных критериев прогресса, нейтральных или не касающихся прямо принципа счастья, вполне совпадающих с историческим развитием, а следовательно, показывающих реальность прогресса.

Но как уже выше было указано, дело обстоит иначе, если мы положим в основу прогресса принцип счастья. В этом случае получается или отрицательный ответ, или, во всяком случае, проблематичный. Недаром же представители этого течения большую часть звеньев исторического развития объявляли регрессивными (см. Уорд и в особенности Михайловский и Лавров).

Между тем можно ли вполне исключить принцип счастья из формулы прогресса? Можно ли считать прогрессом какой бы то ни было из указанных принципов, если он прямо или косвенно ведет к уменьшению счастья и к увеличению страданий? Очевидно, нет. Как бы ни были ценны сами по себе любовь к ближнему, солидарность, знание (истина) и т. д. и т. д., но раз они не сопровождаются параллельным развитием счастья или даже ведут к уменьшению его, они становятся полунесчастиями. И нетрудно показать, что даже величайшие рационалисты, стоики, аскеты и сам Кант, выставлявшие высшей ценностью моральный закон, *implicite*^{3*} включали в него счастье и блаженство, хотя и отличное от обыденного счастья.

Вполне прав А. Навилль, когда утверждает, что у Канта в его *bonum perfectissimus* имеется не только чистый рационализм, не только ценность истины и морального закона, но и определенный "аффектизм". Делая моральный закон единственной абсолютной ценностью, он *implicite* в качестве такой же самодостаточной ценности ввел сюда и счастье. В *bonum perfectissimus* рассматривается "le bonheur comme but et non comme un concomittant ou un corollaire" (*Revue philosophique*. 1911. Февраль; *La matière du devoir*. P. 120)^{4*}. Точно так же и все другие принципы оценки, какими бы далекими от принципа счастья ни казались они, так или иначе подразумевали и подразумевают его. А так как понятие прогресса включает в себя не только формулировку сущего или бывшего, но и оценку с точки зрения желательного-должного, то, понятно, так или иначе критерии прогресса принуждены считаться с принципом

¹ * Имеется в виду: *Ковалевский М. М.* Современные социологи. Спб., 1905; *Его же*. Прогресс // Вестник Европы. 1912, № 2; *Бугле С.* Эгалитаризм (Идея равенства). Социологический этюд. Одесса, 1905.

² * *De-Roberty E.* Qu'est-ce que le progrès? P., 1898.

³ * подразумеваемым образом, неявно (*лат.*).

⁴ * "Счастье, как цель, а не как сопутствующее или неизбежное следствие" (*фр.*). См. подробнее рецензию Сорокина: *A. Naville*. La matière du devoir (*Навилль*. Материя долга. *Revue philosophique*. P., 1911. Т. 71. P. 113—127) // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1912. Т. 9. Вып. 2. С. 99—100.

счастья. И сам Спенсер, какой бы объективной ни казалась его формула эволюции — прогресса, намеренно исключавшая принцип счастья и благоденствия, тем не менее в своих "Основаниях нравственности"^{1*} отождествил добро (желательное) с удовольствием или со счастьем. "Удовольствие, где бы оно ни было, когда бы оно ни было, для какого бы то ни было существа, составляет основной, невыделимый элемент этого понятия (нравственной цели)", — категорически утверждает он сам (Спб., 1896. С. 53).

Да это и само собой понятно. Как бы ни велика была ценность истины, или альтруизма, или действительной любви и т. п., но раз они в качестве своего следствия имели бы увеличение страдания для всех, то тем самым они лишились бы этой ценности. Следовательно, все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья. Они могут о нем не говорить ввиду субъективности его, но они принуждены с ним считаться, и необходимо подразумевать его. Нейтральные формулы прогресса — лишь объективный способ оценки субъективного принципа счастья. Следовательно, ценность "нейтральных" формул зависит от того, насколько верно они утверждают причинную связь между объективным критерием и счастьем; например, двусторонний принцип дифференциации и интеграции будет постольку правилен в качестве мерки прогресса, поскольку он причинно связан с увеличением счастья и представляет объективный способ формулирования для этого субъективного явления. Если всякий дальнейший шаг по пути дифференциации есть в то же время и увеличение счастья (как формула прогресса) — формула истинна, если нет — проблематична. Так же дело обстоит и с другими формулами прогресса и вообще с формулами, выражающими желательно-должное, ибо для *желательно-должного* счастья есть *conditio sine qua non*^{2*}. Абсолютное страдание *само по себе* никогда и ни для кого не было самоцелью.

Иначе, конечно, обстоит дело с формулами, констатирующими сущее. Тогда совершенно иной смысл имеет истинность хотя бы данной же формулы дифференциации. Но констатируя сущее и ограничиваясь обзором того, что есть и что было, она тем самым превращается в формулу *процесса, а не прогресса*.

Принимая во внимание, что с точки зрения всех указанных выше "нейтральных" формул прогресса прогресс существует, тогда как рост счастья проблематичен, и принимая во внимание, что счастье составляет *conditio sine qua non* прогресса, мы тем самым приходим к выводу, что, очевидно, все указанные критерии не стоят в необходимой причинной связи со счастьем, а следовательно, все они требуют, как формулы прогресса, тех или иных поправок или тех или иных разъяснений.

IV

Но, может быть, можно в таком случае поступить так, как поступили Уорд, Михайловский и другие сторонники эвдемонистической теории прогресса, то есть положить критерием прогресса прямо принцип счастья; все то, что увеличивает счастье, — прогресс, что уменьшает, — регресс — такова была бы тогда формула прогресса, представляющая модификацию утилитаристского морального критерия: "Maximum счастья для maximum'a сущестъ".

¹ Спенсер Г. Научные основания нравственности. Спб., 1896.

² * неперемное условие (лат.).

Но ясно, что подобный прием и критерий сразу же лишает себя почвы. Если все дело в счастье и довольстве, то не все ли равно было бы, если вместо страдающих мудрецов на земле жили бы самодовольные и счастливые свиньи? Не должны ли мы предпочесть именно счастливых свиней страдающим мудрецам, последовательно проводя эту точку зрения?

Известно, что эта дилемма встала перед Миллем и что он мог разрешить ее с точки зрения утилитаризма. Его разрешение представляло именно отказ от своего критерия; оставаясь последовательным, он должен был бы сказать: "Лучше быть довольной свиньей, чем недовольным человеком; счастливым дураком, чем несчастным и страдающим Сократом". Однако он говорит как раз обратное: "Мало найдется таких людей, которые ради полной чаши животных наслаждений согласились бы променять свою человеческую жизнь на жизнь какого-нибудь животного... Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей; недовольным Сократом, чем довольным дураком" (Утилитарианизм)¹*

Значит, дело не только в довольствии и счастье, а к ним необходимо должно быть присоединено еще нечто, что заставляет предпочесть недовольного Сократа довольному дураку.

Таким образом, и принцип счастья, как исключительный критерий прогресса, сам по себе недостаточен.

В итоге мы стоим перед дилеммой: поскольку формула прогресса не отождествляется с формулой процесса и является в отличие от *сущего* формулировкой желательного-должного, постольку она должна включать в себя и принцип счастья или благоденствия. Всякий прогресс, ведущий к уменьшению счастья или к увеличению страдания, — не есть прогресс. Страдание никогда не было и не может быть *самоцелью*, а потому же не может оцениваться как нечто положительное, то есть прогрессивное. Если к этому прибавить еще то, что страдание с биологической точки зрения почти всегда является показателем разрушения организма или биологического разрушения, то социальный прогресс, при таком положении дела, становится совершенно невозможным, ибо основным условием его является прежде всего наличность биологически здоровых организмов. А здоровый организм возможен лишь при отсутствии постоянных и более или менее частых страданий; в противоположном случае организм так или иначе будет уничтожен (частным примером чего и являются всевозможные "лиги самоубийц"), а вместе с ним кончается и всякий социальный прогресс.

Тот же результат получается и тогда, когда единственным критерием прогресса считают принцип счастья. И здесь, последовательно проводя этот взгляд, мы приходим к той же невозможности и ненужности прогресса. Если данное существо (довольная свинья или счастливый дурак) благоденствует, считая себя вполне счастливым и вполне довольным своим положением, то как для него, так и для других сторонников принципа счастья отпадает всякое основание для дальнейшего прогресса и совершенствования. "Я счастлив, — говорит это существо, — и не хочу больше ничего", и никто не имеет права требовать от него дальнейшего прогресса, раз оно последовательно проводит принцип счастья.

Таким образом, оба течения — и игнорирующее счастье, и считающее его единственным критерием прогресса — сами по себе недостаточны

¹ * Вероятно, имеется в виду: Милль Д. С. Утилитарианизм. Спб., 1903.

чны и разрешить проблемы прогресса не могут. Они слишком узки, и, очевидно, необходимо их синтезировать. В противном случае теория прогресса рискует дать вместо формулы прогресса формулу процесса или же вместо формулы прогресса — формулу застоя.

Возможен ли подобный синтез, а равным образом будет ли и в этом случае исторический процесс прогрессом — это не входит в задачу данной заметки^{1*}.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В эпохи общественного упадка, когда не удалось реализовать вполне стремления и цели, всегда более или менее ярко выделяются мотивы фатализма из симфонии различных теорий и взглядов. Появившийся уже давно, он постоянно оживает под новыми масками и особенно усиленно пропагандируется теми, кому в такие времена "приятно и весело живется на Руси".

Мойра, Бог, судьба, закон, причинность, необходимость — вот различные названия для одной и той же вещи. Все в мире предопределено, все совершается по определенным законам, колесо истории вертится по этим законам, и нет ему дела до нас, до наших стремлений и желаний; что суждено — то будет. Если суждено, что Христы будут вечно распинаться, а "подлых дел мастера" вечно безобразничать, будет так, независимо от того, хотим ли мы этого или нет; если же последние должны погибнуть, то погибнут и без нас. Пора бросить иллюзию, что человек *творит* историю, что он может что-либо изменить в развитии мира или в своей истории. Все это мечты и чушь — вот различные арии одной и той же оперы. И г-да фаталисты любезно приглашали сесть в фаталистическую колыхагу, захватив с собой для пушей приятности различные "блага" мира сего. Одни из них уверяют, что фаталистическая колыхага разумна, даже сверхразумна и мчится в царство Добра, Правды, Истины и т. д. "Все существующее разумно, и все разумное действительно", "этот мир — наилучший из миров, и он вечно стремится к лучшему", поэтому, уверяют они, можете спокойно сидеть в мировом рыдване — он знает, что Добро, что Зло, и лучше Вас самих позаботится о Вас. Другие — пессимисты — говорили и говорят: "Мы знаем, что мировая колыхага слепа, глупа и неразумна, знаем, что она мчится без толку, но мы-то ничего не можем изменить в ее пути. Законы ее, как законы нашей собственной жизни и нашей собственной истории, не зависят от нашей воли и поэтому, хотим мы или не хотим, мы должны сидеть в этой колыхаге". И теперь об этом же очень многие трубят на улицах и на перекрестках улиц, с тою только разницей, что говорят более мягко и деликатно, вроде того, что исторический процесс закономерен, что все в нем подчинено закону, причинности, что человеческая личность — это кукла; нажмут кнопку — она будет действовать, нажмут другую — снова успокоится и т. д.

Волей-неволей приходится остановиться на этом вопросе и решить, действительно ли каждый человек кукла и марионетка или же что-нибудь более важное? Остановиться приходится еще и потому, что говорят это не только "упыри и пауки" земли, но и вполне честные люди. Если они правы, то тогда приходится поневоле сесть в мировой

¹ * Попытку подобного синтеза П. А. Сорокин предпринимает в десятой главе своей монографии "Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали" (Спб., 1914. С. 44—453).

рыдван, закрывши глаза и опустив или скрестив руки (как кому нравится), — пусть себе мчится, куда ему вздумается, либо броситься из него вверх тормашками и разбиться вдребезги (хотя и тут останешься в колымаге).

Начнем с г-д оптимистов и пессимистов. Так как ошибки их совершенно тождественны, то достаточно рассмотреть ошибки одних, чтобы ясны сделались заблуждения других. Конечно, неплохо быть оптимистом, спокойно и весело сидеть в уголке мировой телеги и в умилении сердца петь хвалы Разумности мира и его творца. Поневоле "позавидуешь" оптимисту, когда он, видя, как одни режут других, как в застенках порют и истязают людей, как вешают праведников и осыпают наградами подлецов, в умилении сердца закатывает очи и восклицает: "Прав ты, Господи!", "Поистине все существующее разумно и все разумное действительно, все идет к лучшему в этом наилучшем из миров..." Но каждый, кто зовется человеком, видя все это, возвратил бы Господу Богу билет для входа в этот мир разумности и сказал бы: "Ни тебя, ни твоей разумности я не принимаю". Но, говорят нам, это "сентиментальность", это возмущение чувств, а не доводы разума. Вы дайте нам логические доказательства!

Попробуем. Ни пессимизм, ни оптимизм не верны: 1) потому, что они приписывают миру свойства чисто человеческие. Ведь нельзя же думать, что камень имеет разум, волю, желание, что он испытывает страдания и наслаждения и т. д. Здесь умозаключение по части к целому — умозаключение проблематичное; 2) оптимизм есть пережиток той эпохи, когда человек воображал, что земля — центр мира, а человек — царь вселенной и все создано на пользу его. Теперь, когда мы знаем, что земля со всем человечеством — пылинки в мире, думать, что все создано в угоду бесконечно малой пылинке, явная нелепость. Пессимизм же неверен уже потому, что не вся жизнь есть сплошное страдание, что многие желания исполнились и что само предствление о благе есть уже благо; 3) помимо всего этого те и другие впадают в ряд грубейших логических ошибок. Ведь понятия "разумный", "добро", "отец" и т. д. имеют смысл лишь тогда, когда им противопоставляются понятия "неразумный", "зло", "сын" и пр. Для того чтобы они имели какой-нибудь смысл, необходимо им противопоставить хотя бы одно понятие, иначе они становятся бесполезной тавтологией — игрой словами. Если же "отца и сына" мы назовем "отцом", то, значит, мы уже отняли от того и другого понятия всякий смысл и значение, и слово "отец" теряет всякое значение. Точно так же если мы скажем "все разумно", то, значит, и неразумное разумно, ибо оно тоже часть всего.

А известно, что плюс и минус дают ноль, откуда следует, что этим мы уничтожим всякий смысл понятий разумности и неразумности и просто скажем "все это все". Иначе эту ошибку можно изобразить и так. Г-да оптимисты сначала употребляют слово "разумный" как противоположное "неразумному", то есть не приравнивают их. Затем, говоря, что "все (весь мир) существующее разумно", они приравнивают и "неразумное разумному", ибо и неразумное тоже часть мира.

Сначала. Разумное \neq (неравно) разумному.

Весь мир — разумен.

Неразумная есть часть мира.

Следовательно, неразумное равно разумному (неразумное есть разумное).

Получается, что одно и то же понятие может быть одновременно и разумным и неразумным, что $A \rightarrow A$, то есть логический абсурд. Поэтому, как ни приятно быть оптимистом, однако, не следует также слишком увлекаться презаи и воображать себя на ковре-самолете, в то время как валяешься под забором. Таких людей в лучшем случае сажают в сумасшедший дом, а в худшем и чаще всего, по русскому обычаю, таскают "на съезжую". Все сказанное вполне приложимо и к пессимистам, поэтому останавливаться на них не приходится. В результате сказанного от *необходимости* отняты незаконные теологические элементы, и она стоит перед нами, лишенная всяких моральных свойств.

"Мне дела нет ни до твоих стремлений,
Ни до твоих скорбей — я знаю лишь числа
Безжалостный закон, ни мук, ни наслаждений
Нет в мире для меня, ни красоты, ни Зла!
Живи ж, как все живут: минутною волною
Плесни — и пропади в пучинах вековых,
И не дерзай вступать на буйный спор со мною,
Предвечной матерью всех мертвых и живых!" —

вещает она. И что же остается человеку делать? Воскликать ли: "Я обезумевший в лесу предвечных чисел" — и представить все судьбе, или же есть еще выходы?

Не помню, кто-то назвал человека животным, создающим богов и поклоняющимся им. Эта характеристика не лишена известной доли верности и как нельзя более подходит в данном случае. Из простого факта последовательности и сосуществования явлений, полученного путем наблюдений над совокупностью фактов, человек создал *судьбу*, рок закона, с железной необходимостью правящий миром, издающий ненарушимые декреты, заключающий в себя прошлое, настоящее и грядущее. Как самоед, вырезав из дерева своими руками идола, делает его богом, приносит ему жертвы и падает пред ним ниц, так же и человек, гипостазировав обычное гипотетическое обобщение, создал из него неумолимую Мойру, в книгах которой написано будущее. Этим мы не хотим сказать, что мы отрицаем причинность и открещиваемся от закона, как черт от ладана: плавать в туманных облаках метафизического индетерминизма и абсолютной свободы воли — дело безнадежное... Но мы хотим, чтобы закон и причинность были поставлены на свое место и понимались так, как и должны пониматься, то есть чтобы они не становились идолами, перед которыми нужно преклоняться и которым нужно воскурять фимиам. Для нас одинаково метафизичными являются и сторонники индетерминизма, и сторонники фатализма, со всеми его ветвями и разветвлениями. Наиболее совершенным образом закона природы может служить закон Ньютона, гласящий, что сила притяжения частиц материи обратно пропорциональна квадрату расстояния и прямо пропорциональна массе. На вопрос, почему падает камень, почему земля вертится вокруг солнца и т. д., отвечают, что это происходит в силу существования закона тяготения. Но что же представляет из себя сам этот закон? Есть ли он *нечто*, совершенно автономное от фактов, находящееся вне их и управляющее ими?

Предположим последнее, предположим, что законы автономны от фактов, находятся вне их и с железной необходимостью управляют фактами. Если это верно, то из этого вытекает, что, зная эти законы, мы можем вычислить прошлое, настоящее и будущее мира, как мечтал

Лаплас. Но, спрашивается, раз все предопределено этими законами, где закон, доказывающий необходимость существования этих законов? Мы можем сказать, что камень падает благодаря существованию закона тяжести. Но благодаря чему существует самый закон тяжести? Падение камня предопределено законом тяжести, но кем или чем предопределено существование последнего? И вот здесь мы доходим до тупика. *Лишь допустив (постулировав) вообще необходимость существования законов, то есть законов, в силу которых они существуют, мы можем говорить о необходимых законах, находящихся вне фактов, и вообще о том, что такие законы существуют. Без допущения же этого закона исчезает необходимость мыслить, что в мире есть законы, ибо никакой закон не существует, что в мире должны существовать законы.*

Таким образом, доказать существование необходимых законов возможно лишь при условии постулирования их, то есть допущения того, что нужно доказать, а такой способ доказательства называется логическим кругом, и цена ему — ломаный грош. Конечно, каждый может постулировать все, что Бог ему на душу положит, но одно дело — *вера* во что-нибудь, а другое дело — *доказать*, что субъект этой веры существует. Отсюда видим, что попытка доказать существование необходимых законов невозможна и напоминает вполне попытку вытащить себя самого за волосы из болота. Пусть этим тешатся любители, а "нелюбителям" не стоит этим заниматься.

Таким образом, остается лишь второй ответ, гласящий, что *закон есть не что иное, как связь предметов, подмечаемая человеком благодаря многократному однообразному повторению этой связи.*

Если я постоянно наблюдаю, что какое-нибудь явление А всегда следует за В, то у меня создается вероятная гипотеза, что А всегда будет следовать за В. *Эта связь называется законом.*

Находиться вне вещей и управлять ими закон не может, ибо он сам-то есть не что иное, как обнаружение тех свойств, которыми обладают вещи. Если газ при уменьшении давления в 5 раз увеличивается в объеме в 5 раз, то это происходит *не* в силу существования какого-нибудь автономного закона, а в силу того, что таково свойство самого газа.

Раз дан мне камень, то он падает опять-таки не в силу закона, находящегося вне его, а в силу того, что таковы свойства его, закон же есть не что иное, как обнаружение этих свойств.

Поэтому закон, по остроумному выражению В. М. Чернова, столько же управляет явлениями, сколько управляет ветром флюгер, движение которого он призван показывать. Иначе можно формулировать закон как положение, в силу которого раз даны такие-то и такие-то условия, то происходит то-то и то-то. Раз дан мне H_2 и O (водород и кислород), то при вполне определенных условиях получается вода. Точно так же раз дан мне газ, то при уменьшении давления его объем увеличивается. То же самое представляет собой и любой реальный закон. Абсолютной разницы между фактом образования воды и законом тяготения нет. Разница только в величине области действия и проявления того и другого. Так как эти факты *повторяются*, их может наблюдать и исследовать каждый, то благодаря многократному повторению этого процесса последовательность явления подмечается человеком и в результате этого получается возможность предсказать, что раз такие-то и такие-то условия повторяются, то повторяются и соответствующие следствия, *ибо так было.*

Понимаемый таким образом закон теряет все свои метафизические свойства и из неумолимой Мойры превращается в хорошо обосно-

ванную гипотезу, позволяющую человеку ориентироваться в бесконечной по количеству и качеству реальности. Никакого преимущества в отношении своей реальности и необходимости перед простым фактом или вещью он не имеет...

Мир не есть совокупность вещей, где имеется некий центр (как бы его ни называли) и где все прочее ему подвластно, но мир есть совокупность вещей, из которых каждая имеет свое место и свои свойства.

Между этими вещами существует взаимодействие и возникают те или иные отношения — иначе говоря, связь.

Часто повторяющаяся связь фиксируется человеком, и в результате этого получается "закон". Из этого видно, что всякий закон, выражая связь элементов мира, тем самым рождается из фактов и фактами же проверяется. Итак, закон неумолимой Мойры превращается в простую связь элементов мира, связь, подмечаемую человеком, но позволяющую ему, благодаря частому повторению, предвидеть следствие на основании данных условий. Раз дан мне определенный объем газа и на него производится давление, то я говорю, что объем газа уменьшается во столько раз, во сколько увеличилось давление, ибо так было раньше, так, вероятно, будет и впредь.

Следовательно, вся сила, если так можно выразиться, заключается не в законе, а в тех условиях, которые даны мне, или в тех вещах, которые составляют эти условия.

Запомним это и пойдем дальше. (Я не останавливаюсь на этом далее. Желающих познакомиться подробнее с этим отсылаю к книгам: Зиммеля "Проблемы философии истории"; Риккерта "Границы естественнонаучных образований понятий"; Хенрополе — "La theorie de l'histoire"; Рияля А. "Теория науки и метафизики"; Льюиса "Вопросы о жизни и духе"; Маха "Познание и заблуждение" и "Анализ ощущений"; к ряду статей Н. К. Михайловского, а в частности: "Идеализм, реализм и идолопоклонство", "Что такое прогресс"; Лаврова: "Исторические письма", "Задачи позитивизма и их решение", "Задачи понимания истории"; Чернова "Философские и социологические этюды"; Делевского "К вопросу о возможностях исторического прогноза" и др.).

До сих пор, толкуя о законе явлений, мы все время имели в виду явления повторяющиеся, изучаемые главным образом в физике, химии и других естественных науках. Мы говорили, что на основании предыдущих опытов раз даны нам условия А, В, С, то и возникают следствия А¹, В¹, С¹, ибо раньше А, В, С вызывали А¹, В¹, С¹... Теперь спрашивается: так ли обстоит дело и в истории? Можно ли и в ней вывести какие-либо законы?

Если, конечно, история имеет дело с *повторяющимися* явлениями, то да — возможно формулировать законы этих *повторяющихся явлений*.

Но в том-то и дело, что история как раз изучает факты *неповторяющиеся*, и поэтому здесь положение рыцарей фатализма становится уже совсем безнадежным.

Всякое регулярно повторяющееся явление не есть объект истории, ибо регулярное повторение исключает всякую историю. У математического маятника, вечно качающегося от А к В и обратно, нет истории. Он вечно будет балансировать взад и вперед, и поэтому история с ним не имеет дела, как не имеет дела и с другими повторяющимися явлениями: со сменой дня и ночи, времен года и т. д.

В историю вообще, и в частности в человеческую, входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные и своеобразные факты. Поэтому всякая историческая эпоха — это нечто вполне индивидуальное, и вся история есть цепь индивидуальных эпох-звеньев, где нет тождества

между двумя какими-нибудь звеньями. Античный мир — явление единичное, как единичны средние века и т. д. (См. помимо указанных работы Бернгейма, Мейэра, Менгера, Лацаруса и др.)

Раз это так, то поставленный выше вопрос сводится к вопросу: возможен ли закон исторический, то есть закон неповторяющихся явлений? Посмотрим. Ведь каждый закон, вроде вышеприведенных, гласит, что раз даны такие-то и такие-то условия, то бывает то-то. Но в истории это положение неприменимо. Даже допуская, что данные условия точно проанализированы, здесь мы не можем сказать, что непременно будет то-то, потому что в первом случае, при повторяющихся явлениях, нам было известно, что бывает при определенных условиях, ибо условия эти повторялись, как повторялись и их следствия.

Здесь же мы в первый раз встречаемся с такими условиями, и какое следствие должно быть — мы не знаем, ибо у нас нет опыта. Здесь поэтому мы можем только гадать, а не формулировать законы. Появляем эту мысль.

В факте бросания камня у нас условия в общем всегда были одни и те же. Раз заметив, каковы следствия этих условий, и проверив их, мы знаем, что если условия даны (земля, брошенный камень и др.), то известны и следствия этих условий (камень падает).

В истории же в каждый момент условия уже не те, что были прежде. И мы можем лишь сказать, что в прошлом из таких-то условий вытекало то-то. Но ведь в данный момент условия-то новые, а не прежние, поэтому на основании бывшего и сущего не можем никогда сказать, что неминуемо должно быть в будущем. Каждый закон, в подлинном смысле этого слова, предполагает повторение; история не знает повторений; поэтому говорить о законе истории — значит не понимать закона.

Но, кроме того, ведь мы допустили, что можно точно учесть условия данного момента. Однако эта задача не из легких и едва ли возможна. Нет надобности для подтверждения повторять обычные фразы о сложности и бесконечной разнообразности исторических явлений. Это стало трюизмом. Но иногда не мешает вспомнить и об этом. Именно одна эта сложность уже мешает возможности формулировать исторические законы. В естественных науках или вообще при изучении повторяющихся фактов мы можем наблюдать явление многократно, упрощать его, производить в лаборатории опыты и т. д. В истории мы видим нечто иное. Здесь явление повторяется только раз, в пробирке его не воспроизведешь, под микроскоп не положишь.

Но допустим и это, допустим, что исторические условия точно учтены. Можем ли мы и тут сказать, что будет? Другими словами: можем ли мы сказать, что история управляется такими-то законами? Нет, потому что человечество и земля не есть абсолютно изолированные от остального мира вещи, они находятся во взаимодействии с остальным миром, влияют на него и сами находятся под его влиянием. Поэтому, чтобы учесть условия, необходимо учесть не только исторические условия, но и условия всего мира, и только тогда можно сказать, что условия известны и что должно наступить то-то и то-то.

А эта задача уже совершенно невыполнима, ибо учесть все условия мира, взаимоотношение и тенденции всех его элементов — задача невозможная.

Отсюда ясно, что понятие исторического закона в собственном смысле слова противоречиво, ибо, как мы видим, тот или иной исторический закон сводится в конце концов к мировому закону, потому что то или иное будущее земли и человечества находится в зависимости от совокупности условий мировых, следовательно, и они должны входить в этот закон.

А раз они входят в него, то должен получиться мировой закон, а не исторический. Но мы видели выше, что так называемый мировой закон, в смысле железной необходимости, управляющий процессами, недоказуем, а поэтому дело сводится опять-таки к простому констатированию связи тех или иных явлений...

Но если бы эти законы и существовали, то тогда они не были бы законами в смысле законов повторяющихся явлений, ибо всякий исторический закон есть заключение от следствий к причине, заключение, как известно, весьма проблематичное, ибо одно и то же следствие может быть вызвано различными причинами. И если два различных причинных ряда шли некоторое время параллельно, из этого не следует, что они и в будущем, как и в отдаленном прошлом, шли и будут идти рядом.

На этом основываются "возможности" Лаврова, именно: из того факта, что после какого-нибудь явления наступило другое, не следует, что при тех же условиях не могло бы быть иного будущего, ибо причинный ряд, который вызвал данные условия, мог быть не тот, который мы предполагаем, а раз это так, то могло быть и иное следствие из этих условий.

Из всего сказанного понятно, почему в некоторых последних работах по истории и социологии возводятся в принцип *случайности* и случай (см., например, Н. Гартмана "Об историческом развитии", труды Гарда и др.).

Конечно, говоря все это, мы имели в виду реальный закон природы. Если бы шел вопрос об идеальном законе, то тут возможна бы была необходимость. Если А есть В, если С есть А, то С есть В — это умозаключение общезначимо. Но для реального закона весь вопрос-то и заключается в том, есть ли налицо А, и есть ли оно действительно В, и равняется ли С А, поэтому вполне прав Зиммель, утверждающий, что нет моста, который бы вел от идеальных законов к реальным фактам и обратно... Реальный закон — всегда есть факт и, как факт, не заключает в себе идеальной необходимости... Итак, несмотря на ряд допущений и предпосылок, обосновать исторический закон нам никак не удастся, поэтому остается помириться с тем, что ни исторический закон, в смысле законов повторяющихся явлений, ни закон повторяющихся явлений, в смысле необходимости, не существуют.

Выше мы подчеркнули, что всякий закон есть лишь констатированная связь различных вещей, их свойств и качеств. Выше же было указано, что всякое следствие есть результат тех свойств предметов, которыми обладают вступающие во взаимодействие вещи (условия). Точно так же было указано, что эта констатированная связь никаким преимуществом перед единичными фактами (свойствами предметов) не обладает, а, напротив, сама есть их функция, познается из познания этих свойств (фактов) и ими же проверяется.

Теперь спросим, что составляет необходимое и главное условие истории человечества, без которого последняя немислима и невозможна? Двусмысленностей в ответе не может быть. Безусловно, таким *необходимым и достаточным условием является сам человек со всеми своими свойствами и потребностями*. С его появлением началась история человечества, и с его исчезновением она кончится. Это факт, который оспаривать никто не может, ибо тогда должны были бы доказать возможность *человеческой истории без человека*. Это, очевидно, невозможно, поэтому человек есть главное и необходимое условие человеческой истории. Всякое изменение исторического процесса, всякий шаг вперед или назад есть дело человека и без него не обходится.

Обладающий определенной психофизической организацией, путем бесчисленных страданий и опытов выработавших интеллект, как могучее средство *творчества* истории, ставящий себе цели и достигающий их человек был всегда единственным творцом своей истории.

Поставленный в зависимость от тех или иных условий природы он изменял их постепенно в сторону желаемого, и в этом постоянном творчестве истории он творил и себя.

Этим мы не хотим сказать, что человек абсолютно свободен от природы, но хотим сказать, что он сам есть часть природы, часть, обладающая определенными свойствами, и поэтому законы его развития есть законы его свойств, то есть законы его самого. Природа не есть нечто целое, которое противостоит человеку, а есть совокупность отдельных вещей, имеющих свои свойства, и одной из таких вещей, наиболее совершенной и высшей, является человек. Поэтому *исторические законы* — его законы, то есть связь его свойств как определенной части мира.

Но г-да фаталисты, закрывая глаза перед этим очевидным фактом творчества человека своей истории, иронически улыбаются и ехидно говорят: "Если бы камень имел сознание, то и он думал бы, что его падение тоже не предопределено, что и он падает по своему желанию".

Да, отвечаем мы, он бы имел право так думать, если бы мог думать, потому что закон не стоит сверху или вне камня, а находится в нем самом как его свойство или, если угодно, как его "воля". Необходимость падения не есть приказание, данное свыше, которому он должен повиноваться, а есть его собственное качество и только как таковое и существует. Если бы не было камня и других вещей, имеющих то же свойство, то не было бы и закона. Поэтому нельзя гипостазировать закон как активное начало, а вещи делать пассивной неподвижностью. Закон не пружина, приводящая в движение механизм, и вещи не механизмы, а сочетание в себе пружины и механизма.

Все процессы мира делятся на два разряда, в одних человек, как комплекс определенных свойств, не участвует, а поэтому и связь, устанавливающаяся между этими частями природы, независима от него. В других же решающим условием является он сам. Первые для него чужды, вторые представляют результаты его свойств. Такими свойствами являются: определенная психофизическая организация, интеллект, как могучее средство воздействия на среду, сознательно-мотивационная воля, способность ставить себе цели и во имя их реализации действовать и так далее. В результате всех этих свойств получается то или иное воздействие на среду, то или иное изменение условий, окружающих каждую личность, а интегрируя маленькие изменения, производимые каждой личностью, мы получаем то, что называется *историческим фактом или изменением*.

Поэтому так называемая *закономерность в истории* в переводе на обычный язык означает то, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо его.

Поэтому говорить о какой бы то ни было предопределенности, о независимых от человека законах и ходе истории, о невозможности преступить эти законы и т. д. — это значит плавать в безбрежных туманах заблуждений.

Помимо всего, если бы правы были фаталисты, то тогда невозможна была бы история и вообще жизнь. Люди, искренно верующие в предопределенность, не могут жить, ибо жить — это значит мыслить, желать, стремиться и действовать. Если же все предопределено, если все уже

решено, то исключается всякая возможность желания, стремления и действия: желать и стремиться можно только к тому, что достижимо, и что требует от нас известных усилий, и что имеет для нас определенный смысл. А раз мне сказано, что "то-то будет", хочу ли я или не хочу его, буду ли содействовать наступлению его или мешать, то тем самым у меня отнята всякая возможность желания и вообще проявления жизни: остается лишь только быть неподвижным истуканом и, если позволено будет, "тарачить глаза и ковырять в носу". Но люди до сих пор жили и действовали — и это лишнее доказательство излишности фатализма.

Мое будущее есть обнаружение моих свойств, и будущее человечества — обнаружение его свойств. Исторический ход — его дело, и историческая причина — оно само. Игнорировать эти факты, бьющие в глаза своей реальной правдой, и заменять их очевидность какой-то неуловимой и предопределенной "недотыкомкой" — поистине иметь глаза и не видеть, иметь уши и не слышать.

Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область. То, что "естественно" вне его, "нестественно" для него. "Естественный" закон борьбы за существование, уничтожение слабых сильными, неприспособленных — приспособленными человечество заменяет "искусственным" законом взаимной помощи и солидарности, охранения слабых и приспособления условий к своим потребностям.

Пройдя через ряд пыток, "шатаясь, падая под ношей крестных мук", человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать свои идеалы Правды, Истины и Красоты. Эти завоевания, порой замедляясь, ослабевая, в общем до сих пор увеличивались. Правда, кто сочтет, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтет все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но эту Правду создавали они как личности, и точно так же наше будущее создаем мы. И чем активнее будет каждая личность, тем выше будут ее идеалы, тем быстрее мы будем приближаться к Правде и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая!

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

I

Еще в глубокой древности Гераклит сказал: "Все течет, все изменяется". Ничто в мире не стоит неподвижно, а постоянно изменяется. День сменяется ночью, ночь опять днем, ни один день не похож на другой, а сегодняшняя ночь не похожа на вчерашнюю; дерево так же зелено сегодня, как и вчера, но сегодня оно уже не то, что было вчера и чем будет завтра. Нельзя в одну и ту же реку войти дважды, ибо она постоянно течет. Теория трансформизма (дарвинизм и ламаркизм) то же доказывала относительно явлений жизни, а изучение (хотя бы самое поверхностное) человеческой истории — доказывает ту же непрерывную изменимость относительно человечества. Все изменяется, все течет, все развивается, эволюционирует — такова точка зрения современной науки, подтверждаемая ежедневным опытом всех и каждого. Появляются человеческие общества, развиваются и гибнут. Появляются определенные формы общественной организации: определенные формы производства, формы семьи, политического устройства и т. д. живут, развиваются

и в конце концов сменяются новыми. Появляются определенные религиозные верования (анимизм, тотемизм, фетишизм и т. д.), целые религиозные системы (брахманизм, буддизм, даосизм, христианство, исламизм и т. д.) развиваются и сменяются новыми. Этот факт постоянного изменения различных сторон человеческого общежития уже давным-давно обратил на себя внимание человеческого разума и вызвал разнообразные попытки его объяснения. Появились многие теории, разнообразные гипотезы, чрезвычайно любопытные и интересные, тем не менее не завоевавшие себе до сих пор общего призвания. Особенно резко этот вопрос — вопрос о причинах или "факторах" социальной эволюции — выдвинулся со времени обоснования социологии О. Контом. Теперь каждый более или менее значительный социолог считает как бы профессиональным долгом поставить и так или иначе разрешить этот вопрос. Все содержание социологии многих авторов сводится почти исключительно к разработке проблемы "факторов". Да и сам О. Конт, как известно, определил социологию как науку о "порядке и прогрессе (эволюции) общества" и тем самым установил обычное теперь деление социологии на две части: на социальную статику и социальную динамику. Однако, несмотря на массу теорий, посвященных разработке проблемы социальных факторов, до сих пор нет еще ни одной более или менее общепризнанной...

Одни выдвигают в качестве такого решающего фактора географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности — горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеucci и др.); другие — чисто этнические условия, главным образом, борьбу рас (Гумплович, Гобино, Аммон и др.); третьи — чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные — экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, — интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах — в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в форме мировоззрения и религиозных верований (О. Конт, Б. Кидд), в форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные — разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.

Как видно из сказанного, число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории. Любой из приведенных факторов имеет свое значение, но вместе с тем нельзя не согласиться со следующими словами М. М. Ковалевского относительно взаимозависимости и связи всех этих факторов в конкретной действительности: "Говорить о факторе, то есть о центральном факте, увлекающем за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение. *В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый так или иначе связан с массой остальных или обуславливается и их обуславливает*"¹.

¹ Ковалевский М. М. Современные социологи. Спб., 1905. С. 8.

Но не менее прав он и тогда, когда к сказанному добавляет: "Чтобы выйти сколько-нибудь из хаоса бесчисленных воздействий и противодействий, совокупным влиянием которых обуславливается сложность общественных явлений, они (то есть социологи) желали бы свести все их разнообразие к более или менее ограниченному числу знаменателей"¹.

Вот именно это-то условие и делает необходимой разработку вопроса о факторах и заставляет думать, что и будущее не упразднит эту проблему, как думает М. М. Ковалевский. Не упразднится эта проблема еще и потому, что хотя в конкретной действительности все эти факторы и находятся во взаимодействии, однако научное изучение их не может и не должно (как и всюду) останавливаться перед эмпирической "пестротой", а должно разложить этот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей или зависимостей.

II

В существующих в настоящее время теориях социальных факторов имеется один весьма существенный недостаток, который сильно мешает правильному решению данного вопроса, а именно *недостаточное различение чисто социальных факторов от других: биологических и "физико-химических"* (под последними я разумею ряд различнейших условий: географические, климатические и другие условия).

Нет никакого сомнения в том, что как "физико-химические", так и биологические факторы имеют решающее значение на ход социальной эволюции. Это следует из того, что человек прежде всего есть материя или энергия (следовательно, подчинен физико-химическим законам), затем — организм (следовательно, подчинен биологическим законам) и, наконец, уже социальное существо. Все мы подчинены, например, закону тяготения, и он решающим образом определяет данный, а не иной ход социальной эволюции. Не будь его — совершенно другой была бы жизнь человечества: другими были бы способы передвижения, а тем самым торговля, охрана, защита, политические границы, подданство и другие условия социальной жизни.

Будь иными географические (например, флора и фауна, конфигурация земной поверхности — распределение гор и долин, суши и моря) и климатические условия — иной была бы и история человечества. (Иным был бы, например, "жилищный" вопрос, иными были бы занятия человечества; не будь "домашних" животных — лошадей, ослов, мулов и т. д., — иными были бы условия человеческого труда; при ином распределении суши и воды иными были бы политические границы государств и занятия его обитателей и т. д.)

При другой антропологической организации другой был бы и весь уклад жизни. (Допустите, что человек обладал бы наподобие растений способностью перерабатывать неорганические вещества в органические. Какая разница жизни возникла бы из этого одного факта!)

То же относится и к биологическим факторам, в частности к выдвинутому Ковалевским и Костом явлению разложения² или же к подчеркиваемому Уордом и Паттэном факту неодинакового реагирования на различные раздражения, из которых одни возбуждают страдание, другие — наслаждение. Как эти, так и ряд других чисто биологических факторов, например, питание, приобретенные привычки, так называемые

¹ Ковалевский М. М. Современные социологи. Спб., 1905. С. 8.

² См. об этом типе в "Социологии" Г. Зиммеля, гл. "Die quantitative Bestimmtheit der Gruppe".

"рефлексы и инстинкты", наследственность, выдвигаемое ламаркизмом значение упражнений и повторения и ряд других биологических свойств, несомненно, обусловили и продолжают обуславливать данный, а не иной уклад социальной организации и эволюции человечества.

В этом смысле и биологи, и "физико-химики" в социологии вполне правы. Прав, например, Де Ланессан, когда заявляет в своей так недавно вышедшей работе "La morale naturelle" (Париж, 1908), что "моральные явления представляют, несомненно, биологические явления" (С. 403); прав Летурно, когда основания нравственности и права ищет в физиологических свойствах клетки¹; прав и Оствальд, когда все явления человеческого общежития сводит на те или иные формы и свойства энергии²; вполне правы и многочисленные сторонники органической школы вроде Шеффле, Новикова и других.

В этом отношении вполне резонны следующие слова В. Вагнера. В человеке, говорит он, существуют способности, "которые целиком унаследованы им от животных и которые заложены в нем гораздо прочнее и гораздо глубже, чем его специальные способности; это — область его инстинктивной деятельности, в своем генезисе, эволюции и своем отношении к разумным способностям подлежащая законам, которые с необходимой полнотой и всесторонностью могут быть установлены только путем изучения мира животных"³. Но не менее резонны и следующие его слова. "Мы признаем, — говорит он, — научно установленным положение, по которому человек обладает способностями, только ему одному свойственными и существенно отличающимися его от животных; мы считаем доказанным, что человек благодаря своей членораздельной речи, дающей ему возможность жить знанием, опытом и мыслями не только современных, но и умерших поколений, создал себе на земле совершенно исключительные условия существования; мы вполне разделяем идею о том, что нравственное чувство человека представляет собой явление, которому равного мы не знаем в животном мире и развитие которого объяснить путем одного естественного подбора невозможно"⁴.

Вот именно в этом-то отличии человека от животного и лежит вся суть дела. Это-то отличие и дает возможность существования особой от биологии науки — социологии, специально изучающей явления и свойства специфически человеческие. Если бы не было этого отличия, не должна была бы быть и социология — тогда все человеческие явления уместались бы в области биологии. Но это отличие налицо, а потому налицо и социология. А отсюда само собой вытекает, что ее объектом изучения должны быть специфически социальные (отличные от биологических) явления, и в частности в вопросе о факторах эволюции — не биологические, а чисто социальные факторы. Между тем многие из указанных факторов — размножение, питание, борьба рас, антропологическое строение, географические и климатические условия, страдание и наслаждение и другие — все эти факторы, общие миру животных, — общебиологические и даже физико-химические. Все это объекты биологии, а не социологии. Отсюда становится понятной незаконность

¹ Летурно Ш. Основания нравственности. С. 34; *Ego же*. Evolution juridique. P., 1891. С. 7—12.

² См.: Оствальд В. Die Energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft. Leipzig, 1909.

³ Вагнер В. Биологические основания сравнительной психологии. Т. 1. С. 6—7.

⁴ Там же.

подобного решения проблемы *социальных* факторов. Выражаясь терминами профессора Л. И. Петражицкого, здесь налицо порок "хроمانия", эти теории — неадекватны, и потому они должны быть отброшены¹. Выдавать за социальные факторы то, что свойственно всему миру животных, равносильно положению, что закон тяготения приложим только к данному падающему камню, — занятие малопродуктивное и во всяком случае не экономное.

III

Как видно из сказанного, в вопросе о факторах *социальной* эволюции должно и формально, и по существу иметь дело только с *социальными* же, а не с иными факторами. Теперь спрашивается: каковы же эти или этот фактор, та основная причина, которая обуславливает собою не самый факт социальной эволюции (он вызывается другими — биологическими и физико-химическими — условиями), а ее определенный характер?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо указать на то, что составляет *сущность социального явления*, как явления, отличного от области биологических явлений. Как бы ни были разнообразны с виду ответы социологов на этот вопрос, по своему существу они более или менее тождественны. Сущность социального явления — это *взаимодействие людей*, устанавливающееся не в случайной, а в более или менее постоянной группе. Социальное явление "da existiert, wo mehrere Individuen in Wechselwirkung treten"^{2*}, говорит Зиммель. В социальном явлении "мы видим не что иное, как длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое *взаимодействие*, устанавливающееся во всякой постоянной агрегации живых существ между свойственными им психофизическими (то есть высшими биологическими) явлениями и процессами, притом уже сознательными", говорит Е. В. Де-Роберти. "Под социальными явлениями мы понимаем *отношения*, — пишет Гумплович, — возникающие из *взаимодействия* человеческих групп и обществ". Предметом социологии, говорит Гиддингс, является "изучение *взаимодействия* умов и взаимного приспособления жизни и окружающей ее среды через эволюцию социальной среды".

То же, только в иных словах, говорят Тард, с его изобретениями и подражаниями, Уорд, с его понятием синергии, Дюркгейм, Драгическо, Бугле, Штаммлер и другие^{3*}.

Итак, сущностью социального явления служит факт взаимодействия индивидов и групп. Но, конечно, этим сказано еще далеко не все. Ведь взаимодействие есть и среди животных, например "общество" пчел, муравьев и т. д. Значит, один факт взаимодействия еще далеко не характеризует собой сущности социального факта. Необходимо прибавить к нему еще то условие, чтобы это взаимодействие было

¹ См. об этом: *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение теории права и нравственности. Спб., 1907.

² * "существует тогда, когда множество индивидов действуют во взаимодействии" (нем.).

³ * См. подробнее: *Зиммель Г.* Социология; *Де-Роберти.* Новая постановка вопросов социологии; *Гумплович.* Основы социологии; *Гиддингс.* Основы социологии; *Тард.* Законы подражания; *Уорд.* Чистая социология; *Дюркгейм.* Метод социологии; *Штаммлер.* Хозяйство и право; *Драгическо.* Du rôle de l'individu; *Бугле.* La démocratie devant la science.

сознательным, а не инстинктивным или рефлекторным. Между тем в обществах низших животных, в частности насекомых, по словам специалиста этого дела биопсихолога В. Вагнера, как раз этой сознательности-то и нет. "Работа так называемых обществ насекомых, — говорит он, — есть не общее совместное дело для общей всем им цели, а работа нескольких или многих особей общего происхождения, в одном месте, каждого по-своему. В результате от такой работы получается нечто целое и единое, но независимым от каждого из участников обстоятельствам, вследствие сходства инстинктов, величю которых эти многие подчинены"¹. Таким образом, социальный факт своей сознательностью резко отличается от подобных "взаимодействий" низших животных, чисто инстинктивных.

Что же означает это сознательное взаимодействие? Оно означает обмен ощущений, представлений, чувств, эмоций и т. д., а еще короче — коллективный опыт. Индивидуальный опыт, хотя и сознательного, но изолированного индивида (те или иные представления о мире, его различных явлениях, то или иное получение раздражений и реагирование на них и т. п.), очень ограничен и с его смертью исчезает. Тогда как коллективный опыт, то есть взаимодействие индивидуальных опытов — обмен ощущений, представлений и т. д., несравненно глубже, шире и продолжительнее. Индивидуальный опыт может быть ошибочным (например, человек может быть ненормальным, галлюцинировать, находиться под влиянием различных эмоций — страха, гнева и т. д., составит о каком-нибудь факте совершенно неверное представление), тогда как коллективный опыт безошибочен: недаром же истиной считается то, с чем все согласны. Поскольку дана взаимодействующая группа — постольку уже дан в ней коллективный опыт. И так как эта группа со смертью данного поколения не исчезает, а продолжает существовать, то и коллективный опыт этого поколения также не исчезает, а передается следующему поколению, отцы передают свои знания детям, дети — своим детям и т. д.; вместе с этим каждое поколение к полученной по наследству сумме знания (опыта) прибавляет свою часть, приобретенную им в течение жизни, и сумма коллективного опыта (знания) таким образом постоянно растет. Более или менее смутные, полусознательные, полуинстинктивные ощущения, представления, эмоции и т. д. сменяются в процессе этого взаимодействия все более и более ясными; темные и неверные представления о различных явлениях мира, об опасных и безопасных, вредных и полезных и т. д. сменяются с ростом коллективного опыта все более и более верными, и, наконец, в процессе этого взаимодействия из потока представлений и ощущений появляется абстрактное отвлеченное понятие² — элемент или кирпич, из которого построено здание любой науки, в отличие от конкретных образцов, представлений и т. д., которые, строго говоря, в науку как совокупность суждений, в свою очередь составленных из понятий, не входят. (Наука представляет совокупность "логических", а не "психологических" суждений, а логическое суждение имеет своими элементами понятия — опять-таки

¹ Вагнер В. Биологические основания... Т. 1. С. 94.

² Для ясности дальнейшего привожу определение понятия по Зигварту. "Понятие в логическом смысле, — говорит он, — отличается от возникшего в естественном течении мышления и обозначенного посредством слова общего представления своим постоянством, не выдающей исключений неизменной определенностью и надежностью и общезначимостью своего словесного обозначения" (Зигварт. Логика. Т. 1. С. 278).

в логическом смысле, — а не представления. Об этом см. "Логику" Зигварта, главным образом том I.)

Только с появлением *понятия* и начинается *знание* (наука) в строгом смысле слова. Взаимодействие — иначе говоря, взаимный обмен теми или иными видами и формами энергии — с того момента, когда в его потоке появляется понятие, то есть когда устанавливается обмен не только представлений, ощущений и т. д., но и обмен понятий (усвоение и передача знаний: обучение, научные открытия и изобретения и т. д.), резко отделяется от всех остальных видов взаимодействия и становится исключительно человеческим достоянием. У низших стадных животных взаимодействие чисто инстинктивное, у высших хотя и имеются уже элементы сознательности, но они еще очень смутны и неясны и дальше темных представлений — и то едва ли многочисленных — они не идут. Только в человеческом обществе взаимодействие принимает специфически-сознательную форму, доходит до "логического" или научного взаимодействия и дает свои высшие плоды в виде "культуры". *Таким образом, мир понятий — или логическое взаимодействие — иначе — взаимодействие понятий — вот окончательный признак чисто социального (человеческого) явления.* Отсюда само собой вытекает определение социального явления: *социальное явление есть мир понятий, мир логического (научного — в строгом смысле этого слова) бытия, получающийся в процессе взаимодействия (коллективный опыт) человеческих индивидов.*

Такова сущность социального явления как явления специфически человеческого. Конечно, в эмпирической действительности существуют не резко обособленные группы биологических и социальных явлений, а постепенный переход от первых ко вторым. Это, однако, не мешает их расчленению, как постепенность перехода от физико-химических явлений к биологическим не мешает различению их от биологических¹.

О. Конт был прав, заявляя, что "идеи управляют миром и вертят им" и что "весь социальный механизм опирается в конце концов на мнения людей". Не менее прав Уорд, когда говорит, что единственное отличие человека от животных — это интеллект. "Человек от природы не есть животное общественное, — говорит он, — и человеческое общество является исключительно продуктом разума человека и незаметно явилось по мере развития мозга"².

То же говорит и Тард, когда он весь социальный прогресс сводит на изобретения (см. его работы).

Но всего точнее формулирует суть дела Де-Роберти, заявляя: "Produire des concepts, telle est la fin suprême de toute vraie société. Abstraction et conservation sociale sont de stricts synonymes"^{3*}, "абстракция (то есть мир понятий) есть подлинное *inim fundamentum*"^{4*} социального порядка, глубокая основа, на которой держится продолжительность, сила и могущество человеческих обществ"⁵.

¹ См. об этом великолепные страницы первой главы Е. В. Де-Роберти "Sociologie de l'action" (П., 1908); *Драгическо* "De rôle de l'individu dans le déterminisme sociale"; вообще я здесь принужден за неимением места ограничиться сказанным, интересующихся отсылаю к указанным работам.

² Уорд Л. Очерки социологии. М., 1901. С. 75.

³ * "Творить понятия и есть высшая цель всех подлинных обществ. Абстракция и социальное сохранение есть в строгом смысле синонимы".

⁴ * — самое основание (*лат.*).

⁵ Revue philosophique. 1911. № 11. С. 451.

Едва ли эта точка зрения может быть оспариваема, ибо указать другое нечто, радикально отличающее мир животных от мира человеческого, в высшей степени трудно. Если же это "нечто" и было бы указано, то при достаточном анализе видно было бы, что оно само обуславливается знанием, идеями, то есть миром понятий.

Итак, изучая сущность социального явления как явления, представляющего своеобразный вид мирового бытия, наряду с физико-химическими и биологическими видами, мы приходим к выводу, что эта сущность есть мир понятий, отвлеченных концептов, в сумме составляющих то, что называется человеческим знанием или наукой. В процессе взаимодействия группы индивидов происходит взаимный обмен опытом, этот обмен углубляет, расширяет и дополняет индивидуальный опыт; образует постоянный поток психического взаимодействия — обмен ощущений, восприятий, представлений и т. д., из которого и получается в конце концов мир понятий.

Значит, человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах...

IV

Конечно, подобное понимание социального явления может показаться слишком узким. Помилуйте! Могут сказать, неужели же миром понятий ограничивается культура и цивилизация! Куда же вы дели религию, искусство, нравственность, технику и т. д.! Вы говорите про какой-то мир понятий, которых нельзя взвесить, измерить, оцупать и т. д.!

Это замечание с виду очень убедительно, но тем не менее оно поверхностно, и вот почему. Совершенно верно, мир понятий нельзя взвесить так просто, как мы взвешиваем хотя бы камень. Но, спрошу я в свою очередь, разве можно взвесить, например, *жизнь*, не тот комплекс материи, в котором она воплощена, а *саму жизнь*? Нельзя, конечно, и, однако, никому в голову не приходит отрицать ее реальность. То же относится и к миру понятий: его нельзя непосредственно взвесить, но оглянитесь вокруг себя, и вы его увидите всюду!! Вот, например, фабрика со сложнейшими машинами, вот школа, университет, академия, вот больница, построенная сообразно научным требованиям, вот почта и телеграф и т. д. и т. д., разве все это не застывшая мысль? Разве все эти фабрики и заводы, больницы и школы, дома и одежда и т. д. сами собой создались? Разве все это предварительно не было в виде мысли, хотя бы в головах их изобретателей? Разве все это, что теперь мы относим к культуре, не есть так или иначе выразившийся мир понятий?

Возьмите религию или, иначе говоря, миропонимание. Что она такое, как не трансформировавшийся мир понятий, как не мирообъемлющий синтез, представляющий простой вывод и обобщение мира понятий! Что это так, подтверждается всем ходом человеческой истории! Какова высота знаний — такова и религия; для первобытного человека с его невежеством и не могло быть иной религии, кроме наивно-анимистической. Изменилось знание — меняется и религия. Для современного, образованного человека подобная религия немыслима и невозможна. Сделайте разрез в современном обществе по отношению к высоте знания, и вы увидите, что в слое с одинаковым приблизительно уровнем

знания одинакова приблизительно и религия, в слове с иным уровнем — иная. Постоянный опыт всех и каждого может подтвердить это. Отсюда практический вывод: если хотите изменить религию, дайте знаний — книг, микроскопов, телескопов и т. д., остальное все приложится. Эта форма мысли, как и все прочее, не остается бестелесной, а выражается вовне в тех или иных формах. Церкви, пагоды, иконы, статуи, жреческие и священнические одежды, обряды, молитвы, заклинания и весь культ с этой точки зрения есть застывшая, выразившаяся вовне религиозная (а тем самым научная) мысль.

Теперь перейдем к искусству. Как известно, эстетические вкусы и произведения искусства далеко не одинаковы у различных людей в различные эпохи. Чем же опять обусловлено то, что в Египте мы видим громадные пирамиды, сфинксы, обелиски; в Греции — храмы и прекрасные статуи богов и богоравных героев; в период христианский создаются христианские храмы, иконы, изображающие те или иные священные события; в современном "светском" обществе — тоже "светское" искусство?

Формы искусства, как и все, обусловлены ближайшим образом — миропониманием, а так как последнее само обусловлено знанием (миром понятий), то, следовательно, и искусство обусловлено и определяется последним.

На самом деле, возьмите представления египтян о будущей жизни, и вам будут понятны пирамиды, возьмите представление о боге солнца Ра, и вам будут понятны обелиски. Представьте ясно религиозные представления греков о богах, их жизни, их сонме и характерах — они объясняются одинаково: и Зевс Фидия, и статуи Венеры, Афины, Аполлона, Вахха, сатиров и нимф. Возьмите миропонимание средневекового христианина — и понятен будет Данте с его "Божественной комедией"; или миропонимание итальянского Ренессанса — понятны будут и Петрарка, и Боккаччо и т. д.

При мировоззрении нашей эпохи невозможны ни пирамиды, ни готические храмы, ни "Божественная комедия"... Изменилось знание — изменилось и миропонимание, изменилось последнее — изменилось и искусство, и современное "декадентство", например, не что иное, как показатель нового периода в мысли русского общества.

Отсюда становится понятной необходимость того метода изучения художественных произведений, которым пользовался во Франции И. Тэн, а у нас Д. Н. Овсянко-Куликовский, метода, объясняющего творчество какого-нибудь художника из его миропонимания, а миропонимание последнего — из "духа" эпохи.

Что же касается, наконец, всей техники, всей практики индивида или данной общественной группы: поведения, нравственности, права, форм общественной и политической организации, "сил и орудий" производства и т. д., — все это обусловлено миром понятий и представляет ту или иную его трансформацию. Это положение, несмотря на противоположное утверждение марксизма, может быть подтверждено всей историей политических организаций, техники, нравственности и права и ежедневным опытом каждого. Машины, прежде чем принять "материальное" бытие, должны уже иметь "логически-психическое" существование в мысли ее изобретателя, а не наоборот. Это ясно. То же относится и ко всей технике, и ко всем "орудиям" производства. Все это, по остроумному выражению Тарда, есть "застывшая мысль". Фабрики и заводы, паровые и электрические двигатели, та или иная форма жилища, характер или состав пищи, форма одежды и вообще весь материальный быт в конце концов являются застывшей мыслью современной ли или же предыдущих эпох.

А посмотрите на историю нравственности и права и попытайтесь проследить причинную связь между формами морали и права и уровнем мысли в трех ее основных формах (научно-логической — знание; религиозной — миропонимание и эстетической — искусство), и вы увидите, что эта связь подтверждается на каждом шагу. В каждую эпоху добродетелью является то, что *считается* полезным для данной группы; преступлением то, что *считается* вредным для нее. Вполне прав Макаревич¹, когда говорит, что понятие добра и зла зависит от "Auffassung des sozialen Utilitarismus"^{2*}. То же говорят и исследователи истории права и морали вроде Летурно, Дю Буа и т. д.

А так как *понимание* того, что действительно общественно полезно и что действительно общественно вредно, зависит от *знания* явлений мира и жизни, то понятно, что нормы морали и права представляют, по существу, лишь обнаружение и овеществление этого понимания. Чем выше знание — тем выше и лучше мораль и право, и наоборот. Эта связь мысли в ее основных формах и соответствующих нормах права и морали, а равным образом и всей политической организации чрезвычайно ясно доказана относительно Греции и Рима Фюстелем Де-Куланжем в его "La cité antique"^{3*}. Нормы, касающиеся почитания, например, предков, святости семейного очага, кровной родовой мести и т. д., есть лишь следствие соответствующих верований или знаний. Изменяются знания — падает и старая мораль.

Я здесь не могу приводить еще ряд фактов, но при желании число исторических доказательств может быть умножено *ad libitum*^{4*}.

Что поведение или практика человека обусловлены его знанием, это, в частности, подтверждается блестящим анализом механизма этого поведения, которым мы обязаны Л. И. Петражицкому. За исключением чисто бессознательных движений, которыми могут быть как унаследованные от животных и предков инстинкт или "эмоции" (биологический фактор), так и акты, бывшие вначале сознательными, но благодаря частому повторению сделавшиеся бессознательными, все остальное поведение человека регулируется посредством тех или иных эмоций и интеллектуальных элементов.

Для совершения каждого сознательного поступка необходимы: 1) эмоция; 2) соответствующее *представление* того действия, которое должно быть выполнено почему-либо (интеллектуальный элемент). Но так как эмоции, за исключением "специфических эмоций" (эмоции голода, жажды, половые и другие, главным образом биологические), всегда побуждающих к определенной форме действий (например, голод — к принятию пищи), сами по себе ни к какому определенному виду поведения не побуждают ("бланкетные" эмоции), а тот или иной вид поведения зависит исключительно от соответствующего интеллектуального элемента, то понятно, что *решающим фактором, определяющим* самый характер поведения, является интеллект. То, что *кажется* в данный миг разумным, считается за нечто положительное, доброе, что *кажется* вредным, злое, запрещенное. "Против того (представляемого), от чего индивид терпит зло в жизни, развиваются в индивидуальной психике репульсивные эмоции, антипатии, — говорит профессор Петражицкий, — в пользу действовавшего в противоположном направле-

¹ Makarewicz. Einführung in die Philosophie des Strafrechts. S. 58.

² * "понимание общественной пользы" (нем.).

³ * "Античный город" (фр.).

⁴ * сколько угодно (лат.).

нии — аттрактивные эмоции, симпатии”¹. Итак, фактически и область практики в широком смысле слова — в том или ином виде — представляет то же экстериоризирование мысли, ее застывшую форму.

После сказанного ответ на поставленный вопрос чрезвычайно прост. Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой) или, что то же, представляют модификацию этого фактора. Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью. Это, в частности, подтверждается “законом запаздывания” Де-Роберти, состоящим в том, что наше знание опережает миропонимание, миропонимание — искусство и все, вместе взятые, — практику, быт. И действительно, не было ни одного переворота, прежде чем соответствующий психический переворот не был сделан. Религия всегда отставала от науки, а практика (техника, общественная организация и т. д.) — бесконечно далека еще от мысли: мы уже давно думаем о социализме, но еще долго придется ждать его “вещественного” существования. Очевидно, что если бы мысль не была первичным фактором или же была бы следствием другого социального фактора, то подобного “опереживания” ею других форм социальности не могло бы быть; и обратно, то, что во временной последовательности наступает более поздно, то, очевидно, не может быть причиной события, наступающего раньше его. Так как изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и в убеждениях и без этого предварительного психического изменения оно не может наступить, то очевидно, что эта материальная революция не может быть причиной психической, а может быть только ее следствием: оно только как бы символ, выражающий это психическое изменение².

Таким образом, прав был Конт, когда говорил, что “идеи управляют (социальным) миром”, ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, созидающее царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии. Отсюда практический вывод: больше знаний! больше науки! больше понятий! — остальное все приложится!

ПРОГРАММА ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Теоретическая социология, изучающая социальное явление с точки зрения сущего (и *должного*), естественно распадается на три основных отдела: 1) на социальную аналитику (или социальную анатомию и морфологию), изучающую строение населения, 2) на социальную механику, изучающую социальные силы и социальные процессы; 3) на социальную генетику, или теорию эволюции общественной жизни и отдельных ее сторон, исследующую законы развития последних явлений.

Свое изложение курса социологии я обычно начинаю с краткого “Введения”. Содержание его вкратце таково.

¹ См. Л. И. Петражицкого “Введение в изучение теории права и нравственности” и “Теорию права”, в частности т. 2, с. 757.

² Для понимания этого символизма см. работы профессора М. А. Рейснера, в частности его “Государство”.

I. Введение. Понятие о социологии как науке, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных. Отличия социологии от других наук. Задачи объективной социологии. Краткая история социологии как науки.

Вслед за "Введением" я перехожу к изложению "Социальной аналитики". Она распадается на аналитику простейшего социального явления и на аналитику населения как сложного социального агрегата. Основное содержание "Аналитики" таково.

II. Социальная аналитика:

1). Понятие взаимодействия как простейшей модели социального явления. Элементы явления взаимодействия: а) индивиды и их свойства; б) акты — действия и их виды; в) проводники общения, их роль, формы, происхождение и рикошетное влияние.

2). Рассмотрев элементы взаимодействия, я перехожу к классификации форм взаимодействия (антагонистическое и солидаристическое, одностороннее и двустороннее, шаблонное и нешаблонное и т. д. взаимодействия).

3). Этим заканчивается анализ простейшей модели, и его итогом служит понятие взаимодействия как коллективного единства. Таким путем я логически прихожу к социальной группе и разорванное единство смыкаю вновь. Рассмотрев проблемы социологического реализма и номинализма, факторы возникновения и распада коллективного единства, я перехожу к изучению взаимоотношения уже не индивидов, а социальных групп, на которых распадается население, то есть к аналитике сложных социальных явлений.

4). Главная задача этой части "Аналитики" состоит в изучении строения и расслоения населения. Содержание этой части таково: а) общие основания расслоения населения и социальные группировки; б) три вида социальных групп: элементарные, куммулятивные и сложные; в) основные формы элементарной группировки индивидов: семейная, государственная, языковая, расовая, половая, возрастная, религиозная, партийная, профессиональная, имущественная, объемно-правовая и др.; г) сочетание элементарных группировок дает куммулятивные группы. Их виды и формы. Зависимость поведения и прочности группы от способа куммуляции. Анализ типичных куммулятивных групп: национальности, касты и др.; д) население как комбинация элементарных и куммулятивных групп. Социальная химия; е) систематика сложных социальных агрегатов (классификация "обществ").

5). Обзор и критика главнейших теорий социального явления.

Этим изложение социальной аналитики исчерпывается. Изложенная программа систематически и стройно позволяет познакомиться слушателя и со свойствами человека, и со строением "общества". Она дает возможность "распластать" на составные ткани и клетки социальное тело, ознакомить аудиторию с анатомией и морфологией "общества". Изложив учение о строении населения, я перехожу к "Социальной механике". Ее содержание таково.

III. Социальная механика. 1-я часть: учение о раздражителях человеческого поведения и факторах социальных процессов. Понятие о закономерности и причинности в поведении людей. Человек как сложнейший механизм. "Монизм" и "плюрализм" в социологии. Классификация факторов человеческого поведения и социальных процессов: а) факторы космические — простые (температура, свет, звук, влажность и др.) и сложные (климат, состав земли, рельеф поверхности, распределение суши и воды и т. д.). Социологические теории: Демолена, Ратцеля, Семпле и др. "географов". Общие теории о влиянии и роли космических факторов; б) факторы биологические. Их понятие. Их классификация. Изучение влия-

ния главнейших из них; инстинкты питания, размножения (попутно анализ соответственных теорий Мальтуса, Коста, Ковалевского и др.), индивидуальной самозащиты, групповой самозащиты (Гумплович, Аммон и др.), подражания (Тард), наследственности, влияния флоры и фауны, влияние повторения и привычки, роль условных рефлексов и др.; в) *факторы социально-психологические*. Их понятие. Их деление на простые и сложные. Простые: а) *идеи* (точные и неверные) как раздражители поведения и факторы социальной жизни; б) *чувства-эмоции*, их классификация; в) *влияния*, их классификация. Сложные социально-психические факторы: знания (точная наука) и их роль. Искусство и его социальная роль. "Экономика" как сложный космо-био-социально-психический фактор и ее роль. Социальная роль денег (богатства), разделение труда, власти и т. д.

Общие теоремы, формулирующие влияние и взаимоотношение различных факторов. Такова схема 1-й части "Социальной механики".

2-я часть "Социальной механики" ставит задачей изучение не сил, а процессов, совершающихся в среде данного населения. Она отвечает на вопросы: а) как питается данная группа, какие институты в ней существуют для выполнения этой функции и почему они таковы; б) как размножается данная группа, какова ее брачно-половая система и почему она такова, а не иная; в) как "учится" и умственно развивается данная группа, как в ней происходит накопление и циркуляция знаний и почему так, а не иначе и т. д.? Таким путем здесь изучаются все важнейшие "физиологические" процессы, данные в среде любой социальной группы.

3-я часть "Социальной механики" изучает механику социальных процессов на анализе судеб личности с момента ее появления и до момента ее смерти. Пользуясь данными предыдущих отделов социологии, здесь социолог "на полотне жизни индивида" показывает, почему его жизнь и судьба сложились так, а не иначе. Шаг за шагом он прослеживает детерминирующее влияние социальных сил на личность и этапы формирования в биологическом организме социального "я"; со-общественники социума: вхождение индивида в социальную жизнь, образование в нем социальных склонностей и форм деятельности, появление социальных вкусов, убеждений, привычек, основные формы деятельности, постепенная социализация личности; словом, эта часть дает ответ на вопрос: почему данная личность ведет себя так, а не иначе, почему ее жизнь сложилась таким образом, а не иным?

Эти три части "Социальной механики" исчерпывают "физиологию общества", то есть учение о социальных процессах.

IV. Социальная генетика. В отличие от многих под генетической социологией я понимаю не винегрет из истории отдельных институтов (семья, религии, форм политического устройства и т. д.) — их изучение — дело исторических дисциплин, — а исследование возникновения и основных линий развития в сфере строения населения и общественных процессов; генетическая социология ставит и решает такие вопросы.

1). Как и в силу каких причин зародилась совместная жизнь людей? Одинаковы ли пути и этапы развития различных социальных групп или народов? Если различны, то каково "родословное дерево" человеческой общественности? Какие постоянные односторонние изменения с ходом истории претерпевает анатомо-физиологическая структура и психическая жизнь человека и почему? Увеличиваются ли в объеме человеческие общества с ходом истории и почему? Усложняется ли их строение и почему? Каково по своему строению будет грядущее предельное общество?

2). Какие односторонние тенденции даны в области влияния различных социальных сил? Растут ли их антагонизмы или уменьшаются? Какие силы увеличивают (с ходом истории) свое влияние и какие факторы его теряют и т. п.?

3). Какие исторические тенденции даны в области развития отдельных социальных функций и процессов (питательный, воспроизводительный, защитительный, познавательный-интеллектуальный, моральный и т. д.)?

4). Грядущее общество и грядущий человек (в смысле сущего, а не нормативно-должного).

Таков вкратце план и система социологии, которым я следую при чтении курса этой науки. Я отлично знаю, что изложенная схема для лиц, незнакомых с ней более подробно, во многом непонятна. Непонятна потому, что на двух-трех страницах трудно изложить обширнейшую и сложнейшую дисциплину.

Но вместе с тем позволяю себе думать, что смутное представление о "Системе социологии" данная схема дает.

Личный опыт преподавания социологии самой разнообразной аудитории, начиная от аудитории университета и аудитории, состоящей из преподавателей социологии, и кончая аудиторией, состоящей из "публики": рабочих, учащихся средних школ, красноармейцев и т. п., убедил меня в ее удачности: ни одна аудитория не давала мне оснований жаловаться на невнимание, или отсутствие интереса слушателей, или непонимание. Иными словами, с педагогически-учебной точки зрения ее удачность испытана.

Что же касается научности системы, то, готовый в любую минуту признать ошибки, когда они будут доказаны, пока что я считаю ее выдержавшей экзамен и с этой точки зрения.

Печатаемая мной сейчас многотомная "Система социологии" даст возможность подвергнуть ее и научному испытанию.

Пока же замечу следующее: в изложенной схеме социология строится как цельная наука, где все неразрывно связано друг с другом, одно следует из другого, где делается попытка покончить с "социологическим авантюризмом" и придать социологии ясные и точные очертания. Таково задание; удалось и удастся ли оно объективно — это другой вопрос. Это покажет будущее.

Основные принципы, положенные в основу этой схемы, таковы:

1). Социология в ней понимается как наука о поведении людей (формах, причинах и результатах), живущих в среде себе подобных, а не как наука о каком-то едином обществе. *De te fabula narratur*¹ * — таков девиз социологии по адресу каждого человека.

2). Социология — наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма: она изучает социальное явление "как вещи".

3). Социология должна решительно порвать с дилетантским философованием, грудой слоев покрывающим отсутствие знаний. Она должна отрешиться от всяких предпонятий, отправляться от факта, идти к фактам и кончать фактами. Короче, эта мысль гласит: "Хорошая статистическая диаграмма стоит гораздо больше, чем обширный социально-философский трактат".

4). Социология должна порвать с упрощенным монизмом, рассматривающим механизм человеческой истории как уравнение с одним неиз-

¹ * о тебе басня рассказывает; о тебе речь идет (*лат.*).

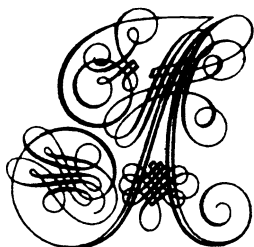
вестным. Такая "простота" существует только в мозгу адептов монизма, и ее нет в действительности.

5). При преподавании социологии надо быть конкретным. Обобщающая теорема должна быть простым выводом из анализируемых преподавателем фактов, а не предметом изложения, пожирающим последнее и превращающим социологию в новый вид догматического богословия или метафизики.

6). Факты следует брать из текущей, окружающей аудитории, жизни, а не из времен "первобытных", о которых мало кто знает точно. Первые факты более интересны, они доступны проверке, факты же из жизни "первобытных народов" недоступны проверке и точно не исследованы.

Таковы основные начала, положенные мною в основу изложенной программы преподавания социологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Общая социология. Раздел открывает уникальная лекция П. Сорокина, датируемая ориентировочно годами первой мировой войны. Судя по всему, это — вступительная лекция, с которой он начинал общий курс по социологии, и, видимо, она связана с начальным периодом его преподавательской деятельности лектором систематических социологических циклов в Петроградском университете и психоневрологическом институте. Текст лекции публикуется впервые. Вся лекция написана Сорокиным в тонкой ученической тетрадке, на обложке которой значилось: "Социология № 1", что, собственно, и послужило основанием для условного наименования всей работы. Текст лекции воспроизведен нами по авторской рукописи: ЦГАОР, фонд 602, опись 1, дело 3, л. 1—19.

В основной части раздела публикуется большой фрагмент первой сорокинской монографии "Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали". Замысел написания систематического труда по криминологии с особенным историко-социологическим акцентом возник у него еще в бытность студентом университета. Накопление громадного эмпирического материала для книги было осуществлено им за зиму 1912 — 1913 г. Позже рукопись была защищена в качестве дипломной работы и, наконец, на рубеже 1913—1914 гг. была издана в виде монографии столичным издательством Я. Г. Долбышева. Содержательно монография состоит из двух частей. В первой дается социолого-теоретическое введение в тему, особо анализируются общественные функции кар и наград; во второй обрисовывается историческая панорама генезиса и эволюции основных форм поведения. В настоящем однотомнике воспроизводятся с небольшими сокращениями, в первую очередь библиографического аппарата, первые две книги монографии по изданию: *Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда.* Спб., 1914.

Завершает раздел отрывок из книги "Общество, культура и личность; их структуры и динамика" (1947 г.), являющейся одной из самых фундаментальных и центральных работ американского периода творчества Сорокина. Этим исследованием по общей социологии он завершает весь громадный цикл теоретических работ. Так или иначе, основные идеи всех предшествующих исследований, особенно 20—30-х гг., нашли свое отражение в этом систематизирующем труде.

Книга состоит из 48 достаточно самостоятельных глав. В настоящем одном-томнике дается перевод первых трех глав, характеризующих Сорокина и как историка социологии, и как одного из авторов структурного метода. Перевод осуществлен по репринтному изданию: *Sorokin P.A. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics*. New York, 1969.

II. Революция и социология. В этот раздел включены три содержательно связанных, но совершенно самостоятельных фрагмента. Открывает раздел отрывок из его автобиографии "Долгое путешествие". Первым монографическим трудом Сорокина в Америке была историко-социологическая автобиографическая повесть "Листки из русского дневника" (1924 г.). Она охватывала события с 1917 г. по 1922 г. Позднее повесть была включена им в качестве самостоятельного раздела в книгу "Долгое путешествие". Наибольший интерес представляет глава, посвященная событиям 1917 г. В настоящем одном-томнике она воспроизведена полностью по изданию: *Sorokin P. A. A Long Journey*. New Haven, 1963.

В течение 1917 г. Сорокин пишет несколько социально-политических трактатов, содержащих не только анализ тем на злобу дня, но и мысли глобального социально-философского плана. Книга "Проблема социального равенства", безусловно, наиболее яркий труд Сорокина из всего этого цикла. В ней содержатся представления автора по поводу природы социализма, дан общий абрис его будущей теории социальной стратификации. Книга состоит из трех совершенно самостоятельных статей. Первые две воспроизводятся в настоящем одном-томнике, причем текст сверен с сохранившейся авторской корректурой с замечаниями самого автора по изданию: *Сорокин П. Проблема социального равенства*. Пг., 1917.

Завершает раздел отрывок из сочинения Сорокина "Социология революции" (1925 г.). Книга была задумана еще в годы гражданской войны, но к написанию ее он приступил лишь в Праге в 1922—1923 гг. Позднее текст книги был апробирован в США, когда Сорокин прочел несколько курсов по теме монографии в ряде американских университетов. В свет книга вышла в 1925 г. Она состоит из пяти разделов, в которых раскрываются не только внутривоенные проблемы, но и анализируется влияние революции на жизнь общества (на состав населения, на социальную стратификацию, экономические отношения, ценностные ориентации в обществе, нарушения в политической структуре, сексуальное поведение людей и т. п.). Книга написана, как признавался сам Сорокин, с большим бихевиористическим пафосом. В настоящий одном-томник включен перевод первой главы книги, где содержатся общие взгляды на природу революций, а также перевод 17-й главы ("Причины революции"), представляющей бихевиористическое кредо автора. Перевод выполнен по репринтному изданию: *Sorokin P. A. The Sociology of Revolution*. N. Y., 1967.

III. Социальная стратификация и мобильность всегда была одной из магистральных тем сорокинских научных изысканий. В 1927 г. выходит новаторская в своем жанре книга "Социальная мобильность", которая и поныне остается "классическим" трудом по данной проблеме. Именно эта книга Сорокина стимулировала бесчисленное количество последующих более частных разработок по теме социальной стратификации и мобильности, а введенная им терминология

признана общепринятой и давно уже используется в социологической и философской литературе без всяких отсылок к первоисточнику.

Книга состоит из шести разделов. Первые два теоретических раздела воспроизводятся в настоящем однотомнике. Перевод выполнен по репринтному изданию: *Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility*. N. Y., 1959.

IV. Социокультурная динамика по праву считается центральной темой в творчестве Сорокина. Под этим заглавием в 1937—1941 гг. вышел беспрецедентный по объему в истории социологии четырехтомный труд Сорокина. Завершая эту титаническую работу, ученый задумал сокращенную версию четырехтомника, рассчитанную на широкий круг читателей. В преддверии написания новой книги Сорокин в феврале 1941 г. читает цикл публичных лекций, озаглавленный "Сумерки чувственной культуры", который был положен в основу вышедшей в том же году книги "Кризис нашего времени", вобравшей в себя принципиальные идеи всей четырехтомной "Социокультурной динамики". Новая книга состояла из девяти глав и была написана удивительно ярким языком. Не случайно, что именно она стала самой популярной книгой Сорокина, выдержавшей не одно переиздание, переведившейся на многие языки. В настоящий однотомник включены первые четыре главы книги "Кризис нашего времени", содержательно представляющие первые два тома "Социокультурной динамики". Перевод выполнен по репринтному изданию: *Sorokin P. A. The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook*. N. Y., 1957.

V. Из рукописного наследия представляет собой заключительный раздел настоящего издания избранных трудов П. Сорокина. В 1922 г., покидая Россию, он вывез с собой значительную часть своего архива, однако часть его личных документов и семейный архив сохранились и позднее были собраны воедино в фонд Питирима Александровича Сорокина, хранящийся ныне в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (фонд 602). В него вошли рукописи, корректуры, конспекты, черновики, отдельные записи, письма, документация за 1910—1922 гг. и многое другое. Все эти материалы помогают воссоздать образ ученого, педагога и политика в ранний период его карьеры. Но главное богатство фонда — научные рукописи Сорокина. Большинство из них представляют собой наброски многочисленных статей, брошюр, монографий. Одни рукописи носят предельно конспективный или фрагментарный характер. Другие же (к сожалению, их меньшинство), напротив, выглядят вполне завершенными. И остается лишь гадать, отчего многие из них так и не вышли в свет.

Для настоящего издания были отобраны лишь несколько из неопубликованных рукописей Сорокина. Статья "Социологический прогресс и принцип счастья" относится к числу самых ранних работ Сорокина. Судя по стилю и содержанию, она была задумана скорее как научно-популярный очерк, небольшое социологическое эссе. Статья, вероятнее всего, была написана в первой половине 1912 г. Текст восстановлен по авторской рукописи: ЦГАОР, фонд 602, опись 1, дело 24, л. 1—7.

В годы первой мировой войны Сорокин чрезвычайно активен на поприще популяризаторства социологического, да и в целом гуманитарного, знания; сотрудничает со многими издательствами и журналами. Обладая острым пером, универсально логическим мышлением и широкой гуманитарной подготовкой, он

пишет ряд брошюр и статей, создавших ему реноме всесторонне эрудированного ученого. Судя по авторским маргиналиям, всю эту серию публикаций он условно для себя именовал "Научно-популярными письмами". Две статьи из этого цикла, цельные и логически завершенные, публикуются в настоящем однотомнике. Это — "Историческая необходимость" и "О так называемых факторах социальной эволюции". Обе статьи воспроизводятся полностью по авторским рукописям: ЦГАОР, фонд 602, опись 1, дело 14, л. 1—17 ("Историческая необходимость"), ЦГАОР, фонд 602, опись 1, дело 19, л. 1—14 ("О так называемых факторах социальной эволюции").

Завершает раздел уникальная программа преподавания социологии (первая советская программа такого рода), составленная Сорокиным в 1919г. Предполагалось издание программы типографским способом в виде отдельной брошюрки. Она даже была набрана в художественной фототипии А. Ф. Дресслера, сохранилась авторская корректура, содержащая множество опечаток и ошибок. Исправленный текст программы воссоздается по авторской корректуре: ЦГАОР, фонд 602, опись 1, дело 3, л. 1.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аммон О. — 40, 181, 313, 522, 533
 Бентам И. — 68, 136, 137, 178, 196
 Бугле С. — 33, 181, 188, 359, 525
 Вебер А. — 187
 Вебер М. — 171, 187—189, 369, 485
 Веблен Т. Б. — 184, 187
 Визе Л. фон — 187, 201, 297
 Ворд Р., де — 180, 184
 Вормс Р. — 35, 181
 Гиддингс Ф. — 33, 34, 190, 358
 Гобино А., де — 173, 181, 522
 Гумплович Л. — 32, 35, 40, 181, 348, 522, 525, 533
 Гурвич Ж. — 188, 206
 Дюркгейм Э. — 32, 35, 69, 70, 110, 113, 154, 164, 167—169, 171, 185, 188, 190, 191, 212, 297, 360, 485, 508, 509, 522, 525
 Зиммель Г. — 31, 32, 34, 139, 187, 214, 297, 485, 509, 517, 522, 525
 Знанецкий Ф. — 185, 190, 201
 Ковалевский М. М. — 37, 40, 181, 522, 523, 533
 Кули Ч. Х. — 185, 187
 Куланж Ф., де — 175, 188, 530
 Лапуж В., де — 40, 181
 Ле-Плей Ф. — 175, 180, 188, 190, 407, 485
 Конт О. — 171, 172, 175, 179, 310, 485, 507, 509, 522, 527, 531
 Летурно Ш. — 35, 37, 524, 530
 Маркс К. — 40, 171, 172, 189, 200, 217, 218, 280, 286, 303, 316—322, 367—369, 483, 485, 500
 Михайловский Н. К. — 273, 286, 508, 510, 511, 517
 Павлов И. П. — 184, 199, 279, 478
 Парето В. — 171, 183, 184, 197, 198, 214, 216, 217, 224, 307, 311, 313, 315, 316, 322, 330, 333, 342, 485, 500
 Парк Р. — 187, 297, 300
 Петражицкий Л. И. — 34, 36, 38, 46, 52, 78, 185, 188, 195, 198, 199, 525, 530
 Роберти Е., де — 32, 34, 37, 39, 106, 139, 157, 185, 188, 485, 522, 525, 527
 Самнер В. — 178, 185, 187, 188
 Спенсер Г. — 32, 35, 68, 120, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 181, 188, 190, 191, 310, 313, 340, 342, 348, 485, 507—509, 511
 Тард Г. — 32, 34, 35, 37, 123, 128, 138, 154, 171, 184, 187, 267, 485, 519, 522, 525, 527, 533
 Тённис Ф. — 34, 35, 187, 200
 Томас В. — 184, 185, 201
 Тэн И. — 253, 254, 289, 529
 Уорд Л. Ф. — 33, 34, 35, 37, 508, 510, 511, 522, 523, 525, 527
 Фрейд З. — 181, 184, 483, 500
 Хальбвакс М. — 164, 167, 169, 185
 Шпенглер О. — 171, 187, 313, 428
 Шмоллер Г. — 303, 313, 328, 330, 333, 338, 359
 Штаммлер Р. — 33, 35, 188, 525
 Эллвуд Ч. — 185, 188
 Эспинас А. — 33, 34, 37, 185
 Юнг К.-Г. — 181, 184

* Указатель включает имена мыслителей и исследователей XIX и XX веков, работы которых имели концептуальное значение для эволюции взглядов П. А. Сорокина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**А. Ю. СОГОМОНОВ. СУДЬБЫ И ПРОРОЧЕСТВА
ПИТИРИМА СОРОКИНА 5**

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ 25

СОЦИОЛОГИЯ № 1 27

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛИ 32**

Социальное явление —

Классификация актов поведения 51

Преступление и подвиг 60

Наказание и награда 81

Влияние кар и наград на поведение человека 115

Социальная роль кар и наград 140

СТРУКТУРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ 156
(пер. С. А. Сидоренко)

Социология как наука 156

Родовая структура социокультурных явлений 190

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИОЛОГИЯ 221

БОЙНЯ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА 223
(пер. А. Ю. Согомонова)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА 245

Национальность, национальный вопрос
и социальное равенство 245

Проблема социального равенства и социализм 252

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ 266
(пер. А. Ю. Согомонова)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ 295

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ 297
(пер. А. Ю. Согомонова)

Социальное пространство, социальная дистанция,
социальная позиция 297

Социальная стратификация 302

Экономическая стратификация 307

Флуктуации высоты и профиля
экономической стратификации 315

Политическая стратификация 334

Профессиональная стратификация 353

Социальная мобильность, ее формы и флуктуации 373

Каналы вертикальной циркуляции 392

Механизмы социального тестирования,
отбора и распределения индивидов
внутри различных социальных страт 405

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА 425

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ 427
(пер. А. Ю. Согомонова)

Диагноз кризиса 427

Кризис изящных искусств 435

Кризис в системах истины:
наука, философия и религия 463

Кризис этики и права 488

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ 505

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРИНЦИП СЧАСТЬЯ 507

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ 513

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ 521

ПРОГРАММА ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ 531

ПРИМЕЧАНИЯ 536

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 540

Питирим Александрович Сорокин
ЧЕЛОВЕК. ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ОБЩЕСТВО

Зав. редакцией В. И. Кураев
Редактор И. И. Жиброва
Младший редактор В. В. Калина
Художественный редактор А. А. Гладышев
Технический редактор Т. А. Новикова

ИБ № 8990

Сдано в набор 21.01.91. Подписано в печать 23.08.91. Формат 60x90 1/16.
журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 34.
Тираж 60 000 экз. Заказ № 1539. Цена 8 р. 40 к.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография "Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Питирим Сорокин был сложным и в чем-то парадоксальным человеком... Он тонко чувствовал конфликты времени и дал им достойное выражение. Его влияние печатным словом и преподавательской деятельностью на социальную науку и далеко за ее пределами — громадно.

Т. Парсонс, Ф. Уайт,
Дж. Хоманс